

СТРАНЫ и НАРОДЫ ВОСТОКА

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

ВЫПУСК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 1955 г. в Географическом обществе Союза ССР начала работать Восточная комиссия.

В нашей стране все больше растет интерес к странам Востока, к их настоящему и богатому прошлому. В связи с этим возникла необходимость расширения научно-организационных форм работы по изучению Востока.

Создание Восточной комиссии является попыткой решить эту задачу путем объединения сил исследователей различных специальностей в рамках добровольного научного общества, которое имеет большие и славные традиции в изучении Востока.

Выпуская в свет первый сборник своих трудов, Восточная комиссия начинает публикацию материалов и исследований, посвященных странам и народам Востока. Основные положения многих статей сборника были доложены на заседаниях Восточной комиссии Географического общества Союза ССР.

Тематика сборника весьма разнообразна и отражает основные направления работы Комиссии. В сборнике помещены статьи по географии, этнографии, истории географических знаний и топонимике.

Авторы сборника не только работают в разных областях науки, но и принадлежат к различным научным поколениям. Среди них — люди с полувековым научным стажем и люди, только начинающие научную работу. Однако их всех объединяет не только интерес к Востоку, но и любовь к народам Востока, которые ныне переживают эпоху расцвета, освобождаясь от гнета колониализма.

*БЮРО ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР*

И. В. Сахаров

НОВОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИНДИИ

Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 7 октября 1957 г. и 10 января 1958 г.

1 ноября 1956 г. вступил в силу закон о новом административно-территориальном делении Республики Индии. Автор ставит своей целью вкратце осветить историю вопроса, дать некоторый справочный материал и по мере возможности показать ту большую роль, которую, несомненно, сыграет новое административное деление в различных сферах жизни Индии.

* * *

В каждой буржуазной стране административно-территориальное деление — один из важных рычагов, при помощи которых осуществляется в интересах правящих классов и господствующих наций политическое и экономическое управление определенными территориями.

Прогрессивное административно-территориальное деление может содействовать развитию стран и районов, подъему производительных сил. Напротив, устаревшее и реакционное деление может служить препятствием на пути прогресса. В любой стране административно-территориальное деление — своего рода зеркало, в котором в большей или меньшей степени отражаются особенности ее политического и экономического строя.

Практическая потребность в изменении внутреннего административно-территориального деления особенно чувствуется в переломные периоды истории различных стран. Не случайно важные административные реформы в России были проведены при Петре I, во Франции — в эпоху Французской буржуазной революции XVIII в. Наконец, победа социализма в России также привела к коренным политико- и административно-территориальным преобразованиям в нашей стране, связанным, в частности, с решением национального вопроса в духе ленинских принципов.

* * *

Не удивительно, что с необходимостью ломки административного деления столкнулась и Индия, до самого недавнего времени являвшаяся одним из наиболее ярких примеров вопиющего несоответствия административно-территориального деления объективным потребностям страны.

К моменту достижения независимости Индия в административно-политическом отношении делилась на Британскую Индию (в составе 11 крупных, так называемых «губернаторских» провинций и 6 малых;

«комиссарских»), где власть непосредственно принадлежала колониальной администрации, и Индию «туземную», где англичане использовали в качестве своей опоры многочисленных крупных и мелких феодальных властителей — князей, зависимых от британской короны в силу кабальных договоров и соглашений. К моменту раздела в стране насчитывалось 601 княжество¹. В целом на «туземную» Индию перед второй мировой войной приходилось 45% площади и 23% населения всей страны². Иными словами, в Индии не только не существовало единой административной системы, но на значительной части ее территории сознательно сохранялись средневековые формы правления.

Более того, административное устройство страны совершенно не соответствовало национальному составу населения. Индия — страна многонациональная. Ряд населяющих ее народов обладает древней самобытной культурой. Различные национальности и народности стоят на разных ступенях социального и культурного развития и принадлежат к разным расам. Число говорящих на главных языках³ в стране таково: на телугу говорит 33 млн. человек, на маратхи — 27 млн., на тамиль — 26,5 млн., бенгали — 25 млн., гуджарати — 16 млн., каннара — 14,5 млн., малаялам — 13,5 млн., ория — 13 млн., на ассамском — 5 млн., на кашмири — 5 млн. Около 150 млн. человек говорит на языках хиндустани, хинди, урду и пенджаби; наконец, около 15 млн. человек говорит на языках различных племен и народностей⁴. Административно-политические границы в Индии, во-первых, дробили территории, населенные одной и той же национальностью, во-вторых, сводили в пределах одной административной единицы представителей различных народов, говорящих на разных языках.

Следствием политики колонизаторов явились запутанность политико-административных границ, их несоответствие национально-языковым границам, экономическим потребностям страны и границам природных областей. Такое административно-политическое устройство создавалось с целью облегчить колониальное ограбление страны, вытравить у народов Индии сознание национального единства и общности интересов в борьбе против колонизаторов и феодалов, разъединить народы и ослабить национально-освободительное движение в стране.

Мощное национально-освободительное движение в 1947 г. принесло Индии независимость. Однако правящие круги Англии делали все возможное, чтобы сохранить зависимое положение нового государства. Достаточно вспомнить, что они, искусственно обостряя религиозную рознь и поддерживая сепаратистские тенденции Мусульманской лиги, добились раздела Индии на два доминиона, рассчитывая использовать антагонизм между ними для укрепления своего пошатнувшегося влияния в обеих странах.

Более того, «Закон о независимости Индии» предоставлял всем индийским княжествам право решать, входить ли им в состав любого из двух доминионов, или сохранить «независимость». В числе прочих это право

¹ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 327.

² «Census of India» (Delhi), 1943, vol. I, pt. I, p. 56—57.

³ Следует иметь в виду, что при переписи населения в Индии учитывается не национальность, а родной язык. В условиях Индии, где сильно развито двуязычие или даже знание нескольких языков, где в последние десятилетия большую роль играла активная пропаганда в пользу определенных языков по политическим и религиозным мотивам, где, наконец, принадлежность некоторых диалектов к какому-либо из главных языков бывает трудно установить, часто случается, что одни и те же лица в различных переписях называют в качестве родного разные языки.

⁴ «Languages 1951 census», pt. I («Census of India», Delhi, 1954, paper № 1). p. 6—8. — Данные округлены.

получили, например, и княжества Катхиавара, средний размер которых около 65 кв. км, а население 500 человек⁵. Над страной нависла угроза дальнейшего расчленения, и нужно согласиться с С. А. Микояном, что, получи все княжества независимость, в стране воцарился бы невероятный хаос и Индия как единое государство перестала бы существовать⁶.

Эта опасность была весьма реальна, так как многие князья стремились обеспечить себе максимальную автономию, а правители некоторых более крупных княжеств (например, низам Хайдарабада) сделали даже попытку отделиться от Индии.

Однако народное движение в самих княжествах (особенно вооруженная борьба крестьян Теленганы против помещиков и самодержавия низама) и за их пределами сорвало планы феодальных властителей и их заморских покровителей. При поддержке народа правительство Индии добилось значительных изменений статута княжеств, заключив соглашения с их правителями. Было создано специальное министерство по делам княжеств, во главе которого встал Виллабхай Патель — «индийский Бисмарк», как называли его в индийской буржуазной печати. Через несколько месяцев после получения страной независимости подавляющее большинство княжеств вступило в Индийский Союз. Это произошло на следующих условиях.

216 княжеств с населением более 19 млн. человек, в их числе 144 княжества Гуджарата (среди них несколько позднее других Барода), 39 княжеств Чхаттисгарха и Ориссы и т. д., или полностью слились с прежними дистриктами⁷, или образовали новые дистрикты в составе прежних провинций⁸. Управление в них полностью перешло к властям провинций и дистриктов.

61 княжество с населением 7 млн. человек отошло под непосредственное управление центрального правительства ввиду их важного стратегического положения или особой сложности управления. Это — 35 княжеств Бунделькханда и Багхелькханда, образовавшие объединенное княжество Виндхья-Прадеш, княжество Кач (на западной границе), Трипура и Манипур (на восточной границе) и др.

Третья группа — 275 княжеств с населением 34,5 млн. человек образовали пять союзов княжеств⁹ во главе с раджпрамуками, избиравшимися из среды князей и пользовавшимися правами губернаторов. Так, 222 княжества и владения на полуострове Катхиавар и Джунгад были объединены в союз Саураштра с общим населением около 3,5 млн. человек. В Центральной Индии был создан союз княжеств Мадхья-Бхарат с населением около 7 млн. человек (20 княжеств, в том числе Гвалиор, Индур, Мальва). В Северо-Западной Индии был образован союз Патнала и княжеств Восточного Пенджаба — всего восемь княжеств с

⁵ А княжество Вьянонесс имело площадь 0,75 кв. км и 206 человек населения! (см.: G. Chand, *Indian states and India's economic development*, Bombay — Calcutta — Madras — London, 1945, p. 13).

⁶ С. А. Микоян, *Индийские княжества в период кризиса британского господства в Индии* («Советское востоковедение», 1956, № 5), стр. 98.

⁷ Основная административная единица в Индии — дистрикт (district), по-хинди — «зила» (ज़िला). В большинстве штатов дистрикты сгруппированы в области (division) по четыре-восемь дистриктов в каждой. В свою очередь крупные дистрикты делятся на подобласти (subdivision). Подобласти и дистрикты состоят из нескольких административных единиц, почти везде называемых талуками (taluk, taluka) или тахсилами (tahsil), включающими 70—100 деревень.

⁸ Все цифровые данные по княжествам, кроме особо оговоренных, даны по официальному изданию Министерства по делам княжеств «White paper on Indian states», New Delhi, 1950.

⁹ Первоначально союзов княжеств было шесть, но позже один из них (Матсья) слился с Раджастханом.

населением 3,4 млн. человек. Были объединены в союз и 19 княжеств Раджастан с 13 млн. населения. Наконец, на юге страны был создан союз княжеств Траванкур — Кочин с населением 7,5 млн. человек.

Особую группу княжеств составили Хайдарабад, Майсур и Кашмир с общим населением более 28 млн. человек. Эти княжества сохранились как самостоятельные административные единицы во главе с прежними правителями, а к 1950 г. они перешли на положение провинций.

Реформа княжеств имела огромное значение для Индии. Было положено начало политике уничтожения княжеств и ликвидации разницы между «британской» и «туземной» Индией. Однако князья, не говоря уже о сохранении значительных привилегий и получении больших пенсий, в ряде районов Индии по-прежнему пользовались немалым политическим влиянием.

Достаточно было взглянуть на карту колониальной Индии, чтобы увидеть сложную «чересполосицу» в географическом размещении индийских княжеств, расчленивших территорию страны. Новая реформа явилась первым шагом на пути уничтожения такой раздробленности, поскольку территориально вновь образованные единицы отличались большей географической целостностью. Исключением был союз Патиала и княжеств Восточного Пенджаба, состоявший из пяти обособленных районов.

Реформа княжеств явилась началом обширных административно-территориальных изменений в Индии.

* * *

26 января 1950 г. вошла в действие новая конституция Индии. Страна была провозглашена независимой республикой, остающейся, однако, членом Британского содружества наций.

Конституцией устанавливалось федеративное государственное устройство — Индия превращалась в союз штатов. На базе прежних британских провинций было создано девять штатов так называемой группы «А»: Ассам, Бихар, Бомбей, Западная Бенгалия, Мадрас, Мадхья-Прадеш, Орисса, Пенджаб, Уттар-Прадеш. Крупные княжества и союзы княжеств были преобразованы в восемь штатов группы «В»: Джамму и Кашмир, Мадхья-Бхарат, Майсур, Раджастан, союз штатов Патиала и Восточный Пенджаб, Саураштра, Траванкур-Кочин, Хайдарабад¹⁰. Наконец, группу «С» по новой конституции составили десять штатов, образованных на базе наиболее отсталых княжеств и комиссарских провинций Британской Индии: Аджмир, Бхопал, Виндхья-Прадеш, Дели, Кач, Кург, Манипур, Трипура, Химачал-Прадеш и Биласпур (позже вошедший в состав Химачал-Прадеша). Кроме того, незначительная часть территории страны (Андаманские и Никобарские острова) образовала группу «D», не получившую статуса штатов.

Права штатов, отнесенных к разным группам, были неодинаковы. Например, в штатах группы «А» во главе исполнительной власти стоял назначенный президентом губернатор, обладавший весьма широкими полномочиями. Права раджапрамукхов, возглавлявших штаты группы «В», приблизительно соответствовали правам губернаторов, но они избирались из среды князей или были наследственными конституционными монархами и утверждались президентом. За центральным правительством было сохранено право надзора, и рекомендации правительственных со-

---

¹⁰ Штат Кашмир находился на особом положении (см. ниже).

ветников были обязательными для раджпрамуков. В штатах обеих этих групп законодательная власть осуществлялась легислатурами, причем семь штатов (например, Западная Бенгалия, Майсур, Бомбей) имели двухпалатную легислатуру, остальные — однопалатную. Что касается штатов группы «С» и территорий группы «D», то самостоятельных органов власти в них вовсе не было установлено и вся власть в той или иной форме осуществлялась представителями центрального правительства. Впрочем, решающие позиции в законодательстве и управлении были сохранены за центром во всех штатах.

Новое административно-политическое устройство Индии, установленное конституцией 1950 г., явилось шагом вперед по сравнению с предшествующим. Достаточно сказать, что еще более были урезаны права князей и положено начало федерации штатов, отброшен самый термин «княжество».

Однако, несколько упростив и модернизировав административно-территориальную схему, доставшуюся в наследство от британских правителей, эти реформы не устранили ее коренных пороков: штаты обладали неравными правами, в ряде случаев территория одного штата оказывалась вкрапленной в территорию другого и, главное, нисколько не продвинулось решение национального вопроса. Идея коренной ломки прежних границ с целью консолидации каждого народа в пределах определенных административных единиц находила все большее число сторонников.

В результате широкого народного движения, активную роль в котором сыграла Коммунистическая партия Индии, правительство было вынуждено пойти навстречу требованиям народа телугу о выделении из Мадраса нового штата Андхра. Этот штат, объединивший значительную часть территории, населенной телугу, был создан 1 октября 1953 г. Штат Андхра получил статус группы «А», временной его столицей стал Карнул. Это событие явилось первым шагом в осуществлении нового подхода к решению административных проблем: штат был создан на основе языкового принципа.

В Индии развернулось широкое демократическое движение за осуществление административно-территориального устройства страны по языковому принципу.

Основной лозунг сторонников языкового принципа — «каждому языку — свой штат». Следует сразу оговориться, что речь идет о 14 главных языках, упомянутых в конституции¹¹. Однако в их числе — санскрит, фактически не являющийся разговорным языком¹², и урду, говорящие на котором рассеяны мелкими вкраплениями по всей Индии и не имеют компактного большинства ни на одной значительной территории. Естественно, о штате, главным языком в котором был бы санскрит или урду, не могло быть и речи. Подавляющая часть населения Индии выступала за признание официальными в соответствующих штатах следующих языков: ассамского, бенгали, гуджарати, хинди, каннара, кашмири, малаялам, маратхи, ория, пенджаби, тамиль, телугу (андхра). Требование большинства народа сводилось к тому, чтобы при установлении точных границ новых штатов язык, на котором говорит население, был главным, решающим фактором и чтобы при размежевании территорий за основу принималась самая малая административная единица — деревня.

¹¹ См.: «Конституция Индии», М., 1956, стр. 323.

¹² По данным переписи 1951 г., санскрит был родным языком 555 человек, подавляющее большинство которых проживало в дистрикте Бхагалпур штата Бихар (см.: «Languages 1951 census», pt. I, p. 7).

Борьба за претворение в жизнь национально-языкового принципа в административном устройстве страны имеет длительную историю. Началом ей было положено движением бенгальцев за отмену пресловутого закона Керзона, по которому территория, населенная бенгальской нацией, в 1905 г. была расчленена на две провинции. Народное возмущение этим разделом приняло столь широкий размах, что в 1911 г. закон Керзона был отменен. В те годы за перестройку административного деления на лингвистической основе выступила и крупнейшая партия индийской буржуазии — Национальный конгресс. Позже, в 1920 г., на Нагпурской сессии Конгресс официально заявил о своей позиции по этому вопросу¹³. Последовательным борцом за осуществление языкового принципа является Коммунистическая партия Индии. Большинство других партий также выступало и выступает за эти реформы.

Однако после провозглашения независимости Индии в Национальном конгрессе, который стал правящей партией, большое влияние приобрели элементы, проводившие политику отказа от языкового принципа. Некоторые государственные и партийные деятели фактически тормозили решение назревших административных проблем. Так, комиссия Дара, созданная специально для обсуждения этого вопроса, в 1948 г. высказалась против языкового принципа как основного при проведении административных реформ.

Аргументы противников языкового принципа сводились к следующему: проведенные на его основе преобразования больше проблем создадут, чем решат. В индийской печати заговорили о необходимости подчинить интересы штатов интересам страны в целом, пророчили развитие национализма и сепаратистских тенденций в штатах. Некоторые авторы предсказывали, что «яд лингвизма» создаст угрозу политическому спокойствию в стране, что произойдет «балканизация» Индии и она перестанет существовать как независимое и единое государство. В ход были пущены также «финансовые соображения», «удобство управления», «трудности экономического планирования» в новых административных единицах¹⁴.

Однако противники реорганизации штатов по языковому принципу явно сгустили краски. Большинство их доводов при внимательном и объективном изучении оказывается несостоятельным. Сторонники языкового принципа ни в коей мере не покушались на целостность государства, ибо укрепление тех достижений, которых добилась страна в последние годы, возможно лишь в Индии единой.

Но говоря о единстве Индии, нельзя не признавать тот факт, что она — многоязычная, многонациональная страна. Борьба народов Индии за национальное самоопределение не ставила целью нарушить единство страны. Напротив, ликвидация мелких административных единиц и сложного взаимопереплетения административных границ, установленных без учета национального состава населения, могла лишь упростить и облегчить управление, избавить страну от возможных внутренних конфликтов и трений, дать большие возможности для экономического и политического прогресса и тем самым содействовать укреплению единства Индии.

Под давлением общественного мнения правительство Индии в декаб-

¹³ См.: «Resolutions on states reorganisation 1920—56», New Delhi, 1956.

¹⁴ См., напр.: K. Mukerji and S. Ramaswami, *Reorganisation of Indian states*, Bombay, 1955.

ре 1953 г. назначило Комиссию по реорганизации штатов¹⁵. Ей было поручено выработать рекомендации, с тем чтобы административную перестройку в стране можно было осуществить до парламентских выборов 1957 г. Комиссия проделала очень большую работу по изучению и сопоставлению различных мнений и подготовила объемистый доклад, где всесторонне рассмотрела проблему административно-территориальной реорганизации. В своих рекомендациях комиссия пошла по пути создания языковых штатов¹⁶. Однако дальнейший ход событий внес значительные коррективы не только в предложения Комиссии, но и в план, составленный на основе ее доклада Рабочим комитетом Национального конгресса. Чтобы полнее охарактеризовать содержание и значение «Закона о реорганизации штатов», принятого индийским парламентом, а также для удобства изложения, мы переходим к краткому обзору административных преобразований по каждому штату в отдельности.

Короткую, но довольно бурную историю имеет создание штата Бомбей. В этой истории город Бомбей сыграл роль «яблока раздора».

Маратхи и гуджаратцы, крупнейшие по численности народы Западной Индии, занимают довольно компактную территорию, и линия размежевания между ними достаточно четка. В ходе общеиндийской борьбы за организацию штатов по языковому принципу каждый из этих народов выступил за создание своего штата.

Маратхи требовали создания штата Самьюкта-Махараштра, в котором были бы объединены маратхи не только прежнего штата Бомбей, но и штата Мадхья-Прадеш (область Видарбха, где проживает около 7 млн. маратхов) и Хайдарабада (область Маратхвада — 4 млн. маратхов). При этом город Бомбей, находящийся на территории Махараштры и население которого почти наполовину состоит из маратхов¹⁷, должен был стать столицей нового штата. В борьбе за штат Самьюкта-Махараштра было достигнуто единство почти всех классов.

Среди гуджаратцев единства не было: в то время как широкие слои народа настаивали на образовании штата Маха-Гуджарат, объединяющего все территории, населенные гуджаратцами (в том числе штаты Саураштра и Кач), значительная часть гуджаратской буржуазии¹⁸, играющей важную роль в экономической жизни Бомбея и всей Индии, не желала, чтобы Бомбей оказался за пределами штата. Опираясь на гуджаратцев — жителей города Бомбей, эти круги поддерживали требование создания двуязычного штата, объединяющего на своей территории и гуджаратцев и маратхов (но без Видарбхи, которая должна была быть выделена в отдельный штат)¹⁹. Однако маратхи решительно воспротивились расчленению своего народа между двумя штатами.

В поисках компромисса правительство решило создать на территории, населенной этими двумя народами, три административные единицы: Маха-Гуджарат, Махараштру и отдельно город Бомбей, который на несколько лет, впредь до особого решения, должен быть поставлен под контроль правительства Индии. Это шло вразрез с требованиями маратхов города. В Бомбее произошли крупные волнения, и правительство должно

---

¹⁵ В дальнейшем — Комиссия.

¹⁶ Точка зрения Комиссии приведена в разделах, посвященных штатам.

¹⁷ 43,6% жителей Бомбея говорит на маратхи, около 5% — на конкани — диалекте маратхи [см.: «Languages 1951 census», pt. III («Census of India», 1954, paper № 1)]. Ниже все данные о населении штатов и дистриктов, кроме специально оговоренных, даны по этому источнику.

¹⁸ Вместе с почти ассимилировавшимися с нею парсами.

¹⁹ См.: «Report of the states reorganisation commission», Delhi, 1955, p. 112—125 (далее — RSRC).

было пересмотреть свое решение. Но, уступая нажиму крупной гуджаратско-парсийской буржуазии, оно пошло на создание двуязычного штата, включающего все населенные обоими народами территории, а именно: Махараштра — т. е. южная часть прежнего штата Бомбей, населенная маратхами²⁰; Маратхвада — населенные маратхами дистрикты Хайдарабада (Аурангабад, Парбхани, Бир, Османабад и части Нандера, Бидара и Адилабада); Видарбха — дистрикты Булдана, Амраоти, Акола, Нагпур, Вардха, Йотмаль, Бхандара и Чанда, населенные маратхами; Гуджарат — северная часть прежнего штата Бомбей, населенная гуджаратцами; Саураштра и Кач — территория бывших штатов группы «С», населенная гуджаратцами.

Являясь наиболее последовательным сторонником языкового принципа и выражая волю большинства маратхов и гуджаратцев, Коммунистическая партия Индии выступила против правительственного решения о создании двуязычного Бомбея²¹.

В новых границах штат Бомбей имеет площадь более 490 тыс. кв. км, являясь самым крупным штатом Индии по территории. Центр штата — город Бомбей, насчитывающий более двух миллионов жителей. По населению новый штат уступает только Уттар-Прадешу. Из 48,25 млн. человек населения штата (что составляет свыше 13% населения Индии) около половины (почти 23 млн.) приходится на маратхов, примерно треть (более 16 млн.) на гуджаратцев. Кроме того, на территории штата проживает более 9 млн. человек других народностей, среди которых — многочисленные представители ряда отсталых племен (например, бхилы, составляющие более четверти населения дистрикта Восточный Кхандеш, гонды и др.).

Более двух третей населения штата занято в сельском хозяйстве, основу которого составляет земледелие. Сорго, просо, рис, пшеница — главные продовольственные культуры. Из технических культур основные — хлопчатник (в штате сосредоточено более трети всех посевов хлопчатника в Индии), масличные (пятая часть общеиндийских посевов), сахарный тростник, джовар. Важное значение для земледелия, особенно в Гуджарате, имеет искусственное орошение. Большие успехи достигнуты в животноводстве. По промышленному развитию Бомбей, наряду с Западной Бенгалией и Бихаром, занимает ведущее место в Индии, издавна являясь главной опорной базой индийского национального капитала. Штат Бомбей и раньше был главным районом индийской хлопчатобумажной промышленности. После передачи Видарбхи значение этой отрасли в Бомбее возросло еще более. В штате сконцентрировано более двух третей общего числа веретен и свыше трех четвертей всех станков Индии (главные центры — Ахмадабад и Бомбей). Из других отраслей промышленности следует упомянуть пищевую, резиновую, кожевенно-обувную, бумажную, стекольную, полиграфическую, кинопромышленность. Развиты также горнодобывающая промышленность (марганец и др.), некоторые отрасли машиностроения (производство текстильного оборудования, металлообрабатывающих станков, сборка автомашин), цементная, химическая и нефтеперерабатывающая промышленность. Важнейшим

---

²⁰ Четыре южных дистрикта бывшего штата Бомбей были переданы штату Майсур (см. ниже). Кроме того, небольшая территория в северной части штата отошла к Раджастану (см. ниже).

²¹ «New age», 1956, 12 August (см. также другие номера «New age» за август — ноябрь 1956 г.). — Позиция Коммунистической партии Индии по вопросу о лингвистическом принципе вообще и о его претворении в жизнь в каждом из штатов нашла свое отражение в ряде трудов индийских коммунистов (напр.: Е. М. S. Nambudiripad, *Communist party and states reorganisation*, Delhi, 1955).

промышленным торговым и транспортным центром штата является Бомбей — один из крупнейших городов Индии, морской порт мирового значения.

Особую проблему для штата Бомбей, как и для Индии в целом, составляют португальские владения — последние колонии на индийской земле. Их общая площадь почти 4 тыс. кв. км, население около 640 тыс. человек. Это — Гоа, на побережье, в 400 км от Бомбея; Даман, состоящий из трех небольших разобщенных районов к северу от Бомбея (город Даман на побережье и владения Дадра и Нагар-Авели, включенные в территорию дистрикта Тхана и не имеющие выхода к морю), и город Диу на островке у берегов Катхиавара с несколькими карликовыми владениями поблизости. 99% жителей Португальской Индии — индийцы, принадлежащие к народностям, населяющим Бомбей (большинство говорит на диалектах маратхи), и требующие воссоединения с Индией. Тем не менее португальские власти утверждают, что это население составляет «часть португальской нации», и отказываются от переговоров с индийским правительством по вопросу о будущем колоний. Колонизаторы встречают полную поддержку со стороны правящих кругов США. В 1956 г. восставшее население освободило несколько десятков деревень в Нагар-Авели и Дадра и изгнало представителей португальских властей²². Борьба народа колоний за воссоединение с Индией пользуется сочувствием миролюбивых сил всего мира.

Своеобразна история создания штатов на территории, населенной хиндиязычными народами²³. Говорящие на хинди занимают, по данным переписи 1951 г., чрезвычайно обширную территорию в Северной и Центральной Индии. Однако если в Уттар-Прадеше, Мадхья-Прадеше и отчасти в Пенджабе действительно господствует язык хинди как таковой, то большинство населения Раджастанхана, Бихара и Пенджаба, отнесенное по последней переписи к говорящим на хинди, фактически использует в качестве разговорного языка различные родственные хинди языки и диалекты, объединение которых с хинди большинством лингвистов оспаривается. Впрочем, литературным языком в этих районах является хинди.

Что касается национального состава населения, то хиндустанцев, бирарцев, раджастанцев и пенджабцев трудно назвать сложившимися нациями; А. М. Дьяков относит эти народы к категории формирующихся национальностей²⁴. Ныне трудно предсказать, сложится ли из этих народов единая нация хиндустан (или хинди) или же они разовьются в несколько самостоятельных наций и в какой мере будет содействовать или препятствовать тому или другому новое административно-территориальное деление.

По закону о реорганизации штатов созданы следующие штаты, где официальным языком признан хинди: Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Раджастанхана, Бихар и Пенджаб²⁵.

Штат Уттар-Прадеш по рекомендации Комиссии следовало сохранить в прежних границах, однако мнения ее членов не были едины. Один из них выступил за раздел территории штата на собственно Уттар-

---

²² Л. Александрова, *Последние колонии в Индии* («Международная жизнь», 1956, № 7), стр. 108—112.

²³ Термин «хинди» в настоящей статье применяется как для обозначения собственно хинди, т. е. литературной формы хиндустан, так и для обозначения хиндустан (см.: Г. А. Зограф, *Хинди, урду и хиндустан* («Краткие сообщения Института востоковедения», т. XVIII, М., 1956), стр. 49—55).

²⁴ А. М. Дьяков, *Национальный вопрос и английский империализм в Индии*, М., 1948, стр. 113—131.

²⁵ В Пенджабе вторым официальным языком признан пенджаби (см. ниже).

Прадеш (в восточной части) и штат Агра (в западной с примыкающими территориями соседних штатов)²⁶; он обосновывал это тем, что Уттар-Прадеш слишком велик по населению и, следовательно, будет преобладать в решении многих общегосударственных вопросов, что может вызвать недовольство и угрозу единству Индии; что социальные и хозяйственные проблемы совершенно различны для его равнинных и нагорных частей и т. д. Большинство, однако, утверждало, что, наоборот, наличие мощного штата в сердце Индии — в долине Ганга — залог целостности страны, и исходя из экономических соображений делить территорию штата также нерационально²⁷.

Закон сохранил Уттар-Прадеш в прежних границах. Его территория занимает более 290 тыс. кв. км. Население штата составляет более 63 млн. человек (первое место в Индии). Центр — город Лакхнау. В подавляющем большинстве дистриктов более трех четвертей населения составляют говорящие на хинди. Лишь в трех дистриктах из 51 число говорящих на хинди не превышает половины жителей. Это Найни-Тал, где распространены кумауни, урду и другие языки, Алмора — около двух третей населения говорит на кумауни и Техри-Гархвал — 99% населения говорит на гархвали.

Уттар-Прадеш — один из главных земледельческих районов страны. В сельском хозяйстве здесь занято более 75% населения штата. Основные продовольственные культуры — рис (около трети всей посевной площади штата), пшеница (тоже около трети всех посевов), ячмень, грэм, кукуруза, просо. Из технических культур большое значение имеет сахарный тростник (особенно в восточных дистриктах), масличные, хлопчатник. Более четверти посевной площади Уттар-Прадеша орошается при помощи крупнейшей в Индии системы каналов. Животноводство играет подчиненную роль.

Гималайские леса — важный поставщик деловой древесины. Минеральные ресурсы штата невелики. Промышленность базируется главным образом на переработке сельскохозяйственного сырья. Ее основные отрасли: хлопчатобумажная, пищевая (Уттар-Прадеш дает, например, более половины фабричного производства сахара в стране), кожевенно-обувная, стекольная. Тяжелая промышленность развита слабо. Имеется инструментальный завод. Большое место в экономике Уттар-Прадеша занимают разнообразные кустарные промыслы.

Чрезвычайно сложным оказался вопрос о создании штата Пенджаб, так как к проблеме языков здесь добавились религиозные трения. Пенджаб — двуязычный штат. Большинство индусов Пенджаба говорит на хинди, а несколько миллионов сикхов и некоторая часть индусов — на пенджаби. Выделение штата, в котором большинство населения говорило бы на пенджаби, механически привело бы к численному преобладанию в нем сикхов. Индусы выступили против этого. Дело дошло до того, что многие индусы, говорящие на пенджаби, стали отказываться от своего родного языка и даже от шрифта гурмукхи, называя своим языком хинди. Возникла необычная ситуация: требование о выделении штата Пенджаб по языковому принципу встретило оппозицию людей, живущих в Пенджабе и говорящих на пенджаби²⁸.

Значительная часть индусов выступала за создание штата Маха-Пенджаб, который включал бы территорию прежнего Пенджаба, союза штатов Патиала и Восточный Пенджаб, Дели и западной части Уттар-Пра-

²⁶ RSRC, p. 244—252.

²⁷ Ibid., p. 162—167.

²⁸ Эта часть населения выступала и против выделения из состава Пенджаба штата, где официальным языком был бы хинди.

деша и где преобладали бы индусы. Этому воспротивилась Акали — главная общинно-религиозная организация сикхов.

Тогда появился на свет новый план — так называемая «региональная формула», поддержанный значительной частью населения Пенджаба. Согласно этому плану будущий штат должен был иметь единую легислатуру, правительство и губернатора. Однако в нем предполагалось выделить по языковому принципу два района с автономными органами власти, в чью компетенцию входили бы экономическое планирование в рамках общего плана, местное самоуправление, образование, кооперация и т. д. Каждый дистрикт избирал один из двух языков в качестве официального, а официальными языками всего штата следовало признать оба языка (и соответственно оба шрифта — гурмукхи и деванагари). Несмотря на оппозицию со стороны части индусов, новый штат Пенджаб был создан на двуязычной основе. Коммунистическая партия Индии выступала за создание одноязычного штата, в котором официальным языком был бы пенджаби. Новый штат включает территорию прежнего Пенджаба и союза штатов Патиала и Восточный Пенджаб, но, вопреки рекомендациям Комиссии, не включает Химачал-Прадеш. Площадь штата в новых границах более 120 тыс. кв. км, население свыше 16 млн. человек, в том числе более 5 млн. сикхов. Центр штата — новый город Чандigarh.

Пенджаб — аграрный штат. Сельское хозяйство основано на поливном земледелии. Главная продовольственная культура, вывозимая в значительном количестве в другие штаты, — пшеница (около пятой части всей посевной площади штата). Кроме того, выращивается просо, грэм, рис и т. д. Из технических культур выделяются хлопчатник (по сбору длинноволокнистого хлопчатника Пенджаб на первом месте в Индии), сахарный тростник, масличные. Видное место занимает скотоводство, а также лесное хозяйство. Огромную роль для сельского хозяйства Пенджаба сыграет комплекс гидротехнических сооружений Бхакра-Нангал на реке Сатледж, строительство которого позволит оросить дополнительно более 1,5 млн. гектаров плодородных земель. Со строительством в Бхакра-Нангале связаны также планы промышленного развития штата (в частности, планы создания ряда энергоемких производств). В настоящее же время промышленность в Пенджабе развита слабо. Имеются маслодельные, сахарные, хлопкоочистительные, хлопчатобумажные, кожевенные предприятия, а также цементные заводы. В крупных городах — железнодорожные мастерские. Большую роль играет кустарное производство. Расчленение в 1947 г. Пенджаба между Индией и Пакистаном нанесло большой ущерб экономике штата.

В новый штат Мадхья-Прадеш включены территории прежнего штата Мадхья-Прадеш (без дистриктов Видарбхи, отошедших к Бомбею), прежнего штата Мадхья-Бхарат (без небольшой части территории, отошедшей к Раджастану), Бхопала и Виндхья-Прадеша. Кроме того, в состав дистрикта Бхилса вошла подобласть Сирондж, представлявшая включение территории Раджастанана в территорию Мадхья-Бхарата. Простираясь от Джамны до Годавари, новый штат имеет площадь более 440 тыс. кв. км, население свыше 26 млн. человек, в подавляющем большинстве хиндустанцы. Значительную долю (более 4 млн. человек) составляют также различные племена (например, более двух третей жителей дистрикта Джхабуа — бхилы). Более половины населения говорит на хинди (кроме дистриктов Джхабуа, Нимар и Дхар, имеющих пестрый языковый состав). Центр штата — город Бхопал.

Мадхья-Прадеш — важный земледельческий район страны. Выращиваются просо, пшеница, рис, масличные, хлопчатник, сахарный тростник.

Большую роль в земледелии играет орошение при помощи водоемов. Ценную продукцию (в том числе натуральный лак) дает лесное хозяйство. Недра штата, особенно в восточной его части, богаты различными полезными ископаемыми. Несмотря на передачу Видарбхи с ее крупными марганцевыми рудниками Бомбею, Мадхья-Прадеш по добыче марганцевой руды сохранил ведущее место в Индии. Имеются месторождения бокситов, медной руды. До самого недавнего времени оставались практически нетронутыми расположенные поблизости друг от друга крупные месторождения железной руды и каменного угля. В Бхилаи на базе этих месторождений строится с помощью СССР металлургический комбинат — один из крупнейших в Индии. Этот комбинат заложит основу индустриализации штата. В штате существуют пищевая промышленность, хлопчатобумажная (однако главный центр хлопчатобумажной промышленности прежнего Мадхья-Прадеша, город Нагпур, передан Бомбею), цементная и различные отрасли кустарного производства.

Новый штат Раджастан составлен из территорий прежнего штата Раджастан (без небольшой территории, отошедшей к штату Мадхья-Прадеш) и бывшего княжества Аджмир, находившегося в самом центре штата и долгие годы служившего важным опорным пунктом британской власти в Раджпутском королевстве. Кроме того, к Раджастану присоединена часть дистрикта Мандсаур (штат Мадхья-Бхарат) и один талук дистрикта Банаскантиа (штат Бомбей).

Площадь Раджастана в современных границах более 340 тыс. кв. км, население около 16 млн. человек, большинство которых говорит на различных диалектах раджастанхи (марвари, мевари и др.), родственного хинди. Официальный язык штата — хинди. Центр — город Удайпур.

Раджастан — один из наиболее отсталых аграрных районов Индии. В юго-восточной части штата большое значение имеет земледелие: выращивание проса, пшеницы, ячменя, сахарного тростника, масличных, хлопчатника. В северо-западной части — пустыне Тар — изредка встречаются земледельческие оазисы, главное же занятие населения — скотоводство (разведение верблюдов, овец, крупного рогатого скота). Промышленность незначительна: имеются хлопкоочистительные, текстильные, пищевые предприятия; развиты кустарные промыслы. В последние годы все большее развитие получает горнодобывающая промышленность (цветные металлы, бурый уголь, гипс, поваренная соль и др.), имеющая большое будущее.

В Восточной Индии большой трудностью явилось изменение границ по языковому принципу между Бихаром и Западной Бенгалией.

Когда в 1911 г. Бенгальское президентство было разделено на две провинции — Бенгалию и Бихар и Ориссу²⁹, подавляющая часть бенгальцев оказалась в пределах Бенгалии. Однако значительное их число (в основном индусы по религии) оказалось в Бихаре, так как, верные принципу «разделяй и властвуй», англичане стремились к тому, чтобы Бенгалия имела мусульманское большинство. По переписи 1951 г., в Бихаре насчитывалось около 1,8 млн. человек, которые указали бенгали в качестве родного языка³⁰. На самом деле бенгальцев там намного больше (см. ниже). Так или иначе правительство Западной Бенгалии заявило о своих притязаниях на ряд территорий некоторых восточных дистриктов Бихара, где значительная часть населения — бенгальцы (общая площадь этих районов более 25 тыс. кв. км, население превышает 5 млн.

²⁹ Позже Бихар и Орисса были превращены в самостоятельные провинции.

³⁰ «Languages 1951 census», pt. II, p. 38.

человек). Доводами, подкрепляющими это требование, были: необходимость разместить несколько миллионов беженцев из Восточного Пакистана, необходимость создания территориального «коридора» между Северной и Южной Бенгалией и др.

Однако этому решительно воспротивились правящие круги Бихара, которые в свою очередь предъявили встречные требования на некоторые бенгальские территории.

В поисках выхода главные министры обоих штатов в январе 1956 г. предложили слить Бихар и Западную Бенгалию в один двуязычный штат. Правительство Индии поддержало это предложение. Однако в Бенгалии началось мощное движение протеста, во главе которого встал комитет, созданный коммунистической и другими левыми партиями. По штату прокатилась волна массовых забастовок с участием сотен тысяч людей³¹.

Правительство было вынуждено пересмотреть свою позицию. Был создан специальный парламентский комитет, который после внимательного изучения спорных вопросов подготовил доклад парламенту. В докладе нашли отражение особые, часто противоположные мнения ряда его членов³².

Некоторые члены комитета ставили под сомнение данные переписи 1951 г. и считали, что Западной Бенгалии должен быть передан еще ряд территорий Бихара.

Другие, наоборот, протестовали против передачи бихарских территорий Западной Бенгалии, ссылаясь на то, что данные о соотношении языков, использованные Комиссией по реорганизации штатов, тоже не соответствуют истине. Заслуживает внимания довод о том, что передача Пурулии (см. ниже), по территории которой проходят участки шоссе Дханбад — Дхамшедпур и Мури — Ранчи, нарушит важные для Бихара связи между некоторыми его экономическими районами.

Некоторые члены комитета считали, что вся Северная Бенгалия, несмотря на бенгальское большинство ее населения, должна быть передана Бихару.

Были высказаны также предложения о необходимости выделения из состава Бихара и некоторых соседних штатов нового штата Джхаркханд, большинство населения в котором составляли бы санталы, ораоны и некоторые другие племена; о проведении тройного обмена территориями между штатами Западная Бенгалия, Бихар и Мадхья-Прадеш.

В конечном счете комитет высказался за принятие с некоторыми изменениями рекомендаций Комиссии. Одновременно с законом о новом административно-территориальном делении Индии индийский парламент специальным законом постановил передать Западной Бенгалии часть территории Бихара³³, а именно: подобласть Пурулия бывшего дистрикта Манбхум (за исключением небольших окраинных районов), где по крайней мере половина населения — бенгальцы (эта территория образовала новый дистрикт Пурулия в составе области Бурдван); часть дистрикта Пурнеа к востоку от реки Махананда.

Такое решение обеспечило не только воссоединение части населенных бенгальцами районов, прежде находившихся в Бихаре, с Бенгалией, но и территориальную целостность Западной Бенгалии благодаря передаче

³¹ История этой борьбы подробно освещена на страницах «New age» и других индийских периодических изданий за первую половину 1956 г.

³² Текст доклада комитета и мнения его членов опубликованы в газ.: «The gazette of India» (Delhi), extraordinary, pt. II, sect. 2, 1956, 11 August, p. 671—727.

³³ См.: «The Bihar and West Bengal (transfer of territories) act, 1956» («The gazette of India», extraordinary, pt. II, sect. 1, 1956, 1 September), p. 815—832.

восточной части Пурнеа, по которой проходит важная шоссейная магистраль. Передача Пурули, кроме того, облегчает использование для орошения вод р. Касаи.

В новых границах Западная Бенгалия имеет площадь более 87 тыс. кв. км и население свыше 26 млн. человек. Центр — Калькутта. Во всех дистриктах абсолютное большинство населения говорит на языке бенгали. Исключение составляет Дарджилинг, где около половины жителей говорит на языках непали, рай и таманг, а бенгальцы составляют лишь около седьмой части населения. Много небенгальцев живет также в Калькутте, Джалпайгури и Западном Динаджпуре.

Западная Бенгалия — важный сельскохозяйственный и промышленный район Индии. В сельском хозяйстве доминирует возделывание риса, джута (штат производит около половины джута-сырца Индии), масличных. Развито садоводство. Северная Бенгалия — один из главных районов по выращиванию чая. Из отраслей промышленности прежде всего следует упомянуть джутовую, дающую более половины мирового производства джутовых изделий и концентрирующуюся в основном близ Калькутты. Развита угольная промышленность (более четвертой части всего угля, добываемого в стране), металлургия, машиностроение (в частности, паровозостроение). Имеются химические, бумажные, рисоочистительные, чайные, лесопильные, кожевенные, резиновые, хлопчатобумажные предприятия, железнодорожные мастерские и т. д. Многие отрасли хозяйства испытывают серьезные трудности, вызванные расчленением Бенгалии в 1947 г. До сих пор в экономике Западной Бенгалии наблюдается засилье иностранного (главным образом английского) капитала. Главный экономический центр штата — Калькутта, самый большой город Индии, один из крупнейших портов мира.

Площадь Бихара в новых границах составляет около 174 тыс. кв. км, население около 39 млн. человек. По данным переписи 1951 г., почти во всех дистриктах Бихара абсолютное большинство населения говорит на хинди (в некоторых дистриктах — 100%). Исключением являются парганы³⁴ Санталов, где более половины населения санталы и бенгальцы, Сингхбхум и Ранчи, где около 50% жителей ораоны, хо, санталы, мунда и представители других племен. В целом различные племена Бихара насчитывают по крайней мере 2,7 млн. человек, из которых более половины — санталы. Следует подчеркнуть, что фактически разговорным языком подавляющей части населения является не хинди, а бихари. Под этим названием объединяется ряд родственных языков или диалектов (главные из них бходжпури, магадхи и майтхили), которые более близки к бенгали, нежели к хинди³⁵. Однако при проведении переписи 1951 г. большинство говорящих на бихари отнесло себя к говорящим на хинди, и с ноября 1952 г. официальным языком Бихара объявлен хинди³⁶. Центр штата — город Патна.

Подавляющее большинство населения штата занято в сельском хозяйстве. Основная культура — рис (более 50% всей посевной площади Бихара). Кроме того, выращивается пшеница, ячмень, кукуруза, а из технических культур — сахарный тростник, масличные, табак, джут. Развито горнодобывающая промышленность. Бихар дает более половины общендийской добычи каменного угля, железной руды, слюды, хромитов, меди, бокситов. На базе использования угля и местных гидроресурсов создан комплекс электростанций. На реке Дамодар идет крупное гидротех-

³⁴ Паргана *परगना* (хинди) — подразделение дистрикта, включающее группу деревень.

³⁵ «Languages 1951 census», pt. II, p. 37.

³⁶ «The Bombay chronicle weekly», 1952, vol. 11, № 30, p. 8.

ническое строительство. Большое значение имеют черная металлургия штата (металлургический комбинат в Джамшедпуре дает более двух третей общендийского производства черных металлов), выплавка меди, производство цемента. В штате представлены и некоторые отрасли машиностроения и химии. Главная отрасль легкой промышленности — пищевая, прежде всего сахарная. Имеются рисоочистительные, мукомольные, маслодельные предприятия. Лесное хозяйство Чхота-Нагпура дает ценную древесину, натуральный лак и другие виды продукции.

Штат Ассам сохранил в своих прежних границах, хотя существовали различные предложения об их изменении и даже о создании на его территории новых административных единиц³⁷. Центр — город Шиллонг.

Пожалуй, ни один штат Индии не имеет столь пестрого по расовому и этническому составу населения, как Ассам. На официальном языке штата — ассамском — говорит немногим более половины населения штата в целом. Ассамцы составляют большинство населения лишь в шести дистриктах (Гоалпара, Камруп, Дарранг, Наугонг, Сибсагар и Лакхимпур). Значительную часть населения составляют иммигранты из других штатов Индии, прежде всего бенгалцы (на бенгали говорит 77% населения дистрикта Качар; значительное бенгальское население — в дистриктах Наугонг, Гоалпара, Камруп). Но главную особенность населения Ассама составляют многочисленные племена, стоящие на разных ступенях социального, экономического и культурного развития: гаро (около 240 тыс. человек), кхаси (около 230 тыс. человек), нага и другие.

Основа отсталой экономики Ассама — сельское хозяйство. Выращиваются рис, масличные, сахарный тростник, хлопчатник. Ассам славится чайными плантациями, обеспечивающими значительную часть общендийского производства и экспорта чая. Штат очень богат лесами. Минеральные ресурсы велики и разнообразны, но почти не используются. Исключение составляют нефтяные ресурсы: Дигбойские промыслы — единственные разрабатываемые месторождения нефти в стране. Кроме крупных чайных фабрик, имеются многочисленные рисоочистительные, маслобойные и другие предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию. Незначительное развитие получила кустарная шелковая промышленность. Экономика штата испытывает большие затруднения, вызванные разделом страны в 1947 г., в результате которого территория Ассама почти отрезана от остальной Индии.

Границы штата Орисса остались без изменений, хотя его правительство настаивало на том, чтобы в него был включен бихарский дистрикт Сингхбхум, а правительство Бихара в свою очередь претендовало на пограничные районы Ориссы. Площадь штата — 156 тыс. кв. км, население более 14,5 млн. человек. Центр — город Бхубанесвар. Почти во всех дистриктах более трех четвертей населения составляют ория, за исключением дистриктов Маюрбхандж, Баудх и Корапут, где весьма многочисленны представители ряда отсталых племен.

В экономическом отношении Орисса — аграрный район. Главная сельскохозяйственная культура — рис (более четырех пятых всех посевов в штате). Выращиваются также просо, джут, сахарный тростник, масличные. На побережье подсобное значение имеет рыболовство. Промышленность незначительна. В пограничных с Бихаром районах разрабатываются богатейшие месторождения железной руды и некоторых других полезных ископаемых, однако продукция горнодобывающей промышленности почти целиком вывозится за пределы штата. В Ориссе имеются многочисленные рисоочистительные, мукомольные, маслобойные, сахарные

³⁷ См.: RSRC, p. 183—195.

предприятия. Весьма развиты различные ремесла. В последние годы на базе использования гидроресурсов реки Маханади и крупнейших запасов железной руды, угля, бокситов Ориссы и соседних районов в штате создается крупный узел тяжелой промышленности (в частности, черной и цветной металлургии).

В Южной Индии движение за лингвистически однородные штаты имело свои особенности. Прежде всего, населяющие эту часть страны андхра, тамилы, каннара, малаяли и тулу — дравиды, и их языки принадлежат к особой языковой семье. Пользуясь этим, некоторые элементы в правящих кругах южных штатов (особенно представители крупной буржуазии Мадраса, играющие значительную роль в экономике и политике Южной Индии) под флагом «вытеснения северян» пытались выступить за создание многоязычной Дакшина-Прадеш («Южная страна») — автономной федерации штатов, населенных дравидами³⁸. В данном случае крупная тамильская буржуазия, подобно гуджаратской буржуазии Бомбея, решила отказаться от языкового принципа, заботясь о сохранении своего преобладающего положения на юге страны. Были даже сторонниками образования независимого Дравидастана.

Подавляющее большинство населения Южной Индии выступило против этих сепаратистских тенденций и за создание одноязычных штатов в составе Индии.

Но окончательная победа языкового принципа была весьма осложнена существованием Хайдарабада — искусственного политического образования с отсталой экономикой, с режимом социального и национального угнетения, фактически созданного англичанами во второй половине XVIII в. и произвольно соединившего в своих границах Теленгану — область, населенную андхра, Маратхваду, где преобладали маратхи, и Карнатак, где главным по численности народом являются каннара. К моменту реорганизации штатов в Хайдарабаде насчитывалось 18,7 млн. человек, из которых 47,8% говорили на телугу, 24,3% — на маратхи, 11,6% — на урду, 10,5% — на каннара и 5,8% — на других языках³⁹.

Рекомендации Комиссии по вопросу о будущем Хайдарабада были таковы: Маратхвада и Карнатак должны были быть переданы соответственно Махараштре и Майсуру, а что касается Теленганы, то она должна была быть выделена в самостоятельный штат под прежним названием Хайдарабад — впредь до всеобщих парламентских выборов 1961 г., лишь после которых следовало решить окончательно, будет ли этот штат соединен с Андрхой⁴⁰. Однако телугу, особенно проживавшие в Теленгане и не раз испытывавшие на себе шовинизм низама, выступили против такого половинчатого решения. Упорная борьба телугу и всего индийского народа вынудила правительство пересмотреть рекомендации Комиссии. Хайдарабад перестал существовать, а с ним была упразднена и династия Асаф Джахи, которая на протяжении жизни семи поколений правила значительной частью Декана⁴¹.

Выше уже говорилось, что телугу в 1953 г. добились выделения из состава Мадраса штата Андхра, в который вошли прибрежные дистрикты, так называемые Саркары. Теперь к Андхре были присоединены дистрик-

³⁸ См.: «The Indian finance», 1956, 15 May; 18 August.

³⁹ «Languages 1951 census», pt. II, p. 75.

⁴⁰ См.: RSRC, p. 101—109.

⁴¹ Из видных индийских государственных деятелей лишь Дж. Неру был против уничтожения Хайдарабада, так как считал, что этот штат, где значительный процент населения говорит на хиндустани (особенно урду), служит важным связующим звеном в области языка и культуры между индоевропейским севером и дравидским югом (см.: «The Indian finance», 1956, 10 November).

ты Теленганы (Хайдарабад, Медак, Низамабад, Каримнагар, Варангал, Ххаммам, Налгонда, Махбубнагар и части дистриктов Адилабад, Нандер и Бидар), число телугу в которых составляет около 10 млн. Новый штат получил официальное название Андхра-Прадеш. Его территория около 175 тыс. кв. км, население более 31 млн. человек. Центр штата из Карнула перенесен в Хайдарабад.

Штат объединил подавляющее большинство телугу, или андхра, — народа, уступающего по численности только хиндустанцам. Во всех дистриктах телугу составляют более 75% населения. Значительная часть телугу проживает также в штате Мадрас, составляя меньшинство населения дистриктов, примыкающих к территории Андхра-Прадеш.

Андхра-Прадеш — преимущественно аграрный район. Основные сельскохозяйственные культуры — просо, сорго, рис (в дельтовых районах), масличные (в частности, арахис), хлопчатник, сахарный тростник. Огромное экономическое значение имеет использование вод Кришны и Годавари для нужд искусственного орошения. В настоящее время на реках Андхра-Прадеша осуществляется строительство крупных гидротехнических сооружений, по завершении которого будет орошено дополнительно более 2 млн. га земли. Минеральные ресурсы штата довольно разнообразны. Имеются месторождения угля, марганцевых руд, слюды, барита, алмазов и др. Промышленность представлена в основном отраслями, перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию. Ведется также небольшая добыча каменного угля, марганцевой руды, алмазов. Важным промышленным и транспортным центром штата является город Висакхапатнам с его судостроительными верфями.

Мадрас (Тамил-Над) после отделения в 1953 г. Андхры представлял собой штат, довольно однородный по языковому составу населения, и за его пределами на территории Индии тамилы было мало. Единственными нетамильскими дистриктами в его составе были окраинные дистрикты Малабар и Южная Канара. В соответствии с рекомендациями Комиссии⁴² оба они, а также часть дистрикта Коимбатур были переданы штатам Керала и Майсур. Новый штат Мадрас состоит из территории прежнего Мадраса (без вышеназванных районов), к которой присоединены четыре населенных тамилами талука дистрикта Тривандрам бывшего Траванкур-Кочина, образовавшие новый дистрикт Каньякумари, и один талук дистрикта Куилон, включенный в состав Тирунелвели. Почти во всех дистриктах штата на языке тамиль говорит 75 — 80% населения, за исключением дистрикта Нилгири, где большинство жителей говорит на языках бадого, малаялам, каннара, а тамилы составляют лишь немногим более трети населения. Многочисленно нетамильское население также в городе Мадрас и дистрикте Коимбатур.

За последние десятилетия значительное число тамилы, особенно представителей низших каст, мигрировало за пределы страны, и в настоящее время в Малайе, на о. Маврикия, на Цейлоне, в Южной Африке проживает около полумиллиона тамилы.

Площадь штата Мадрас в новых границах около 130 тыс. кв. км, население около 30 млн. человек. Здесь живет большинство тамилы Индии.

Подавляющая часть населения штата занята в сельском хозяйстве. Возделываются рис, просо, кукуруза, земляной орех (свыше трети всей посевной площади Мадраса) и другие масличные, хлопчатник, сахарный тростник. Имеются крупные плантации кофейного дерева (более четверти общендийского производства кофе), чайного куста. Развита сеть оросительных каналов и водохранилищ. Животноводство и лесное хозяйство

в экономике штата играют подчиненную роль. Из полезных ископаемых наибольшее значение имеют магнезит, марганцевая руда, крупные залежи лигнита (Южный Аркот). По степени развитости фабрично-заводской промышленности Мадрас занимает третье место в Индии после Западной Бенгалии и Бомбея. Основные отрасли — текстильная, пищевая (особенно сахарная), табачная, цементная и др. Имеются крупный вагоностроительный, автосборочный заводы, железнодорожные мастерские, мелкие машиностроительные предприятия. Главный экономический центр штата и всей Южной Индии город Мадрас — третий по величине порт Индии.

Территория, населенная каннара, до 1947 г. дробилась на составные части 29 различных административных единиц. И даже после преобразований, внесенных конституцией 1950 г., каннара жили в шести штатах разных групп (Бомбей, Мадрас, Хайдарабад, Кург, Майсур и Андхра), почти везде составляя меньшинство населения. Тем сильнее была тяга каннара к объединению.

Новый штат Майсур (Карнатак) состоит из территорий бывших Майсура и Курга. Кроме того, от Бомбея к нему отошли дистрикты Северная Канара, Дхарвар, Биджапур и большая часть дистрикта Белгаум, благодаря чему штат получил выход к морю; от Хайдарабада — большая часть дистриктов Гулбарга, Райчур и Бидар (так называемый Карнатак) и от Мадраса — дистрикт Южная Канара (без одного талука) и один талук дистрикта Коимбатур. В свою очередь часть дистрикта Беллари (место строительства гидротехнического сооружения Тунгабахдра) была передана Андхра-Прадешу.

Площадь штата 194 тыс. кв. км, население около 19,5 млн. человек, в основном — каннара. Национальные меньшинства насчитывают в общей сложности более 5 млн. человек, т. е. более четверти населения штата. В штате живет большая часть народа тулу (общая численность почти 800 тыс. человек), много телугу, тамилы и др. В ряде дистриктов каннара не образуют большинства. Это — Колар, оставленный в составе Майсура по экономическим и иным соображениям, хотя свыше 54 % населения там составляют телугу, а каннара — лишь 21 %; Кург (35 % населения говорит на каннара, 29 % — на кодагу, 14 % — на малаялам); Бангалур (49 % населения говорит на каннара, 18 % — на телугу, 17 % — на тамиль и 10 % — на хинди); Южная Канара (40 % говорит на тулу, 24 % — на малаялам, 14 % — на конкани и лишь 17 % — на каннара); Северная Канара (55 % говорит на каннара, 30 % — на конкани). В остальных дистриктах каннара составляют три четверти населения и более. Таким образом, национально-языковой состав населения Майсура довольно неоднороден. Центр штата — город Бангалур.

Майсур — важный сельскохозяйственный район Индии. Немалое значение для земледелия имеет искусственное орошение. Река Кавери («Ганг юга») питает разветвленную систему оросительных каналов. Главные сельскохозяйственные культуры на западе штата — рис, сахарный тростник, тутовое и кофейное деревья (горные плантации Майсура дают более половины общендийской продукции кофе); на востоке — просо, земляной орех, хлопчатник. Некоторое развитие получило и животноводство. Леса штата изобилуют ценными древесными породами. Недра содержат разнообразные полезные ископаемые, в том числе железную и марганцевую руды, бокситы; на рудниках Колара ведется крупная добыча золота. Велики и гидроресурсы Майсура. Относительно высоко развита в штате промышленность, особенно шелковая (по шелкопрядению и шелкоткачеству Майсур — на первом месте в Индии), хлопчатобумажная, пищевая (в частности, сахарная). Имеется небольшой металлургический за-

вод. Машиностроение представлено станкостроительным и авиасборочным заводами, предприятиями по производству телефонной и телеграфной аппаратуры и др. Главный промышленный центр штата — город Бангалур.

На крайнем юге страны создан штат Керала, объединивший большинство народа малаяли. Основу территории штата составили бывшие княжества Траванкур и Кочин (без небольшой территории, переданной штату Мадрас), к которым были присоединены дистрикт Малабар и части дистрикта Южная Канара. Новые территории образовали дистрикты Малабар и Касарагод, но без Лаккадивских, Маникойских и Аминдивских островов. По площади (менее 39 тыс. кв. км) Керала — самый маленький штат Индии, население его тоже сравнительно невелико (около 13,5 млн. человек), но по плотности населения (почти 350 человек на 1 кв. км) он стоит на первом месте в стране. Около 95% населения штата — малаяли. Характерная особенность Кералы — необычно высокая для Индии грамотность населения (более 50%). Интересны данные о религиозной принадлежности населения штата: примерно 60% составляют индусы, около 25% (!) — христиане, 15% — мусульмане. Керала образована в основном согласно рекомендациям Комиссии⁴³. Центр штата — город Тривандрам.

На выборах 1957 г. большинство мест в законодательном собрании штата получили коммунисты, и член ЦК Коммунистической партии Индии, видный теоретик по национальному вопросу Е. М. С. Намбудирипад возглавил правительство штата.

Сельское хозяйство — основа экономики штата. Выращиваются рис (около трети всех посевов в Керале), чайный куст, каучуконосы (штат дает более двух третей сбора каучука в Индии), кофейное дерево, различные пряности, например, кардамон (более трех четвертей мирового производства), черный перец, имбирь, гвоздика (по выращиванию которых Керала занимает ведущее место в Индии). Огромное хозяйственное значение имеет культура кокосовой пальмы, под которую отведена пятая часть всей возделываемой площади Кералы. Сельское хозяйство штата отличается высокой товарностью. Из Кералы в другие штаты вывозятся в большом количестве продукция, получаемая из кокосовой пальмы, каучук, чай, пряности. Собственного зерна, однако, Керале не хватает. Подсобное значение имеет рыболовство. Лесные промыслы дают ценную древесину (тик, сандал и др.). Промышленность базируется в основном на переработке сельскохозяйственного сырья. Развита производство кокосового масла, первичная обработка пряностей, рисоочистка, производство кокосового волокна, текстильная промышленность. На основе использования местных гидроресурсов создан алюминиевый завод, а также завод по производству химических удобрений. Разрабатываются крупные месторождения расщепляющихся материалов — монацитовых песков и ильменита.

Среди индийских штатов особое место занимает Джамму и Кашмир. Конституция Индии предусматривает значительную внутреннюю автономию этого штата — в соответствии с соглашением 1947 г. о вхождении Кашмира в Индийский Союз. В частности, на Кашмир не распространяются те статьи конституции, которые ограничили бы результаты ряда демократических реформ, проведенных правительством штата (например, аграрной реформы, выгодно отличающейся от реформ в других штатах Индии: в Кашмире земля была конфискована у помещиков без выплаты им компенсации и передана безвозмездно безземельным крестьянам).

⁴³ Ibid., p. 81—89.

Часть территории Кашмира с 1948 г. оккупирована Пакистаном. «Кашмирский вопрос», неоднократно рассматривавшийся в ООН, не урегулирован до сих пор главным образом из-за притязаний империалистических держав.

Национальный состав населения Кашмира весьма сложен⁴⁴. Наиболее многочисленны кашмирцы (около 1,5 млн. человек) — народ, складывающийся в нацию. Большинство населения штата говорит на кашмири или понимает его, и этот язык является официальным языком Джамму и Кашмира.

Другая значительная группа населения штата говорит на пенджаби и его диалектах. Так, на одном из диалектов этого языка говорит следующая по численности после кашмирцев народность — догры (около 600 тыс. человек). На других диалектах пенджаби говорит в общей сложности около 400 тыс. человек.

Свыше 700 тыс. человек говорит на многочисленных диалектах, объединяемых общим названием пахари. Наконец, большую группу населения составляют гуджары, дарды, балты и другие народности.

Чрезвычайно сложен и религиозный состав населения. На юго-западе штата численно преобладают индусы (в основном догры), на юго-востоке — буддисты, на остальной территории — мусульмане. Кроме того, по всей территории штата небольшими вкраплениями разбросаны поселения сикхов.

В административном отношении территория штата делится на две провинции (Кашмир с центром Сринагар и Джамму с центром Джамму) и так называемые Пограничные дистрикты. На дистрикты подразделяются и провинции. Территория штата более 222 тыс. кв. км, население около 4,4 млн. человек. Центр штата — город Сринагар, зимняя резиденция правительства — Джамму.

Решающая роль в экономике Кашмира принадлежит земледелию, прежде всего производству зерновых. Около трети посевной площади штата занимает кукуруза, приблизительно пятую часть посевов составляет рис (в основном в Кашмирской долине) и столько же пшеница. Выращиваются также ячмень, стручковые (например, греч), масличные. Большую роль в хозяйстве штата играет садоводство. В животноводстве наибольшее внимание уделяется разведению крупного рогатого скота, овец, коз.

Важной отраслью экономики является лесное хозяйство. Фабрично-заводская промышленность представлена лишь несколькими текстильными фабриками. Видное место в экономике штата занимают кустарные промыслы. В последние годы все более возрастает значение Кашмира как центра туризма.

Шесть районов Индии общей площадью 70 тыс. кв. км и с населением более 4 млн. человек находятся под непосредственным контролем центрального правительства. Это — Дели, Химачал-Прадеш, Манипур, Трипура, Андаманские и Никобарские, Лаккадивские, Маникойские и Аминдивские острова. Мы вкратце остановимся на первых двух.

Город Дели и окружающая территория выделены в район центрального подчинения благодаря той важной роли, которую играет Дели как столица Индии. Население Дели по численности приближается к двум миллионам.

Иначе обстояло дело с Химачал-Прадешем. Комиссия при обсуждении вопроса о будущем этого района высказалась за его слияние с Пенд-

---

⁴⁴ Большинство данных по Кашмиру заимствовано из кн.: В. А. Пуляркин, *Кашмир*, М., 1956.

жабом. Однако председатель Комиссии представил свое особое мнение, в котором настаивал на выделении Химачал-Прадеша в территорию центрального подчинения, оперируя следующими доводами⁴⁵: Химачал-Прадеш — район, чрезвычайно отсталый в экономическом и культурном отношении и потому нуждающийся в особом внимании центральных органов власти. Большинство местного населения составляют остальные горные племена, среди которых существует сильная оппозиция против слияния с Пенджабом, в котором и без того много трудноразрешимых проблем. Наконец, этот пограничный район занимает чрезвычайно важное стратегическое положение, также требующее специального внимания правительства.

Окончательным решением правительства Индии было выделение Химачал-Прадеша в качестве территории центрального подчинения. По площади (более 28 тыс. кв. км) Химачал-Прадеш стоит на первом месте среди территорий, по населению (более 1,1 млн. человек) уступает только Дели. Подавляющая часть населения говорит на различных диалектах пахари.

Приблизительно те же аргументы, что и в случае с Химачал-Прадешем, были приняты в расчет и при выделении остальных территорий центрального подчинения.

Особое место среди территорий центрального подчинения занимает Пондишери, объединяющая бывшие французские владения в Индии. Официальный договор о передаче этих владений Индии был подписан в Нью-Дели в мае 1956 г. Конституционные изменения в Пондишери могут производиться только с согласия населения этой территории. В тексте закона о реорганизации штатов территория Пондишери не упоминается.

* * *

Таким образом, по новому закону об административном делении на территории Индии было создано 14 штатов и 6 территорий центрального подчинения⁴⁶ (см. таблицу на стр. 26).

Закон о реорганизации штатов предусматривает также объединение смежных штатов в зоны⁴⁷. Таких зон образовано пять: Северная (Пенджаб, Раджастан, Джамму и Кашмир, Дели и Химачал-Прадеш); Центральная (Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш); Восточная (Бихар, Западная Бенгалия, Орисса, Ассам, Манипур и Трипура); Западная (Бомбей и Майсур) и Южная (Андхра-Прадеш, Мадрас, Керала и островные территории центрального подчинения).

Соответственно созданы специальные совещательные органы — Зональные советы в составе представителей правительств соответствующих штатов и центрального правительства. В задачу Зональных советов входит: изучать общие для штатов проблемы (вопросы, связанные с реорганизацией штатов, пограничные споры, вопросы о меньшинствах, вопросы экономического и социального планирования, транспортных связей между штатами и т. д.) и давать рекомендации и советы центральному правительству и правительствам штатов.

⁴⁵ См.: RSRC, p. 238—243.

⁴⁶ Седьмой территорией центрального подчинения является Пондишери. Кроме того, под протекторатом Индии находятся гималайские княжества Бутан (площадь 46,6 тыс. кв. км, население около 300 тыс. человек) и Сикким (площадь 7,1 тыс. кв. км, население около 140 тыс. человек).

⁴⁷ См.: «The states reorganisation act 1956» («The gazette of India», extraordinary, pt. II, sect. 1, 1956, 11. August), p. 756—759.

* * *

Реорганизация индийских штатов в целом знаменует собой торжество языкового принципа. Отныне политико-административные границы в Индии в большинстве случаев (за исключением Бомбея и Пенджаба) в основном соответствуют национально-языковым границам, и подавляющее большинство крупных народов объединено в рамках собственных политико-административных единиц. Значение этого трудно переоценить: уничтожено одно из главных препятствий на пути консолидации индийских народов в нации. В условиях независимой Индии это означает важнейший шаг по пути решения национального вопроса, по пути прогресса национальной культуры и экономики.

ПЛОЩАДЬ И НАСЕЛЕНИЕ НОВЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ИНДИИ *

Административные единицы	Площадь, тыс. кв. км	Население по переписи 1951 г., тыс. человек
Ш т а т ы		
Бомбей	493,7	48 265
Мадхья-Прадеш	443,5	26 096
Раджастан	342,0	15 947
Уттар-Прадеш	293,7	63 216
Андрха-Прадеш	274,7	31 260
Джамму и Кашмир **	222,3	4 400
Ассам **	220,2	9 044
Майсур	193,8	19 401
Бихар	173,8	38 828
Орисса	156,0	14 646
Мадрас	129,9	29 975
Пенджаб	121,8	16 135
Западная Бенгалия	87,7	26 259
Керала	38,7	13 549
	3191,8	357 021
Т е р р и т о р и и		
Химачал-Прадеш	28,3	1109
Манипур	22,3	578
Трипура	10,4	639
Андаманские и Никобарские острова	8,3	31
Дели	1,5	1744
Лаккадивские, Маникойские и Аминдивские острова	0,1	21
Пондишери ***	0,5	317
	71,4	4439
И т о г о . . .	3263,2	361 460

* По данным «Monthly abstract of statistics» (New Delhi), 1958, vol. 11, № 6, p. 93.

** Приблизительные данные.

*** По данным «India, A reference annual 1957». Delhi; 1957, p. 440.

Однако выделение однородных в отношении языка административных подразделений не снимает с повестки дня давнишний и специфический для Индии вопрос о будущем хинди, английского и «национальных» языков. Эта проблема ныне оживленно дискутируется в индийской печати.

Конституция Индии (ст. 343) называет официальным языком страны хинди в письме деванагари⁴⁸. В течение 15 лет после принятия конституции продолжает применяться для официальных целей и английский язык.

Хинди (хиндустани)⁴⁹ — самый распространенный язык в Индии. Кроме того, ему родственны многие другие языки Северной и Западной Индии, возникшие на базе санскрита, а в районах распространения этих языков значительная часть населения в той или иной мере владеет языком хинди. Поэтому в стране большую поддержку получила пропаганда того, чтобы хинди был не только официальным языком Индии, но и государственным языком — своего рода *lingua franca* всей страны, символом ее единства. Большинство сторонников таких взглядов считает, что хинди должен быть единственным языком не только в сфере международных связей Индии, но и в администрации в центре, в отношениях между центром и штатами и в отношениях между штатами. Существует даже крайнее мнение о превращении хинди в разговорный язык всего населения страны, который должен вытеснить все остальные языки.

Однако в Индии имеется довольно сильная оппозиция распространению хинди. Не говоря о том, что этот язык имеет много диалектов, он в настоящее время не может взять на себя все функции английского языка. В некоторых сферах переход от английского языка к хинди — далеко не простое дело, так как трудно найти смысловые эквиваленты обширной технической и научной терминологии. Поэтому значительная часть индийской интеллигенции и чиновничества (в большинстве англоязычные) утверждает, что такой переход в современных условиях может породить много трудноразрешимых проблем. Другой их довод в пользу английского языка — его широкое распространение в современном мире.

Однако еще большее значение имеет оппозиция распространению хинди в нехиндиязычных районах Индии, прежде всего в Южной Индии, а также в Западной Бенгалии. На юге страны хинди известен очень мало. Поэтому, выступая за администрацию на своих родных языках и не возражая принципиально против исчезновения английского языка, дравиды скорее предпочитают его, чем хинди.

В то же время английский язык в Индии — это наследство колониального прошлого. Он совершенно чужд большинству населения страны и является языком государства, в течение столетий угнетавшего Индию. Не удивительно, что широкие слои населения выступают за замену английского языка местных.

В поисках примирения различных взглядов, в попытке найти хинди такое место, чтобы он не подавлял другие языки, выдвигаются различные компромиссные предложения. В частности, предлагается сделать государственными языками Индии три языка одновременно: один санскрит (хинди), один из дравидских языков и английский, или даже все главные языки сразу. Особо стоит вопрос об унификации шрифтов, так как, кроме деванагари, употребляется более десятка различных шрифтов.

⁴⁸ «Конституция Индии», М., 1956, стр. 230.

⁴⁹ См.: П. А. Баранников, *О сложении национального языка хиндустани* («Ученые записки Лeningradского университета», № 179, сер. востоковедческих наук, вып. 4, 1954), стр. 237—250; Г. А. Зограф, *Хинди. урду и хиндустани*, стр. 49—55.

Значение новой административной реформы выходит далеко за рамки национальных и языковых проблем.

Закон о реорганизации штатов навсегда покончил с существованием индийских княжеств, этой «величайшей помехой прогрессу Индии»⁵⁰. Отмена института раджпрамукхов — последней формы феодальной автократии — означает искоренение пережитков феодализма в сфере управления страной и представляет важный вклад в дело демократизации общественной жизни Индии. Но нельзя забывать, что князья сохранили пенсии, титулы и поместья.

В международном аспекте значение нового закона заключается в том, что он, отражая крах мировой колониальной системы империализма, закрепил факт ликвидации французских колониальных владений на индийской земле. Что касается португальских колоний в стране, то борьба за их воссоединение с Индией продолжается.

Новое административно-политическое устройство Индии отличается от прежних гораздо большей демократичностью. Права прежних штатов группы «В» приравнены к правам штатов группы «А», а штаты группы «С» вообще перестали существовать, будучи влиты в более крупные административные единицы. Таким образом, все нынешние штаты Индии обладают равными правами. Выделение территорий центрального подчинения в качестве временной меры в настоящее время оправдано.

Кроме того, создание меньшего количества более крупных административных подразделений позволило выделить территориально компактные штаты, не нарушая их географической целостности, без включения частей одних штатов в территории других. Новые административные границы будут способствовать более полному и рациональному использованию разнообразных природных ресурсов. Например, будет облегчено строительство важных гидротехнических сооружений на крупнейших реках Индии (в Андхра-Прадеше и др.), что было затруднительно, пока различные участки рек находились на территории разных штатов. Устранен целый ряд барьеров (в частности, финансовых) на пути широкого перспективного планирования развития экономики, созданы лучшие возможности управления промышленностью и сельским хозяйством; можно с уверенностью сказать, что претворение в жизнь государственных пятилетних планов отныне будет идти более успешно. В общем, если говорить об экономической и экономико-географической оценке новых преобразований, созданы более здоровые экономические организмы, обладающие большими возможностями в деле хозяйственного прогресса.

В то же время надо учитывать, что возникает ряд новых проблем, с которыми придется столкнуться новым штатам. Например, то, что различные части нынешних штатов в прошлом принадлежали к разным политико-административным единицам, означает соединение в единых границах территорий с различными формами землевладения, с разными законами арендной платы, с разными правами одних и тех же религиозных и кастовых групп, с разными законами наследования и брака. Более того, в результате длительного пребывания в составе разных княжеств, провинций и владений даже языки и литература одних и тех же народов стали развиваться в разных направлениях. Решение этих проблем потребует больших и длительных усилий. Затем, поскольку почти во всех шта-

⁵⁰ К. Маркс, *Русско-турецкие осложнения. — Уловки и увертки британского кабинета. — Последняя нота Нессельроде. — Ост-Индийский вопрос* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2), стр. 206.

тах и после реформы имеются национальные меньшинства, реорганизация штатов может породить значительную миграцию населения, и старая проблема гарантии прав национальных и языковых меньшинств всплывает в ином аспекте.

Экономическое значение реорганизации штатов заключается в следующем. Индия, долгие годы находившаяся в условиях колониального порабощения, имеет относительно слабо развитую экономику, и экономические районы в ней находятся еще в стадии формирования. Более того, колонизаторы, используя в своих корыстных интересах экономическое и политическое влияние, сознательно пытались создать в стране однобокую и уродливую систему территориального разделения труда.

Положение изменилось после завоевания независимости. Правительство Индии взяло курс на быстрое и всестороннее развитие народного хозяйства, что нашло свое отражение в первом и особенно втором пятилетнем планах.

В этих условиях значительный интерес представляет вопрос о формировании экономических районов. К числу новых факторов, которые играют решающую и стимулирующую роль в развитии и формировании экономических районов в Индии (рост влияния государственного сектора в экономике, создание новых хозяйственно-экономических взаимоотношений между приморскими и внутренними областями страны и др.), относится и новое административно-территориальное устройство. При нынешней системе планирования, финансирования и вообще руководства экономикой новые границы штатов оказывают и будут оказывать такое влияние на размещение промышленности, сельского хозяйства и транспорта, на хозяйственную специализацию новых штатов, что экономические районы в Индии в какой-то мере будут складываться на базе нового административно-территориального деления. Иными словами, в той или иной степени нынешние административные границы предопределяют, по-видимому, сеть будущих экономических районов страны. При этом нужно еще учесть огромную роль национальной буржуазии и национального рынка в условиях буржуазного общества вообще и в конкретных, специфических условиях социально-экономического строя Индии в частности. Этот вопрос, однако, должен явиться предметом специального изучения.

Являясь значительным шагом вперед в деле решения национального вопроса и дальнейшей демократизации страны, открывая перед Индией новые экономические перспективы, реорганизация штатов представляет событие большой государственной важности, и ее значение для судеб Индии трудно переоценить.

Э. А. Лалаянц

НАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВА ЯВА

Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 29 марта 1956 г.

Остров Ява, пятый по величине остров Индонезии, имеет площадь 126 тыс. кв. км. Он расположен в экваториальной зоне южного полушария между 6° и 8°30' южной широты и 105° и 115° восточной долготы. Длина острова составляет 1050 км, наибольшая ширина около 205 км.

К востоку от Явы находится небольшой остров Мадуро (6 тыс. кв. км), составляющий с нею одно целое не только в экономическом и административном, но по существу и в физико-географическом отношении, так как пролив Сурабая между Явой и Мадурой имеет ширину всего 2—4 км.

Ява является центром экономической, политической и культурной жизни всей Индонезии.

Население Явы внесло решающий вклад в национально-освободительную борьбу индонезийского народа против голландских колонизаторов. На Яве в 1945 г. была провозглашена независимая Индонезийская республика, и по сегодняшний день этот остров остается центром борьбы свободолюбивого и талантливого индонезийского народа за дальнейшее укрепление национальной независимости и социальный прогресс Индонезии, за мир во всем мире.

В административном отношении Ява делится на три провинции — Западная Ява, Центральная Ява и Восточная Ява, включающая Мадуру. Провинции состоят из резидентств (керезиденанов); резидентства в свою очередь подразделяются на области (кебупатены). Области объединяют по несколько районов (кеведананов). Каждый район делится на волости (кечаматаны). Волость включает территорию нескольких общин.

* * *

Ява — страна вулканов, и трудно на ней отыскать такое место, откуда не виден какой-либо вулканический конус. На острове насчитывается 136 вулканов, из них 28 действующих. Яванские вулканы постоянно извергают большие массы пепла, реже изливают лаву. Извержения вулканов, конечно, причиняют большой материальный ущерб расположенным вблизи полям и селениям, но в то же время они обогащают почву питательными веществами¹. После извержения вулканов образуются новые

¹ Р. В. ван-Беммелен, *Геология Индонезии*, М., 1957, стр. 21.

слои почвы с высоким содержанием растворимых соединений кальция, азота, магния и фосфора, резко повышающих плодородие почвы².

Ява находится в зоне тропического муссонного климата. На низменностях и небольших высотах (до 700—800 м над уровнем моря) климат экваториальный с равномерной температурой в течение всего года (25—27°C) и большим количеством осадков (более 2000 мм). Почти повсюду на Яве $\frac{3}{4}$ всех дней солнечные. Сезонные колебания температуры незначительны (2—3°), суточные колебания достигают лишь 8—10°.

На Яве густая сеть рек, большинство которых течет на север и имеет сток в Яванское море. У яванских рек крутое падение русел, и они обладают значительными ресурсами энергии.

21% поверхности острова покрыт влажным тропическим лесом. Образно описал тропический лес Бернардин де Сен-Пьер: «Повсюду видны эбеновые, каучуковые, оливковые и коричневые деревья, среди которых выделяются то тут, то там группы пальм, чьи стройные и голые стволы, возвышаясь на стофуттовую высоту, своими верхушечными кронами образуют своеобразный лес, растущий над другим лесом. И все это переплетено вьющимися растениями, перебрасывающимися с дерева на дерево и образующими то замысловатые витые узоры на стволах, то непроницаемую массу зелени. Большая часть зелени источает ароматические запахи...».

Некоторые дикорастущие растения имеют большое хозяйственное значение (тиковое дерево, бамбук и др.).

Недра Явы содержат различные полезные ископаемые: каменный уголь, нефть, железную, марганцевую, медную и полиметаллические руды, золото, серебро, серу, фосфориты и т. д.

* * *

Из 86,5 млн. человек населения Индонезийской республики 55,6 млн. проживает на Яве, что представляет разительный контраст с численностью населения других островов Индонезии. Например, население Суматры насчитывает 12,4 млн. человек, Сулавеси — 6,3 млн., других островов — еще меньше³.

Ява — один из наиболее густонаселенных районов земного шара. Средняя плотность превышает 400 человек на 1 кв. км. Во внутренних районах острова она значительно выше; на территории бывших султанатов Суракарта и Джокьякарта, например, плотность населения составляет более тысячи человек на 1 кв. км. Наряду с этим на западе Явы (Бантам) в засушливых районах или в районах с неплодородными почвами средняя плотность населения составляет менее 130 человек на 1 кв. км. Население острова быстро растет.

Ежегодный прирост населения Явы в 1950—1957 гг. составлял 800 тыс. человек. Быстрый рост населения за последнее столетие не был признаком повышения жизненного уровня, который для подавляющего большинства яванцев все время оставался крайне низким. На рост населения влияло расширение сельскохозяйственного и промышленного производства на Яве за последние десятилетия. В некоторой степени быстрому росту населения благоприятствовало улучшение здравоохранения и прежде всего проведение профилактических мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями, что привело к некоторому уменьшению смертности, в особенности детской⁴.

² Э. Добби, *Юго-Восточная Азия*, М., 1952, стр. 183.

³ Kurt Witthauer, *Die Bevölkerung der Erde. Verteilung und Dynamik*, Gotha, 1958, S. 126—127.

⁴ K. Helbig, *Zu Mahamerus Füßen*, Leipzig, 1954, S. 15.

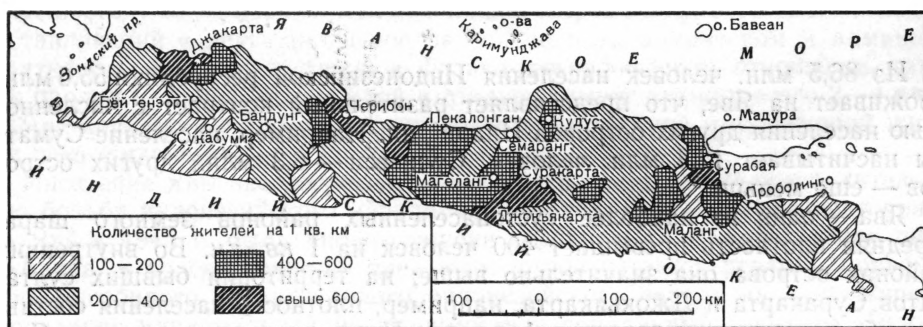

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА ЯВА (ВМЕСТЕ С О. МАДУРА)
(тыс. человек)*

Год	Коренное население	Китайцы	Арабы	Европейцы	Прочие	Всего
1860	12 514	149	6	..	..	12 669
1870	16 233	175	8	37	—	16 453
1880	19 233	207	11	44	—	19 803
1890	23 609	242	14	55	—	23 920
1900	28 386	277	18	72	—	28 753
1905	29 979	295	19	73	—	30 366
1920	34 429	384	28	134	3	34 978
1930	40 981	582	42	193	11	41 719
1956	54 000	...	..	..	..	55 000

* V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, London — New York — Toronto, 1951, p. 443.

Несмотря на тяжелые условия жизни и недостаток земли на острове, яванцы неохотно эмигрируют. Так, например, на соседнюю Суматру, несмотря на давление голландских властей, в 1932 — 1941 гг. переселилось всего около 140 тыс. жителей Явы, в основном крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Организованное переселение яванцев производилось и после войны. В 1950 — 1953 гг. на Суматру переселились около 200 тыс. человек. Основных районов сосредоточения населения на Яве можно выделить три ⁵.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НА О. ЯВА

1. Северная равнина, простирающаяся вдоль побережья острова от Джакарты на западе до Проболинго на востоке, где развито поливное рисосеяние и возделывание сахарного тростника. В волости Адиверно плотность населения составляет 2400 человек на 1 кв. км, что является наибольшей величиной для сельских местностей Явы. Это, вероятно, самая высокая плотность сельского населения в мире.

В этом районе находятся главные портовые города Явы: Джакарта — столица Индонезийской республики с населением три с лишним миллиона человек (1930 г. — 533 тыс.), Сурабая — 1 млн. человек (1930 г. — 342 тыс.), Семаранг — 373 тыс. человек.

2. Район межвулканических понижений центральной Явы (котловины Соло, Маджуна, Брантаса). Здесь сосредоточено около трети населения Явы. Жители заняты почти исключительно сельским хозяйством.

⁵ Э. Добби, *Юго-Восточная Азия*, стр. 200.

В этом районе только два крупных города — Джокьякарта (274 тыс. человек) и Суракарта (369 тыс.).

3. Район плантационного земледелия — Бандунг — Гарута. Крупный город этого района — Бандунг с населением 839 тыс. человек (1930 г. — 167 тыс.).

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА О. ЯВА

В этническом отношении население Явы состоит из яванцев (около 40 млн. человек), занимающих северо-западную и центральную части острова; сунданцев (10 млн.), проживающих на западе острова; мадурцев (4,6 млн.), переселившихся в восточную часть Явы с соседнего острова Мадуро. Этнической границей между яванцами и сунданцами считается р. Пемали. Яванцы, сунданцы и мадурцы по своим расовым признакам принадлежат к южной ветви монголоидной расы. Обобщенный физический тип яванцев — небольшой рост (150—155 см); женщины обычно ростом ниже мужчин; пропорциональное сложение тела; коричневый, до светлых тонов, иногда с оливковым оттенком цвет кожи; широкое, с сильно развитыми скулами, лицо; черные, гладкие или слегка волнистые волосы; раскосые глаза черного или карего цвета. Физический тип сунданцев и мадурцев такой же, хотя сунданцы обычно ниже ростом, чем яванцы.

* * *

Население острова Ява говорит на языках, относящихся к обширной семье малайско-полинезийских языков. В более узком смысле яванский, сунданский и мадурский языки принадлежат к западной группе индонезийских языков (в которую входят также языки народностей, населяющих острова Суматра, Ява, Калимантан). В прошлом большое влияние на яванский язык оказал санскрит⁶, что объясняется тесными экономическими и культурными связями, существовавшими в средние века между Индией и Индонезией. Для яванского языка характерно наличие нескольких социальных диалектов и жаргонов, употребляемых либо внутри определенных социальных групп, либо для общения между ними. Тот или иной социальный диалект в яванском языке употребляется в зависимости от социального положения, ранга, происхождения, степени родства, пола, возраста людей, участвующих в разговоре, или же лица, о котором идет речь. Несоблюдение этого рассматривается как нарушение

⁶ «Indonesische taalstam» («Encyclopaedie van Nederlandsch Oost-Indie», Bd. II S.-Gravenhage, 1917), S. 144.

правил вежливости, социальной и возрастной субординации. Коротко охарактеризуем социальные диалекты и жаргоны яванского языка.

Нгоко. В специальной лингвистической литературе нгоко рассматривается как один из социальных диалектов яванского языка⁷. Мы, однако, полагаем, что поскольку нгоко употребляют для общения между собой бедняки, т. е. большинство яванцев, он по существу является народной основой яванского языка, составляя его основной словарный фонд. Нгоко в других социальных группах применяют взрослые в разговоре с детьми, дети между собой и вышестоящие лица, беседуя с подчиненными; в последнем случае нгоко выступает в качестве социального диалекта.

Кромо. Этот социальный диалект отличают 600 — 700 слов, которые употребляются интеллигентами в разговоре между собой.

Кромо-инггил. В этот социальный диалект входит около 290 слов. Кромо-инггил используется подчиненными лицами при обращении к вышестоящим лицам, а также всеми яванцами, когда речь идет о божестве или о высокопоставленном лице, или о чем-то, касающемся высокопоставленного лица. Кромо-инггил можно сравнить с ломоносовским «высоким штилем» в русском языке XVIII в.

Мадиа. К этому социальному диалекту относится около 60 слов, используемых вышестоящими лицами при разговоре с пожилыми подчиненными в знак уважения к последним.

Баса-кедатон — жаргон, употреблявшийся при дворах крупных яванских феодалов (султанов, князей) мужчинами в обращении друг к другу и женщинами в обращении к мужчинам. Употребление этого жаргона относится главным образом к прошлому, хотя и сейчас некоторые яванские феодалы, несмотря на то что они стали лишь чиновниками нового республиканского режима и не имеют феодальной политической власти, все же пытаются сохранить старый феодальный этикет в своем ближайшем окружении.

Баса-касар. К этому жаргону относятся слова, которые в русском языке принято называть «нецензурными», а также терминология преступного мира («блатной язык»).

В портовых городах распространен жаргон торговцев, моряков. Его называют на Яве «языком берега».

Точное соблюдение всех правил применения того или иного социального диалекта весьма трудно усваивается теми, для кого яванский язык не является родным, что наряду с другими причинами явилось препятствием для выдвижения яванского языка в качестве общеиндонезийского.

Сунданцы говорят на сунданском языке, мадурцы — на мадурском. Лингвистически все три языка (яванский, сунданский и мадурский) очень близки, имеют одинаковый грамматический строй, их основной словарный состав в значительной степени один и тот же.

После образования в 1945 г. независимой Индонезийской республики ее государственным языком, «бахаса-индонесиа», был объявлен язык малайцев Суматры, который также принадлежит к западной группе индонезийских языков, лингвистически близок к яванскому и широко распространен по всему архипелагу благодаря малайским купцам и мореплавателям. В настоящее время, когда в Индонезии выдвинут лозунг «одно отечество, один народ, один язык», среди яванцев, сунданцев и мадурцев все шире распространяется этот единый индонезийский язык. Он

---

⁷ L. C. Damais, *Les formes de politesse en javanais moderne* («Extrait du Bulletin de la Société des études indochinoises», Saigon, nouvelle série, 1950, vol. XXV, № 3).

применяется сейчас на Яве во всех школах, государственных учреждениях⁸. На индонезийском языке издаются журналы, газеты, книги. Почти каждый житель Явы поэтому двуязычен.

* * *

На Яве проживает свыше миллиона китайцев. Половина китайского населения Явы сосредоточена в городах Джакарта, Семаранг, Бандунг и Сурабая. Первые китайские переселенцы в Индонезии появились в XVII в. из провинции Фуцзянь, и сейчас большинство китайцев в Индонезии — это переселенцы или потомки переселенцев из южного или юго-восточного Китая. В начале XIX в. на Яве и Мадуре уже насчитывалось около 100 тыс. китайцев. Особенно возросло число китайцев на Яве в период 1920—1930 гг. В настоящее время большинство китайцев, проживающих на Яве, являются ее уроженцами, и только 25% родились за границей. Мужчины среди китайского населения численно преобладают над женщинами (по статистике, 1000 на 642). Объясняется это прежде всего тем, что многие китайцы — кули и, как правило, являются холостяками, так как из-за своего тяжелого материального положения не могут содержать семью. На данных статистики отразилось и то, что по индонезийскому закону женщина любой национальности, выходя замуж за индонезийца, причисляется к национальности мужа. Вопрос об официальном статусе китайских иммигрантов в Индонезии урегулирован. В апреле 1955 г. между Китайской Народной Республикой и Индонезией было достигнуто соглашение по вопросу о двойном гражданстве проживающих в Индонезии китайцев, которое было ратифицировано в декабре 1957 г. Это соглашение дает право лицам китайской национальности самим решать, гражданами какой страны они желают быть — Китая или Индонезии.

На Яве проживает также около 50 тыс. арабов, главным образом из Хадрамаута, и около 30 тыс. индийцев.

До второй мировой войны на Яве насчитывалось около 200 тыс. голландцев — чиновников, торговцев, людей свободных профессий, владельцев предприятий по первичной обработке местного сырья, плантаторов. Во время войны и после нее значительная часть голландцев покинула пределы Индонезии.

В западной части Явы проживают бадуи, в восточной — тенгерезы. Численность бадуи и тенгерезов — всего 4—4,5 тыс. человек. Племена бадуи и тенгерезов — это остатки древнего веддоидного населения Явы, занимавшего весь остров до его заселения монголоидами.

* * *

Сельское хозяйство является основой экономики Явы, и подавляющее большинство яванских трудящихся — крестьяне и рабочие, занятые в сельскохозяйственном производстве. В сельской местности проживает 87% населения Явы.

Главной отраслью сельского хозяйства является земледелие. Благоприятные климатические и почвенные условия способствуют интенсивному ведению его. На Яве возможно получение двух, а в некоторых случаях трех урожаев в год, однако для большинства однолетних культур повсюду требуется искусственное орошение во время засухливого сезо-

---

⁸ «Современная Индонезия», М., 1955, стр. 48.

на. Крестьяне террасируют склоны многих вулканических конусов, что объясняется нехваткой сельскохозяйственных земель. Деревни и рисовые поля, расположенные на террасах, подходят к кратерам вулканов на расстояние нескольких километров. В настоящее время большая часть территории острова занята культурной растительностью.

Основными сельскохозяйственными культурами в яванском земледелии являются: рис, кукуруза, сахарный тростник, маниок, бобовые, каучук, чай, табак, кофе. Продовольственные культуры выращиваются исключительно в крестьянских хозяйствах; на плантациях, которые занимают примерно 10% обрабатываемой площади (около 1 млн. га), развито производство только технических культур: каучука, чая, кофе, сахарного тростника и табака⁹.

Иностранцам — голландцам, американцам и англичанам принадлежат 96% крупных плантаций на Яве. На иностранных плантациях работает более полумиллиона сельскохозяйственных рабочих.

С глубокой древности наиболее важной сельскохозяйственной культурой яванцев является рис, выращиваемый на заливных террасовых полях. Рис сеют все яванцы, занимающиеся земледелием. После того как рис сжат, на том же поле яванские крестьяне сажают кукурузу, маниок, бобовые, батат, испанский перец, арахис, табак.

Огромное значение для населения Явы имеет кокосовая пальма. Нет, пожалуй, ни одной части кокосовой пальмы, которая не использовалась бы человеком.

С начала XVII в. на Яве стали выращивать табак. В 1690 г. возникли первые кофейные плантации, в середине XIX в. — плантации чая. Голландские колониальные власти обязали сельские общины отвести за крайне малую цену или даже бесплатно $\frac{1}{5}$ площади полей для возделывания предписанных властями экспортных культур (кофе, хинная кора, чай, табак, индиго, пряности — корица, гвоздика, ваниль, имбирь, черный перец, красный стручковый перец, мускатный орех)¹⁰. Эта так называемая «система культур», просуществовавшая с 1830 по 1870 г., легла тяжелым бременем на плечи яванского крестьянства.

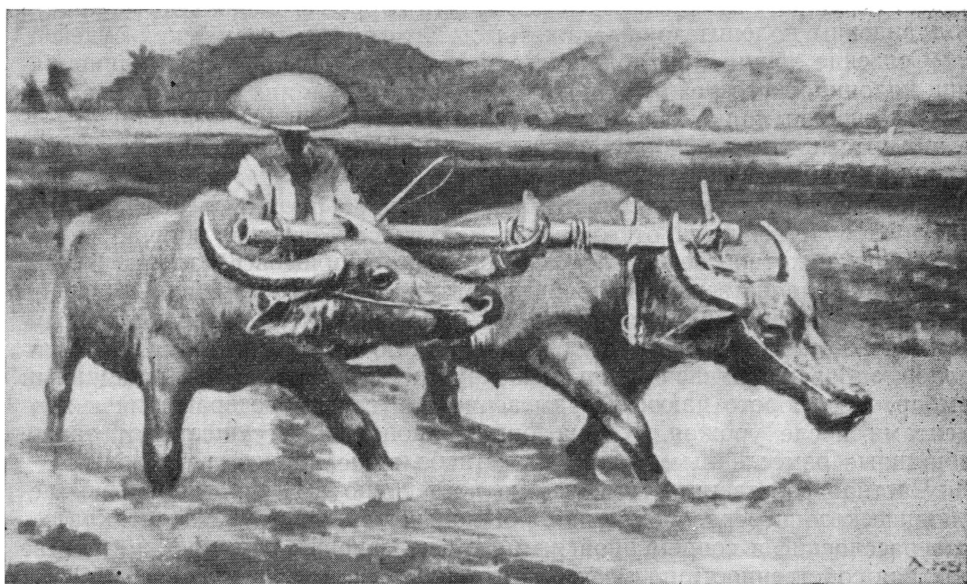
Основные продовольственные культуры Явы, как правило, разводятся на орошаемых полях. Оросительные системы, используемые яванскими крестьянами, большой древности; они состоят из водоподъемных сооружений, искусственных резервуаров, каналов для отвода воды на отдаленные участки. Современные оросительные сооружения обслуживают в первую очередь крупные плантации.

Тягловой силой служат буйволы или волы. Широкое распространение имеют изготовленные домашним способом плуги, которые целиком делаются из дерева. Такие плуги не переворачивают, а лишь разрыхляют землю. Для многих крестьян единственными орудиями пока остаются мотыга и сажальный кол. Рис убирают при помощи небольшой бамбуковой палочки, в которую вделана поперечная планка с воткнутым в нее лезвием бритвы.

После риса важнейшим продуктом питания на Яве, как, впрочем, и повсюду в Юго-Восточной Азии, является рыба. В морях, омывающих Яву, вылавливается свыше 1500 видов рыбы. Рыболовством жители занимаются не только на морских побережьях, но и во внутренних районах: на болотах, на затапливаемых рисовых полях и в пересекающих их каналах, в озерах, реках и искусственных прудах.

⁹ «Экономическое положение капиталистических стран в 1955 году», М., 1956, стр. 260.

¹⁰ Н. И. Зибер, *Община и государство в Нидерландской Индии* («Отечественные записки», т. ССL V, СПб., 1881, март), стр. 112.

БОРОНЬБА (Картина индонезийского художника Басуки Абдуллы)

Рыборазведение является, кстати сказать, одним из средств борьбы с москитами — разносчиками малярии, в связи с чем в настоящее время поощряется разведение рыб даже в самых маленьких водоемах.

Часть выловленной рыбы потребляется в свежем виде, остальная либо вялится на солнце, либо засаливается, либо перерабатывается в острый рыбный соус, который пользуется большой популярностью у населения Явы и называется «трассие».

Значительную долю морского улова составляют ракообразные, которых яванцы охотно употребляют в пищу. Панцири крабов, измельченные в порошок, смешивают с орехами арековой пальмы, и эту смесь используют вместо жевательного табака. В реках рыбу ловят разнообразными способами: удочками и сетями разной величины и вида, ставят верши, загороди с приманками, применяют временно одурманивающие рыбу корни — туба. Для прибрежного лова используют маленькие лодки, управляемые чаще всего одним человеком. Нередко вблизи берега рыбу ловят и без помощи лодок: рыбаки заходят по пояс в воду и расставляют сети. В тех местах, где ожидается ход рыбы вдоль берега, устраивают бамбуковые преграды, которые вынуждают рыбу заходить в квадратные ловушки, изготавливаемые также из бамбука.

Животноводство является второстепенной отраслью сельского хозяйства, так как недостаток пастбищ препятствует его развитию.

* * *

Для социально-экономических отношений в сельском хозяйстве Явы характерны сильные феодальные и даже дофеодальные пережитки. Наряду с высокоразвитым капиталистическим плантационным хозяйством еще существует местами общинная собственность на землю.

Голландские колонизаторы стремились сохранить сельские общины на Яве для того, чтобы управлять крестьянскими массами, используя местную эксплуататорскую верхушку, что несколько вуалировало характер колониальной эксплуатации, отводило ненависть масс от их главного

врага, переключало ее на местных эксплуататоров и давало возможность голландским колонизаторам даже выступать в роли третейских судей.

Сельские общины продолжают существовать на Яве и после ликвидации колониального режима, однако большинство из них в настоящее время выступают лишь как административно-территориальные единицы — в них уже произошло классовое расслоение крестьянства и одержал победу принцип частной собственности.

Процесс разложения сельской общины идет по линии выделения в частную собственность отдельных семей сначала домов, дворов, скота, а затем и пахотной земли, лесов, пастбищ и вообще всей земли. В конце концов в собственности общины остаются лишь постройки, имеющие общественное значение: молитвенный дом (мечеть), одновременно служащий во многих местах школьным зданием, общинный загон для буйволов, забор или живая изгородь вокруг деревни или хутора, общинный амбар, из которого даются ссуды зерна на условии возвращения с процентами после урожая. В некоторых районах Явы существуют также общинные ремесленные мастерские и небольшие кирпичные заводы.

Частная собственность на землю постепенно вытесняет практику периодического перераспределения общинных земель и углубляет классовое расслоение в современной яванской деревне. Если в 1882 г. на Яве частная собственность на землю существовала в 18% общин, то в 1927 г. таких общин было уже 39%. В настоящее время частная собственность на землю существует по крайней мере в 90% общин. Есть общины, вся земля которых принадлежит помещику, и крестьяне арендуют ее. Лишь в небольшом числе сельских общин земля и в настоящее время периодически перераспределяется ежегодно или реже (иногда раз в пять лет).

В современной яванской деревне налицо эксплуататорская верхушка — кулаки, ростовщики и купцы. Есть и помещики из числа старой феодальной знати и разбогатевших кулаков.

В 1955 г. 70% хозяйств из числа владевших собственной землей имели менее 0,5 га земли каждое, 25% — от 0,5 до 1 га, 3% — от 1 до 2 га, 1,5% — от 2 до 5 га (кулацкие хозяйства) и 0,5% хозяйств имели более 5 га земли (помещичьи хозяйства)¹¹.

Свыше 35% крестьянского населения на Яве вообще не имеет земли. Многие безземельные крестьяне нанимаются батраками, другие арендуют землю у кулаков и помещиков на кабальных условиях.

Среди населения, промышляющего рыбной ловлей, также наблюдается усиление кулачества, использующего безземельных крестьян в качестве наемной рабочей силы и присваивающего себе львиную долю улова благодаря тому, что дорогостоящие средства лова (необходимые сооружения, сети, лодки и т. п.) сосредоточены в его руках.

Одной из разновидностей эксплуатации в сельском хозяйстве Явы является долговая кабала, в которую нередко попадают крестьяне. Должник не имеет права покинуть деревню без разрешения своего кредитора-ростовщика, обязан покупать у него товары, выполнять любую работу по его указанию, причем заработанные деньги идут на погашения долга.

Ростовщики скупают земли обедневших крестьян, жестоко эксплуатируют мелких деревенских кулаков, становятся хозяевами мануфактурных и мелких фабричных предприятий.

До сих пор на Яве не проведена земельная реформа.

Одна большая деревня или комплекс небольших близлежащих деревень образует самостоятельную сельскую общину (деса).

Территория отдельных общин бывает различна — от нескольких бау

---

¹¹ Д. В. Беклешев, *Экономика и внешняя торговля Индонезии*, М., 1956, стр. 50.

до трех-четырех сотен бау (1 бау = 0,17 га). Население общины составляет в среднем 800—900 человек. В центральной части Явы, где встречаются селения и в 10 тыс. человек, они состоят обычно из группы сельских общин.

Правовой основой социальных отношений внутри сельской общины в значительной степени является обычное право (адат). Нормы адата распространяются на область управления, распределения налогов и повинностей среди крестьян. Во главе общины стоят староста и общинный совет. Кроме того, на западе Явы, а также кое-где в других частях острова имеются советы старейшин.

Даже в тех сельских общинах, где сохраняется общинная собственность на землю, члены их почти не принимают участия в управлении делами, хотя и присутствуют на общих собраниях, созываемых старостой по поводу распределения налогов и повинностей, праздников и других торжеств, общих сельскохозяйственных мероприятий, проступков отдельных членов общины и т. д.

Выборы старосты общины и общинного совета издревле являлись нормой обычного права. Формально и в настоящее время старосты общин выбираются населением. Практически, однако, еще во время голландского колониального режима было введено назначение старост властями. В период 1945—1948 гг. принцип выборности старосты и общинного совета населением проводился в жизнь. Жители обоего пола, достигшие 18-летнего возраста, избирали старосту общины и общинный совет. В состав общинного совета мог быть избран любой крестьянин старше 18 лет, независимо от того, владел он землей или нет. Местные органы власти (советы народных представителей и исполнительные советы) избирались общинными советами и были ответственны перед ними. В сентябре 1948 г. реакционное правительство Хатта приостановило действие демократических положений о сельском самоуправлении. Это решение, несмотря на протесты прогрессивной общественности, еще не отменено ¹².

В общинах, где налицо глубокое классовое расслоение, эксплуататорская верхушка сама подбирает из числа кулаков нужного ей кандидата на должность старосты, и эта кандидатура затем утверждается властями.

В различных местностях должность старосты имеет различные наименования. Например, в резиденциях Бантам, Пекалонган, Семаранг, Пасуруан и ряде других она именуется «лурах» (loerah) или «петингги» (pétिंगgi). В резиденциях Тегал и Багелен — «бекель» (bèkèl).

Староста общины собирает налоги и распределяет повинности (ремонт дорог, строительство общинных построек, присмотр за плотинами, кладбищами), организует ночную охрану селений и полей. Староста в виде жалованья за свою должность получает определенный процент от суммы налогов, причитающихся с общины, и определенное количество риса, освобождается от всех повинностей, распоряжается общинной кассой, которая по существу нередко не отделена от его личной кассы. Крестьяне бесплатно обрабатывают землю старосты. В общинах, где дом старосты является местом пребывания канцелярии общины, крестьяне содержат этот дом, а также, если необходимо, строят для старосты новый дом.

В зависимости от численности крестьян в общине и размеров общинного хозяйства число членов общинного совета колеблется от 2 до 50. В число членов общинного совета входят: заместитель старосты, писарь.

---

¹² Л. Я. Дадзани, *Государственный строй Индонезии*, М., 1957, стр. 65.

ЖЕНЩИНА ИЗ ДЖОКЪЯКАРТЫ (Картина индонезийского художника Сударсо)

духовное лицо — амиль (amil) и его помощники. Амиль часто является и школьным учителем.

В некоторых общинах сохраняются еще советы старейшин — социальный институт обычного права. Старейшинами — пинитува (pinitoewa), или камитува (kamitoewa), могут считаться люди из-за их преклонного возраста и богатства или по другим обстоятельствам (например, благодаря совершению паломничества в Мекку). Часто старейшинами бывают бывшие старосты и члены общинного совета. Число старейшин колеблется в различных общинах от двух до восьми. Старейшины имеют влияние при разрешении различных правовых вопросов, например при разделе наследства¹³.

¹³ L. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewezen op Java en Madoera* («Bijdragen tot de taal-, land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», LII, S.-Gravenhage, 1901), z. 77.

МУЖЧИНЫ-ЯВАНЦЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОСТЮМАХ

Нормы обычного права действуют и в отношении различных проступков. Некоторые общины имеют даже собственные «уголовные кодексы». Наказания по обычному праву носят в настоящее время лишь административный характер и состоят в денежных штрафах, увеличении повинностей. Налагаются наказания за невыполнение обязанностей по отношению к общине, неподчинение приказам старосты или членов общинного совета, нарушение норм морали и общественного порядка.

Для вступления в общину нового члена требуется согласие старосты, а в некоторых общинах — и членов общинного совета.

* * *

Яванская деревня состоит чаще всего из граничащих друг с другом, обсаженных фруктовыми деревьями или другой растительностью дворовых участков, которые изредка разделяются водоотводными каналами. В некоторых деревнях жилые дома с пристройками стоят на общем участке и располагаются тесно, часто беспорядочно. Если в построенных таким образом деревнях жители сажают небольшие садики, то их в крайнем случае отгораживают невысокими дамбочками (насыпями). Дом старосты, как правило, располагается на общем земельном участке между жилищами рядовых крестьян. В рисоводческих районах деревни

вытягиваются вдоль дамб, окаймляющих оросительные каналы. Деревня окружается общей, часто живой, изгородью, которая делается выше и крепче, чем изгороди между домами. В центре деревни часто имеется площадь с посаженным на ней деревом варингин (индийская смоковница), считающимся священным. По-явански деревня — кампунг (kampong).

Сельские дома строятся из бамбука. Они чаще всего одноэтажные, стоят непосредственно на плотно утрамбованной земле; лишь у сунданцев встречаются дома на сваях.

Яванский дом не имеет окон, и лучи солнца проникают в помещение лишь через дверь и щели в сплетенных из расщепленного бамбука стенах. Крыша четырехскатная, кроется черепицей, дранкой, деревянными дощечками, расщепленным бамбуком или листьями¹⁴. Особое помещение предназначается для кухни, одновременно служащей столовой. На земляном полу стоят широкие деревянные лавки высотой примерно 50 см. В одной «комнате» на лавках спят, в другой на таких же лавках едят. В кухне находится небольшой очаг.

Яванский крестьянин проводит в доме обычно лишь часы ночного сна или отдыха в самое жаркое время дня. На пристроенной к переднему фасаду крытой веранде женщины прядут, ткут и выполняют другие хозяйственные работы, спасаясь от палящих лучей солнца. Сельский дом строится на одну семью. Зажиточные яванцы делают к дому пристройку для приема гостей.

Около дома богатого крестьянина обычно размещаются служебные постройки: рисовый амбар на высоком каменном фундаменте с плетеными стенами, конюшня для буйвола или лошади. Каменные дома встречаются только в больших деревнях.

В старых яванских селениях сохраняется специальный общественный «мужской дом» — лангар (langgar), в котором еще в конце XIX в. происходили сельские сходы. Там, где здания «мужских домов» еще сохранились, они заняты в настоящее время под школы, а собрания членов общины происходят в доме старосты либо на открытом воздухе.

* * *

Лишь 13% населения Явы проживает в городах; но развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве обуславливает постоянный отлив из деревни, в связи с чем численность городского населения быстро растет.

Самодельная часть городского населения тесно связана с промышленным производством. Численность промышленного пролетариата, занятого на фабриках, заводах и железнодорожном транспорте (Ява имеет развитую сеть железных дорог, общая длина которых составляет 4697 км), оценивается в 500 тыс. человек¹⁵. До 2 млн. человек работает в кустарной промышленности.

Фабрично-заводская промышленность сосредоточена в крупных городах — Джакарте, Сурабае, Бандунге, Семаранге, Суракарте, Джокьякарте. Кустарная промышленность преобладает во внутренних районах Явы. Позиции национальной буржуазии в промышленности еще довольно слабы, что объясняется особенностями исторического развития Индонезии.

---

¹⁴ А. Р. Уоллес, *Тропическая природа*, М., 1956, стр. 57.

¹⁵ В. А. Антипов, *Экономико-географическая характеристика Явы, как важнейшей части Индонезии (автореферат диссертации)*, М., 1955, стр. 9.

Сфера деятельности индонезийской национальной буржуазии ограничена в основном мелким кустарным производством. В промышленности всей Индонезии и, в частности, Явы большую роль играет иностранный капитал. Значительная часть средних кустарных предприятий (с числом рабочих от 10 до 50 человек) находится в руках китайской буржуазии¹⁶.

На Яве значительно развита кустарная промышленность по производству различных плетеных изделий из пальмовых листьев, рисовой соломы, тонких стволов пальмы ротанг. Из пальм и бамбука ремесленники изготавливают разнообразные сосуды, домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь, циновки, стены для хижин, ловушки для рыб, шляпы. Из дерева же яванские ремесленники-кустари делают лодки, обувь, рабочий инструмент. Из стволов бамбука изготавливают каркасы легких свайных жилищ, подвесные мосты через реки и пропасти, из воздушных досковидных корней некоторых деревьев — доски для столов, колесные диски для телег.

Резьба по дереву, рогу, камню, по твердой скорлупе кокосового ореха имеет широкое распространение.

Высокое развитие получила обработка металлов. Кузнец есть в каждом яванском селении. Мастера по художественной обработке металлов достигли большого совершенства в изготовлении крисов — национального яванского оружия. Яванцы весьма искусны в изготовлении предметов из меди и разнообразнейших украшений из серебра, золота, латуни. Гончарное производство развито слабо. Глиняные сосуды, употребляемые в хозяйстве, не имеют поливы, пористы и ломки, однако пористость способствует охлаждению воды при жарком климате.

Условия работы в яванской промышленности очень тяжелые. Вот как описывает Е. Шевелева труд работниц на текстильной фабрике батика¹⁷:

«Мы входим в смрадный черный цех, разделенный как бы на каменные ячейки. За каменными заборчиками сидят женщины, дети. Одни что-то дорисовывают, видимо, накладывают дополнительные рисунки на почти готовые штуки батика, другие варят, третьи стирают. Оказывается, люди и работают, и живут здесь. Это их рабочее место и их жилище. В помещении стоит кислый и пряный запах... В одной из каменных ячеек мы видим женщину, полулежащую на мягкой ливне. Перед ней на коленях другая женщина, и что-то крохотное, живое копошится у нее в руках. Это ребенок, который родился здесь, в цехе, два часа тому назад»¹⁸.

Городские ремесленники зависят от ростовщиков, которых не могут избежать, будучи опутаны обязательством возвратить полученные ссуды, уплатить за сырье. Продукция яванских тружеников лишь в незначительной своей части попадает непосредственно от ремесленников к потребителям через рынок. Посредники присваивают до 75% стоимости продукции ремесленников.

* * *

Более чем трехвековое господство голландских колонизаторов затормозило развитие производительных сил и культуры Индонезии. Хотя население Явы характеризуется наиболее высоким культурным уровнем

---

¹⁶ Там же, стр. 13.

¹⁷ Батикование — разрисовка тканей при помощи воска. На белую ткань тонким слоем расплавленного воска наносится рисунок. При последующей окраске ткани места в рисунке, залитые воском, остаются неокрашенными. Заливание воском и окрашивание производятся несколько раз в зависимости от количества желаемых цветов и оттенков в рисунке.

¹⁸ Е. Шевелева, *На острове Ява* («Знамя», 1954, № 10), стр. 126.

ЯВАНКА В НАЦИОНАЛЬНОМ
КОСТЮМЕ

в Индонезии, однако и в 1957 г. лишь 50% его было грамотным. К 1961 г. правительство рассчитывает ввести обязательное начальное обучение¹⁹.

Сознание большей части населения опутано религиозными суевериями и предрассудками. Официально население Явы исповедует мусульманскую религию, которая начала проникать в Индонезию в XIII в. и особенно распространилась в XV в. благодаря широким торговым связям с северо-западным побережьем Индии. Ислам на Яве сильно перемешан с индуистской религией, которая была распространена здесь до его проникновения.

В яванских народных суевериях существует масса добрых гениев и злых демонов индусского происхождения, к которым яванцы присоединили еще шайтанов и джинов мусульманской мифологии.

Среди яванцев распространено почитание умерших. Каждая община чтит своего, в большинстве случаев легендарного, основателя, а каждая семья устраивает один раз в год поминальный обед в честь умерших родных и, прежде всего, родителей.

Нормы мусульманского права оказывают огромное влияние на семейные отношения. Не запрещается бракосочетание в детском возрасте и многоженство, распространенное среди помещиков, кулаков и других богатых людей²⁰. Добиться развода мужу значительно легче, чем жене.

Национальные особенности народных Явы ярко проявляются в искусстве — в народных танцах и народном театре. Некоторые танцы требуют длительного обучения и исполняются лишь после тщательной отработки каждого движения и жеста. Яванские танцы возникли как

пляски воинов, как религиозные обряды; теперь же некоторые из них превратились в народные развлечения. Наиболее изящны танцы центральной Явы. Два самых известных из них — бедайа и серимпи; их исполняют профессиональные танцовщицы.

Широко распространен народный театр теней — ваянг пурво. Представления этого театра устраиваются обычно в праздничные дни, например по случаю окончания полевых работ, артистами, переезжающими из деревни в деревню.

В доме старосты между двумя резными деревянными стойками натягивается большой экран из белой ткани. Зрители располагаются перед экраном на циновках. Актер — даланг сидит позади экрана, двигает

¹⁹ Сукарно, *Индонезия*, М., 1956, стр. 35.

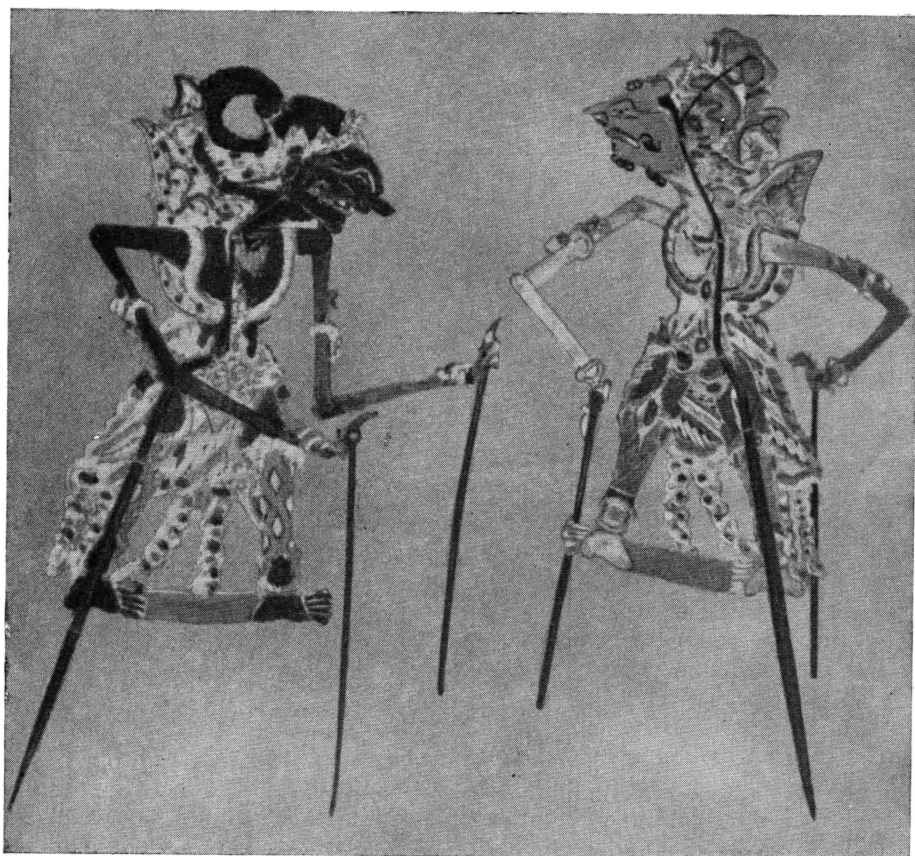
²⁰ И. Вольф, *В стране тысячи островов*, М., 1954, стр. 107.

ТАНЕЦ ДЖОГЕД (Картина индонезийского художника А. А. Г. Собрата)

КУКЛЫ ИЗ ЯВАНСКОГО ТЕАТРА ТЕНЕЙ

куклы и ведет рассказ по ходу спектакля. Кукла делается плоской из тонкой буйволовой кожи. В руках, ногах и голове куклы устроены шарниры и даланг приводит ее в движение при помощи длинных палочек. Свет от горящей керосиновой лампы отбрасывает увеличенную тень куклы на экран. Представление идет под национальный оркестр — гамелан. В гамелане имеются ударные инструменты типа ксилофона, гонги, барабаны, также смычковый инструмент — рабаб. Представления длятся по девять-десять часов в течение нескольких дней, начинаясь вечером и заканчиваясь лишь с наступлением утра. Сюжеты спектаклей берутся из древнего яванского эпоса.

На Яве существует также театр масок — ваянг гопенг, обязанный своим происхождением театрализованным религиозным обрядам. В театре масок выступают профессиональные актеры. Содержание исполняемых пьес рассказывает даланг, скрытый от глаз зрителей. Представление идет под аккомпанемент гамелана, обычно под открытым небом и без декораций.

В спектаклях клоуны в масках разыгрывают комические сценки, имеющие злободневный характер.

Все шире распространяется на Яве драматический театр европейского типа — ваянг оранг, в котором актеры играют без масок. Эти театры исполняют пьесы В. Шекспира, Р. Тагора, Л. Н. Толстого, А. М. Горь-

кого, пьесы голландских писателей конца XIX в.²¹ Эти театры ставят также произведения индонезийских авторов, отображающие жизнь трудящихся масс.

* * *

В заключение нельзя не упомянуть об одежде яванцев. Обычной одеждой женщин является кайн — подобие юбки и кабайя — жакет в талию с длинными рукавами. Кайн обертывается вокруг тела, а на его конце делается несколько складок. Низ кайн отстоит от земли всего на несколько сантиметров. Кайн не следует путать с саронгом, у которого оба края сшиваются и который обычно является домашней одеждой. Кайн, кабайя и саронг шьются из батикованной ткани. Поверх кабайи через плечо набрасывается шарф — сленданг. Для сленданга может быть использована любая красивая ткань. На ногах яванки носят туфли на высоких каблуках или деревянные сандалии (с каблуком высотой 2—7 см) самых разнообразных фасонов, цветов и форм. Каблуки сандалий разрисовываются, на них делаются различные узоры, изображающие дракона с раскрытой пастью или цветы. Тесемки у сандалий делаются из посеребренных или позолоченных ремешков. Многие яванки-мусульманки носят чадру, которая, однако, не закрывает их лица, а повязывается вокруг головы.

От солнца яванки защищаются разноцветными зонтиками. Даже самые бедные женщины обязательно носят серьги — это украшение неотделимо от национальной одежды женщин Явы.

Мужчины-яванцы носят кайн-панджанг (полотнище батикованной ткани) или саронг. У талии кайн-панджанг придерживается широким поясом с металлической пряжкой. Сзади за пояс втыкается крис. Кайн-панджанг свисает ниже колен, под ним носят брюки длиной до подъема ноги. Поверх кайн-панджанг надевают полосатую легкую рубашку типа пижамной — каламби. Головным убором яванца служит батикованный платок; один его угол обычно опускается над ухом. Распространенным головным убором мужчин-яванцев, как и жителей других островов Индонезии, является черная бархатная шапочка — куплук. Среди городского населения в настоящее время все шире распространяется одежда европейского покроя. Однако даже в городах яванцы, идя в мечеть, надевают национальную одежду. Многие яванцы не носят обуви главным образом из-за ее дороговизны.

---

²¹ М. Алексеев, *Народный театр Индонезии* («Огонек», 1954, № 43), стр. 19.

Ю. Д. Дмитриевский

РЕКА ОРАНЖЕВАЯ И ВОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

В разных странах и районах Африки использование внутренних вод различно. В одних случаях превалирует их использование для ирригации, в других — для судоходства, в некоторых странах (особенно в последние годы) можно наблюдать случаи энергетического использования рек. Везде мы сталкиваемся с использованием внутренних вод для бытового водоснабжения и в ряде случаев — для водоснабжения промышленного.

Пожалуй, нигде в Африке использование рек для водоснабжения и связанные с ним проблемы не выявляются так ярко и отчетливо, как в Южно-Африканском Союзе. И это, конечно, не случайно. Южно-Африканский Союз — наиболее развитая в промышленном отношении страна Африки; здесь есть большие сгустки промышленного (особенно горно-промышленного) населения, и этим обуславливаются значительные потребности в воде для бытовых и индустриальных нужд.

Южно-Африканский Союз — страна, где имеются немалые возможности для развития поливного земледелия. Но эти возможности использованы, однако, очень слабо.

Все сказанное относится и к важнейшему речному бассейну в стране — реки Оранжевой, использованию водных ресурсов которого посвящен настоящий очерк. Поскольку проблемы использования вод бассейна Оранжевой типичны для страны, мы коснемся и ряда общих вопросов водной проблемы Южно-Африканского Союза.

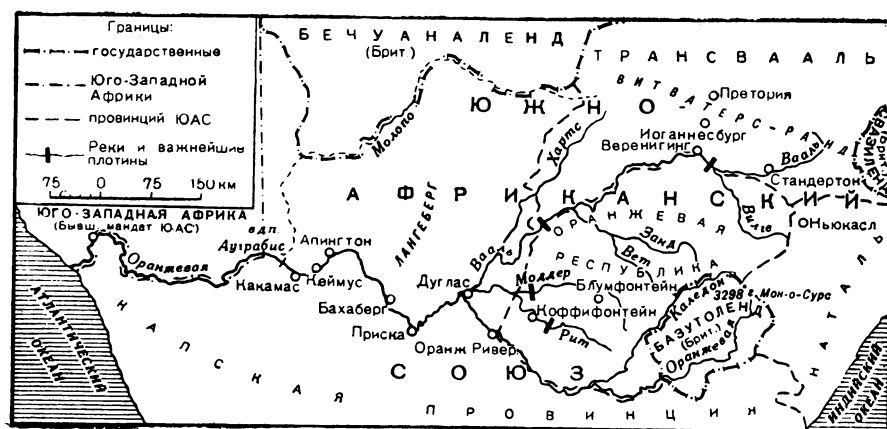
* * *

Река Оранжевая — одна из самых значительных рек Южной Африки и крупнейшая река Южно-Африканского Союза. Длина ее 1860 км, площадь бассейна 1020 тыс. кв. км.

Оранжевая¹ (в истоках она называется Хубеду) берет начало на склонах вершины Мон-о-Сурс в массиве Базуто (северная часть Базутоленда) в результате слияния трех небольших рек. В верховьях реки имеется ряд водопадов. Они характерны и для притоков верхнего участ-

---

¹ Название реке дал офицер голландской службы шотландец по происхождению капитан Гордон, командовавший гарнизоном в Кейптауне. Достигнув в 1777 г. среднего течения реки, он назвал ее в честь принца Оранского.

БАССЕЙН РЕКИ ОРАНЖЕВОЙ.

ка реки. Так, на Молутсиньяне расположен одноименный водопад высотой 192 м. Важнейший приток Оранжевой в ее верхнем течении Каледон. На значительном протяжении Оранжевая течет в глубокой долине. Верхнее течение Оранжевой заканчивается при слиянии с Ваалем, ее важнейшим притоком.

Река Вааль², начинающаяся в восточном Трансваале, примерно в 200 км восточнее Йоханнесбурга, и имеющая длину около 680 км, состоит из чередующихся участков со значительным и небольшим падением. Вааль принимает в верхнем течении левые притоки Вилге и Вет (Жирная) и правый приток Хартс, выработавший в сравнительно мягких породах глубокую долину, дно которой расположено ниже дна долины Вааля.

В самом нижнем течении (чуть выше слияния с Оранжевой) Вааль принимает левый приток Рит (Тростниковая). В свою очередь р. Рит принимает правый приток Моддер (Грязная).

Ниже устья р. Вааль начинается среднее течение Оранжевой. В нескольких километрах от места слияния с Ваалем Оранжевая прорезает в лавах глубокое ущелье, а еще немного ниже — второе, более значительное, глубиной свыше 120 м.

Это ущелье лежит на южной окраине плато Кап. Дно долины имеет ширину около 270 м, а склоны местами практически вертикальны. Пройдя это ущелье, река течет по сравнительно плоскому плато Карру в довольно широкой долине со многими аллювиальными террасами. Ниже Приска снова начинается глубокая долина. В 110 км от этого пункта Оранжевая пересекает южный конец гор Лангеберг и имеет там большое падение; затем на протяжении 8—10 км река течет по неширокой плоской долине и меандрирует; здесь сформировались многочисленные аллювиальные террасы, особенно вдоль левого берега. У Апингтона Оранжевая вступает в район выходов гранитов; отсюда вплоть до водопада Ауграбис (111 км) река течет, разбиваясь на ряд рукавов. Имеется много островов. Местами ширина долины до 6,5 км. Однако в районе Неус (15 км выше Какамас) река снова протекает в узкой долине, имея значительное падение (около 10 м на 1,5 км). От Неус до водопада Аугра-

² «Название Вааль является отчасти переводом голландскими переселенцами готтентотского названия реки «Kai Garieb», собственно «Garib» (желтая вода), которое относится к глинистому цвету водотока» [«Vaal river» («Encyclopaedia Britannica», vol. 22, 1946)], р. 921.

бис в долине реки сформированы широкие террасы. Несколько выше этого водопада к Оранжевой подходит сухое большую часть года русло р. Молопо. У водопада Ауграбис заканчивается среднее течение реки.

Водопад Ауграбис³ (один из самых крупных водопадов мира) расположен на расстоянии около 500 км от устья Оранжевой. Здесь вода низвергается с высоты 146 м. После водопада река оказывается в узком ущелье длиной около 11 км и глубиной около 120 м. Здесь располагается ряд порогов, и падение реки велико — более 40 м. В глубокой долине, прорезающей холмистую страну, река течет в сторону Атлантического океана, не принимая более притоков. Ниже Сендлингсдрифт (примерно 97 км от устья) река выходит на прибрежную равнину.

* * *

Бассейн Оранжевой располагается в различных климатических районах. Поскольку Оранжевая течет в общем вдоль параллели, температурный режим (за исключением восточных, сильно приподнятых районов) сравнительно однороден, и климатические различия связаны в первую очередь с различиями в количестве выпадающих осадков. На самом деле, у истоков Оранжевой их выпадает 1000—1300 мм, почти по всему верхнему течению (равно как и в большей части бассейна Вааль) — менее 500 мм и, наконец, в среднем и нижнем течении — менее 250 мм.

В связи с таким распределением осадков основную часть питания Оранжевая получает на востоке, в верхнем течении. В среднем и нижнем течении Оранжевая является транзитной рекой, которая, подобно Нилу в Северной Африке, не получает постоянных притоков и расходует на испарение и просачивание ту воду, которую она получает в верховьях. Лишь изредка некоторые пересыхающие реки (например, Молопо) доставляют Оранжевой скудное питание в среднем ее течении.

Не удивительно, что Оранжевая едва доносит воды до места своего впадения в Атлантический океан. В течение девяти месяцев в году устье Оранжевой заперто песчаным баром.

Поступление воды в Оранжевую не только локализовано в восточной части ее бассейна, но характеризуется ярко выраженной сезонностью: летний максимум осадков приводит к летнему половодью; зимнему минимуму осадков соответствует обмеление. На ряде участков Оранжевую зимой можно перейти вброд.

Весьма значительны и колебания расхода воды Оранжевой от года к году⁴, что связано с нерегулярностью ее питания. Например, в очень дождливое лето 1924/25 г. Оранжевая имела паводок втрое больше нормального. Напротив, в исключительно сухие годы Оранжевая пересыхает совсем. Например, весной 1933 г. в течение 33 дней октября — ноября поверхностный сток в реке совершенно прекратился.

Еще более неустойчив режим Вааля. У Веренигинга средние суточные расходы реки изменяются в течение года от 7 млн. до 405 млн. литров⁵, т. е. в 58 раз. За период с 1909 по 1935 г. Вааль полностью пересыхал

³ Название водопада происходит от готтентотского слова «aukoerebis» — «место большого шума». Это название услышал от местных жителей открывший в 1778 г. водопад Хендрик Викар. Интересно отметить, что в географии закрепилось именно это название, а не то, которое дал ему в 1824 г. Томсон (Катаракт короля Георга).

⁴ Средний годовой сток Оранжевой составляет 91 куб. км [Оранжевая (БСЭ, т. 3, изд. 2, 1955), стр. 130].

⁵ J. H. Wellington, *Southern Africa. A geographical study*, vol. II, Cambridge, 1955, p. 134—135.

по меньшей мере в течение шестнадцати зим. С другой стороны, в период паводка 1917/18 г. объем воды в реке был более чем в 37 раз выше нормального.

ГODOVОЙ СТОК РЕК ОРАНЖЕВОЙ И ВААЛЯ И ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ПО МЕСЯЦАМ *

	Оранжевая		Вааль		
	у железнодорожной станции Оранже-Ривер (1913—1945 гг.)	у Приска (1913—1938 гг.)	у Стандертона (1905—1945 гг.)	у Ваальдам (1923—1945 гг.)	у Ривертона (1909—1953 гг.)
Средний сток за год, млн. куб. м	7591	10 894	598	2313	3592
в том числе:					
(в % к среднему годовому стоку)					
Январь	13,8	15,9	22,9	14,3	21,6
Февраль	13,5	15,0	21,6	20,9	18,6
Март	18,0	18,1	10,5	13,0	17,2
Апрель	9,9	9,9	3,5	5,4	5,0
Май	5,5	4,3	2,3	4,8	2,7
Июнь	2,9	2,6	1,0	1,7	0,9
Июль	1,8	1,4	1,2	2,8	0,5
Август	1,5	1,3	0,8	1,5	0,8
Сентябрь	3,7	2,5	0,8	2,0	1,0
Октябрь	5,7	5,0	4,2	4,6	2,4
Ноябрь	11,5	9,3	16,0	14,3	11,8
Декабрь	12,2	14,7	15,2	14,7	17,5

* Составлена по данным, опубликованным в кн.: J. H. Wellington, *Southern Africa, A geographical study*, vol. I, Cambridge, 1955, p. 366, 367, 369, 374, 377.

* * *

Большая часть районов, по которым протекает Оранжевая, требует искусственного орошения для сельскохозяйственного производства. Кроме того, многие районы бассейна Оранжевой нуждаются в значительном количестве воды для водоснабжения промышленных предприятий и населенных пунктов.

Вместе с тем использованию реки в указанных выше целях мешают, по меньшей мере, три природных препятствия: нерегулярные расходы, глубокие долины на многих участках, постоянная опасность заилиения оросительных сооружений (Оранжевая имеет весьма значительный твердый сток — около 153 млн. т в год⁶).

Реки бассейна Оранжевой обладают существенными запасами гидроэнергии, составляющими, по данным IV мировой энергетической конференции, около 31 млн. квт⁷.

Как отмечено, земли, расположенные в бассейне Оранжевой, в большинстве своем нуждаются в искусственном орошении. Однако солидные ирригационные сооружения встречаются здесь не часто.

⁶ И. В. Самойлов, *Устья рек*, М., 1952, стр. 420.

⁷ V. Slebinger, *Statistics of all existing water-power resources* («Transactions of the fourth world power conference», vol. 4, London, 1952), p. 2153.

Наиболее крупной оросительной системой является система Вааль-Хартс, работы по созданию которой были начаты в 1934 г.

Главное водохранилище для этой системы построено на р. Вааль. Плотина сооружена в 22 км ниже слияния Вааль с р. Вилге, в 38 км выше Веренигинга. Ваальская плотина (Ваальдам) самая большая в южном полушарии: средняя высота ее над дном реки около 30 м, общая длина около 600 м. Образовавшееся водохранилище имеет площадь около 160 кв. км, ширину около 19 км. Подпор воды по рекам Вааль и Вилге сказывается на протяжении примерно 100 км. Объем водохранилища около 1 млрд. куб. м⁸.

Распределительная плотина построена на 560 км ниже, в 6 км выше железнодорожного моста через Вааль. Длина плотины около 750 м, средняя высота над дном реки около 7 м. Подпор воды сказывается на 37 км выше плотины. Магистральный канал на 19-м километре делится на две ветви: Западный канал и Северный канал. Общая длина каналов — магистральных около 125 км, распределительных около 155 км, оросительных около 573 км.

Одной из целей строительства плотины Ваальдам было водоснабжение промышленного (в первую очередь золотопромышленного) района Ранд. Следует отметить, что для организации и контроля водоснабжения Ранда и Претории в 1903 г. создано парламентским актом специальное Бюро — Rand Water Board. Вначале водоснабжение Ранда происходило главным образом за счет подземных вод. В 1911 г. было обращено внимание на р. Вааль как возможный источник водоснабжения этого района, и Бюро получило право брать из нее ежедневно 1023 млн. л воды⁹, а также построить гидроэлектростанцию. В 1923 г. в целях водоснабжения Ранда было создано водохранилище, для чего в 37 км ниже Веренигинга была построена плотина. Объем водохранилища составил всего 56 млн. куб. м¹⁰.

В настоящее время Бюро обеспечивает водой из водохранилища Ваальдам территорию свыше 10 тыс. кв. км с населением более 1,5 млн. человек¹¹. Вообще же Rand Water Board снабжает водой территорию с населением примерно 2 млн. человек¹², монополизировав таким образом водоснабжение важнейшего промышленного и наиболее густо населенного района Южно-Африканского Союза.

Кроме того, Управление золотых разработок Оранжевого свободного государства ежедневно берет около 18 млн. л воды для новых разработок. До 1956 г. вода подавалась по двум трубопроводам. В начале 1956 г. предполагалось ввести в строй третий, более мощный трубопровод (длинной 72 км и диаметром 115 см) с пропускной способностью 6,8 млн. л/час¹³.

Система Вааль-Хартс позволила правительству Южно-Африканского Союза создать группу поселений, находящихся под управлением земельного департамента. Целью создания этих поселений рекламировалось землеустройство, «восстановление в правах», так называемых «белых бедняков»¹⁴.

⁸ J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 134—135.

⁹ J. H. Moolman, *The Orange river* («South Africa Geographical review», 1946, vol. 36, № 4), p. 664—665.

¹⁰ J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 134—135.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., p. 135.

¹³ «Forty-five mile pipe-line» («Engineer and foundryman», 1955, vol. 19, № 9), p. 44.

¹⁴ «Белые бедняки» — это «разорившиеся фермеры, деклассированный белый пролетариат; число их значительно — от 300 до 400 тыс. человек» (И. П. Ястребова, *Южно-Африканский Союз*, М., 1946, стр. 18).

«Если поселенцы обращаются с заявлением и их принимают, то размещаются они группами по 50 человек, — пишет Мулмэн, — затем проходят испытательный период (год или более), после чего в случае успеха становятся привилегированными арендаторами, постепенно превращаясь в полных собственников своих участков»¹⁵. Средняя величина земельного надела 26 моргенов¹⁶.

Первая группа поселенцев получила свои наделы в 1938 г., однако во время второй мировой войны новых кадров не образовалось (к концу войны занято было только 323 участка). Ожидался новый приток поселенцев после демобилизации и имелось в виду создание 1220 наделов общей площадью около 27 тыс. га. Поселенцы, которые вели хозяйство во время войны, выращивали люцерну, картофель, пшеницу, овощи и немного земляного ореха, Мулмэн отмечает их большие доходы¹⁷. Если его цифры верны, не остается сомнения в непосредственной связи этих доходов с военной конъюнктурой.

В системе Вааль-Хартс создана государственная экспериментальная станция с наделом 400 га.

Система Вааль-Хартс доставляет также воду для орошения 6 тыс. га в районе Таунгс (среднее течение р. Хартс), где находится одна из резервуаров для местного населения.

По данным Уэллингтона¹⁸, в 1953 г. в пределах оросительной системы Вааль-Хартс было орошено около 22 тыс. га. Возможная площадь орошения составляет примерно 35 тыс. га.

* * *

Вторая оросительная система создана на р. Рит, притоке Вааля. Плотина построена в 24 км выше Коффифонтейн. Созданное водохранилище является вторым по величине в Южно-Африканском Союзе.

В 1938 г. плотина была построена, но сеть каналов к началу второй мировой войны создана только наполовину. Во время войны работы приостановились и были возобновлены только после ее окончания. По плану магистральный (главный) канал должен иметь длину около 100 км, распределительные каналы — около 230 км. Должно быть орошено примерно 7650 га земли. К 1956 г. было орошено 6026 га¹⁹. Первоначально предполагалось снабдить водой 96 собственников, чьи участки лежат по берегам реки, но во время войны было решено прибавить к этому снабжение водой поселений для возвращающихся солдат. Одно поселение было построено в 1945 г. Оно расположено в нескольких километрах ниже небольшой деревни Якобсдаль и состоит примерно из 200 участков.

Плотина построена и на правом притоке р. Рит — р. Моддер, чуть выше ее устья. Насосные установки орошают около 300 га земли. Строится плотина на р. Моддер и в районе Русфонтейн с целью создания водохранилища для снабжения города Блумфонтейна.

В среднем течении Оранжевой, где начатки орошения были еще у готтентотов, имеется система орошения в районе Неус-Какамас. Магистральные каналы проходят севернее и южнее реки и на о-ве Реностеркоп. Их длина 85 км, орошенная площадь составляет 3029 га. Эта площадь раз-

¹⁵ J. H. Moolman, *The Orange river...*, p. 665.

¹⁶ Морген равен 0,85 га.

¹⁷ J. H. Moolman, *The Orange river...*, p. 665.

¹⁸ J. H. Wellington, *A tentative land classification of the South Africa* («South African geographical journal», vol. XXXV, 1953), p. 23.

¹⁹ «South Africa handbook and guide», 1956, p. 195.

делена на 577 маленьких участков. Население орошенных земель составляет 5,5 тыс. человек, из которых больше половины европейцы. Система Какамас представляет собой «церковную рабочую колонию», находящуюся под управлением голландской реформатской церкви Капской провинции; в последние годы развернулось движение за превращение ее в правительственное поселение.

Есть несколько небольших, преимущественно частных оросительных систем в Кеймусе, Каросе, на о-ве Кеннон.

В 1929 г. начались работы по созданию оросительной системы Бахаберг. Плотина Бахаберг создала водохранилище, от которого отходит магистральный канал длиной около 160 км. Орошено около 3400 га. Водохранилище Бахаберг играет заметную роль в регулировании стока реки и орошении вплоть до водопада Ауграбис. Необходимо отметить, что оно, подобно другим водохранилищам страны, быстро заносится илом.

В результате создания ряда оросительных сооружений в среднем течении Оранжевой между плотиной Бахаберг и водопадом Ауграбис возделывается около 17 тыс. га²⁰. Всего возможно оросить 19 тыс. га²¹.

Следует подчеркнуть, что созданные сооружения не зарегулировали сколько-нибудь значительно реку; опасности маловодья и наводнений не исчезли.

Среди мелких оросительных систем наиболее значительной является система у города Дуглас, который расположен на левом берегу Вааля, примерно в 16 км выше его устья, где орошено и возделывается около 850 га в междуречье Вааля и Оранжевой. Попытка правительства Капской провинции создать здесь еще в конце XIX в. значительные массивы орошенных земель для системы правительственных поселений провалилась, и хозяйство в этом районе ведут 163 собственника. Выше плотины, вдоль рек Рит и Вааль, — 17 частных насосных установок²².

Заслуживает упоминания оросительная система по р. Леэв (правый приток Каледона), примерно в 30 км севернее города Хобхаус.

Имеется несколько проектов дальнейшего использования вод бассейна Оранжевой. Один из них предусматривает создание оросительной системы по притоку Вааля р. Вет и ее притоку Занд. Цель ее — выращивание фуражных культур в центральной части Оранжевого свободного государства.

Другой, весьма оригинальный, проект предусматривает передачу воды из Оранжевой через р. Грейт-Фиш в р. Сандис, несущую свои воды в район Порт-Элизабет. В ходе осуществления проекта предполагается создать тоннель (длиной 80 км) в хребте Кикворсберг. Проект предусматривает также строительство гидроэнергетических установок.

Следует сказать, что пока энергетическое использование рек бассейна Оранжевой ничтожно. При весьма значительных запасах гидроэнергии в бассейне Оранжевой использование ее сопряжено с преодолением ряда природных трудностей. Важнейшей являются очень большие колебания расходов по сезонам. В связи с этим строительство гидростанций должно сопровождаться сооружением весьма объемистых водохранилищ. Считается, однако, что в бассейне Оранжевой есть участки, достаточно благоприятные (со стороны природных условий) для создания гидростанций. К ним относятся²³ район водопада Ауграбис на Оранжевой и неко-

²⁰ J. H. Moolman, *The Orange river*, p. 672.

²¹ J. H. Wellington, *A tentative land classification of South Africa*, p. 23.

²² J. H. Moolman, *The Orange river*, p. 672.

²³ J. H. Wellington, *Southern Africa ...*, vol. II, p. 179.

торые участки на р. Вааль. Можно предполагать, что строительство гидростанций в Южно-Африканском Союзе тормозится монополиями, которые держат в своих руках тепловые электростанции.

Нельзя не отметить, что в стране, где законсервированы такие значительные энергетические ресурсы, наблюдается вместе с тем недостаток электроэнергии. Зимой вводятся ограничения на ее расходование²⁴, но и при этом условии не обеспечиваются полностью даже рудники по добыче золота и урановые заводы, получающие электроэнергию в первую очередь. Можно не сомневаться в том, что в условиях нехватки электроэнергии особенно страдают обрабатывающая промышленность, а также сельское хозяйство.

* * *

Из обзора хозяйственного использования вод бассейна Оранжевой вытекают следующие основные выводы.

1. В условиях Южно-Африканского Союза, где природные ресурсы используются значительно шире и многообразнее, чем в других странах Африки, хозяйственное освоение р. Оранжевой и ее притоков следует признать весьма ограниченным по своим масштабам и, в общем, односторонним.

2. Основными направлениями использования вод бассейна Оранжевой являются ирригация и главным образом водоснабжение промышленных предприятий и городов.

3. Хотя важнейшие ирригационные системы Южно-Африканского Союза используют воды Оранжевой²⁵, ирригационные возможности бассейна этой реки использованы далеко не достаточно.

4. Энергетическое использование вод бассейна Оранжевой, несмотря на весьма значительные запасы гидроэнергии, практически отсутствует.

5. В бассейне Оранжевой больше всего используются воды р. Вааль.

Следует отметить, что, помимо расходования вод Вааля на орошение (система Вааль-Хартс) и очень значительного использования их в Трансваале для водоснабжения Ранда (Rand Water Board), воды Вааля служат и для снабжения некоторых промышленных районов Оранжевой республики. Так, водой из Вааля питаются золотоносные районы на севере Оранжевой республики. При помощи насосов и водонапорных башен вода забирается из района слияния Вааля с ее левым притоком Валс.

В связи с большим использованием вод Вааля (притом таким — на орошение и особенно водоснабжение, — при котором вода не попадает снова в реку²⁶) существует опасение²⁷, что через несколько десятилетий воды Вааля не смогут обеспечить промышленность примыкающих к нему районов. В связи с этим появляются проекты использовать для водоснабжения Оранжевую и ее приток Каледон и размещать новые промышленные предприятия вблизи этих артерий.

²⁴ A. Hamm, *Die südafrikanische Elektrizitätswirtschaft im Jahre 1952* («Elektrizitätsverwertung», 1953, № 7), S. 196.

²⁵ В 1953 г. из восьми крупных оросительных систем Южно-Африканского Союза (площадью более 8 тыс. га каждая) две крупнейшие — Вааль-Хартс и в среднем течении Оранжевой — относились к бассейну последней.

²⁶ Часть вод Вааля, подающихся на водораздельный хребет Ранд (правильнее Витватерс-Ранд — «Хребет белых вод»), после использования попадает на противоположный склон водораздела — в бассейн Лимпопо. В связи с этим любопытен факт, сообщаемый Уэллингтоном: с северного ската крыши здания университета Витватерс-Ранда в Йоганнесбурге вода стекает в бассейн Лимпопо, а с южного ската — в бассейн Вааля-Оранжевой (J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 131).

²⁷ См., напр. «Orange free state» («South African engineer», 1954, vol. XLV, № 438, p. 49).

В связи с этим необходимо в заключение настоящего очерка остановиться на некоторых общих вопросах, связанных с «водной проблемой» Южно-Африканского Союза.

* * *

«В любой проблеме человеческой деятельности и развития в Южной Африке вопрос водоснабжения обычно является основным», — пишет Уэллингтон²⁸. В другом месте, касаясь проблем развития района Ранд, он же замечает, «проблема воды — главная географическая проблема»²⁹.

Действительно, трудно недооценить значение воды в хозяйстве Южно-Африканского Союза и особенно Ранда. Вода нужна непосредственно в ряде производств, в сельском хозяйстве, в гидроэнергетике и на тепловых станциях. Вот некоторые примеры и факты.

Для обработки тонны размолотой руды нужно около 2 т воды; таким образом, при современном объеме производства для промывки руды на Ранде расходуется в год около 20 млн. т воды. Для водоснабжения рудников, городов, рабочих поселков и железных дорог района Ранда в 1947 г. требовалось в день в среднем около 315 тыс. т, т. е. около 115 млн. т в год³⁰.

Большое количество воды необходимо и для тепловых электростанций. Известно, что ряд теплоэлектростанций в Южно-Африканском Союзе имеет ограниченную мощность из-за нехватки воды для охлаждения турбогенераторов (например, электростанция в Витбанке, получающая воду из р. Олифантс, правого притока Лимпопо)³¹.

Водная проблема наиболее остра в районе Ранда в Трансваале. Но она приобретает все большую остроту и в Оранжевой республике, в частности в связи с ростом горнодобывающей промышленности, особенно на севере (в районе к югу от трансваальского города Клерксдорп). Основным источником водоснабжения в этом районе — Вааль. В связи с предполагаемым ростом потребления воды возникают проекты реконструкции водохранилища Ваальдам с целью увеличения его объема; предлагается также создать запасы воды путем постройки новых плотин ниже Веренигинга³². Как видно, здесь речь идет о расходовании все тех же ваальских вод. И вновь мы сталкиваемся с проблемой размещения промышленности Южно-Африканского Союза.

Уэллингтон, проанализировав потребности в воде различных отраслей хозяйства, в первую очередь промышленности, пришел к выводу о необходимости проводить децентрализацию ее. С этим связан и второй его вывод о том, что «возможность нахождения достаточных запасов воды для индустриального развития является... вопросом величайшей важности»³³.

С точки зрения развития промышленности, в частности строительства тепловых электростанций, благоприятным является, как природная предпосылка, сочетание угля и воды. Такое сочетание, если иметь в виду еще малоиспользованные ресурсы, имеется на северо-востоке Южно-Африканского Союза, в районе, охватывающем юго-восток Трансвааля, север Натала и британский протекторат Свазиленд. Достаточно назвать

---

²⁸ J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 181—182.

²⁹ Ibid., p. 131.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., p. 182.

³² Соответствующие расчеты см.: «The Future of water supplies» (*South African mining and engineering journal*), 1955, vol. LXVI, № 3259, p. 908.

³³ J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 183.

расположенные в этом районе: каменноугольный бассейн Витбанк (170 км северо-восточнее Йоганнесбурга), в котором сосредоточено 25 из 62 угольных шахт страны; каменноугольный бассейн в районе Нью-касла (на севере Наталя), где работают 23 шахты³⁴; водные ресурсы рек бассейна Индийского океана — Комати, Усуту, Понгола, Тугела.

Неожиданным, на первый взгляд, препятствием к размещению промышленности в этом районе (а также и в других районах, например в Транскее на востоке Капской провинции) является водное законодательство, в основе которого лежит частная собственность на землю и воду.

Согласно римскому праву и английскому законодательству собственник прибрежных (приречных) земель имеет вечное право не только на землю, но и на текущие воды, примыкающие к его земельному участку (омывающие этот участок). При этом имеется в виду пользование водой для «разумных домашних целей», т. е. для нужд первой необходимости, хозяйственно-бытовых целей. Это, так сказать, вода для «первичных» целей («первичная» вода). Вопросы о «вторичной» воде — воде для орошения — в условиях Западной Европы по существу не вставало; не было и соответствующего законодательства, которое могло бы быть использовано европейскими переселенцами в Южно-Африканском Союзе.

Здесь, однако, эта проблема стала со всей остротой, и в 1906—1912 гг. двумя законодательными актами («Cape Act of 1906» и «Union Act of 1912») были предусмотрены права землевладельцев на использование «вторичной» воды. Однако эти законы не предусматривали права владельцев предприятий (обычно владение предприятием сочетается с владением и земельным участком, на котором оно воздвигнуто) на «третичное» использование воды, т. е. на использование ее в промышленном производстве (индустриальное, или промышленное использование).

«Если предприниматель-промышленник не может доказать, что находящийся ниже него по течению реки собственник приречных земель не нуждается и не будет нуждаться в воде для первичного и вторичного использования, ему (предпринимателю) не может быть предоставлена вода для третичного использования», — пишет Уэллингтон³⁵.

По существующей в Южно-Африканском Союзе интерпретации этого закона внутри городской черты в больших городах «первичная» вода — для бытовых нужд — может быть использована в промышленности, т. е. как «третичная». А отсюда очень важное следствие: концентрация промышленности в существующих городах, особенно крупных, так как получение права на «третичную», или «промышленную», воду вне городов — дело весьма дорогое и часто бесплодное³⁶.

За изменение водного законодательства довольно продолжительное время идет борьба между промышленниками и фермерами, которые препятствуют изменению существующих законов. По мнению Уэллингтона, это особенно относится к фермерам плато Трансвааля³⁷.

Наиболее сильным промышленным монополием — компаниям Ранда — удалось в результате этой борьбы одержать в 1934 г. победу при сооружении плотины Ваальдам. Согласно «Vaal River Development Scheme Act of 1934» неограниченные вечные права на воду собственников приречных земель были отменены, хотя право на владение определенным количеством воды им было гарантировано: собственники приречных земель

³⁴ Ю. Медведков, *Южно-Африканский Союз* (в кн.: «Мадагаскар. Юго-Западная Африка. Южно-Африканский Союз», М., 1956), стр. 29—30.

³⁵ J. H. Wellington, *Southern Africa...*, vol. II, p. 184.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., p. 185.

имеют право с разрешения министра отвлекать твердо установленное количество воды (на каждую милю принадлежащей им береговой линии). Этот закон распространяется на один из участков Вааля. По мнению Уэллингтона³⁸, этот участок стал первым национализированным речным участком в Южной Африке. Как видно из всего изложенного, ни о какой действительной национализации речь фактически не идет. В действительности имеет место лишь некоторое ограничение прав землевладельцев-фермеров на владение водой. Можно сделать и еще один вывод: водное законодательство по-прежнему остается одним из серьезных тормозов на пути к рациональному и более равномерному размещению промышленности в Южно-Африканском Союзе. Тормозящая экономическое развитие роль капиталистической частной собственности находит здесь свое ярчайшее проявление. В условиях капиталистической страны, где решение крупных экономических проблем неизменно сталкивается с противоречиями капиталистического способа производства, появляются проекты, авторы которых надеются решить тот или иной вопрос при помощи одних лишь технических усовершенствований. Совершенно очевидно, что, как бы ни были остроумны эти технические усовершенствования, они не могут помочь в коренном разрешении проблемы. С этой точки зрения и следует рассматривать предложения по созданию теплоэлектростанций на морском побережье, где можно было бы охлаждать турбогенераторы с помощью морской воды, по созданию теплоэлектростанций, не требующих водяного охлаждения своих агрегатов (так называемые газовые турбины), или предложения по использованию на электростанциях канализационных вод³⁹.

* * *

Подводя итоги краткому обзору водной проблемы в Южно-Африканском Союзе, можно сделать следующее заключение.

1. Основные направления использования внутренних вод в этой стране — промышленное водоснабжение и ирригация.

2. Ряд социальных причин, в частности водное законодательство, тормозят освоение новых водоемов для промышленного водоснабжения, что является одной из причин уродливо-неравномерного размещения промышленности.

3. Далеко не полностью использованы большие возможности развития искусственного орошения.

В самом деле, в Южно-Африканском Союзе имеется лишь восемь значительных по масштабам оросительных систем с площадью орошения более 8 тыс. га каждая. К ним относятся⁴⁰, кроме уже рассмотренных выше систем Вааль-Хартс (площадь орошения 22 тыс. га) и среднего течения Оранжевой от Бахаберг до Ауграбис (площадь орошения, включая орошенные и подготовленные к орошению земли, 19,2 тыс. га), следующие:

а) система р. Грейт-Фиш (в Капской провинции) — 17,6 тыс. га;

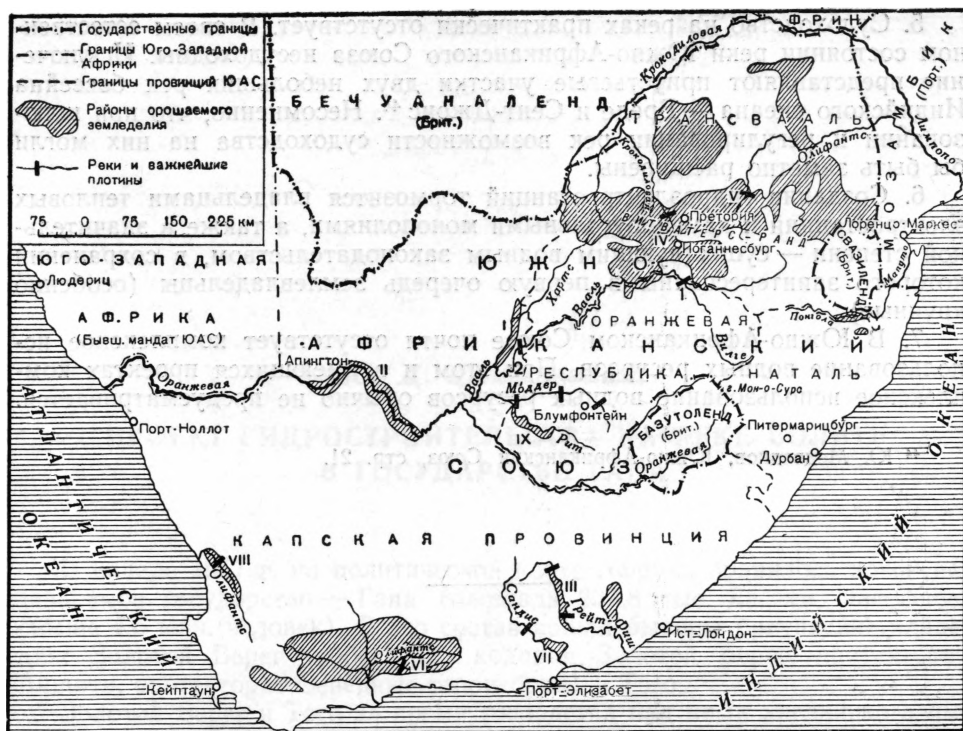
б) система Хартебестпорт у Бритс (на р. Крокодиловой, левом притоке Лимпопо в Трансваале) — 12,4 тыс. га;

---

³⁸ Ibid.

³⁹ На новой электростанции Орландо близ Йоганнесбурга используется вода искусственного озера, которое пополняется за счет канализационных (сточных) вод [Earl of Verulam, J. H. Angus, S. Chaplin, *The geography of power: its sources and transmission* («The geographical journal», vol. CXVIII, pt. 3, 1952)], p. 261.

⁴⁰ J. H. Wellington, *A tentative land classification...*, p. 23.

ОРОШЕННЫЕ ЗЕМЛИ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ

I — Система Вааль-Хартс; II — система Бахаберг; III — система реки Грейт-Фиш;
 IV — система Хартебеспорт; V — система Лоскоп; VI — система Камнаси; VII — система реки Сандис; VIII — система реки Олифантс; IX — система реки Рит;
 1 — плотина Ваальдам; 2 — распределительная плотина на реке Вааль

в) система Ласкоп у города Дамвал (вдоль р. Олифантс, правого притока Лимпопо, в Трансваале) — 9,2 тыс. га;

г) система Камнаси (близ Ондтсхорн, на юге Капской провинции) — 9,2 тыс. га;

д) система р. Сандис (ниже оз. Менц, на юге Капской провинции) — 9,2 тыс. га;

е) система р. Олифантс (в западной части Капской провинции) — 8,8 тыс. га.

Таким образом, общая площадь восьми крупнейших оросительных систем составляет 107,6 тыс. га. Между тем, согласно имеющимся оценкам, только водами рек Грейт-Фиш и Сандис можно оросить до 220 тыс. га; в системе Вааль-Хартс можно довести площадь орошения до 35 тыс. га; в нижнем течении рек Понгола и Умфолози в Зулуленде (северо-восточный Наталь) можно подготовить для орошения и оросить около 100 тыс. га и т. д.⁴¹

4. Энергетическое использование рек практически отсутствует. Запасы гидроэнергии в Южно-Африканском Союзе составляют примерно 90 млн. кВт⁴². В то же время по существу вся электроэнергия в стране вырабатывается на тепловых станциях; в 1953 г. мощность электростанций составила 2998 тыс. кВт, производство электроэнергии — 13 346 млн. кВт-ч, в 1954 г. — 14 634 млн. кВт-ч, в 1955 г. — 16 352 млн. кВт-ч⁴³.

⁴¹ Ibid.

⁴² V. Slebinger, *Statistics of all existing water-power resources*, p. 2153.

⁴³ «United Nations. Statistical year-book, 1956», New York, p. 281, 289.

5. Судоходство на реках практически отсутствует. В своем естественном состоянии реки Южно-Африканского Союза несудоходны. Исключения представляют приустьевые участки двух небольших рек бассейна Индийского океана — Бреде и Сент-Джонс⁴⁴. Несомненно, что при шлюзовании и регулировании рек возможности судоходства на них могли бы быть заметно расширены.

6. Создание гидроэлектростанций тормозится владельцами тепловых электростанций и каменноугольными монополиями, а также в значительной степени — существующим водным законодательством, в сохранении которого заинтересованы в первую очередь землевладельцы (особенно крупные).

7. В Южно-Африканском Союзе почти отсутствует комплексное использование водных ресурсов. При этом и в имеющихся проектах комплексное использование водных ресурсов обычно не предусматривается.

---

⁴⁴ Ю. Медведков, Южно-Африканский Союз, стр. 21.

Ю. Д. Дмитриевский

ПРОЕКТ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА НА РЕКЕ ВОЛЬТЕ В ГОСУДАРСТВЕ ГАНА

В начале 1957 г. на политической карте Африки появилось новое независимое государство — Гана (площадь 237,8 тыс. кв. км, население свыше 4,6 млн. человек). В его состав вошли бывшие британские владения: Золотой Берег (собственно колония Золотой Берег, протекторат Ашанти, протекторат Северные территории) и Того.

Золотой Берег и Того за время господства над ними английского империализма превратились в типично колониальные территории, аграрно-сырьевой придаток метрополии. Об этом свидетельствовала специализация их экономики. Характерной чертой ее являлось преобладание сырья в производстве и вывозе: какао (по производству которого Золотой Берег занимал первое место в мире), золота, руд марганца, бокситов. Обрабатывающая промышленность находилась в зачаточном состоянии.

Низкому уровню развития промышленности соответствовала весьма ограниченная энергетическая база.

Так, о мощности электростанций Золотого Берега (до образования Ганы) и о выработке электроэнергии дает представление следующая таблица.

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НА ЗОЛОТОМ БЕРЕГУ В 1952—1955 гг. *

Год	Мощность электростанций, тыс. <i>квт</i>		Производство электроэнергии, млн. <i>квт-ч</i>	
	общая	в том числе для бытового энергоснабжения	общее	в том числе для бытового энергоснабжения
1952	67	10	220	37
1953	72	15	228	44
1954	76	16	241	50
1955	80	19	241	58

* «United Nations. Statistical year-book, 1956», p. 280, 287.

Можно добавить, что включенные в таблицу цифры относятся к тепловым электростанциям. Гидроэлектростанций на Золотом Берегу практически не существовало. Не лучше было положение и в Того. Между тем производство дешевой электроэнергии является необходимым условием развития промышленности, особенно электроемких отраслей. Не случайно поэтому, когда в годы второй мировой войны на Золотом Бере-

гу началась добыча бокситов, возник проект энергетического использования. р. Вольты — крупнейшей и важнейшей из рек, орошающих его территорию.

* * *

Главные месторождения бокситов — Иенахин (Еенахия, в 64 км западнее Кумаси), Аффо (район Бекваи, юго-западнее Кумаси), Мпраэсо (восточнее Кумаси). Особо перспективными считаются районы Иенахин и Мпраэсо. Запасы алюминия в рудах этих двух месторождений оцениваются в 200 млн. т¹. Считается, что запасов бокситов хватит при интенсивной разработке по крайней мере на 100—200 лет².

Алюминий — металл, в котором чрезвычайно нуждается Соединенное Королевство. Более $\frac{4}{5}$ потребного количества этого металла оно ввозит из долларовой зоны. В связи с этим в правящих кругах Великобритании несколько лет назад снова всплыл выдвинутый еще в 1938 г. проект Дункана Розе, предусматривавший строительство гидроэлектростанции на Вольте, а на базе производимой электроэнергии — предприятий по выплавке алюминия, создание нового морского порта и ряда железных дорог.

* * *

Вольта — одна из наиболее значительных рек Западной Африки. Она имеет два истока — Белую и Черную Вольту, которые, сливаясь, дают начало главной реке. Последняя впадает в Гвинейский залив среди лагунных берегов у г. Адда, образуя в устье бар. По различным данным, длина реки 1400—1600 км. Площадь бассейна 388 тыс. кв. км. Большая часть бассейна (229 тыс. кв. км) лежит в пределах Ганы. Важнейшие притоки Вольты: Оти, Дака (левые), Афрам (правый). В пределах Ганы длина Вольты (вместе с Черной Вольтой) более 1 тыс. км³. Река имеет спокойное течение, однако в нижнем отрезке, пересекая возвышенность Аквапим, она образует целую серию порогов.

Большая часть бассейна Вольты располагается в той части Африки, которая характеризуется резко выраженным режимом летних дождей. В связи с этим и паводок на Вольте падает на летние и осенние месяцы, причем наиболее высокая вода приходится на сентябрь — октябрь. В период высокой воды реки бассейна Вольты широко разливаются. Подъем уровня воды в самой Вольте достигает 14 м⁴. В течение зимы уровень воды постепенно снижается, достигая наиболее низких отметок весной (февраль — март). В сухое время года некоторые притоки Вольты распадаются на ряд стоячих бассейнов.

Вольта судоходна на 400 км от устья⁵. Однако в течение всего года для пароходов доступен только устьевой участок до Акузе⁶. В связи с отсутствием в устье Вольты крупного глубоководного порта объем перевозок здесь незначителен.

Кроме пароходов курсируют местные суда — «кану» (каное). Главные торговые пункты Кете-Крачи, Кпонг, Кпанда.

¹ «The Volta river aluminium scheme» («Engineer», 1952, vol. 194, № 5055), p. 811; «Volta river aluminium scheme» («British engineering», 1953, vol. 35, № 88.), p. 232.

² D. Rose, *The Volta river project* («Light metals», 1952, vol. XV, № 169), p. 138.

³ Ю. П. Мадор, *Золотой Берег*, М., 1956, стр. 12.

⁴ Вольта (БСЭ, т. 9, изд. 2, 1951), стр. 58.

⁵ Там же.

⁶ F. J. Pedler, *Economic geography of West Africa*, London—New York—Toronto, 1955, p. 120.

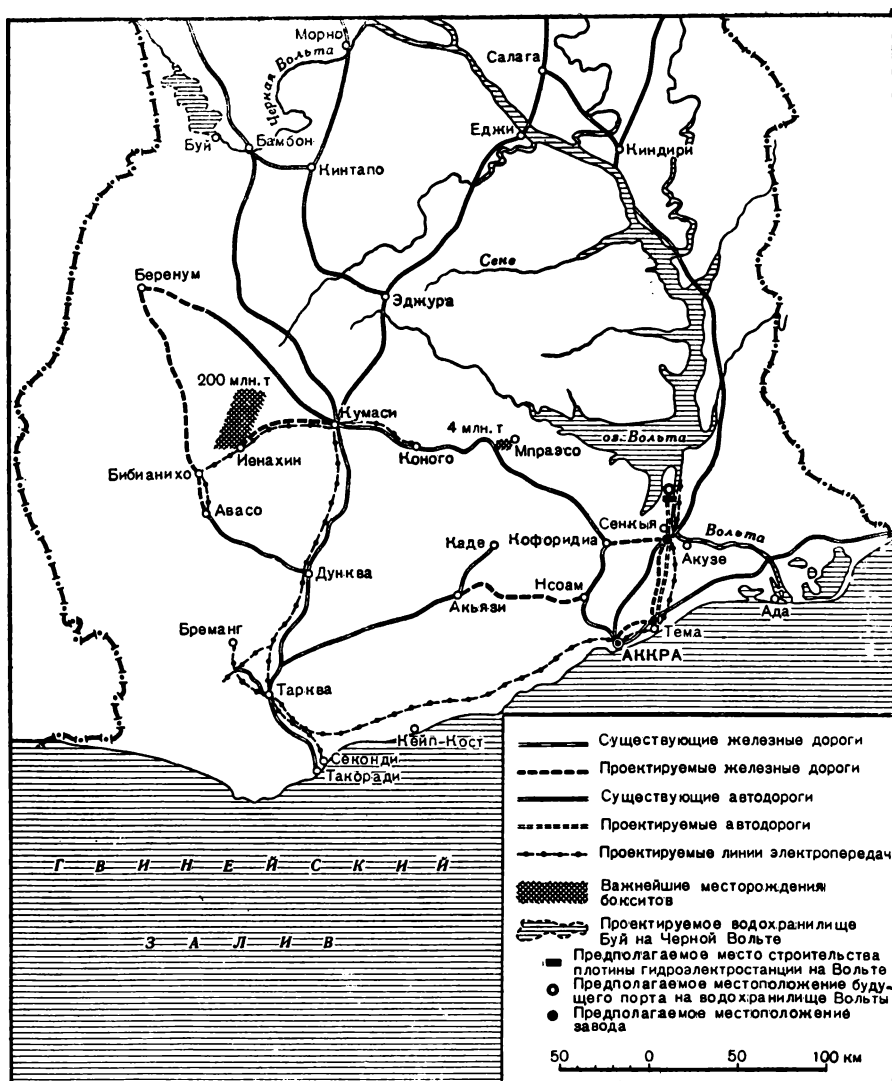

СХЕМА «ПРОЕКТА ВОЛЬТЫ»

Важную роль на Вольте играет паромный транспорт. Большие дороги пересекают Вольту во многих местах, и имеется 11 паромов⁷, значительная часть которых находится в руках торговых фирм. Паромы перевозят большое количество грузов и пассажиров. Например, восемь из них, по которым имеются статистические данные, за год перевозят 2 млн. пассажиров, 40 тыс. различных животных, 82 тыс. автомашин с 22 тыс. прицепов, 7 тыс. мотоциклов⁸.

Местное население для переправ через реки широко использует лодки и гигантские выдолбленные тыквы, на которые ложатся животом и гребут руками и ногами⁹.

⁷ Ibid., p. 124.

⁸ Ibid., p. 125.

⁹ Ю. П. Мадор, *Золотой Берег*, стр. 46.

В водах Вольты производится значительная добыча рыбы. Особенно большой лов идет с января по июнь. В это время к берегам Вольты иногда за многие десятки и даже сотни километров направляются сотни рыбаков.

* * *

В качестве места для постройки гидростанции на Вольте было предложено ущелье в 112—120 км от устья, где река пересекает возвышенность Аквапим. Плотина должна поднять воду до отметки 80 м над уровнем моря и создать водохранилище площадью 5200 кв. км. Подпор воды сказался бы не только на Вольте, но и на ее притоке р. Афрам. Гидростанция у Аджена, или Айна (так называется избранное место), должна была бы иметь мощность 564 тыс. квт, причем более 90% электроэнергии проектировалось использовать для нужд алюминиевой промышленности. Энергетические мощности (при их полном вводе) позволили бы выплавлять 210 тыс. т алюминия в год¹⁰ (первая очередь — 80 тыс. т). В качестве места для алюминиевого завода предлагался Кпонг (19 км ниже плотины).

Авторы проекта связывали с ним и транспортное строительство, предлагая создать порт Тема в 32 км восточнее Аккра¹¹, который обслуживал бы и новое строительство («Проект Вольты») и «обычные нужды» прилегающей территории. В связи с тем, что имеющиеся порты (важнейшие — Аккра и Такоради) перегружены, за несколько лет до образования Ганы было принято решение о строительстве порта Тема независимо от судьбы «Проекта Вольты». Новый порт должен был быть соединен железной дорогой с Аккрой и Кпонгом. Кроме того, проектировалось строительство железной дороги, которая соединила бы Кпонг с дорогой Аккра — Кумаси. Осуществление проекта гидростроительства на Вольте должно было создать новые возможности судоходства по реке и водохранилищу.

С сооружением плотины и созданием водохранилища на Вольте¹² связывался также проект орошения 20 тыс. га на равнине Аккра¹³.

Строительство по проекту, который изложен выше, требует весьма больших капиталовложений. Так, стоимость гидростанции оценивалась в 54 млн. ф. ст. (первая очередь — около 45,5 млн.), стоимость строительства алюминиевого завода — 64 млн. ф. ст. (первая очередь — 29 млн.), дорог — 15 млн., порта — 11 млн. ф. ст. В то же время предусматривались большие сроки строительства (например, гидростанции — пять-семь лет). Естественно, что со всей остротой встал вопрос об источниках финансирования строительства¹⁴.

Выдвинутый англичанами «Проект Вольты» предусматривал, что строительство и эксплуатацию алюминиевых предприятий (включая и рудники) возьмет на себя компания, держателями акций которой были бы как отдельные иностранные компании, так и администрация Золотого

¹⁰ Производство алюминия в Соединенном Королевстве составляет 500 тыс. т в год («The Volta river aluminium scheme», p. 811).

¹¹ Розе предлагал расширить и реконструировать порт Адда в устье Вольты (D. Rose, *The Volta river project*, p. 137—138).

¹² Схематическая карта, приложенная к статье, заимствована из «Volta river model» («Water power», 1955, vol. 7, № 3), p. 99.

¹³ K. Krieger, *Die Bedeutung des Volta Projects* («Übersee Rundschau», Jahrgang 7, № 4, 1955), S. 20—21.

¹⁴ В связи с высокой стоимостью строительства возник второй вариант — строительство гидростанции гораздо меньшей мощности на Черной Вольте, в 220 км выше ее слияния с Белой Вольтой, у местечка Буй.

Берега. Компания должна была бы получить в аренду сроком на 80 лет¹⁵ землю для строительства завода и поселков.

80—90% акций будущего алюминиевого завода согласно проекту принадлежало бы британским и канадским алюминиевым компаниям, 10—20% акций — администрации Золотого Берега. Британское правительство в течение 30 лет должно было бы иметь преимущественное право закупки не менее 75% алюминия¹⁶.

Таковы основные положения «Проекта Вольты» в том виде, как он выглядел до провозглашения независимости Ганы.

* * *

Для независимой Ганы «Проект Вольты» приобретает новый смысл: он расценивается прогрессивными кругами государства Гана как проект, осуществление которого позволило бы заложить первые камни независимой экономики страны и создать ее энергетическую базу. В самом деле, мощность проектируемой электростанции примерно в семь раз больше мощности всех ныне действующих электростанций страны. Эта цифра говорит сама за себя.

В печати появились сообщения о том, что возможен пересмотр проекта Вольты. Объяснить это можно следующими обстоятельствами: а) в своем первоначальном виде проект очень дорог, а источники финансирования пока не найдены; б) развитие алюминиевой промышленности в Гане встречает серьезную конкуренцию со стороны алюминиевой промышленности, созданной в Камеруне; новые проекты гидростроительства в соседних странах, а также проект Инга на нижнем Конго сулят перспективу дальнейшего усиления этой конкуренции; в) иностранный капитал предпочитает направляться в колониальные территории Африки, нежели в суверенную Гану.

---

¹⁵ Не считая трех лет, необходимых для строительства завода.

¹⁶ «Volta river project» («West African review», 1953, vol. 24, № 315), p. 1256—1260.

И. В. Сахаров

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И РЕСУРСЫ БИХАРА И ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ И ИХ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОЦЕНКА

Штаты Бихар и Западная Бенгалия расположены в Восточной Индии между $27^{\circ} 31'$ и $21^{\circ} 32'$ с. ш. и $83^{\circ} 20'$ и $89^{\circ} 52'$ в. д. Общая площадь обоих штатов около 262 тыс. кв. км, т. е. 8% площади Республики Индии, население более 65 млн. человек, т. е. более 18% населения страны¹.

Оба штата в хозяйственном отношении принадлежат к числу наиболее развитых в Индии. Роль этих штатов в экономике Индии стала особенно велика после достижения страной политической независимости, и, естественно, изучение природных условий и ресурсов этого района представляет значительный интерес.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу описать географическую среду Бихара и Западной Бенгалии как совокупность природных явлений. Природа этого района рассматривается нами главным образом с точки зрения возможностей ее хозяйственного использования. Поэтому, например, материал, посвященный геологии района, никоим образом не претендует на полноту характеристики геологической структуры и представляет лишь краткую справку, нужную для понимания некоторых общих вопросов, связанных с происхождением, условиями залегания и возможностями использования полезных ископаемых. Климат также интересует нас главным образом как одно из условий сельскохозяйственного производства, и в статье рассматриваются преимущественно те климатические показатели, которые позволяют судить о потенциальных возможностях сельского хозяйства. То же относится и к другим элементам географической среды. Вместе с тем, мы не задавались специально целью показать современное состояние использования природных ресурсов Бихара и Западной Бенгалии, так как это чрезмерно увеличило бы объем статьи.

* * *

Изучаемая территория включает части всех трех основных тектонических областей индийского субконтинента: древней кристаллической платформы Индостана, великой аллювиальной Гангской равнины и грандиозного Гималайского поднятия. Каждая из этих областей в пределах изучаемой территории, как и Индии в целом, отличается своеобразием

---

¹ См. таблицу на стр. 26.

В конце дхарварского времени архейские породы были смяты в складки, произошли мощные гранитные интрузии; затем район приобрел значительную стабильность и более складчатости не подвергался. Породы куддапахской системы на территории Чхота-Нагпура не представлены, осадочные же породы виндхийской системы (известняки, сланцы, песчаники) получили развитие в долине р. Сон. В конце виндхийского времени индийская платформа была поднята над уровнем моря и с тех пор вплоть до настоящего времени оставалась сушей. Наступила эпоха сглаживания и пенеппенизации поверхности, длившаяся от кембрия до карбона. Наследием этой эпохи являются так называемые гондванские породы — мощные осадочные толщи озерного или речного происхождения, накопившиеся в тектонических депрессиях.

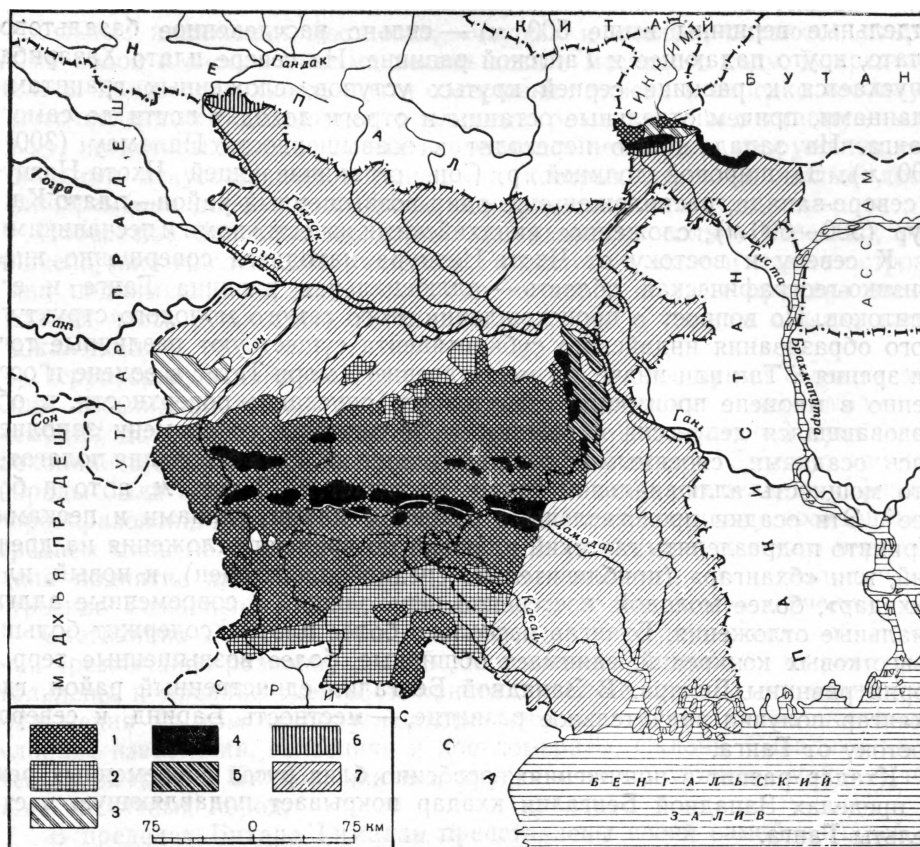
В позднемезозойское время территория плато была рассечена сбросами. Вдоль грабенovidного разлома, почти надвое расколовшего плато, там, где ныне течет р. Дамодар, гондванские отложения были опущены между докембрийскими породами и благодаря этому сохранились. В конце мезозоя и начале палеогена в Чхота-Нагпуре (Раджмахал) через разломы произошло излияние базальтовых лав. Встречаются также интрузии ультраосновных пород (слюдяные перидотиты, долеритовые дайки и т. д.). Послегондванские сбросы вновь несколько «омолодили» рельеф, приподняв или опустив отдельные участки плато. Третичные реки стали врезаться в образовавшиеся возвышенности и расчленять их, но до сих пор столовый характер многих вершин Чхота-Нагпура напоминает о древнем пенеппене.

Тектонические движения третичной эпохи и денудация сформировали основные черты современного рельефа. Длительность континентального состояния привела к образованию мощной коры выветривания, характерную особенность которой составляют литериты — крупнопористые глинистые породы, содержащие высокий процент гидратов окислов алюминия, железа и марганца.

Поверхность Чхота-Нагпура долинами рек и котловинами расчленена на отдельные массивы, имеющие платообразный характер, и средневысотные хребты. Подавляющая часть поверхности лежит на высоте более 300—400 м над уровнем моря, около трети ее — выше 500—600 м, а отдельные возвышенности подняты еще больше.

Формы поверхности и рельеф Чхота-Нагпура в значительной мере зависят от характера слагающих плато пород. Выходы гнейсов, как правило, имеют плоскую или слабоволнистую поверхность с отдельными торчащими останцами. Более плотные и компактные граниты и гранито-гнейсы образуют обычно округлые холмы с обширными скалистыми пространствами, усеянными валунами и расчлененными иногда на прямоугольные блоки различной величины. Иногда эти породы выходят в виде огромных округлых «куполов», резко выделяющихся на местности. Покровы траппов формируют столовые высоты и ступенчатые уступы. Легко выщелачивающиеся сланцы плохо сопротивляются эрозии, и реки без труда прорезают в них глубокие долины. Песчаники и особенно кварциты гораздо лучше противостоят силам разрушения и обычно слагают хорошо выраженные в рельефе гребни и хребты. Наконец, долеритовые дайки, прорезавшие окружающие осадочные породы, выходя на поверхность, дают длинные узкие зубчатые хребты различной высоты.

«Сердцевину» Чхота-Нагпура образует плато Ранчи высотой около 700—800 м над уровнем моря. Плато сложено гранитами и гнейсами с включениями дхарварских кварцитов, сланцев, известняков. Поверхность слегка волниста, усеяна невысокими холмами. На востоке плато Ранчи постепенно опускается к аллювиальной равнине Западной Бен-

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА БИХАРА И ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ

1—Нерасчлененные кристаллические породы (архей); 2—дхарварская система (архей); 3—виндхйская система (нижний палеозой); 4—нижнегондванская система (карбон — пермь); 5 — траппы Раджмахала (юра); 6 — сиваликская система; 7 — плейстоцен и современные отложения

галии. Южная часть, расчлененная долинами многочисленных рек, постепенно переходит в возвышенности Сингхбхума, знаменитые своими резко выделяющимися грядами, сплошь состоящими из гематитовых кварцитов. На севере Ранчи круто обрывается к долине р. Дамодар, на западе переходит в так называемое Западное Высокое плато, высота которого превосходит 900—1000 м. Это район «патов» — гор с плоскими вершинами и очень крутыми склонами.

Здесь начинается р. Дамодар. Ее долина проходит по линии сброса и имеет крутые, обрывистые края, рассеченные глубокими ущельями. Постепенно расширяясь, долина выходит на равнину.

С севера над долиной Дамодара нависают крутые склоны плато Хазарибаг, ядро которого составляет одноименный хребт высотой более 600 м, сложенный гнейсами, гранитами, сланцами. Многочисленные потоки прорезали в более мягких сланцах глубокие долины. Поверхность плато рассечена также густой сетью оврагов, которые, впрочем, нередки и в других местах Чхота-Нагпура. К востоку плато Хазарибаг постепенно опускается до 300—400 м и ниже, однако именно здесь, в юго-восточной части, находится наивысшая точка Чхота-Нагпура — священная гора джайнов Параснатх (1366 м).

На северо-востоке плато возвышаются горы Раджмахал (300—400 м,

отдельные вершины выше 500 м) — сильно расчлененное базальтовое плато, круто падающее к Гангской равнине. На севере плато Хазарибаг опускается к равнине серией крутых уступов, сложенных гранитами, сланцами, причем отдельные останцы и отроги доходят почти до самого Ганга. На западе плато переходит в возвышенность Паламау (300—400 м). За широкой долиной р. Сон, ограничивающей Чхота-Нагпур с северо-запада, расположен еще один возвышенный район — плато Канмур (500—600 м), сложенное виндхйскими известняками и песчаниками.

К северу и востоку от Чхота-Нагпура находится совершенно иная физико-географическая область — аллювиальная равнина Ганга и его притоков. По вопросу о происхождении этого самого молодого структурного образования индийского субконтинента существуют различные точки зрения². Так или иначе, на месте древнего моря Тетис в эоцене и особенно в миоцене произошло значительное опускание поверхности, и образовавшаяся депрессия в течение очень длительного времени заполнялась осадками, сносимыми с соседних поднятий. Есть основания полагать, что мощность аллювиальной толщи достигает 2—3 тыс. м, а то и более³. Эти осадки представлены в основном илами, глинами и песками. Принято подразделять гангский аллювий по времени отложения на древний, или «бхангар» (приблизительно средний плейстоцен), и новый, или «кхадар», более молодой, постепенно переходящий в современные аллювиальные отложения. Бхангар несколько более плотен, содержит больше известковых конкреций, занимает обширные, более возвышенные территории равнины Бихара. В Западной Бенгалии единственный район, где бхангар получил значительное развитие, — местность Баринд, к северо-востоку от Ганга.

Кхадар развит в понижениях, особенно близ русел современных рек. В пределах Западной Бенгалии кхадар покрывает подавляющую часть дельты Ганга.

Геологическое прошлое определило основные особенности рельефа Гангской равнины. Прежде всего обращает на себя внимание сравнительно незначительная высота ее поверхности над уровнем моря. Расположенная в 130—150 км от побережья, Калькутта имеет высоту лишь 5,5—6,5 м; Силигури, находящийся близ подножья Гималаев, в 480 км к северу от Калькутты, лежит на высоте 122 м над уровнем моря. Даже наибольшая высота водораздела между бассейнами Инда и Ганга (далеко за пределами изучаемой территории, в 1500 км от устья Ганга) составляет всего 270 м. Другая особенность этой огромной низменности — наличие обширных равнинных, иногда почти плоских пространств, где нельзя найти ни гор, ни холмов. Некоторым исключением в этом отношении является равнина Бихара к югу от Ганга, характерную особенность рельефа которой составляют «торчащие» из аллювия изолированные хребты, возвышенности и отдельные останцы, что напоминает о близости плато Чхота-Нагпур.

Однако Гангскую равнину нельзя назвать топографически однородной или однообразной. Бхангар образует небольшие плато и террасы, достаточно поднятые, чтобы не затапливаться разливами рек. Поверхность их нередко расчленена оврагами и долинами рек и речек. На берегах Ганга кое-где возвышаются намывные валы, изредка встречаются отложения эоловых песков и пыли в виде невысоких холмов.

Территория, сложенная кхадаром, с приходом летних дождей цели-

² См., напр.: D. N. Wadia, *Geology of India*, London, 1953, p. 385—386; М. С. Кришнан, *Геология Индии и Бирмы*, М., 1954, стр. 374.

³ М. С. Кришнан, *Геология Индии и Бирмы*, стр. 374.

ком или частично покрывается водой, приносящей новые порции ила. Отдельные понижения местности, «чауры» и «талы», остаются покрытыми водой и заболоченными восемь-девять месяцев в году. В пределах дельты Ганга поверхность почти совершенно плоска и нередко изобилует многочисленными рывтинами различных размеров (по-местному — «добы»), из которых в свое время извлекалась земля для сооружения специальных искусственных насыпей, на которых строятся жилые дома. Одновременно добы играют роль водохранилищ местного значения.

Побережье Бенгальского залива (Сундарбан) сильно изрезано, расчленено многочисленными рукавами Ганга на большие и малые острова, едва поднимающиеся над поверхностью моря. В часы прилива значительная часть суши здесь затопливается — это в полном смысле слова «джал-тхал»⁴.

Территория, занимаемая ныне Гималаями, в свое время была гигантским геосинклинальным бассейном, существовавшим с перерывами от кембрия до нижнетретичного времени. За этот длительный срок здесь накопились огромные толщи осадков — около 6 тыс. м. Затем осадочные породы были сильно смяты и подняты тремя последовательными фазами горообразования, из которых вторая, наиболее мощная, произошла в среднем миоцене. Последняя, третья, фаза (в конце третичного периода) дала поднятие хребта Сивалик⁵. Нужно отметить, что геологическое строение Гималаев чрезвычайно сложно и недостаточно изучено.

Слагающие Гималаи породы в пределах Бихара и Западной Бенгалии чрезвычайно разнообразны. В Дарджилинге, например, широко представлены и древние гнейсы, и кристаллические сланцы, и гондванские отложения (в том числе угленосные сланцы), и третичные песчаники, сланцы, известняки, галечники и конгломераты. Склоны Сивалика вдоль северных границ Бихара, как и в других местах, сложены мощной толщей третичных пород.

В пределах Бихара Гималаи представлены своей самой внешней дугой — Сиваликом, или Предгималаями, занимающей небольшую территорию в северной части дистрикта Чампаран. Крутые склоны, сильно расчлененные реками и горными потоками, поднимаются здесь на высоту до 800—900 м. Вдоль подножья хребта неширокой полосой (10—20 км) тянется толща делювиальных отложений, сложенных грубообломочным материалом «бхабар».

На территорию Западной Бенгалии заходит более высокая часть горной системы — Малые Гималаи. Нагромождения длинных извилистых хребтов заполняют всю северную половину дистрикта Дарджилинг и достигают высоты 1,5—2 тыс. м, а отдельные вершины — более 2 тыс. м. В северной части Дарджилинга лишь незначительные территории расположены на высоте менее 700—800 м. Склоны гор чрезвычайно круты и рассечены глубокими и труднодоступными ущельями.

Прежде чем завершить краткий обзор геологического строения и рельефа Бихара и Западной Бенгалии, нужно упомянуть, что почти вся территория обоих штатов находится в сейсмически активной зоне. В некоторых случаях толчки достигают катастрофической силы. Одним из мрачных примеров может служить землетрясение в октябре 1737 г. в Калькутте и соседних районах, причинившее большие разрушения и унесшее около 300 тыс. жизней. Сильнейшими разрушениями сопровождалось также землетрясение в августе 1833 г., которому подверглась большая

⁴ जल-थल (хинди) — букв. «вода и суша» — «ни море, ни суша».

⁵ Ряд данных свидетельствует, что подъем Гималаев продолжается и ныне (см.: D. N. Wadia, *Geology of India*, p. 48; H. L. Chhibber, *India*, pt. 1, *Physical basis of geography of India*, Benares, 1945, p. 196).

часть территории Бихара, Западной Бенгалии, а также Непала⁶. До сих пор среди населения свежи воспоминания о страшном стихийном бедствии, обрушившемся на Бихар 15 января 1934 г. За три минуты были разрушены города Монгхир и Бхатгаон (в Непале), сильно пострадали города Патна, Музаффарпур и др. Изосейста в 2 балла охватила территорию, равную почти 5 млн. кв. км, а в районе Монгхира и Мотихари-Мадхубани сила толчков достигала 10 баллов. Общее число человеческих жертв составило более 12 тыс. Было разрушено много жилых домов, сильно пострадали железные дороги и мосты. Тысячи квадратных километров поверхности были иссечены трещинами, и выброшенный из глубины песок покрыл многие плодородные поля, погубив посевы⁷.

* * *

Приведенный выше краткий обзор рельефа показывает, что для большей части территории обоих штатов характерно наличие обширных равнинных или слабо всхолмленных пространств, не создающих особых препятствий для сельскохозяйственного и транспортного освоения. Однако малый уклон почти плоской поверхности создает совершенно особую трудность: низменная территория находится под постоянной угрозой сильных наводнений, а строительство шоссе и железных дорог, связанное с сооружением искусственных насыпей, в этих условиях нарушает естественный дренаж местности, что ведет к некоторым неблагоприятным последствиям (см. ниже).

«Старческий» характер рельефа Чхота-Нагпура также не является серьезным препятствием для хозяйственного освоения, и рука человека значительно изменила первоначальный облик этого района. Многие поколения трудолюбивых земледельцев террасировали пологие склоны ряда возвышенностей (в Парганах Санталов, в Ранчи и других местах), а широкие речные долины и межгорные понижения Чхота-Нагпура использованы для проведения многочисленных путей сообщения. Однако некоторые сильно пересеченные и возвышенные районы в Чхота-Нагпуре (например, район патов и др.) в настоящее время практически малодоступны для сельского хозяйства, и в ряде мест требуются значительные затраты на транспортное строительство.

Что касается препятствий, стоящих на пути хозяйственного освоения Гималаев, то они очевидны, — это самый труднодоступный участок изучаемой территории.

Завершая общую характеристику рельефа, отметим, что мы не случайно привели выше некоторые подробности о разрушительной силе землетрясений. Опасность возникновения сильных сейсмических толчков нужно постоянно учитывать при строительстве плотин и других гидротехнических сооружений, мостов, дорог, зданий, особенно в Северном Бихаре и Северной Бенгалии, сейсмически наиболее неустойчивых.

* * *

В настоящее время в Бихаре и Западной Бенгалии минеральные ресурсы изучены, пожалуй, лучше, чем в других штатах Индии, но все же недостаточно. Тщательное геологическое обследование, вероятно, приведет к открытию новых месторождений полезных ископаемых.

---

⁶ T. Oldham, *A catalogue of Indian earthquakes from the earliest times* («Memoirs of the Geological survey of India», 1883, vol. XIX, pt. 3), p. 170—171, 181—182.

⁷ D. N. Wadia, *Geology of India*, p. 43—44; J. Houlton, *Bihar the heart of India*, Bombay, 1949, p. 111—114.

Оба штата обладают значительными топливными ресурсами. Большое экономическое значение имеют каменноугольные отложения нижнегондванского возраста (серия дамуда). Серия дамуда подразделяется на раниганджскую (верхнюю) и баракарскую (нижнюю) свиты, содержащие многочисленные угольные пласты. Между угленосными свитами залегают песчаники или сланцы, лишенные угля. Обычно угли свиты ранигандж — битуминозные или суббитуминозные, некоксующиеся (иногда слабококсующиеся), длиннопламенные. Выход летучих веществ в пересчете на горючую массу составляет 40—46%, содержание связанного углерода 54—60% (общее содержание углерода 80—84%). Для свиты баракар характерны угли битуминозные, коксующиеся (встречаются и некоксующиеся), относительно короткопламенные. В пересчете на горючую массу выход летучих веществ 25—35%, содержание связанного углерода 65—75% (общее содержание углерода 85—89%). Приведенное разделение углей на две группы, однако, весьма приблизительно, поскольку в различных пластах, а иногда даже в одном и в том же пласте содержится уголь разного качества. В целом гондванские угли Бихара и Западной Бенгалии отличаются довольно высокой зольностью. Содержание минеральных веществ иногда более 25%, в лучших углях 11—13%, редко ниже 10%. В раниганджских углях, влажность которых от 6 до 10% (влажность баракарских углей — 0,6—1,6%), это ведет к низкой теплотворной способности. Теплотворная способность лучших углей — до 6800—7000 кал (баракарских — до 7500 кал), но нередко она опускается до 6 тыс. кал. Существенное экономическое значение имеет способность индийских углей к самовоспламенению, что затрудняет их хранение и перевозку. Благоприятным является низкое содержание серы (0,3—0,7%)⁸.

Прежде чем дать количественную оценку запасов угля в пределах Бихара и Западной Бенгалии, отметим, что после С. С. Фокса⁹, охватившего в 1932 г. в своих подсчетах все известные месторождения страны и положившего в основу определения качества и количества запасов одинаковые для всех месторождений критерии, были обнаружены в незначительном количестве новые ресурсы. Однако переоценка запасов или не производилась, или производилась разрозненно по отдельным месторождениям и в разные годы, при отсутствии единого принципа исчисления. По данным специального комитета по угольным месторождениям, на 1946 г. в Индии общие запасы угля, пригодного для эксплуатации (workable coal), исчислялись в 16,5 млрд. т, из них на месторождения Бихара приходилось около 13,1 млрд. т, а на месторождения Западной Бенгалии — около 2,4 млрд. т¹⁰. Запасы же хороших коксующихся углей, пригодных для металлургии, были оценены тогда же приблизительно в 700—750 млн. т, причем все они находятся в бассейне р. Дамодар¹¹. По оценке, данной комитетом по консервации металлургического угля в 1950 г., доступные для эксплуатации ресурсы коксующегося угля в долине Дамодара (в пересчете на уголь с содержанием минеральных веществ не менее 15%) составляют около 2,1 млрд. т¹². Даже такой

⁸ Данные детальных анализов углей Бихара и Западной Бенгалии по месторождениям и пластам приведены: E. R. Gee, *Coal* («Records of the Geological survey of India», vol. LXXVI, «Bulletins of economic minerals», Calcutta, 1948, № 16), p. 85—102.

⁹ Cyril S. Fox, *The lower Gondwana coalfields of India* («Memoirs of the Geological survey of India», vol. LIX, Calcutta, 1934).

¹⁰ «Report of the Indian coalfields' committee 1946», vol. I, Delhi, 1947, p. 17, 331—338. — Подразумеваются угли с зольностью не более 25% в пластах мощностью не менее 1,2 м.

¹¹ Ibid., p. 20—21.

¹² «Report of the committee on conservation of metallurgical coal», Delhi, 1951, p. 50.

беглый обзор показывает, какое жизненное значение имеют угольные месторождения обоих штатов для энергетики, металлургии и транспорта всей Индии. Главные месторождения — Ранигандж, Джхариа, Бокаро, Гиридик, Северная и Южная Каранпура и др.

Нужно отметить, что с легкой руки С. С. Фокса, исходившего из того, что низкокачественный уголь невыгодно добывать на глубине более 300 м, а высокого качества (зольность — не более 16%) — на глубине более 600 м, во всех последующих исследованиях принимались в расчет только угли, залегающие в этих пределах. Угленосные породы нередко выходят на поверхность или близки к ней, что позволяет осуществлять открытую разработку. Однако во многих случаях угольные шахты все глубже «зарываются» в землю, и, вероятнее всего, на глубине более 600 м скрыты немалые залежи каменного угля. Современное развитие техники угледобычи вполне обеспечивает их разработку.

Исследования, проведенные в последние годы геологической службой Индии, в частности, совместно с советскими специалистами, позволяют надеяться на обнаружение нефти в третичных отложениях на территории обоих штатов, например в прибрежных районах Западной Бенгалии (в том числе и на дне Бенгальского залива).

По запасам железных руд Индия — одна из богатейших стран мира. Наибольшее значение имеют гематитовые руды, подчиненные осадочно-метаморфическому комплексу пород дхарварского возраста. Самые крупные запасы высококачественных гематитовых руд находятся в штатах Бихар и Орисса, а также в прилегающих частях Мадхья-Прадеша. Поскольку месторождения изучаемой территории (Бихара) по своему генезису и расположению практически составляют единое целое с месторождениями соседних штатов, мы приведем краткие данные о запасах всей этой обширной области. Это позволит правильно оценить железорудные богатства Восточной Индии.

Х. С. Джонс, принимая в расчет только руды со средним содержанием железа 60% и выше, оценивает запасы Бихара и Ориссы приблизительно в 2,7 млрд. т (в том числе Сингхбхума — более 1 млрд. т)¹³. Ф. Г. Персивэл полагает, что железорудные ресурсы этого района должны быть равны 8 млрд. т¹⁴. Наконец, С. П. Перин подсчитал, что в пределах прямоугольника длиной по широте 640 км и шириной 320 км, в северо-восточном углу которого находится Калькутта, имеется около 20 млрд. т богатых железных руд¹⁵. Следует иметь в виду, что, как правило, при оценке в расчет брались только наиболее богатые руды, и в ряде случаев запасы явно преуменьшены. Если же добавить, что в пределах Бихара и соседних штатов имеются запасы железных руд других типов (сидеритовые и лимонитовые руды, латеритная руда, а также титано-магнетиты, при наличии богатых гематитов пока не имеющие практического значения), то становится ясно, что Бихар и Орисса — это один из крупнейших железорудных бассейнов мира. Железорудные месторождения этого района в состоянии обеспечить растущие потребности Индии и дать большие экспортные излишки. Основные месторождения расположены близ Ноамунди, Гуа и в других местах на границе Бихара и Ориссы. Гематитовые руды не только залегают на поверх-

---

¹³ H. C. Jones, *Iron ores of Bihar and Orissa* («Memoirs of the Geological survey of India», vol. LXIII, pt. 2, 1934), p. 249.

¹⁴ F. G. Percival, *Iron ores* («Journal of scientific & industrial research», 1947, vol. VII, № 2), p. 61—69.

¹⁵ C. P. Perin, *Recent developments in the iron and steel industry of India* («Transactions of the American iron and steel institute», 1920), p. 12.

ности, но и приурочены к возвышенным местам рельефа. Это делает добычу руды технически несложной и экономически выгодной.

Индия занимает одно из первых мест в мире по запасам марганца. Руды этого металла (псиломелан, пиролюзит) подчинены главным образом дхарварскому осадочно-метаморфическому комплексу. Месторождения марганца в Бихаре по своим запасам и по качеству уступают знаменитым месторождениям Мадхья-Прадеша и Бомбея. Тем не менее их значение для экономики Индии велико благодаря близости к районам, перспективным в отношении развития черной металлургии. В настоящее время подавляющая часть марганцевых руд, используемых в черной металлургии страны, добывается в Бихаре. Основные месторождения расположены в Сингхбхуме, близ Чайбасы и в других местах. Сведения о запасах руды отсутствуют.

В Индии запасы только высококачественных бокситов (с содержанием Al_2O_3 более 50%) оцениваются в 25 млн. т¹⁶. Из них около 9 млн. т — в пределах Бихара (Ранчи и Паламау)¹⁷. Данные о запасах бокситов с меньшим содержанием Al_2O_3 отсутствуют.

В Сингхбхуме, близ Чайбасы и в Сарайкеле, а также в соседних дистриктах Ориссы имеются крупные месторождения хромитов, связанных с интрузиями ультраосновных пород. Содержание Cr_2O_3 в руде достигает 50—55%. Достоверные данные о запасах отсутствуют.

В Сингхбхуме же расположен и главный меднорудный район Индии — 130-километровый «медный пояс», приуроченный к породам дхарварской системы, прорванным гранитными интрузиями и затронутым сбросом. Содержание меди в руде (халькопирит) в среднем — 2—3%. Главное месторождение — Мосабони. Что касается руд других цветных, а также редких и драгоценных металлов, то изучаемая территория (как, впрочем, и Индия в целом) довольно бедна ими. Имеются небольшие месторождения олова, свинца, вольфрама, титана, ванадия, но большинство их недостаточно изучено в экономическом отношении. В районе «медного пояса» Сингхбхума имеются месторождения бедных урановых руд, но геологические предпосылки благоприятны для нахождения более богатых ресурсов атомного сырья. Следует упомянуть также пириты (месторождение Амджор) — сырье для химической и металлургической промышленности.

Плато Чхота-Нагпур — один из богатейших в мире районов по запасам высококачественной слюды. Месторождения мусковита образуют здесь знаменитый «слюдяной пояс», протянувшийся в дистриктах Гая и Хазарибаг с юго-запада на северо-восток на 120 км. Генетически слюда связана с интрузиями гранито-гнейсов и пегматитов в сланцы, кварциты и другие кристаллические породы дхарварского возраста. Наибольшее значение имеет район Кодарма.

Из других видов неметаллических полезных ископаемых следует упомянуть кианит (месторождение Лапса-Буру в Сингхбхуме — самое крупное в мире), огнеупорные глины, каолин, высококачественный асбест, апатиты, различные абразивные материалы (корунд, гранит и др.), графит. Наконец, в пределах изучаемой территории широко распространены самые разнообразные строительные материалы: высококачественные известняки (из которых можно получить известь, цемент), доломиты, гранит, песчаники, глины, латериты и др.

Завершая этот далеко не полный список основных видов минеральных богатств Бихара и Западной Бенгалии, отметим, что на территории

¹⁶ «Records of the Geological survey of India», vol. 86, pt. 2, 1954, p. 319.

¹⁷ J. Coggin Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth*, London, 1955, p. 260.

обоих штатов имеется множество горячих и минеральных источников. Особенно много их в Чхота-Нагпуре и в пределах Гималаев. Некоторые из них используются местными жителями при лечении различных заболеваний¹⁸.

Бросается в глаза, что месторождения полезных ископаемых Гималаев и особенно Гангской равнины, за редкими исключениями, весьма незначительны. Совершенно иная картина наблюдается в Чхота-Нагпуре — этой «кладовой стратегических материалов»¹⁹. Можно поставить под сомнение утверждение известного индийского экономиста К. Т. Шаха, что минеральные ресурсы Чхота-Нагпура составляют 70% общеиндийских²⁰. Но то, что Чхота-Нагпур и соседние территории Ориссы по своим минеральным богатствам представляют важнейший район Индии и что его первенство вряд ли будет поколеблено в ближайшие десятилетия, факт, по нашему мнению, несомненный. Запасы железных руд, слюды, кианита являются одними из крупнейших в мире, а угля, меди, хромитов, боксита — важнейшими в Индии.

К тому же, во всей стране не найти района, где сочетание различных минеральных ресурсов было бы столь многогранным, столь удачным для развития различных отраслей промышленности.

Наличие крупных угольных ресурсов является важной предпосылкой для развития народного хозяйства обоих штатов. Жизненное значение для экономики страны имеет возможность применения бихарских и бенгальских углей в металлургии. Между тем запасы коксующихся углей, особенно в сравнении с колоссальными ресурсами железных руд, невелики. В 1946 г. было подсчитано, что при существовавшем тогда уровне потребления (около 8 млн. т в год) коксующегося угля хватило бы на 65 лет²¹. Ввиду быстрого развития черной металлургии Индии эту цифру теперь следовало бы уменьшить до 25—30 лет (по подсчетам комитета по консервации металлургического угля — до 55 лет²²). Впрочем, истощение запасов коксующегося угля (как и угля вообще) может быть замедлено путем применения более рациональных методов эксплуатации месторождений, обогащения высокозольных углей и смешивания различных сортов (например, некоторые некоксующиеся угли месторождения Ранигандж в смеси с сильнококсующимися углями соседнего месторождения Джхариа дают хороший металлургический кокс). Та же цель может быть достигнута путем более правильного использования коксующегося угля: до сих пор немалое количество его сжигается в топках паровозов. Наконец, принимая во внимание дешевизну, обилие и высокое качество железных руд Бихара и Ориссы и растущую потребность страны в черном металле, в отдаленной перспективе может стать экономичным завоз угля из-за границы. Наличие в непосредственной близости друг от друга месторождений коксующихся углей, железных руд, руд марганца и легирующих металлов, известняков и огнеупоров создает чрезвычайно благоприятные предпосылки для значительно большего развития черной металлургии, чем это имеет место ныне.

Можно назвать целый ряд других отраслей промышленности, для развития которых существуют благоприятные предпосылки благодаря наличию тех или иных видов минерального сырья. Так, возвращаясь к углю, отметим, что имеется, например, полная возможность строитель-

¹⁸ См.: S. Krishnaswamy, *Thermal springs of India* («The Indian geographical journal», 1955, vol. XXX, № 1—2, p. 26—44).

¹⁹ H. L. Chhibber, *India*, pt 1, p. 29.

²⁰ K. T. Shah, *Mining and metallurgy*, Bombay, 1948, p. 89.

²¹ «Report of the Indian coalfields' committee 1946», vol. I, p. 20—21.

²² «Report of the committee on conservation of metallurgical coal», p. 51.

ства на базе бихарских и бенгальских углей крупных заводов по производству жидкого топлива²³. На базе местных запасов бокситов и энергетических ресурсов можно построить предприятия алюминиевой промышленности; крупные месторождения известняков — предпосылка для еще большего развития цементной промышленности; все более широкое применение находят слюда, пириты, кианит и т. д.

Внедрение прогрессивных методов эксплуатации месторождений, широкое применение обогащения, изучение новых путей использования известных ресурсов и, наконец, поиски новых полезных ископаемых, несомненно, еще более увеличат минеральные ресурсы этого края (в частности, Гималаев и Гангской равнины).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что роль, которую могут сыграть богатства недр Западной Бенгалии и особенно Бихара в экономике обоих штатов и Индии в целом, трудно переоценить.

* * *

Почти треть территории Западной Бенгалии и Бихара лежит к югу от тропика. Это определяет очень большое количество получаемого ею тепла и тропический характер климата. Особенности циркуляции атмосферы и рельеф накладывают на него отпечаток значительного своеобразия.

По схеме климатического районирования Б. П. Алисова²⁴ Бихар и Западная Бенгалия составляют часть зоны экваториально-тропических муссонов северного полушария. Согласно классическим представлениям о характере циркуляции атмосферы в тропиках²⁵ в летнюю половину года сдвиг к северу термического экватора сопровождается соответствующим сдвигом зоны юго-восточных пассатов. В это время атмосферное давление на индийском субконтиненте значительно ниже давления на экваторе. Юго-восточный пассат, вовлекаясь в область пониженного давления и отклоняясь вправо в результате вращения Земли, превращается в летний влажный муссон. Последний представляет собою мощный воздушный поток, насыщенный влагой благодаря длительному прохождению над океаном. В пределы Западной Бенгалии муссон входит с юга и благодаря наличию глубокого барического минимума в области среднего течения Инда отклоняется затем к северо-западу.

В зимнюю половину года картина меняется. Термический экватор сдвигается к югу. Атмосферное давление в северной части субконтинента значительно превышает давление на экваторе. Здесь располагается зона опускания антипассата, что сопровождается нагреванием и иссушением воздуха. Эти воздушные массы формируют зимний муссон (он же пассат северного полушария). Его направление менее устойчиво, чем летнего муссона, но северо-западное и северное преобладают.

Гигантская стена Гималаев представляет важнейший климатораздел между Индийским субконтинентом и странами Центральной Азии. Высочайшие хребты препятствуют проникновению в долину Ганга холодных

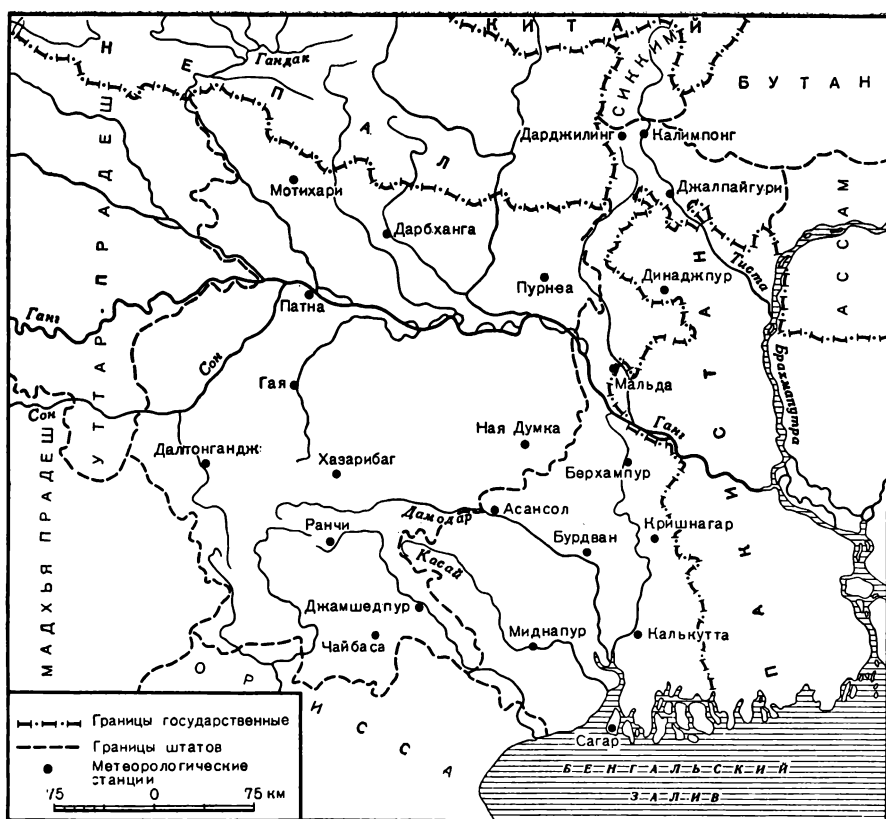
---

²³ См.: A. B. Dutt, P. K. Ghosh, G. N. Dutt and K. D. Shukla, *Preliminary report on coal suitable for the manufacture of synthetic petroleum* («Bulletin of the Geological survey of India», ser. A, Calcutta, 1950, № 1).

²⁴ Б. П. Алисов, *Климатические области зарубежных стран*, М., 1950, стр. 80—88.

²⁵ В последнее время среди климатологов раздаются голоса о необходимости пересмотра этих представлений, якобы несоответствующих действительности [см., напр.: H. Flohn, *Wilhelm Meinardus und die Revision unserer Vorstellungen von der atmosphärischen Zirkulation* («Zeitschrift für Meteorologie», Bd. 7, № 4, 1953), S. 97—108].

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ МЕТЕОСТАНЦИЙ, ДАННЫЕ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
В СТАТЬЕ

воздушных масс с севера, что делает климат района значительно более теплым по сравнению с климатом соответствующих широт Китая и ряда других стран. С другой стороны, «обитель снегов» непроходимой стеной стоит на пути летнего влажного муссона, являясь одной из причин его отклонения на северо-запад, и конденсирует значительные запасы влаги на своих снежных вершинах.

Как это принято в большей части географической литературы по Индии, в соответствии с особенностями циркуляции атмосферы, условиями увлажнения и годовым ходом температуры в Бихаре и Западной Бенгалии можно выделить три времени года: влажный теплый период—июнь—октябрь; сухой прохладный период — ноябрь — февраль, сухой жаркий период — март — май ²⁶.

Мы начнем рассмотрение климата района с влажного и теплого времени года — наиболее важного для сельского хозяйства.

Летние муссонные дожди начинаются внезапно, сразу ²⁷. В пределы Западной Бенгалии летний муссон приходит, как правило, 5—15 июня.

²⁶ Такая же сезонность климата (с незначительными отклонениями) наблюдается во всей северной половине Индийского субконтинента (приблизительно к северу от параллели 20°) — в отличие от южной половины Индостана, где максимум осадков, например, приходится на осень или на лето и осень.

²⁷ В литературе часто применяется термин «взрыв муссона» (burst of monsoon).

В своем движении на север воздушный поток «ударяется» о плато Шилонг и о Гималаи и, отдав им значительную часть своей влаги, поворачивает на запад.

В пределы Бихара муссон входит несколькими днями позже в виде влажных восточных и юго-восточных ветров, однако по мере движения на запад количество приносимых осадков неуклонно снижается. К концу июня воздействие влажного муссона охватывает всю территорию района.

С июня по октябрь включительно на территории Западной Бенгалии и Бихара выпадает более 75—80%, а в некоторые годы и более 90% годового количества осадков: везде в пределах описываемой территории за это время выпадает более 1000—1100 мм, а в некоторых местах — гораздо больше (табл. 1). Благодаря воздействию рельефа выделяются две области с относительно большим количеством осадков. Это — полоса предгорий вдоль северной границы обоих штатов и гималайский дистрикт Дарджилинг (более 2600 мм), а также обращенная к влажному муссону восточная часть плато Чхота-Нагпур. Обильные осадки выпадают и на юго-западе плато, где в области местной барической депрессии встречаются обе главные ветви летнего муссона (одна — с Бенгальского залива, другая — с Аравийского моря). В целом на плато за период влажного муссона выпадает более 1100—1200 мм осадков, причем в северной половине Чхота-Нагпура их количество с востока на запад уменьшается, а в южной — возрастает.

Т а б л и ц а 1

АТМОСФЕРНЫЕ ОСАДКИ В БИХАРЕ И ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ
(мм) *

Станция	С. ш.	В. д.	Высота над уровнем моря, м	Число лет наблюдений	Среднемесячное количество осадков												Среднегодовое количество осадков
					Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	
Калькутта . .	22°32'	88°20'	6	60	9	30	35	44	139	297	325	328	253	114	21	5	1600
О-в Сагар . .	21°39'	88°03'	3	60	10	29	33	30	115	295	395	337	263	205	33	5	1748
Миднапур . .	22°25'	87°19'	45	55	12	34	36	43	120	259	324	324	216	97	22	4	1491
Бурдван . .	23°14'	87°51'	32	60	11	34	40	49	151	267	325	303	224	84	22	5	1512
Кришнагар . .	23°24'	88°31'	15	55	11	29	39	58	170	262	286	264	202	108	25	3	1457
Асансол . .	23°41'	86°57'	126	25	17	32	21	21	74	242	348	337	210	110	14	5	1431
Берхampur . .	24°08'	88°16'	19	60	10	21	26	38	135	246	276	290	232	92	17	4	1387
Мальда . .	25°02'	88°08'	31	55	14	21	20	30	117	249	292	280	293	110	11	2	1438
Динаджпур . .	25°38'	88°38'	38	55	9	15	18	54	186	346	393	348	331	121	11	2	1835
Джалпайгури . .	26°32'	88°43'	83	55	8	17	32	94	300	659	818	642	539	141	13	4	3267
Дарджилинг . .	27°03'	88°16'	2267	60	13	30	48	105	245	614	836	675	480	137	21	7	3211
Калимпонг . .	27°04'	88°28'	1209	15	10	29	28	69	159	370	578	505	288	127	18	8	2189
Джамшедпур . .	22°49'	86°11'	129	10	9	50	18	23	80	191	334	391	181	68	9	6	1359
Чайбаса . .	22°33'	85°49'	226	50	16	38	22	27	70	198	333	311	201	74	18	5	1312
Ранчи . .	23°23'	85°20'	656	50	23	46	30	23	54	218	392	352	236	80	15	7	1476
Хазарибаг . .	23°59'	85°22'	612	60	23	32	24	14	50	212	331	336	227	79	14	7	1347
Дальтонгандж . .	24°03'	84°04'	221	45	23	32	17	10	14	153	340	343	181	49	14	6	1185
Пурнеа . .	25°46'	87°28'	38	60	10	16	13	33	106	260	364	334	295	82	9	3	1523
Дарбханга . .	26°10'	85°54'	49	60	11	13	13	17	64	193	308	343	235	58	7	3	1265
Мотихари . .	26°40'	84°55'	66	55	12	15	13	21	67	221	381	329	230	59	6	4	1353
Патна . .	25°37'	85°10'	53	60	15	19	11	7	36	181	294	332	218	58	9	6	1181
Гая . .	24°49'	85°01'	111	60	18	22	13	6	24	164	336	349	191	49	13	5	1187
Ная Думка . .	24°16'	87°15'	149	55	17	24	23	21	92	254	351	329	244	97	14	2	1468

* «Climatological tables of observatories in India», Delhi, 1953.

На равнине количество осадков за этот период несколько уменьшается от морского побережья (о-в Сагар — около 1500 мм, Калькутта — около 1300) к северу (Берхампур — около 1140 мм), вновь возрастая по мере приближения к Чхота-Нагпуру и особенно к Гималаям (Пурнеа — более 1300 мм, Джалпайгури — 2800 мм). Район наименьшего выпадения осадков — западноцентральная часть равнины Бихара; однако и здесь количество осадков за июнь — октябрь не ниже 1 тыс. мм, т. е. в балансе увлажнения приход значительно превышает расход.

Выпадение осадков связано с циклонической деятельностью, происходит оно импульсами, в виде сильных ливней, сопровождающих турбулентные депрессии, движущиеся с Бенгальского залива. Даже в самое дождливое время (июль и август) число дней с осадками не превышает 15—18 в месяц (Дарджилинг и Джалпайгури — 20—25). Относительная влажность воздуха в период летних дождей резко возрастает, почти всюду достигая 80—85%, а в Дарджилинге превышает 95%! Облачность составляет в среднем более 80—90%.

Начало влажного сезона несет с собой некоторое снижение максимальных и минимальных температур. Довольно заметное на плато, это снижение на равнине выражено гораздо меньше, а в горных районах не наблюдается (влажный сезон в Дарджилинге является самым теплым в году). Сильная облачность и обусловленное ею малое излучение земной поверхности сохраняют температуру довольно высокой даже ночью. Средние суточные минимальные температуры за влажный период не опускаются ниже 24—25° (в октябре 21°). Даже в наиболее возвышенных районах Чхота-Нагпура они не опускаются ниже 19°. Гималаи, конечно, составляют исключение (табл. 2)²⁸.

В условиях чрезвычайно высокой относительной влажности воздуха падение температуры почти не ощущается. С приходом влажного муссона в воздухе стоит невыносимая духота. Деревянные вещи сыреют и разбухают, книги покрываются плесенью, высушить одежду нет никакой возможности. Коррозия разрушает металл. Многие шахты и рудники затопливаются, а дороги, не имеющие твердого покрытия, выбывают из строя.

Летний муссон в Бихаре и Западной Бенгалии ослабевает к последним числам сентября, когда центр низкого давления начинает смещаться на юг, но окончание влажного периода более постепенно, чем его начало, и наступление сухого времени года предшествуют еще 20—30 дней переходного периода, приходящиеся в основном на октябрь, когда на большей части территории района выпадает 50—100 мм осадков.

В октябре в южные районы Западной Бенгалии нередко вторгаются тропические циклоны, зарождающиеся в южной части Бенгальского залива и достигающие иногда силы «бешеных» ураганов. Если такие ураганы совпадают со временем морского прилива, прибрежные районы подвергаются нашествию огромных морских волн и катастрофическим наводнениям. В качестве примера можно привести циклон «Хугли» 5 октября 1864 г., поднявший уровень моря у берегов Бенгалии более чем на 12 м; во время наводнения погибло несколько десятков тысяч человек²⁹. Огромный ущерб причинил циклон 16 октября 1942 г., обрушившийся на дистрикты Миднапур и 24 Парганы, когда погибло около

²⁸ Здесь и ниже все данные о температуре — по табл. 2. В ней приведены средние суточные максимальные и минимальные температуры, так как они дают для оценки возможностей сельского хозяйства гораздо больше, чем среднесуточные, которые легко могут быть вычислены по этим данным.

²⁹ Людовик Русселз, *Живописная Индия (Индия раджей)*, СПб., 1877, стр. 705—707.

СРЕДНИЕ СУТОЧНЫЕ МАКСИМАЛЬНЫЕ (1) И МИНИМАЛЬНЫЕ (2)
ТЕМПЕРАТУРЫ (°С)*

Станция	Число лет наст.	Я		Ф		М		А		М		И		И		А		С		О		Н		Д				
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2			
Калькутта	60	26,4	12,5	28,7	15,2	23,3	6,20	4,36	0,24	2,35	3,25	3,33	5,25	9,32	0,25	9,31	7,25	8,32	2,25	6,31	8,23	2,29	0,17	6,26	3,12	8,15		
О-в Сагар	60	25,0	14,7	27,0	18,1	30,3	23,4	3,32	0,27	3,32	8,27	0,32	0,27	3,30	8,26	8,30	4,26	4,31	0,26	4,30	4,24	6,28	0,19	6,24	9,15	1,13		
Миднапур	50	27,1	13,1	29,6	16,2	28,5	1,20	8,38	3,24	5,37	7,26	0,34	5,26	2,32	1,26	1,31	8,25	8,32	1,27	7,31	8,23	0,29	1,17	4,26	5,13	1,13		
Бурдван	60	26,1	12,4	28,5	14,7	34,1	19,7	37,6	23,9	36,8	25,3	34,2	26,3	3,26	1,31	8,26	1,32	2,25	9,31	8,23	4,28	8,17	7,26	1,13	3,3			
Кришнагар	36	25,7	10,9	28,2	13,2	33,7	18,7	37,2	23,4	36,0	24,7	13,7	25,9	3,25	8,32	3,25	6,12	0,22	8,29	1,16	9,26	0,11	8,8					
Асансол	20	25,4	11,5	28,0	14,1	34,3	18,3	38,7	23,4	39,0	25,7	36,6	2,32	1,25	4,31	5,25	3,32	2,25	0,31	7,21	5,28	8,15	6,25	9,11	9,9			
Берхампур	60	24,8	11,8	27,5	13,5	33,4	18,5	37,2	23,3	36,2	24,8	33,7	25,9	3,21	1,26	1,31	8,26	0,32	0,25	9,31	3,23	3,28	2,17	6,25	1,12	9,9		
Мальда	25	23,6	10,0	26,3	12,3	32,6	16,4	36,4	21,9	35,0	24,1	1,33	1,25	9,32	1,26	1,31	8,26	2,31	7,25	8,31	2,22	4,28	0,16	2,24	3,11	4,4		
Динаджпур	50	24,1	9,7	26,3	11,9	31,8	16,1	34,6	21,1	33,2	23,4	3,22	0,25	2,31	8,26	1,31	7,26	1,31	5,25	5,30	8,22	3,28	1,16	1,25	1,11	1,1		
Джалтайгур	50	23,5	10,0	24,9	12,1	29,5	15,8	32,0	20,1	32,0	22,5	3,14	2,4	3,1	4,25	2,31	5,25	2,31	2,24	4,30	4,21	3,27	8,15	8,24	8,11	8,8		
Дарджилинг	50	8,3	1,9	8,7	2,5	13,0	6,1	11,6	2,9	3,17	2,11	3,18	3,13	6,18	7,14	4,18	6,14	3,18	1,13	3,16	5,10	1,13	1,6	2,10	3,2	4,4		
Калимпонг	20	15,2	7,9	16,3	9,1	20,8	12,5	23,4	15,3	23,6	17,1	24,0	19,1	2,24	1,19	5,24	2,19	5,23	7,18	7,22	2,15	8,12	3,11	9,16	9,9	9,0		
Джамшедпур	10	26,9	10,8	28,5	14,3	34,4	18,2	38,9	23,2	39,4	26,2	36,1	26,7	3,19	9,25	9,31	6,25	6,32	2,25	3,32	1,21	8,29	4,15	0,26	5,10	9,9		
Цайбаса	30	26,2	11,3	28,7	14,1	34,5	18,7	39,0	23,7	40,0	26,2	36,1	26,2	3,19	9,25	9,31	6,25	6,32	2,25	3,32	1,21	8,29	4,15	0,26	5,10	9,9		
Ранчи	50	23,1	10,7	24,9	12,8	30,5	17,4	35,4	21,9	37,0	24,1	1,33	2,24	1,29	1,23	0,28	5,22	6,29	0,22	2,28	4,19	0,25	3,14	0,22	7,10	3,3		
Хазарибаг	43	22,6	10,2	25,1	12,3	31,0	17,3	36,2	22,1	37,4	24,3	0,24	5,29	5,23	3,28	9,23	0,29	3,22	4,28	6,19	2,25	3,14	0,22	4,10	0,0	0,0		
Дальтонгандж	45	24,4	8,6	26,6	11,1	32,9	15,5	38,5	21,1	41,2	26,0	38,0	27,2	3,29	9,25	7,31	5,24	9,32	1,24	1,31	8,19	2,28	0,12	4,24	6,8	1,1		
Пуруна	60	23,7	8,7	26,1	10,9	31,1	16,5	35,8	20,7	34,8	23,3	5,33	0,25	2,31	8,26	3,1	8,26	9,31	7,25	2,31	1,21	5,28	0,14	3,24	6,9	7,7		
Дарбханга	39	22,9	8,3	24,8	10,0	31,4	14,5	36,1	19,8	36,2	23,7	34,2	25,4	3,25	9,31	9,25	8,32	6,25	0,31	9,25	8,32	6,25	0,31	2,20	8,27	9,13	3,4	0,0
Мотихари	60	22,8	10,7	25,4	12,6	32,1	18,0	37,2	23,1	38,0	25,7	35,7	26,6	6,32	6,26	6,31	8,26	5,32	1,26	1,31	4,22	6,27	9,16	1,23	6,11	3,3		
Патна	60	23,5	9,5	26,3	11,6	33,1	17,3	38,8	22,6	40,3	26,5	37,5	27,4	4,33	4,25	9,32	2,25	7,32	5,25	1,31	4,21	1,27	4,13	9,23	6,9	2,2		
Гая	23,5	9,5	26,3	11,6	33,1	17,3	38,8	22,6	40,3	26,5	37,5	27,4	4,33	4,25	9,32	2,25	7,32	5,25	1,31	4,21	1,27	4,13	9,23	6,9	2,2	2,2		
Ная Думка	50	24,4	10,5	27,0	13,2	33,2	18,1	37,7	3,2	37,2	25,2	2,34	5,25	9,31	9,25	6,31	4,25	3,31	8,24	8,31	2,21	5,28	0,15	3,23	6,10	9,9		

* «Climatological tables of observatories in India», Delhi, 1953.

11 тыс. человек и было уничтожено 1,5 млн. т риса³⁰, что усугубило трагедию голода 1943 г. в Бенгалии. Циклоны, правда, далеко не всегда достигающие столь разрушительной силы, случаются едва не каждый год.

С октября центр низкого давления сдвигается к экваториальным широтам, и над Северной Индией формируются континентальные воздушные массы зимнего северо-восточного муссона. Режим зимнего муссона длится до мая. Этот период в свою очередь подразделяется на два сезона — прохладный (ноябрь — февраль) и жаркий (март — май).

При зимнем муссоне дожди прекращаются. Уже в ноябре почти везде на территории Бихара и Западной Бенгалии выпадает менее 25 мм осадков, а в декабре — менее 10 мм. Наступает устойчивая солнечная погода, но среднесуточные и, что особенно важно, суточные минимальные температуры продолжают постепенно падать. В ноябре на значительной части равнины средняя суточная минимальная температура опускается до 15—16° (в прибрежных районах — до 18—19°), а на плато Чхота-Нагпур — до 12—15°. В декабре — январе она продолжает снижаться: на равнине до 9—12° (в Бихаре несколько прохладнее, чем в Западной Бенгалии), на юге — до 12—15°, а в Чхота-Нагпуре — до 8—10°.

Средние из абсолютных минимумов температуры в большей части Западной Бенгалии составляют в декабре 7—9° (на юге 10—11°), в январе — приблизительно на 1° ниже. Соответствующие температуры в Бихаре в среднем на 1° ниже. На большей части территории Бихара и Западной Бенгалии ночные температуры никогда не опускаются ниже +3°. Самые низкие температуры наблюдаются на крайнем севере Бихара и на возвышенных участках Чхота-Нагпура. Здесь известны случаи падения ночной температуры в декабре — феврале до +2°, а в некоторых местах даже до 0°, когда посевам наносился очень большой ущерб. Однако такие явления наблюдаются здесь крайне редко.

Горный дистрикт Дарджилинг, конечно, составляет исключение из этого правила. Как и всюду, зимние месяцы здесь самые холодные в году. Средние суточные минимальные температуры в Дарджилинге составляют в декабре — феврале от +2 до +2,5° (в Калимпонге, лежащем на тысячу метров ниже, — от +8 до +9°). Заморозки здесь — обычное явление. Минимумы температуры в декабре — январе доходят до 0 и —1°, а в отдельные годы до —3 и даже —5°.

В целом за сухой прохладный период на территории обоих штатов выпадает 50—60 мм осадков, на равнинах Бихара несколько меньше, в Чхота-Нагпуре, в прибрежных районах Западной Бенгалии и в Гималаях — несколько больше, в чем сказывается роль рельефа и близость к морю. Средняя относительная влажность воздуха составляет 50—60%, облачность невелика (20—30%). Для самочувствия человека январь — февраль — наилучшее время года.

В конце февраля с запада начинают дуть жаркие сухие ветры. Температура воздуха повышается, и уже в марте в дневные часы она повсюду превышает 30°. В апреле она продолжает расти и к концу мая (когда в апреле) достигает максимума. Средняя суточная максимальная температура на территории Бихара и Западной Бенгалии в апреле — мае равна, как правило, 36—40° и нигде, кроме Гималаев, не ниже 32°; средняя суточная минимальная в апреле 20—23°, а в мае 24—26°. Средние из абсолютных максимумов температуры в апреле повсюду равны 40—43°, а в мае — 42—44°. Известны случаи и более высокой температуры

---

³⁰ Ludwig Alsdorf, *Vorderindien. Bharat, Pakistan, Ceylon*, Braunschweig, 1955, S. 154.

(нередко в июне — до начала влажного муссона). Ночью в апреле — мае температура, как правило, не опускается ниже 18—20°. Прохладнее всего в это время на побережье Бенгальского залива, на крайнем севере Бихара и Западной Бенгалии и на более высоких участках плато Чхота-Нагпура. В Дарджилинге в жаркий сезон также наблюдается рост температуры. Средние суточные максимальные и минимальные температуры составляют здесь в марте около 13 и 6°, в апреле — около 16 и 9°, в мае — около 17 и 11° соответственно, но наиболее теплым сезоном в Гималаях является сезон летних дождей. Следует отметить, что жаркий сезон (как, впрочем, и прохладный) — время наиболее значительных суточных амплитуд температур, достигающих 10—16°. Наименьшие суточные амплитуды на побережье Бенгальского залива (5—8°).

Осадки, выпадающие в это время года, связаны в основном с послеполюденными или вечерними штормами, которые особенно часты в мае. Их основная причина — конвекционное взаимодействие влажного воздуха, идущего со стороны залива и стелющегося по поверхности, и потока теплого сухого воздуха с запада. Ветры при этом нередко достигают скорости урагана и сопровождаются сильными ливнями. В Бенгалии эти штормы называются «норвестер», по-местному — «калбайсакхи»³¹. Другой источник осадков — морские майские ветры, приносящие так называемые манговые ливни. Количество осадков в Западной Бенгалии и крайнем северо-восточном углу Бихара составляет за март — май, как правило, 200—250 мм (на равнине Северной Бенгалии превышая 400 мм), на равнинах Бихара, по мере движения на запад, уменьшается до 50—100 мм, в Чхота-Нагпуре — 80—120 мм. В Дарджилинге за этот сезон выпадает около 400 мм. Повсюду от 1/2 до 2/3 всех осадков за сезон выпадает в мае. Относительная влажность составляет в среднем за сезон 30—40%, облачность — 20—35%.

К концу мая в воздухе повисает серая дымка, с равнин Бихара уже не видны белоснежные вершины Гималаев; все предвещает конец сухого времени года и скорое нашествие влажного муссона.

В целом за период зимнего муссона выпадает менее 25—10% общей годовой суммы осадков. Среднемесячное число дней с осадками, как правило, не более одного — трех и лишь в мае несколько выше (до пяти — шести и более). Температура, особенно в жаркий сезон, весьма высока, а относительная влажность воздуха незначительна. В результате испаряемость достигает огромной величины и еще более снижает увлажняющий эффект и сокращает время вегетации растений. Подсчеты Н. Н. Иванова о соотношении испаряемости и осадков, чрезвычайно важные для агроклиматической характеристики района, показывают, что в период зимнего муссона баланс атмосферного увлажнения почти везде резко отрицателен. Эти подсчеты показывают, в частности, что жаркий сезон значительно суше прохладного, хотя он гораздо лучше обеспечен атмосферными осадками (табл. 3).

В завершение краткой характеристики времен года, данной выше, мы остановимся на годовом режиме коэффициента атмосферного увлажнения. Коэффициент атмосферного увлажнения K — это отношение количества выпадающих осадков к величине испаряемости, выраженное в процентах. Показывая, в какой мере атмосферные осадки возмещают оптимальную потребность во влаге, выражаемую испаряемостью, K еще более резко оттеняет противоположность сухого и влажного сезонов, чем суммы осадков, взятые непосредственно.

³¹ कालबैसाखी (хинди) — «бедствия месяца байсакх»; байсакх — апрель — май по индийскому календарю.

Таблица 3

СООТНОШЕНИЕ ИСПАРЯЕМОСТИ И ОСАДКОВ ПО СРЕДНИМ МНОГОЛЕТНИМ
ДАННЫМ НЕКОТОРЫХ МЕТЕОСТАНЦИЙ *

	Месяцы												Год
	Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	
Калькутта													
Осадки, мм	10	30	35	45	140	300	325	330	255	115	20	5	1600
Испаряемость, мм	95	115	130	140	155	125	85	80	90	100	95	90	1300
Баланс увлажнения, мм	-85	-85	-95	-95	-15	175	240	250	165	15	-75	-85	300
К, %	11	26	27	32	90	240	382	413	283	115	21	6	123
Дарджилинг													
Осадки, мм	15	30	50	105	245	615	835	675	480	140	20	5	3210
Испаряемость, мм	25	30	55	65	35	20	15	15	15	40	35	30	380
Баланс увлажнения, мм	-10	0	-5	40	210	595	820	660	465	100	-15	-25	2830
К, %	60	100	91	162	700	3075	5567	4500	3200	350	57	17	845
Патна													
Осадки, мм	15	20	10	5	35	180	295	330	220	60	10	5	1180
Испаряемость, мм	90	135	220	315	320	220	100	80	95	125	110	90	1900
Баланс увлажнения, мм	-75	-115	-210	-310	-285	-40	195	250	125	-65	-100	-85	-720
К, %	17	15	5	2	11	82	295	413	232	48	9	6	62

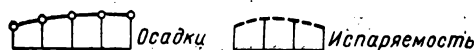
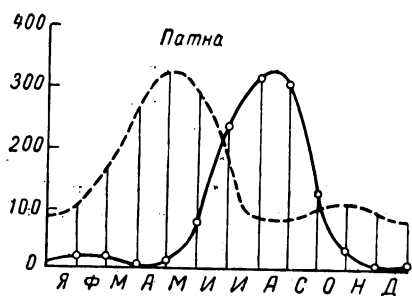
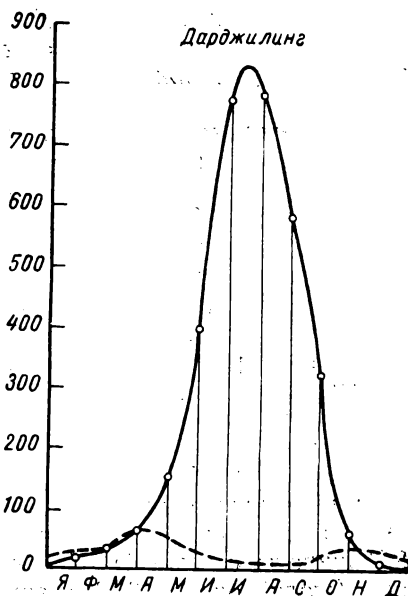
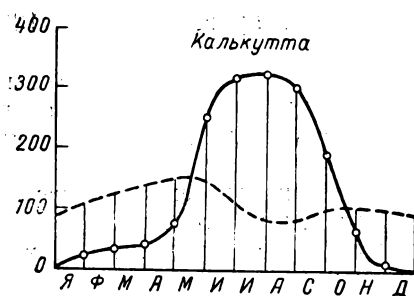
* Расчет испаряемости произведен по формуле Н. Н. Иванова [см.: Н. Н. Иванов, *Зоны увлажнения земного шара* («Известия Академии наук СССР», серия географическая и геофизическая, 1941, № 3), стр. 261—288]. Данные по осадкам, испаряемости и балансу увлажнения округлены с точностью до 5 мм.

Распределение естественного растительного покрова и данные сельскохозяйственной практики свидетельствуют о том, что оптимальным следует считать равенство осадков и испаряемости ($K=100\%$). При K менее 25% выращивание большинства сельскохозяйственных культур без искусственного орошения экономически себя не оправдывает. При определении возможностей сельского хозяйства это следует иметь в виду.

Недостаток атмосферных осадков в сухое время года усугубляется также тем, что даже это незначительное количество выпадает в виде сильных, но редких ливней.

Приведенная общая характеристика климата и данные таблиц обнаруживают, что порайонные климатические различия на территории обоих штатов невелики. Однако в силу влияния рельефа, моря и растительного покрова эти различия все же существуют. Поэтому в интересах более полной агроклиматической характеристики Бихара и Западной Бенгалии небесполезно хотя бы в первом приближении отметить некоторые территориальные варианты климата.

Прежде всего данные таблиц 1 и 3 свидетельствуют, что, хотя в обоих штатах климат можно охарактеризовать как влажно-засушливый, влажный сезон (K не меньше 100%) в Западной Бенгалии на 1,5—2 месяца длительнее, чем в Бихаре: в Западной Бенгалии к нему следует отнести почти весь май, а в Бихаре — «вычесть» октябрь. Засуш-

СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЕ КОЛИЧЕСТВА ОСАДКОВ И ИСПАРЯЕМОСТИ (в мм) ПО МЕСЯЦАМ В НЕКОТОРЫХ ПУНКТАХ БИХАРА И ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ

ливый сезон (K не больше 25%) в Западной Бенгалии длится с ноября по январь включительно, а на значительной части территории Бихара — с конца октября до последних чисел мая (Чхота-Нагпур в этом отношении дает переходный тип климата).

Далее, на территории обширной Гангской равнины можно выделить следующие климатические подрайоны.

Прибрежные районы Западной Бенгалии (южные части дистриктов Миднапур и 24 Парганы) имеют типичный морской климат с обильными осадками (не менее 1600—1700 мм в год) и сравнительно малыми амплитудами температур.

Далее на север количество осадков постепенно уменьшается, и амплитуды колебания температур возрастают. К востоку от Бхагиратхи-Хугли (большая часть дистрикта 24 Парганы и дистрикт Надия) выпадает в год более 1500—1600 мм осадков, к западу (дистрикты Хаура, Хугли, Банкура, Бурдван, Вирбхум, Муршидабад) — как правило, менее 1500. По мере дальнейшего движения на север (северная половина Муршидабада, Мальда, Западный Динаджпур) обнаруживается незначительное снижение температуры и рост количества осадков до 1500—1600 мм в год. Равнины Северной Бенгалии (дистрикты Куч-Бехар, Джалпайгури, часть Дарджилинга) имеют годовую сумму осадков, превышающую 1800—2000 мм.

В пределах Бихара по мере движения на запад количество осадков неуклонно убывает — от более чем 1500 мм в дистрикте Пурнеа до менее чем 1200 мм в Саране и Шахабаде. Наименее обеспечена осадками центральная-западная часть бихарских равнин (дистрикты Саран, Шахабад, Патна, часть Музаффарпура, Дарбханги, Гаи, Монгхира). Однако поло-

са вдоль северных границ штата имеет, как правило, более 1300—1400 мм в год.

Что касается плато Чхота-Нагпур, то в восточной его половине и на наиболее возвышенных участках выпадает более 1300—1400 мм осадков в год, а по мере движения на запад эта сумма снижается до 1200 мм и менее.

Мы сознательно почти не останавливались на особенностях температурного режима в различных районах, так как эти особенности в Бихаре и Западной Бенгалии имеют скорее климатологический, нежели хозяйственный интерес. Отметим лишь, что, как и следовало ожидать, южные районы в общем несколько теплее северных; одновременно климат Западной Бенгалии теплее, чем Бихара; на плато Чхота-Нагпур немного прохладнее, чем на соседних низменностях. Повсюду, однако, температура не создает сколько-нибудь серьезных препятствий для круглогодичной вегетации растений. Имеется лишь один небольшой район, резко выделяющийся среди остальных. Это — южные склоны Гималаев со своеобразным климатом. По обилию осадков этот дистрикт наряду с Джалпайгури один из самых влажных районов Индии (среднегодовая сумма осадков свыше 2—3 тыс. мм). Но главная особенность этого района — сравнительно низкие температуры. Среднегодовая температура в Дарджилинге почти равна лондонской (Лондон расположен приблизительно на 25° широты севернее!). Среднесуточная температура самого теплого месяца (июля) около 16,5°, в зимние месяцы температура нередко опускается ниже 0°. Однако и здесь чередование климатических сезонов такое же, как на равнинах.

К описанному выше чередованию резко выраженных климатических сезонов приспособлен весь ритм сельскохозяйственного производства в обоих штатах. Температура воздуха в течение всего года почти везде достаточно высока для выращивания самых разнообразных сельскохозяйственных культур. Достаточно сказать, что заморозки на территории Бихара и Западной Бенгалии или вовсе неизвестны или случаются крайне редко (за исключением Дарджилинга). Суммы температур свыше 10° на территории обоих штатов достигают очень больших величин (8000—10 000°). Поэтому возможности сельского хозяйства и состав сельскохозяйственных культур по временам года зависят не столько от температуры, сколько от баланса увлажнения.

В Бихаре и Западной Бенгалии, как и во всей Индии, обилие тепла и влаги делает период влажного муссона самым важным для сельского хозяйства. В Индии этот сезон называют «хариф» (खरीफ — хинди). К началу муссонных дождей приурочены посевы многих важнейших культур (риса, джута, сахарного тростника и др.), сбор которых производится в период угасания муссона. В начале сухого периода заканчивается сбор культур харифа и сеются культуры следующего сельскохозяйственного сезона — «раби» (रबी — хинди). Это ячмень, различные масличные, бобовые, картофель. Обилие солнца и сухость следующего жаркого периода благоприятствуют их созреванию и уборке. На общендийскую схему чередования харифа и раби в Бихаре и особенно в Западной Бенгалии (одном из наиболее богатых осадками штатов Индии) накладывается следующая особенность: во многих более влажных районах — не два, а три земледельческих сезона.

Следует отметить, что нами приведены средние климатические показатели. Выше уже говорилось о значительных отклонениях температур от средних многолетних величин. Атмосферные осадки в отдельные годы и сезоны тоже резко отклоняются от средних норм как количественно (причем наибольшие отклонения случаются там, где осадков сравнитель-

но меньше, и тогда, когда они особенно нужны, т. е. в сухие периоды года), так и пространственно: нередко в одном месте избыток осадков, а в соседнем — их недостаток. Изменчивы не только суммы годовых и особенно месячных осадков, но и сроки начала и окончания муссона, которые иногда смещаются на несколько недель. Наконец, в период влажного муссона нередки случаи длительных перерывов в выпадении осадков. Все эти «капризы» климата — фактор большой важности. Запаздывание летнего муссона или слишком ранний его приход наносят большой вред посевам культур хари́фа и ведут к неурожаю (семена риса, например, высеваются за одну-две недели до начала дождей в расчете на своевременный приход муссона). Нехватка дождей в октябре также может привести к гибели посевов риса, а недостаток влаги в почве создает неблагоприятные условия для сева культур раби. Февральские дожди, запаздывая, могут совпасть с периодом цветения этих культур и также нанести значительный ущерб.

Непостоянство от года к году основных климатических показателей делает особенно необходимой общегосударственную службу по заблаговременному предсказанию погоды, особенно сроков прихода и окончания летнего муссона и интенсивности муссонных дождей. Большой интерес в связи с этим представляет «метод мировой погоды», учитывающий связь между элементами погоды в различных частях земного шара³².

В заключение отметим, что климат Бихара и Западной Бенгалии в целом весьма благоприятен для развития ряда отраслей сельского хозяйства. Однако малое количество осадков в сухие периоды, крайне неблагоприятные баланс и коэффициент увлажнения, изменчивость сумм осадков в отдельные годы и сезоны и, наконец, ведущее значение влаголюбивых культур ставят иногда урожай под угрозу гибели. Поэтому, несмотря на то что оба штата (особенно Западная Бенгалия) по количеству выпадающих осадков стоят далеко не на последнем месте в Индии, необходимость искусственного орошения не вызывает сомнения, причем нормы полива, как показывают расчеты Н. Н. Иванова, весьма велики. Даже в наиболее обеспеченных осадками районах наличие систем искусственного орошения крайне желательно на случай засухи или других непредвиденных неблагоприятных обстоятельств. Особенно важным является создание широкой сети прудов и водохранилищ, так как это позволило бы за счет задержания и постепенного использования огромного летнего избытка влаги искусственно продлить влажный период.

* * *

Почти все реки изучаемой территории принадлежат к системе Ганга и в меньшей мере Брахмапутры. Реки, начинающиеся в Гималаях, имеют смешанный характер питания. Основной источник питания — атмосферные осадки, а в более теплую часть года к ним добавляется вода снегов и ледников горных вершин. В общей сумме годового стока дождевой сток составляет более 80%³³. В пределах Бихара и Западной Бенгалии эти реки имеют типичный характер равнинных потоков. Питание рек, начинающихся на возвышенностях Чхота-Нагпура и расходящихся отсюда к Гангу, Хугли и Бенгальскому заливу, происходит целиком за счет дождей и грунтовых вод. В своем верхнем течении эти реки изоби-

³² См.: L. A. Ramdas, P. Jagannathan, Rao S. Gopal, *Prediction of the date of establishment of southwest monsoon* («Indian journal of meteorology and geophysics», 1954, vol. 5, № 4, p. 305—314).

³³ М. И. Львович, *Элементы водного режима рек земного шара*, Свердловск — М., 1945, стр. 66—67.

луют стремнинами и напоминают горные потоки, в низовьях же, выходя на равнину, становятся похожими на реки первой группы.

Самой крупной рекой Бихара и Западной Бенгалии является Ганг³⁴. В пределах этих штатов река протекает на протяжении около 600 км. Здесь Ганг имеет характер спокойной полноводной реки с очень малым падением. Принимая справа и особенно слева много притоков, Ганг течет с запада на восток, а затем, огибая горы Раджмахал, поворачивает на юго-восток и вскоре уходит на территорию Восточного Пакистана. В Западной Бенгалии, приблизительно в 500 км от устья, река начинает ветвиться на рукава, давая начало одной из крупнейших в мире дельт. Западная часть дельты входит в состав Западной Бенгалии. Основными рукавами здесь являются Бхагиратхи (нижнее течение носит название Хугли), Джалангхи, Ичамати и множество других — сложное переплетение разветвляющихся и вновь сходящихся, меандрирующих на плоской равнине потоков, имеющих очень медленное течение. Вплоть до конца XV в. основной сток Ганга в Бенгальский залив осуществлялся через Хугли, затем постепенно начал смещаться на восток. Ныне главным руслом Ганга в пределах дельты является Падма (Восточный Пакистан). Этот сдвиг Ганга погубил немало некогда цветущих бенгальских городов. Количество воды, поступающей в покинутые рукава, особенно Хугли, ничтожно, и достаточное их питание происходит фактически лишь во время половодий.

Режим Ганга отличается неравномерностью. С мая, с таянием снегов и льдов в горах, уровень воды начинает подниматься. В августе — сентябре, в разгар муссонных дождей, подъем воды иногда принимает угрожающие размеры. С мая по сентябрь уровень воды в реке поднимается на 10 м, ширина ее увеличивается более чем вдвое. Расход воды в нижнем течении в это время вырастает до 60 тыс. куб. м/сек и более (при среднегодовом 14,1 тыс. куб. м/сек). Уже в конце сентября начинается быстрый спад, и в марте — апреле расход воды в нижнем течении составляет иногда менее 2 тыс. куб. м/сек³⁵. В русле обнажаются многочисленные острова — «диары», сложенные аллювиальными наносами. Диары иногда создаются заново, иногда смещаются или исчезают вовсе.

Крупнейшими из многочисленных левых притоков Ганга являются Гогра, Гандак, Бури-Гандак, Камала, Коси, Маханада и другие. В верхнем течении все эти реки собирают огромное количество осадков, выпадающих в Гималаях на площади более 155 тыс. кв. км. Площадь же равнины, по которой проходит их нижнее течение, относительно мала — менее 56 тыс. кв. км. Кроме того, количество осадков, выпадающих на равнине, тоже очень велико, и в результате в Индии трудно найти область, которая на столь малой территории несла бы так много воды. Если к этому добавить крайне неравномерное выпадение осадков, особенности рельефа (крутое падение течения в верховьях, резкое уменьшение его при выходе на равнину, плоская поверхность в низовьях) и, наконец, обилие взвешенных частиц в речной воде, то станет понятно, насколько район между Гималаями и Гангом подвержен наводнениям (см. ниже). Следует отметить, что отдельные реки по своему гидрологическому режиму часто взаимозависят; их русла нередко связаны между собой временными протоками, и наводнения на одних реках вызывают подъем воды на других.

³⁴ Правильнее — Ганга (санскр., хинди: गङ्गा, गंगा).

³⁵ «Flood damage and flood control activities in Asia and the Far East» («United Nations, Economic commission for Asia and the Far East», flood control series, Bangkok, 1950, № 1), p. 30.

Важная особенность левых притоков Ганга — миграция их русел. При выходе на равнину скорость течения рек резкое замедляется, и в руслах обильно отлагается взвешенный материал. В результате речные ложа поднимаются выше окружающей местности, вода не уместается в прежних берегах и, переливаясь через край, прокладывает себе новые пути. Это постепенный процесс, однако возможность миграции наиболее вероятна во время наводнений. Судя по памятникам древней санскритской литературы, Паталипутра (нынешняя Патна) до V в. н. э. была расположена близ слияния пяти рек — Ганга, Сона, Гогры, Гандака и Пунпуна. Ныне эти реки впадают в Ганг далеко в стороне от города. Блуждание характерно и для других рек.

Вышесказанное относится ко всем или почти ко всем левым притокам Ганга. Мы остановимся подробнее на некоторых из них. Одна из крупных рек Северного Бихара — Гандак — начинается в Гималаях Непала. Вскоре после выхода на равнину река входит в пределы Индии и, пройдя путь 700 км, впадает в Ганг напротив Патны. С момента выхода на равнину Гандак становится шире, течение — спокойнее, и глубины благоприятствуют судоходству вплоть до Трибени (Непал). Как и другие реки Северного Бихара, Гандак мигрирует на запад, и, вероятно, Бури-Гандак — это старое русло реки.

В свое время на берегах Гандака с целью защиты от наводнений были построены дамбы. Спасая от наводнений, они устранили возможность орошения и отложения на полях плодородного ила. Затем, с подъемом ложа реки, Гандак стал источником наводнений еще более грозных, являя собою пример отрицательного влияния дамб, задерживающих обратный сток воды. Одно из самых сильных наводнений произошло в 1941 г., когда в устье Гандака расход воды был равен 4 тыс. куб. м/сек при среднегодовом 910 куб. м/сек³⁶.

Но особенно недобрая слава у Коси. Эта река имеет площадь бассейна около 60 тыс. кв. км, из которых свыше 5 тыс. кв. км под ледниками. Начинаясь в Гималаях, Коси узким девятикилометровым ущельем прорезает хребет Махабхарат и близ Чатры выходит на равнину, пересекая район непальских тераев. В пределах Бихара Коси имеет все особенности дельтового потока, разветвляясь у Чатры на многочисленные рукава и протоки с медленным течением и неглубоким руслом.

Протекая по густонаселенным районам, Коси в дни наводнений приносит большие бедствия дистриктам Сахарса, Дарбханга, Мэнгхир и Пурнеа. Вода за сутки может подняться на несколько метров и превратить обширные цветущие поля в бушующее море. Так, например, в 1948 г., во время неожиданно раннего паводка, было затоплено около 1300 кв. км и нанесен огромный ущерб посевам, транспортным магистралям и линиям связи³⁷.

Но этого мало. Коси отличается от большинства других рек Северного Бихара тем, что несет в своей воде ненормально высокое количество взвешенных частиц (по данным 1948 г., близ Чатры 28,6% по весу³⁸), и, главное, тем, что значительную часть ее отложений составляет крупнозернистый песок. В результате тысячи гектаров некогда плодородной земли Бихара и Непала после спада воды превращаются в бесплодные песчаные россыпи. К этому нужно добавить двухсотлетнее блуждание Коси по обширной территории ее внутренней дельты, от Пурнеа на

³⁶ Ibid., p. 30.

³⁷ Ibid., p. 51.

³⁸ «The sediment problem» («United Nations, Economic Commission for Asia and the Far East», flood control series, Bangkok, 1953, № 5), p. 12.

востоке, где река текла в XVIII в.³⁹, до р. Дарбханг на западе (это расстояние превышает 100 км!), свидетельством чему являются многочисленные покинутые русла, называемые здесь «марне дхар»⁴⁰.

Известны годы, когда даже сравнительно малые потоки превращались в настоящий бич для населения Северного Бихара. Например, в 1954 г. из-за сильных дождей на значительной части его территории неожиданно произошло небывалое наводнение — самая страшная катастрофа на памяти местных жителей после Бихарского землетрясения 1934 г. Вышли из берегов Гогра, Гандак, Бая, Бури-Гандак, Багмати, Камала, Балан, Коси, Махананда, Панар и многие другие. Из общей площади Северного Бихара, равной 55,6 тыс. кв. км, под водой оказалось около 22 тыс. кв. км, в том числе около или более половины территории дистриктов Музаффарпур, Дарбханга, Северный Монгхир, Сахарса и Пурнеа. Из 21,1 тыс. деревень было затоплено более 8,1 тыс. Количество пострадавших составило 7 млн. человек, а общий ущерб, по умеренным подсчетам, оценивается приблизительно в 500 млн. рупий⁴¹.

Почти все правые притоки Ганга начинаются на плато Чхота-Нагпур. Лишь один из них — Сон, самый крупный, начинается в Мадхья-Прадеше. На территорию Бихара эта река входит лишь в нижнем своем течении, принимая справа крупный приток Северный Коэл, и впадает в Ганг в 10 милях выше Динапура. В низовьях в половодье Сон имеет ширину до 4—5 км. Имеется ряд заброшенных русел, свидетельствующих о неуклонном смещении на запад места впадения в Ганг. Воды реки используются несколькими крупными оросительными каналами. Прочие правые притоки Ганга сравнительно невелики и настолько полно используются для орошения, что некоторые из них не доходят до Ганга⁴².

Из рек, начинающихся в Чхота-Нагпуре и впадающих в Хугли или Бенгальский залив, наиболее значительны Мор, Аджай, Дамодар, Силай, Дваркесвар и Субарнарекха. Все они, следуя общему наклону поверхности, текут на восток или юго-восток и, как и реки Северного Бихара, таят в себе угрозу разрушительных наводнений. Вредный эффект разливов усиливается тем, что осадки нередко приходят сюда вместе со штормами с Бенгальского залива, причем направление последних — почти навстречу течению большинства рек. Породы, слагающие Чхота-Нагпур, обычно тверды, водонепроницаемы и способствуют очень большому стоку, еще более возросшему в результате уничтожения лесов (см. ниже). Неблагоприятные последствия этих особенностей очевидны.

Особенно серьезно положение на р. Дамодар, которую в народе часто называют «рекой горя». Общая длина этой реки, начинающейся на возвышенностях в дистрикте Паламау и впадающей в эстуарий Хугли, — около 540 км. Верхняя часть бассейна Дамодара, до места слияния с Баракаром, весьма обширна, составляя около 18 тыс. кв. км, бассейн же нижнего течения, где река почти не принимает притоков, представляет узкую полоску по обе стороны русла общей площадью лишь около 4 тыс. кв. км.

Еще до развития дельты Ганга Дамодар самостоятельно впадал в древний залив, существовавший на месте Бенгальского. Остатки его древней дельты представлены многочисленными полузаброшенными протоками, веером расходящимися от района г. Бурдван в сторону Хугли

³⁹ H. L. Chhibber, *India*, pt. I, p. 56.

⁴⁰ मरने धार (хинди) — «мертвые потоки».

⁴¹ B. N. Jha, *River problem of North Bihar* («Geographical review of India», 1955, vol. 17, № 2), p. 11.

⁴² H. McPherson, *The Indian province of Bihar and Orissa* («The Scottish geographical magazine», 1931, vol. 47, № 1), p. 14.

и имеющими очень малый сток и несоразмерно большие долины. Гидрографические карты XVII и XVIII вв. показывают, что еще в то время эти русла, соединенные с Дамодаром, несли много воды⁴³. Постепенно все они были забиты наносами, и место впадения главного русла Дамодара в Хугли переместилось от г. Катва (более чем 150 км к северу от Калькутты) до нынешнего устья (около 50 км к югу от Калькутты), что сопровождалось катастрофическими наводнениями. Режим выпадения осадков определяет характер стока Дамодара. Зимой расход воды составляет ничтожную величину, а в верхнем течении нередко равен нулю. С приходом же дождей река становится поистине неистовой, расход воды увеличивается в сотни раз, в некоторые годы превышая 15 тыс. и даже 18 тыс. *куб. м/сек*⁴⁴. Могучий поток прорывает и сносит дамбы и затапливает важные сельскохозяйственные районы, угрожая некоторым крупным городам, в том числе и Калькутте. Только в нынешнем столетии произошло четыре катастрофических наводнения: в 1913, 1919, 1935 и 1943 гг. Наводнение 1943 г. смыло много деревьев, на несколько месяцев вывело из строя часть Восточной Индийской железной дороги, а над Калькуттой и Бурдваном нависла реальная угроза затопления из-за прорыва левобережных дамб⁴⁵.

Доля взвешенных частиц в воде Дамодара необычайно велика, составляя (по данным 1948 г.) у Рхондиа 28,5%; в год река выносит около 28 400 тыс. т ила и песка⁴⁶. Быстрое отложение осадков ведет к поднятию ложа реки выше окружающей местности со всеми вытекающими из этого опасными последствиями.

Прочие реки этой группы, уступая Дамодару по разрушительной силе наводнений, наносят тем не менее довольно ощутимый вред. Нужно помнить, что многие из них несут не только плодородный ил, но и грубый песок; бывает, что одна и та же река несет в одни годы ил, в другие — песок. В условиях внезапного бурного подъема воды песок разносится по обширной территории и уменьшает, а то и сводит на нет плодородие почвы. Мелиорация таких участков чрезвычайно затруднительна.

Из рек бассейна Брахмапутры следует назвать Тисту, Джалдхаку и Торсу, начинающиеся и оканчивающиеся за пределами Индии. Тиста является главной рекой Сиккима. На своем пути к Брахмапутре она минует гористый дистрикт Дарджилинг и выходит на равнину. В XVIII в. река впадала в Ганг, но затем, возможно, в результате наводнения 1787 г.⁴⁷ избрала новый путь.

Каковы же в общем возможности хозяйственного использования рек Бихара и Западной Бенгалии?

Ежегодные разливы рек несут на поля плодородный ил и сами по себе служат источником естественного орошения. Следует заметить, впрочем, что эти разливы происходят во влажный период, т. е. когда почва и без того напоена влагой; в результате значительное количество воды пропадает без пользы для сельского хозяйства. К тому же, как говорилось выше, летние разливы нередко перерастают в разрушительные наводнения.

Нами уже отмечалось жизненное значение искусственного орошения для сельского хозяйства. Реки обоих штатов, особенно в сухое время года, представляют важнейшую опору поливного земледелия. В будущем,

⁴³ S. Das Gupta, *Physical history of Damodar delta* («Geographical review of India», 1953, vol. 15, № 2), p. 12.

⁴⁴ «Flood damage and flood control activities...», p. 26.

⁴⁵ «Developing the Damodar valley», Delhi, 1954, p. 10.

⁴⁶ «The sediment problem...», p. 12.

⁴⁷ H. L. Chhibber, *India*, pt. I, p. 55.

с постройкой новых искусственных водохранилищ и каналов, регулированием стока и освоением новых земель роль рек в качестве источника орошения возрастет еще больше.

Из-за неравномерности стока большинство рек изучаемой территории в своем естественном состоянии несудоходно. Некоторые из них, судоходные в прошлом, в результате засорения русел наносами ныне потеряли транспортное значение. Из судоходных выделяется в первую очередь Ганг (пароходы поднимаются вплоть до Канпура в Уттар-Прадеш), Гогра, Гандак и особенно Хугли, доступные для судов в нижнем течении. Незначительные транспортные связи, имеющие местное значение, осуществляются и по некоторым другим рекам, главным образом в низовьях. Искусственное регулирование речного стока и равномерное его распределение при помощи гидротехнических сооружений, устройство специальных каналов могут дать большие дополнительные возможности для развития речного судоходства.

В энергетическом использовании рек ныне делаются лишь первые шаги. Предварительные данные показывают, что запасы гидроэнергии весьма значительны. Однако их использование сопряжено с преодолением ряда природных трудностей. Достаточно сказать, что значительное колебание расходов воды по сезонам ведет к необходимости строительства объемистых водохранилищ, необходимых для нормальной работы гидроэлектростанций. Та же причина затрудняет и водоснабжение населенных пунктов и промышленных предприятий.

Все вышесказанное подтверждает, что реки Бихара и Западной Бенгалии — большое природное богатство. Но проблема их правильного использования и укрощения весьма сложна, требует внимательного и всестороннего подхода и довольно далека еще от разрешения. Вполне понятно то большое внимание, которое уделяется правительством Индии и широкой общественностью планам и проектам, призванным поставить капризные и непокорные потоки на службу человеку.

Побережье Бенгальского залива подвержено действию морских приливов. Приливы, особенно сизигийные, покрывают довольно большие участки низменной территории и далеко поднимаются по долинам рек. Создавая более благоприятные условия для судоходства (например, давая возможность океанским кораблям подниматься по Хугли до Калькутты), они оказывают и нежелательное воздействие. Как отмечалось выше, Хугли и ряд соседних рукавов представляют «умирающие» русла, и в условиях недостаточного их пополнения пресной водой приливные течения мало-помалу засолоняют их. Другой неблагоприятный эффект заключается в том, что приливные течения, сами несущие много взвешенных частиц (прибрежные воды всегда содержат много ила, приносимого реками), сталкиваются с речными водами и способствуют засорению русел и образованию мелей. Это ведет к необходимости больших землечерпательных работ для поддержания нормальной функционирования порта Калькутты. Возможность использования в Сундарбане морских приливов и отливов в энергетическом отношении пока сомнительна.

* * *

Характер материнских пород, высота и рельеф местности, осадки и температура воздуха, особенности растительного покрова и деятельности живых организмов, влияние человеческой деятельности и, наконец, время, в течение которого действовали все эти факторы, определили большое разнообразие почв Бихара и Западной Бенгалии.

Следуя традиционной, наиболее принятой в индийской географической и почвоведческой литературе классификации, почвы обоих штатов можно разделить на следующие четыре типа: красноземы, латеритные почвы, черные почвы (разновидность регуров), аллювиальные почвы.

Местные природные особенности значительно усложняют эту схему, давая в пределах каждого типа многочисленные его варианты.

Характерные для тропиков почвы, объединяемые под общим названием красноземов, пожалуй, наиболее разнообразны. В пределах изучаемой территории они широко распространены на гранитах и гнейсах, сланцах и других кристаллических породах Чхота-Нагпура. По цвету они бывают желтыми, красными, коричневыми и даже черными, чему обязаны главным образом составу материнских пород и наличию в них окислов железа. На склонах красноземы обычно маломощны, гравелисты, в долинах и понижениях — более мощны, мелкозернисты и довольно плодородны. Как правило, красноземы сильно выщелочены, обогащены окислами железа и, сильно меняясь по составу в разных местах, в общем бедны азотом, фосфором, известью и гумусом. В почвах, образовавшихся на гнейсах, довольно велико содержание калия.

Особняком стоит островок почв, образовавшихся на разложившихся базальтах Раджмахала. В этих темных, иногда черных почвах, похожих на регурсы Западной Индии, довольно высоко содержание кальция, магния, окислов железа и алюминия. Содержание калия невелико. Мало фосфора, азота и гумуса.

На латеритах Чхота-Нагпура и западных дистриктов Западной Бенгалии получили развитие латеритные почвы. Они характеризуются кислой реакцией, высокой концентрацией гидроокисей алюминия и железа в различных пропорциях и почти лишены кремнекислоты, извести, щелочей. Бедны они также азотом, фосфором и калием, плохо удерживают влагу и обычно малоплодородны.

Вся обширная низменная равнина Бихара и Западной Бенгалии одета мощным покровом аллювиальных почв. Здесь в качестве почвообразующего фактора особенно значительная роль принадлежит рекам. Аллювиальные почвы подразделяются на два типа. Первый представлен глинистыми и суглинистыми почвами, развитыми на бхангаре. Характерной особенностью является обилие известковых конкреций. При высыхании на поверхности бхангара образуется твердая корка, мешающая прорастанию корней. По сравнению с кхадаром он труднее поддается пахоте и менее плодороден. Почвы второго типа, образующиеся на молодом аллювии, обычно светлоокрашены, имеют высокое содержание ила и глины, пористы, лишены конкреций, легко поддаются обработке. Они богаче гумусом, особенно в районе дельты. Их плодородие чрезвычайно велико и ежегодно возобновляется с разливами рек, несущими на поля ил.

В общем аллювиальные почвы довольно богаты известью, калием, окисью магния, фосфором и бедны азотом и гумусом. Однако по составу и структуре, степени выщелоченности, содержанию влаги аллювиальные почвы обоих типов меняются от места к месту. В значительной мере это зависит от рек, в бассейне которых они развиты. Например, речные наносы Коси в основном состоят из песка.

Порайонные различия в плодородии аллювиальных почв зависят и от рельефа, от уровня грунтовых вод и т. д. Например, в бхилах, в частности близ Калькутты, развиты полуболотные и болотные почвы с торфяными горизонтами. Сильно заболочены и рыхлые песчаные почвы тераев благодаря обилию осадков и огромному количеству родников и источников.

Особый характер имеют почвы Сундарбана — мангрово-болотного типа, подвергающиеся затоплению морскими приливами. Местами они довольно сильно засолены и в естественном состоянии малоплодородны или вовсе непригодны для земледелия. Засоленные участки встречаются также в ряде районов Бихара (преимущественно в западной части, особенно в дистрикте Саран) — там, где дренаж почвы недостаточен и климат более сухой и жаркий. Принесенные издалека с речной водой различные соли попадают в подпочву, а в жаркое и сухое время года, в условиях огромной испаряемости, по капиллярам выносятся на поверхность. Почва в этих местах нередко поражается соевым налетом. Это «рех» — смесь главным образом сульфата, карбоната и хлорида натрия. Такие почвы имеют щелочную реакцию и часто непригодны для сельского хозяйства. Эти бесплодные земли в Бихаре и Уттар-Прадеше называются «узар». Вода в этих районах неприятна на вкус и часто вредна для растений и животных⁴⁸.

Сведения о свойствах, составе, генезисе почв предгорных и горных районов незначительны. На гравии и гальке бхабара кое-где имеется маломощный покров пористых, сильно выщелоченных почв. Здесь исчезают многочисленные гималайские потоки, чтобы вновь появиться в виде источников в болотах тераев. В более возвышенных частях Гималаев, наряду с обнаженными скалистыми участками и осыпями грубообломочного материала, имеются скудные гравийные, а в депрессиях и на менее крутых склонах — довольно плодородные горно-лесные и горно-луговые почвы различных видов. Большую роль в создании и сохранении почв играют здесь леса — безлесные склоны обычно лишены почвенного покрова.

О неистощимом плодородии аллювиальных почв Индии в литературе говорилось и писалось достаточно. Действительно, почвы Бихара и Западной Бенгалии, аллювиальные в особенности, — щедрый дар природы индийскому крестьянину. Однако положение далеко не так благополучно, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, в ряде районов угрожающие размеры приняла эрозия почвы. Одной из ее основных причин является деятельность человека: нарушение естественного растительного покрова (особенно вырубка лесов и неправильные методы ведения лесного хозяйства), неурегулированная пастба скота, несовершенная агротехника, неправильное использование земли. Например, в годы английского господства расчищенные и распаханые лесные угодья часто забрасывались как непригодные для земледелия. В результате в дни бурных летних ливней происходил интенсивный смыв поверхностного, наиболее плодородного слоя почвы, и кое-где образовалась густая сеть оврагов. Кроме того, вследствие эрозии вода в реках обоих штатов, как отмечалось выше, имеет очень высокое содержание взвешенного материала. Обилие же ила и песка в речной воде — злейший враг гидротехнических сооружений. Осаждаясь на дне водохранилищ и постепенно заполняя весь их полезный объем, наносы сильно сокращают срок жизни этих сооружений. Этот процесс неизбежен, но сильная эрозия значительно убыстряет его.

С другой стороны, содержание органических веществ, азота, фосфора во многих местах недостаточно, и необходимость внесения соответствующих искусственных удобрений с целью повышения плодородия несомненна. Кроме того, требуется введение правильного, научно обоснованного чередования культур, проведение ряда противоэрозионных мероприятий (лесопосадки, террасирование склонов, сооружение специальных контур-

---

⁴⁸ М. С. Кришнан, *Геология Индии и Бирмы*, стр. 378.

ных дамб вокруг полей, укрепление оврагов и т. д.), работ по искусственному орошению и осушению, устройству прудов и водохранилищ и т. п.

Мелиорация и агротехника могут дать сельскому хозяйству обоих штатов дополнительно десятки тысяч гектаров земель, прежде считавшихся бесполезными. Например, индийскими учеными разрабатываются методы мелиорации щелочных почв узаров, основанные на улучшении внутрипочвенного дренажа и замене натрия кальцием. Одним из лучших способов является внесение в почву гипса или смеси гипса с хлоридом кальция при одновременной ее промывке. Образующийся при этом сульфат натрия переходит в раствор и уносится. Могут быть применены также отходы сахарной промышленности, богатые углеводами и солями кальция⁴⁹.

О необходимости работ по искусственному орошению говорилось выше. Однако оросительные каналы, сооруженные без учета режима грунтовых вод, могут сами явиться причиной вторичного засоления или заболачивания, особенно при отсутствии отвода использованной воды.

Сохранение и восстановление плодородия почв — сложная, важная и актуальная проблема, стоящая перед сельским хозяйством Бихара и Западной Бенгалии.

* * *

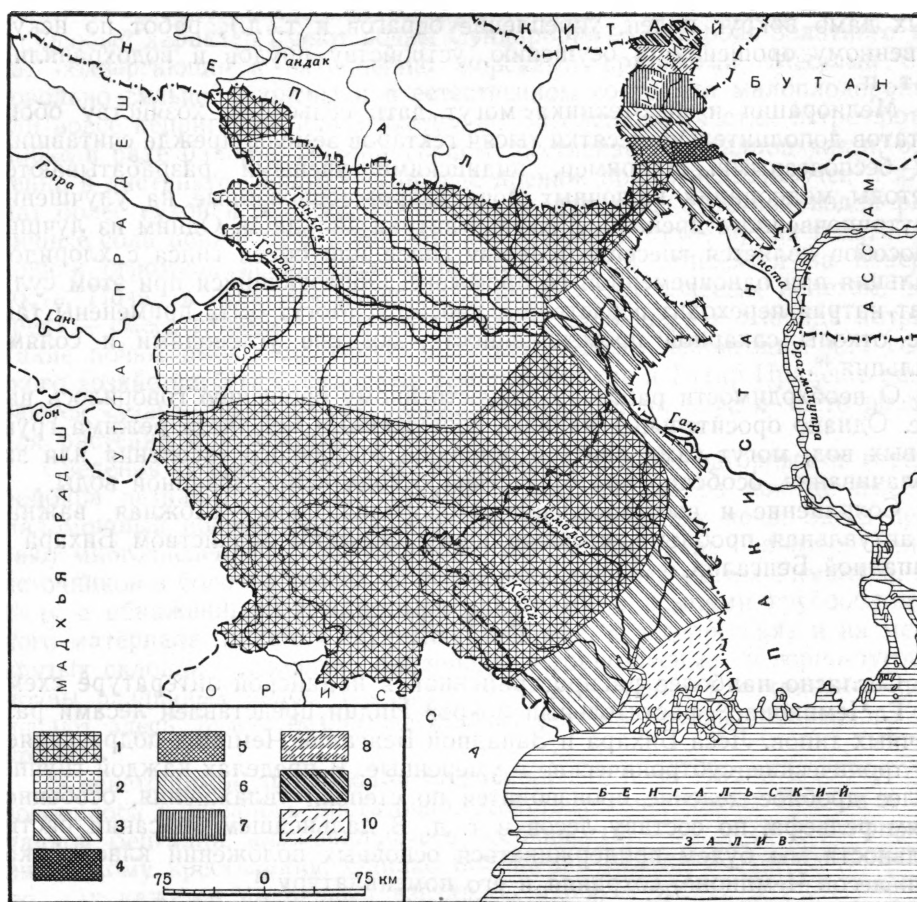
Согласно наиболее распространенной в индийской литературе схеме Х. Г. Чемпиона⁵⁰, растительный покров Индии представлен лесами различных типов. Леса Бихара и Западной Бенгалии Чемпион подразделяет на тропические, субтропические и умеренные. В пределах каждой группы более дробное деление производится по степени увлажнения, особенностям рельефа, по составу лесов и т. д. В дальнейшем описании растительности мы будем придерживаться основных положений классификации лесов Чемпиона, сохраняя и его номенклатуру⁵¹.

Однако нельзя не отметить одну, на наш взгляд, слабую сторону его схемы. Естественный растительный покров, о котором говорит Чемпион, давно уже нарушен деятельностью человека. Человек не только сдвинул первоначальные границы между растительными типами, но за тысячу лет до неузнаваемости изменил и самую растительность. Расчистка лесов для земледелия и беспорядочная пастьба скота во многих местах, особенно на равнине, значительно сократили площадь, занимаемую древесной растительностью. При господстве англичан хищническое уничтожение лесов достигло своей кульминации. Было вырублено немало ценных древесных пород. Например, строительство железных дорог, предъявившее значительный спрос на древесину для шпал, имело своим печальным следствием массовое уничтожение сала и тика. На севере леса вырубались, чтобы дать место чайным и другим плантациям. При этом мероприятия по искусственному лесонасаждению либо не проводились вообще, либо проводились в чересчур малых масштабах.

⁴⁹ H. L. Chhibber, *India*, pt. I, p. 222—224; R. R. Agarwal and J. S. P. Yadav, *Saline and alkali soils of the Indian Gangetic alluvium* («Journal of soil science», 1954, vol. 5, № 2), p. 300—306.

⁵⁰ См.: H. G. Champion and A. L. Griffith, *Manual of general silviculture for India*, London, 1948.

⁵¹ Значительная часть фактического материала в разделе, посвященном растительности, заимствована нами из следующих работ: J. S. Gamble, *A manual of Indian timbers*, London, 1922; R. S. Pearson and H. C. Brown, *Commercial timbers of India*, vol. I—II, Calcutta, 1932; H. H. Haines, *The botany of Bihar and Orissa*, pt. I—VI, London, 1922—1925.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА РАСТИТЕЛЬНОСТИ БИХАРА И ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ
(по Х. Г. Чемпиону)

тропические сосновые леса; 6—сырые умеренные леса; 7—влажные умеренные леса;
3—тропические полувечнозеленые леса; 4—субтропические сырые леса; 5—суб-
тропические сосновые леса; 6—сырые умеренные леса; 7—влажные умеренные леса;
8—сухие умеренные леса; 9—альпийские леса; 10—леса области приливов

В результате в настоящее время большая часть территории равнины занята или культурной растительностью или травянистым покровом саванного типа с незначительным количеством деревьев, нередко посаженных искусственно. Леса сохранились здесь лишь в Сундарбане и в тераях у подножья Гималаев. В Чхота-Нагпуре в некоторых местах еще существуют лесные массивы. Однако и здесь первоначальный состав древесной лесной растительности под воздействием человека весьма изменился, а кое-где вместо прежних лесов раскинулись кустарниковые заросли из малоценных пород. Леса, иногда довольно густые, сохранились и на склонах Гималаев, однако этот район невелик по территории, да и здесь площадь под лесом за последние десятилетия неуклонно уменьшается.

Согласно новейшим официальным данным⁵² в 1954/55 г. под лесом в Бихаре находилось 38,5 тыс. кв. км (около 21% его площади), а в Западной Бенгалии — всего лишь 6,9 тыс. кв. км (8,6% площади штата). Тем важнее особенно внимательно рассмотреть имеющиеся лесные ресур-

⁵² «Agricultural situation in India», 1957, vol. 12, № 5, p. 518—519.

сы и дать им надлежащую хозяйственную оценку. Почти вся территория обоих штатов, за исключением горных районов, занята различными типами тропических лесов. Наиболее распространенными являются тропические влажные опадающие леса (tropical moist deciduous forest) — самый характерный для всей Индии тип древесной растительности. Один крупный район, занимаемый лесами этого типа, — большая часть Чхота-Нагпура и прилегающая часть Западной Бенгалии, другой — полоса, протянувшаяся вдоль подножий Гималаев. Эти районы разделены между собой равниной Ганга и территориально не соприкасаются. В обеих преобладающей древесной породой является сал (*Shorea robusta*), почему эти леса называются также саловыми.

Издали по окраске листвы и общему виду ствола и кроны саловые леса напоминают наши дубравы. Сал встречается как в виде высоких деревьев (до 35—45 м), так и в виде кустарников. Одна из лучших в Индии, древесина этого растения находит самое разнообразное применение. Сал широко используется в строительстве. Из этого дерева наряду с тиком и гималайским кедром изготавливаются лучшие железнодорожные шпалы. На различные строительные нужды идет почти $\frac{2}{3}$ добываемой древесины, на шпалы — почти $\frac{1}{3}$. Сал — прекрасный крепежный материал. Из его коры можно получать дубильные вещества. Из надрезов на стволе выделяется ароматическая смола, используемая в корабельном деле, в медицине и как благовоние. Наибольшая площадь занята саловыми лесами в Чхота-Нагпуре: здесь находится более трети саловых лесов Индии⁵³. Особенно много их в Сингхбхуме и соседних дистриктах.

Ниже мы будем рассматривать растительные ресурсы тропических влажных опадающих лесов по районам в отдельности.

В Чхота-Нагпуре и соседних районах Западной Бенгалии среди растений, имеющих хозяйственное значение, кроме сала, следует упомянуть дерево махуа (*Bassia latifolia*). Махуа дает огромное количество ароматных душистых цветов, из которых получают спиртной напиток. Это дерево распространено здесь столь широко и цветет столь обильно, что предполагалось использовать его в качестве источника получения промышленного спирта⁵⁴. Венчики цветов и плоды съедобны, из семян добывается ценное масло, используемое для освещения, для производства мыла и идущее в пищу. Наконец, древесина махуа не гниет в воде и применяется при строительстве колодезных срубов, мостов.

Повсюду в Чхота-Нагпуре и соседних районах, особенно в более влажных местах, встречается невысокое дерево палас (*Butea frondosa*). Весной оно цветет великолепными яркими оранжево-красными цветами, за что называется «пламя леса». Древесина паласа более долговечна в воде, чем на воздухе, и вполне пригодна при строительстве колодцев, оросительных сооружений. Из нее изготавливают черпаки водяных колес. Из стволов паласа получают камедь, используемую в медицине, из цветов — желтую краску, из коры — грубое волокно. Палас представляет дешевый строительный материал. Наконец, его используют как топливо, а листья идут на корм скоту и на удобрения.

Часто встречаются кусум (*Schleichera trijuga*), исключительно твердая и огнеупорная древесина которого используется для шахтных креплений и при изготовлении различных орудий и инструментов, и бер (*Zizyphus jujuba*), дающий съедобные плоды.

⁵³ «Agricultural situation in India», 1954, vol. 8, № II, p. 832.

⁵⁴ О.Х.К. Спейт, *Индия и Пакистан. Общая и региональная география с главой о Цейлоне*, написанной Б. Х. Фармером, М., 1957, стр. 248.

Палас, кусум и бер имеют особое значение для экономики Бихара, так как они являются хозяевами для лаковых насекомых (рода *Laccifer*). Эти насекомые выделяют смолистое вещество, сплошным слоем покрывающее ветви растений. Из этого вещества получают знаменитый шеллак — ценное сырье при производстве лаков, политуры, пластмасс, сургуча, изоляционных материалов, грампластинок и т. д. Культура лака — одна из важнейших отраслей лесного хозяйства Чхота-Нагпура. Лучший лак собирается на кусуме. Экспорт лака из Индии — важный источник иностранной валюты.

Сал, махуа, кусум, бер и, конечно, прежде всего, тутовое дерево (*Morus alba*) используются для разведения шелковичных червей — гусениц тутового шелкопряда.

Чрезвычайно ценной породой Чхота-Нагпура является акация кхаир (*Acacia catechu*). Особенно много ее в Паламау. Кхаир — чрезвычайно ценный строительный материал, так как его древесина не повреждается термитами и муравьями. Она используется при сооружении оросительных сооружений, лодок, колодцев, может применяться в качестве крепежного материала, годится для изготовления сельскохозяйственных орудий, является важным источником древесного угля. Из измельченной древесины ствола кхаира получается вяжущий экстракт катеху. Это вещество применяется для дубления кожи, в качестве красителя хлопчатобумажных и шелковых тканей, в медицине и т. д.

Распространены различные виды *Ceripers* и многочисленные терминалии, в частности хурра (*Terminalia chebula*). Хурра дает твердую древесину, а ее жолудеобразные плоды (так называемые миробаланы) широко используются для дубления кож (обычно в смеси с другими веществами). В настоящее время леса Чхота-Нагпура (особенно в Сингхбхуме и в Парганах Санталов) — главный поставщик миробаланов в Индии. Миробаланы экспортируются за границу. Чрезвычайно прочная и красивая древесина индийского розового дерева (*Dalbergia latifolia*) используется для изготовления лучших сортов мебели, различных дорогих кустарных изделий. Из других пород лесов Чхота-Нагпура, находящихся разнообразное применение, можно назвать следующие: тун (*Cedrela toona*), индийский вяз (*Holoptelea integrifolia*), джамун (*Eugenia jambolana*), гулар (*Ficus glomerata*) и др. Гораздо реже встречается тик (*Tectona grandis*), древесина которого пользуется всемирной известностью. Вокруг деревень обычны рощи различных пальм (см. ниже).

Широкой славой пользуется кустарник раувольфия (*Rauwolfia serpentina*), по-местному — «чхота-чанд»⁵⁵, — одно из важнейших лекарственных растений Индии. Из смолистой фракции ее корней извлекаются различные алкалоиды, среди которых особенно важен резерпин. Эти вещества находят чрезвычайно широкое применение в современной терапии. Их с успехом используют при лечении ряда нервных (шизофрения, эпилепсия), кишечных (дизентерия, диарея) и других заболеваний. Наконец, в последние годы резерпин с огромным успехом применяется при лечении гипертонии. Спрос на раувольфию растет столь стремительно, что правительство Индии ввело ограничения на ее экспорт⁵⁶.

Повсюду широко распространены различные бамбуки, а на открытых неводеланных пространствах — травянистая растительность. Одной из

---

⁵⁵ छोटा चाँद (хинди) — «маленькая луна». — Происхождение названия связывается с тем, что растением лечили лунатизм.

⁵⁶ Подобные сведения о раувольфии и возможностях ее применения имеются в работе: B. Mukerji, *Indian rauwolfias and their place in therapy* («Journal of scientific industrial research», 1955, vol. 14, A, № 7, suppl.), p. 1—33.

обычных трав в лесах Чхота-Нагпура является сабаи (*Eulaliopsis binata*). Эта трава издавна используется в кустарной промышленности, и в Сингхбхуме и в Парганах Санталов были созданы специальные плантации сабаи. Из нее вяжут веревки и канаты, изготавливают различные плетеные изделия. За последние десятилетия выявилось крупное экономическое значение сабаи: она нашла широкое применение в бумажной промышленности и в настоящее время среди различных видов сырья для производства бумаги занимает второе место после бамбука. Поскольку в результате раздела Индии важнейшие районы, поставлявшие бамбук для бумажной промышленности, отошли к Восточному Пакистану, а подавляющее большинство бумажных фабрик осталось в Западной Бенгалии, роль сабаи особенно возросла. Возможности для расширения площади под сабаи в обоих штатах весьма велики, так как это растение прекрасно растет на малоплодородных почвах и легко переносит засуху. Опыт последних лет показал, что эту траву экономически выгодно выращивать в Западной Бенгалии, и ныне на бедных почвах в Бурдване и Миднапуре созданы первые плантации, принадлежащие бенгальским бумажным фабрикам⁵⁷. Наличие разветвленной корневой системы делает также сабаи чрезвычайно ценным средством для закрепления почв и задержки и предотвращения эрозии.

Второй район распространения тропических влажных опадающих лесов — это пояс, протянувшийся вдоль подножий Гималаев. Практически древесная растительность сохранилась здесь только в тераях и бхабаре. Тераи представляют неширокую (10—12 км) прерывистую полосу широколиственных лесов с примесью вечнозеленых пород. Застаивающиеся воды многочисленных родников и ручьев, просачивающихся через галечники и пески бхабара, способствуют заболачиванию, а кое-где развитию крупных массивов болот. По своему составу леса тераев в общем напоминают леса Чхота-Нагпура, представляя более влажный вариант последних. Некоторые породы встречаются здесь реже или не встречаются вовсе (махуа). Но преобладает, как и в Чхоте-Нагпуре, сал. Часто встречаются терминалии (*T. tomentosa* и другие), палас, тун, розовое дерево, кхаир и другие. Важной породой, характерной для тераев, является высокое (до 30—35 м) дерево сиссу, или шишам (*Dalbergia sissoo*). Чрезвычайно прочная древесина шишам используется при производстве вагонов, повозок, колес, сельскохозяйственных орудий, лодок, мебели и различных резных изделий. Она дает также красивую и очень прочную фанеру. Благодаря большой ценности шишам искусственно высаживается по всей стране. Чрезвычайно густой подлесок состоит из зарослей различных кустарников, бамбуков, тростников и трав выше человеческого роста. Довольно велики ресурсы сабаи. В девственном состоянии тераи — труднопроходимый, крайне нездоровый район, заселенный очень редко. При расчистке лесов и зарослей здесь особенно ошутима потребность в применении тракторов и других машин. Ныне значительная часть тераев, особенно в Западной Бенгалии («дуары»), расчищена, осушена и используется для сельскохозяйственного производства.

На пористом гравии бхабара располагается сухой смешанный опадающий лес. Здесь встречается лучший по качеству сал Бихара. Кроме сала, типичные древесные растения бхабара — семул (*Bombax malabaricum*), индийский вяз, гаруга (*Garuga pinnata*), кхаир и другие породы.

Тропические сухие опадающие леса (tropical dry deciduous forest)

⁵⁷ См.: J. N. Sen Gupta, *Cultivation of sabai grass (Eulaliopsis binata) in West Bengal* («West Bengal forest bulletin», Alipore, 1954, № 2).

занимают, по Чемпиону, значительную часть равнины Ганга в пределах Бихара. Фактически же они сохранились здесь менее, чем в других районах. Остатки древесной растительности, сохранившиеся в основном вдоль рек, представлены маленькими рощицами или отдельными деревьями (впрочем, часто посаженными рукой человека) сала, кхаира, шишамы, тика. Кое-где встречаются развесистые баньяны и пипалы. Из других пород здесь произрастает большей частью искусственно посаженный бабул (*Acacia arabica*), из коры и стручков которого добываются ценные дубильные вещества. Вокруг деревень — рощи тамаринда (*Tamarindus indica*), дающего съедобные плоды, применяющиеся также в медицине, и многих других обычных для Индии культурных растений. В тропических сухих опадающих лесах вегетация прекращается в сухое время года. Деревья сбрасывают листву, травы выгорают, остается лишь сабаи.

На востоке зона тропических влажных опадающих лесов постепенно переходит в зону тропических полувечнозеленых лесов (*tropical semi-evergreen forest*), занимающую часть территории Западной Бенгалии, преимущественно на севере и в районе дельты (к востоку от р. Бхагиратхи). В Бихаре эта зона почти не представлена. Западная Бенгалия в сельскохозяйственном отношении — один из наиболее освоенных штатов Индии, и на большей части территории штата леса сведены совершенно. Древесная растительность, как правило, сохранилась в виде рощ различных растений, расположенных в деревнях или поблизости от них и представляющих в значительной мере искусственные насаждения. Среди этих пород, более или менее распространенных почти на всей изучаемой территории, многие, имеющие большое хозяйственное значение, заслуживают специального внимания.

Мы не станем останавливаться на кокосовой пальме (*Cocos nucifera*), так как польза ее общеизвестна и перечисление всех возможностей ее применения отняло бы слишком много места, и обратимся к менее известной вееролистной пальме пальмире. Пальмира (*Borassus flabelliformis*) — одно из самых замечательных растений Индии. Все части пальмиры находят себе применение. Из надрезов ствола и из соцветий получают вкусный сахаристый сок. Этот сок пьют, из него путем брожения получают toddy — пальмовое вино. Наконец, из него можно вываривать сахар. Листовые почки и крупные плоды этого растения употребляются в пищу. Прочная древесина используется для различных построек и столярных поделок. Приствольное волокно может применяться для производства щеток, веревок, тканей. Широкие веерообразные листья служат кровельным материалом, из них изготовляют веера и зонты, плетут корзины и циновки.

Знаменитое дерево манго (*Mangifera indica*) дает ароматные плоды величиной с огурец, считающиеся одними из самых вкусных плодов Индии. Особенно славится своими манго дистрикт Мальды. Во всем мире известны великолепные ароматные питательные плоды банана (виды рода *Musa*). Невысокое дынное дерево папайя (*Carica papaya*) дает съедобные плоды, по форме и цвету напоминающие дыню, но уступающие ей по вкусу. Из млечного сока папайи можно добыть вещество, содержащее пищеварительный фермент папаин (папайотин). Из богатых крахмалом питательных плодов хлебного дерева (*Artocarpus integrifolia*) получают тесто и пекут лепешки. Семена стройной арековой пальмы (*Arecaceae catechu*) вместе с пряными и острыми на вкус листьями пана (*Piper betle*) и небольшим количеством извести (для нейтрализации содержащихся в листьях кислот) идут на приготовление бетеля. Бетель, оставляющий во рту ощущение прохлады, по всей Индии употребляется

для жевания. В семенах арековой пальмы, кроме того, содержится много дубильных веществ.

Повсюду можно увидеть тутовое дерево (*Morus alba*), реже встречается культурная финиковая пальма (*Phoenix dactylifera*), далеко не имеющая здесь того значения, которое она приобрела в Юго-Западной Азии. Непременной составной частью растительности близ деревень являются тамаринд и особенно бамбук. Везде встречаются также различные фикусы. Поражает своими размерами баньян (*Ficus bengalensis*). Некоторые экземпляры баньяна, образуя десятки новых стволов, соединенных ветвями с материнским, разрастаются так широко, что образуют целую рощу. Иногда под одним деревом уместается целая деревня. Баньян почитается индусами. В голодные годы его плоды идут в пищу. Съедобные плоды дает и крупное эпифитное растение пипал (*Ficus religiosa*). Пипал (или бо) — священное дерево индусов, и его уничтожение считается преступлением, равным убийству брамина⁵⁸. Пипал почитают и буддисты, так как, по преданию, под одним из этих деревьев две тысячи лет назад обрел мудрость Будда. Священным деревом является и ним (*Melia indica*). Его древесина используется для изготовления религиозных изображений, мебели и различных инструментов. Кора, листья, семена и плоды нима применяются в индийской медицине. Некоторые из названных выше деревьев дают древесину, использующуюся в строительных и других целях (например, хлебное дерево, баньян).

В районе дельты Ганга из вредных растений, борьба с которыми отнимает много сил и времени, можно назвать водный гиацинт (*Eichhornia crassipes*). Первоначально завезенный в Индию как декоративное растение, он не только буквально запрудил многие десятки километров рек и протоков, сделав движение лодок по ним невозможным и даже нарушив ход естественного стока, но и является серьезной угрозой заливаемым рисовым полям⁵⁹. В то же время из водного гиацинта можно изготовлять хорошее удобрение⁶⁰.

Кое-где, преимущественно в Северной Бенгалии, сохранились остатки тропических полувечнозеленых лесов, переходящих иногда в тропические сырые вечнозеленые леса (*tropical wet evergreen forest*). В этих лесах господствует смесь древесных вечнозеленых пород, сбрасывающих листву на очень короткий срок (две-три недели). Там, где они менее видоизменены человеком, эти леса высоки и густы. Здесь встречаются в диком или полудиком состоянии описанные выше пальмира, арековая пальма, баньян хлебное дерево. До высоты 700—800 м встречается сал. Повсюду можно видеть пипал, баньян, различные *Schima* и *Bauchinia*. Ценную древесину, которая годится, в частности, для изготовления ящиков для чая, дают различные *Phoebe*, *Michelia champaca*, семул, *Lannea grandis*, панисадж (*Terminalia turgicarpa*) и многие другие. Изредка встречается тик. Дикая финиковая пальма (*Phoenix silvestris*) — источник сока, из которого можно получать сахар и тодди. Деревья обиты лианами и орхидеями. Повсюду, в частности на склонах Гималаев, имеются обширные рощи бамбуков и труднопроходимые заросли тростников рода *Calamus*; некоторые из них используются для плетения корзин и тому подобных нужд.

Тропические леса поднимаются в Гималаях приблизительно до высоты тысячи метров, а отдельные тропические виды — гораздо выше. Во многих местах леса уступили место чайным плантациям.

⁵⁸ R. C. Pearson and H. C. Brown, *Commercial timbers...*, vol. II, p. 928.

⁵⁹ О. Х. К. Спейт, *Индия и Пакистан...*, стр. 99—100.

⁶⁰ E. F. Watson, *The utilization of water hyacinth* («Indian farming», 1947, vol. VIII, № 1), p. 29—30.

Флористическая область Восточных Гималаев представляет особый интерес, так как на сравнительно небольшой территории здесь представлена и тропическая, и субтропическая, и умеренная, и альпийская флора. Это определяет наличие больших и, главное, разнообразных растительных ресурсов.

Горные растительные пояса сменяют друг друга, следуя закону вертикальной зональности. При этом важным фактором их размещения является экспозиция склонов. Переход от одного типа лесной растительности к другому, как и на равнине, не всегда обозначен достаточно четко.

Чтобы дать более полную картину хозяйственной роли восточногогималайских лесов, мы рассматриваем растительные ресурсы не только гималайского дистрикта Дарджилинг, высота которого не превышает 3 тыс. м над уровнем моря, но и соседнего с ним протектората Индии — княжества Сикким, территория которого расположена на значительно большей высоте. Это тем более оправдано, что Сикким в экономическом отношении тяготеет к Западной Бенгалии.

Горные склоны и вершины, расположенные на высоте приблизительно от 1000 до 1800—2000 м, покрыты сырыми субтропическими лесами (wet subtropical forest). Здесь господствует роскошная растительность с преобладанием вечнозеленых пород. Чаще всего встречаются магнолиевые, например, многие виды мишелий (*Michelia excelsa* и др.), отличающиеся исключительно прочной древесиной. Очень много лавровых. Широко распространены терминалии, например панисадж. Другие характерные породы: семул, тун, различные *Schima*, древовидные папоротники и т. д. Высокие деревья перевиты различными ползучими растениями. Подлесок густ, иногда труднопроходим. Часто встречаются тростниковые и бамбуковые заросли. Во многих местах леса вырублены, и их место заняли чайные плантации, поднимающиеся до 2 тыс. м. Примерно с 1,5 тыс. м тропические и субтропические виды начинают перемешиваться с умеренными. В верхней части пояса много дубов, каштанов, кленов и других широколиственных пород.

На высоте 1800—2000 м сырые субтропические леса уступают место сырým умеренным (wet temperate forest), поднимающимся до 2700—3000 м. В этих лесах преобладает смесь вечнозеленых и полувечнозеленых пород, причем тропические виды благодаря обилию влаги встречаются на высоте 2000—2300 м и даже выше. В нижней части этого пояса часто можно видеть экзотическое растение букландию (*Bucklandia populnea*), широко используемое для облесения горных склонов. По-прежнему много лавровых и магнолиевых; из последних хозяйственное значение имеет *Michelia excelsa*. Древесина *Engelgardtia spicata* находит применение в производстве ящиков для чая. Однако господствующими породами этого пояса, особенно на южных склонах, становятся широколиственные. Преобладают дубы (*Quercus lineata*, *Q. lamellosa*, выше — *Q. rachyphylla*). Многочисленны также различные каштаны (*Castanea*), клены (*Acer oblongum*, *A. campbellii*, используемый для изготовления чайных ящиков), ольха (*Alnus nepalensis*), тополь (*Populus gamblei*), березы (*Betula alnoides* и *B. cylindrostachys*), грецкий орех (*Juglans regia*) и др. В изобилии встречаются различные рододендроны и древовидные папоротники. Масса различных кустарников и бамбуков. В верхней части пояса (с 2700 м) начинают появляться хвойные: пихта, ель, сосна, лиственница, тсуга. В настоящее время наибольшее хозяйственное значение имеют грецкий орех, *Michelia excelsa*, *Betula alnoides*, дубы.

С 2900—3000 м (на северных склонах — с 2700 м) господство принадлежит хвойным породам, а тропические виды исчезают совершенно. Это — влажные умеренные леса (moist temperate forest), встречающиеся

в Гималаях Сиккима. Из хвойных встречаются пихты (*Abies spectabilis* и *A. densa*), тисс (*Taxus baccata*), тсуга (*Tsuga brunopiana*), лиственница (*Larix griffithii*) и несколько видов можжевельника (например, *Juniperus recurva*). В нижней части пояса, особенно на южных склонах, распространены еще вечнозеленые дубы. Встречаются магнолии (*Magnolia campbellii*), березы, карликовые ивы. Очень много рододендронов. На более возвышенных участках (приблизительно с 3400 м) встречается ель (*Picea spinulosa*). Длиннохвойная сосна — чир (*Pinus longifolia*) дает лучшую после гималайского кедра древесину, годную для строительства, изготовления шпал, мебели и ящиков. Кроме того, чир — источник смолы и скипидара. Однако в пределах изучаемого района чир встречается гораздо реже, чем в Западных Гималаях и даже в соседнем Бутане. В настоящее время наиболее важны в хозяйственном отношении тсуга, тисс, *Abies densa*, магнолия, *Betula utilis*.

Сухие умеренные леса (dry temperate forest) составляют в Сиккиме верхнюю границу древесной растительности (3600—4000 м). Здесь произрастает ольха, береза, бамбуки, низкорослые рододендроны, стланцевые можжевельники. Растительность альпийского пояса, начинающегося на высоте 3800—4000 м, хозяйственного значения почти не имеет.

Эксплуатацию гималайских лесов и транспортировку древесины чрезвычайно затрудняет горный рельеф.

Завершая описание типов растительности, мы обратимся к резко отличающимся от остальных лесам области приливов (tidal forest), расположенным на юге Западной Бенгалии, в Сундарбане. Особенности растительности здесь определяются перемежающимся влиянием пресной речной и соленой морской воды. Во время прилива (и в целом — в сухое время года) преобладает влияние моря, во время отлива (и в целом — в период муссонных дождей) — влияние речных вод. Постоянное засоление речных русел илом во многих местах в Сундарбане ведет к уменьшению притока пресной воды и к засолению почв. Постоянное нагромождение наносов ведет к появлению новых островов и повышению уровня прежних.

Все эти неповторимые особенности Сундарбана привели к тому, что растительный покров этого района чрезвычайно своеобразен. В основном здесь произрастают разнообразные вечнозеленые кустарники и небольшие деревья. Деревья растут очень медленно, и густота лесов невелика. Одними из наиболее распространенных пород являются различные *Heritiera*, из которых особенно важно дерево сундри (*H. fomes*), образующее иногда густые леса, лишенные подлеска. От бенгальского названия «сундри» (или «шундри») и произошло название всего района — Сундарбан⁶¹. Дерево имеет воздушные корни — органы дыхания. Высота сундри достигает 15—25 м. Его темно-красная чрезвычайно твердая и прочная древесина используется для строительства лодок, мачт, колодцев, опорных свай, для изготовления различных сельскохозяйственных орудий. Большое значение имеет также бесстебельная пальма нипа (*Nipa fruticans*), которая может расти в солоноватой и соленой воде. Ее листья («голпатта»), достигающие нескольких метров длины, употребляются в качестве кровельного материала, а также для плетения циновок, корзин. Кроме того, в них содержатся дубильные вещества. Из сладкого сока нипы можно получить пальмовое вино или выварить сахар. Среди других растений нужно назвать различные *Sonneratia*, например кеора (*S. apetala*), несколько видов *Ceriops*, например *C. roxburghiana*,

⁶¹ «Сундри» (সুন্দরী) + «бон» (বন) — лес (бенгали).

Rhizophora, например гурджун (*R. mucronata*), *Avicennia officinalis*, *Serapa moluccensis* и др., из которых многие являются типичными мангровыми растениями. Деревья перевиты различными ползучими растениями. Широко распространены заросли папоротников, например *Acrostichum aureum*.

Типы растительности меняются от места к месту в зависимости от степени засоления почв, высоты берегов, времени существования суши и деятельности человека. Пионерами, заселяющими вновь образующиеся острова, являются *Sonneratia*. Затем вырастают *Avicennia* и нипа, окончательно скрепляющие неустойчивый липкий ил. После того как уровень суши поднялся настолько, что в низкие приливы она уже не затапливается, верх берет сундри, а *Sonneratia* отмирает.

До раздела Индии леса Сундарбана в хозяйственном отношении были одними из ценнейших в стране. После раздела, однако, лучшие из них (в дистрикте Кхульна) отошли к Восточному Пакистану. Но и оставшиеся леса играют большую роль в экономике Западной Бенгалии, являясь важным источником топлива, деловой древесины и т. д. Целый ряд мангровых деревьев, принадлежащих к различным семействам, является важным источником дубильных веществ. Главные из них: сундри, горан (*Serlops tidal* и *S. roxburghiana*), кеора, некоторые виды *Rhizophora*, например гурджун, несколько видов *Xylocarpus*, в частности *X. gangeticus*, и многие другие. Кора всех этих растений (а у сундри — и листья) содержат высокий процент танина, используется в смеси с другими дубильными веществами при дублении кож и составляет предмет индийского экспорта. Значение лесов Сундарбана подчеркивается близостью окружающих равнин и непосредственной близостью таких крупных потребителей древесины и различных лесных продуктов, какими являются Калькутта и соседние промышленные города.

В Бихаре и Западной Бенгалии имеется еще одна группа растений, на которой стоит специально остановиться. Это — бамбуки, принадлежащие к числу самых полезных растений Индии. Многие из них, в том числе имеющие большое экономическое значение, встречаются здесь повсюду: и на аллювиальной равнине и на высоких горных склонах. Их можно встретить на самых разнообразных почвах (кроме заболоченных) и в самых разных климатических условиях. Они сопутствуют всем основным типам растительности, произрастая либо в смеси с другими породами, либо сплошными рощами, часто густыми и труднопроходимыми. Различные виды бамбука имеют неодинаковый жизненный цикл, свои особенности цветения и плодоношения. Одни достигают размеров высоких деревьев, другие поднимаются лишь на несколько метров над землей. Встречаются бамбуки вечнозеленые и опадающие, дикие и культивируемые.

Повсюду в обоих штатах, кроме более влажной Северной Бенгалии, произрастает самый известный бамбук Индии *Dendrocalamus strictus*, имеющий высоту 10—20 м и диаметр ствола 2,5—7,5 см. В Чхота-Нагпуре встречаются густые рощи колючего *Bambusa arundinacea*, огромного растения, достигающего высоты более 30—35 м (диаметр ствола — до 15 см). Характерную особенность южной половины Западной Бенгалии составляют многочисленные небольшие рощи *Bambusa balcooa* и *B. vulgaris*. Во многих местах культивируется невысокий вечнозеленый *Melocanna bambusoides*. В предгорьях Гималаев наиболее обычны ветвистый *Dendrocalamus hamiltonii*, часто сопутствующий салу. Встречаются рощи *Bambusa tulda*, отдельные растения *B. nutans* и многие другие. С успехом выращивается ассамско-бирманский вечнозеленый *Bambusa polymorpha* (с высотой до 20—25 м). Выше в горах растет *Arundi-*

paria aristata. Посаженные искусственно, все эти виды могут произрастать во всех районах Бихара и Западной Бенгалии.

Применение бамбука почти универсально. Прежде всего он используется в строительстве и в условиях нехватки древесины почти полностью заменяет строевой лес. Бамбуковые стволы легко расщепляются на планки различной толщины и используются для устройства полов, стен, крыш, дверей, оконных рам и т. п. и для сооружения лестниц и строительных лесов. Из полых бамбуковых стволов, просверлив диафрагмы, сооружают трубопроводы и акведуки для орошения полей и деревенские водопроводы. Бамбук используется в судостроении (в частности, из него изготавливаются мачты). Легкость бамбуковой древесины позволяет сооружать из нее подвесные мосты через горные реки и изготавливать плоты высокой плавучести. Наконец, бамбук можно применять для армирования бетона.

Чрезвычайно большое значение имеет возможность использования древесины бамбука в бумажной промышленности. В настоящее время бамбук (главным образом *Dendrocalamus strictus*) дает более половины сырья для производства бумаги в Индии.

Круговое сечение, ровная поверхность, наличие, как правило, полостей делают бамбук незаменимым при изготовлении предметов домашнего обихода: ведер, черпаков, горшков, посуды. Тысячи кустарей занимаются также производством прочной легкой мебели и разнообразных плетеных изделий из бамбука — циновки, корзин, канатов и т. д., причем все это делается сравнительно легко и быстро. Кроме того, бамбук — важный источник топлива. Наконец, листья бамбука и кремневые конкреции, образующиеся в стеблях, используются в индийской медицине; молодые побеги некоторых видов идут в пищу; листья, особенно в Гималаях, используются как корм скоту; колючие виды служат для ограждения полей. Если учесть, что нами перечислены далеко не все возможные способы применения бамбука, то становится ясно, что его значение трудно переоценить. К тому же это растение обладает еще целым рядом достоинств. Бамбук всегда находится под рукой, нередко в изобилии. Растет он чрезвычайно быстро (5—10 см в сутки, а некоторые виды еще быстрее), и за короткое время при некотором уходе можно получить большое количество твердой, прочной, легкой, эластичной и гибкой древесины, которую сравнительно легко транспортировать. Наконец, что не менее важно, в ряде районов он является единственным источником древесины.

Заканчивая описание растительности Бихара и Западной Бенгалии, отметим, что занимаемая лесами площадь в обоих штатах невелика. Однако характерно наличие почти во всех районах многочисленных ценных пород, которые находят или могут найти самое разнообразное применение в народном хозяйстве.

Прежде всего, леса Бихара и Западной Бенгалии — важный источник древесины, годной для использования в строительстве, на железнодорожном транспорте (шпалы) и линиях связи (телеграфные столбы), в горной промышленности (крепёжный материал), машиностроении (вагоностроение, автостроение), судостроении, в тарном производстве, в бумажной промышленности, как топливо и т. д. Вся эта продукция, по терминологии, принятой в Индии, называется «основной» (*major forest produce*).

Большое значение имеет и побочная лесная продукция (*minor forest produce*), к которой относятся бамбук, дубильные вещества, смолы и камеди, сырье для бумажной промышленности, тростники, растительные кровельные материалы, плоды и фрукты, различные лекарственные, эффи-

ромасличные, кормовые растения и т. д. Из животных продуктов в эту категорию входят, прежде всего, натуральный лак, а также мед, воск и др. Кроме того, растительные ресурсы Бихара и Западной Бенгалии используются как база пастбищного скотоводства.

Нельзя недооценивать и тот факт, что леса на территории обоих штатов сохраняют и увеличивают запасы влаги в почве, влияют на уровень грунтовых вод, на механический и химический состав почв. Сдерживая размывающую деятельность ливневых вод, они препятствуют эрозии почв. Наконец, способствуя более равномерному режиму рек, леса являются важным помощником человека в борьбе против наводнений. Неудивительно поэтому, что правительства Бихара и Западной Бенгалии уделяют в последние годы так много внимания искусственным лесопосадкам.

* * *

Территория Бихара и Западной Бенгалии составляет часть Индийской подобласти Индо-Малайской зоогеографической области. Постепенное уничтожение лесов и хищническая охота привели здесь к сильному сокращению количества многих диких животных. Для защиты некоторых из них от полного истребления приняты специальные законы, а на территории Западной Бенгалии создано пять заповедников: один — в горной части Дарджилинга (Сенчал), три — в дуарах Джалпайгури (Джалдапара, Чапрамари и Гарумара) и один — в Сундарбане (остров Лотхиан). В северобенгальских заповедниках до сих пор сохранились индийский носорог (*Rhinoceros unicornis*), дикий водяной буйвол (*Bubalus bubalis*), индийский бизон — гаур (*Bos gaugus*) и другие редкие животные.

С другой стороны, некоторые животные в Бихаре и Западной Бенгалии (как и в других частях страны) встречаются, пожалуй, чересчур часто. Дело в том, что согласно религиозным догмам индуизма и джайнизма всякое проявление жизни священо. Из-за религиозных предрассудков правоверный индус или джайн не поднимут руку даже на вредных животных. В результате большим бременем для населения становятся, например, обезьяны. В лесах водится огромное количество макак (*Macacus rhesus* и др.). И в лесах и в самих селениях очень распространены ханумены (*Semnopithecus*). Пользуясь покровительством населения, обезьяны почти беспрепятственно уничтожают значительную часть урожая. Большой урон сельскому хозяйству приносят также различные грызуны (крысы, мыши и др.), ежи, птицы и другие вредители.

Исключение из религиозных правил делалось, конечно, для таких опасных хищников, как тигры, леопарды. В результате тигры (*Felis tigris*), некогда наводившие ужас на население обоих штатов, в настоящее время почти истреблены.

Из других плотоядных можно упомянуть индийского волка (*Canis palipes*), наносящего большой урон животноводству и опасного для людей: «чистильщика» городов и деревень шакала (*Canis auerus*), питающегося падалью и отбросами; гималайского медведя (*Ursus torquatus*) и встречающегося в лесах на равнине *Melursus ursinus*.

Из копытных, кроме упомянутых выше буйвола, бизона и носорога, встречаются различные олени и антилопы: читал (*Cervus axis*), самбхар (*Cervus unicolor*), горал (*Nemorhoedus goral*) и многие другие. Основные районы их обитания — предгорья Гималаев, Чхота-Нагпур и Сундарбан. Количество этих животных постепенно сокращается, и некоторые из них за пределами заповедников встречаются редко. Гораздо чаще встречается родоначальник индийской домашней свиньи — дикий кабан

(*Sus cristatus*), который, поедая и вытаптывая посевы, причиняет огромный вред сельскому хозяйству. Из полезных животных мы упомянем индийского слона (*Elephas maximus*). В предгималайских джунглях Дарджилинга и Джалпайгури стада диких слонов сохранились до сих пор. Индийские слоны легко приручаются и являются незаменимым рабочим скотом, например на лесозаготовках в труднодоступных предгорьях Гималаев.

Нет никакой возможности описать многочисленные виды пернатых. Отметим лишь, что птицы играют немаловажную роль в хозяйстве обоих штатов: одни из них (например, зеленые попугаи, воробьи) являются вредителями посевов; другие — различные вороны, гриф (*Pseudogyps bengalensis*) — выполняют гигиенические функции, уничтожая падаль и различные отбросы, что особенно важно в условиях тропического климата; третьи истребляют вредных насекомых, мышей, ящериц.

Из характерных представителей мира пресмыкающихся нужно назвать крокодилов. В Ганге в большом количестве встречается священный гавиал (*Gavialis gangeticus*) до 6—7 м длиной, питающийся рыбой и трупами. В Ганге и других реках Бихара и Западной Бенгалии обитает магар (*Crocodylus palustris*), а в солоноватых водах Сундарбана — крупный (до 9 м длину) *Crocodylus porosus*. Крокодилы наносят некоторый ущерб животноводству, но на человека нападают редко. Мясо крокодилов съедобно, кожа годится для изготовления чемоданов, портфелей и тому подобных изделий. В реках встречаются различные виды черепах. Особенно много ящериц и змей. Из последних достоин упоминания род кобр (*Naja*) — настоящий бич Индии. Наиболее опасны очковая змея (*Naja tripudians*), исполинская кобра (*N. bungarus* до 4 м длины и более) и другие. Укус этих змей почти всегда смертелен.

Воды Бихара и Западной Бенгалии довольно богаты рыбой. В реках особенно многочисленны различные карповые (*Cyprinidae*), например карпы (*Cyprinus*), карась (*Carassius vulgaris*), несколько видов *Barbus* и многие другие. Интересной формой использования рыбных богатств (особенно в Западной Бенгалии) является рисо-карповое хозяйство, т. е. выращивание карпа на залитых водой рисовых полях. В дельте Ганга и в прибрежных водах Бенгальского залива экономическое значение имеет родственная сельди хилса (*Hilsa ilisha*), лов которой производится в дни ее массовой миграции вверх по течению рек во время нереста. Особое применение находят различные *Aplocheilus*: они используются для борьбы с москитами и комарами, так как пожирают личинок этих насекомых.

Далеко не всегда осознают хозяйственное значение вредных и полезных насекомых, встречающихся в пределах изучаемой территории в огромном количестве. Из полезных уже упоминались лаковые червецы, из которых главными являются *Laccifer laccas* (по производству натурального лака Чхота-Нагпур занимает первое место в Индии) и гусеницы тутового шелкопряда (*Bombyx mori*), дающие сырье для шелковой промышленности Западной Бенгалии и Бихара. К ним следует добавить местные виды пчел (*Apis indica*, *A. florea* и *A. dorsata*, последняя трудно приручается). В настоящее время в обоих штатах пчеловодство, несмотря на большие возможности, развито недостаточно. Основным поставщиком меда и воска является Сундарбан. Огромное значение имеют самые разнообразные насекомые (в частности, те же пчелы) — опылители растений, от которых зависит урожайность некоторых сельскохозяйственных культур.

Чрезвычайно велико число вредных насекомых. Из них особого внимания заслуживают различные комары и москиты — разносчики разных

видов лихорадки. Наиболее известны комары рода *Anopheles* — разносчики малярии, которой в обоих штатах ежегодно болеют миллионы людей. По официальным данным⁶², только в 1952 г. от различных лихорадочных заболеваний умерло в Бихаре более 300 тыс. человек, а в Западной Бенгалии — более 100 тыс.; иными словами, в среднем на каждые десять умерших в Западной Бенгалии приходилось четверо, а в Бихаре восемь погибших от лихорадки! Множество насекомых являются вредителями сельскохозяйственных культур, древесных пород и строительных материалов. Многие из них портят пищевые продукты, книги, мебель. Чрезвычайно велик вред, причиняемый, например, термитами — насекомыми отряда *Isoptera*. Термиты — главный бич деревянных, особенно бамбуковых, построек. Они грызут и разрушают мебель, книги, одежду, пожирают пищевые запасы. Борьба с термитами крайне затруднительна. Довольно много в Бихаре и Западной Бенгалии различных ядовитых пауков, скорпионов, сколопендр, клещей, укусы которых очень опасны, а иногда и смертельны.

* * *

В буржуазной, особенно английской, географической литературе при экономической оценке природных условий и ресурсов Индии стали традиционными невнимание к конкретным социально-историческим условиям, недооценка роли способа производства материальных благ и преувеличение роли географической среды в хозяйственном развитии страны. До сих пор, например, почти все опыты районирования Индии⁶³ построены в большей или меньшей степени на физико-географической основе, и экономического районирования страны в буржуазной литературе фактически не существует. Многие ученые склонны приписывать тем или иным элементам природной среды, например климату, определяющую роль в развитии сельского хозяйства, в размещении населения и т. д. Не случайно в зарубежной географической литературе бытует термин «ставка на муссон»⁶⁴, приравнивающий сельскохозяйственное производство в Индии к некоторому подобию азартной игры и подчеркивающий беспомощность человека перед силами природы. Примеры подобных воззрений можно было бы приводить до бесконечности.

Исторический материализм учит, что географическая среда, являясь постоянным и необходимым условием материальной жизни, не оказывает решающего влияния на развитие общества. Решающая роль принадлежит социально-экономическим условиям, уровню развития техники; в зависимости от уровня производительных сил и характера производственных отношений одна и та же географическая среда используется обществом по-разному. Мы далеки от мысли отрицать, например, огромное значение для сельского хозяйства Индии своевременности и интенсивности муссонных дождей. Не нужно забывать, однако, что влияние муссонов усиливается вследствие раздробленности и неправильного использования земельных угодий, отсталых аграрных отношений в индийской деревне, низкого технического уровня сельского хозяйства, недостаточного развития искусственного орошения, доминирующего влияния (в пределах Бихара и Западной Бенгалии) влаголюбивых культур

⁶² «Statistical abstract, India 1953—54», new series, Delhi, 1956, № 5, p. 59.

⁶³ См., напр.: О.Х.К. Спейт, *Индия и Пакистан...*, стр. 379—393; Пьер Гунв. Азия, М., 1956, стр. 342—362; E. Dudley Stamp, *Asia (A regional and economic geography)*, London—New York, 1950, p. 258—341; Ludwig Alsdorf, *Vorderindien...*, S. 178—281.

⁶⁴ «Gamble in monsoon».

и т. д. В годы английского колониального владычества в Индии природные богатства страны нередко использовались в ущерб ее нуждам, в интересах политики британского империализма. Достаточно вспомнить о нерациональном использовании угольных и железорудных ресурсов, о хищническом уничтожении лесов и т. д. Нет сомнения, однако, что ныне, после завоевания политической независимости, с ростом социального и технико-экономического прогресса, индийский народ сумеет надлежащим образом использовать богатства щедрой, но подчас капризной природы своей родины. Среди штатов Индии Бихар и Западная Бенгалия занимают видное место по богатству и разнообразию естественных ресурсов. Широкое использование полезных ископаемых, укрощение непокорных рек, развитие искусственного орошения, лесопосадки позволят обеспечить всестороннее развитие народного хозяйства обоих штатов.

В. А. Ромодин

ДИР И СВАТ

(Историко-географический очерк)

Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 12 апреля 1956 г.

Дир и Сват — горные области отрогов Гиндукуша в Западном Пакистане. Их площадь составляет около 13 тыс. кв. км, а численность населения около 700 тыс. человек. Они занимают самую северную часть пограничной с Афганистаном полосы Пакистана, населенной афганскими (иначе пуштунскими или патанскими) племенами. Только Читрал отделяет Дир и Сват от тех вершин Гиндукуша, где сходятся рубежи СССР, КНР, Афганистана, Пакистана и Индии. Уже по своему географическому положению эти небольшие горные области Пакистана заслуживают внимания советских востоковедов. История княжеств, существовавших на территории Дира и Свата до 1955 г., интересна во многих отношениях, являя собой редкий пример очень позднего образования феодальной государственности.

Однако до сих пор на русском языке нет ни одной статьи по истории и географии Дира и Свата, а имеющиеся в нашей научной литературе сведения о природных условиях, хозяйстве, населении и прошлом этих областей за немногими исключениями весьма отрывочны и приводятся лишь попутно, в связи с освещением более широких вопросов географии и экономики Северо-Западной пограничной провинции Индии (с 1947 г. — Пакистана) или этнографии и истории афганцев и соседних с ними народов¹. Предлагаемый вниманию читателей очерк составлен с целью хотя бы отчасти восполнить имеющийся в литературе пробел кратким обзором основных событий политической истории княжеств Дир и Сват, но без претензии на полноту охвата материала. Приводя некоторые географические и историко-этнографические сведения о Дире и Свате, автор исходил из того, что даже весьма неполная сводка разрабо-

---

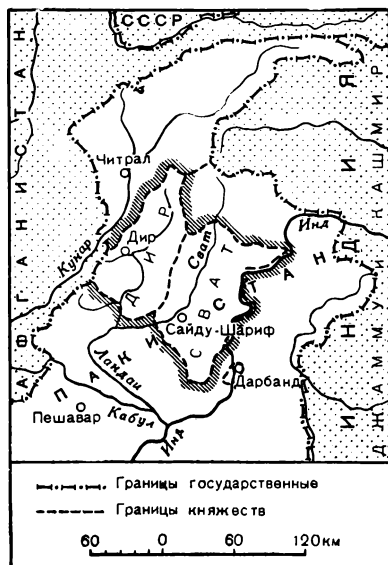
¹ Из таких работ дореволюционных русских исследователей прежде всего см.: «Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор Императорского С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока», СПб., 1867; Н. А. Аристов, *Англо-индийский «Кавказ». Столкновение Англии с авганскими пограничными племенами (Этноико-исторический и политический этюд)*, СПб., 1900.

санных в литературе данных может оказаться полезной ввиду отмеченного выше отсутствия на русском языке посвященных этим областям специальных исследований. Вместе с тем автор счит возможным лишь в самых общих чертах коснуться вопроса о социально-экономических отношениях в Дире и Свате в XIX — начале XX в., поскольку этот вопрос сравнительно подробно освещен в нашей литературе в работах на более широкие темы².

Отрывочные сообщения об областях Дира и Свата встречаются в письменных источниках с глубокой древности. Совершая свой знаменитый поход в Индию (327—325 гг. до н. э.), через них проходил Александр Македонский. В I—III вв. н. э. области Дира и Свата находились в составе государства Великих Кушан, один из важнейших политических центров которого был расположен в соседней Пешаварской долине. От эпохи древности, в частности от периода Кушан, когда высокого для своего времени расцвета достигли города, ремесла и искусства, осталось множество археологических памятников, особенно в Свате. В этих областях бывали китайские путешественники-пилигримы, совершавшие странствия в Индию и оставившие описания виденного ими.

С XI в. Пешаварская долина, а затем и горные области Дира и Свата оказались затронутыми завоевательными походами мусульманских государств, начатыми Махмудом Газнийским (998—1030) с территории нынешнего Афганистана. С этими походами было связано распространение ислама среди местного населения. Однако в высокогорных районах Гиндукуша, в бассейне р. Кунара (в Афганистане) и в верховьях р. Пянджкоры до самого недавнего времени сохранялись древние языческие верования. Придерживавшиеся этих верований местные племена именовались их соседями-мусульманами «кафиры» и под таким названием вошли в западноевропейскую и русскую историко-этнографическую литературу.

Современный этнический состав населения Дира и Свата сложился после завоевания в XVI в. этих областей афганскими племенами юсуфзаев. Как гласят предания самих юсуфзаев, их предки вначале жили на землях Кандагара, были оттуда вытеснены другими афганцами и переместились в пустынную северную часть нынешнего Белуджистана³. Затем юсуфзаи были вынуждены оставить и эти места и вместе с родственными и союзными племенами направились в район Кабула⁴. Временем их переселения в этот район афганский автор XIX в. Мухаммед

ДИР И СВАТ

² Данные о социально-экономических отношениях в Дире и Свате и некоторые сведения из их истории см. в кн.: И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 45—47, 91—94, 119—122, 250—254, 388 и др.; Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.)*, М., 1953, стр. 51, 67, 69, 131—132, 151, 175, 186, 195—197.

³ *تذکرۃ الابار و الاشعار* نفکرطری، آخوند درويزه، لО ИВАН, Рукопись. С—1560, л. 726—736 (далее — Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Аббар*).

⁴ Там же, л. 736—74а.

Хаят-хан считает примерно начало XIV в.⁵ В конце XV в. в результате конфликта с тимуридским правителем Кабула юсуфзаи со своими союзниками были изгнаны из его владений, выступили на восток и проникли через Хайберский перевал в Пешаварскую долину⁶. Над Пешаварской долиной и рядом других смежных с Диром и Сватом областей тогда господствовали дилазаки, которые, по словам афганского богослова и историка XVI—XVII вв. Ахунда Дарвезы, «первыми из всех афганцев пришли в эти пределы»⁷. В ходе последовавшей борьбы дилазаки потерпели поражение и были вытеснены новыми пришельцами на левобережье Инда, откуда в начале XVII в. могольский падишах Джехангир переселил большую их часть в глубь Индии. В начале XX в. в соседнем с Пешаварской долиной районе Аттока насчитывалось всего лишь около тысячи дилазако⁸. Одержав победу над дилазаками, юсуфзаи вторглись в Сват, которым владел султан Овейс из местной династии. После упорной борьбы, продолжавшейся 12 лет, юсуфзаи овладели большей частью долины Свата и соседней с юга горной долиной Бунер, а также долиной Пянджкоры (территорией Дира). Султан Овейс перешел с оставшимися у него людьми за р. Инд.

Местное население Свата, Бунера и Пянджкоры, состоявшее из индийских племен и народностей (в основном гуджаров), было частью уничтожено, частью вытеснено со своих земель, а частью подчинено пришельцами. Оставшееся местное население долин, исповедовавшее, как и юсуфзаи, ислам суннитского направления, было с течением времени в значительной степени ассимилировано завоевателями, восприняв к XIX в. их язык и многие обычаи. Гораздо устойчивее сохраняли этническую самостоятельность племена высокогорных районов — жители верховий Пянджкоры и Свата («Кохистан»). В занятых областях, кроме юсуфзаев, получили земли их союзники — другие афганские племена, принимавшие участие в завоеваниях, а также некоторые сравнительно немногочисленные афганские племена, переселившиеся туда впоследствии. В низовьях Свата после завоевания были поселены союзные юсуфзаям утман-хель, потомки которых там живут до настоящего времени.

Долины Свата, Пянджкоры, Бунера и все горы и ущелья от водораздела Пянджкоры и Кунара до Инда заняли четыре юсуфзайских племен: акозаи, исазай, мализай и ильясзай. По подсчету, произведенному в XVI в., акозаев и исазаев оказалось 6 тыс. человек, мализаев и ильясзаев также 6 тыс. человек⁹. По данным конца XIX в., акозаев (только в Свате, не считая ветви этого племени, населявшей Дир) насчитывалось около 200 тыс. человек, мализаев — около 30 тыс. и ильясзаев — около 25 тыс. человек¹⁰.

Территория и население княжеств Дир и Сват в 1953/54 г., по официальным данным, определялись следующими цифрами¹¹:

	Территория (тыс. кв. км)	Население (тыс. человек)
Дир	5,18	146,7
Сват	7,60	518,6

⁵ Muhammad Hayat Khan, *Afghanistan and its inhabitants, translated from the Hayat-i-Afghan of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley*, Lahore, 1874, p. 101.

⁶ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрар*, л. 756—766.

⁷ Там же, л. 766.

⁸ «Punjab district gazetteers», vol. XXIX A, pt. A, Lahore, 1909, p. 76.

⁹ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрар*, л. 89а.

¹⁰ По сведениям о численности воинов каждого из этих племен (умноженным на пять), взятым из английского военного справочника «A dictionary of the Pathan tribes on the North-West frontier of India. Compiled under the orders of the quarter-master general in India, in the Intelligence branch», Calcutta, 1899.

¹¹ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.].

К северу от Дира и Свата вздымаются горные массивы Гиндукуша, вершины которых достигают 6 тыс. м. Три гигантских хребта, отроги этих массивов, образуют как бы скелет рельефа всей горной страны, находящейся между Пешаваром и Читралом. Хребты эти в общем тянутся в направлении с севера на юг. Центральный хребет отделяет территорию Дира (т. е. долину р. Пянджкора) от долины Свата, а восточный хребет — долину Свата от Инда. Восточный хребет тянется по течению Инда, а от Махабанских гор, отделяющих Пешаварскую долину от Бунера, поворачивает на запад, к Малаканду, образуя Бунерские, или Иламские, горы и замыкая долину Свата с юга, а Бунера — с севера. Западный хребет, по которому частично проходит граница Пакистана с Афганистаном, имеет юго-западное направление и образует водораздел трех рек: Пянджкоры и Руда со стороны Пакистана, Кунара со стороны Афганистана. Из перевалов этого хребта большое значение имеет Лаораи, высота которого около 3120 м; через него проходит дорога из Пешавара в Читрал, считавшаяся английскими колониальными властями основным путем в последний. Движение через перевал Лаораи возможно с апреля до ноября¹².

Средняя высота каждого из трех главных хребтов — 2500—2700 м. Отдельные вершины в районах истоков рек Свата и Пянджкоры поднимаются больше чем на 5500 м. Значительно ниже отроги восточного хребта, протянувшиеся в широтном направлении (Бунерские, или Иламские, горы), высшая точка которых лежит на 3796 м над уровнем моря. Характер рельефа Дира и Свата обусловил значительную изоляцию населяющих их племен: связь с ними и между ними в прошлом осуществлялась только по пешеходным и вьючным тропам и была сильно затруднена в зимнее время года.

Реки Дира и Свата являются частью системы Инда. Две самые большие из них — Сват и Пянджкора, сливаясь вместе при выходе из гор на Пешаварскую равнину, впадают в р. Кабул, приток Инда. Река Баранду, протекающая по Бунерской долине, впадает в Инд непосредственно. Инд между областью Черных гор (на левом берегу) и хребтом, отделяющим его от долины Свата, — настоящая горная река с высокими, обрывистыми берегами и могучим, стремительно быстрым течением. Неподалеку от Торбелы он вырывается из глубокой скалистой расщелины и выносит свои воды на равнину, разделяясь на несколько протоков и образуя множество островов. Сват — многоводная горная река. Берега ее местами крутые, высокие и обрывистые, местами низменные; ширина ее достигает 130—150 м. Во время летних разливов она превращается в бурный, непреодолимый поток; уровень воды поднимается на несколько метров, и рисовые поля, расположенные в пойме реки, покрываются водой. По рекам Сват и Пянджкора производится сплав ценного гималайского кедра (*Cedrus deodara*), растущего в их верховьях.

В целом климат Дира и Свата умеренный, мягкий и влажный, значительно отличающийся от сравнительно сухого и знойного климата Пешавара. Однако горный рельеф определяет большое разнообразие климатических условий, часто даже в соседних долинах. На параллели поселения Дир средняя продолжительность зимы около трех месяцев.

По имеющимся в литературе данным, в долине Пянджкоры количество атмосферных осадков достаточно для ведения богарного земледелия. В долине р. Сват годовое количество осадков в большинстве случаев не обеспечивает богару, и искусственное орошение, как правило, необходимо. Но в некоторых местах, на притоках р. Сват, в боковых долинах,

¹² Н. С. Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*, London, 1912, p. 153.

возможно обходиться и без него¹³. Большая часть осадков на территории Дира и Свата выпадает в период муссона — с июля по сентябрь; остальное количество их приходится преимущественно на зиму — с декабря по май.

Густые леса покрывают горы, вздымающиеся над долинами Пянджкоры и Свата. Так же как и в соседнем Нуристане (провинции Афганистана) на высоте более 2500 м лиственные леса переходят в настоящую горную тайгу, где во множестве растут гималайские кедры, сосны и другие хвойные. В лиственных лесах встречаются дуб, грецкий орех, много дикорастущих плодовых деревьев.

Основным занятием населения Дира и Свата с давних пор является земледелие, к которому юсуфзайские племена перешли, по-видимому, вскоре после завоевания ими этих областей. Скотоводство, основанное на использовании горных пастбищ, играет главную роль в хозяйственной жизни только немногих, преимущественно высокогорных, районов. Одно из юсуфзайских родо-племенных подразделений — чагарзан — сохраняло скотоводство как основную отрасль хозяйства; в Сватском Кохистане развивалось коневодство, в Бунере — овцеводство.

По сообщениям авторов, побывавших в Свате, долина возделывается во многих местах во всю свою ширину. Землей там очень дорожат, и все пригодные участки обрабатываются. Описания путешественников, которым приходилось переваливать через горы, замыкающие долину Свата с юга, дают наглядное представление о степени возделанности ее и о роли реки в хозяйственной жизни. С этих гор открывается панорама всей долины, путь реки четко обозначается широкой зеленой лентой, которая, извиваясь, тянется до самых склонов гор Кохистана, где река берет свое начало. Для орошения используются воды Свата и множества мелких речек и ручьев — ее притоков. Первое место в нижней части долины Свата занимает возделывание риса, в верхней части и в боковых ущельях — пшеницы и ячменя. Кроме того, возделываются кукуруза, маш, хлопок, табак, бахчевые культуры. Издавна в Свате было развито и садоводство.

В бассейне р. Пянджкоры и в Бунере основными культурами до последнего времени оставались пшеница и ячмень, а возделывание риса, в зависимости от природных условий, занимало относительно меньшее место в хозяйстве, чем в долине Свата.

Во многих местах Дира и Свата, особенно в долине Свата, издавна развито пчеловодство. Имеются интересные описания традиционных способов пчеловодства, разведения пчел в сделанных из глины ульях и ухода за ними¹⁴.

В Дире и Свате уже в XIX в. отмечалась известная специализация ремесленного производства. Так, например, в Свате были деревни, в которых вырабатывались шерстяные шарфы, вывозившиеся на рынки Пешавара и в другие соседние области¹⁵. В Дире развивалась кустарная выплавка железа, которое вывозилось. Определенные деревни занимались как промыслом мыловарением, причем мыло также являлось предметом вывоза.

К началу XX в. значительно увеличилась торговля промышленными товарами, главным образом английскими, с Диром, Сватом и Читралом

¹³ W. R. Hay, *The Yusufzai State of Swat* («The geographical journal», London, 1934, vol. LXXXIV, № 3), p. 242.

¹⁴ H. G. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwat, and the Kohistan, to the source of the Suwat river; with an account of the tribes inhabiting those valleys* («Journal of the Asiatic society of Bengal», Calcutta, 1862, vol. XXXI, № 3), p. 250.

¹⁵ Ibid., p. 251.

из Пешавара и через Пешавар. Из Свата и Дира вывозились преимущественно рис, топленое масло и другие сельскохозяйственные продукты, а ввозились, кроме промышленных товаров, ремесленные изделия и соль. С одной стороны, есть основания полагать, что усиливавшийся ввоз дешевых фабричных товаров в Дир и Сват подорвал в них некоторые отрасли ремесла, вызывая разорение ремесленников. С другой стороны, рост колониальной торговли, а также строительство дорог и других сооружений военного значения английскими империалистами стимулировали создание в Дире и Свате мелких предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья и заготовке строительных материалов. В 30—40-х годах текущего столетия в Дире и Свате имелись такого рода предприятия, в частности мастерские по обработке древесины, хлопка, шерсти и т. д.¹⁶

В эти же годы английские колониальные власти проводили строительство дорог, мостов, линий связи на территории княжеств Дир и Сват, находившихся в вассальной зависимости. В 1939 г. была превращена в шоссе часть дороги, ведущей через Дир на Читрал; в Тимул-Гара сооружена база горючего. Английский форт Чакдарра был соединен телефонной линией с городком Дир, резиденцией правителя одноименного княжества. В последние годы перед второй мировой войной было проложено шоссе из Малаканда в Сайду-Шариф, резиденцию правителя Свата, которую на его средства также соединили непосредственно с Пешаварской долиной автомобильной дорогой, проходящей через Умбельский перевал¹⁷. По-видимому, уже в годы второй мировой войны английские власти соорудили на р. Сват в районе Малаканда гидроэлектростанцию проектной мощностью 20 тыс. квт¹⁸.

Лесной промысел уже в XIX в. имел большое значение в жизни населения Дира и Свата, а также соседних районов верховий Кунара в Афганистане. В 70-х годах прошлого века довольно крупные партии древесины, доставленные сплавом из этих областей, продавались на пешаварском рынке, а к концу века произошло резкое увеличение спроса на лес, вызванное железнодорожным строительством в Северо-Западной Индии. Барыши, которые стала приносить торговля лесом, побудили афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901) взять сплав древесины по рекам Кунар и Кабул в руки государства и отказать осенью 1896 г. пешаварским лесопромышленникам, предлагавшим заплатить эмиру 140 тыс. рупий кабули¹⁹ за разрешение четыре года заниматься этим выгодным делом. Пошлины, которыми облагался экспорт леса из Афганистана, еще более стимулировали увеличение сплава древесины из Дира и Свата. На вывозе леса из этих областей сильно наживались местные феодалы, светские и духовные, с которыми пешаварские купцы были вынуждены делиться барышами. В конце XIX в. разрешение на порубку и сплав гималайского кедра от хана Дира получил миян (лицо из привилегированного духовного сословия) Рахим-шах, наживший огромное по местным масштабам состояние. Он ссужал деньгами членов ханской династии и приобрел значительное влияние на политику правителя Дира²⁰.

¹⁶ Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии*, стр. 151.

¹⁷ «The Indian year-book 1945—1946», p. 202.

¹⁸ P. J. Thomas, *India's basic industries*, Calcutta, 1948, p. 145.

¹⁹ فیض محمد کاتب بن سعید محمد مفلول، سراج التواریک جلد سوم، کابل ۱۲۳۹ھ (далее — Файз Мухаммед, *Сирадж ат-Таварих*).

²⁰ W. Barton, *India's North-West frontier*, London, 1939, p. 31—32.

Древесина гималайского кедра отличается исключительными качествами: она не подвергается порче вредителями-термитами. При сооружении железных дорог англичане строили из этого ценного дерева не только мосты и жилые помещения. По утверждению Райта, чиновника по охране лесов Северо-Западной пограничной провинции, на тысячах километров дорог Пенджаба, Синда и Северо-Западной пограничной провинции были уложены шпалы из древесины деодарского (гималайского) кедра²¹. Использование столь ценного материала на шпалы и истребление лесов для этой цели является одним из примеров хищнического расходования природных богатств английскими колонизаторами в Индии²². Несмотря на большой ущерб, нанесенный лесам верховий Свата и Пянджкору, ресурсы одного только княжества Дир оставались весьма значительными. По оценке, сделанной в Пакистане несколько лет тому назад, княжество Дир легко могло поставлять 2 тыс. стволов ежегодно²³. Пакистанские власти подготавливали отправку экспертов для научного обследования лесных ресурсов Дира и проведение мероприятий по надлежащей охране лесов²⁴.

В пакистанской периодической печати отмечалось наличие в Дире медной руды, гипса, слюды, серы, а в Свате — доломитовой слюды и глины высокого качества.

* * *

Завоеванные в XVI в. юсуфзаями земли Свата, Пянджкору и Бунера были поделены между входившими в их состав родо-племенными подразделениями. Ахунд Дарвеза так рассказывает о распределении земель, произведенном шейхом Мали: «Когда юсуфзайский улус овладел страной Сват, малик шейх Мали почел за благо произвести подсчет всего [населения] улуса — маленьких и больших, мужского пола и женского, чтобы на основании этого разделить Сват. Людей акозаев и исазаев оказалось шесть тысяч, людей мализаев и ильясзаев также шесть тысяч. [Всего] юсуфзаев оказалось двенадцать тысяч.

Включив в подсчет людей нанграхари и ламгани и кабули, которые были с ними [т. е. пришли с юсуфзаями. — В. Р.], а людей этих пределов [т. е. коренное завоеванное население. — В. Р.] в подсчет не включая, [шейх Мали] таким образом произвел раздел [Свата]. До сего дня этот раздел шейха Мали остается без всяких изменений...»²⁵. По-видимому, раздел земель Свата, так же как и других завоеванных юсуфзаями областей, был произведен с целью обеспечить равные наделы всем вошедшим в подсчет членам племени. Такое толкование приведенного текста сообщения Ахунда Дарвезы подтверждается сведениями о прошлом, собранными английскими чиновниками в XIX в.²⁶. Косвенно его подтверждают и сравнительные данные о переделах земли у другого афганского племени — марватов, у которых еще в XIX в. они производились с подсчетом всего населения.

Обычай периодических переделов земли (который на языке пушту называется «веш») был еще в XIX в. распространен у многих афганских

²¹ H. L. Wright, *The deodar forests of the Northern India* («The Asiatic review», London, 1937, vol. XXXIII, № 114), p. 319—327.

²² Тот факт, что англичане непроизводительно, хищнически истребляли лесные богатства, признает и чиновник Райт в упомянутой статье.

²³ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.], p. 163.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрак*, л. 89а.

²⁶ См., напр.: H. R. Hastings, *Settlement report of the Peshawar district of the Punjab*, Lahore, 1878.

племен правобережья Инда, а у некоторых из них бытовал до самого недавнего времени²⁷. У юсуфзаев к середине XIX в. веш претерпел существенные видоизменения и свелся к обмену наделов по жребью без уравнительных пересчетов населения, так что каждое родо-племенное подразделение и каждый глава семьи получали такую же долю пахотной земли из фонда племени (рода), какую они имели до этого, только надел располагался в другом месте. В таком виде обычай закреплял сложившееся неравенство в размерах наделов на душу, продолжая, однако, обеспечивать очередность в пользовании землями различного качества не только для отдельных семей, но и для родо-племенных объединений, вплоть до самых крупных. Племя менялось с племенем, каждая его ветвь с другой ветвью, род с родом и, наконец, семья с семьей. При проведении веша менялись своим местожительством не только люди одной деревни с людьми другой, но и население целых районов, включавших десятки деревень. Сотни и тысячи, а в некоторых случаях и десятки тысяч людей снимались с места, чтобы со своим имуществом перейти на выпавшие им по жребью территории, где им предстояло прожить до следующего очередного обмена. При этом обмену между семьями подлежали не только участки пахотной земли, но и усадьбы с жилищами. В Свате такой передел с переселениями проводился через каждые десять лет. Из краткого отчета о сватском веше 1873 г., опубликованного в приложении к «Punjab Government Gazette» от 27 марта 1873 г., видно, что в нем принимали участие юсуфзайские племена, насчитывавшие по несколько десятков тысяч человек. До тех пор пока периодические переделы проводились в таком масштабе, переход родовой общины в соседскую был невозможен, так как роды, занимавшие часть деревни («канди»), переселяясь с каждым очередным вешем, меняли своих соседей, приобретая каждый раз новых²⁸.

В своем первоначальном виде, сохранившемся к середине XIX в. только у марватов и нескольких других мелких афганских племен правобережья Инда, обычай веш преследовал также цель обеспечить равенство наделов всем членам племени — мужчинам и женщинам, взрослым и детям: для этого каждому обмену предшествовал пересчет численности всех людей в племени и обмер полей с целью определения величины причитающегося каждому равного надела пахотной земли.

Заинтересовавшиеся обычаями юсуфзаев Свата русские этнографы XIX в. (видимо, находясь под влиянием народнической идеализации общины) неправильно характеризовали их общественный строй как «аграрный коммунизм»²⁹. Однако при всей архаичности родовой общины того времени с переделами земли, усадебных участков и жилищ, у юсуфзаев коллективная собственность на землю, как и у других афганских племен, сохранявших обычай веш, комбинировалась с индивидуальным использованием земель и присвоением ее продуктов отдельными семьями, что коренным образом отличало афганскую общину от первобытной, в которой работа велась сообща.

Рассматривая типы общин, К. Маркс упоминал и об афганцах, указывая, что: «„Сельская община“ встречается также в Азии, у афганцев

---

²⁷ Наиболее полная в нашей литературе, хотя и не исчерпывающая, сводка сведений об этом обычае имеется в кн.: И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, стр. 104—129.

²⁸ Это обстоятельство недостаточно принято во внимание в работе И. М. Рейснера *Развитие феодализма и образование государства у афганцев* при анализе конкретного материала об общине у юсуфзаев и марватов, хотя правильный вывод общего характера сделан автором в прим. 2 к стр. 132 этой книги.

²⁹ См.: «Страна юсуфзаев» («Географические известия», 1873, № 6), стр. 18.

и др., но она повсюду представляет собою *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*»³⁰. Вместе с тем, касаясь общин, в которых сохранялся обмен жилищами, К. Маркс указывал на их переходный характер: «Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле»³¹.

К началу XIX в. численность жителей юсуфзайских областей достигала нескольких сот тысяч человек, причем значительную часть их составляло зависимое население («факиры», или «хамсая») неафганского происхождения. Среди зависимого населения, в состав которого входили потомки коренных жителей завоеванной страны, было немало ремесленников, но основную массу его составляли безземельные крестьяне. Вся земля находилась в коллективной собственности юсуфзайских родо-племенных подразделений.

Факиры получали землю у юсуфзаев на условиях уплаты доли урожая и были обязаны выполнять на хозяев различные работы, а кроме того, вносить налоги маликам и ханам. Некоторые факиры и зависимые афганские племена получали для поселения землю на условиях несения военной службы; они находились в сравнительно привилегированном положении и налогов не платили.

В отношении зависимого податного населения юсуфзайские ханы пользовались большой властью, располагая силой принуждения, обеспеченной не только своими дружинами, но и поддержкой родо-племенных подразделений юсуфзаев. Ханы взимали с факиров налоги и поборы, сгоняли их на строительные и другие работы, принуждали к выполнению повинностей. Управляя зависимым населением и владея рабами (а также за счет военной добычи), ханы сосредоточили в своих руках значительные богатства. Однако ханская власть у юсуфзаев не приобрела еще окончательно наследственного характера. За юсуфзайскими вождями не признавалось право распоряжаться жизнью и свободой своих соплеменников. Никаких налогов своим ханам и маликам сами юсуфзаи не платили. Характеризуя отношения юсуфзайских ханов и маликов с их соплеменниками, Эльфинстон, побывавший в Пешаварской области в 1809 г., утверждал: «Ни у кого из этих вождей нет власти, равной той, какой располагает в Англии полицейский»³².

До XIX в. наделы большинства юсуфзайских ханов и маликов подлежали периодическому обмену по жребию на равных основаниях с наделами всех других членов племени.

У юсуфзаев, как и у многих других горных афганских племен, окончательное оформление феодальных отношений относится к значительно более позднему времени, чем у соседних народов. В связи с этим и юсуфзайские феодальные княжества Дир и Сват возникли совсем недавно. Характерно, что династии правителей обоих этих княжеств ведут свое происхождение от духовных лиц. Мусульманское духовенство, влия-

---

³⁰ К. Маркс, *Черновые наброски письма к В. Засулич (8 марта 1881 г.). Третий набросок* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. XXVII, изд. 1), стр. 694. — Выделено К. Марксом. — В. Р.

³¹ Там же.

³² M. Elphinstone, *An account of the kingdom of Caubul and its dependencies in Persia, Tartary and India; comprising a view of the Afghaan nation, and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 338.

тельной частью которого были наследственные группы (корпорации) «святых» людей — сеидов, миянов и т. д., — пользовалось личной неприкосновенностью (на духовных лиц не распространялось действие обычая кровной мести) и рядом других привилегий.

* * *

Княжество Дир образовалось в конце XVIII в. Основателем его был Касим-хан из привилегированного рода пайинда-хель. Предками Касим-хана были «святые» лица — ахунды. Касим-хан приобрел много земли путем покупки и захвата у своих родственников. На свои доходы он содержал постоянное войско. Разбогатеv и усилившись, пользуясь религиозным авторитетом как потомок «святых» людей, Касим-хан, опираясь на свое войско, совершил насильственный переворот и узурпировал власть³³.

Став правителем всей долины р. Пянджоры, Касим-хан объявил всех факиров принадлежащими ему и обложил их налогом в свою пользу. Он принял суровые меры против кровной мести и распрей между родами и племенами. Многих непокорных он изгнал, а земли их захватил, присвоил себе право наказания и стал сажать своих соплеменников в тюрьму, применять телесные наказания и даже приговаривать к смерти. Касим-хан старался уничтожить внутренние раздоры, организовал полицию, завязал сношения с соседними ханами и поддерживал их в стремлении усилить власть в своих улусах. Он подчинил много деревень соседних факиров, обложив их данью.

У первого правителя княжества Дир было три сына: Азад-хан, Газан-хан и Саадулла-хан. В годы правления шаха Махмуда в Афганистане (начало XIX в.) Азад-хан убил своего отца³⁴. В свою очередь отцеубийца был умерщвлен Саадулла-ханом, но престолом завладел другой его брат — Газан-хан. Последний при этом опирался на помощь шаха Катора, правителя соседнего Читрала. В дальнейшем Газан-хан постоянно сохранял дружественные отношения с читральскими мехтарами. Генеалогия этого дирского князя была такова: Газан-хан, сын Касим-хана, сына Гулям-хана; Гулям-хан был сыном (или внуком) ахунда Иль-яса, жившего во времена Ауренгзеба, могольского падишаха Индии (1656—1707).

Газан-хан правил около 50 лет. После его смерти к власти пришел в 60-х годах XIX в. один из его сыновей — Рахматулла-хан, пользовавшийся поддержкой махараджи Кашмира. Лично обязанный махарадже, новый правитель Дира поддерживал довольно тесные связи с двором Сринагара до 1875 г.³⁵ Рассчитывая использовать эти связи, англо-индийские власти попытались установить косвенным путем свой контроль над княжеством Дир и побуждали Рахматулла-хана признать себя вассалом махараджи Кашмира. Однако эта попытка окончилась неудачей. В 1884 г. Рахматулла-хан умер. Князем Дира стал его сын Мухаммед Шериф-хан (род. в 1848 г.). Этот правитель вступил в борьбу с Аман-уль-Мульком, мехтаром Читрала, но был разбит читральцами. В 1890 г.

³³ Ibid., p. 343.

³⁴ Rajah Khan of Cabool, *Account of the Panjkora valley and of Lower and Upper Kaskhar* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XIV, 1845), p. 814.

³⁵ См.: «A collection of treaties, engagements and sanads relations to India and neighbouring countries compiled by C. U. Aitchison. Vol. XI containing the treaties & c., relating to the North-West Frontier Province Baluchistan, Jammu and Kashmir, Eastern Turkistan and Afghanistan, revised and continued to the 1st June 1906 by the authority of the Foreign department», Calcutta, 1909, p. 70—72.

Диром овладел Умра-хан, феодальный владетель соседнего Баджаура, и дирский хан вынужден был бежать в Сват. Умра-хан вначале ориентировался на Англию, поощрявшую его захваты, но затем стал склоняться на сторону афганского эмира Абдуррахмана. В 1895 г. Умра-хан вступил в вооруженный конфликт с англичанами, направившими для завоевания Читрала войска через территорию Дира³⁶. Заинтересованные в овладении путем из Пешавара в Читрал, англо-индийские колониальные власти в 1895 г. снова посадили на дирский трон Мухаммеда Шериф-хана, заключив с ним соглашение, которым предусматривалось, что хан Дира будет «держателем открытым» для англичан этот путь, ремонтировать его и охранять своими сторожевыми отрядами. За это англо-индийское правительство установило хану Дира ежегодную субсидию 10 тыс. рупий, предоставило ему 400 винтовок и обещало, «если будет необходимо», оплатить стоимость содержания сторожевых отрядов. Оно обещало также не вмешиваться в управление страной. Взамен субсидий хан Дира от своего имени и от имени своих преемников освободил торговлю по дороге на Читрал от всех пошлин и обложений. Он признал также право англо-индийских властей посылать войска на важнейшие перевалы³⁷. Таким образом, в конце XIX в. Дир стал одним из многочисленных вассальных княжеств англо-индийской колониальной империи.

Во время восстания в Свате в 1897 г. хан Дира не только удерживал подвластные ему племена от совместной борьбы на стороне других афганцев против английских завоевателей, но сражался вместе с англичанами против своих соплеменников. Непосредственным поводом к восстанию племен Свата в 1897 г. явилась агрессия Мухаммеда Шериф-хана, поддержанная англичанами. В ноябре—декабре 1898 г. отряды хана Дира отбивали атаки повстанцев на английскую военную дорогу из Пешавара в Читрал. После подавления восстания Мухаммед Шериф-хан проводил карательную политику в отношении своих подданных, выступавших на стороне повстанцев против англичан.

В награду за услуги англо-индийское правительство в июне 1897 г. присвоило Мухаммеду Шериф-хану титул наваба, а в 1899 г. повысило ему субсидию до 15 тыс. рупий в год. В начале XX в. дирский хан неоднократно посещал Индию в качестве гостя английских колониальных правителей. В 1903 г. он участвовал (наряду с сотнями других крупных и мелких вассальных князей Индии) на дурбаре, состоявшемся в Дели по случаю коронации. Приглашая своего вассала хана Дира на дурбары и увеличивая ему субсидии, англичане, однако, не допускали повторения его попыток распространять власть на племена Свата. Конечно, дело заключалось не столько в опасениях, что значительно усилится хан Дира: это был мелкий князек, не очень-то прочно сидевший на троне; хозяев он покорно слушался. Англичане, по-видимому, гораздо больше опасались повторения событий 1897 г. — дружного выступления горцев, направленного и против феодального захватчика и против его империалистических господ.

Княжество Дир в XIX — начале XX в. представляло феодальное государство, в котором высший слой господствующего класса составляли знать племен и наиболее крупные и почитаемые духовные лица, опирающиеся на сословные корпорации «святых людей». В рамках этого государства наряду с деспотической властью хана сохранялось и самоуправление племен и их подразделений. Строй этого государства не-

³⁶ Об Умра-хане и связанных с ним событиях в северной части пограничной между Афганистаном и Индией полосы племен см.: Файз Мухаммед, *Сирадж ат-Таварих*, стр. 817, 823—825, 841, 849, 1021—1022.

³⁷ «A collection of treaties...», p. 72.

сколько походил на Афганистан до преобразований Абдуррахмана или даже скорее на Афганистан времен Садозайской династии, сохранявший еще отпечаток племенного строя.

Непосредственно под деспотическим управлением князей Дира находилась сравнительно небольшая территория. Кроме того, им были подчинены на основах вассальной зависимости несколько незначительных по размеру феодальных держаний ханов, а все, что оставалось вне этого, были племена, управлявшиеся по-старому своими советами старейшин — джиргами. Есть сведения, что во время правления Газан-хана эти племена платили ему налог в размере $\frac{1}{5}$ части урожая. Для сбора налогов в селениях были поставлены от Газан-хана старшины. Эти же старшины принимали участие в делах суда и расправы, которыми ведала джирга. В случае надобности племена были обязаны посылать в распоряжение правителя свои ополчения («ляшкар»).

В населенном пункте Дир — местопребывании хана — находился постоянный гарнизон на жалованье. Воины хана назывались «тайяр-хур» (букв. «тот, кто ест готовое»). В первой половине XIX в. такое постоянное войско состояло из 400 пехотинцев и 50 всадников. Всего же дирское княжество могло, как тогда считали, выставить до 20 тыс. воинов. Прочность власти дирских ханов во многом зависела от поддержки их родом пайинда-хель, к которому они принадлежали по происхождению.

Дирский хан Мухаммед Шериф умер в 1904 г.; ему наследовал его старший сын Ауренгзеб, известный под именем Бадша-хана (1904—1925). Вступление на престол этого вассала было санкционировано англо-индийскими властями. По соглашению, подписанному 13 апреля 1905 г., Бадша-хан подтвердил основные пункты предшествующего соглашения 1895 г. Он признал установленные англичанами границы княжества Дира с Читралом и с Афганистаном, обязался воздерживаться от всякого вмешательства в дела этих соседних стран, а в случаях споров с населением, проживающим на их территориях, «следовать советам» (т. е. поступать согласно приказам) англо-индийского правительства. Особым пунктом соглашения (пункт IX) предусматривалось право английских властей регулировать количество леса, сплавляемого из Дира, и инспектировать его лесные богатства. Англо-индийские власти признали Бадша-хана правителем княжества и назначили ему субсидию 26 тыс. рупий ежегодно, из которых 10 тыс. было определено за отказ от права взимания пошлин с товаров, провозимых по дороге от Чакдарра до Ашрета³⁸.

В начале XX в. ежегодный доход казны дирских ханов определялся в 165 тыс. рупий (включая английскую субсидию). Кроме того, дирские ханы, как уже отмечалось выше, получали значительную сумму от продажи леса; размер ее исчислялся в 70 тыс. рупий в год. Бадша-хан увеличил свое войско и пытался распространить свою власть на племена Свата. Однако успехи его были невелики. Временно подчиненные племена правобережья Свата в 1915 г. восстали против его гнета. Это восстание было поддержано всеми племенами Свата. В ходе развернувшейся затем длительной борьбы против Бадша-хана власть над племенами Свата попала в руки Абдул-Вадуда, крупного феодала из духовных лиц, внука местного «святого» Абдул-Гафура. Возникло княжество Сват.

* * *

В Свате в XIX в. не установилось сколько-нибудь прочной феодальной власти местных ханов над всей долиной. «Правители Свата», о которых иногда упоминали в официальных донесениях плохо разбиравшиеся в обстановке английские чиновники и офицеры, громко величая

³⁸ Ibid., p. 182—183.

их «главами» Свата, «королями» и т. п., представляли собой вождей, выдвинувшихся на некоторое время благодаря случайному стечению обстоятельств. Власть этих вождей носила эфемерный и эпизодический характер, хотя они и назывались в Свате «падишахами». Они обычно руководили ополчениями племен в совместных военных действиях, теряя власть после окончания этих действий. Сеид-Акбар, руководитель боровшихся против английского колониального ига индийских ваххабитов, укрывавшихся в юсуфзайских горах, был признан «падишахом» благодаря поддержке «святого» Абдул-Гафура. Сеид-Акбар оставался «падишахом» Свата около семи лет (с 1850 по 1857). В дальнейшем, вплоть до установления власти Абдул-Вадуда, ни один «падишах» Свата не находился у власти столь долгое время. По-видимому, Сеид-Акбар пытался укрепить свою власть, превышая обычные prerogatives военачальника. Его сын Мубарак-Али наследовал ему, но удержался на положении светского главы Свата только две недели. Племена Свата, недовольные в свое время его отцом, восстали, и Мубарак-Али был изгнан.

Значительно большей властью пользовались среди племен Свата духовные феодалы. В конце XIX в. многочисленное духовенство афганских земель северной части пограничной полосы делилось на несколько категорий. Одну из них составляли служители культа — муллы и имамы; они получали наделы из земель племени, среди которого проживали, и добровольные подношения. Всевозможные «святые люди», составлявшие наследственные корпорации, были гораздо более влиятельными. На самом верху лестницы сообществ и потомственных привилегированных родов «святых людей» стояли сеиды, затем шли мияны и др.

Все эти «святые люди» получали земли в дар («серый») от племен. Размер земельных пожалований варьировал, как правило, в зависимости от степени «святости» категории, к которой принадлежало данное духовное лицо. Самым крупным представителем духовных феодалов Свата в XIX в. был Абдул-Гафур, известный под именем «Ахунд Свата». Он родился около 1794 г. и происходил, по данным английских авторов прошлого века, из гуджарских миянов³⁹. В детстве он был пастухом, затем избрал себе духовную деятельность, учился богословию, прожил долгое время отшельником на одном из островов Инда. Завоевав авторитет и славу «святого», он поселился в Бунере, а затем перебрался в Сват, где избрал себе постоянным местом жительства деревню Сайду-Шариф (впоследствии резиденция его потомков — князей Свата). Здесь он женился на афганке из некви-хель, подразделения юсуфзайского племени акозаев. В деревне Сайду-Шариф вокруг «святого» собирались толпы учеников-мюридов. Абдул-Гафур пользовался авторитетом не только во всей долине Свата, но и среди всех афганских племен; о нем знали и в Иране. Он давал предписания и постановления религиозного характера, касающиеся выполнения обрядов и т. п., но нередко вмешивался и в мирские дела — политические и торговые, хотя и не всегда в этих случаях племена ему повиновались. Есть сведения о том, что он боролся с кровной местью, вмешивался в феодальные распри, стараясь примирить стороны и т. п.

Во время народного восстания 1857—1859 гг., которое потрясло колониальное владычество англичан в Индии, Абдул-Гафур настоял на отказе юсуфзайских племен предоставить убежище восставшим индийским сипаям из 55-го туземного полка.

³⁹ По позднейшей версии Абдул-Гафур происходил из кандагарских сафи, связываемых генеалогически с афганскими племенами (см.: عبد الروف بينوا پستونستان،

Единственный раз, когда Абдул-Гафур выступил против англичан — во время Умбельской кампании 1863 г., вызванной их походом в юсуфзайские горы; он был вынужден сделать это, так как боялся в противном случае потерять свое влияние среди племен.

Как только военные действия закончились, ахунд вернулся к прежней своей политике нейтралитета в отношении англичан и никогда больше до самой своей смерти (1877 г.) не вмешивался в вооруженную борьбу, которую афганские пограничные племена продолжали вести против британских завоевателей.

После смерти Абдул-Гафура остались два его сына, известные под почетным религиозным прозвищем миян-гулей. Один из них, Абдул-Манан, сразу же после смерти отца был вовлечен в борьбу с ханом Дира за преобладающую роль в делах Свата. В 1883 г. он утвердил свою власть в Свате; как правитель он был известен под именем Миян-Гуля. В борьбе за преобладание ему помогли имя и религиозный авторитет отца, а также реальная военная помощь, которую он получил от хана Баджаура. Каков был характер его власти и насколько она была прочна, неясно. В 1887 г. он умер. Младший сын ахунда Абдул-Халик не притязал на светскую власть, он пользовался известным религиозным авторитетом, но далеко не в той степени, как его отец.

В 1915 г., когда началась борьба племен правобережья Свата против ига дирского хана, во главе ополчений сватских юсуфзаев стоял Абдул Джабар-шах. Сыновья Абдул-Халика, Абдул-Вадуд и Абдул-Манан (по прозвищу Ширин) переметнулись сперва на сторону дирского хана и были изгнаны повстанцами из своего наследственного местопребывания (деревня Сайду-Шариф). Видимо, в ту пору Абдул-Вадуду не было еще ясно соотношение сил. Впоследствии братьям удалось возвратиться в Сайду-Шариф, Абдул Джабар-шах проявил себя неудачливым полководцем и в 1917 г. был выпровожен жителями Свата из своей страны под конвоем; во главе ополчений Свата оказались Абдул-Вадуд и Ширин. В 1918 г. Ширин был убит в сражении с войсками хана Дира, и Абдул-Вадуд остался единственным «падишахом», т. е. военным руководителем ополчений племен Свата. В ходе вооруженной борьбы Абдул-Вадуду удалось создать постоянное войско и ядро лично преданных ему начальников отрядов. Попытки Бадша-хана восстановить утраченную власть над племенами правобережья Свата закончились полным поражением дирских войск в долине Харнавай в 1919 г., после чего Абдул-Вадуд оккупировал часть территории Дира. Вооруженная борьба между феодальными правителями Дира и Свата продолжалась в течение 1919—1922 гг.

Таким образом, в опасные для владычества английских империалистов годы подъема национально-освободительной борьбы народов Востока, обусловленного могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, на северном участке пограничной полосы Индии шла междоусобная война, в которую была вовлечена большая часть горных юсуфзайских племен. Эту войну английские империалисты считали во всех отношениях очень выгодной для себя. Она отвлекала юсуфзайские племена от участия в национально-освободительной вооруженной борьбе других афганцев против колонизаторов.

Возможность восстания по всей границе в те годы расценивалась англо-индийскими чиновниками как серьезная угроза их господству в Индии, где в результате подъема национально-освободительного и массового демократического движения создавалась революционная ситуация. Одним из важнейших очагов революционного подъема в Индии был Пенджаб, расположенный по соседству с пограничной полосой.

Только в 1922 г. англо-индийские власти решили прекратить затянувшуюся борьбу между феодалами Дира и Свата. По их приказу Абдул-Вадуд и Бадша-хан взаимно обязались не вмешиваться более в дела друг друга.

К 1922 г. Абдул-Вадуд полностью установил свою власть над всеми племенами Свата. Многие ханы были уничтожены или изгнаны; оставлены были только те, которые проявили себя верными сторонниками Абдул-Вадуда в ходе его борьбы за власть.

Британским колонизаторам образование феодального княжества в Свате на месте прежней вольницы племен было выгодно. В лице Абдул-Вадуда они приобрели нового вассала на одном из важных стратегических форпостов северо-западной границы Индии. Они оказывали ему поддержку и побуждали его к захватам территорий соседних со Сватом племен, сохранявших еще независимость. При этом англичане несколько ограничивали захватнические устремления сватского князя, чтобы он не слишком усилился и не мог угрожать племенам левобережья Инда, среди которых англо-индийским чиновникам уже удалось укрепить свое влияние.

В 1922 г. Абдул-Вадуд начал завоевательные походы в районы верховьев р. Сват, в сватский Кохистан. Его войска заняли часть Кохистана до Пешмаля и подошли к деревне Калам, расположенной в долине, славящейся ценными лесами. Из-за этой долины разгорелся спор между феодальными правителями Свата и Читрала. Вмешательство англо-индийских властей предотвратило вооруженное столкновение. По их указанию местность Калам была признана «ничьей землей»: наваб Дира, мехтар Читрала и правитель Свата взаимно обязались не предъявлять притязаний на эту долину, лежащую там, где сходятся границы трех княжеств.

В конце 1922 г. угроза еще неокрепшей власти Абдул-Вадуда создавалась со стороны племен Бунера, ополчения которых готовились к совместному выступлению против сватского князя. Во главе этих ополчений стоял Абдул Джабар-шах, давний соперник Абдул-Вадуда.

Однако правитель Свата удалось склонить на свою сторону часть племен Бунера. Подготовив почву, он в апреле 1923 г. направил в Бунер значительное по местным масштабам войско во главе со своим визирем. Бунер и Чамла были оккупированы без единого выстрела и присоединены к владениям сватского князя⁴⁰. Одновременно с присоединением Бунера и небольшой долины Чамла Абдул-Вадуд направил свои войска на покорение юсуфзайских племен горных областей, расположенных между реками Индом и Сватом, и овладел их землями. Реку Инд ему было запрещено переступать.

Таким образом, англо-индийские власти помешали дальнейшему распространению власти Абдул-Вадуда на племена «Черных гор» левобережья Инда. В 1925 и 1926 гг. продолжались завоевательные походы сватского князя в горные области (Кохистан), расположенные между Сватом и Кашмиром.

В 1923—1926 гг. окончательно установились границы княжества Сват, включавшего, кроме бассейна одноименной реки, часть Кохистана, области между реками Индом и Сватом, Бунер, Чамлу и некоторые другие горные районы. 3 мая 1926 г. между англо-индийским правительством и Абдул-Вадудом был заключен договор «о взаимной дружбе».

По этому договору Абдул-Вадуд принял обязательства: 1) о службе англичанам, о поддержке их и о лояльности по отношению к ним;

⁴⁰ W. R. Hay, *The Yusufzai state of Swat*, p. 240.

2) о предотвращении нападений своих подданных на англо-индийские территории, 3) о запрещении «разбойникам» укрываться в подвластных ему землях, 4) о недопущении использования территории Свата как базы для антибританской пропаганды и 5) о невмешательстве в дела соседних юсуфзайских племен, княжества Дира, а также территорий Кохистана, служивших яблоком раздора между правителями Свата, Дира и Читрала. Абдул-Вадуд обещал заключить с англичанами соглашение об использовании лесных богатств подвластных ему земель (пункт 6 договора).

Взамен этого англичане признали за Абдул-Вадудом титул «вали» (правителя), назначили ему субсидию 10 тыс. рупий ежегодно и обещали свою поддержку с оговоркой, что эта поддержка не будет заключаться в военной помощи войсками (пункты 7 и 8 договора) ⁴¹.

Договор о «взаимной дружбе», заключенный англичанами с князем Свата, представляет собой типичный пример неравноправных соглашений, устанавливавшихся британскими колонизаторами с правителями феодальных княжеств Индии.

В 1933 г. англо-индийские власти официально признали Абдул-Хакка (известного под прозвищем Джеханзеб), старшего сына сватского князя, наследником престола, санкционировав таким образом «законность» династии Абдул-Вадуда.

Приход Абдул-Вадуда к власти был связан с борьбой против родоплеменных порядков самоуправления и сопровождался истреблением многих прежних ханов. До того как вали Свата укрепил свою власть, каждый член племени имел оружие и был обязан своему хану или племени выступать с оружием в руках в случае надобности. По-видимому, у зависимых земледельцев-факиров, как и в XIX в., также сохранялось оружие.

Когда Абдул-Вадуд почувствовал себя достаточно сильным, он отнял оружие у всех своих подданных, за исключением одного-двух пограничных пунктов, где имелась опасность извне.

Лучшая часть отнятого оружия была распределена между людьми, набранными в гарнизоны многочисленных крепостей, построенных Абдул-Вадудом по всей стране (эти гарнизоны были предназначены выполнять функции полиции) ⁴². Остальное оружие было роздано «отдельным людям, проживающим в деревнях, которые должны выступать в случае необходимости по призыву властей» ⁴³.

Впервые на северо-западной границе Индии англичанам удалось провести (руками Абдул-Вадуда) разсужение около ста тысяч горцев. Насколько оно было действительно полным — сказать трудно. Но во всяком случае, даже если кое-где часть оружия и была припрятана, факт остается фактом: именно в Свате было впервые осуществлено то, что всегда признавалось английскими колонизаторами необходимым условием «замирения в полосе независимых племен».

Абдул-Вадуд запретил дальнейшее проведение обычая веш в княжестве Сват ⁴⁴. Это административное мероприятие было направлено, конечно, к выгоде знати и зажиточных общинников.

⁴¹ См.: «A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries», compiled by C. U. Aitchison..., 5th ed., Calcutta, 1933, vol. XI, p. 450—451.

⁴² В то же время было уничтожено большинство укреплений прежних ханов племени.

⁴³ W. R. Hay, *The Yusufzai State of Swat*, p. 245.

⁴⁴ W. Barton, *India's North-West frontier*, London, 1939, p. 36.— Исключение было сделано только в отношении рисовых полей.

Возникновение княжества Сват является примером очень позднего по времени создания феодального государства, получившего поддержку европейских колонизаторов. История этого княжества показывает, как империалисты используют в странах Востока феодальные элементы, сохраняя, когда это им выгодно, пережитки средневековья и самые архаические порядки, сочетающиеся иногда с поставленной колонизаторами современной техникой. Англичане постарались укрепить власть князя Свата, построив в его владениях дороги и проведя «телефонизацию» его государства. Столичная деревня Сайду-Шариф была соединена проволочными линиями с самыми отдаленными горными ущельями. Абдул-Вадуд получил возможность управлять своими подданными по телефону, давая устные приказания хакимам (губернаторам) и начальникам гарнизонов.

Князя Дира и Свата были верными вассалами английских колониальных властей. Но население этих княжеств в течение многих десятилетий принимало участие в борьбе других афганских племен пограничной полосы Индии против британского владычества. В восстании 1895—1897 гг., охватившем всю северо-западную границу Индии, одним из главных очагов был Сват. В начале XX в. в течение ряда лет англо-индийские власти оценивали положение в Свате как одну из самых серьезных угроз для колонизаторов в пограничной полосе. В дальнейшем население княжеств активно поддерживало национально-освободительную борьбу афганцев Пешаварской области, достигшую наибольшего размаха в конце 20 — начале 30-х годов. В эти годы среди некоторых афганских племен пограничной полосы происходили выступления, имевшие ярко выраженный антифеодальный характер. Таким было восстание 1932 г. в княжестве Дир, где повстанцы выступили против наваба и наиболее ненавистных его чиновников, одновременно выдвигая и антибританские лозунги⁴⁵. Причины, вызывавшие антифеодальные восстания трудящихся в Свате и Дире, коренятся в тяжелом положении крестьянства, в усилившемся феодальном гнете и эксплуатации земледельцев и скотоводов.

На жизни населения Свата уже в XIX в. тяжело сказывалось малоземелье. Земледельцы Свата перепахивали родовые кладбища, превращая их в засеянные поля. Рассказывали, будто, вспахивая кладбища, они обращались к покойникам с такими словами: «Смотрите, поджимайте ноги, плуг идет!!» Уничтожение могил — действие, несовместимое с традициями и с религиозными представлениями афганцев, — можно объяснить только очень вескими причинами. Путешественник-мусульманин, который побывал в Свате в 1858 г., пришел в ужас от такого кощунства, но сумел заметить реальные обстоятельства, побуждавшие юсуфзайских пахарей нарушать покой мертвых. Превращение кладбищ в пашни он объяснял прежде всего недостатком земли для многочисленного населения Свата⁴⁶. Это объяснение было принято и русским этнографом XIX в., составителем заметки о юсуфзаих⁴⁷. Причины сильного малоземелья кроются в общественных отношениях, в характере землевладения у племен Свата, при котором зависимые факиры были вовсе лишены земли и вынуждены получать участки для обработки на кабальных условиях издольной аренды, а также усиливавшимся неравенством

⁴⁵ Об этом восстании см.: Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной полосе Индии (1914—1947 гг.)*, стр. 175.

⁴⁶ H. G. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwat...*, p. 266.

⁴⁷ «Страна юсуфзаев» («Географические известия», 1873, № 6), стр. 17—18.

земельных наделов среди юсуфзаев и значительно возросшим в конце XIX — начале XX в. ханским землевладением. Имущественное неравенство среди племен долины Свата в 30-х годах XX в. достигло весьма большой степени. О малоземелье и бедственном положении рядовых членов юсуфзайских племен и факиров (арендаторов) говорят выборочные данные об обеспеченности земель и скотом по восьми деревням Свата, приведенные в таблице.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ХОЗЯЙСТВ СВАТА ЗЕМЛЕЙ И СКОТОМ *

Число хозяйств	Количество земли на хозяйство в га	Скота на хозяйство		Примечание
		крупного	мелкого	
20	2,5	5	3	
18	0,2	8	10	
150	0,3	0,9	2,3	
18	0,5	2	—	3 арендатора
70	0,1	0,4	0,7	
80	0,1	1	1	
25	0,5	3	1	
10	0,7	4	—	10 арендаторов
391	0,36	1,4	2	

* Данные взяты из кн.: И. Маздур, *Аграрный вопрос и крестьянское движение на северо-западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан)*, М., 1933, стр. 56.

* * *

До 1947 г. правители Дира и Свата были вассалами англичан, а при создании Индийского и Пакистанского государств оба они признали свою вассальную зависимость от Пакистана и право его правительства держать войска на территории их владений. В октябре 1955 г. существованию княжеств Дир и Сват юридически был положен конец в результате принятия в Пакистане закона об объединении Пенджаба, Синда, Северо-Западной пограничной провинции и других прежних административных единиц Западного Пакистана, равно как и всех находящихся на его территории княжеств, в одну новую провинцию — Западный Пакистан⁴⁸. Административные изменения в Пакистане, в связи с которыми княжества Дир и Сват исчезли с политической карты, отмечены в географических журналах⁴⁹. Осуществление административной реформы в Западном Пакистане, с чем связана история областей Дир и Сват в наши дни, выходит за рамки темы данной статьи. Приведем некоторые сведения об административном устройстве княжеств Дир и Сват в последние годы их существования. После вхождения Дира в состав Пакистана

⁴⁸ См.: «The Pakistan times», 1955, 15 and 16 October.

⁴⁹ См., напр.: «Geographische Rundschau» (Zürich—Wien), 1956, № 2, S. 79.

правитель этого княжества, каковым в 1951 г. был наваб Мухаммед Шах Джехан-хан (Хан-Бахадур), осуществлял власть над своими владениями единолично, визирей у него не было⁵⁰. Опорой его власти служило сильное ополчение. В Свате до самого недавнего времени существовало административное устройство, созданное Абдул-Вадудом, правившим до 1949 г. После отказа его от престола вали Свата стал его сын Миянгуль Абдул-Хакк Джеханзеб (с 11 декабря 1949 г.)⁵¹.

В административном отношении княжество Сват было разделено Абдул-Вадудом в начале его правления на четыре провинции: 1) собственно Сват, 2) Бунер, 3) область манданов (крупная ветвь юсуфзаев), 4) местности между хребтом, ограничивающим долину Свата с востока, и р. Индом. Административное деление княжества было осуществлено частично по территориальному, но в основном еще по родо-племенному принципу. Конечно, политический переворот, совершенный Абдул-Вадудом, не мог отменить существования родо-племенных связей, еще далеко не полностью сменившихся территориальными у юсуфзаев гор.

Собственно Сват был разделен на одиннадцать тахсилей, девять из которых носили названия подразделений племени акозаев. Территории этих девяти тахсилей точно совпадали с землями одноименных акозайских родо-племенных подразделений. Остальные два тахсила включали в себя подвластную правителю Свата часть Кохистана. Бунер был разделен на пять тахсилей, а область манданов — на два, образованных также по родо-племенному принципу; третий тахсиль этой области (Чамла) был создан по территориальному признаку, так как население этой долины уже в XIX в. было чрезвычайно смешанным и состояло из представителей всех манданских подразделений. Область между Сватом и Индом составлялась из семи тахсилей, образованных, по-видимому, по территориально-географическому принципу.

Вали Свата Абдул-Вадуд, являясь неограниченным деспотическим правителем, имел в своем распоряжении трех помощников. Этими помощниками были визирь, сипах-салар и наследник («вали-и-ахд»). Визирь занимался делами административными и судебными, сипах-салар — военными, а наследник — финансовыми⁵². Правосудие осуществлялось по обычаям племен. Когда вали подчинял себе новую территорию, он созывал местных старшин, обычаи данного племени («ривадж») записывались, и этому обычному праву следовали затем при разрешении дел, имеющих чисто местное значение. Преступлениями против государства, а также преступлениями, направленными против безопасности (как грабеж на больших дорогах), занимался, как правило, лично вали. Доход казны Абдул-Вадуда составлялся из «ушра» (десятины) — налога на хлеб и другие продукты сельского хозяйства, а также от пошлин на ввоз и вывоз. Ушр в 20—30-х годах XX в. собирался натурой, натурой же преимущественно оплачивались государственные служащие, солдаты и офицеры (за исключением высших военных чинов).

Средний годовой доход казны составлял в 30-х годах около 12 лакхов рупий (т. е. примерно 90 тыс. ф. ст.), а в 1953/54 г. определялся примерно в 3 млн. пакистанских рупий⁵³. По утверждению пешаварского корреспондента газеты «Пакистан таймс», ежегодные расходы пра-

⁵⁰ «The Indian and Pakistan year-book and who's who» [s. 1.]; 1951, vol. XXXVII, p. 705.

⁵¹ Ibid., p. 705.

⁵² W. R. Hay, *The Yusufzai state of Swat*, p. 244.

⁵³ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.], p. 264.

вителя Свата на здравоохранение составляли 400 тыс. рупий и на образование 600 тыс. рупий ⁵⁴.

В 1954 г. в Свате насчитывалось около 15 тыс. учащихся, из них 285 девочек. Имелось свыше 50 школ различных типов, один колледж и два религиозных училища «дар-ул-улум» ⁵⁵.

Развитие капиталистических отношений затронуло в последние десятилетия и такие пограничные горные области, как Дир и Сват. Можно полагать, что этот процесс происходил интенсивнее в Свате — районе более богатом, гуще населенном и теснее связанном с внешним миром, чем Дир. У нас нет достаточных данных для сколько-нибудь полной характеристики социально-экономических изменений в Дире и Свате, еще несколько лет назад называвшихся в пакистанской печати «островами примитивного феодализма». Имеющиеся сведения позволяют судить, в частности, о приобщении местной знати к капиталистическому предпринимательству. Отметим только один довольно примечательный факт. Последний князь Свата выступает в качестве президента сахарной компании «Праймер шугар Милз» в Мардане (Пешаварская долина) ⁵⁶.

---

⁵⁴ «The Pakistan times», 1954, 14 August.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ См.: В. Г. Растяников, С. А. Кузьмин, *Проблемы экономики Пакистана*, М., 1958, стр. 104. — Завод этой компании по сведениям 1955—1957 гг. был крупнейшим предприятием сахарной промышленности в Пакистане; на нем работало около 1100 рабочих, и он давал примерно третью часть сахара фабричного производства в стране.

Б. А. Вальская

**БОРЬБА Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ ЗА ПРАВА ПАПУАСОВ
БЕРЕГА МАКЛАЯ**

Великий русский путешественник и гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай свыше пятнадцати лет своей короткой жизни вел борьбу за человеческие права папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее.

Мировоззрение Миклухо-Маклая формировалось в тот период, когда в России происходил подъем революционного движения, вызванный протестом народных масс против крепостнической крестьянской реформы 1861 г.

За участие в студенческой сходке Миклухо-Маклай был исключен из С.-Петербургского университета и вынужден поехать учиться за границу. Находясь вдали от родины, Миклухо-Маклай внимательно следил за событиями в России. В 1864 г., будучи в Германии, он узнал из письма матери об акте гражданской казни Н. Г. Чернышевского и ссылке его в Сибирь. Миклухо-Маклай попросил прислать ему портрет Чернышевского, с которого сделал карандашный набросок. В библиотеке Николая Николаевича имелся роман Чернышевского «Что делать?», а в архиве путешественника сохранились выписки из него, а также из произведений социалиста-утописта Сен-Симона.

В 1865 г. Миклухо-Маклай писал: «Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях; у меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным»¹.

Еще в 1871 г., во время первого путешествия на Новую Гвинею, Миклухо-Маклай наблюдал на некоторых островах Тихого океана процесс насильственного обезземеливания коренных жителей и превращения их в рабов. Пребывание же в северо-восточной части Новой Гвинеи, посещение Явы, Филиппинских островов и некоторых других дало путешественнику возможность изучить условия жизни коренного населения и оценить ту угрозу, которую представляли для него империалистические государства, заканчивавшие раздел мира и жадно расхватывавшие еще не поделенные территории.

В 1874 г. Миклухо-Маклай посетил западный берег Новой Гвинеи (Папуа-Ковийай); здесь он стал свидетелем постоянных войн, грабежей и похищения людей вооруженными экспедициями. Миклухо-Маклай в

---

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо неизвестной, 7 января 1865 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 13.

особом меморандуме поставил перед губернатором Нидерландской Индии вопрос о создании «маленького европейского поселения, достаточно сильного для того, чтобы поддерживать справедливость и наказывать виновных»². Русский путешественник хотел сам поселиться в этой части Новой Гвинеи, основать колонию и «побудить туземцев переменить образ жизни и взаимные отношения между племенами, последствием чего было бы прекращение частых войн, прекращение похищения и торговыми людьми»³. Миклухо-Маклай наивно полагал, что своим обращением он сможет улучшить положение населения Папуа-Ковиай. Но голландское правительство отклонило предложение русского путешественника.

В октябре 1875 г. в связи с намерением Англии занять восточную половину Новой Гвинеи, в том числе и Берег Маклая, Николай Николаевич в письме в Русское Географическое общество писал, что он не может «остаться спокойным зрителем этой аннексии», так как обещал помочь папуасам, если им будет угрожать европейская колонизация. В этом письме он впервые ставит вопрос о том, чтобы Россия оказала покровительство папуасам Берега Маклая и чтобы его протест был поддержан русским правительством⁴.

При этом Миклухо-Маклай имел в виду, что русское правительство установит протекторат над частью Новой Гвинеи и папуасы через его посредство подчинятся «некоторым международным обязательствам», а в случае насилия со стороны европейских колонизаторов будут иметь в лице России «законного могущественного покровителя».

Только в январе 1878 г. путешественник узнал, что его предложение было отвергнуто. Возражая против отрицательного ответа «высшей инстанции» по мотивам «отдаленности страны и отсутствия в ней связи с русскими интересами», Николай Николаевич писал, «что „отдаленных“ стран уже теперь почти не существует, а тем более в будущем; что, кроме *русских*, есть еще общечеловеческие интересы, которые по своей значительности только в исключительных случаях под силу одиноким личностям и которые должны становиться делом просвещенных и гуманных правительств»⁵.

Следует отметить, что отказ «высшей инстанции» не был полной неожиданностью для путешественника, который еще раньше твердо решил «*один и без ничьей помощи*»⁶ защитить своих черных друзей в случае вторжения европейских колонизаторов. Об этом Миклухо-Маклай писал в 1876 г. в своем знаменитом письме (А. А. Мещерскому), отрывок из которого просил опубликовать в газете «Голос» и «Известиях Русского географического общества». К сожалению, письмо путешественника тогда не было опубликовано.

В июне 1876 г. Миклухо-Маклай во второй раз посетил Берег Маклая с целью «не допустить, насколько оудет возможно, чтобы столкновение европейской колонизации с черным населением имело бы *слишком гибельные* последствия для последних (как, например, это случилось в

---

² Н. Н. Миклухо-Маклай, *О политическом и социальном положении папуасов берега Папуа-Ковиай на юго-западном побережье Новой Гвинеи* (Собрание сочинений, т. III, ч. 1, М.—Л., 1951), стр. 205.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо секретарю Русского Географического общества. 10 ноября 1874 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 109.

⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо П. П. Семенову [16] 28 октября 1875 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 122—123.

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо П. П. Семенову. 29 января 1878 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 152—153. — Здесь и в других высказываниях Миклухо-Маклая подчеркнуто им самим.

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо А. А. Мещерскому. 17 марта 1878 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 132.

Тасмании, продолжается в Австралии и будет, вероятно, на островах Фиджи)».

«Я надеюсь, — писал он, — что общественное мнение *всех честных и справедливых* людей будет для моего дела достаточным *покровительством и охраною* против *бесправных* притязаний правительств и против *несправедливых и насильственных* поступков разных европейских эксплуататоров и искателей обогащения и личных выгод всеми средствами и путями»⁷. Для сохранения независимости Берега Маклая Николай Николаевич решил организовать Папуасский союз.

В ноябре 1877 г. Миклухо-Маклай покинул Новую Гвинею. Перед отъездом он собрал папуасов (от каждой деревни самого старого и самого молодого) и предупредил их о грозящей опасности в случае прибытия на остров европейских колонизаторов и работорговцев. Николай Николаевич рассказал им о губительной силе огнестрельного оружия и советовал «при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы».

Из Новой Гвинеи путешественник направился в Сингапур, где тяжело заболел. Вернувшись по совету врачей в августе 1878 г. в Сидней, Миклухо-Маклай узнал, что австралийцы хотят захватить часть Новой Гвинеи. Берег Маклая опять был в опасности.

В январе 1879 г. Миклухо-Маклай послал открытое письмо Артуру Гордону — губернатору Фиджи и британскому комиссару западной части Тихого океана. Он обращал внимание Гордона на «опасность, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости». «Когда я высадился в Новой Гвинее в 1871 г. для научных изысканий, — писал далее Миклухо-Маклай, — сперва обстоятельства, а затем желание изучить первобытную расу поставили меня в очень близкие отношения с туземцами северо-восточной Новой Гвинеи, где я высадился. Посредством терпения и очень дружественного и справедливого отношения я добился полного доверия туземцев, которые в течение ряда месяцев обходились со мной далеко не ласково. Овладение языком папуасов дало мне возможность изучить их нравы и обычаи. Прожив около трех лет среди этих людей, я имел время судить об их характере и способностях и принимаю серьезное и незаинтересованное участие в их судьбе, особенно предвидя, что нашествие белой расы в Новую Гвинею может легко и почти наверное привести к ряду весьма печальных катастроф.

Я думаю, однако, что много возмутительных несправедливостей, совершенных сильными над слабыми, могли бы быть предупреждены, если бы правительства цивилизованных народов, не презрев дела справедливости, подтверждали и заставляли увидеть самые простейшие основы права человека и международного права».

С полным знанием фактов путешественник доводил до сведения Гордона, что жители Берега Маклая, «будучи земледельческим и многочисленным народом (около 15—20 тысяч человек по меньшей мере), тесно связаны с землей, которую они обрабатывают... Нашествие чужеземцев, которые пожелают захватить землю, уже занятую и обрабатываемую в течение веков, поставит жителей побережья между оружием белых и обитателями гор, которые не захотят уступить свою землю. Убийства и войны без конца будут иметь место»⁸.

⁷ Там же, стр. 133.

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Открытое письмо Артуру Гордону. 23 января 1879 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 176—177.

На основании изложенного Миклухо-Маклай просил Гордона, чтобы английское правительство: «1) признало полное право туземцев Новой Гвинеи (Берега Маклая) на их землю; 2) запретило или сделало невозможным... ввоз и продажу туземцам спиртных напитков, оружия и пороха»⁹. Позднее Миклухо-Маклаю по поводу его письма Артуру Гордону «не раз приходила на ум мысль», что его «увещания пощадить „во имя справедливости и человеколюбия“ папуасов походят на просьбу, обращенную к акулам не быть такими прожорливыми!»¹⁰

8 апреля 1881 г. Николай Николаевич послал коммодору австралийской морской станции свой протест по поводу вывоза рабов из Новой Гвинеи в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа и Квинсленд. Миклухо-Маклай считал необходимым добиться международного соглашения против шкиперов и торговцев, которые, плавая под британским флагом у новогвинейских берегов, занимаются похищением людей, работорговлей и убийствами.

«...Благодаря моему положению, — писал он, — беспристрастного зрителя в Океании в течение почти одиннадцати лет, всегда ищущего истину и видящего вещи в их собственном свете, без предубеждения против расы, профессии или рода работы, я пишу эти замечания, выполняя долг по отношению к человечеству...»¹¹

13 апреля 1881 г. русский путешественник написал свое второе письмо Артуру Гордону в связи с выдвинутым газетой «Литтлтон таймс» планом поселения на Берегу Маклая. Он вновь напомнил Гордону о бесспорных правах туземцев на землю, о том, что «общее согласие на продажу земли чужеземцам мало вероятно», и вообще «туземцы не имеют представления об абсолютном отказе от своей земли...» «Будет ли справедливым делом со стороны так называемого цивилизованного народа умышленно выманивать у своих простодушных ближних ценное имущество за несколько бутылок рома, старых гвоздей и „торговых“ топоров?»¹²

Николай Николаевич настойчиво повторял свою просьбу, изложенную 23 января 1881 г., об уважении прав туземцев на землю и недопущении ввоза спиртных напитков.

В сентябре 1882 г., после неоднократных и безуспешных попыток побудить британское правительство предотвратить ликвидацию самостоятельности Берега Маклая и уничтожить рабство и людокрадство на островах Тихого океана, Миклухо-Маклай вернулся в Россию.

Вскоре, уже в Петербурге, он получил письмо от крестьянина села Могрино Новгородской губернии Ивана Александровича Киселева, которое заставило путешественника глубоко задуматься, но уже не о народах Океании, судьба которых его так волновала, а о положении русского крестьянства.

Киселев писал о своих «непреодолимых стремлениях» к переселению, «хотя бы на необитаемые острова Океании», потому что «бедняк везде находит один лишь ад на земле». «Настоящие экономические и финансовые условия большинства государств... — писал он, — не регулируют народное благосостояние, а, напротив, скорее способствуют к обогащению уже капитальных единиц и к обеднению тысяч людей...»

⁹ Там же, стр. 178.

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Пребывание в Сиднее (от августа 1878 г. по март 1879 г.)* (Собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1950), стр. 443.

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Коммодору австралийской морской станции. 8 апреля 1881 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 194.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо Артуру Гордону. 13 апреля 1881 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 194—195.

«Чем более и глубже вдумываешься да всматриваешься к хитропридуманным условиям европейской жизни, тем более разочаровываешься, видя, что массы бедняков существуют для единиц...» Далее Киселев пишет о «невыносимом нравственном давлении» на бедняков, которое существовало в России. «Ни покровительства закона, ни уважения к личности бедняка, ни к его честному труду — ничего подобного не существует...» И он приходит к выводу, что «для бедных, но честных и мыслящих тружеников, желающих устроить жизнь на новых началах, без золотого кумира, самое лучшее средство... — переселение, хотя бы на необитаемые, но производительные острова Океании, где бы, прилагая тот же труд, что и в пресловутой Европе, возможно было сыто, приятно и независимо существовать...»¹³

После этого письма у Николая Николаевича еще больше окрепла мысль об организации на островах Тихого океана русской колонии, в которой на демократической основе, без помещиков и капиталистов, соединились бы интересы переселенцев и туземцев.

Но трагедия Миклухо-Маклая состояла в том, что он был утопистом и верил, что создание такой колонии можно было осуществить в условиях капиталистического строя и даже с помощью русского царя Александра III.

В ноябре 1882 г. Миклухо-Маклай был в Гатчине, в резиденции Александра III, и имел с ним беседу. После этого он несколько раз встречался с управляющим морским министерством И. А. Шестаковым. Миклухо-Маклаю удалось убедить Александра III и Шестакова отправить на Берег Маклая русскую эскадру.

6 ноября 1882 г. Шестаков записал в своем дневнике: «Сговорившись с Маклаем, велел написать корвету „Скобелеву“ идти в Сидней и быть там в исходе марта, взять Маклая, идти с ним на Адмиралтейские острова, в бухту Астролябия и на острова Пелью, где встретиться с „Африкою“, передать ей Маклая, а сам пойдет к Копытову. „Африке“ быть в марте на Пелью, взять там Маклая, осмотреть острова Пелью, Адмиралтейства и Берег Маклая и, высадив самого путешественника в Торессовом проливе, следовать в Россию»¹⁴.

В ноябре 1882 г. Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. На пути в страны Тихого океана он посетил Европу. 27 декабря в Париже Николай Николаевич встретился с И. С. Тургеневым. В своих воспоминаниях путешественник пишет, что Тургенев «был по обыкновению добр и радушен, расспрашивал о моих путешествиях и планах на будущее...»¹⁵

По просьбе Миклухо-Маклая Тургенев написал П. Л. Лаврову письмо, в котором просил доставить Николаю Николаевичу брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и перенесенных ими там страданиях»¹⁶.

10 февраля 1883 г. русский путешественник на пути в Сидней заехал на голландском пароходе в Батавию и неожиданно встретил на рейде русский корабль «Скобелев», на котором находился командующий отрядом русских судов Тихого океана контр-адмирал Н. В. Копытов. 12 февраля 1883 г. «Скобелев» отправился к Берегу Маклая. Копытов был очень доволен встречей с Николаем Николаевичем, так как теперь кор-

¹³ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21, лл. 11—13.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, № 2, л. 6.

¹⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Воспоминания о Тургеневе* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 421.

¹⁶ И. С. Тургенев, *Письмо П. Л. Лаврову, 27 декабря 1882 г.* (Собрание сочинений, т. XII, М., 1958), стр. 576.

вет, не заходя в Сидней, мог следовать на Берег Маклая прямо из Батавии.

Копытов высоко ценил знания и опыт великого русского путешественника. Он считал полезным опубликовать отдельной брошюрой письма Миклухо-Маклая об островах Тихого океана, напечатанные в «Известиях Русского Географического общества», и «выдавать на суда, плавающие в Тихом океане, так как у нас сведений о них почти нет».

«Мне в то же время особенно приятно, — писал Копытов, — встретиться со столь знаменитым и просвещенным русским путешественником и провести некоторое время в обществе столь интересного современного лица как г. Миклухо-Маклай».

Несомненно, что его возвышенная предприимчивость возбудит многих последователей в среде наших ученых и такого рода путешествия не будут составлять в будущем случаев исключительных»¹⁷.

5 марта 1883 г. корвет «Скобелев» был уже в бухте Астролябия на Новой Гвинее. «Жители, — писал Копытов, — насколько умели, старались быть приветливы и по-видимому были довольны посещением корвета. При мне в деревне им были розданы г. Миклухо-Маклаем подарки предметов, купленных по моему распоряжению в Гонконге и Макассаре, доставившие им видимое удовольствие. Для водворения дружественных сношений и для разведения у них полезных домашних животных, по просьбе г. Миклухо-Маклая, я, как уже выше упоминал, разрешил купить в Амбонне быка, корову, козла и двух коз. Эти животные им ранее не были известны, и по свode их на берег они перепугали жителей, так что нашим матросам пришлось самим привести их на место в деревню. Г-н Маклай объяснил папуасам уход за ними»¹⁸.

7 марта корвет вошел в гавань Алексея. Острова, расположенные вокруг гавани (Архипелаг Довольных Людей), были нанесены на карту пунктиром, и неправильно. «Никакое европейское судно, — писал Копытов, — еще не посещало этих островов, и потому на другой день с рассветом было приступлено к их съемке и промеру рейда»¹⁹.

Во время третьего, очень короткого пребывания на Берегу Маклая, Николай Николаевич узнал от папуасов, что в его отсутствие берег посетили английские работоторговцы. Они насильно вывезли папуасов в Австралию и на некоторые острова Тихого океана. Многие были убиты; деревни разрушены.

11 марта 1883 г. корвет взял курс к островам Адмиралтейства и достиг их 13 марта. От жителей этих островов, как писал Копытов, Миклухо-Маклай узнал, что за четыре месяца до его посещения здесь были американские и германские суда. Над местными жителями была устроена «экзекуция», в результате которой были сожжены две деревни и убито семь человек.

20 марта корвет «Скобелев» подошел к островам Пелау. Миклухо-Маклай посетил селение Малегиок на острове Бабельтуап. «Я нашел туземцев, — писал он, — очень любезными, и мой короткий визит их, по-видимому, очень обрадовал (я говорю про селение Малегиок)»²⁰.

Селение Малегиок тоже стало жертвой колонизаторов. Британский военный корабль «не только сжег и разрушил все дома в деревне Малегиок, — писал Миклухо-Маклай, — но и разграбил и увез их собственность (деньги), несколько ружей и больших сосудов, употребляемых для

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2187, л. 389.

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 25.

¹⁹ Там же, л. 12.

²⁰ Там же, л. 52.

варки трепанга, и т. д., за то что они не могли сразу уплатить тяжелую контрибуцию, *совершенно неправильно* наложенную на деревню Малегуок»²¹.

По просьбе тамоля (главного вождя) Раклая Миклухо-Маклай написал коммодору английской морской станции в Китае письмо, в котором просил во имя справедливости вернуть захваченную у жителей селения собственность. Это письмо было переслано командующему английским флотом Кенингу. Однако Кенинг в частном письме к русскому путешественнику признал свое полное бессилие в этом вопросе.

Известие о посещении Миклухо-Маклаем Новой Гвинеи послужило правительству австралийской провинции Квинсленд предлогом для объявления об аннексировании восточной половины Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая.

20 апреля 1883 г. в английских газетах в Гонконге была опубликована телеграмма из Лондона о том, что провинция Квинсленд в Австралии аннексирует Новую Гвинею. Через два дня другая телеграмма извещала, что до получения денег от правительства Квинсленда британское правительство воздержится от занятия Новой Гвинеи и аннексия остается недействительной без санкции последнего.

В письме Копытову 3 мая 1883 г. Николай Николаевич писал, что «аннексация эта хотя мне и *неприятна*, но не изменит моих планов относительно Берега Маклая»²².

«В виду бесцеремонного захвата ос[тров]в Тихого океана Англиєю, Германиею и Францією, — писал Миклухо-Маклай в другом письме, — предвидя, что по прорытии Панамского канала значение ос[тров]ов этих сильно возрастет, наконец, большого удобства иметь на Тихом океане *русский* порт (или несколько таковых), доступный во всякое время года, остается только пожелать, чтобы выбор одной из названных групп ос[тров]ов скорее бы осуществился и чтобы посылка корвета «Скобелев» осталась бы не только для Англии, а также для России не без желаемых последствий»²³.

В июне 1883 г. Миклухо-Маклай вместе с членом лондонского общества миссионеров Д. Чалмерсом написал письмо статс-секретарю британских колоний лорду Дерби.

«Вследствие нашего долгого сношения с разными частями Новой Гвинеи и приобретенного нами знания туземцев, их языка, нравов и страны...: 1) мы знаем, что везде, где мы были, каждый дюйм земли около деревень принадлежит туземцам, которые живут в больших деревнях и обрабатывают землю в больших размерах. Мы, поэтому, надеемся, что право туземцев на их землю, а также их права на разные рифы близь берега, которые им принадлежат с незапамятных времен... до настоящего времени, будут полнейшим образом уважены и что эти права также и впоследствии не будут у них отняты.

2) Туземцы Новой Гвинеи очень привязаны к своей родине и не желают быть долго вдали от нее. Мы, поэтому, думаем, что если будет введена система вывоза рабочих из... Новой Гвинеи, то она окажется причиной множества недоразумений, беспорядков и кровопролитий. Мы вполне убеждены, что ни один туземец не захочет без принуждения, по собственной воле, покинуть свою родину на долгий срок, как того желают плантаторы. Существует, следовательно, опасность, что какая-либо система „приличного“ людокрадства... будет испробована, и потому

²¹ ААН, ф. 143, оп. 1, № 20.

²² ЦГАВМФ, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 161.

²³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 47—48.

мы просим... чтобы этот набор рабочих из Новой Гвинеи был совершенно воспрещен»²⁴.

Третьим пунктом Миклухо-Маклай и Чалмерс просили принять меры к запрещению ввоза на Новую Гвинею спиртных напитков из-за «демо-рализующего и уничтожающего человеческие расы» употребления их.

Направляя копию этого письма премьеру правительства Англии Вильяму Гладстону, Миклухо-Маклай подчеркивал, что оно послано «от имени... многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами свои права»²⁵.

В конце октября 1883 г. в австралийской печати появилось сообщение о снаряжении американцем Мак-Ивером экспедиции для торговли с туземцами и колонизации окрестностей порта Константин на Берегу Маклая. В состав экспедиции должно было войти 400—500 акционеров-колонизаторов, и каждому по прибытии на Новую Гвинею была обещана тысяча акров земли.

Зная, что земли «в окрестностях порта Константина не будут уступлены туземцами Берега Маклая без насилия и кровопролития, я не мог, — писал Николай Николаевич, — оставаться равнодушным зрителем и сидеть сложа руки, наблюдая последствия вторжения непрошенных гостей на мой берег и не попытавшись сделать что-нибудь, чтобы экспедиция генерала Мак-Ивера не состоялась»²⁶.

27 октября 1883 г. Миклухо-Маклай послал лорду Дерби телеграмму следующего содержания: «Туземцы Берега Маклая требуют политической самостоятельности под европейским покровительством»²⁷. Этой телеграммой русский путешественник хотел предотвратить американскую агрессию против Берега Маклая. В письме к Дерби Миклухо-Маклай объяснил, что означала эта телеграмма. «...Я много раз, — писал он, — рассуждал с туземцами о возможности прибытия белых людей на этот берег; эта мысль наполняла туземцев страхом и опасениями, и они единогласно просили меня оградить их от такого вторжения. Я обещал им сделать с этой целью все, от меня зависящее, как только явится действительная необходимость в моей помощи»²⁸.

Николай Николаевич особо подчеркнул, что во время его посещения Берега Маклая в марте 1883 г. «туземцы были более, чем прежде, озабочены вопросом о своей безопасности, потому что они видели во время моего отсутствия несколько судов. Они снова повторяли свою просьбу защитить их, чтобы белые чужестранцы не отняли у них их земли и имущества и не похитили их детей»²⁹. В этом письме Миклухо-Маклай излагал желание коренных жителей Берега Маклая: «1. Чтобы в случае прибытия белых на этот берег или в случае, если протекторат будет дарован или будет решено присоединить к английским владениям, туземные установления, обычаи и порядки не были уничтожены и чтобы туземцы сохраняли свое самоуправление.

2. Чтобы земля осталась собственностью туземцев, т. е. не стала коронною собственностью... или собственностью правительства, которое дарует протекторат, или которое аннексирует этот берег»³⁰.

---

²⁴ Текст письма включен в ст.: Н. Н. Миклухо-Маклай, *Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат* (газ. «Новости и Биржевая газета», 1884, 22 мая).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ
в последние годы жизни

Экспедиция Мак-Ивера на Берег Маклая не состоялась. В третий раз Берег Маклая «избег набега непрошенных гостей»³¹, — писал Миклухо-Маклай.

В конце ноября 1883 г. в Сиднее собралась конференция представителей всех австралийских колоний, которая подготовила проект «обширных приобретений в водах Тихого океана» для окончательного одобрения британским правительством. Конференция обсудила вопрос и об аннексии Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая. Вскоре Великобритания официально провозгласила свой протекторат над юго-восточной частью Новой Гвинеи.

26 ноября 1883 г. Миклухо-Маклай, «побуждаемый идеею справедливости и любовью к отечеству», обратился с письмом к Александру III, в котором писал, что Россия тем более имеет некоторые права на острова в Тихом океане, что «многие из них были описаны в гидрографическом отношении русскими мореплавателями (Коцебу и Литке)»³².

Как раз в это время суворинское «Новое время» начало травлю путешественника, обвиняя его в том, что он, по сообщению австралийских газет, «берет сторону Англии относительно Новой Гвинеи», и упрекая за «недостаток патриотизма».

В передовой статье «Нового времени»³³ было написано следующее: «Наш известный путешественник Миклуха-Маклай ударился в политику. По сообщению лондонских газет, Миклуха-Маклай в качестве представителя папуасов Новой Гвинеи написал лорду Дерби письмо, в котором и просит от имени папуасов принять их под покровительство Англии...

...По сведениям „Daily news“, нашему „знаменитому путешественнику никогда не приходила в голову мысль поставить папуасов под покровительство или власть русского правительства“. Известно, какую тревогу возбудили в Австралии слухи о намерении Соединенных Штатов завладеть Новой Гвинеей. Австралийские колонии обратились к метрополии, т. е. к Англии, с просьбой разрешить им присвоить себе остров. Лондонское правительство отказало им в этой просьбе. Очевидно, оно не желало сходить с почвы правового порядка и считало нужным предварительно войти в правильные дипломатические сношения с папуасским правительством, с главарем или королем папуасов. Королем папуасским и оказался Миклуха-Маклай...»

В заключение передовая «Нового времени» подчеркивала, что «дело просто сводится к тому, что англичане воспользовались авторитетом, приобретенным Миклухой-Маклаем среди папуасов, как правовой фи-

³¹ Там же.

³² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 68.

³³ «Новое время», 1884, 7 января.

кцией для отражения притязания Соединенных Штатов на Новую Гвинею».

В упомянутой статье «Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат» Миклухо-Маклай отверг неосновательные и несправедливые нападки «Нового времени» и раскрыл истинную причину, которая побудила его обратиться с телеграммой к лорду Дерби. В заключение статьи он писал, что «Россия, обладая около 3000 милями береговой линии в Тихом океане, при заселении Восточной Сибири необходимо должна будет со временем занять *свое место* на Тихом океане, почему, надо надеяться, она заблаговременно позаботится о приобретении нескольких подходящих морских станций для своего флота на Тихом океане»³⁴.

21 сентября 1884 г. Николай Николаевич послал свое первое письмо министру иностранных дел Н. К. Гирсу с просьбой ответить ему, будут ли признаны русским правительством приобретенные им «с полного согласия туземцев и без малейшего обмана и насилия» участки земли на разных островах Тихого океана, не занятых еще другими европейскими державами. Он хотел знать, оградит ли русское правительство его права, «в случае, если английское правительство не захотело бы признать их, несмотря на русский флаг, который как русский *я подниму* в приобретенных мною местностях»³⁵.

Пока министерство иностранных дел готовило ответ на этот вопрос, Германия готовилась к захвату северо-восточной части Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая. Для того чтобы замаскировать этот захват, в газетах за 1 октября 1884 г. было опубликовано сообщение о том, что Бисмарк «заключил соглашение с другими европейскими державами о защите всех незанятых территорий мира от британской агрессии».

Наивный в делах прожженных политиков и дипломатов, Миклухо-Маклай поверил в это сообщение и в тот же день обратился с письмом к Бисмарку в защиту населения островов Тихого океана. Он просил «*во имя справедливости и гуманности*» склонить великие державы не только предохранить их от захвата англичанами, но и охранять *права* темнокожих туземцев островов Тихого океана, „как людей“, от бессовестной, несправедливой и зверской эксплуатации (похищение людей, рабство и т. п.) не только англичанами, но всеми белыми вообще.

Международное обязательство уважать права человека жителей Океании, — писал русский путешественник, — было бы, вероятно, самое правильное»³⁶.

Как и следовало ожидать, ответа на это письмо Николай Николаевич так и не получил. Зато он мог наблюдать усиленную подготовку германских агентов к захвату Берега Маклая. Стремясь предотвратить этот захват, Миклухо-Маклай в письмах к Александру III и вел. князю Алексею Александровичу просил русское правительство признать самостоятельность Берега Маклая под верховным покровительством России.

На случай отказа он обратился к министру иностранных дел Гирсу с предложением провозгласить самостоятельность Берега Маклая под европейским (международным) протекторатом. Он не жалел своих сил и без устали писал одно письмо за другим «*сильным мира сего*».

В письме Гирсу от 25 января 1885 г. Николай Николаевич объясняет, почему он прежде всего обращается к России. «Я это делаю не только потому что я русский, но также вследствие того факта, что дей-

³⁴ «Новости и Биржевая газета», 1884, 22 мая.

³⁵ АВПР. Политический департамент, 1—5, IX/4, 86, л. 30.

³⁶ ААН, ф. 143, оп. 1, № 20.

ствительно *Россия имеет перед всеми другими государствами неоспоримо более ясное право* на эту часть берега Новой Гвинеи...»³⁷

31 октября 1884 г. Гирс предложил управляющему морским министерством Шестакову высказать свое мнение о просьбе Миклухо-Маклая. Гирс напомнил Шестакову, что в 1875 г. подобное предложение путешественника было отклонено. Вскоре Гирс получил отрицательный ответ Шестакова, который вполне соответствовал его собственному мнению. Шестаков «не видел никакой пользы от водружения русского флага в отдаленных местностях...», кроме того, он вообще сомневался «в стойкости предположений и намерений г. Миклухо-Маклая». Гирс составил по поводу предложений Николая Николаевича доклад, излагавший дело «в смысле отклонения предъявленных им домогательств». Но Александр III не согласился с этим. Он передал Гирсу новые письма путешественника и попросил вторично рассмотреть этот вопрос.

15 декабря 1884 г. германский посол Швейниц известил русское правительство «о принятии под покровительство германского императора части северного берега Новой Гвинеи», в том числе и Берега Маклая.

18 декабря Александру III был представлен новый доклад министерства иностранных дел, написанный, вероятно, директором департамента внутренних сношений Ф. Р. Остен-Сакеном, хорошо знавшим Николая Николаевича по Географическому обществу.

На основании официальных изданий германского правительства и других материалов в докладе довольно верно описывалось положение на Тихом океане и борьба между Англией и Германией за источники сырья, рынки сбыта и рабочую силу. При этом обращалось внимание на «поразительные» успехи немцев, вытеснявших англичан, точнее, австралийцев. А австралийцы, имевшие «еще довольно дела у себя дома», старались «оберечь себя от опасного соседства».

«Таким образом, — подчеркивалось в докладе, — немцы являются в роли *эксплуататоров*, англичане — на этот раз скорее в роли *охранителей туземцев*». Даже из чтения официальных берлинских изданий можно было узнать, каковы «неприглядные местные порядки, на которых основано благосостояние пришельцев-европейцев». Самым «знаменательным явлением» автор доклада считал «возрастающий спрос на работников», «скрытую торговлю людьми», так как «пришельцы-европейцы» на опыте убедились, что «туземец делается способным к работе только, если он оторван от родного острова». Требование человеколюбия, выдвигавшееся австралийскими филантропами, удачно совпадало «с их политическими взглядами: мешать развитию германских плантаций» на тихоокеанских островах.

Министр иностранных дел Гирс не мог в этом докладе не сказать о героической борьбе русского путешественника. «Одушевленный благородным стремлением, — писал он, — на пользу и благо дикарей Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай давно уже взывает об ограждении их от тлетворного влияния европейской культуры, а в частности от вторжения в их дела промышленников и торговцев, быстро размножающихся по всем океанским островам».

Однако он считал задачу Миклухо-Маклая неосуществимой, и новые «европейские порядки», по его мнению, должны были сменить «первобытные условия» жизни туземцев. Судьбу папуасов он считал уже «решенной», и вмешательство России «в видах ограждения» папуасов от вербовки на плантации тоже, по его мнению, нельзя было «признать полезным и целесообразным».

---

³⁷ Цит. по: ИВГО, 1946, № 5—6, стр. 566.

Вместе с этим Гирс считал, что территориальные захваты, делаемые европейскими державами на Тихом океане, заслуживали внимания русского правительства, и поэтому он «испрашивал» у Александра III разрешения на проведение ряда мероприятий в этом плане. Гирс рекомендовал, «не объявляя Миклухо-Маклаю о намерениях правительства, поддерживать с ним сношения в виду возможной пользы от знакомства его с краем»³⁸.

Николай Николаевич узнал о захвате Германией Берега Маклая только 9 января 1885 г. и в тот же день послал свой знаменитый протест Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая, отвергают германскую аннексию».

Сохранившаяся в архивах переписка между Гирсом и Шестаковым дает возможность выяснить их «откровенное мнение» по поводу предложений русского путешественника. Шестаков в феврале 1885 г. писал, что он «не мог постичь привыкшим к дисциплине соображением поступки г. Миклухо-Маклая», заставившие его одновременно писать от своего имени Бисмарку, Александру III, Гирсу и другим.

«Но, принимая во внимание, — писал далее Шестаков, — лихорадку, обуявшую все европейские государства, зная из истории, что нередко не совсем вменяемые люди самую невменяемостью своею приносят пользу отечеству, и допуская, что никто не может предвидеть будущее, я полагал бы, пользуясь обстоятельствами, сделать попытку удовлетворить г. Миклуху».

Шестаков считал наиболее целесообразным дать путешественнику «платоническое» покровительство, которое не могло бы послужить «во вред». Причем при благоприятных условиях Шестаков рассчитывал «выгодно отказаться от царства г. Маклая в обмен на приобретение более для нас близкое и более нужное»³⁹.

2 января 1885 г. Шестаков сообщил Миклухо-Маклаю, что в сношениях с правительствами иностранных государств было упомянуто о его путешествии на Новую Гвинею «с целью указать на те права, которые Вы могли приобрести на берегу Маклая и которые должны быть приняты во внимание при обсуждении вопросов о территориальных приобретениях».

В августе 1885 г. германское правительство запросило министерство иностранных дел России о личности путешественника, о его стремлениях и целях, которые он преследует, и интересах, которые он защищает. Вместе с этим германское правительство сообщало, что оно затрудняется удовлетворить желание русского правительства, ввиду того что будто бы это желание было заявлено уже после выдачи грамоты германской Ново-Гвинейской компании.

В ответ на запрос германского правительства министерство иностранных дел России сообщило, что русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай «задался благородной целью осчастливить несколько десятков тысяч людей, устроив такое положение вещей, при котором бы жизнь, свобода и права туземцев были бы уважаемы, вместе с тем дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации. Миклухо-Маклай во время своей долголетней деятельности в этих странах, происходившей открытым образом, преследовал постоянно интересы общечеловеческие, а не частные и отнюдь не английские»⁴⁰.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 78—81.

³⁹ Там же, л. 94—95.

⁴⁰ Цит. по: ИВГО, 1946, 5—6, стр. 563.

В письме от 18 мая 1886 г. Гирсу русский путешественник перечислял факты, доказывающие права России на Берег Маклая.

«Во-первых, — писал он, — высадка моя на Берег Маклая, специально избранный мной как незанятый никакой из европейских держав, произошла в сентябре 1871 г., т. е. на 13 лет перед прибытием в ту местность германского парохода „Самоа“.

Во-вторых: русский флаг был водружен матросами русского военного судна, корвета „Витязь“, около моей хижины, построенной теми же матросами.

В-третьих: мои неоднократные пребывания на Берегу Маклая в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 годах (что в общей сложности составляет более четырех лет) с целью научного исследования имели в виду окончательное со временем там поселение.

В-четвертых: мои дружеские отношения к туземцам, привоз и распространение между ними множества полезных растений, домашних животных, полезных для них орудий и инструментов (все это в виде подарков, а не как предметы для обмена ради собственной пользы).

В-пятых: часто повторенная туземцами настоятельная просьба, чтобы я позаботился о предохранении их от зол при столкновении с белыми»⁴¹.

В июле 1886 г. русское правительство повторно снеслось с германским относительно прав Миклухо-Маклая на берег его имени, но германское правительство сослалось на отсутствие у него достаточных сведений, а равно каких-либо «доказательств» на права русского путешественника.

Весной 1886 г. Николай Николаевич вернулся на родину. В апреле он был в Крыму, посетил Ливадию, где встречался с Александром III. В письме брату от 7 мая он писал, что ему «удалось устроить отчасти, что хотел или зачем приехал в Ливадию, но далеко не все. Может быть, улажу все остальное в С.-Петербурге и Берлине (касательно Берега Маклая)».

10 июня Миклухо-Маклай приехал в Петербург и сразу сообщил Гирсу, что Александр III дал согласие «поднять русский флаг на некоторых, еще незанятых другими державами островах Тихого океана»⁴². Он просил Гирса выдать ему соответствующий документ по поводу этого «высочайшего соизволения».

Через несколько дней в газете «Новости и Биржевая газета» была помещена следующая заметка: «Очевидно, дела нашего путешественника Миклухи-Маклая в Новой Гвинее идут не дурно. Он не только сам окончательно поселился там, но и приглашает желающих поселиться и заняться какой-нибудь деятельностью на Берегу Маклая в Новой Гвинее или на некоторых других островах Тихого океана. Обращаться к нему письменно по адресу: Русское географическое общество в С.-Петербурге, или лично в дни и часы, о которых можно узнать в географическом обществе»⁴³.

26 июня в письме, опубликованном в «Новом времени», Николай Николаевич писал, что сделанный им «вызов лиц», желающих поселиться на Берегу Маклая, «дал результат неожиданный». Он получил уже 160 заявлений. На следующий день он сообщил Гирсу, что число желающих переселиться на острова Тихого океана дошло до 200, «письменные заявления, — писал он, — продолжают поступать все еще

⁴¹ Там же, стр. 572—573.

⁴² АВПР, Политический департамент, 1—5, IX/4 86, 2-я папка, л. 6—7.

⁴³ «Новости и Биржевая газета», 1886, 15 июня.

с разных концов России». В связи с этим Миклухо-Маклай просил разрешение не только на поднятие русского флага, но и на основание колонии на Берегу Маклая или на одном из островов Тихого океана.

29 июня «Новости и Биржевая газета» сообщила, что число желающих переселиться на Новую Гвинею достигло 240 и на временной квартире путешественника уже состоялось два заседания⁴⁴.

Не получая от Гирса ответа на свои письма, Миклухо-Маклай 1 июля 1886 г. подал прошение Александру III разрешить ему основать на Берегу Маклая русскую колонию.

В тот же день в газете «Новости и Биржевая газета» была опубликована статья В. И. Модестова «В добрый час». То, что Миклухо-Маклай «считал возможным для нескольких лиц, лишь для людей выходящих из ряда вон по своей смелости, — писал Модестов, — является желанием сотен, за которыми могут последовать и тысячи. Значит, в России отважных людей непочатый край». Успех обращения Миклухо-Маклая он объяснял наличием в России большого количества людей, «недовольных своим положением в отечестве» и считавших себя угнетенными, а также желанием создать в новой колонии нечто вроде коммуны папуасов или фаланстера Фурье.

5 июля в этой же газете было опубликовано письмо путешественника, в котором он извещал, что не может отвечать всем своим корреспондентам, так как число их уже превысило 300. Он обещал в ближайшее время разработать план и условия русской колонизации на тихоокеанских островах и через газеты довести до сведения всех. Николай Николаевич действительно составил «Наброски правил для желающих поселиться на островах Тихого океана» и «Памятную записку по вопросу об организации Русского тихо-океанского товарищества». В первой записке Миклухо-Маклай писал, что в новой колонии «вознаграждение за труд будет соответствовать работе», а прибыль от эксплуатации островов будет делиться между участниками «соответственно их положению и труду». Русский путешественник хотел организовать колонию на островах Тихого океана на демократических началах, без капиталистической эксплуатации и колониального грабежа местного населения.

На собраниях, происходивших на квартире у Миклухо-Маклая, обсуждались вопросы, вызвавшие беспокойство полиции, которая запросила министерство иностранных дел, действительно ли путешественник получил разрешение основать русскую колонию на Тихом океане.

Гирс срочно поручил Остен-Сакену составить доклад по поводу предложения Миклухо-Маклая. Согласно докладу, утвержденному Александром III, было признано необходимым «истребовать предварительно от Миклухо-Маклая относительно его колонизационных предположений» ответы на следующие вопросы: «1. Какой именно остров в Тихом океане он имеет в виду для устройства русской колонии? 2. Есть ли на этом острове жители и если есть, то в какие сделки он думает войти с ними относительно поземельной собственности? 3. Какие имеются у него денежные средства для осуществления предприятия? 4. Какие имеются у него ручательства в том, что русские поселенцы найдут средства к пропитанию себя в виду невозможности для белого заниматься под тропиками полевыми работами? 5. Какое сообщение предполагается установить между колониєю и ближайшим (из более значительных) населенным европейским пунктом? 6. Какое внутреннее устройство предполагается дать колонии?»⁴⁵.

⁴⁴ «Новости и Биржевая газета», 1886, 29 июня.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2. № 2185, л. 137.

9 августа 1886 г. Миклухо-Маклай изложил свои взгляды по поводу основания русской колонии на Тихом океане. Колония образуется на островах Тихого океана, не находящихся «во владении какой-либо иностранной державы, на землях *вполне свободных*, т. е. не занятых местными жителями или добровольно уступленных последними». Таким образом, никаких «сделок», т. е. экспроприации земли у туземцев, Миклухо-Маклай не собирался производить.

Что касается переселенцев, то они могли пользоваться землей на «основании установленного ими с общего согласия порядка». «...Сохраняя все права русских граждан», переселенцы получали дополнительные права: «самоуправления, самооблагания налогами на колониальные нужды, религиозной свободы, беспешинного ввоза и вывоза продуктов и торговли этими продуктами во всех русских портах на общем основании, составления и введения обязательных постановлений и правил, касающихся общежития, внутреннего управления и распорядка дел...»

«Колония составляет общину и управляется: старшиною, советом и общим собранием поселенцев — сходом». На ближайшее время, как учредитель колонии, «знакомый с местными условиями и обычаями», Миклухо-Маклай принимал должность старшины на себя⁴⁶.

Для рассмотрения проекта путешественника был учрежден особый комитет под председательством министра иностранных дел Гирса в следующем составе: товарищ министра иностранных дел А. Влангали, тайный советник А. Жомини, тайный советник И. Зиновьев, представитель министерства финансов Д. Кобеко, представитель военного министерства генерал-лейтенант М. Миркович, представитель министерства внутренних дел Т. Тройницкий, представитель морского министерства контр-адмирал П. Тыртов, тайный советник Ф. Мартенс и директор одного из департаментов министерства иностранных дел Ф. Остен-Сакен.

Заседание комитета состоялось 9 декабря 1886 г. Предварительно членам комитета были разосланы письма путешественника от 1 июля и 9 августа 1886 г. и докладная записка Гирса. Гирс предложил на рассмотрение комитета 13 вопросов, после чего было приступлено к прениям.

Представитель министерства финансов Кобеко заявил, что успех предприятия Миклухо-Маклая является сомнительным, «вследствие той формы самоуправления, которую предлагает дать колонии ее учредитель». Далее Кобеко указал, что «правительству нашему необходимо иметь самые точные сведения о личностях будущих колонистов и о средствах, которыми они располагают...». Он считал, что «проектируемую колонию невозможно будет оставить не только без правительственного надзора, но и без назначения начальником ее правительственного лица».

Представитель министерства внутренних дел Тройницкий поддержал Кобеко. Он считал, что в России нет «надежных элементов для эмиграции в колонию, находящиеся в далеком расстоянии от России». «Если же и найдутся лица, — сказал он, — согласные следовать за Миклухо-Маклаем, то это будут, несомненно, в большинстве случаев люди без всяких определенных занятий и средств...»

После того как все члены комитета единодушно отвергли предложение путешественника, они вызвали его в зал заседаний и задали ряд вопросов: «...К какому сословию принадлежат лица, заявившие желание

⁴⁶ Там же, л. 117—118.

поселиться в новой колонии? Какою суммою должен располагать каждый переселенец? Какими средствами предполагается охранять остров и защищать колонию от нападения?» — и другие.

Миклухо-Маклай отказался сообщить название островов, на которых хотел основать русскую колонию. Он только указал, что они расположены между 1 и 10° северной широты, более в восточной части Тихого океана. Отвечая на вопрос о состоятельности переселенцев, Миклухо-Маклай сказал, что «если даже один процент из вызвавшихся следовать за ним будет обладать достаточными средствами и энергией, то успех предприятия обеспечен». Он сообщил, что получил уже более 1500 заявлений от представителей различных сословий.

Что касается проблемы защиты острова, то, по мнению Миклухо-Маклая, она не вызовет трудностей. «Переселенцы, оставаясь русскими подданными, должны подчиняться закону о всеобщей воинской повинности, и в случае нужды все население колонии поголовно восстанет для отражения неприятеля. Офицеры, в которых недостатка не будет, организуют охрану. Впрочем, в последней едва ли представится надобность».

Миклухо-Маклай заявил, что ему трудно заранее определить, «какого рода будут занятия переселенцев... Однако не может быть места опасению, чтобы в колонии возникло невольничество, так как достаточным ручательством в этом отношении служит его, Миклухо-Маклая, имя». Он не считал «полезным связывать себя и других переселенцев образованием торговой компании»⁴⁷.

После этого путешественнику было задано еще несколько вопросов: об отношении колонии к русскому правительству и к членам колонии. «При этом имелось в виду, — записано в протоколе, — выяснить, в какой мере колония примет на себя контроль над той суммою, которая, по объяснению Миклухо-Маклая, представляется необходимою для успеха колонизации, а также на каких основаниях будет производиться колонистам отвод земельных участков»⁴⁸.

По поводу первого вопроса Николай Николаевич заявил, что «он полагает возможным основание и преуспевание колонии только при условии вполне независимого самоуправления». А вопрос «о контроле над капиталами, принадлежащими переселенцам, — отмечено в протоколе, — Миклухо-Маклай оставил без надлежащего выяснения».

Когда путешественник покинул зал заседаний, комитет приступил к рассмотрению его письма от 28 сентября 1886 г. После обмена мнениями все присутствующие решили, что острова, находящиеся на месте, указанном Миклухо-Маклаем, «не могут представлять выгод для России ни в торговом, ни в военно-морском отношении». И вообще «сообщенные им сведения о характере и занятиях населения, управление и т. д. в предполагаемой колонии мало внушают доверия к возможности ее успеха как частного предприятия». Поэтому «занятие одного или нескольких островов в Тихом океане с целью основать там колонию не представляется желательным...»⁴⁹.

В одном из своих писем, написанных после заседания, Николай Николаевич сообщал, что Александр III не подписал решения особого комитета, а передал его на вторичное рассмотрение непосредственно министрам. Однако Миклухо-Маклай не утешал себя надеждой на положительное разрешение этого вопроса, наоборот, был готов к полному

⁴⁷ Там же, л. 144—146.

⁴⁸ Там же, л. 147.

⁴⁹ Там же, л. 149.

отказу. Но «никакое решение комиссии, ни даже высочайший отказ, — писал он, — не повлияют на мое решение поселиться на острове Тихого океана, хотя и изменят образ осуществления моих планов»⁵⁰.

Пока министры обсуждали предложение Миклухо-Маклая, он продолжал беспрерывно получать письма от представителей самых различных слоев с просьбами о переселении на Новую Гвинею или какой-нибудь другой остров Тихого океана.

А. С. Смолитчев — чтец А. С. Данилевского — писал 16 октября 1886 г.: «Уже два года назад я услышал о Вас как о знаменитом путешественнике и восторгался Вами. У меня тогда же зародилась мысль и явилось желание путешествовать вместе с Вами, переносить все трудности и лишения на пользу человечеству, но эти мечты я считал несбыточными. Теперь же, узнав, что Вы приглашаете ехать с Вами, кто пожелает, на австралийский остров, на котором Вы прожили долгое время, для образования там русской колонии, я спешу заявить Вам о моем ревностном желании следовать за Вами и быть полезным в начинаемом Вами великом деле. При этом осмеливаюсь присовокупить, что я употреблю все силы и старания быть полезным и что во мне Вы найдете человека, идея которого быть честным, полезным человеком. Если Вы нуждаетесь в таких людях, то я весь к Вашим услугам. Только вот беда — я беден... Мне 19 лет; наступает пора выступить на сцену человеческой деятельности и быть полезным членом общества»⁵¹.

Некоторые лица адресовали свои письма непосредственно министру иностранных дел Гирсу. Так, например, служащий Кунгурского земства Новоселов писал 22 ноября 1886 г., что он хотел бы переселиться на Берег Маклая и «быть в числе первых пионеров страны, своим личным трудом и знанием содействовать успеху великого дела...»

18 декабря 1886 г. Гирс официально сообщил Миклухо-Маклаю об отказе. Заключение его было одобрено министром внутренних дел, морским министром, министром финансов и военным министром. На другой день Гирс довел до сведения Шестакова, что Александр III на его докладной записке написал нижеследующее: «считать это дело окончательно конченным, Миклухо-Маклаю отказать»⁵².

Несмотря на отказ, Миклухо-Маклай заявил, что он не переменял своего намерения поселиться на одном из островов Тихого океана на постоянное жительство. «Имея на то высочайшее соизволение и *будучи русским*, я не желал бы поднять на этом незанятом пока острове какой-либо другой флаг как русский, что ни в коем случае не „может повлечь за собою дорогостоящих мероприятий“ со стороны русского правительства»⁵³.

В феврале 1887 г. великий русский путешественник просил все столичные и провинциальные газеты опубликовать следующее сообщение: «Согласно моему обещанию и ввиду того, что я все еще продолжаю получать письма и телеграммы от желающих переселиться на острова Тихого океана, число этих желающих значительно превышает 2000, я должен заявить, что основание русской колонии в Тихом океане пока состояться не может по обстоятельствам, от меня совершенно не зависящим»⁵⁴.

4 марта 1887 г. в письме брату Сергею Миклухо-Маклай писал: «В деле относительно Берега Маклая я потерпел полное *фиаско*. По-

⁵⁰ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 9.

⁵¹ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21.

⁵² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 152.

⁵³ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21.

⁵⁴ ААН, ф. 143, оп. 1, № 39, л. 22.

добным же фиаско закончился поднятый мной вопрос об основании русской колонии на островах Тихого океана, хотя государь был, кажется (?), не прочь, но гг. министры решили иначе и в конце концов одолели»⁵⁵.

Через год после написания этого письма Н. Н. Миклухо-Маклай скончался от болезней, полученных во время путешествий, на сорок втором году жизни...

Нам не хочется ничего добавлять к изложенным фактам. Все действующие лица и без того выявили свои позиции собственными словами. Все это дело с проектом Миклухо-Маклая представляется как бы нарочито придуманным каким-то талантливым беллетристом с целью изобличить перед читателем суть внешней политики правительств «великих держав». Действительность, как это нередко бывает, оказалась сильнее всякого художественного вымысла.

Нет нужды добавлять к изложению фактов какие-либо комментарии. И без них ясно, что «были времена, теперь другие». В наши времена империализм с его каннибальским отношением к отсталым расам и народам изобличен до конца. В этом есть известная заслуга и выдающегося русского гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклая, хотя многие его взгляды представляются сегодня утопическими, а действия — наивными. Мы глубоко чтим память человека, выступившего в условиях царской России в защиту народов, «виновных лишь в том, что у них кожа не белая и что они слабы».

---

⁵⁵ ААН, ф. 143, оп. 1, № 45, л. 30.

А. М. Любарская

**РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И МОРЯКИ
НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА**

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 23 ноября 1956 г.*

26 июля 1956 года — знаменательная дата в истории борьбы народов Арабского Востока против колониализма: в этот день правительство Египетской республики приняло закон о национализации компании Суэцкого канала. Справедливый акт вызвал агрессивные действия со стороны Англии, Франции, Израиля, попытавшихся при помощи силы вновь отнять у Египта независимость, надеть колониальное ярмо на египетский народ.

Однако грязная военная авантюра потерпела, как известно, полный крах. Мужественная борьба египтян, выступления мировой общественности против англо-франко-израильской агрессии, твердые и решительные предупреждения Советского правительства сорвали планы агрессоров. «Вы стояли на нашей стороне, вы поддержали нас в трудные дни борьбы за свободу и вы доказали в самые критические дни, что являетесь подлинными друзьями тех, кто любит свободу»¹, — сказал, обращаясь к советским людям во время пребывания в нашей стране, военный министр Египта Абдель Хаким Амер.

У дружбы советского и египетского народов, освященной высокими идеалами борьбы за свободу и независимость, — давние, глубокие корни. В частности, в суровые для египтян дни 1956 года на их стороне были и свидетельства наших предков, которые видели, чьими руками строился Суэцкий канал, каких величайших жертв стоило его создание арабским народам.

* * *

29 марта 1862 г. в газете «Одесский вестник» за подписью мало кому известного мичмана с корвета «Ястреб» Александра Ковалевского появилась занявшая добрую половину газетной полосы статья «Голос очевидца о Суэцком канале». Строительство этого гидротехнического сооружения интересовало в ту пору в России многих. Но особенное внима-

---

¹ «Правда», 1957, 19 ноября.

ние статья привлекла потому, что ее автором был первый русский человек, посетивший трассу будущего канала.

В начале статьи указывалась причина, которая побудила Ковалевского тотчас после возвращения из Египта взяться за перо. «Мы прочли в „Северной пчеле“, в органе, весьма распространенном в России, письмо одной иностранной газеты по поводу прорытия Суэцкого канала», — писал Ковалевский. Газета намеренно извратила положение на перешейке. Письмо, утверждал Ковалевский, «не дает решительно никакого понятия о ходе работ... и вызывает на объяснения.... Письмо, помещенное в „Северной пчеле“, смотрит на дело с точки зрения истого англомана, неприязнь которого к делу соединения морей... высказывается в Александрии, Каире и Суэце...»

Черноморский моряк резко опроверг лживую информацию о Суэцком канале и его строительстве, наводнявшую тогда страницы зарубежной печати, рассказал читателям «Одесского вестника» о состоянии работ на трассе будущего канала, о тех преимуществах, которые он должен был дать международному судоходству и, в частности, Новороссийскому краю. Возражая большинству иностранных газет, изображавших европейских колонизаторов творцами этого гидротехнического сооружения, Ковалевский утверждал, что не они, а египетские феллахи были подлинными строителями канала. «Выходцы из Франции и Бельгии, — сообщал Ковалевский, — предполагающие обогатиться от прорытия канала ...не обладают никакою особенною специальностью по какой-либо части и потому навязываются больше на должности *chef de section*, *caissier* и на различные полицейские должности при работах».

Спустя шесть месяцев после появления в «Одесском вестнике» этой статьи в другом русском печатном органе — «Морском сборнике» вновь появилось имя Ковалевского. Журнал опубликовал большой отрывок из его записок², правильно отметив, что они отличаются «несомненным достоинством верности описания фактов и беспристрастной наблюдательности»³.

Возмущение иноземными угнетателями, сочувствие поработенному многострадальному египетскому народу пронизывали путевые заметки и газетную статью Ковалевского. Но и записки и публицистическая статья давали весьма скудные сведения об их авторе. Между тем нас не может не интересовать, как попал Ковалевский в Египет и, в частности, на трассу строившегося тогда Суэцкого канала; в какой среде рос, воспитывался этот молодой русский моряк, выступивший в российской печати как истинный друг арабов. Ответ на эти вопросы нам удалось найти, обратившись к иркутской газете «Восточное обозрение», помещавшей в 1895 г. небольшой некролог о бывшем черноморском моряке⁴, и к общественно-литературной и морской газете «Владивосток», посвятившей Ковалевскому обширную статью⁵, и, наконец, к его формулярному списку, хранящемуся в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР⁶.

² «Обзор работ Суэцкого канала (из записок А. Ковалевского)» («Морской сборник», 1862, т. LXII, № 9, отд. III), стр. 125—150.

³ Там же, стр. 125, примеч.

⁴ «Восточное обозрение», 1895, 24 ноября.

⁵ «Владивосток», 1895, 17 сентября.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 488 — «Формуляры чинов морского ведомства, 1-я книга», № 163. — «Сокращенный формулярный список о службе и достоинстве 42 флотского экипажа мичмана Александра Ковалевского за 1857 год»; там же, д. 548. — «Формуляры чинов морского ведомства 1860—64 годов», № 25 — «Формулярный список о службе и достоинстве 1-го Сводного Черноморского флотского экипажа мичмана Александра Ковалевского 2 за 1866 год».

Александр Александрович Ковалевский родился в Тверской губернии. Образование он получил в морском кадетском корпусе, из которого вышел в 1854 г. Его служба проходила на Балтийском и Черноморском флотах — на винтовой шхуне «Бомборы», транспортах «Феодосия» и «Балаклава», корветах «Зубр», «Ястреб» и др.

Еще будучи гардемаринном, Александр Александрович проникся освободительными стремлениями эпохи. Живой ум, горячий темперамент, энергичная натура молодого моряка не могли смириться с нравами крепостнической России. «Происходит история, — сообщает нам автор статьи во владивостокской газете, — результатом чего являются оскорбления в его служебном положении»⁷.

И хотя владивостокская газета умолчала о том, какая произошла с Ковалевским «история», однако по другому источнику — «Восточному обозрению» — удалось установить, что во время плавания русской эскадры в Средиземном море Ковалевский стал свидетелем телесного наказания. Возмущенный этим, он в гневном письме выступил против флагмана — виновника экзекуции. «Флагман сдержанно объяснился с ним и отправил в Александрию осмотреть строившийся тогда Суэцкий канал»⁸.

Таким образом, командирование мичмана Ковалевского в Египет было для флагмана лишь поводом, чтобы избавиться от неугодного человека. Результаты же этой поездки, чего, конечно, никак не мог предполагать флагман, оказались настолько значительными, что не утратили ценности по сей день. Мы имеем в виду свидетельства русского человека о строительстве Суэцкого канала.

Из опубликованных в «Морском сборнике» путевых записок видно, что по железной дороге Ковалевский доехал от Александрии до города Загазис. Уже в Загазисе началось знакомство моряка со строительством Суэцкого канала. Здесь он увидел склад строительных материалов, барки, сплавлявшиеся по древнему Птолемееву каналу на первую станцию компании, расположенную в долине Тель-эль-Кебир.

Ковалевский побывал в этом плодороднейшем уголке Нижнего Египта за двадцать лет до разыгравшихся там трагических событий, когда англичане утопили в крови египетское национально-освободительное движение. Но и в пору своего пребывания в долине Тель-эль-Кебир, в самом начале путешествия по арабской земле, он получил возможность познакомиться с тем, как европейские колонизаторы подготавливали почву для окончательного порабощения Египта. Ковалевскому сообщили, что вся долина стала собственностью Международной компании Суэцкого канала, что благодатный край, принадлежавший египтянам, перешел в руки чужеземцев.

Для чего, недоумевал русский моряк, компании понадобилась такая дорогостоящая покупка? К чему было ей приобретать долину, лежащую в стороне от трассы будущего канала?

Наблюдения помогли Ковалевскому найти ответ на заинтересовавшие его вопросы. Он узнал, что по песчаной степи Уаде-Томила проходил прорытый компанией канал пресной воды. Свое начало он брал из древнего Птолемеева канала, т. е. из долины Тель-эль-Кебир. Международная компания, опасаясь местного населения, подвергаемого на земляных работах жестокой эксплуатации, предпочла быть собственницей долины, по которой этот канал проходил. Компания, отмечал в своих путевых заметках Ковалевский, боялась невидных врагов, она боялась и за воду новорожденного канала.

⁷ «Владивосток», 1895, 17 сентября.

⁸ «Восточное обозрение», 1895, 24 ноября.

Позади остались древний Птолемеев канал, долина Тель-эль-Кебир, озеро Тимсах. Путь Ковалевского лежал по выжженной солнцем степи, где не было ничего, кроме полусасыпанного песком кустарника. Впереди простирались участки гигантской стройки. «Пользуясь хорошей погодой, — писал Ковалевский, — я осмотрел работу от Макфара до Сабабииара и до Неофила... 10 000 работников, при строгой полиции, вооруженной тростями, проведут канал до озера... Работа производится просто, без особых применений: арабы носят землю в местных корзинах...»⁹

Десять тысяч работников были египтянами. Став свидетелем каторжных условий труда безымянных строителей Суэцкого канала, русский человек, воспитанный на свободолюбивых идеях Добролюбова и Чернышевского, в следующих словах выразил свое возмущение увиденным: «Нельзя не пожалеть полудикого, но способного араба, видя, как его просветители бичуют тростью эту 10-тысячную армию рабочих... не получающих никакого вознаграждения и не видящих конца своему труду»¹⁰.

Ковалевский вспомнил слышанные им до поездки в Египет заявления французских «эмансипаторов» о своей гуманности, о добрых чувствах, якобы питаемых ими к арабским народам. Как далеки были эти лицемерные заявления от той жестокой действительности, которая предстала перед моряком на Суэцком перешейке! «Французы, — сообщал в путевых записках Ковалевский, — ...в век гуманности и прогресса расставили у каждого участка по шейху да по емплоуе с тростями, наподобие наших бывалых линьков»¹¹.

Путешествуя по трассе будущего канала, Ковалевский имел возможность убедиться в том, что не только французские надсмотрщики, но и другие их соотечественники, наводнившие Египет, считали возможным избивать местных жителей. Однажды он стал свидетелем того, как лоцман-араб в темную ночь с поразительным искусством провел пароход по Нилу. Когда же лоцман отказался выполнить прихоть французского механика, последний «накричал под небом Египта различные комплименты арабам и, несмотря на логичные ответы лоцмана, вынес из каюты трость, страдая араба накормить привезенным из Европы угощением...»¹²

Случай этот, как отмечал черноморский моряк, не был исключением. Подобное повторялось в Египте изо дня в день.

Международная компания, о деятельности которой хорошо знал Ковалевский, использовала десятки тысяч египетских феллахов на самых тяжелых работах. В двенадцати верстах к северу от озера Тимсах русский путешественник стал свидетелем того, как тысячи арабов вручную рыли канал, тотчас же снова засыпаемый песком. Ковалевский узнал о том, что возглавлявший строительство Фердинанд Лессепс предпочел вместо приобретения необходимых машин потребовать от правителя Египта передачи в свое распоряжение еще сорока тысяч феллахов. «Но можно ли ожидать от 40 000 рабочих безропотной и должной работы, — спрашивал Ковалевский, — когда эти тысячи будут оторваны от дома и поселены в степи, при солоноватой воде и без надежды на вознаграждение их труда? Правление компании, в лице г. Лессепса познакомившееся с феллахами при прорытии пресного канала и теперь забывшее свою гуманность и прибегающее к трости, пользуется... застоём страны,

⁹ «Обзор работ Суэзского канала», стр. 127.

¹⁰ Там же, стр. 127—128.

¹¹ Там же, стр. 128.

¹² Там же.

хотя, может быть, видит, что употребляемая им мера поведет лишь к гибели арабов»¹³.

У гиришских порогов Ковалевский наблюдал попытку компании внедрить на стройке механизмы. Французы соорудили там приспособление, при помощи которого можно было удалять со строительного участка наполненные землей ящики и возвращать туда пустые. Но эти приспособления вскоре были сданы на склад. Египетские же крестьяне по-прежнему, с раннего утра и до позднего вечера, продолжали гнуть спину, перенося тяжелые корзины с землей.

На шестой день путешествия Ковалевский на верблюде направился на север. Его путь лежал к станции Эль-Фердан. Бесчисленные колья и вехи указывали моряку направление будущего канала. Он выехал к участку, где две тысячи феллахов лопатами рыли вспомогательный канал. У озера Баллах он встретил другую группу рабочих. Арабы трудились там до полного истощения, выгребая руками ил. «Паровые драги, — отметил в своих записках Ковалевский, — принесли бы явную пользу, но, к сожалению, общество не обладает ими...»¹⁴

Еще четыре часа утомительного пути, и Ковалевский у станции Кантар. Подобно сказочному видению, возникли перед ним роскошные виллы, построенные между озерами Баллах и Мензале из древнего кирпича, с гранитными фундаментами, на которые пошли... египетские гробницы. Жили в этих домах французы, бельгийцы и прочие чужеземцы, суневшие, как писал А. Ковалевский в «Одесском вестнике», превратить строительство канала в средство своего обогащения.

А что предоставила компания тем, кто своими руками и на своей, египетской, земле строил этот канал? Где жили десятки тысяч пригнанных на Суэцкий перешеек феллахов? «Арабы после утомительной работы, — писал Ковалевский, — помещаются в перво-вековых шалашах, которые сносны на порогах, при сухом воздухе, но между влажными озерами Баллах и Манзалег могут сделаться причиной смертности»¹⁵.

Закрывая последнюю страницу путевых заметок Ковалевского, приходишь к тому же заключению, к которому пришла 64 года назад владивостокская газета: автор их, действительно, принадлежит к числу тех людей, память о которых не должна исчезнуть. Однако имя русского моряка Ковалевского — свидетеля беспримерного трудового подвига арабов — оказалось забытым. Поэтому мы считаем своим долгом сообщить коротко о том, что произошло с ним после опубликования «Морским сборником» его блестящей статьи о Египте.

Минуло два года, и на Черноморском флоте избавились от беспокойного мичмана. Его перевели в Сибирскую флотилию командиром шхуны «Восток». Но чья-то мстительная рука и там не давала покоя Ковалевскому. В 1866 г. его отчислили из флота. Он перешел в гражданское ведомство, однако уже не расставался с Дальним Востоком.

«Представьте себе, — писала о той поре жизни Ковалевского газета „Владивосток“, — молодого, блестящего морского офицера, живо интересующегося литературой, наукой и общественными вопросами, человека талантливого, с прекрасным образованием, со страстными порывами к идеалам Добролюбова и Чернышевского, очутившегося в условиях, какие представлял наш Дальний Восток... Чудовищное пьянство... полное одиночество — вот какими чертами рисуется тогдашняя жизнь. Нетрудно догадаться, как должна была действовать на него подобная об-

¹³ Там же, стр. 132.

¹⁴ Там же, стр. 136.

¹⁵ Там же.

становка. Надо было иметь очень крепкую натуру, нужен был большой запас внутренних сил, необыкновенно твердые нравственные устои, чтобы не дать засосать себя непроходимой тине такой жизни»¹⁶.

То, что мы знаем о Ковалевском, свидетельствует о его отчаянных попытках найти в этих условиях общественно полезное занятие. Он принимает активное участие в создании и издании в г. Николаевске газеты «Восточное Поморье». Он пытается основать больницу для прокаженных. В 1893—1894 гг. он активно сотрудничает в дальневосточной печати¹⁷, оставаясь до конца верным прогрессивным идеям своей эпохи. Как и во флоте, беспокойная, деятельная натура Ковалевского внушала неприязнь начальству гражданского ведомства, в котором он стоял. Начались преследования, придирки, и Ковалевский вынужден был выйти в полную отставку. Он умер в 1895 г.

* * *

Таков многострадальный жизненный путь Александра Ковалевского — первого русского человека, побывавшего на Суэцком перешейке в пору строительства там грандиозного водного пути, автора египетских записок, справедливо признанных его современником «в высшей степени интересными»¹⁸.

Появление в 1862 г., почти одновременно, статьи Ковалевского в «Одесском вестнике» и его путевых заметок в «Морском сборнике» не было случайным явлением. Обе публикации явились следствием огромного интереса, который проявлялся тогда в России к строившемуся каналу. В этом убеждаешься даже при беглом ознакомлении с русской периодической печатью 50—60-х годов, регулярно сообщавшей сначала о проектах будущего канала, а затем и о его строительстве.

Большую роль в распространении правильных сведений о канале, о ходе работ на Суэцком перешейке играло в ту пору Русское Географическое общество, горячо поддерживавшее идею этого гидротехнического сооружения¹⁹. В его «Вестнике» и «Известиях» освещалось состояние строительных работ, печатались статьи о той революции, которую должен был произвести канал в мировом судоходстве.

В изданиях Географического общества мы находим заметки о путешествии по Египту — «Суэзский канал в географическом, торговом и коммерческо-политическом отношениях»²⁰; обзор положения работ на Суэцком перешейке, присланный в Петербург из Александрии²¹. Автор этого обзора член Общества А. Смельский вместе с английскими, американскими, французскими и итальянскими инженерами посетил в апреле 1865 г. строительство канала. Присланное им письмо еще до опубликования было прочитано на общем собрании Русского Географического общества и вызвало там живое обсуждение.

Перечитывая сейчас статьи, корреспонденции, письма русских людей, посетивших в разные годы трассу будущего канала, вновь убеждаешься в той глубокой симпатии, с которой они относились к египетским феллахам — строителям гидротехнического сооружения. Автор обзора, подписанного буквой М. и опубликованного в 1868 г. журналом «Всемирный

¹⁶ «Владивосток», 1895, 17 сентября.

¹⁷ А. Ковалевский печатался в газете «Владивосток» под псевдонимом «Vox».

¹⁸ «Инженерный журнал», СПб., 1862, № 5, стр. 363.

¹⁹ См.: «Письмо Фердинанда Лессепса вице-председателю Русского Географического общества» (ВРГО, 1858, ч. 24, № 10, отд. V), стр. 31.

²⁰ ВРГО, 1860, ч. 28, № 4, отд. III, стр. 1—12; ВРГО, 1860, ч. 29, № 5, отд. III, стр. 1—14.

²¹ ИРГО, 1865, т. 1, отд. II, стр. 109—117.

30 отъ Петербурга 440

Карта положения работ на строительстве Суэцкого канала (Ирго 1865)

путешественник», рассказывал, в частности, о каторжных условиях труда на гигантской стройке, потрясших и Александра Ковалевского. «Работники, — сообщал после посещения одного из участков автор, — расположены, в числе двенадцати тысяч, на пространстве нескольких километров; одни копают землю кирками вниз откоса, в самом ложе будущего канала, и вырытая земля передается из рук в руки, в тростниковых корзинах, называемых куффа, до самого верха откоса. Этот первобытный способ сопровождается удивительными результатами, которые поразили бы нас еще более, если бы мы забыли, что находимся на той классической почве, где колоссальные работы исполнялись руками человеческими»²².

Придя в негодование от первобытных способов труда, практикуемых на стройке управителями Международной компании, русский путешественник не мог «не подивиться способности и гигантскому терпению рабочих-арабов»²³. К этому заключению пришел и другой свидетель строительства канала, выдержки из письма которого были опубликованы в «Вестнике Европы» в статье, подписанной криптонимом Л. А-в. Вот какая безрадостная картина предстала перед ним на Суэцком перешейке:

«Рабочие (арабы. — А. Л.) становились рядами перпендикулярно к линии канала, так что стоявшие в середине ряда находились ногами в воде. Отделив железною лопатою со дна ком земли, они брали этот ком в руки и передавали его из рук в руки до линии откоса; там поочередно становились другие рабочие, спиной к первым, и заложив руки за спину, так чтобы образовать из себя нечто вроде ходячей тачки. Когда такой рабочий чувствовал у себя на спине достаточно комов по тяжести, он, согнувшись, шел до линии, означавшей высоту откоса, и там, выпрямляясь, опускал руки, и ноша падала у него с плеч и спины. Прием самого первобытного свойства!

Само собой разумеется, что рабочие оставались голыми выше пояса, и вся эта траншея во время работы представляла зрелище весьма плачевного свойства: зеленая вода стекала из этих комов жидкою грязью и проводила на коже бедняков узоры, сообразные с их движениями... Удивляться ли тому, что когда на перешейке появилась холера, то рабочие валились, как мухи?..»²⁴

Наблюдения, сделанные на канале русским человеком, чье имя пока еще не установлено, подтвердили заключения, к которым пришли и А. Ковалевский и автор статьи во «Всемирном путешественнике». Он, как и другие его соотечественники, как и передовые деятели западных стран той поры, не только обличал угнетателей, но и отмечал необыкновенное трудолюбие, исключительное усердие, поразительную ловкость арабов, согнанных со всех концов страны на строительство канала.

Автор статьи в «Вестнике Европы» пришел к справедливому заключению, что привлечение многотысячных масс арабов к строительству канала наносило огромный урон сельскому хозяйству Египта. Арабов сгоняли не только из ближайших к трассе местностей. Их посылали сюда и из Верхнего Египта. Эти бедняки, помимо месяца, отрабатываемого на стройке, теряли по пяти и более дней на длительный путь. У земледелия, подсчитал Л. А-в, постоянно отнято было не только 20 тыс. рабочих, занятых на строительстве, но и то число, которое находилось в пути, чтобы их заменить.

²² М., *Поездка к Суэцкому каналу в 1862 году* («Всемирный путешественник», 1868 т. IV, вып. 41), стр. 650.

²³ Там же.

²⁴ Л. А-в *Суэцкий канал* («Вестник Европы», 1869, т. VI, кн. 12), стр. 813—814.

АРАБЫ-РАБОЧИЕ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА
(рисунок из журнала «Всемирная иллюстрация», 1869 г.)

По мере того как приближался день торжественного открытия канала, русская периодическая печать уделяла ему все больше и больше места. И по-прежнему во многих журнальных и газетных материалах настойчиво проводилась мысль, что истинными создателями нового водного пути были египетские феллахи. Журнал «Всемирная иллюстрация», публикуя за две недели до торжеств большую корреспонденцию «Суэцкий канал», сопровождал ее, в числе прочих, рисунком, изображавшим рабочих-арабов на строительстве гидротехнического сооружения²⁵.

* * *

В России многие получили приглашение приехать в Египет на торжество по случаю открытия Суэцкого канала. Среди них были адмирал Н. М. Чихачев, представитель Русского Технического общества генерал М. Тилло, петербургский профессор-путеец И. П. Глушинский, писатель В. А. Соллогуб, художник И. К. Айвазовский, действительный член Русского Географического общества Ф. Г. Тернер и др.

27 октября (ст. ст.) 1869 г. из одесской гавани отплыли два парохода — «Генерал Коцебу» и «Владимир». На каждом было около 60 пассажиров, отправлявшихся на праздник. Почти одновременно в море под флагом контр-адмирала Бутакова вышел паровой клипер «Яхонт».

Курс на Суэц взяли также военная шхуна «Псезуапсе» и пароход «Олег», на котором Русское общество пароходства и торговли отправило в Египет свой приветственный адрес. В нем говорилось: «...Русское общество пароходства и торговли, живо сочувствующее всему, что может содействовать успехам торговых сношений его отечества, внимательно следило за ходом работ Морского Канала, первое приветствовало посылкою своих пароходов открытие Порт-Саида, непрестанно посещало эту гавань с 1866 года...»²⁶

²⁵ «Всемирная иллюстрация», 1869, т. II, № 45, стр. 292.

²⁶ «Всемирная иллюстрация», 1870, т. III, № 55, стр. 60.

Художник, оформлявший написанное на роскошном пергаменте приветствие, причудливо соединил в двух половинках одного портика русский стиль с арабским, символизируя этим дружественные отношения России и Египта. Художественные открытки, воспроизводившие адрес Русского общества, по свидетельству присутствовавших на открытии русских гостей, охотно раскупались жителями Александрии и других городов Египта.

Утром 17 ноября н. ст. 1869 г. Суэцкий канал начал прием гостей. Пятым судном, прошедшим по каналу, был клипер «Яхонт». Он прошел мимо двух других русских пароходов — «Генерал Коцебу» и «Владимир», стоявших у входа в ожидании своей очереди. «Когда „Яхонт“ с русским флагом поровнялся с ними, — сообщал находившийся на борту парохода „Генерал Коцебу“ корреспондент „Всемирной иллюстрации“, — мы все высыпали на палубу и приветствовали его громким „Ура!“ ... Минута эта показалась мне так торжественною, что я упрямился достойнейшего И. К. Айвазовского тотчас же набросать ее беглый очерк»²⁷.

Эта поездка на Арабский Восток произвела, по-видимому, на художника огромное впечатление. Не случайно, конечно, вспоминая девять лет спустя по просьбе «Русской старины» свой жизненный путь, он не обошел молчанием и путешествие на торжества открытия морского канала. «Когда наш пароход входил в Суэцкий канал, — рассказывал Айвазовский, — шедший впереди его пароход французский сел на мель, и пловцы принуждены были переждать, покада тот снимется. Эта остановка длилась часов пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустынным берегам древней страны фараонов, отторгнутой каналом Лессепа от азиатского материка... Чтобы скоротать время, пассажиры русского парохода устроили импровизированный вольный концерт: г-жа Киреева, обладая прекрасным голосом, приняла на себя обязанность запевалы; стройный хор подхватывал. И вот на берегах Египта зазвучали песни о „матушке Волге“, о „тёмном лесе“, о „чистом поле“ и понеслись по волнам, осеребрённым луною, ярко светившею на рубеже двух частей света»²⁸.

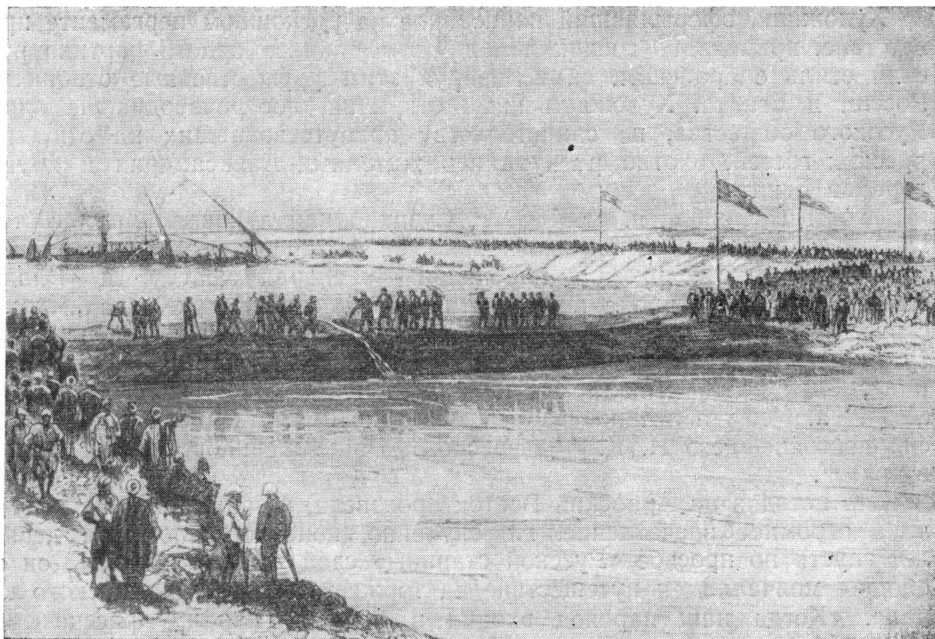
Побывавшие на празднествах корреспонденты русских газет и журналов, военные деятели, инженеры, ученые, писатели оставили записки, статьи, корреспонденции, в которых подробно описали торжество открытия канала. И в большинстве этих свидетельств очевидцев мы находим первостепенной важности деталь, которую постаралась обойти молчанием реакционная зарубежная печать. Отдавая должное необычайной пышности праздника (для оплаты которого Египту пришлось пойти еще на один кабальный заем!), гости из России отмечали прежде всего историческое значение Суэцкого канала для будущего Египта. Они выражали надежду, что прорытый на египетской земле морской канал принесет значительное улучшение не укрывшемуся от их внимания жалкому экономическому положению страны.

Называя соединение Средиземного моря с Красным «одним из величайших предприятий века», побывавший на открытии бассейнов горьких озер на Суэцком перешейке корреспондент «Всемирной иллюстрации» рассказывал: «День открытия бассейнов горьких озер был днем большого торжества для Египта... Все окрестное население на двадцать миль в окружности собралось смотреть на первый акт события, дол-

²⁷ Н. Мосолов. *Открытие Суэцкого канала* («Всемирная иллюстрация», 1870, т. III, № 54), стр. 30.

²⁸ «Иван Константинович Айвазовский и его XLII-летняя художественная деятельность» («Русская старина», 1878, т. XXIII, кн. 9), стр. 289.

ПОСЛЕДНИЙ СПУСК ВОДЫ ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ СУЭЦКОГО КАНАЛА
(рисунок из журнала «Всемирная иллюстрация», 1869 г.)

женствующего создать новую эпоху для египетского королевства...»²⁹ Корреспондент считал, что от окончания работ на Суэцком канале зависит будущее Египта.

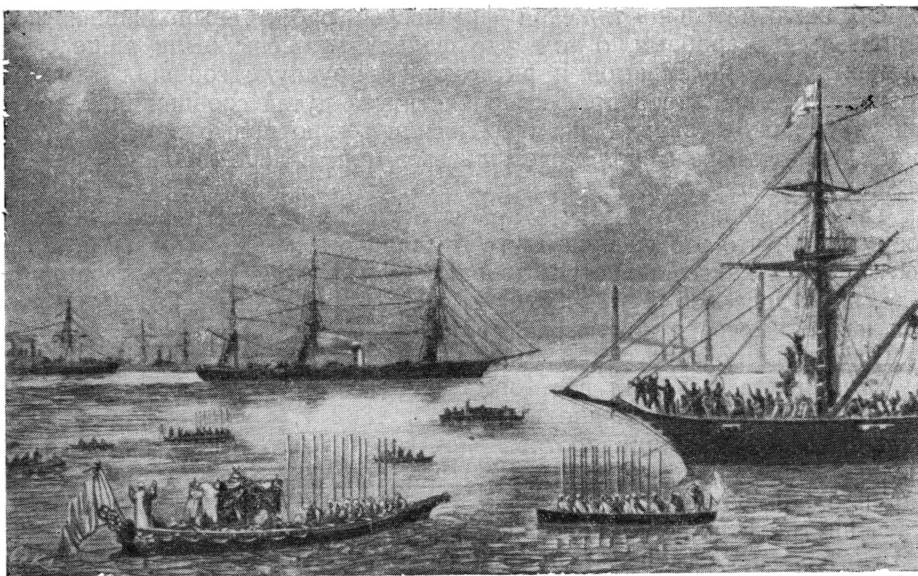
Корреспондент другого русского периодического издания — «Морского сборника», также побывавший на торжествах, высказал уверенность, что канал принесет значительную выгоду прежде всего Египту. «Более всех, — писал некий А. Г., — без сомнения, выиграет Египет, уже по своему географическому положению... С оживлением торговли оживится деятельность и внутри страны и разовьются сношения с южными берегами Азии и Африки... Берега канала, без сомнения, будут постепенно заселяться и обрабатываться, что при благословенном климате Египта даст новые источники доходов государству»³⁰.

Однако уже тогда, в конце 60 — начале 70-х годов наиболее проницательные люди высказывали опасения, что плоды труда феллахов будут присвоены западными государствами. Отмечая исключительное географическое положение Египта, видя условия возможного расцвета этой арабской страны в ее климате, почвах, растительности, а также в созданном на ее территории Суэцком канале, Вл. Соллогуб предвидел, что Англия превратит канал «для себя в доходную статью». «Либерализм Англии, — заявлял он, — останавливается на пределах ее выгод... Не будучи уже в силах уничтожить предприятие, она овладевает им силою своих капиталов и поработщает своим расчетом, хотя временно, будущее возникающего края»³¹.

²⁹ «Открытие бассейнов горьких озер на Суэцком перешейке» («Всемирная иллюстрация», 1869, т. I, № 18), стр. 283.

³⁰ А. Г., *Суэцкий канал и его значение для мореплавания и торговли* («Морской сборник», 1870, т. CVIII, № 5, неофициальный отдел), стр. 160—161.

³¹ В. А. Соллогуб, *Новый Египет* (Публичный отчет и путевые впечатления), СПб., 1871, стр. I—II.

ОТКРЫТИЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА. РУССКИЕ СУДА ВХОДЯТ В КАНАЛ
(рисунки А. Бегрова с наброска И. Айвазовского)

Несмотря на то что русские гости прибыли в Египет уже к самым торжествам, им удалось все же ознакомиться с условиями строительства канала. Ф. Г. Тернер, командированный на Суэцкий перешеек Русским Географическим обществом, выступил 10 февраля 1870 г. на общем собрании Общества с обширным докладом³², в котором подробно изложил историю канала, сообщил о том противодействии, которое оказывалось строительству со стороны Англии. Придя к заключению, что новая водная магистраль имеет мировое значение, Тернер отметил также исключительную важность этого морского пути для России. Особый интерес вызвал у слушателей рассказ Тернера об условиях, в которых велось гигантское строительство. На основе собранных им в Египте достоверных сведений он подтвердил, что Суэцкий канал удалось прорыть только благодаря беспримерному подвигу многотысячной армии египетских феллахов.

«Проложение канала по болотистой местности озера Мензалэ, — рассказывал Ф. Г. Тернер позднее, в мае 1870 г., в статье „Поездка на Суэцкий канал“, — представляло немало затруднений... Затруднения были преодолены только благодаря трудам местного населения, разбросанного по озеру Мензалэ и привыкшего работать в воде и иле, растягивая рыболовные сети. Они голыми руками выкопали первое углубление канала... Они становились ногами в воду, выгребали руками ил, выжимали из него воду, и полученные таким образом глыбы твердой липкой массы раскладывали по краям канала, образуя искусственную ручную плотину, достаточную для противодействия на некоторое время приливу жидкого ила в только что выкопанное пространство. Этим первобытным способом было вырыто первое углубление канала на протяжении 44 верст, т. е. вдоль всего озера Мензалэ»³³.

³² «Журнал общего собрания Русского географического общества» (ИРГО, 1870, т. VI, № 1, отд. I), стр. 38—40.

³³ «Вестник Европы», 1870, т. III, стр. 71—72.

Об исключительно тяжелой физической работе, выполнявшейся на строительстве арабами, о том, что феллахи лишены были даже самых элементарных механизмов и рыли канал вручну, сообщал также по возвращении из Египта профессор Института путей сообщения И. П. Глушинский. Арабы, заявил он, «переносили землю прямо в руках, в корзинах, сплетенных из пальмовых листьев, или в деревянных ведрах, насаженных на шест»³⁴.

Таким образом, о том, что арабы были творцами гидротехнического сооружения, что это их руками (в буквальном смысле слова!) был прорыт Суэцкий канал, свидетельствовали многие наши соотечественники — и те, кому довелось быть очевидцем строительства, и те, кто присутствовал на торжестве открытия водного пути.

Отстаивая позднее право египтян на Суэцкий канал, военный моряк И. Овчинников выражал в «Морском сборнике» справедливый гнев по поводу того, что англичане сделали в 1882 г. Суэцкий канал базой своих военных операций против войск восставшего Араби-паши. «Заняв после этого Египет, — писал в 1899 г. Овчинников, — англичане до сих пор продолжают свою оккупацию, ссылаясь на необходимость поддерживать внутри страны спокойствие и порядок». «Присутствие англичан в Египте, — предостерегал русский моряк, — следует считать опасным в интересах международного положения Суэцкого канала»³⁵.

Овчинников отмечал, что среди части англичан, в том числе среди английских юристов, раздавались в то время трезвые голоса, протестовавшие против захвата Суэцкого канала. Он ссылаясь при этом на заключения британских специалистов по международному праву, утверждавших, что, несмотря на заинтересованность Англии в Суэцком канале, она не имела никакого права на владение этим водным путем.

Называя в той же статье, опубликованной в 1899 г., положение Египта чрезвычайно ненормальным, Овчинников акцентировал внимание читателей на то, что английская оккупация страны затянулась к тому времени более чем на 15 лет. «Такое продолжительное и незаконное занятие, — утверждал он, — служит явным доказательством английских стремлений присоединить Египет к своим владениям»³⁶.

Анализируя современное ему положение Суэцкого канала, Овчинников высказывал и тут же обосновывал свое предположение: политика англичан в отношении Арабского Востока строится в расчете на те выгоды, которые они надеются извлечь из господства над Египтом и проходящим через его территорию каналом. «В военном отношении, — сообщал Овчинников, — власть над Египтом окончательно устанавливает господство Англии над всем путем, который через Гибралтар, Мальту, Кипр, Порт-Саид, Суэц и Аден ведет к берегам Индии. Твердо укрепившись в Египте, — предсказывал русский моряк, — Англия не преминет отказаться от Константинопольской конвенции...»³⁷

Однако, несмотря на все мрачные предзнаменования, несмотря на трагическую судьбу Суэцкого канала, русские люди еще в прошлом столетии твердо верили в лучшее будущее египетского народа. Они были убеждены в том, что не напрасно честные, трудолюбивые арабы связывали с Суэцким каналом самые светлые надежды. Это чувство выразил Вл. Соллогуб. «На Суэцком канале, — торжественно провозглашал он в своей книге, — мы приветствуем первое пробуждение Востока... При-

³⁴ И. П. Глушинский, *Суэцкий канал*, СПб., 1870, стр. 25.

³⁵ И. Овчинников, *Международные каналы* («Морской сборник», 1899, т. ССХСІ, № 4, неофициальный отдел), стр. 153.

³⁶ Там же, стр. 164.

³⁷ Там же, стр. 165.

дет время, и сотни миллионов рабов узнают свободу; придет время, и сотни миллионов жертв чужой корысти... получают неотъемлемые права неотъемлемого имущества...»³⁸

День пробуждения Востока настал! Египетский народ отстоял свои законные права на Суэцкий канал. И советские люди, потомки моряков, путешественников, инженеров, литераторов — свидетелей беспримерного трудового подвига египетских феллахов, приветствуют эту историческую победу свободолюбивых арабов.

---

³⁸ В. А. Соллогуб, *Новый Египет*, стр. 36.

Т. А. Шумовский

АРАБСКОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ ДО ИСЛАМА

Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 13 июня 1957 г.

«Мусульмане... в целом не слывут большими любителями морского дела», — заявил Бернар Карра де Во в 1921 г., приступая к обзору истории арабской морской литературы¹. Французский ученый не заметил, что пятью страницами ниже он вступил в противоречие с собою, говоря об арабских лодманах, которые, «подобно тысяче других», путешествовали или (!) составляли книги», откуда он справедливо заключил, что морская литература в ту отдаленную эпоху была значительна².

«Моря арабы не любили», — заметил И. Ю. Крачковский в работе, написанной спустя полтора десятилетия³. Глава нашей арабистики был полностью осведомлен об успешных изысканиях основателя науки об арабской талассографии Г. Феррана⁴. Он и сам внес заметный вклад в построение новой отрасли научной арабистики. Накопление позитивных фактов ломало сложившиеся представления, и в статье, появившейся почти одновременно с «Арабской культурой в Испании» и тоже выросшей из публичной лекции, автор скептической фразы об арабской навигации констатировал, что в халифате «морские путешествия по своему масштабу не уступали сухопутным»⁵.

Эта противоречивость оценок показывает, насколько был силен напор новых фактов и одновременно насколько устойчивы были в мышлении

¹ Бернар Карра де Во, *Арабские географы*, перевод с французского Ольги Крауш под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, Л., 1941, стр. 23. — На французском языке эта книга вышла в 1921 г.

² Между прочим, этот правильный тезис Карра де Во основывает на неверном переводе слова *ألف*. В том фрагменте из «Книги Польза» Ахмада ибн Маджида, который он имеет в виду (л. 4), следует читать не *ألف* «тысяча», а, подразумевая более простой и естественный оборот, *ألف* «сочинял» [ср. поздние переводы Феррана: Shihāb al-Dīn («Enzyklopaedie des Islam», Bd IV, Leiden — Leipzig, 1934), S. 394; Gabriel Ferrand, *Les mu'allim Ibn Majid et Sulayman al-Mahri* («Introduction à l'astronomie nautique arabe», Paris, 1928), p. 224].

³ И. Ю. Крачковский, *Арабская культура в Испании*, М.—Л., 1937, стр. 6.

⁴ «...Я любовался, с каким мастерством французский ориенталист Ферран вводил в науку неизвестную раньше интереснейшую главу о морской географии XV века» (И. Ю. Крачковский, *Над арабскими рукописями*, М.—Л., 1945, стр. 53).

⁵ И. Ю. Крачковский, *Арабские географы и путешественники* (ИВГО, т. 69, вып. 5, 1937), стр. 748.

ученых реминисценции традиционных представлений, согласно коим араб мог проявлять себя в любой сфере деятельности, но лишь в узких рамках сухопутного мира — в границе, очерченной горизонтом пустыни, городской стеной или оградой своего дома. Наиболее откровенно и странно эти представления сформулированы Мартином Хартманом: «Вообще говоря, ислам боится моря; с самого начала он был подавлен ощущением морского превосходства неверных и практически почти не прилагал никаких усилий, чтобы оспорить их господство. Когда мусульманский флот предпринимал экспедиции, они почти всегда протекали неудачно; все нападения на Византию с моря были отбиты»⁶.

Приведенные слова были написаны всего через год после обнаружения рукописей арабских мореходов, когда отрасль арабистики, вызванная к жизни результатами этой находки, еще ничем не успела заявить о своем существовании и жизнеспособности. Для того времени высказывание М. Хартмана не удивительно: ведь наука из века в век изображала арабов как сухопутный народ, «сынов пустыни». Но и через тридцать лет, уже после работ Феррана, С. Надави, приведя это высказывание, считает, что к нему может присоединиться «каждый честный историк»⁷. При этом факты, приводимые им в обширной статье, говорят как раз обратное.

Таким образом, непоследовательность при оценке фактов арабской морской истории смогла дожить до последнего времени. Это положение изменится лишь тогда, когда изучение талассографии арабов перестанет быть занятием единичных энтузиастов, а станет предметом работы целой научной школы и приведет к созданию новой традиции в арабистике.

Пришла пора для попытки воссоздать на основе подлинных источников, которыми располагает современная наука, общую историческую картину морской деятельности арабов.

Нам придется вспомнить два высказанных выше определения: «мусульмане... в целом не славятся большими любителями морского дела» (Карра де Во), «моря арабы не любили» (И. Ю. Крачковский). Высказанные на двух концах Европы, они разительно совпали благодаря общему происхождению — от сложившегося взгляда на арабов как на чужаков, созданных для пустыни, но облагодетельствованных влиянием сопредельных оседлых культур, как на пастухов, завоевавших полмира, но лишь на сухопутных пространствах. В этих определениях неудовлетворительна попытка придать субъективному ощущению роль исторической необходимости, объяснить исторические факты только проявлением национальных симпатий и антипатий. Тезис, построенный без учета реальных исторических условий, не может серьезно учитываться в науке.

В новейшей специальной литературе С. Надави первый прямо указал на важную роль географического фактора в истории арабского мореплавания. Обращая внимание исследователей на тот очевидный факт, что Аравия с трех сторон окружена морем и кратчайшие пути в Рим, Абиссинию, Индию и Китай были водными, он констатирует, что бесплодность аравийского хинтерланда заставила арабское общество рано обратиться к торговле, в значительной степени морской⁸. Л. де Сосюр отметил, что еще в глубокой древности близость различных центров цивилизации и обилие продуктов для обмена вызвали к жизни оживленное торговое мореплавание в Индийском океане⁹. В полном соответствии с данными со-

⁶ Martin Hartmann, *China* («Enzyklopaedie des Islam», Bd I, 1913), S. 879.

⁷ S. S. Nadavi, *Arab navigation* («Islamic culture», 1942, vol. XVI, № 1), p. 86.

⁸ S. S. Nadavi, *Arab navigation* («Islamic culture», 1941, vol. XV, № 4), p. 435.

⁹ Leopold de Saussure, *L'origine de la rose des vents et l'invention de la boussole*, (Introduction à l'astronomie nautique arabe», Paris, 1928), p. 118.

временной науки находится заявление арабского лоцмана XV в. Ахмада ибн Маджида, что «суда, исчислявшие течение звезд, плавали в Великом [Красном.— Т. III.] море еще во времена пророков»¹⁰.

Энгельс, разбирая в письме к Марксу от 6 июня 1853 г. вопросы землеведения на Востоке, писал:

«Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно обработанные, теперь заброшены и пустыньны (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет»¹¹.

Это указание ставит под сомнение ту часть вывода Надави, где причиной мореплавания у арабов выдвигается бесплодность аравийских пустынь. Ассириолог Р. Дауэрти в своей недавней (1932) книге «Поморье древней Аравии» убедительно показал, что пустынность внутренней части полуострова не извечна. От Персидского залива (Бахрейн и Йамама) до йеменской Тихамы простирался морской придаток древней Вавилонии, представлявший цветущую и плодородную страну¹². В этом случае, как и обычно, надежные свидетельства дает топонимика. Такие названия, как *Бахрайн* («два моря»), *Йамма* (от корня *йамма* — «быть покрыту морем»), *Тихама* (от евр. *техом* — «море», ср. вавилонское *тӣмту* с аналогичным значением, откуда *т̄амтим* — «поморье» вавилонских клинописных надписей), отражают большую роль моря в древней жизни областей Аравийского полуострова.

Многие исследователи приходят к заключению, что уже в ту отдаленную эпоху морская деятельность арабов была значительной. «Подобно финикийцам,— отмечает Дж. Неру,— арабы отправлялись в далекие страны для установления с ними торговых связей»¹³. З. Френкель подчеркивает, что в древние времена судоходство в Персидском заливе находилось в руках арабов¹⁴. По данным А. Кремера, «морское сообщение между южной Аравией и африканским побережьем несомненно происходило до ислама и восходит к глубокой древности»¹⁵. В. Клемеша называет древних арабов «великим обществом, занятым перевозками товаров по суше и морю»¹⁶. Характеризуя это общество термином «талассократия», он находит его экономические истоки в морской торговле Ура и Шумера с Индией и Африкой. Такому тезису соответствует вывод Гордона Чайлда о том, что «первоначалное процветание Шумера связано с шумеро-индийским общением»¹⁷ и что «часть торговли между Евфратом и Индом велась морем... Однако ни жители Инда, ни шумерийцы не были мореплавателями. Имелся... морской народ (*maritime people*), действовавший как посредник между Египтом, Месопотамией и Индией... Южное побережье Аравии, и особенно район Омана, было родиной смелых моря-

¹⁰ «Книга польз» (كتاب الفوائد في اصول علم البحر و التواعد), рук. 2292 Национальной библиотеки в Париже, № 1, л. 14.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные письма*, М., 1953, стр. 75.

¹² R. Ph. Dougherty, *The sealand of ancient Arabia*, New Haven, 1932, p. 54.

¹³ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 238.

¹⁴ Siegmund Fraenkel, *Die aramäischen Fremdwörter im Arabischen*, Leiden, 1886, S. 210.

¹⁵ A. v. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Bd. II, Wien, 1875—1877, S. 279.

¹⁶ William Wesley Clemesha, *The early Arab thalassocracy* («The Journal of the Polynesian society», 1943, vol. 52, № 3), p. 130.

¹⁷ Gordon V. Childe, *The most ancient East*, London, 1928, p. 199.

ков, торговавших с портами Эфиопии, Синда и Персидского залива. Аравийское море получило свое имя от них... Эти центры морской торговли процветали еще в четвертом тысячелетии»¹⁸. И. Ю. Крачковский оценивает роль южной Аравии в истории древнего Востока, особенно в торговле, как «мировую» и поясняет: «Аравия являлась посредницей в товарообмене между Индией и восточной Африкой, с одной стороны, областями Тигра — Евфрата и Римской империей — с другой»¹⁹. Наконец, индийский ученый Нафис Ахмад пишет:

«Арабы явились первыми навигаторами в Индийском океане... Задолго до того как кто-либо другой — персы, индийцы, китайцы, египтяне, греки или римляне стали плавать в южных морях, арабы были единственной нацией, которая выдвинула мореходов, путешественников и купцов в Индийском океане»²⁰.

«Арабы,— продолжает Н. Ахмад,— приобрели это занятие благодаря географическому положению своей страны. *Джазйрат ал-'араб* с трех сторон окружен водой. Красное и Аравийское моря, а также Персидский залив соединяются, а Индийский океан предоставляет Аравии водное сообщение с побережьями Индии... Морские районы Аравии — Хиджаз²¹, Йемен, Хадрамаут, Оман, Бахрейнские острова — пожинали обильные плоды морского контакта. Они во все века были местопребыванием навигаторов... Морской путь между восточным и западным миром касался полуострова (Аравийского.— *Т. III.*) во многих местах»²².

Археология ввела в обиход науки множество памятников культуры, красноречиво свидетельствующих о крупной роли навигации в жизни древних стран Ближнего Востока, среди которых по размаху морской деятельности Аравия занимала главное место. Еще в III тысячелетии до н. э. арабские моряки на своих кораблях привозили в шумерские поселения диорит. Он употреблялся для строительных работ, а также как материал для изготовления статуй. Многочисленные памятники, воздвигнутые правителем Нарамсином в Агаде и патеси Гудеа в Лагаше в честь самих себя, высечены из привозного камня, доставлявшегося из Магана (нынешний Оман) по «Нижнему» морю (так называли в Вавилонии Персидский залив в отличие от «Верхнего» — Средиземного моря). Дж. Хорнэл справедливо считает, что употребление в Нижней Месопотамии для работ большого масштаба заморского хорошо обработанного диорита свидетельствует о развитой морской торговле²³. По тому же «Нижнему» морю шли корабли военной экспедиции, посланной Нарамсином (2795—2739 гг. до н. э.) для усмирения мятежных данников на побережьях Персидского залива.

Шумерские и аккадские надписи III тысячелетия подтверждают наличие морских связей между Месопотамией с одной стороны и странами

¹⁸ Ibid., p. 214.

¹⁹ И. Ю. Крачковский, *География у арабов до первых географических произведений* («Ученые записки ЛГУ», № 98, сер. востоковедческих наук, вып. 1, 1949), стр. 18.

²⁰ Nafis Ahmad, *The Arabs' knowledge of Ceylon*. («Islamic culture», 1945, vol. XIX, № 3), p. 224.

²¹ «Арабы Хиджаза не имели морской традиции... На что могли претендовать эти верблюдами? — презрительно спрашивает де-Вилар. — Лишь Муавия (661—680) начал строить арабский флот» [Ugo Monneret de Villard, *Note sulle influenze asiatiche nell'Africa orientale* («Rivista degli Studi orientali», 1938, XVII, fasc. IV)], p. 316. — Это утверждение не мешает автору страниц ниже в соответствии с данными ал-Мукаддаси говорить о большом морском значении Джебды, которое он ставит в заслугу населявшим ее персам.

²² N. Ahmad, *The Arabs' knowledge of Ceylon*, p. 224.

²³ James Hornell, *Sea-trade in early times* («Antiquity», 1941, vol. XV, № 59), p. 236.

Дильмун (Бахрейн), Маган (Оман) и Мелухха — с другой²⁴. Текст из Лагаша от 2050 г. до н. э. говорит о кораблестроителях из Магана, и чаштица «ма» в названии этой страны, означающая по-шумерски судно, является дополнительным свидетельством о занятии жителей этого участка восточноаравийского побережья.

Вместе с тем, как подчеркивает Дж. Хаурани, «берега Аравии во все исторические времена имели морские связи с другими странами»²⁵, и это бесспорное обстоятельство не позволяет ограничивать состав торговых партнеров Аравии одной Вавилонией.

Побережье Индийского океана на длинном участке от устья р. Замбези в Африке до полуострова Катиавара в Индии безлесно. Когда Александр Македонский снаряжал морскую экспедицию под начальством Нearcha, прошедшую между Индом и Евфратом, его корабли были построены на средиземноморском берегу, затем в разобранном виде доставлены в Нижнюю Месопотамию и здесь вновь собраны и спущены на воду. Из всех областей индоокеанского бассейна единственным местом, где произрастали рощи корабельного леса, являлся Малабар. Индийский лес найден в развалинах Ура и сопредельных поселений. Арабы привозили его на кораблях и волоком по воде, применяя тот же способ доставки, который известен в отношении кокосовых пальм. Кремер говорит:

«Уже задолго до ислама в этой области [Месопотамии.—Т. III.] господствовало правильное корабельное сообщение. Арабы скоро освоились с морем. Население Омана особенно выделялось смелыми морскими путешествиями. Одним из замечательных примеров является ввоз кокосовых орехов с Мальдивских островов, шедший через арабов. От южного побережья Аравии они направлялись к этим островам, срубали там кокосовые деревья, подвозили суда и грузили целые стволы вместе с плодами. Затем, используя муссон, плыли обратно в Аравию»²⁶.

Плоды кокосовой пальмы шли на рынок, а волокно коры после довольно сложной обработки употреблялось для пришивки досок к деревянному остову судна. Из других сортов леса, вывозимого преимущественно с Малабара на юго-западном побережье Индии, дерево «джак» (*Autocarpus intergrifolia*) применялось для изготовления остова кораблей, «веламадху» (*Terminalia tomentosum*) и «аине» (*Autocarpus hirsuta*) — для килей, тиковое дерево (*Tectona grandis*) — для дощатой обшивки, форштевней и ахтерштевней. Дерево «пун» (*Calophyllum tomentosum*) служило материалом для мачт, а «пали» (*Paloquum ellioticum*) — для гафелей косого паруса. Из Малабара в Ур и Ниппур, Урук и Вавилон арабские моряки привозили также розовое дерево, сандал и эбен. Эти ценные сорта подвергались тонкой художественной обработке.

Малабарский лес считался лучшим в мире. Из него строились все корабли Индийского океана. Это обстоятельство рано включило Малабар в орбиту индоокеанской торговли. Одна из древних индийских повестей о рождении Будды, получившая название «Баберу-джатака», рассказывает об оживленной торговле Вавилона (Баберу) с индийскими купцами, главным образом с негоциантами западного побережья.

Если лес представлял основную статью индийского вывоза в Вавилонию, то сразу после него следует назвать пластинки снежно-белого фар-

²⁴ Некоторые исследователи видят Маган и Мелухху шумерских надписей в далеком Верхнем Египте и на Синае. Упоминание в надписях гор с диоритом и медью, а также рощ финиковых пальм заставляет отдавать предпочтение идентификации Магана с Оманом, а Мелуххи — с областью, прилегающей к нему с юга.

²⁵ George Fadlo Hourani, *Arab seafaring in the Indian Ocean in ancient and early medieval times*, Princeton, 1951, p. 6.

²⁶ A. v. Kremer, *Culturgegeschichte...*, Bd. II, S. 275.

фороподобного панциря священной черепахи вида *Xancus Tnrbuiella* rugum, находимые археологами в развалинах Киша, Ура и Лагаша. Этот вид встречается лишь в прибрежных водах южной Индии и Цейлона. Постоянные морские связи индийского побережья со странами Персидского залива, особенно характерные для третьего и первого (Ахемениды) тысячелетий до н. э., не оставляют сомнений в способе доставки пластинок, если к тому же учесть, что экспедиции по суше требовали большего времени и дополнительных затрат. Эта своеобразная статья экспорта удовлетворяла спрос храмов и богатых женщин Вавилонии на заморские украшения, стоившие довольно дорого.

Арабские суда ходили не только на восток. Не менее оживленными были сношения арабов с Египтом. Б. М. Лобач-Жученко отмечает, что «посредниками между египтянами и индусами долгое время были арабы, которые совершали опасные путешествия между Персидским заливом и Красным морем на плотях, поддерживаемых на воде мехами из бычачьей кожи»²⁷.

Многочисленные корабли, увековеченные петроглифами на скалах восточной пустыни Египта, особенно в районе Вади-Хаммамат, красноречиво свидетельствуют о древности египетского мореплавания. Оно вдохнуло жизнь в области, обращенные к водам Красного моря. Подобно Дауэрти в отношении Аравии, Дж. Хорнэл устанавливает, что в «доисторические и додинастические времена Верхний Египет от Нила до Красного моря был не пустыней, как сейчас, а обильно орошаемой областью с богатой флорой и фауной»²⁸. В эту обетованную землю из южной Аравии переселились родственные эламитах племена, которых семиты постепенно вытесняли из экономических продуктивных областей на побережьях Персидского залива. Распространяясь по океанскому (южному) берегу Аравии, эти племена дошли до Йемена. Вопреки Хорнэлу, отрицающему связь этих племен с Месопотамией, принесенный ими в Африку тип корабля позволяет настаивать на этой связи, поскольку он обнаруживает недвусмысленное сходство с типом речного судна на Тигре и Евфрате, запечатленным на ассирийских памятниках из развалин дворца Саргона II в Хорсабаде. Прямой киль и высокие концы отличают этот иноземный тип корабля от первоначального типа египетского судна, показанного петроглифами Вади-Хаммамат; для последнего характерен серповидный остов с более слабо выраженными концами, широкий корпус и обилие гребцов. Лишенное парусов, такое судно предназначалось преимущественно для плавания при попутном ветре в спокойных водах внутри страны или близ ее берегов, т. е. было речным или каботажным. Морские суда Египта, приближающиеся к ассирийскому типу, изображены на стенах гробницы последнего фараона III династии Снофру (3100 г. до н. э.). По свидетельству источников (палермская надпись), их длина составляла от 40 до 100 локтей (18—45 м). Они строились на верфях древнего сирийского торгового порта Библа²⁹, а затем в разобранном виде перевозились к побережью Красного моря, где вновь собирались и спускались

²⁷ Б. М. Лобач-Жученко, *Замечательные путешествия и географические открытия*, ч. 3, М., 1926, стр. 10.

²⁸ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 234.

²⁹ Иначе Гебал. (В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, М., 1953, карта на стр. 232—233) или по-древнеегипетски Кебен [В. И. Авдиев, *Возникновение и развитие торговых и культурных связей древнего Египта с соседними странами* («Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, секция египтологии», М., 1954), стр. 15]. «Старинная религиозная традиция, связывающая легенду об Озирисе и его культ (священное дерево, гроб и голова воскресающего бога приходы) с Библом, свидетельствует об очень древних и прочных торговых и культурных связях Египта с Сирией» (В. И. Авдиев, *Возникновение...*, стр. 14).

на воду³⁰. Эта практика, объяснявшаяся отсутствием корабельного леса в красноморском районе, а также на берегах Персидского залива, продолжалась и в более позднее время. Таков, например, был обычный способ транспортировки судов из Нила в Красное море на протяжении длительных периодов бездействия восточнонильского канала. По свидетельству Диодора Сицилийского, Семирамида, заказывая корабельным мастерам в Сирии, Финикии и на Кипре суда для своего флота, указывала, что они должны быть разборно-переносными. Арриан, Диодор и Страбон говорят о перевозке посуху в Евфрат и к побережью Персидского залива судов, построенных Александром Македонским на верфях восточного Средиземноморья. Даже в начале XIX в. египетский правитель Мухаммад 'Али, построив суда в Александрии, в разобранном виде перевез их через Каир в Суэц и таким образом создал сильный красноморский флот Египта. Древнеегипетское название «кораблей Библа» — *kbnt* и термин для «кораблестроения» — *spt* находят ясную параллель в арабском *sfnt* (سفينة), и для нас эта параллель важна не только в узколингвистическом, но и в широком историческом аспекте. В Египте эти *kbnt* составляли значительный флот. Некоторые из них участвовали в похоронных процессиях на Ниле.

Всего через полтора столетия после Снофру «корабли Библа» получили более важное назначение. Для начала III тысячелетия до н. э. характерно расширение международных связей Египта и стран Персидского залива, рост морской торговли, посылка посольств в прежде неведомые области. Правители нильского острова Элефантины — «стражи южных врат Царства» первыми начали сухопутную торговлю со страной Пунт, которую большинство ученых идентифицирует с нынешним Сомали³¹.

Судя по тому, что некий элефантинский чиновник Хнумхотеп, как говорят деловые записи того времени, успел побывать в Пунте одиннадцать раз, связь Египта с этой страной была весьма оживленной³². 2958—2946 гг. до н. э., т. е. временем III династии, датируется первая морская экспедиция египтян в Пунт. Вместо того чтобы, идя от верхнего Нила на юго-восток, пересекать Эфиопию, как делали купцы из Элефантины, египетские моряки стали доходить по Нилу лишь до Коптоса. Отсюда по ущелью высохшего потока Вади-Хаммамат шел караванный путь до Береники на Красном море, где товары, предназначенные для Пунта, перегружались на суда. Из Пунта египтяне вывозили золото и слоновую кость, бивни носорогов и шкуры пантер, ладан и редкие породы дерева. Из этой же страны в Египет доставлялись партии невольников³³.

³⁰ P. E. Newberry, *Notes on seagoing ships* («The journal of Egyptian archaeology», 1942, vol. 28), p. 65.

³¹ См.: В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 216, 280; I. Hornell, *Sea-trade...*, p. 240; P. E. Newberry, *Notes on seagoing ships...*, p. 64; G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 7. — У последнего, впрочем, карта на стр. 12 показывает Пунт в южной Аравии, что соответствует мнению R. Ph. Dougherty (*The sealand of ancient Arabia*, p. 171), Wainwright [*Early foreign trade in East Africa* («Map», XLVII, № 161, 1947), p. 143] предпочитает участок побережья севернее Сомали, но южнее Сваки-на (нынешняя Эритрея), а W. W. Clemesha (*The early Arab thalassocracy*, p. 112) осторожно говорит о «стране Пунт на Красном море». Заслуживает интереса проводимое Wainwright'ом сближение древнеегипетского названия Пунта — *Pwneet* с суахильским *rwani* — «берег» (*Early foreign trade...*, p. 147).

³² J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 241.

³³ В популярной литературе это отражено так: «За 3000 лет до начала нашей эры египетские искатели приключений [!] совершают плаванья по Красному морю в страну Пунт; откуда они вывозят золото, благоуханье [!], а главным образом „белую кость“ — слоновьи бивни и „черную кость“ — рабов» (Б. М. Лобач-Жученко, *Замечательные путешествия и географические открытия*, ч. 3, стр. 10).

При фараоне Пепи II (2738—2644 гг. до н. э.) отмечается усиленная постройка судов для торговли с Пунтом. От средиземноморских египетских кораблей эти суда переняли прямоугольный парус, что дало возможность сократить количество гребцов. На морских судах более позднего типа, имевших торговое назначение, количество гребцов было минимальным, так как судостроители никогда не предусматривали на судне больших помещений для хранения пресной воды. Широкий трюм, появляющийся в это время и знаменующий переход от речной лодки к морскому судну, служил для перевозки возраставшего количества ценных заморских приобретений. С эпохой фараона V династии Сахуры (2470 г. до н. э.) связано открытие и освоение морского пути из дельты Нила в Сирию. Насколько возросло к этому времени государственное значение навигации, видно из того факта, что при Сахуре корабли использовались не только для вывоза меди из Синая, но и для переброски египетских войск на побережье Сирии. При VI династии (с 2341 г. до н. э.) продолжались экспедиции в Пунт. Надпись Уны, крупного вельможи этой династии, занимавшего должность «начальника Юга», т. е. царского уполномоченного по надзору за своевольными южными номархами, рассказывает о постройке грузового судна из нубийской акации. Оно имело в длину 60, в ширину 30 локтей ($27 \times 13,5$ м), а на изготовление его было затрачено 17 дней³⁴.

Объединитель Египта и основатель XI династии фиванский правитель Ментухотеп (2242—2212 гг. до н. э.) посылал в Пунт торговое посольство под начальством казначея Хену, описавшего этот поход в сохранившейся надписи. Оживленное судоходство продолжалось и при фараонах XII династии Аменемхете II (1934—1896 гг. до н. э.), Сенусерте III (1887—1849 гг. до н. э.) и Аменемхете III (1849—1801 гг. до н. э.). Если первый по-прежнему вел морскую торговлю с Пунтом, ставшую уже традиционной, то по приказу второго в гранитных скалах у начальных порогов Нила, в районе Ассуана, был пробит канал, облегчивший египетским торговым и военным экспедициям проникновение в далекие южные области Нубии. В царствование Аменемхета III начальник экспедиции по доставке меди с древних рудников на Синае Хорнахт пересек Красное море, «везя драгоценности по приказу Гора, владыки дворца», как гласит надпись, пощаженная временем. Рельефы в Дашуре (Нижний Египет) сохранили изображение больших судов, на которых египтяне совершали дальние плавания по Красному и Средиземному морям³⁵. Надпись фараона Ноферхотепа (1740—1729 гг. до н. э.), относящаяся к эпохе XIII династии, упоминает о благовониях и драгоценностях, привозимых из Пунта, из чего ясно, что морские сношения Египта с этой страной продолжались и в более позднее время.

Перванные нашествием гиксосов и 130-летним периодом их господства (1700—1570 гг. до н. э.), эти сношения возобновились уже в эпоху Нового Царства, при XVIII династии. О состоянии к тому времени египетского флота как торгового, так и военного говорит то, что изгнание гиксосов стало возможным благодаря успешным сражениям не только на суше, но и на кораблях³⁶. Возвращение страны к мирной жизни знаменовалось постепенным восстановлением иноземных связей. Хотя, как считает Хорнэл, литературный памятник эпохи Среднего Царства «Рассказ о потерпевшем кораблекрушение» свидетельствует, что в этих связях присутствовала не только государственная, но и частная инициатива³⁷,

³⁴ В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 185.

³⁵ Там же, стр. 221.

³⁶ Там же, стр. 235.

³⁷ J. Hornell, *Sea-trade*..., p. 242.

торговля с Пунтом составляла, по-видимому, исключительную монополию фараонов. Самая крупная в истории пунто-египетских отношений морская экспедиция связана с именем царицы Хатшепсут (1525—1503 гг. до н. э.), соправительницы фараона XVIII династии Тутмоса III (1525—1491 гг. до н. э.). Эта экспедиция, отплывшая на пяти крупных судах, привезла из Пунта в египетскую столицу большое количество золота и серебра, слоновую кость, ладан и корицу, мирру и 31 мирровое дерево, притирания для глаз, а также несколько собак, мартышек и павианов. Кроме того, было захвачено некоторое количество туземцев и их детей³⁸. Память об этом военно-торговом походе увековечена изображениями на стенах поминального храма, выстроенного Хатшепсут неподалеку от Фив (в Дайр ал-Бахри). На этих изображениях, в частности, можно видеть парусно-весельные корабли, проделавшие путь в Пунт и обратно.

По мнению Фолкнера, при XVIII династии в Пунт плавали прямо из Фив, пользуясь восточным притоком нижнего Нила и каналом Вади-Тумилат³⁹. Этим каналом египтяне постоянно пользовались еще в эпоху Среднего Царства, говорит Фолкнер, ссылаясь на Брэстеда (Breasted) который в «Ancient Records» в свою очередь опирается на показания Страбона⁴⁰. Страбон и в самом деле говорит о том, что канал между Нилом и Красным морем был впервые прорыт Сесострисом, как, очевидно, он называет Сенусерта III. Но здесь мог иметься в виду канал, сооруженный у первых порогов Нила, и в этой связи большее доверие вызывает сообщение Геродота⁴¹, называющее первостроителем канала в Нижнем Египте фараона Нехо из XXVI династии.

В. Клемеша утверждает, что экспедиция, посланная Хатшепсут, шла из Фив вниз по течению до дельты, затем при полноводном Ниле повернула к Вади-Тумилат и таким путем достигла Красного моря⁴². Но он же в другом месте отмечает, что давние попытки соединить нижний Нил с Красным морем оказывались несостоятельными из-за сыпучих песков и постоянного северного ветра в этом районе⁴³. «Лучшие верблюды и худшие суда предпочли бы иметь дело с Береникой, пока худшие верблюды и лучшие суда тащатся к Кусайру» — приводит он ходячую поговорку египетских моряков, ссылаясь на «Империю Птолемеев». Махаффи («Empire of the Ptolomies»). Действительно, волок в безводной знойной пустыне между Коптосом и Береникой был все же дешевле, короче и легче, чем те 400 миль пути на веслах против северного ветра, которые пришлось бы идти тяжелым грузовым судам, следующим от Баб-эль-Мандеба к Суэцу. К этому следует добавить и обилие рифов у африканского побережья Красного моря. Уже после Хатшепсут, в 1326 г. до н. э., фараон Сети I предпринял первую попытку сооружения нильско-красноморского канала в Нижнем Египте. Окончившаяся безуспешно, эта попытка через семь с лишним столетий была повторена фараоном Нехо (611—595 гг. до н. э.). Некоторый успех строительных работ, по свидетельству Геродота, стоил жизни 120 тысячам рабов. Сооружение канала было продолжено персидским царем Дарием I (521—486 гг. до н. э.), стремившимся установить прямое морское сообщение между Персией и подвластным ей в то время Египтом. Работы были прекращены незадолго до завершения строительства, так как Дарию стало казаться,

³⁸ В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 241.

³⁹ R. O. Faulkner, *Egyptian seagoing ships* («The Journal of Egyptian archaeology», 1941, vol. 26), p. 9.

⁴⁰ Strabo, XVII, 1, 26.

⁴¹ Геродотос, II, 158.

⁴² W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 112.

⁴³ Ibid., p. 120. — О трудностях плавания в северной части Красного моря из-за этих ветров, дующих круглый год, см. также: G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 5.

что уровень Красного моря выше уровня Средиземного, почему, как он полагал, при их соединении Египет окажется под водой. Строительство было закончено лишь при Птолемах. Римский император Траян (98—117 гг. н. э.) продолжал работы по поддержанию канала, но в последующие столетия они прекратились, и канал пришел в упадок. Его восстановил халиф 'Омар I (634—644 гг. н. э.), видя в этом средство для быстрой доставки египетской пшеницы в Аравию, тогдашний центр халифата⁴⁴. Однако второй аббасидский халиф ал-Мансūr (754—775 гг. н. э.), опасаясь проникновения византийского флота из Средиземного моря к берегам Аравии, окончательно закрыл древнее сооружение, явившееся историческим прототипом нынешнего Суэцкого канала.

Период единоличного правления мужа Хатшепсут фараона Тутмоса III (1503—1491 гг. до н. э.) ознаменовался дальнейшим увеличением морского могущества Египта в Средиземном и Красном морях. В эпоху Рамзеса III (1204—1173 гг. до н. э.) это могущество в сильной степени основывалось на развитом храмовом хозяйстве. Фараоны жертвовали храмам лучшие земли и значительную долю военной добычи, что неуклонно повышало экономическую роль высшего жречества. Храмы Амона-Ра и Пта, главным образом в Фивах, Мемфисе и Гелиополе, вели оживленную заморскую торговлю, для которой они имели отдельные флотилии на Средиземном и Красном морях и в связи с этим собственные судостроительные верфи. Корабли, принадлежавшие храмам, были освобождены от пошлин⁴⁵. Самым большим из них был священный корабль Амона в Фивах, построенный по приказу Рамзеса. Он имел 130 локтей (58,5 м) в длину, а материалом для него послужил ливанский кедр. Суда, в том числе совершавшие далекие путешествия в страну Пунт, Финикию и Сирию, вывозившие медь из рудников Синая, продолжали ходить под прямоугольным парусом⁴⁶. Еще во времена Хатшепсут этот парус весьма увеличился в ширину, что способствовало повышению скорости хода. Насколько велики могли быть тогда требования относительно грузоподъемности, видно из того, что еще в эпоху Среднего Царства «Рассказ о потерпевшем кораблекрушении» описывает египетское судно длиной 120 и шириной 40 локтей (54 × 18 м), вмещавшее 120 человек⁴⁷. Речь шла, однако, о помещении не только и, быть может, не столько для людей, сколько для товаров, доставлявшихся из Пунта и Сирии. Посланцы фараонов старались взять на борт как можно больше иноземных сокровищ, и при Хатшепсут, в период высшего расцвета египетской навигации, наряду с расширением паруса вводится и более глубокий трюм. Как показывают модели, приведенные у Фолкнера, общие линии контура этих судов становятся по сравнению с предшествующим типом чище и изящнее. Плавная округленность этих линий делала египетские корабли темой многих художественных работ, выполненных безымянными мастерами на скалах, стенах дворцов и гробниц. По мере необходимости на судах устраивались разные дополнительные приспособления. Один из типов корабля эпохи XVIII династии имел даже стойла для перевозимых лошадей⁴⁸. Военные корабли Рамзеса III, решившие в его пользу исход многих морских сражений, отличались низким вытянутым корпусом с поднятыми фальшбор-

⁴⁴ А. Мюллер отмечает, что, кроме основной трассы, существовала боковая ветвь канала с направлением на нильский Вавилон (так называли ассирийские пленные, привезенные в Египет Рамзесом II, селение Херау около Мемфиса, где, вероятно, они были помещены). 'Омар восстановил именно эту ветвь (см.: А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен*, т. I, СПб., 1895, стр. 297).

⁴⁵ В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 273.

⁴⁶ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 243.

⁴⁷ R. O. Faulkner, *Egyptian seagoing ships*, p. 7.

⁴⁸ Ibid., p. 3.

тами для защиты гребцов. Воины помещались на высоких помостах, устроенных для рукопашных схваток. Уже в ту раннюю пору истории в условиях развитого мореплавания прямоугольный парус начал терять свою исключительность в глазах египетских судостроителей и моряков: они увидели, что в полной мере он оправдывает свое назначение лишь при попутном ветре. При боковом же или встречном ветре судну приходилось спускать парус и идти на веслах. К этому нужно добавить, что оно было лишено способности лавировать и маневрировать. Однако радикального решения этого вопроса египетская эпоха не дала, и понадобились века арабской навигационной практики, чтобы внести коренное изменение в оснастку.

«Египтяне, — пишет Клемеша, — не были выдающимися моряками. Они не выработали удовлетворительного типа судна для дальних плаваний, хотя им и приписывают влияние на финикийский и греческий флот. Лучшими, чем они, моряками были сирийцы»⁴⁹. Фараоны, включая последних — Псамтика I (665—611 гг. до н. э.) и его преемника Нехо, постоянно пользовались услугами финикийских и греческих навигаторов, для которых море, на чьих берегах они росли, было вторым домом. Однако в данном случае для правильной оценки существенное значение имеет национальная принадлежность инициативы и среды, а не исполнителей, тем более, что последнюю не всегда легко установить. Названные выше факты морской истории древнего Египта настолько значительны для своей эпохи и в такой степени связаны с последующим развитием восточного мореплавания, что нельзя не согласиться с Фолкнером, заявившим: «В свете долгой истории египетского мореплавания тезис о том, что египтяне не были моряками, лишен оправдания»⁵⁰. Петроглифическая документация сохранила ряд египетских имен, навек связанных с морской историей своей страны. Хронологически последним из них, быть может, является имя современника Псамтика I, «начальника кораблей» Самтауи-Тэфнахта. Фиванские пиктограммы изображают его как командующего священным судном Амона, которое во главе целой флотилии везет нубийские товары в Египет. Хорнэл подчеркивает, что подобно тому, как португальская эскадра была приведена в Индию арабским кормчим Ахмадом ибн Маджидом, так экспедицию, посланную царем Соломоном в Офир, несмотря на участие в ней финикийских моряков, вели египетские лоцманы, ибо египтяне первыми, еще до финикийцев, проложили путь по Красному морю⁵¹. Заключительный акт морской деятельности египтян оказался наиболее значительным: экспедиция, вышедшая по приказу Нехо из Красного моря на юг, после трехлетнего плавания достигла средиземноморского побережья Египта, впервые в истории человечества обогнув Африку. Основания для того, чтобы современные ученые⁵² вслед за Геродотом огульно называли всех участников этой экспедиции «финикийскими моряками», неясны.

Двадцать пять столетий самостоятельной морской истории древнего Египта завершились в 525 г. до н. э., когда страна стала добычей персидских завоевателей. Дарий, правивший с 521 г. до н. э., послал морскую экспедицию под начальством грека Скилакса, уроженца Карианды, для обследования берегов Аравии, стремясь открыть сквозную навигацию между Египтом и Персией. Постоянное движение по этому маршруту, однако, не установилось, вероятно, вследствие специфических трудностей

⁴⁹ W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 112.

⁵⁰ R. O. Faulkner, *Egyptian seagoing ships*, p. 342.

⁵¹ J. Hornell, *Sea-trade*..., p. 244.

⁵² См., напр.: А. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 369, 505.

плавания по Красному морю, о которых позже говорит Арриан⁵³. К зною и пустынности берегов, на которые он указывает, нужно добавить отсутствие удобных гаваней, обилие рифов и отмелей, а также проявления пиратства, отмечаемые Страбоном⁵⁴, Диодором⁵⁵ и Псевдоаррианом⁵⁶.

Если персы и после овладения Египтом не оставили заметного следа в истории древнего мореплавания, то для финикийцев гибель империи фараонов открыла эпоху безраздельного господства на Красном море. Благодаря выгодному географическому положению своей страны и обилию мачтового и строевого леса финикийцы были лучшими кораблестроителями древности. Само их название, как полагает В. И. Авдиев, могло произойти от египетского слова «фенеху», означающего «кораблестроитель»⁵⁷. Еще в середине второго тысячелетия до н. э. купцы из Сидона вели оживленную морскую торговлю со всеми странами восточного Средиземноморья. В начале первого тысячелетия негоцианты другого финикийского города — Тира основали множество торговых колоний на островах и побережьях западной части Средиземного моря. Крупнейшими веками этой морской экспансии были основание Карфагена на африканском берегу и Кадиса на испанском, а также экспедиция Ганнона Карфагенского на 60 кораблях, вышедшая за Гибралтарский пролив («Столбы Мелькарта», позже «Геракловы Столбы») и основавшая ряд новых колоний на западноафриканском побережье. Наиболее раннее свидетельство о финикийской навигации в Красном море содержится в первой «Книге Царей». Здесь отражен, видимо, реальный исторический факт постройки израильским царем Соломоном (974—932 гг. до н. э.) в порту Эцион-гебер на берегу Акабского залива кораблей для военно-торговой экспедиции дальнего плавания. Финикийский царь Хирам Тирский (969—936 гг. до н. э.), с которым Соломон состоял в союзе против арамейцев, поставил на верфи корабельный лес, а когда суда были готовы, укомплектовал их экипажи своими мастерами и матросами. Под руководством египетских лоцманов экспедиция отправилась в страну Офир, откуда спустя длительное время вернулась с несметными сокровищами. В. И. Авдиев считает, что эта страна находилась «возможно, в Аравии»⁵⁸, тогда как, по мнению Хаурани и Хорнэла, Офир следует идентифицировать с крупным рынком на западном побережье Индии, где посланцы Соломона могли найти золото Хайдарабада, пряности и строительный лес Малабара, геммы Цейлона, а также, конечно, драгоценные камни, слоновую кость, обезьян и павлинов. Ладан, привезенный Соломону вместе с этими сокровищами и экзотическими животными, был при возвращении взят на побережье Хадрамаута⁵⁹. Третью точку зрения выдвинул Девик, считающий Офиром Софалу на восточноафриканском побережье, откуда флот Соломона три года вывозил золото, серебро и слоновую кость⁶⁰. Какая бы идентификация ни была принята в будущем наукой, несомненно, что экспедиция в Офир явилась важным этапом в процессе расширения географического кругозора и формирования международных морских свя-

⁵³ Арриан (95—175 гг. н. э.), *Индия* («Вестник древней истории», 1940, № 2), стр. 263.

⁵⁴ Strabo, XVI, 4, 23.

⁵⁵ Diodorus, III, 44.

⁵⁶ Псевдоарриан, *Перипл Эритрейского моря* («Вестник древней истории», 1940, № 2), стр. 270.

⁵⁷ В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 362. — Существует и другая этимология, берущая за основу греческое *φένιξ* — «краснокожее».

⁵⁸ В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, стр. 402.

⁵⁹ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 9; J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 244.

⁶⁰ L. Marcel Devic, *Le pays des Zendjs ou la côte orientale d'Afrique au moyen-âge...*, d'après les écrivains arabes, Paris, 1883, p. 88.

зей в древнем мире. Вещественные следы подготовки к этому путешествию в виде железных гвоздей, обрывков толстых канатов, комков вара для конопатки и смолы для покрытия наружной обшивки судов на пазовых линиях обнаружены при раскопках 1938—1940 гг. в Телль аль-Хулайфа на Синае. Для истории мореплавания важно, что финикийские строители соломонова флота ввели каркасный тип судна со специальным грузовым трюмом, заменивший бескаркасную структуру древнеегипетских судов, также пришедшую из Финикии. Из этого видно, что судостроение там прогрессировало довольно заметно.

Если согласиться с идентификацией Хорнэла и Хаурани, придется отметить, что экспедиция Соломона была единичным актом выхода финикийских кораблей за пределы западноаравийских вод. Бороздившие Средиземное море на всем его протяжении, они на востоке обычно доходили только до Адена, удовлетворяясь своим господством на Красном море, дававшим возможность контролировать египетские и средиземноморские рынки.

К востоку от Адена начиналась необозримая, простиравшаяся от Африки до Индонезии и южного Китая сфера гегемонии арабского торгового судоходства. Родство языков связывало арабское мореведение с финикийским и делало доступной обоим астрономию халдеев.

Еще за тысячу лет до новой эры на аравийских побережьях жили племена, которые имели торговые сношения по морю с Индией и Африкой и этим поддерживали свое существование. В составе этих племен Страбон различает минейцев, сабейцев, каттабанийцев и катрамолитов с центрами в Карне, Марибе, Тамне и Сабате. Две первые статьи торговли в Индийском океане — корабельный лес из Малабара и ладан из Хадрамаута, к которым вскоре прибавилось золото из Софалы, — привели, как отмечает Клемеша, к образованию арабского торгового флота со стоянками и верфями в Адене, Хисн ал-Гурабе и ал-Мудже ('Αδανη или Εὐδαμονη и Μουζα греческих авторов) на южноаравийском побережье, а также в Маскате, Гере, Уре и Уруке на берегах Персидского залива⁶¹. Третья статья экспорта, золото, дополнительно вовлекла в орбиту коммерческих связей такие африканские и арабские порты, как Азания ('Αζανία)⁶², Хафун (Οφωνη), Рапта (Ραπτα), Зуфар (Ζαφάρон).

«Перипл Эритрейского моря», написанный безымянным египетским купцом I в. н. э., называет Аден «приморской деревней Счастливой Аравии» и поясняет, что определение «Счастливая» восходит к тому времени, «когда еще не плавали из Индии в Египет и из Египта не осмеливались плавать в такие отдаленные страны, но доходили только до этих мест». Тогда Аден был городом, куда приходили товары с обеих сторон⁶³. Птолемей дает Адenu имя «рынок Аравии». В исторической хронике писателя XIII в. Ибн ал-Муджавира аш-Шайбани ад-Димашки (1204—1291) ясно очерчена тесная связь этого рынка с ранним периодом в морской торговле древнего мира. После заголовка «Основание Адена», начинающего одну из глав, говорится: «Когда прекратилось царство фараонов, эта местность пришла в запустение»⁶⁴. Смысл фразы подчеркивает, что связь между аденской и египетской торговлей покоилась на зависимости первой от второй. Дальнейшее изложение, повествующее о том, что после

⁶¹ W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 123.

⁶² Де Виллар сближает это название с الف نخ (см.: U. M. de Villard, *Note sulle influenze asiatiche...*, p. 334).

⁶³ Псевдоарриан, *Перипл Эритрейского моря*, стр. 271.

⁶⁴ تاريخ المستعصر (рук. 6021 Национальной библиотеки в Париже), л. 71. Приведено: G. Ferrand, *Le K'ouen-Louen et les anciennes navigations interocéaniques dans les mers du sud*, Paris, 1919, p. 141.

утраты Аденом торгового значения здесь поселились рыбаки, добывавшие скудное пропитание в прибрежных водах, оттеняет былую славу города. Однако торговля в Индийском океане продолжала существовать, географический фактор сохранял свое значение, и упадок Адена не мог продолжаться долго. После всего двух строк, посвященных рыбакам, текст пространно повествует о том, что в Аден прибыли на кораблях жители Мадагаскара (قدم اهل القمر بمراكب), вытеснившие рыбаков в горы. Они стали править местностью, но впоследствии вымерли, и никто не знает их морских маршрутов. За изящной ламиейей, оплакивающей гибель пришельцев, следует деловое описание муссонов побережья восточной Африки. В этом сообщении звучит отголосок больших переселений западных индонезийцев на восточное побережье Африки и близкие к нему острова накануне новой эры. Знакомство пришельцев в Аден с искусством кораблевождения заставляет предполагать, что в их экономической жизни, так же как и у арабов, море играло первостепенную роль, откуда следует, что они были по происхождению не африканцами, а скорее индонезийцами.

В самом деле, туземные племена восточной Африки не создали собственного типа морского судна, а в случае необходимости пользовались арабскими и индийскими образцами⁶⁵, которые постоянно были налицо. В позднюю эпоху, вплоть до появления португальцев, индийские корабли часто посещали восточноафриканские порты; с несколькими из них встретился Васко да Гама на рейде в Малинди. Что же касается арабских кораблей, то еще перед 700 г. до н. э. юго-западные арабы основали торговые колонии на участке африканского побережья, между мысом Гвардафуй и Дар эс-Саламом⁶⁶. Остров Сокотра и порт Рапта оказались экономически, а затем и политически зависимыми от купцов южноарабской области Махра; Занзибар стал подданным Маската. Без кораблей, подчеркивает Клемеша, без развитого морского судоходства эта арабская колонизация была бы немыслима⁶⁷. Известное определение Плиния (23—79 гг. н. э.) — «арабы живут тем, что дают их моря», понимаемое в широком смысле, отражает постоянные и тесные связи жителей Аравийского полуострова с навигационным искусством, сложившиеся давно и прочно.

В противоположность жителям восточной Африки западные индонезийцы, преимущественно яванцы, «весьма сведущи в мореплавании» и «претендуют на честь древнейших навигаторов», говорит Ферран со ссылкой на Куту⁶⁸. Знания в области судостроения и судовождения жители Индонезии и Сиам получили из Индии в общем русле индийской цивилизации, проникавшей сюда благодаря морякам и купцам начиная с IV—V вв. до н. э. Западные индонезийцы колонизовали Мадагаскар около начала новой эры; распространяясь в сопредельных районах, они могли дойти до Адена и вернуть ему торговое значение, учитывая при этом не традицию, которой могли и не знать, а исключительное географическое положение или даже прежде всего удобную гавань.

Другие крупные арабские порты — Хисн ал-Гураб и ал-Муджа были центрами, куда свозились со всего Хадрамаута и откуда вывозились во все страны аравийский ладан, алоэ, мирра и белый мрамор. Крупными потребителями этих предметов арабского вывоза были храмы Египта, Вавилонии, Индии. Однако торговая связь портов Аравии, в особенности с западным миром, осуществлялась не только по воде. Сложные условия судоходства в северной части Красного моря — обилие рифов и отмелей,

⁶⁵ U. M. de Villard, *Note sulle influenze asiatiche...*, p. 313.

⁶⁶ Wainwright, *Early foreign trade...*, p. 145.

⁶⁷ W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 129.

⁶⁸ G. Ferrand, *Le K'ouen-Louen...*, p. 230.

противные ветры, почти полное отсутствие удобных гаваней, нападения пиратов — рано заставили торговые караваны проложить сухой путь вдоль западного побережья Аравии из Йемена в Сирию. Он шел из Адена, через редкие оазисы Хиджаза до Петры, откуда одна ветвь выходила на Газу, другая — на Дамаск и Тир. В древнем Тирском порту товары перегружались на средиземноморские суда, уходившие на запад. Этот караванный путь с юга на север привел царицу Савскую во дворец Соломона. Пользовался им и Мухаммад,водя караваны Хадиджи, и его противники — мекканские курайшиты. Это была знаменитая «дорога ладана», по которой перевозились ценные продукты не только самой Аравии, но и заморских земель, стекавшиеся в Аден — один из крупнейших транзитных пунктов древности. Стремясь овладеть этой дорогой и захватить в свои руки морскую торговлю Адена и портов Хадрамаута и Омана, иноземные завоеватели много раз разоряли Аравию в опустошительных войнах. Синахериб с 688 по 682 г. до н. э. и Асархаддон в 681 г., Ашшурбанипал в 655 г. и Навуходоносор в 580 г., Набонид в 550 г. и Александр Македонский в 324 г. до н. э. огнем и железом прокладывали себе путь к богатствам южноарабских портов, однако никому из них не удалось добиться решающего преимущества на длительное время. Северо-западная часть Аравийского полуострова, через которую проходила «дорога ладана», издавна представляла сферу борьбы влияний Египта и Вавилонии. Этот район, группировавшийся вокруг Таймы, последней столицы последнего вавилонского царя, платил дань Тиглатпаласару III (745—727 гг. до н. э.), Саргону II (722—705 гг. до н. э.), Набониду (555—538 гг. до н. э.), Киру (558—529 гг. до н. э.) и Дарию (последнему в размере тысячи талантов ладана в год). Факт выплаты дани персидским царям дал повод автору надписи на стеле из Питома (в восточной части нильской дельты) обозначить район Таймы как «Парсетет». В. Тарн показал, что под этим названием следует понимать не Персию, как было принято, а северо-западную Аравию, которая в Бехистунской и Накш-и-Рустамской надписях, принадлежащих самому Дарию, названа своим настоящим именем⁶⁹. Торговое движение по «дороге ладана» было настолько жизнеспособным, что его не смогли остановить ни опустошительные войны, ни тяжелые поборы в пользу завоевателей. Этой жизнеспособностью, в основе которой лежала экономическая необходимость и относительно благоприятные условия маршрута, следует объяснить тот факт, что после Соломона путь по Красному морю надолго заглох и попытки иудейского царя Иегошафата (873—849 гг. до н. э.) оживить его посылкой новых экспедиций в Офир оказались безуспешными.

Тем не менее традиция финикийского судостроения и судоходства сохраняла прежнюю силу, хотя уже и в новых формах. Когда при Синахерибе (705—681 гг. до н. э.) сатрап арабского поморья после неудачного восстания против ассирийского владыки бежал морем в Элам, Синахериб привез в Ниневию корабельный лес из Ливана и судостроителей с финикийских верфей. Моряки из Тира, Сидона и Кипра были посажены на спешно построенные большие корабли, которые по внутренним каналам дошли до устья Евфрата и вторглись в пределы непокорной страны. Вооруженные воины, высаженные в северо-восточном углу Аравии, окончательно подавили восстание. Дальнейшие сведения о навигационной деятельности в южной Месопотамии до появления греков письменными источниками представлены слабо. Они исчерпываются краткими упоминаниями относительно общественных работ в устье Евфрата, организо-

⁶⁹ W. W. Tarn, *Ptolemy II and Arabia* («The Journal of Egyptian archaeology», vol. XV, 1929), p. 12.

ванных Навуходоносором II (604—562 гг. до н. э.), вероятно, с целью очистки русла от песчаных наносов и обеспечения возможности прохода халдейских судов, которым надписи этой эпохи посвящают беглые, не всегда понятные описания.

Выход греков на арену истории Востока в IV в. до н. э. принес острую угрозу будущему финикийской навигации в Красном море и арабской в Индийском океане. Греческие, а позже римские торговые корабли вслед за войсками Александра Македонского прорвались к Индии, и европейские купцы стали приобретать товары непосредственно у их производителей, расплачиваясь с ними европейской звонкой монетой и частично натурой. Вызванные этими действиями нападения арабов и финикийцев на суда конкурентов, имевшие место главным образом в Красном море при содействии набатейских арабов, приводили к посылке карательных военных кораблей — мере, применявшейся Нехо и Дарием против красноморских пиратов. Посредническая торговля арабов и финикийцев была сокрушена. Греки взяли в свои руки всю торговлю с Востоком, а захват Египта (около 300 г. до н. э.) предоставил им господство и над западным участком торгового пути из Европы на Восток. Не без основания поэтому Хорнэл называет Александра Македонского «отцом морской торговли между Востоком и Западом»⁷⁰.

Если эпоха эллинизма для финикийского мореплавания явилась гранью, завершившей его историческую роль, то вытеснить арабов с торговых маршрутов в Индийском океане она не смогла. Греки вскоре поняли, что вывоз товаров из Индии на арабских кораблях в отношении дешевизны, безопасности и быстроты транспортировки предпочтительнее перевода из Средиземного моря европейских судов и моряков, знакомых с условиями навигации в восточных водах и подвергавшихся нападениям морских племен. Непривычный климат и незнание местных языков также не могли способствовать успеху торгового мореплавания греков на Востоке. Экспедиция адмирала Неарха, прошедшая от устья Инда до Евфрата, в большей или меньшей мере выявила все эти препятствия и рано подсказала грекам компромиссное решение. Постепенно между греческой и арабской навигацией произошел раздел географических сфер деятельности и установился такой же *modus vivendi*, какой до того арабы имели с финикийцами. Тот же Неарх, а позже Гиппал, Агатархид, Плиний и автор «Перипла Эритрейского моря» упоминают о многочисленных арабских навигаторах в Индийском океане, в частности на Малабаре и Цейлоне, в то время как флот египетских Птолемеов, подобно финикийскому, ходил не далее западноаравийских вод.

Вероятно, желая подготовить плацдарм для морского похода на Индию, Александр Македонский стремился развить судоходство в Персидском заливе и колонизовать его берега. Три корабля, выйдя по его приказу на обследование этого бассейна, дошли до мыса Мусандам. Были проведены работы по улучшению судоходности Евфрата и расширению вавилонского порта. Множество судов, построенных в Финикии по специальному заказу Александра, было доставлено в Месопотамию, где к ним присоединились суда, изготовленные из местного кипариса.

В древности границы Персидского залива простирались значительно северо-западнее его нынешних очертаний. Шатт-ал-‘Араба тогда не существовало, Тигр и Евфрат впадали в залив раздельно. Крупный торговый центр Тередон, древний Эриду, следы которого сейчас находятся значительно выше устья Евфрата, в стороне от реки, во времена Александра Македонского еще лежал на берегу моря, по соседству с Уром. На этом

⁷⁰ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 246.

же побережье располагались порты Аполог (Убулла), Гера, Оммана. Плиний-старший помещает Омману к западу от Хормузского пролива, что, по мнению Хаурани, дает основание видеть в ней один из двух крупных портов позднего Омана — Сух̣а̣р или Маскат⁷¹. «Перипл Эритрейского моря» описывает Аполог как парфянский рынок, из которого в Йемен вывозится много жемчуга, а также пурпурные ткани, вино, финики, золото и рабы. Главный предмет экспорта, жемчуг, поступал с бахрейских ловель, известных еще при Навуходоносоре. Торговое значение Геры определяется характеристикой, данной александрийским географом Агатархидом (писал около 110 г. до н. э.): «Сабейцы и жители Геры богаче всех в мире». По свидетельству Полибия, в 205 г. до н. э., когда селевкид Антиох III выслал экспедицию для покорения Геры, жители города «просили царя не уничтожать того, что было даровано им богами — вечный мир и свободу»⁷², и откупились от него серебром, ладаном и миррой. В III в. до н. э. халдейские купцы Геры вели оживленную торговлю по Тигру с новой столицей новой монархии — Селевкийей, в которой кончалась одна из двух восточных ветвей тогдашнего международного торгового пути и которая в смысле своей роли для торговли Месопотамии являлась преемницей Вавилона. Порт Оммана, расположенный уже непосредственно на территории Аравии, был крупным центром кораблестроения. «Перипл Эритрейского моря» указывает, что отсюда в южную Аравию и Индию вывозились суда местного производства с дощатой обшивкой, сшитой пальмовым волокном. Название «мадарат», под которым они фигурируют в источниках, восходит к арабскому مدرعات (*мударра* 'āt — «окольчуженные», «связанные»). Кроме того, отсюда вывозились белый шелк («морское перо»), пурпур, вино, финики, золото и рабы. Кроме южной Аравии, эти статьи экспорта шли в индийские порты Бхарукачча (Vaṛṇaśa греческих авторов, Вроаш английских карт), Каллиана (санскр. *кальян* — «счастливый»), Суппара (Сурат), откуда поступали эбеновое, сандаловое и тиковое дерево, а также медь. Рядом со старыми портами Персидского залива, стяжавшими мировую известность, вырос порт Каракс, основанный Александром Македонским на побережье между Аравией и Парфией и с первых лет существования активно включившийся в орбиту заморской торговли. В Египте подобную роль стала играть его ровесница — Александрия, построенная на перекрестке морских путей Востока и Запада и быстро ставшая крупным торговым центром Средиземноморья. В связи с ее постройкой Александр, как передают Арриан, Теофраст и Страбон, посылал две морские экспедиции вокруг берегов Аравии: одну из Герополя (Питома) на Суэцком заливе в Вавилон, которая вернулась от Баб-эль-Мандеба, другую — в обратном направлении. Первой из них, шедшей под начальством Анаксикрата, удалось определить длину Красного моря (14 тысяч стадий, по современным лондонским данным — 2100 км). Важным результатом этого похода было также появление ценного описания Аравии (принадлежащего Теофрасту). Основной задачей экспедиций, как можно понять, было выяснение условий навигации у аравийских берегов между Египтом и Месопотамией. Результаты рекогносцировки, видимо, были неутешительны: в начале новой эры Арриан меланхолически констатирует, что «никто не путешествовал вокруг Аравии из-за жары, бесплодности и пустынности на ее берегах». Юго-восточная часть Аравии далее Махры оставалась практически неизвестной грекам вплоть до I в. до н. э.⁷³

⁷¹ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 17.

⁷² Polybius, XIII, 9.

⁷³ W. W. Tarn, *Ptolemy II and Arabia*, p. 10.

Тем более старались они ближе узнать Красное море, на котором после падения финикийской торговли греческий флот получил господство. Сын египетского диадоха Птолемея I Сотера монарх-эпигон Птолемей II Филадельф (283—246 гг. до н. э.), усиленно стараясь развить красноморское судоходство, завершил строительство нильско-суэцкого канала, заброшенное Дарием; сделал проходимым для кораблей Акабский залив; построил в северной части хиджазской Тихамы милетскую торговую колонию Ампелон. По его приказу Аристон, вероятно, один из высших чиновников, систематически обследовал западноаравийское побережье на всем протяжении. Данные Аристона впоследствии были использованы в трудах александрийского автора Агатархида, Диодора Сицилийского, Страбона и безымянного египетского купца-грека, оставившего «Перипл Эритрейского моря» (50—60 гг. н. э.). Для нас наблюдения Аристона и сообщения «Перипла» важны не только благодаря богатству справочных данных, относящихся к навигации в западной части Индийского океана. Их важность состоит и в непосредственности впечатлений, преобладании личного опыта, скупом и точном языке — во всем том, что спустя полтора тысячелетия составит наиболее живые и ценные для науки страницы трудов Ахмада ибн Маджида и его коллег по профессии.

Инициатива греческих правителей Египта по развитию торгового судоходства в Красном море ради закрепления здесь своей экономической власти натолкнулась на противодействие с арабского берега. Набатейцы, населявшие восточное побережье Мертвого моря и владевшие Газой, еще со времен Александра Македонского нападали на греческие корабли. Первопричиной этого, по-видимому, был не союз с персами, как утверждает английский историк В. Тарн⁷⁴, презрительно именуя его «службой у персов», а осознание реальной угрозы, которую несло красноморское судоходство завоевателей набатейской морской торговле из Азланы со всем Синаем и набатейскому контролю над северным участком «дороги ладана». Именно стремление противостоять греческой агрессии во имя защиты своей торговли заставило набатейцев, пользуясь греко-персидской враждой, заручиться поддержкой персов и подняться на отчаянную неравную борьбу на суше и на море с превосходящими силами иноземных порабощателей. Буржуазная литература с легким сердцем именует такие выступления «разбойничьими нападениями», «грабежом» и «пиратством», тем самым пытаясь оправдать европейский колониализм даже в самых ранних его проявлениях. У хорошо воспитанных западных историков не принято называть настоящими именами ни Александра Македонского, впрягшего народы Ближнего Востока в греческую колесницу, ни Васко да Гаму, убивавшего мирных индийцев и топившего безоружные суда арабских купцов ради выгоды христианнейшего короля Португалии. Жесткие определения оставлены на долю тех, кто подверг сомнению право европейцев навязывать свое господство другим нациям. При этом в качестве источника обычно приводится «Перипл Эритрейского моря», где автор жалуется на то, что канранты (каннаниты), жители аравийского побережья Красного моря, грабят занесенных к ним мореплавателей, а спасшихся от кораблекрушения обращают в рабство. Но что же другое мог сказать о своих врагах греческий купец из Египта, если эти нападения свободолюбивых бедуинов представляли угрозу его личному благополучию и колебали устои власти, дававшей ему возможность обогащаться за счет других? И разве не обязательно историкам раскрывать через источник не только историческую эпоху, но и исторически сложившуюся личность автора? Так ли уж это маловажно для критики текста?

---

⁷⁴ Ibid., p. 15.

Набатейцы упорно отстаивали независимость своей торговли от завоевателей. Когда военная экспедиция под начальством того же Аристона закрыла им выход из Акабского залива, они стали нападать на египетский флот греков в открытом море, пользуясь для этого, вероятно, портом Лейке-Кома на севере хиджаской Тихамы, который в мирное время служил их местной торговле с остальной Аравией. Упорное сопротивление Набатеи, надолго пережившее Александра Македонского и диадохов, привело в 278 г. до н. э. к походу, возглавленному самим монархом Египта Птолемеем II. Тарн спешит подчеркнуть, что эта карательная экспедиция, огнем и мечом утверждавшая греческое господство на Красном море, была предпринята «в защиту мирной торговли египетских купцов»⁷⁵. Сила греческого оружия оказалась неспособной сломить набатейцев, и английскому историку приходится отметить постоянство их нападений на греческий флот, продолжавшихся вплоть до включения птолемеевского Египта и Набатеи в состав Римской империи.

Хаурани воздерживается от естественного вывода о давности и постоянстве арабо-африканских торговых связей через Красное море. Сообщения источников об этом, для убедительности облачаемые в форму передачи конкретных фактов, воспринимаются им не как отражение частных проявлений общей системы, а как разрозненные действия исторических лиц. Так, например, если погребальная стела 263 г. до н. э. из Гизы рассказывает о назначении египетским священником минейца Зайда по причине того, что он, имея собственный корабль, мог привозить в Египет благовония со своей родины, то Хаурани отсюда делает лишь частный вывод: «Морская и сухопутная торговля в III в. до н. э. находилась в основном в руках арабов»⁷⁶. Когда же другие источники приводят его к заключению, что египетские храмы получали арабские благовония в течение тысячелетий, Хаурани говорит, что их доставка шла караванным путем через Синай. Это утверждение не считается ни с существованием нильско-суэцкого канала, Кусайра и Береники, ни с прочно аргументированной книгой Р. Дауэрти о древнем арабском Поморье, ни с географической логикой, и основания, на которых оно могло бы сохраниться в науке, неясны.

Во всяком случае, признает Хаурани, в III в. до н. э. арабы в лице минейцев и сабейцев плавали в Египет. Минейские и сабейские надписи, посвященные южноарабским племенным богам, найдены и на эгейском острове Делосе, куда во II в. до н. э. переместился из Финикии и Родоса центр морской торговли восточного Средиземноморья. Город ал-Ула, севернее Йатриба (Медины), был одним из опорных пунктов коммерческой деятельности минейцев. Их портом была Эгра (Акра).

Основными центрами торговой жизни Аравийского полуострова были сабейские порты Аден и ал-Муджа (Муза). Греческий географ II в. до н. э. Агатархид из Александрии, рассказывая о том, что Аден и Музу посещают многочисленные индийские корабли, товары с которых в обоих портах переотправляются по «дороге ладана», подчеркивает большую выгоду для сабейцев этой транзитной торговли, сделавшей их «богачейшими людьми в мире». Международные торговые отношения Сабы далеко не исчерпывались морскими связями с одной Индией. Хорнэл особо выделяет роль Адена как места встречи и обмена индийских и китайских товаров на египетские и финикийские⁷⁷.

Для Китая эпохи первой династии Хань (206 г. до н. э.—9 г. н. э.), особенно при императоре У Ди (140—87 гг. до н. э.), характерен значи-

⁷⁵ Ibid., p. 16.

⁷⁶ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 21.

⁷⁷ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 244.

тельный рост внешней торговли, сопровождаемый проникновением китайских купцов далеко на запад. Главной статьёй вывоза служил шелк, а ввоза — стекло, металлы, драгоценности, вьючные и верховые животные. Китайские источники этого времени упоминают Халдею (Тяо Чжи), от которой после ста с лишним дней морского пути доплывают до страны, где закатывается солнце (Си Юй). Из северной Индии привозились хлопчатобумажные ткани, из южной — корабельный лес, драгоценные камни и перец.

Финикия, в которой после ее включения в 205 г. до н. э. (при Антиохе III) в состав монархии Селевкидов получила перевес транзитная торговля, вывозила лишь золототканые материи, стеклянную посуду и, возможно, в силу сложившейся традиции, разборные суда.

Египет давал внешнему рынку — в основном теперь уже средиземноморскому, но все еще в значительной степени и рынку Индийского океана — пшеницу, вина и папирус; последний Птолемием вывозили на аравийский рынок тем охотнее, что в средиземноморских странах папирус встречал сильную конкуренцию со стороны пергамента — писчего материала из телячьей кожи, производство которого сосредоточивалось в малоазийском городе Пергаме и составляло монополию правившей там династии Атталидов. Это обстоятельство нужно учитывать при определении причин большого употребления папируса в арабской документации.

Для заморской торговли Египет пользовался старыми портами на Красном море — Береникой, Левкос-Лименом, Миос-Гормосом (Мус Хурмузом).

Кроме них, на африканском побережье оживленная деятельность наблюдалась в абиссинском порту Адулис на Красном море и в порту Рапта у Занзибара.

К этому времени арабские купцы, проникнув далеко на юг, овладели восточноафриканским берегом до Занзибара и основали торговую колонию — царство Аксум. Постепенно вся восточная Африка оказалась под властью сабейских неготиантов; в частности, над Раптой был установлен протекторат южноарабского порта Музы. Через Адулис вывозилась слоновая и носорожья кость, через Рапту — панцири ценных пород черепахи «рапта». В этой связи «Перипл Эритрейского моря» упоминает, что охота на «рапта», как и рыбная ловля, в африканских водах производится с больших лодок, у которых обшивка связана веревками из пальмовых волокон. Кормчие и матросы набираются из арабов⁷⁸. Здесь же говорится о небольших судах, привозящих товары со стороны Аравии.

Более существенное значение Адулис и Рапта имели как основные пункты по вывозу рабов и золота. Невольничьи корабли развозили африканцев, обращенных в рабство, по всему Востоку. Даже в Китае рабы-зинджи (сен ки ну) были известны задолго до ислама⁷⁹. Добыча золота в Софале и вывоз его морем за пределы Африки составляли один из арабских секретов, строго оберегавшихся в торговых сношениях с другими народами, прежде всего с греками. Ни у греческих, ни у римских авторов эта статья арабской торговли не упоминается в связи с Софалой, хотя руины на территории царства Мономоталы в нынешней Родезии, обследованные в XIX и XX вв., говорят о высокой культуре добычи золота и обработки металлов⁸⁰, которая, конечно, не могла сложиться сразу. Тайна арабских золотопромышленников, передаваясь из века в век, перешла во второе тысячелетие новой эры. Развернутая лоция 1501 г. «Софалийская

⁷⁸ Псевдоарриан, *Перипл Эритрейского моря*, стр. 269.

⁷⁹ G. Ferrand, *Le K'ouen-Louen...*, p. 237.

⁸⁰ «Народы Африки», под редакцией Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, М., 1954, стр. 416.

урджұза» Ахмада ибн Маджида, оглядываясь на только что появившихся в Африке португальцев, зашифровывает африканское золото словом «сияющее» (*الضياء*). Погребальные постройки зороастрийцев (дахмасы), обнаруженные среди руин на золотых приисках Зимбабве и позволившие В. Клемеше предположительно отнести возникновение этих приисков к периоду с исходной датой 700 г. до н. э.⁸¹, дают основание полагать, что свою тайну арабы делили с ограниченным числом персов. Национальный принцип мог здесь совсем не играть той определяющей роли, которую ему приписывают некоторые исследователи.

Другой тайной арабской морской торговли было местонахождение районов произрастания корицы. Дабы обмануть греческих коммерсантов, арабские купцы старательно распространяли миф о том, что корица растет в Сомали и на Сокотре, тогда как в действительности они находили ее лишь в южной Индии и на Цейлоне. Отсюда, хотя еще Страбон ставил арабскую версию под сомнение, Сомали в ряде европейских карт получило обозначение *Regio Cinnamomifera*.

К рабам, золоту и корице, доставлявшимся из-за моря, на южноарабском берегу арабы добавляли товары местного происхождения — ладан, мирру, алоэ. Продолжался вывоз на рынок судов с оманских верфей. Этот пестрый ассортимент дополняли поступления с Цейлона, откуда, кроме корицы, арабские корабли привозили также перец, серебро и олово. Уже в ту раннюю эпоху Цейлон был не только рынком сбыта и источником ценных продуктов, но и транзитным пунктом для арабской торговли с Индонезией, где сабейские купцы имели свои фактории. «Полагают,— пишет Н. Ахмад,— что арабская колония на западном берегу Суматры... основана около начала христианской эры... Арабы вели торговлю между Суматрой и Мадагаскаром, вероятно через Цейлон, около 310 г. до христианской эры»⁸².

Одновременно определилось важное для транзитной торговли значение Сокотры, вытекавшее из ее географического положения. Находившаяся под властью купцов Махры, она в их глазах вполне оправдывала свое санскритское название *Двипа Сукатара* («Блаженный остров»), переосмысленное греками в *Διβαχοῦριδος*; и Агатархид и автор «Перипла Эритрейского моря» говорят о множестве арабских, индийских и греческих купцов, приезжающих или постоянно живущих здесь, которые ведут крупные и выгодные торговые операции. Особо подчеркивается значение Сокотры как важного перевалочного пункта в торговле между Индией и птолемеевским Египтом.

Такая же оживленная деятельность наблюдалась и в противолежавшем порту ал-Муджа. «Торговый порт Муза полон арабскими капитанами и матросами, которые занимаются торговыми сделками. Они участвуют в торговле с Эритреей и Сомали в Африке и Бхарукачей [Баригазой или Баригазами.—Т. III.] в Индии на собственных судах»⁸³. Грекам были хорошо известны даже такие небольшие южноарабские острова, как Масира (*Μασίρα*) и Курия-Мурия (*Κυρία-Μυρία*), знали они и мыс Фартак (*Φάρτακος*).

Таким образом, основными центрами широкой и разносторонней морской торговли арабов были сабейские порты, и не удивительно, что в международном обиходе понятия «арабский» и «сабейский» длительное время были равнозначны. По мнению Хорнэла, этот период терминологического симбиоза продолжался по меньшей мере до 100 г. н. э., так как

⁸¹ W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 127.

⁸² N. Ahmad, *The Arabs' knowledge of Ceylon*, p. 224.

⁸³ Псевдоарриан, *Перипл Эритрейского моря*, стр. 270;

Фа Хиен, китайский путешественник по Индии между 399 и 414 гг., еще называет арабских купцов на Цейлоне сабейскими⁸⁴.

При Птолемеи VII Фисконе (146—116 гг. до н. э.) красноморская торговля эллинистического Египта продолжала развиваться. Опираясь на свое прочное экономическое господство в районе Красного моря и стремясь избавиться от арабского посредничества, греческие купцы Египта между 120 и 110 гг. до н. э. проникли в Сомали и организовали прямые морские экспедиции в Индию под командованием Евдоксия Кизика. Один из участников этих экспедиций, быть может, лоцман, по имени Гиппал, вслед за Неархом сделал в начале I в. до н. э. открытие, увековечившее его имя в истории парусного мореплавания европейцев. Он обнаружил, что в Индийском океане знание муссонов позволяет судну держаться избранного курса до окончания маршрута и при этом избежать циклонов. Дело в том, что муссоны Индийского океана, так же как дожди и циклоны, чрезвычайно регулярны. Моряки установили, что один из этих муссонов ежегодно с конца марта до середины июня дует с нарастающей силой с юго-запада на северо-восток. Затем, от середины июня до середины октября, длится период циклонов. В Индии осадки достигают максимума, на Малабаре, кроме этого, прибрежные пески под действием юго-западного муссона образуют наносы, затрудняющие доступ к гаваням. В ноябре начинается обратный муссон, длящийся до середины марта. Таким образом, наблюдательные мореплаватели ранних веков поняли, что океанские ветры движутся не хаотически, а в силу определенной метеорологической закономерности, причин которой они тогда не знали. Выяснив существование и периодическую смену юго-западного и северо-восточного муссонов, они широко пользовались этим открытием в больших путешествиях через океан. При этом их уверенность в постоянстве погоды и нерушимости метеорологических сроков была так сильна, что на кораблях, поскольку они выходили только при ясном небе, не было никаких приспособлений для защиты от шторма⁸⁵.

Факты древней истории, освещенные аналитической мыслью наиболее последовательных представителей современной научной критики, не оставляют сомнений в том, что первооткрывателями существования и закономерной смены муссонов в Индийском океане были арабские моряки. На это указывает не только их навигационный приоритет, признание которого сблизило позиции разных ученых, но и связанный с этим приоритетом высокий уровень транзитной морской торговли, издавна соединявшей арабские, главным образом сабейские, порты со всеми побережьями Индийского океана. В связи с этим выявляется противоречие, вкравшееся в американскую диссертацию о раннем арабском мореплавании. Автор ее, Хаурани, исходя из в общем правильного положения о том, что незнание муссонов заставляло решать сквозные (дальние) маршруты способом каботажного плавания, утверждает, что до новой эры арабы плавали в Индию, держась берега, а греки до Гиппала следовали арабской практике⁸⁶. В этом заявлении звучит отживающая теория вторичности арабской техники. В данном случае нас хотят уверить, что столетия навигационной практики до новой эры оказались бессильными научить арабских моряков искусству маневрировать в открытом море и пересекать широкие водные пространства по прямой линии, т. е. не цепляясь за берег в пути. Но тут, видите ли, к счастью для арабов, на Востоке появилась Европа в лице греков, которые — сперва Неарх, потом Гиппал — облагодетельствовали местное кустарное мореплавание открытием муссонов и

⁸⁴ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 244.

⁸⁵ Это отмечает W. W. Clemesha (*The early Arab thalassocracy*, p. 118).

⁸⁶ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 28.

этим принесли* в восточные моря эру подлинной океанской навигации. Однако тремя страницами ранее, указывая, что грекам муссоны стали известны со времени экспедиции Неарха, автор добавляет, что в связи с этим открытием «арабы уже не могли скрывать [знания муссонов.— Т. III.] в качестве торгового секрета»⁸⁷. Но если им было что скрывать от греков, не ясно ли, что метеорологический режим Индийского океана был им известен задолго до европейцев? Внимательное сличение противоречивых мест в трактате Хаурани открывает его стремление преодолеть противоречие, представив дело таким образом, что арабский секрет, раскрытый Неархом, заключался в знании муссона для плавания из Индии в Аравию, а вот Гиппал открыл грекам, а за ними арабам, обратный муссон, позволивший им совершать рейсы в Индию, не держась берегов. Однако в первом случае сам же Хаурани употребляет множественное число «муссоны», тогда как — это выяснено выше — в Индийском океане для плавания в одном направлении достаточно знания одного муссона. Если, таким образом, арабы до Неарха знали не «муссон», а «муссоны», не ясно ли, что они умели пользоваться ими в обоих направлениях? Затем, поскольку выяснено, что морские связи между Аравийским полуостровом и Индией уходят в глубокую древность и всегда были оживленными, не следует ли отсюда, что длительное каботажное плавание не могло бы создать оживленности, а многовековой навигационный опыт и требования развивавшейся экономики должны были привести арабов к обнаружению возможности открытого плавания задолго до греков?

Сказанное приводит к выводу, что предприимчивые и отважные арабские мореплаватели, задолго до европейцев открыв закономерность муссонов, первыми в Индийском океане перешли от примитивного плавания в виду берегов к развитой маневренной навигации в открытом море. Не в их интересах, конечно, было открывать незваным пришельцам этот выстраданный многовековой практикой секрет преодоления океанских пространств по кратчайшей прямой, небывало сокративший сроки плаваний, — секрет, от которого зависело их материальное благополучие. Неарх, адмирал Александра Македонского, во время похода от устья Инда к устью Евфрата вторично открыл и использовал северо-восточный муссон для движения с востока на запад. Характер муссона подчеркивается и двойной датой похода — 326/325 г. до н. э., подразумевающей метеорологический период с ноября по март. Гиппал, спутник Евдоксия Кизика, стремясь из Египта в Индию, вторично открыл и использовал юго-западный муссон для движения с запада на восток. Таким образом, тайну кратчайших маршрутов в Индийском океане вслед за арабами очень рано узнали греки, а от них римляне, которые к началу новой эры вышли не только на экономическую арену Востока, что по существу началось еще при первых эллионах, но и на политическую. Весьма показательно авторитетное мнение крупного новозеландского кораблестроителя В. Клемеша, полагающего, что сведения об Индийском океане Гиппал мог получить от восточного моряка, служившего под начальством арабского капитана, а затем на греческом судне⁸⁸. Все сказанное позволяет внести значительную долю умеренности в восторженную оценку открытия Гиппала, проникшую в популярную литературу и стоящую ныне перед необходимостью передвинуть дату открытия в глубь веков и признать приоритет арабов⁸⁹.

⁸⁷ Ibid., p. 25. — Это же отмечает и W. W. Clemesha (*The early Arab thalassocracy*, p. 116).

⁸⁸ W. W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 116.

⁸⁹ Вот образец такой оценки: «К началу нашей эры греческим мореплавателем Гиппалом [...] было сделано замечательное открытие, революционизировавшее технику

Чем меньше достоверных фактов истории Востока сохранено временем и чем чаще они перемежаются сомнительными, тем более упорным и взыскательным должен быть их анализ. Проведенный исследователями для грани двух эр, он показал, что в этот период, несмотря на продолжавшуюся деятельность старых портов Месопотамии и Омана и по-прежнему прочную их связь с Индией и южной Аравией, главная роль в морской торговле принадлежала Красному морю и Аденскому заливу. После эпохи древневавилонского судоходства преобладающая роль Персидского залива вновь выявляется уже в пору халифата, главным образом багдадского. При поздних Селевкидах в связи с захватом Палестины и Финикии (205 г. до н. э.) создавалась возможность проложить в пределах одного государства сквозной торговый путь от Индии до Средиземного моря через Персидский залив, Месопотамию и северную Сирию. Однако Селевкиды, как и сменившие их парфянские цари, в гораздо большей степени интересовались сухопутными линиями транзитной торговли, которые, пересекаясь в столице монархии, приносили весьма крупный доход. Это были знаменитый «шелковый путь» из Китая и пути из Индии, пересекавшие Иран. Сойдясь в Селевкии, они устремлялись через построенную Селевкидами Антиохию в Пергам и Эфес, а через Дамаск — в Александрию.

Александрия, основанная греками на средиземноморском побережье Египта, выросла на дрожжах оживленной египетской торговли со странами Средиземного моря и Индийского океана, опиравшейся на давнюю традицию. Этот благоустроенный город с двумя гаванями и знаменитым маяком по линии средиземноморских торговых отношений был связан прежде всего с купеческой республикой острова Родос, для возвышения которой основание Александрии, как подчеркивает С. И. Ковалев, имело решающее значение⁹⁰. К Родосу перешла значительная часть финикийских рынков, и он продолжал оставаться крупным центром транзитной торговли, а также судостроения и керамического производства до 166 г. до н. э., когда римляне противопоставили ему остров Делос. Если через Александрию и Родос египетская торговля была связана с Италией, Грецией и Малой Азией, то вместе с этим Александрия служила отправным пунктом пути на восток. Этот путь шел вверх по Нилу до Коптоса, откуда на караванах товары переправлялись в красноморские порты Миос-Гормос и Беренику. Здесь привезенное перегружалось на океанские суда, которые при назначении в порты юго-западной Индии делали продолжительную стоянку в южноарабской гавани Хишн ал-Гураб, а при назначении в северо-западную Индию и порты Персидского залива останавливались у мыса Фартак, между Хадрамаутом и Оманом. Иногда, обогнув Мыс Пряностей, как в то время назывался Гвардафуй, корабли приставали в одном из восточно-африканских портов, главными из которых были: на Красном море — Адулис и Береника, на Индийском океане — Опон (Хафун) и Рапта.

Начальный период императорского Рима (Август—Домициан, 30 г. до н. э. — 96 г. н. э.), исходная дата которого совпадает с переходом власти в Египте от греков к римлянам, у Хаурани рассматривается как золотой

плавания по Индийскому океану: он открыл направление чередования весенних и зимних ветров — муссонов, дующих в этом океане. До этого открытия корабли совершали утомительное, почти двухгодичное каботажное плавание... Теперь же корабли отплывали из Египта с попутным ветром, в несколько недель пересекали океан и достигали гаваней Индии, где дожидались для своего возвращения противоположных муссонов» (Б. М. Лобач-Жученко, *Замечательные путешествия и географические открытия*, ч. 3, стр. 10).

⁹⁰ С. И. Ковалев, *История античного общества (эллинизм, Рим)*, Л., 1936, стр. 32.

век греко-римской торговли с Аравией и Индией. В эпоху принципата Августа, говорит наш автор вслед за Страбоном, из порта Хормуз на Персидском заливе в Индию ежегодно ходило по 120 кораблей — в шесть раз больше, чем в предшествующий птолемеевский период⁹¹. В 25 г. до н. э. в южную Аравию была послана экспедиция для включения «дороги ладана» в орбиту римской экономики и установления прямых связей с индийскими купцами. Безответственная организация похода привела к тому, что часть кораблей, тяжело вооруженных и плохо оснащенных, погибла из-за навигационных трудностей уже на первом этапе пути, в северной части Красного моря. Оставшиеся силы не смогли установить действенного контроля Рима над южноарабской торговлей.

Точка зрения Хаурани вызывает возражение в том смысле, что характеристику эпохи правления Октавиана Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.) нельзя механически распространять на следующие 82 года становления императорской власти. При Августе рабовладельцы, только что подавив крупное восстание рабов (движение Секста Помпея в Сицилии) и наслаждаясь призрачным покоем на свежих обломках республики, получили возможность оживить свои внешние торговые связи. Но затем времена меняются: борьба с новым брожением в низах общества и с остатками республиканской оппозиции приводит к установлению террористических режимов Тиберия (14—37 гг.), Калигулы (37—41 гг.), Нерона (54—68 гг.), Домициана (81—96 гг.). Внимание империи в это время отвлечено внутренними делами, и внешние связи приходят в упадок. Торговле с Востоком не пошло на пользу, конечно, и восстание в Иудее, подавление которого заняло четыре года (66—70 гг.). В этот период лишь эпоха Клавдия (41—54 гг.) принесла Риму временное овладение Аденom. Победа могла быть достигнута с моря, где римскому военному флоту противостояли беззащитные торговые корабли арабов. По-видимому, именно захват Адена вызвал активизацию имперской торговой деятельности в такой степени, что, как сообщает Плиний-старший в «Естественной истории», Рим ежегодно покупал в Аравии, Индии и Китае товаров на сумму не меньше 100 миллионов сестерциев⁹². Однако лишь в правление Антонинов — Траяна (98—117 гг.), Адриана (117—138 гг.) и Пия (138—161 гг.) — наступающая эпоха относительной политической стабилизации позволяет римским императорам специально обратиться к вопросу о восточной торговле. При Траяне вассальное княжество Набатей было преобразовано в провинцию Аравия. От Аэламы (будущей Айлы), ставшей вместо Лейке-Комы главным набатейским портом, через Петру была проложена дорога к Дамаску, вызвавшая, в частности, экономический расцвет Петры. В Египте римские купцы приняли меры к обеспечению нормального судоходства на канале из Нила в Красное море. Для улучшения связи с Александрией была прорыта дополнительная ветвь. На берегу Красного моря, в устье «канала Траяна», вырос порт с греческим названием Клисма (Κλισμα, будущий Кулзум). Эти меры, имевшие целью прочно связать Средиземное море с Красным в интересах римской торговли, продолжались при ближайших преемниках Траяна. В Пальмире — окруженном пустыней городе, выросшем на торговом пути от Персидского залива к Средиземному морю и с 116 г. получившем некоторую независимость, благодаря чему у местных купцов появилась возможность торговать за пределами империи, — при Адриане создается гильдия морских капитанов. Ее статут, называвший целью сообщества правильную организацию перевозок по Красному морю, был утвержден законами

⁹¹ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 28.

⁹² Приведено у С. И. Ковалева (*История античного общества...*, стр. 243).

Рима. В Египте Адриан проложил римскую дорогу от Коптоса до Береники. В эпоху Антонина Пия внешняя торговля Рима, пользовавшаяся преимущественно греческими кораблями, достигла такого размаха, что эти корабли, минуя посредничество арабов, доходили до Рапты в восточной Африке, до Омана в Аравии, до Цейлона, устья Ганга и Малаккского полуострова. *Анналы* второй династии Хань (25—220) повествуют, что в 166 г. в Китай через Аннам прибыло римское посольство, отправленное императором Марком Аврелием Антонином⁹³. С этих пор нарастающий кризис рабовладельческого хозяйства приводит к постепенному спаду внешней торговли Рима. «Уже с эпохи Марка Аврелия,— отмечает С. И. Ковалев,— Рим был охвачен жестоким финансовым кризисом, в котором яснее всего выражался крах всей общественной и государственной системы... Корень нужно искать в общем расстройстве рабовладельческой экономики»⁹⁴. При Северах торговые экспедиции римлян в Индийском океане, по-видимому, прекращаются. Об этом, в частности, говорит отсутствие в составе кладов на территории Индии римских монет с датировкой позже эпохи Каракаллы (211—217).

На Персидском заливе римское владычество было недолгим. Месопотамия, около 117 г. полностью захваченная Траяном в результате похода против парфян, несколько лет спустя была частично возвращена Парфии его преемником Адрианом; из остальной части столетием позже, при первых Сасанидах, римлян вытеснили персидские армии. Морская торговля в этом районе шла через транзитные порты со смешанным арабско-персидским населением, в основном через Аполл (Убуллу) и Каракс. Караванный путь связывал эти пункты с богатой «розово-мраморной красавицей» Пальмирой и далее с побережьем Средиземного моря.

В 225 г. парфянский дом Арсакидов сменила персидская династия Сасанидов, и персы вторично вышли на авансцену истории Востока. Основатель этой династии Ардашир I Папакан (225—241), прежний наместник парфян в Персии, построил большое количество морских и речных портов. Результатом этого явилось решительное преобладание персидского флота в Индийском океане, укрепившее монопольную роль Персии в транзитной торговле с Китаем, Индией и Цейлоном. Наряду с сухопутной дорогой из Китая через оазисы Средней Азии в Иран, Индийский океан был вторым путем, по которому из Китая поступал шелк, из Индии и Цейлона — пряности, жемчуг, драгоценные камни. Важнейшим во всем Средиземноморье и Передней Азии потребителем шелка была Византия с ее высокоразвитыми ремеслами и торговлей. Константинополь, в 330 г. ставший столицей Восточной Римской империи, был до открытия прямого пути в Индию огромным торговым рынком⁹⁵. Он «среди прочих товаров

⁹³ «При Хуан-ди [147—167], в девятое лето правления Яньси [166], дацинский владетель Антунь отправил посланника, который вступил в Китай через Жи-нань. Он поднес Двору слоновьи зубы, носороговые рога и черепашины. Это в первый раз (л. 118) открыли сообщение. Что в числе даров, поднесенных Двору, нет дорогих редкостей, это, вероятно, сочинителем описания пропущено» (Н. Я. Бичурин [Иакинф], *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М.—Л., 1950, стр. 227). Как подчеркивает И. П. Магидович, «Н. Бичурин полагал, что посланник прибыл в Аннам морским путем» («Книга Марко Поло», перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, редакция и вступительная статья И. П. Магидовича, М., 1955, стр. 3). Это видно из примечания Бичурина к слову «Жи-нань»: «Морским путем через Ан-нань [Аннам]». Приведенному фрагменту предшествует (с конца л. 115) китайское описание Рима [Да-Цинь — «великий Цинь»], которое Бичурин заключает примечанием: «Все сведения о Риме сообщены китайскому посланнику малоазийскими моряками».

⁹⁴ С. И. Ковалев, *История античного общества...*, стр. 260—261.

⁹⁵ Ф. Энгельс, *Действительно спорный пункт в Турции* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., 1957), стр. 11.

сосредоточивал и привозимый из Китая и Средней Азии шелк-сырец и шелковые ткани, которые отсюда уходили еще дальше на запад»⁹⁶. Посредническая торговля шелком приносила персам большие доходы. Однако «для империи получение этого товара из их рук было невыгодно, приводило к экономической зависимости, к необходимости подчиняться назначаемым на шелк ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия»⁹⁷.

Стремясь ввести условия покупки и обработки шелка в приемлемое для себя русло, Византия в ряде договоров с Персией пыталась ограничить число пунктов персо-византийской торговли и поставить производившиеся в них операции под свой контроль. В договоре 297 г. с шахом Нарсесом, известным своими попытками установить торговые связи с восточноафриканскими зинджами, единственным пунктом контакта Византии и Персии был избран Нисибин на Тигре. Закон Гонория и Феодосия от 408—409 гг. добавлял к нему Ракку на Евфрате и Арташат на Араксе. В мирном договоре 562 г. между двумя державами эти два города заменены таможней в Даре, на обычном караванном пути. Торговля в других пунктах запрещалась. Вся эта регламентация была, однако, бессильна пресечь государственную спекуляцию и частную контрабанду. Торговля шелком была «одним из весомых мотивов во внешней политике Византии»⁹⁸, однако транзитные торговые связи увеличивали экономическое могущество и политический вес Персии, которую Константинополь всегда рассматривал как реального соперника и потенциального врага.

В этих условиях естественны постоянные тесные сношения, которые византийские купцы поддерживали с эфиопскими. Подобно тому как финикийская колония Карфаген благодаря своей развитой транзитной торговле получила самостоятельное значение, арабская колония Аксум, основанная в глубинной части другого африканского побережья, выросла на почве оживленного торгового обмена между Азией и Африкой и постепенно стала одной из ведущих политических сил Красноморья. Этому способствовало объединение владений аксумитов в середине IV в. с эфиопским (кушитским) государством, центром которого был важный международный порт Адулис. Роль единой Эфиопии в V—VI вв. н. э. была значительной, отмечает Н. Пигулевская. «В торговле она соперничала с Ираном, как соперила с ним и за господство в юго-западной Аравии. Политическая ориентация кушитов на Византию была ориентацией на главного потребителя, на центральный рынок»⁹⁹. С другой стороны, «Византия, связавшая себя с Эфиопией дипломатически, видела в христианизации ее один из способов укрепления своего влияния и стала выдвигать государство Аксума на роль соперника Ирана в индийских водах»¹⁰⁰. Когда же около 350 г. аксумиты завоевали все побережье южной Аравии, от бывшей набатейской гавани Лейке-Кома до крайнего мыса на юге, у Константинополя появилась «еще специальная причина интересоваться Эфиопией как победительницей химьяритов. Как и для Рима, для Византии особое значение приобретал морской путь в Индию... Индия была не только поставщиком благовоний, пряностей, текстильных изделий, но и шелка, на который был особенно большой спрос в Византии. Вдоль берегов Красного моря провозили и товары, доставляемые из Индии на

⁹⁶ Н. Пигулевская, *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком*, М.—Л., 1951, стр. 186.

⁹⁷ Там же, стр. 187.

⁹⁸ Там же, стр. 185.

⁹⁹ Там же, стр. 260.

¹⁰⁰ Там же, стр. 266.

кораблях; в числе товаров были шелк-сырец и шелковые изделия»¹⁰¹. Отсюда понятно поручение, полученное от императора Юстиниана послом Юлианом, отправленным в 531 г. с дипломатической миссией в Эфиопию и южную Аравию: «правительство Юстиниана желало, чтобы Эфиопия приняла более активное участие в торговых сношениях с Индией и чтобы ее купцы приобретали там шелк-сырец, метаксу. Этим путем они стали бы „господами большого богатства“, так как те большие суммы, которые тратили ромен, покупая шелк „у своих врагов“ — персов, были бы получены ими»¹⁰².

Эти желания не учитывали реальной обстановки, сложившейся на Индийском океане. Географическая близость Персии к Индии и Цейлону, ее развитый флот, обилие персидских торговых резидентов в индийских и цейлонских портах давали возможность персидским купцам перехватывать шелк буквально под носом у эфиопских коммерсантов и целыми флотилиями посылать груженные суда в Персию. Слабый эфиопский торговый флот не мог оспаривать господства персидской навигации. Купцы сасанидской державы располагали достаточным материальным превосходством для того, чтобы отстранить африканских торговцев от международной торговли и показать Византии, Сирии и Египту, что вожделенный шелк они могут получить лишь через персидские руки.

Признание превосходства персидского флота в предысламскую пору не должно создавать представления об упадке традиционного арабского судоходства. Центрами последнего продолжали оставаться экономически важные порты южной Аравии вместе с новыми пунктами на африканском берегу, где самостоятельная навигация арабского происхождения начала развиваться сравнительно поздно. Картину преобладания персидского судоходства над арабским и вышедшим из недр последнего эфиопским создает не упадок арабо-африканской морской деятельности, а чрезвычайные меры Сасанидов по освоению прибрежных территорий и усиленному строительству портов и кораблей. Целью этого было в кратчайший срок захватить в свои руки господство на море, устранить этим всякую возможность иностранной конкуренции и в полной мере использовать преимущества географического положения Персии. Например, известно, что, желая пресечь арабскую морскую эмиграцию из Бахрейна в Персию, Шапур II (309—379) произвел в Бахрейне резню и поселил здесь персидских колонистов, видимо, с целью превратить этот древний район развитой навигации в одну из баз персидского флота. Агрессивная политика Сасанидов значительно сократила сферу арабского мореплавания, однако оно продолжало жить. Уже упоминавшийся Фа Хиен, китайский путешественник по Индии и Цейлону, отмечает присутствие в этих странах «сабейских купцов», прибывавших сюда на кораблях. Последнее не удивительно, если учесть, что индийские и цейлонские порты давно перестали быть для арабов конечными пунктами и арабские корабли заходили сюда не только с запада, но и с востока, возвращаясь из Сиам и Китая на родину. С Китаем арабские купцы познакомились рано; около 300 г. н. э. они уже основали торговую колонию в Гуанчжоу¹⁰³. С более близким своим соседом, Индией, Китай начал регулярную морскую торговлю полувеком позже, уже при восточной династии Цин (317—420). Латинский историк этих времен Аммиан Марцеллин, рассказывая об оживленном движении в Персидском заливе морских судов, доходящих до Тередона (Эриду) в устье Евфрата, отмечает, что арабы имеют ряд портов и способны пользоваться богатствами не только суши, но и моря.

¹⁰¹ Там же, стр. 265.

¹⁰² Там же, стр. 310.

¹⁰³ J. Hornell, *Sea-trade...*, p. 253; Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, стр. 238.

В середине III в. н. э. южноарабские племена химьяритов подчиняют своих соседей, в том числе сабейцев, и овладевают Йеменом и Хадрамаутом. Столетием позже южная Аравия становится добычей своей бывшей колонии на африканском берегу — Аксумского царства. Аксум, присоединяя к себе в это время другое эфиопское государство с центром в Адулисе и укрепляя этим актом свое господство в Аравии, становится главной политической силой на Красном море и в связи с этим начинает занимать значительное место в византийских планах борьбы с Персией за морской путь к индийскому рынку. Сохранение химьяритами своей роли в морской торговле с Индией видно из факта их войны в IV в. с Шапуром II, пытавшимся установить персидское господство в этом районе. Эта война не могла быть успешной для Персии в то время ввиду большой роли в южноарабской торговле и политике набатейцев и евреев, не считая, конечно, правящих эфиопов. Учтя это обстоятельство, Сасаниды взяли курс на поддержку еврейской торговли в ущерб эфиопской и византийской, что два века спустя помогло им овладеть южной Аравией не только с военной, но и с экономической стороны, тем более, что иудаизм был широко распространен в верхах химьяритского общества¹⁰⁴. История южной Аравии в V веке наглядно показывает, как ожесточенная борьба между Византией и Персией — двумя решающими силами Передней Азии того времени — за подступы к индийскому рынку и монополии в морской торговле облекается в прозрачную форму религиозной борьбы в южной Аравии между христианством и иудаизмом.

В начале VI в. накопление противоречий вызвало взрыв. Сын пленной еврейки и одного из химьяритских царей Зур'а (Масрѹк) Зѹ Нувас сверг эфиопского ставленника Зѹ Шанатира, объявил войну господству Эфиопии и Византии на Аравийском полуострове и стал преследовать купцов-христиан из этих стран. В ответ на это в 525 г. последовало новое вторжение Эфиопии в южную Аравию. Эфиопский царь Эла-Ашбеха перевез свои войска через Красное море на собранных в гавани Габазе, у Адулиса, 70 кораблях, из которых 61 были стянуты из разных красноморских портов¹⁰⁵, а 9 сняты с индийской линии. Успехом в этой кампании, однако, Эфиопия была обязана не флоту, который в данном случае сыграл роль перевозочного средства и в боевых операциях не участвовал, ибо состоял из мирных торговых судов, какие мог бы выставить и противник. В 532 г. войска эфиопов заменили ставленника Эфиопии на химьяритском престоле Сумайфа бывшим рабом из Адулиса Абрахой. Абраха, тоже христианин, выведя Химьяр из подчинения Эфиопии, продолжал тем не менее внешнеполитическую ориентацию на Византию, в то время как сабейская знать в его государстве тяготела к союзу с Ираном. Противовес этим стремлениям знати был найден (после восстания 542 г.) в возвращении южной Аравии под эфиопское покровительство. Это, однако, ненадолго упрочило положение правящей верхушки общества. Южноарабская, главным образом химьяритская и сабейская, знать, которой эфиопский контроль не давал развернуть самостоятельную торговую деятельность, предложила свою страну византийскому императору, выдвинув при этом условием освобождение ее от эфиопского владычества. Ввиду отказа Византии аналогичное предложение было сделано ее врагу — Персии, и в 575 г. Хосров Ануширван послал для завоевания Химьяра осужденных преступников под командованием опытного полководца Вахриза. Войска

¹⁰⁴ О распространении иудаизма в Химьяре ср.: Н. Пигулевская, *Византия на путях в Индию*, стр. 273 и сл.

¹⁰⁵ Н. Пигулевская (*Византия на путях в Индию*, стр. 300), основываясь на рассказе о «мученичестве Арефы» (Martyrium Arethae, § 29. Acta sanctorum, Octobris t. X, p. 747), называет Азлану, Климсу, Беренику, острова Йотабу и Фарасан.

были погружены на восемь кораблей, из которых два разбились, а шесть, следуя из Тигра через Персидский залив, дошли до Хадрамаута¹⁰⁶. Сын Абрахи Марзук, наследовавший после смерти отца химьяритский престол, погиб в битве. С 575 г. сасанидская Персия устанавливает в южной Аравии свое господство, длившееся уже до завоевания Йемена арабами. Цифра, приводимая у ат-Табари в связи с походом Вахриза, — по сто воинов на каждом корабле — во-первых, свидетельствует о малочисленности персидского экспедиционного корпуса, в чем надо видеть косвенное подтверждение сведений о том, что победа Персии над Эфиопией была достигнута при активном содействии местного населения; во-вторых, эта цифра указывает, что грузоподъемность судов той эпохи была уже относительно велика. Это было следствием того, что и в Персидском заливе, как и на Красном море, кораблестроение развивалось веками и возматовавшие морские связи вели к неизбежным техническим усовершенствованиям.

В конце правления Сасанидов ряд старых портов в Персидском заливе уже утратил свое значение. К Убулле, которую ат-Табари называет «воротами Индии», отмечая при этом, что ее правитель воюет с арабами на суше и с индийскими пиратами на море¹⁰⁷, еще в V в. добавилась Хира на Евфрате. А. Кремер отмечает, что она была «сборным пунктом кораблей из Аравии, Красного моря, Индии и Китая»¹⁰⁸. Это обстоятельство наряду с расположением на границе между пустыней и древним земледельческим районом позволяло Хире играть видную роль в различных политических комбинациях того времени.

Порты Персидского залива нередко страдали от набегов индийских пиратов, что вызвало, например, специальные работы по укреплению Убуллы при последних Сасанидах¹⁰⁹. Однако приходившие из Индии мирные торговые суда встречали доброжелательный прием и поднимались по Тигру до Мадаина¹¹⁰.

Длительные ожесточенные войны на многострадальной земле Йемена и Хадрамаута создали состояние постоянной опасности для иноземных судов, заходивших в южноаравские порты, и для караванов, переправлявших ценные товары из Адена в страны Средиземноморья. Жизнь купцов и сохранность товаров на территории беспокойной страны оказывались под угрозой безнаказанного применения насилия. Портовое хозяйство страдало от перехода власти из рук в руки, нормальная деятельность всемирно известных портов была парализована. Коренной принцип здоровых экономических связей между народами, провозглашенный еще в древней Вавилонии, — безопасность торговых путей — оказался нарушенным. Если ко всему этому добавить уничтожение в ходе войн многочисленных садов, плантаций и рощ благовонных растений, подорвавшее материальную основу арабского вывоза, станет ясно, почему начало VII в. явилось свидетелем упадка торговли в южной Аравии. Торговый оборот снижался. Оживленные гавани и дороги сабейско-химьяритского царства постепенно глохли, пути морской и сухопутной торговли переносились к

¹⁰⁶ تاريخ الرسل و ملوك لابي جعفر محمد بن جرير الطبري «Annales quos scripsit... at-Tabari, cum aliis edidit M. J. de Goeje», Lugduni Batavorum, 1879—1890, ser. I, vol. II, p. ۰۳۰۹

¹⁰⁷ Ibid., vol. IV, p. ۳۲۰۲

¹⁰⁸ A. v. Kremer, *Culturgeschichte...*, Bd II, S. 274.

¹⁰⁹ Ibid., S. 275.

¹¹⁰ كتاب العلاقات القيسية تصنيف ابي علي احمد بن عمر بن رسته «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», VII, Lugduni Batavorum, 1892, p. ۰۰۹

Персидскому заливу. Эра Красного моря в истории мореплавания подошла к своему концу.

Маркс в письме Энгельсу от 2 июня 1853 г. отмечал: «Во времена Магомета торговый путь из Европы в Азию сильно изменился, и города Аравии, принимавшие ранее видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в торговом отношении в упадке...»¹¹¹.

Мысль, высказанная Марксом, вызвала следующее замечание Энгельса, сформулированное в ответном письме от 6 июня того же года: «Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно обработанные, теперь заброшены и пустыни (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет. К этому же разряду явлений относится, по моему мнению, и уничтожение южноарабской торговли в эпоху, предшествующую Магомету, которое ты совершенно справедливо считаешь одним из важнейших моментов магометанской революции. Я недостаточно хорошо знаком с историей торговли шести первых столетий христианской эры, чтобы быть в состоянии судить, насколько именно общемировые материальные условия заставили предпочесть торговый путь через Персию к Черному морю и через Персидский залив в Сирию и Малую Азию торговому пути через Красное море. Но во всяком случае немалую роль играло то, что в упорядоченном персидском царстве Сасанидов караваны ходили сравнительно безопасно, в то время как Йемен с 200 до 600 года почти постоянно находился в порабощении у абиссинцев, которые завоевывали и грабили страну. Города южной Аравии, еще цветущие во времена римлян, в VII веке представляли собой пустынные груды развалин»¹¹².

Эти слова, сказанные сто лет назад, подтверждены и продолжают подтверждаться данными памятников материальной культуры и историко-географической литературы Востока. Жизненность слов Энгельса основана на объективном рассмотрении реальных фактов исторической действительности в движении и взаимосвязи. Для него упадок южноарабской морской торговли — не замкнутый процесс, а часть непрерывно развивающегося исторического целого, результат предшествующей стадии экономического развития общества и причина последующей стадии этого развития; не самодовлеющий факт, а частное проявление всеобщей исторической закономерности, в специфической форме выражающее общие законы развития человеческого общества. В противоположность этому докторская диссертация Хаурани о раннем арабском мореплавании, пытаясь характеризовать положение в Аравии накануне ислама, избирает следующие определения:

«В VI в. арабы не были мореплавателями: в силу географического рока (*bygeographical fate*) их жизни были теперь связаны с караванами, стремившимися с юга на север...»

«В силу непостижимого (*mysterious*) процесса истории центр жизнедеятельности переместился к северным арабам...»¹¹³.

Какой беспомощностью веет от этих фраз питомца американского университета после цеканной формулы Энгельса, вступившей во второе столетие своей жизни!

¹¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные письма*, М., 1953, стр. 73.

¹¹² Там же, стр. 75.

¹¹³ G. F. Hourani, *Arab seafaring...*, p. 44, 45.

Все изложенное позволяет считать доказанными следующие положения.

1. Арабы с ранних исторических времен поддерживали оживленный торговый и культурный обмен¹¹⁴ с другими народами бассейна Индийского океана, причем в силу географического положения Аравии этот обмен происходил преимущественно морским путем.

2. Оживленная навигация, построенная на экономической основе, побуждала к техническим усовершенствованиям в судостроении и судовождении. Древняя кожаная лодка с деревянными бортами, применявшаяся при ловле рыбы и добыче жемчуга, уже на ранней ступени развития уступает место деревянной, выдолбленной из целого ствола. Материал для этого примитивного сооружения давали торговые связи с Индией, сделавшие доступным для арабов малабарский лес. Задача перевозки возрастающего количества товаров на все более далекое расстояние ведет к появлению каркасного типа судна с развитым трюмом и парусным оснащением. Этот специфический арабский тип корабля дальнего плавания имел одну мачту с косым парусом, позволявшим судну преодолевать в открытом море сопротивление встречного ветра простым поворотом на другой галс или усложненным поворотом через фордевинд. Время постройки первого такого корабля, который под термином *dhow* представлен во всех английских словарях с пояснением «одномачтовое арабское судно с треугольным парусом», теряется в глубине веков. «Оно, конечно, существовало за много столетий до Александра Македонского,— говорит об этом судне историк морского дела В. Клемеша,— эти суда совершали длительные путешествия в открытом море, тогда как средиземноморские суда никогда не теряли из вида землю»¹¹⁵. Железное крепление отсутствовало. Доски пришивались к каркасу деревянными гвоздями, чаще — волокном кокосовой пальмы, затем пазы просмаливались. Такой способ крепления напоминает технику изготовления «шитиков» русских поморов. Он послужил основанием для легенды, по которой железные крепления не применялись из-за якобы существующих в Индийском океане островов с магнитными горами, притягивающими к себе такие детали кораблей, что приводило к гибели последних. На самом же деле основной причиной была сравнительная дороговизна железа, добывавшегося из руды и обрабатывавшегося весьма еще примитивными способами. При этом высокая твердость тиковой древесины также создавала препятствие для применения малопрочных железных гвоздей. Материалом для паруса в то время служила пальмовая рогожа. Индийское (маратхи) название этого типа корабля *даба* трансформировалось в *dhow* английских словарей и *тава* записок Афанасия Никитина.

¹¹⁴ Дж. Бейкер подчеркивает большую роль морской торговли в распространении знаний (см.: Дж. Бейкер, *История географических открытий и исследований*, М., 1950, стр. 69).

¹¹⁵ W. Clemesha, *The early Arab thalassocracy*, p. 114.

В. М. Штейн

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВЫХ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ОПИСАНИЙ У КИТАЙЦЕВ

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 5 марта 1956 г.*

Поскольку экономическая география является наукой довольно позднего происхождения, естественно, было бы тщетно искать в древнем Китае трудов экономико-географического содержания в современном смысле этого слова. Тем не менее следует отметить, что первые попытки экономического изучения как своей страны, так и ее соседей делались в Китае еще в глубокой древности. В центре внимания исследователей, вступавших на путь обобщения материалов, относящихся к размещению производительных сил, была идея экономического района.

Китай — страна с замечательной литературной традицией. Среди многочисленных материалов, подвергавшихся записи, были наиподробнее статистические данные по каждой административной единице. При наличии очень рано сложившихся географических концепций писатели древнего Китая переходят к обобщенным характеристикам экономического лица районов на основе статистических данных и накопившегося исторического опыта. В таком духе выдержана, например, глава 28 известной летописи Китая «Цянь Ханьшу», написанной группой историков во главе с Бань Гу в I в. н. э.

Среди географических концепций, которые могли быть при этом использованы, одно из первых мест занимало представление о вертикальной зональности, т. е. об изменении всех природных данных, всех элементов ландшафта по мере подъема над уровнем моря. Это представление зародилось, по-видимому, в Китае очень рано. Мне кажется, что оно обязано своим возникновением ожесточенной социально-экономической борьбе, шедшей в древнем Китае вокруг вопроса о наделении земель. В те времена в Китае руководствовались главным образом принципом равного наделения землей (одинаковыми квадратами). Эта система наталкивалась на серьезное сопротивление в гористых районах, в которых было явно несправедливо предоставлять равные наделы в горах и низинах. В связи с этим и возникало стремление обосновать и конкретно показать явления вертикальной зональности. При этом интересно, что в представлении авторов того времени различия во всех явлениях природы на участках, расположенных на разной высоте, находятся в строгой и полной гармонии между собой: они охватывают наряду с не-

органической природой растительный и животный мир и самого человека. Так, в «Чжоули» — книге, скорее всего появившейся в ханскую эпоху, примерно на грани нашей эры, дается краткая характеристика природных ландшафтов, пусть наивная и во многом неверная, но ценная самой идеей, заложенной в ее основе¹.

Существуют пять зон.

Первая из них — горы и леса. В этой зоне размещаются животные с волосатым покровом и растения, окрашенные в темные цвета. Люди здесь волосаты и имеют угловатый вид.

Вторая зона — реки и озера. Ей свойственны, говорится в «Чжоули», чешуйчатые животные. Ей соответствуют растения акваторического типа (т. е. живущие в воде или на воде). Люди здесь с темной и влажной кожей.

Третья зона — холмы и бугры. Ее характеризуют пернатые животные. В ней произрастают растения с мясистыми плодами. Люди здесь шарообразны и большого роста.

Четвертая зона — равнины и скаты. В ней живут преимущественно животные с панцирным покровом. Здесь водятся чаще всего травянистые растения. Люди — белые и хилые.

Наконец, пятая зона — низины и болота. Ей свойственны животные, вовсе не имеющие покрова. Ей соответствует растительность типа джунглей. Люди здесь плотного (мясистого) телосложения и небольшого роста.

Развитию представления об экономических районах у древних китайцев должно было также способствовать увлечение поисками минеральных богатств, возникшее в Китае в широком масштабе примерно с VI—V вв. до н. э. На этой основе начало складываться (правда, опять-таки в несколько туманном и упрощенном виде) известное представление о соответствии между поверхностным слоем земли и скрытыми в недрах минералами. Так, в древнем литературном памятнике «Гуанцзы», относимом современными историками к IV—III вв. до н. э., сказано: «если сверху имеются красноватые пески, это значит, что внизу золото, там, где наверху магнитный камень, там внизу олово, свинец, красная медь, где сверху краснозем-железняк, там внизу железная руда»². Подобных указаний в «Гуанцзы» имеется несколько. Интерес к территориальному размещению металлов тоже был одним из серьезных стимулов в изучении экономических районов.

Наконец, нельзя не упомянуть, что у древних китайцев очень рано складывалось в четком виде учение о территориальном разделении труда. Приведу высказывания по этому вопросу известного автора IV в. до н. э. конфуцианца Сюнь-цзы. Он рисует картину оживленных торговых связей тогдашнего Китая с сопредельными народами. Из района Северного моря Китай получает быстрых коней и больших собак. Из стран Южного моря поступают слоновая кость, кожа носорога, медь, киноварь, перья. С Восточного моря идут пурпурная краска, грубое полотно, рыба и соль. С Западного моря Китай получает ковры, меха, войлок. Недостаток в тех или иных вещах в данном районе легко может восполняться за счет других районов путем обмена. «Поэтому людям, живущим на озерах, почему бы не иметь в достаточном количестве лес? Почему бы горным жителям не иметь в избытке рыбу? Почему бы крестьянам без дровяных работ и стругания, без горшечного дела и литья

¹ «Le Tcheou-Li ou Pîtes de Tcheou, traduit pour la première fois du chinois par feu Edouard Biot», t. I, Paris, 1851, p. 194—195.

² Приведено по изданию 石一參著•管子今詮•長沙•中華民國二十七年•下冊565頁。

металлов, не обзавестись в достаточном количестве орудиями для работ? Почему бы ремесленникам и торговцам, не прибегая к обработке полей, не иметь в достаточном количестве бобовых растений и зерновых злаков?»³

По приведенным выдержкам можно судить о том, в какой мере древний Китай был подготовлен своими представлениями по географическим вопросам к анализу экономических районов. Иногда такое районирование производилось абстрактным, априорным путем и было далеко от жизни. Но затем китайцы со свойственной им наблюдательностью и четкостью перешли к характеристике экономических районов на основании данных опыта.

Своеобразным памятником априорно-теоретического деления Китая на районы служит сетка девяти районов в уже упоминавшейся книге «Чжоули». Здесь авторы явно в большей мере озабочены погоней за архитектурной стройностью, чем заинтересованы в познании действительности. Приведу для примера часть текста: «Юго-восток страны называется Янчжоу. Его священная гора — Хуэйцзи. Его большое озеро — Цзюйцзюй. Его реки это „три Цзяна“. Его водоемы для орошения — пять озер. Его промыслы состоят из металлов, олова, крупного и мелкого бамбука. На пять мужчин приходится две женщины. Животные, хорошо приспособленные к его территории, — это птицы и четвероногие. Подходящая для него сельскохозяйственная культура — это поливной рис».

В таком же духе характеризуются и другие районы. Выделю только сведения о промыслах. Так, на «непосредственном юге» страны они заключаются в получении киновари, серебра, слоновой кости и кож. Из сельскохозяйственных культур тут тоже преобладает поливной рис. В районе, который назван «к югу от реки Хэ», упоминаются промыслы бамбука, лака, шелка и конопли. Из числа сельскохозяйственных культур указываются злаки. В районе, который назван «непосредственный восток», промыслами являются получение камыша и рыболовство, а из сельскохозяйственных культур упоминаются поливной рис и просо. Не буду перечислять остальных районов. В каждом из них свои источники орошения, своя пропорция мужчин и женщин, свои промыслы, свои животные, свои сельскохозяйственные культуры.

Вся эта схема проникнута, так сказать, конструктивизмом, что в известной мере характеризует книгу «Чжоули» в целом. Однако при династии Хань (примерно в течение II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э.) начинают появляться и реальные характеристики районов. О размещении производительных сил в самом Китае можно составить представление по летописи «Шицзи» первого китайского историка Сыма Цяня, писавшего в начале I в. до н. э. Особенно ценна в этом отношении глава 129-я «Шицзи» в сопоставлении с главой 91 упоминавшейся уже летописи «Цянь Ханьшу»⁴. О западных соседях Китая чрезвычайно поучительный материал содержится в главе 96 «Цянь Ханьшу», а также в 123-й главе «Шицзи»⁵.

По материалам Сыма Цяня нетрудно установить, что основные производительные силы страны расположены к северу от р. Янцзы. Так, столичный район, занимая треть площади государства, сосредоточивает

³ «The works of Hsüntze», translated from the Chinese with notes by Homer H. Dubs, London, 1928, p. 133.

⁴ Переводы см.: J. J. M. de Groot, *Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit*, Berlin — Leipzig, 1926.

⁵ Переводы см.: «Food and money in ancient China. The earliest economic history of China to A. D. 25 Han Shu 24», translated and annotated by Nancy Lee Swann, Princeton, 1950.

60% всего ее богатства. К югу от Янцзы никто особенно не страдает от голода, но здесь нет, с другой стороны, и накопления богатства. Сыма Цянь в своих характеристиках наряду с экономикой часто останавливается и на культурных особенностях данного района, на психологических чертах населения. Воспроизведу описание княжества Ци, расположенного в северной части Шаньдунского полуострова: «Оно опоясано горами и морем. Здесь богатые почвы, простирающиеся на тысячу ли, пригодные для возделывания тутовницы и конопли. Народ обладает изобилием шелка разнообразных образцов и других текстильных изделий из растительного волокна, а также рыбы и соли... Жители [этого княжества] великодушны, неторопливы, с широким кругозором, хорошо информированы и начинены всякими знаниями. Они большие любители споров и критики... Однако среди них много разбойников. Весь уклад жизни у них свойственный большому государству»⁶.

К северу от рек И и Сы, на родине Конфуция и Мэнцзы (в пределах того же Шаньдунского полуострова), почвы пригодны для произрастания зерновых, тутовницы, конопли и для разведения домашнего скота. Земли здесь мало, а население многочисленно. Часто бывают наводнения и засухи, так что приходится накапливать запасы продовольствия, чтобы не умереть с голоду.

По данным Сыма Цяня, район Хэфэй, расположенный между реками Янцзы и Хуай, получал целый поток товаров с юга и севера, являясь центром распределения (для большого района) мехов и шкур, рыбы сушеной и соленой и леса.

Земля непосредственно к югу от Янцзы представляет низкую болотистую местность, где взрослые мужчины умирают в раннем возрасте. Главное богатство этого района — бамбук и другие лесные материалы. Район Юйчжан производит золото, а Чанша — свинцовую и оловянную руду, а также металлическое олово. Район Гуанчжоу характеризуется как центр получения жемчуга, рогов носорога, черепах, фруктов (в том числе известных южных плодов *личжи*) и текстильных изделий из растительного волокна.

Район, расположенный вблизи «священной» горы в провинции Хэбэй, строил свое богатство на том, что сюда прибывали непрерывной чередой караваны из центра, чтобы обеспечить военные действия против народа *и*. Сыма Цянь рисует обитателей этого района непривлекательными: они несговорчивы, как козлы, и не проявляют склонности делить награбленные запасы поровну.

Обитатели долины р. Вэнь получают средства к жизни за счет ремесел, требующих солидной сноровки. Они оторвались от земледелия. Взрослые мужчины, собираясь для игр и состязаний всякого рода, начинают петь песни, исполненные грусти. Они не прочь заниматься разграблением могил и изготовлением фальшивых денег. У них в изобилии имеются всякие тонкие вещи, и из их среды чаще всего выходят певцы и актеры.

Район Ян у Бохайского залива имел в изобилии рыбу, соль, финики и каштаны.

Как ни отрывочны приведенные данные, они дают все же представление о начинающем складываться межрайонном разделении труда.

При рассмотрении экономических особенностей районов Сыма Цянь неожиданно вставляет в текст ядовитую характеристику тех эксцессов, которые появились в китайском обществе на почве погони за богатством и удовольствиями. Привожу ее, чтобы показать, как глубоко про-

⁶ Цит. по кн.: «Food and money in ancient China...», p. 442—443.

ник в быт ханьского Китая коммерческий подход к жизни. Именно погоня за богатством поощряет девушек из Чжао и молодых женщин из Чжэн выставлять напоказ свои фигуры и лица, путешествовать по стране в раскрашенных домашних туфлях, стремясь глазами заворочить встречных; для них и тысячи ли — небольшое расстояние и они не разбирают, кто стар, кто молод. Так же и стремящаяся к удовольствиям знатная «золотая» молодежь, движимая погоней за богатством и почестями, украшает свои головные уборы и мечи, разъезжая в экипажах в сопровождении вооруженного эскорта на лошадях. Ради их вкусовых ощущений стрелки, охотники и рыбаки, не зная дня и ночи, подвергают себя действию холода и нападениям диких зверей. Именно из-за важности, которая придается потерям в играх и поражениям в состязаниях, игроки, жокен, организаторы петушиных боев и собачьих бегов меняют цвета одежды, стараясь перещеголять друг друга. Именно ради утонченной пищи, врачи, алхимики — все, кто живет от черной магии, стараются достичь совершенства в своей профессии. Именно из-за надежды на всякого рода подношения правительственные чиновники и писцы ведут игру текстами и законами, подделывают печати и составляют фальшивые документы, за что подвергаются тяжелым наказаниям. Именно ради увеличения богатства крестьяне, ремесленники и разные категории торговцев откладывают про запас свои излишки.

В исторических хрониках охвачен довольно широкий круг стран, расположенных на запад от тогдашнего Китая, — преимущественно в Средней Азии, северной Индии и южной Сибири. Каждое государство получает отдельную характеристику. Она ограничивается данными относительно количества семейств и числа бойцов, если это небольшое владение, насчитывающее несколько тысяч жителей. Но есть государства и с миллионным населением, и их хозяйство описывается более детально. Автор обязательно останавливается на том, являются ли жители данной страны кочевниками или оседлым населением. В отношении кочевников непременно указывается, что они ходят за своими стадами в поисках растительности и воды для корма скота. Нередко отмечается наличие богатых кочевников, обладателей табунов в 4—5 тысяч голов. При описании оседлых народов изображаются типы поселений, в которых они обитают.

Передам вкратце сведения о некоторых оседлых государствах. Так, относительно страны Аньси, охватывающей примерно территорию современного Закаспия и северо-восточного Ирана, сообщаются следующие данные. Здесь оседлое население занимается земледелием: возделывает рис, пшеницу, виноградную лозу. В этой стране несколько сотен крупных и малых городов. Это одно из самых больших государств. В городах есть базары. Купцы совершают длинные путешествия в экипажах и судах по близлежащим странам. Монеты делаются из серебра, причем на них изображается портрет государя. Пишут на пергаменте горизонтальными строками, составляя из таких рукописей книги⁷.

О народе дася (Тохаристан) говорится, что он живет в городах, обнесенных стенами. Народ селится в домах. Население государства многочисленно. Оно составляет не менее миллиона человек⁸.

Во многих описаниях между строк нетрудно почувствовать сознание собственного превосходства над «варварами», вполне, впрочем, естественное у представителей китайского народа, стоявшего значительно выше окружающих его народов по уровню экономического развития и

⁷ J. J. M. de Groot, *Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit*, S. 93.

⁸ Ibid., S. 18—19.

культуры. Этого сознания превосходства незаметно, когда авторы говорят об Индии. Те данные об Индии, которые приведены в «Цянь Ханьшу», показывают, как далеко шагнула пытливая мысль китайских историков в деле изучения соседней с ними великой страны. Суммируя эти знания, можно констатировать, что китайским ученым были ясны и размеры площади, занимаемой Индией, и разнообразная природная характеристика районов, и специфика производительных сил каждого из них. При рассмотрении особенностей отдельных районов в «Цянь Ханьшу» местами явственно ощущается желание авторов подчеркнуть их экономическую и природную контрастность. Китайские историки дают описание по крайней мере четырех территорий, расположенных в пределах современной Индии (вместе с Пакистаном). К сожалению, географическая идентификация отдельных районов все еще остается скорее догадкой, чем твердым знанием. Попробую все же набросать картину их расположения на карте.

На крайнем северо-западе Индии находится страна «О-то», занимающая примерно пространство на рубеже между верхним течением реки Инд и западным Пенджабом (возможно, что она захватывала и некоторую часть современного южного Афганистана). По сравнению с другими изображенными в «Цянь Ханьшу» районами Индии страна О-то представляется довольно отсталой. Население ее сравнительно ничтожно. Оно живет преимущественно в горах, занимаясь земледелием «между скалами». Из пород скота разводятся лошади и ослы. Уровень культуры населения О-то низок. Чтобы отразить это, китайские историки считают возможным ограничиться одной фразой: «Народ пьет, складывая для этого ладони рук»⁹.

На востоке О-то граничит с «Гибинем». Местоположение этого района особенно спорно, хотя писалось о нем синологами очень много. Скорее всего Гибинь занимал самую южную оконечность Афганистана, восточную часть Пенджаба и верховья Ганга. «Цянь Ханьшу» при характеристике этого района изображает его полной противоположностью О-то.

О стране Гибинь говорится следующее. Ее поверхность ровная, климат теплый и мягкий, население весьма многочисленное. Здесь много редких деревьев, в том числе сандаловое, лаковое дерево, бамбук. Возделывают зерновые, виноград, овощи. Земледелие орошаемое и суходольное. Применяются удобрения. Где поля расположены низко и где много влаги, возделывают рис и даже зимой едят свежую зелень.

Народ Гибиня одаренный. Он вырезывает фигуры из дерева, знаком с искусством гравирования металлов, строит дворцы и дома, вырабатывает шерстяные материи, делает пестрые вышивки, охотно ест вкусно приготовленные блюда, имеет золото, серебро, медь, олово, изготавливает из металлов сосуды и изделия. Здесь существуют многочисленные базары, в обращении находятся золотые и серебряные монеты. Из домашних животных упоминаются волы, буйволы, слоны, большие собаки. Здесь добываются жемчуг и кораллы¹⁰.

Третьим индийским районом является «Хуанчжи». Он тесно примыкает к Гибиню не только в отношении географических границ, но и представляет его экономическое продолжение, широко раскидываясь по течению Ганга. «Цянь Ханьшу» не описывает особо, чем богат район. Указывается только на то, что по своим ресурсам он очень похож на китайский район Чжуйя, находящийся на крайнем юго-востоке. Что же ка-

⁹ Ibid., S. 72.

¹⁰ Ibid., S. 86—87.

сается Чжуяй, то о нем сказано следующее. Мужчины засевают здесь коноплю и ценную культуру рами, женщины выделывают ткани. Отмечается обилие скота и разнообразие боевых доспехов. Однако это, вероятно, далеко не все. Недаром страна носит название «Жемчужного берега» (Чжуяй).

Нужно думать, район Хуанчжи был чрезвычайно богат драгоценными камнями. Китайские купцы в I в. до н. э. вели там обширную торговлю, организуя в этот район экспедиции для закупок драгоценных камней, стекла, бывшего в те времена предметом роскоши, и «редких камней», под которыми скорее всего нужно понимать нефрит, а может быть, и некоторые металлические руды, способы использования которых были еще не совсем ясны китайским ученым¹¹.

Четвертый район — страна «Александрия» (У-и-шань-ли), по-видимому, была расположена непосредственно к югу от района верхнего Ганга и тянулась узкой полосой к океану с уклоном на юго-запад, кончаясь либо у Камбейского залива, либо (что гораздо менее вероятно из-за бедности природных условий в районе нижнего Инда) в низовьях этой реки, где теперь расположен город Карачи. Среди территориальных соседей Александрии указаны на восток от нее Гибинь и на север — Бактрия. Район Александрии представляет низменность с жарким климатом и богатой растительностью. По словам «Цянь Ханьшу», в Александрии те же растения и животные, пять сортов зерновых, плоды, зелень, еда и напитки, здания, дома и рынки, монеты, предметы торговли, оружие, золотые вещи и драгоценные камни, что и в Гибине¹². Можно сказать, таким образом, что авторам «Цянь Ханьшу» только северо-западная окраина Индии представлялась бедным районом. Все остальные части индийского государства выделялись природными богатствами и развитым хозяйством.

Интересно сопоставить данные «Цянь Ханьшу» с материалами летописи второй или позднейшей ханьской династии «Хоу Ханьшу», написанной несколькими веками позднее (в V в. н. э.), но имеющей целью показать положение вещей с I до начала III в. н. э.

«Хоу Ханьшу» изображает Индию номинально единым государством, разбивающимся в политическом отношении на множество частей. Давая характеристику Индии в целом, историческая хроника называет ее низменной, влажной и жаркой страной. Очень интересно указание, что Индия простирается далеко на юго-запад, доходя до «Западного моря», т. е. до Персидского залива, а также на юго-восток, причем, отмечается, что все прилегающие к морям территории являются частями «Шэньду», т. е. Индии. Это показывает, что в глазах китайцев ханьской эпохи Индия была страной, простиравшейся до океана.

Говоря о производительных силах Индии, «Хоу Ханьшу» в отличие от «Цянь Ханьшу» почти не касается состояния земледелия, но очень ярко изображает высокий уровень металлургической техники, текстильных промыслов, парфюмерии и пр. Привожу часть текста из «Хоу Ханьшу»: «Эта страна производит слонов, носорогов, черепах, золото, серебро, медь, железо, свинец, олово... Там можно найти также тонкие полотна, шерстяные ковры высокого качества, парфюмерию всех видов, леденцы, перец, имбирь, черную соль»¹³. Успешное развитие промышленности в Индии этого периода подтверждается и другими источни-

¹¹ См. журн.: «Лиши-Яньцзю» 歷史研究, № 4. 1955, стр. 78.

¹² J. J. M. de Groot, *Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit*, S. 91—92.

¹³ См. перевод этого отрывка: E. H. Cunn, *Chinese — Indian contact* («The Indian historical quarterly», 1938, vol. XIV, № 3), p. 502.

ками, в частности, указанием на то, что Индия выделялась среди всех стран древнего мира значительным удельным весом промышленного экспорта.

Из сказанного видно, что при династии Хань, т. е. немногим менее двух тысяч лет тому назад, китайцы были хорошо осведомлены не только о размещении производительных сил внутри своей страны, но успели накопить немало сведений по экономике других народов. С тех пор этот драгоценный фонд непрерывно пополнялся и совершенствовался. В китайских династийных историях, описаниях путешествий и другой монографической литературе хранятся замечательные материалы, на основании которых можно было бы написать не только историю развития географических и экономико-географических познаний китайцев, но и экономическую историю стран, с которыми Китай был на протяжении веков связан. Особенно ценный материал для изучения природных условий, экономики и культуры того времени содержат труды китайских путешественников-пилигримов, направлявшихся обычно из Китая через Среднюю Азию в Индию для посещения «святых мест» буддизма и изучения буддистского канона. Первое такое описание составлено в начале V в. н. э. Фа Сянем, а самое подробное, содержащее множество неоценимых деталей, чрезвычайно важных для понимания жизни средневековой Индии, — монахом VII в. Сюань Чжуаном¹⁴. Из труда Сюань Чжуана, по признанию самих индийских историков, можно почерпнуть больше сведений, чем из произведений индийских авторов того времени.

Такие книги, как путешествие Марко Поло или описание Китая Николая Спафария, представляют собой, конечно, результат не столько самостоятельного собирания материалов, сколько использования китайских источников, которые были переведены для этих авторов их сотрудниками. В задачу статьи не входит рассмотрение всей этой огромной литературы экономико-географического содержания. Она еще ждет своего исследователя. Приведу лишь несколько выписок из одного интересного памятника, содержащего богатый материал о разных странах и народах и охватывающего значительно более поздний период — XII—XIII вв. Он составлен по материалам таможен и охватывает огромную территорию от арабских стран и даже Испании на западе до Японии на востоке.

Автор этого сочинения — Чжао Жу-гуа, а называется оно: «Описание варварских народов»¹⁵. Сообразно со специальностью автора в этой работе больше всего места отводится данным о торговле. Целый большой раздел посвящен характеристике товаров, обращавшихся в тогдашней торговле между странами. Подробно говорится о всех местных товарах, поступающих в оборот. Есть немало фантастических сведений, вроде упоминания о зернах пшеницы в три дюйма и дынях в 6 футов в окружности, которые авторы находят в южной Испании, или описания страны амазонок, где рождаются только девочки. Однако огромное большинство стран изображено вполне правдивыми, реалистическими чертами. Приведу несколько примеров.

В Аннаме (современный Вьетнам) народ обычно обрабатывает землю на двух буйволах. Среди зерновых злаков там нет пшеницы. Прорастают просо, пенька и бобы. Аннамиты не возделывают чая и не знают спиртных напитков. Они пьют только сок из кокосовых орехов.

¹⁴ Перевод обоих трудов на английский язык см.: Samuel Beal, *Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western World*, London, 1906.

¹⁵ «Chau Ju-kua. His work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries enti Ced Chu-fan-chi», translated by Fr. Hirth and W. Rockhill, St.-Petersburg, 1911.

Чжао Жу-гуа упоминает лотос, сахарный тростник, бананы и кокосовые орехи. В большом количестве эта страна производит слоновую кость, желтый воск, шелк, павлинов и многое другое.

Относительно Камбоджи мы узнаем, что почвы в этой стране богаты. Поля не имеют границ. Каждый берет столько земли, сколько может обработать. Рис и зерновые хлеба здесь дешевы. Народ этой страны содержит правую руку в чистоте, делая грязную работу левой рукой.

Ява изображается, как обширная страна с ровной поверхностью, хорошо приспособленная для земледелия. Она производит рис, пеньку, просо, бобы, но не пшеницу. Обработка земли производится буйволами. Народ платит с земли десятину. Соль получается посредством кипячения морской воды. Страна изобилует также рыбой, черепахами, птицей, козами. Едят лошадей и буйволов.

Арабиستان характеризуется как воинственная и могущественная страна. На значительной части ее территории климат холодный. Слой снега достигает глубины в 2—3 фута. Поэтому здесь очень ценят ковры. Пища богатого населения состоит из риса и мяса. Бедняки питаются только рыбой, овощами и фруктами. Сладкие блюда они предпочитают кислым. Вино приготавливают из виноградного сока. Есть у них также напиток, получающийся из смеси сахара и пряностей. Крестьяне обрабатывают свои поля, не боясь наводнений или засухи. Вода для орошения поступает в изобилии из реки, истоки которой неизвестны. До начала сельскохозяйственных работ вода в реке стоит примерно вровень с берегами. К началу сельскохозяйственных работ начинается быстрый подъем воды. Тогда специальный чиновник дает сигнал приступа к работам. Воду разбирают, выпуская ее на поля, и тогда она возвращается к нормальному уровню.

Тщательно собранные сведения сообщаются в этой книге о ближайших территориальных соседях Китая, жизнь которых была известна во всех подробностях. Так, относительно Кореи говорится, что там дома, утварь, орудия, одежда и приемы администрации являются более или менее копией того, что существует в Китае. Уголовные законы очень суровы. Поэтому самая идея воровства настолько чужда народу, что он даже не подбирает вещей, оброненных кем-либо на дорогах. Почвы лучше всего приспособлены к возделыванию риса. Верблюдов и буйволов нет. Денег в Корее не употребляют, а выменивают вещи на рис. Вся утварь в домах сделана из меди. Корейцы очень суеверны, и когда к ним прибывает посольство из Китая, они должны сперва выбрать на основании гаданий счастливый день для получения директив от китайского императора.

В описании Японии также сквозит сознание превосходства китайцев. Страна ограничена морем и возвышенностями. За последними живут волосатые люди. Поскольку в стране очень мало удобных для земледелия площадей, население имеет склонность к пище из морских продуктов. Среди японцев много людей с татуировкой на теле. Мужские костюмы состоят из кусков ткани, не сшиваемых, а связываемых накрест. Женские наряды очень похожи на постельное белье с отверстием для просовывания головы. Оба пола не имеют причесок и ходят босыми.

В стране имеются зерновые хлеба, но среди них мало пшеницы. В обращении пользуются медными деньгами. У японцев есть буйволы, ослы, овцы, но нет носорогов и слонов, нет золота и серебра, нет тонких шелков и изысканных хлопчатобумажных изделий. Оружие у них разнообразно, но японцы плохие стрелки из лука, так как народ не привык сражаться. Когда они затевают какое-нибудь важное дело, то сжигают кости, чтобы предсказать, как обернется их начинание. Они не знают

деления года на 4 сезона и считают год от урожая до урожая. Люди доживают до глубокой старости, часто до 80 или даже 90 лет.

Приведенные примеры содержащихся в китайских исторических материалах описаний экономических районов в достаточной мере определяют особенности этой отрасли китайской науки. Замечательные мастера конкретного отображения фактов, китайцы и в рассматриваемой области сумели дать блестящие, чрезвычайно меткие образцы характеристик размещения производительных сил. Разумеется, им не хватает при этом четкого представления об известных закономерностях размещения производительных сил. Его и не могло быть в феодальный период развития китайского общества. Нельзя сказать, впрочем, что идея закономерности совсем отсутствует в этих описаниях районов. Правильное чутье подсказывает китайским авторам, например, что переход от кочевого животноводства к оседлому земледелию связан с перестройкой всего хозяйства на новых основах. Но это лишь отдельные прозрения, а в целом идеи закономерности размещения производительных сил у китайцев того времени быть не могло. И все же подбор и систематизация материала по характеристике отдельных районов, в такой изобилии содержащегося в китайских хрониках и монографиях, представляется нам исключительно плодотворной задачей и, нужно думать, должен найтись исследователь, которому она окажется по плечу.

Е. И. Кычанов

**КИТАЙСКИЙ РУКОПИСНЫЙ АТЛАС КАРТ ТАНГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВА СИ СЯ, ХРАНЯЩИЙСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БИБЛИОТЕКЕ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА**

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 17 апреля 1958 г.*

Тангутское государство Си Ся (982—1227) играло важную роль в истории Центральной Азии.

В Китае и китайских исторических хрониках тангуты были известны под именем дансянов. В VI—VII вв. дансяны занимали территорию к югу от озера Кукунор, в верховьях р. Хуанхэ. Теснимые тибетцами, они подчинились Китаю и частично были переселены китайским правительством на север, в излучину р. Хуанхэ. Первое переселение дансянов, судя по данным хроник, произошло в 663 г., второе — после 765 г. Постепенно дансянские племена заселили территорию Ордоса и современный Алашань.

В X в. один из дансянских вождей Ли Цзи-цян отказался подчиниться китайским властям, а в 1038 г. его внук Ли Юань-хао объявил себя императором. Еще до этого Ли Юань-хао провел ряд успешных войн против уйгуров—соседей тангутов; в результате к 1036 г. на западе власть тангутов распространилась на области Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу и Шачжоу. В первой половине XII в. тангуты овладели еще рядом областей к востоку от озера Кукунор. В этих границах государство Си Ся просуществовало до 1227 г., когда оно было уничтожено Чингисханом.

Тангутское государство занимало большую территорию, протянувшуюся вдоль северных склонов Наньшаньских гор. На западе, в районе современных городов Дуньхуана и Юймыня, оно граничило с уйгурами, на севере, в устье реки Эдзингол и по южной границе пустыни Гоби, — с племенами дадань, на севере и северо-востоке, по реке Хуанхэ, — с киданьской империей Ляо, на востоке, юго-востоке и юге — с пятью областями Сунской империи: Линьфу, Фуянь, Хуаньцин, Цзинъюань и Сихэ, на юго-западе — с тибетскими племенами.

До нас не дошли подробные карты Тангутского государства и его областей, которыми, несомненно, располагали как сами тангуты, так и ки-

тайцы¹. Поэтому естественно, что для всякого, кто интересуется историей государства тангутов, а также Китая и Центральной Азии вообще, большую ценность представляет китайский рукописный атлас карт тангутского государства, хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд № 274 К. А. Скачкова. Рукопись 1250).

Атлас представляет собою отдельную тетрадь объемом 38 страниц² в серой бумажной обложке, сброшюрованную обычным старым китайским способом. В рукописи не указаны ни имя автора, ни время составления атласа. Лишь на странице 38 есть красная печатка с надписью «Жэн-мэй-хэ-цзи» 仁美和記. Всего в атласе содержится 13 карт, из которых 12 составлены неизвестным автором атласа, а последняя является воспроизведением старинной китайской карты государства тангутов, составленной еще при династии Сун (X—XIII вв.). Все карты, вычерченные самим автором рукописи, нанесены на сетку и выполнены в масштабе.

На страницах 1 и 3 рукописи помещены соответственно семь и одна строка скорописного текста, содержащего названия крупных населенных пунктов на территории государства Си Ся, и указано расстояние их друг от друга. Вторая и четвертая страницы чистые. На пятой — помещено авторское введение к атласу, озаглавленное «Карты Си Ся», в котором говорится: «До наших дней не дошли карты и списки населения Си Ся. Лишь в старинном сочинении „Фань Вэнь-чжэн гун-цзи“ 港文正公集³ помещена карта, составленная автором, жившим еще при династии Сун. Теперь [я] воспроизвожу эту карту из собрания Фань [Вэнь-чжэна] с дополнениями. Указанные на [этой] старинной карте 12 цзянь-цзюнь-сы⁴ совпадают с перечнем цзянь-цзюнь-сы в истории династии Сун. Имеется лишь одно небольшое несоответствие: среди округов государства Си Ся, расположенных в пределах [изгиба] реки Хуанхэ и вне его, в Сунской истории назван округ Нань-вэй и нет упоминания об округах Сюнчжоу, Цзинчжоу и Гуйшуньчжоу, а на [старинной] карте указаны округа Сюнчжоу, Цзинчжоу и Гуйшуньчжоу, но нет округа Наньвэй. На карте не указаны области Синин и Цзиши; объясняется это только тем, что пограничная Сунам территория тангутов распространялась лишь на три области: Фуянь, Хуаньцин и Цзинъюань и на западе не достигала Сихэ. Поэтому и не указаны ни Синин, ни Цзиши. Теперь четыре округа⁵ нанесены [мною] на карту на основании древних карт. Перечисленные в Сунской истории 22 округа указаны [мною] на этой карте каждый в отдельности. Помимо этого, из раздела географических описаний Сунской истории и сочинения Цзююй чжи⁶ выбраны все перечисленные там крепости, которые только были изве-

¹ Например, одна из таких карт, на которую были нанесены центральные районы государства Си Ся, называлась «Си Ся Хэланьшань-ту». Она упоминается в энциклопедии 通志 (Тунчжи), 72卷, 上海, 1935, 838頁。

² Страницы указаны карандашом, в европейском порядке, очевидно, при первоначальной обработке рукописи.

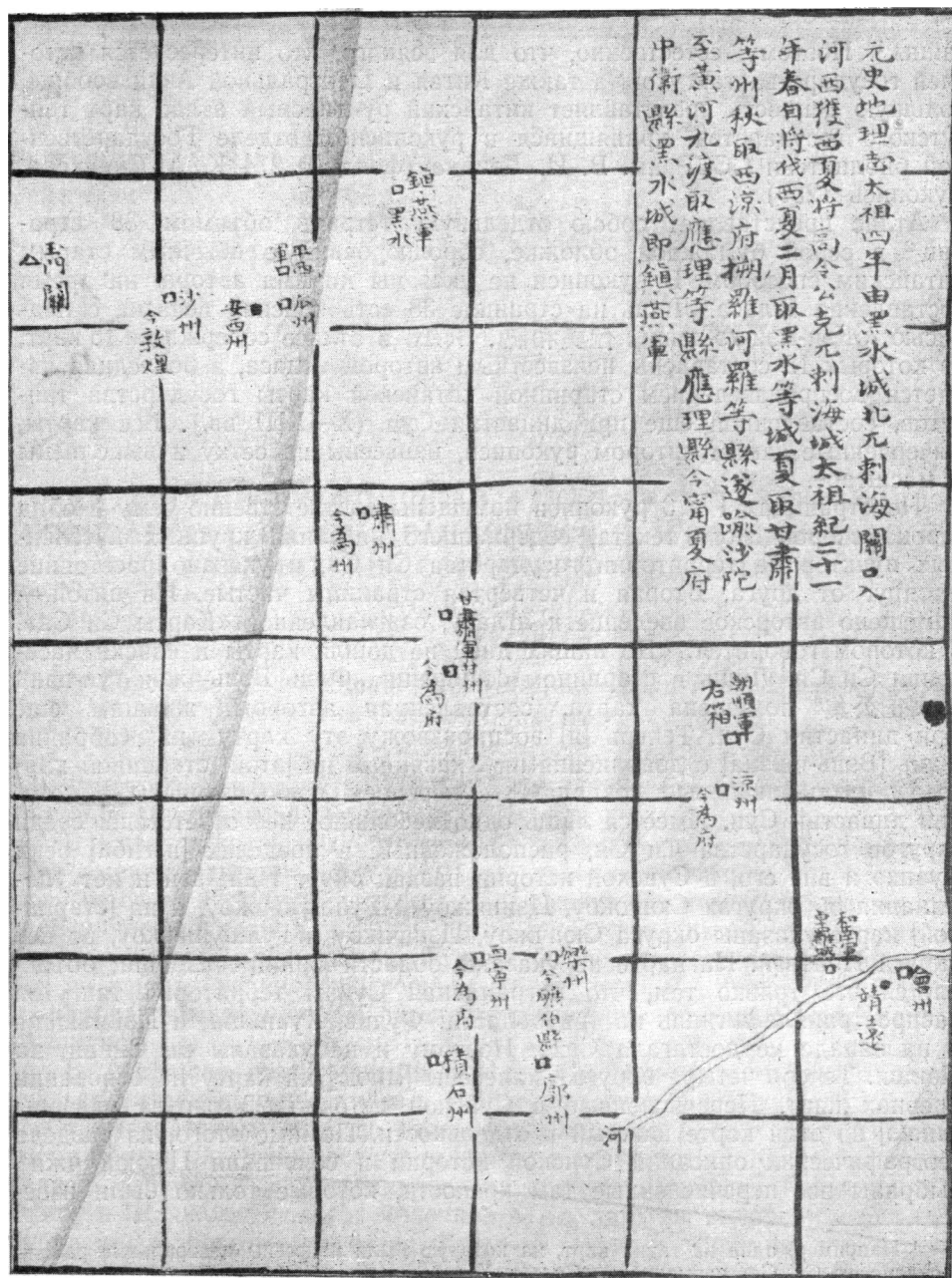
³ Автором этого произведения является Фань Чжун-янь (989—1052). Он родился в уезде У, рано осиротел, жил в бедности, но усердно учился. В 1008 г. Фань Чжун-янь получил ученую степень и поступил на государственную службу. Когда Ли Юань-хао объявил себя императором и Сунский двор начал с ним войну, Фань Чжун-янь был назначен на должность командующего в провинцию Шэньси. Он был образованным и способным человеком и оставил после себя ряд литературных произведений.

⁴ Цзянь-цзюнь-сы — управление военным округом в тангутском государстве.

⁵ Имеются в виду Синин, Цзиши, Кочжоу и Лэчжоу.

⁶ Полное название 元豐九域志 (Юань-фын цзю-юй чжи). Автор 王存 (Ван Цунь). Написано в 1078—1085 гг.

КАРТА АТЛАСА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ТЕРРИТОРИЮ

стны, и на основании этих данных были составлены карты крепостей пяти областей. При этом все они прокомментированы в соответствии с современным делением на округа и уезды, чтобы читатель мог в них разобраться. Хотя все крепости отождествить и не удалось, в основном все они приблизительно отысканы. Что касается [месторасположения] местных населенных пунктов в пределах областей, то везде в качестве

ГОСУДАРСТВА СИ СЯ В ИЗЛУЧИНЕ РЕКИ ХУАНХЭ

критерия были взяты сочинения Юань-хэ чжи⁷ и И тун чжи⁸. Если возникали малейшие сомнения, то из предосторожности я оставлял про-

⁷ Полное название 元和郡縣志 (Юань-хэ цзюньсянь ту-чжи). Автор 李吉甫 (Ли Цзи-пу). Написано при династии Тан в 806—820 гг.

⁸ Полное название 一統志 (И тун чжи). Автор 和坤 (Хэ Шэнь). Составлено в 1765 г.

пуски. Всего [мною] составлено 12 карт — общая карта границ Си Ся, десять карт границ Си Ся и Сун и карта границ Си Ся с киданями, а старая карта приложена в конце».

Карты в атласе расположены в указанном самим автором порядке.

На страницах 6—7 дается общая карта территории государства Си Ся с комментариями, выполненная в масштабе: «в каждом квадрате 400 ли», т. е. каждая сторона квадрата в сетке равна 400 ли.

В комментариях говорится:

«1. На старинной карте указано, что армия⁹ Вэйфу-цзюнь находится на северо-востоке от Синчжоу, армия Цзян-чжэн-цзюнь на севере округа Синчжоу, а армия Чжэньянь-цзюнь на севере округа Сучжоу. Но в географическом разделе истории династии Юань сказано: „область Ицзинай находится на севере от Ганьчжоу, на расстоянии 1500 ли, в древнем городе Цзюйянь-гучэн, области Сихай династии Хань. Когда государство Ся учредило армию Вэйфу-цзюнь, то, вероятно, Вэйфу-цзюнь находилась на северо-западе Ся, а не на северо-востоке“. Однако не может быть, чтобы три армии одновременно были расположены на северо-западе, а на северо-востоке, на соседней с киданями территории, наоборот, было бы пусто. В Юаньши в ходе изложения допущено много ошибок. Теперь на основании старинной карты возможно [заключить], что армия Вэйфу-цзюнь при Юань также относилась к области Ицзинай».

2. В описании государства Ся, помещенном в Сунской истории, среди 9 округов в пределах [изгиба] реки Хуанхэ и за рекой есть округ Наньвэй, а на старинной карте он не обозначен. В последние годы правления династии Тан в Минша был создан округ Вэйчжоу. В Сунское время он попал в руки Си Ся и, возможно, по-прежнему назывался Вэйчжоу, только к названию [округа] добавили иероглиф „Нань“ — „юг“. Возможно, в южной части Минша особо был создан округ Наньвэй. Теперь это невозможно точно установить.

3. В географическом разделе истории династии Юань сообщается, что Тай-цзу [Чингис-хан] в четвертом году правления [1209] из Хэйшуй-чэн, к северу от заставы Улахай, совершил нападение на Хэси, взял в плен полководца Си Ся Гао Лин-гуна и овладел городом Улахай.

В разделе Тай-цзу цзи сообщается, что в 21 году правления [1226] весной [Чингис-хан] сам возглавил войска и предпринял поход на Си Ся. Во втором месяце он овладел городом Хэйшуйчэн, летом взял Ганьчжоу, Сучжоу и осенью Силянфу и уезд Шолохэло [уезды Шоло, Хэло?]. После этого он перешел пустыню, дошел до Цзюду на р. Хуанхэ, занял уезд Инли. Уезд Инли — это нынешний уезд Чжунвэй департамента Нинся, а Хэйшуйчэн — это Чжэньянь-цзюнь».

На страницах 8—9 рукописи помещена общая карта границ Си Ся с областями Сунской империи, выполненная в масштабе «каждая сторона квадрата равна 200 ли», с комментарием.

В комментарии говорится:

«По сведениям географического раздела истории династии Сун, назначаемый в прежние времена областной военный комиссар [цзин-люэ-ань-фу-ши] области Циньфэн управлял всего пятью округами и одной армией: округами Циньчжоу, Лунчжоу, Цзечжоу, Чэнчжоу, Фэнчжоу и армией Тунюань-цзюнь. После этого армия Тунюань-цзюнь была отделена, подчинена области Сихэ и преобразована в округ Гунчжоу. Кроме того, округ Хуйчжоу области Сихэ был подчинен области Цинь-

⁹ Под словом «армия» в данном случае и в дальнейшем следует понимать опорный пункт, центр дислокации местных войск.

юань. С этого времени все территории, пограничные с Ся, принадлежали к областям Цзинъюань и Сихэ».

Следующие карты подробно указывают расположение крепостей на границе Си Ся и Сунской империи. В атласе карты расположены в следующем порядке:

Стр. 10—11. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Линьфу. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 50 ли».

Стр. 12—13 и 14—15. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Фуянь, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 35 ли». С комментарием на стр. 13.

Стр. 16—17, 18—19. Карта крепостей области Фуянь, ч. 2. Выполнена в том же масштабе.

Стр. 20—21. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Хуаньцин. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли». С комментарием на стр. 20.

Стр. 22—23. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Цзинъюань, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли».

Стр. 24—25. Карта крепостей области Цзинъюань, ч. 2. Выполнена в том же масштабе, с комментарием на стр. 25.

Стр. 26—27. Карта крепостей области Цзинъюань, ч. 3. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 80 ли». С комментарием на стр. 27.

Стр. 28—29. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Сихэ, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли». С комментарием на стр. 28.

Стр. 30—31. Карта крепостей области Сихэ, ч. 2. Выполнена в том же масштабе.

Стр. 32—33. Карта северо-восточной границы Ся с киданями. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 100 ли». С комментарием.

Комментарий:

«1. Согласно тому, что живший при династии Мин Аньда¹⁰ построил город в округе Фэнчжоу, а этот город и есть город Гуйхуачэн, г. Фэнчжоу также должен находиться на территории, на которой расположен город Гуйхуачэн.

2. От г. Гуйхуачэн на юго-запад до древнего окружного центра Дуншэн 140 ли.

3. По географическому разделу истории династии Ляо имеющийся округ Цзиньсучжоу не что иное, как армия Хэцин-цзюнь. В сочинении „Юань-фэн цзю-юй чжи“ сказано, что от Фучжоу на северо-восток до Хэцинцзюнь 220 ли. Что касается Цзиньсучжоу, то его местонахождение неизвестно.

4. По сочинению Хуань-юй цзи¹¹ от г. Фучжоу до Танской крепости Лунчжэнь 150 ли. Так как по сообщению, имеющемуся в географическом разделе истории династии Ляо, округ Нинбяньчжоу происходил от Танской крепости Лунчжэнь, то от Нинбяньчжоу до Сунского округа Фучжоу было 150 ли».

---

¹⁰ Аньда (Аэрдань) — монгольский князь, который при династии Мин захватил Ордос и подчинил все жившие там племена. Он не раз нападал на китайские границы, но потом признал власть Минских императоров и получил титул вана, а на месте своей ставки построил город Гуйхуачэн. Известен как покровитель ламаизма. Умер в последней четверти XVI в.

¹¹ Полное название 太平寰宇記 (Тай-пин хуань-юй-цзи). Автор 樂史 (Юе Ши). Написано в 960—976 гг.

На стр. 34—35 автор воспроизводит старинную карту Си Ся. Карта не имеет никакого наименования.

Страницы 36, 37, 38 остались незаполненными.

Данный атлас имеет большую научную ценность. Старинная сунская карта Си Ся, воспроизведенная автором атласа из работы Фань Чжун-яня, воспроизведена и в начале некоторых экземпляров сочинения Чжан Цзяня «Си Ся Цзи-ши-бэнь-мо». Сравнение этих карт показывает, что они лишь очень незначительно отличаются друг от друга, главным образом тем, что на рукописной карте применены более древние формы написания иероглифов, чем на печатном экземпляре в «Си Ся Цзи-ши-бэнь-мо». Об этом предположительно говорил еще Пельо, когда он, будучи в Москве, ознакомился с данным рукописным атласом¹².

По нашему мнению, атлас был составлен в XIX в. Об этом говорит приведение параллельно со старыми наименованиями современных автору наименований городов (например, г. Сичжоу назывался Дидао только при династии Цин. В сунскую эпоху он назывался Сичжоу, при династии Мин — Линьтао, современный г. Линьсянь), использование работ, составленных при Цинской династии (И-тун-чжи составлено в 1765 г., вторая редакция — между 1796—1821 гг.). Все карты составлены на сетках квадратов, стороны которых равны 2 см. По-видимому, автор атласа был хорошо знаком с европейской системой мер.

Атлас представляет большую ценность не только благодаря воспроизведению старой карты сунской эпохи, ставшей библиографической редкостью и, кстати, совершенно не вошедшей в научный оборот. Автор атласа на основании этой карты критически пересмотрел данные других китайских источников и составил свои карты, которые должны прочно войти в обиход каждого, кто займется изучением истории государства Си Ся. Несомненный интерес они представляют и для историков, изучающих историю государств Ляо, Цзинь, раннюю историю монголов и историю уйгуров.

Воспроизведенная автором атласа старинная карта 'Си Ся, по-видимому, была составлена в 1066—1081 гг. На карте указано расположение армий, установленное Ли Юань-хао в 1036 г. Действительно, как и отмечено в авторском предисловии, названия всех армий совпадают¹³. Город Ланьчжоу на карте обозначен в составе тангутского государства. Тангуты владели им очень недолго — с 1063 до 1081 г.¹⁴ Город Суйдэ, бывший окружной центр тангутского государства Суйчжоу, указан уже в составе Сунской империи. Известно, что он был взят китайцами в 1066 г.¹⁵ Таким образом, карта была составлена после 1066 г. и ранее 1081 г.

Из этого вывода вытекает и другое заключение: Фань Чжун-янь, из собрания сочинений которого воспроизведена данная карта, сам не мог быть ее автором, так как умер в 1052 г. Вероятно, карта была составлена каким-то другим неизвестным автором, а уже после смерти Фань Чжун-яня вошла в собрание его трудов.

Старинная сунская карта помогает еще раз проверить точное местоположение центральных округов Ся — Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу,

¹² См.: P. Pelliot, *Sur quelques manuscrits sinologiques conservés en Russie* («T'oung Pao», 1932 t. XXIX), p. 105.

¹³ За исключением маленького несходства в наименовании одной из них. Армия Сишоубастай-цзюнь на карте названа Юншоубаотай-цзюнь.

¹⁴ 西夏紀・甲子歲（1924年）朝立春日開聖戴錫章海王冊、京華印書局刷印13卷，9a，頁，16卷，11b，頁，（Дай Си-чжан, *Си Ся цзи*）.

¹⁵ 宋史（Сун ши）道光十六年重修（1836年），485卷，23a頁。

Яньчжоу и др. Она дает возможность установить местонахождение городов Шичжоу (石州), Хуайчжоу (懷州) и Юнчжоу (永州), которое до этого оставалось неясным¹⁶. Карта помогает точно установить места дислокации тангутских армий и центры военных округов, один из которых, Чжэньяньцзюнь в г. Хэйчэн, расположенный на реке Хэйшуй [Эдзин-гол], можно смело отождествить с городом Хара-хото, 50 лет тому назад обогатившим науку ценной коллекцией тангутских рукописей.

Карта содержит и другие важные указания.

К западу от столицы Си Ся — г. Синцинфу, к югу от горы Мунэй и востоку от горы Линъушань указано место захоронения тангутских императоров. Очевидно, когда составлялась карта, здесь были похоронены императоры Дэ-мин и Юань-хао. Первой столицей государей Ся был столичный город их предков Сячжоу. Овладев городом Линчжоу, Цзи-цянъ переименовал его в Сипинфу и в 1003 г. перенес туда свою столицу¹⁷. В 1020 г. его сын Дэ-мин перенес столицу за реку Хуанхэ, в крепость Хуайюаньчжэнь, которую он переименовал в Синчжоу¹⁸. В 1033 г. Юань-хао переименовал Синчжоу в Синцинфу¹⁹.

По-видимому, до 1003 г. кладбище государей Ся находилось близ г. Сячжоу, где, по сведениям китайских источников, совершалось поклонение душам предков.

Организация археологической разведки в указанном на карте районе и раскопки этих могил в случае их обнаружения, возможно, обогатили бы науку многими новыми материалами по истории Си Ся²⁰.

На карте обозначен главный путь, по которому тангуты совершали свои походы на Китай. Он проходил от г. Линчжоу, через Яньчжоу на китайские города Яньаньфу, Цинчжоу и Хуаньчжоу и армию Баоань-цзюнь.

На карте менее подробно обозначены западные границы Си Ся. Это объясняется тем, по причине своей удаленности они были менее известны китайцам, да, вероятно, и меньше интересовали их.

На карте совершенно не указаны четыре области Си Ся, занимавшие территорию к востоку от озера Кукунор (Синин, Цзиши, Кочжоу и Лэчжоу). Причина этого, действительно, заключалась в том, что в это время территория Си Ся на западной границе Сунской империи «не достигала Сихэ», как объясняет автор рукописи в своем предисловии. В XI в. эти земли принадлежали тибетскому правящему дому Цзюэ, самым выдающимся представителем которого был Цзюэсыло²¹. Еще в 1084 г. тангуты посылали послов в Цинтан (Синин) и хотели воспользоваться посредничеством тибетцев, чтобы добиться примирения с Сунским двором²². Лишь в 1136 г. тангуты овладели городами Синин и Лэчжоу²³.

¹⁶ 西夏書事青浦吳廣成西齋纂道光乙酉年金集(1826年)○北平隆福寺文奎堂影印36卷, 2a 頁(У Гуан-чэн, *Си Ся шу ши*).

¹⁷ Дай Си-чжан, *Си Ся цзи*, гл. 3, стр. 16-а, б.

¹⁸ Там же, гл. 5, стр. 15-а.

¹⁹ Там же, гл. 6, стр. 4-а.

²⁰ На карте, помещенной в «Си Ся цзи-ши-бэнь-мо», местонахождение могил императоров Ся также указано к западу от столицы. Сообщение об этом имеется в статье: R. A. Stein, *Minags et Si-Hia* («Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient», t. LIX, Hanoi, 1951), p. 231. — Поскольку карты почти совпадают, в качестве рабочей гипотезы можно было бы предположить, что автором рукописи является Чжан Цзянь, автор труда «Си Ся цзи-ши-бэнь-мо», написанного в год правления императора Гуань-сюя.

²¹ Монгольский ученый Дамдинсурэн отождествляет его с известным героем тибетского и монгольского эпоса Гэсэром (см.: Дамдинсурэн Цэдэм, *Исторические корни Гэсэриады*, М., 1957).

²² Дай Си-чжан, *Си Ся цзи*, гл. 18, стр. 4-б.

²³ Там же, гл. 23, стр. 17-а.

Имеющееся в Сун-ши перечисление округов государства Си Ся относится, по-видимому, к концу XII — началу XIII в. и поэтому не совпадает с данными карты, составленной в середине XI в.

Можно надеяться, что опубликование этого краткого сообщения об атласе вызовет интерес к нему, и рукопись, свидетельствующая о большой эрудиции и изумительном трудолюбии неизвестного автора, станет достоянием широких кругов читателей и будет введена в научный обиход.

В. Н. Горегляд

**«УДИВИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОКРУЖАЮЩИХ МОРЯХ» —
ЯПОНСКАЯ РУКОПИСЬ НАЧАЛА XIX В.**

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 10 января 1958 г.*

История русско-японских отношений от начала XVIII в., когда в Россию попали первые японцы, и вплоть до установления дипломатических связей между этими двумя государствами в общих чертах освещена в исторической литературе.

Имеется ряд книг о русских путешествиях к берегам Японии — об экспедициях А. К. Лаксмана, И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина и Е. В. Путятина — на русском и западноевропейских языках, а также переводы некоторых сочинений японских авторов по этому вопросу.

Несмотря на это, европейские исследователи до сих пор испытывают явный недостаток в японских документальных материалах, могущих пролить свет на некоторые исторические факты. Введение в научный обиход таких материалов, помимо всего, помогло бы увидеть и отношение рядовых японцев к попыткам европейцев проникнуть в их страну и их первые впечатления от личного знакомства с жизнью европейских народов.

Библиотеки и хранилища рукописей в Японии и некоторых других странах располагают многими заслуживающими внимания сочинениями и документами такого характера; однако они, как правило, до последнего времени недостаточно использовались в работах европейских специалистов.

В собрании японских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР хранится несколько документов, представляющих в этом отношении несомненный научный интерес. Существование одной их части до сих пор оставалось неизвестным широким кругам исследователей, наличие другой — было известно в Японии и некоторых европейских странах, но не было зарегистрировано в других хранилищах рукописей в нашей стране.

К первым прежде всего следует отнести заметки на полях и обложках двух японских ксилографов и одной рукописи, сделанные японцем Дайкокуя Кодая, потерпевшим кораблекрушение в Тихом океане и выброшенном волнами на один из островов Алеутского архипелага.

До сих пор было принято считать, что корабль, на котором нахо-

дился Кодаю, был разбит о прибрежные скалы, а весь его груз погиб. Наличие рукописей, принадлежавших Кодаю, само по себе ставит под сомнение эту версию, а записи, сделанные на полях рукой их владельца, поднимают еще выше значение этих документов.

В числе вторых (т. е. зарегистрированных ранее) документов несомненного внимания заслуживает японская рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях», излагающая историю японских моряков, попавших после кораблекрушения в Россию, и их впечатления о ней и о кругосветном путешествии на русском судне при возвращении на родину (1803—1804).

Нужно отметить, что на протяжении всего XVIII в. русское правительство и отдельные сибирские промышленники неоднократно посылали экспедиции к берегам Японии с целью установить торговые связи с этой страной. Все эти экспедиции, однако, оказывались безрезультатными, так как неизменно встречали упорное противодействие японского правительства, придерживавшегося политики «закрытых дверей».

Неожиданно важное, по своим последствиям, значение приобрело крушение в 1783 г. у о. Амчитка (Алеутский архипелаг, группа Крысыих островов) японского судна «Камиясу-мару». Это кораблекрушение явилось начальным звеном в той цепи событий, которая закончилась пленением в 1811 г. капитан-лейтенанта В. М. Головнина и последующим его освобождением в 1813 г.

Из экипажа судна «Камиясу-мару», разбившегося у о. Амчитка, шесть человек умерли от цинги, остальные во главе с капитаном корабля — Дайкокуя Кодаю — были переправлены сначала на Камчатку (1787 г.), а затем — в Иркутск. Здесь Кодаю познакомился с профессором химии Эриком (Кириллом) Лаксманом, который принял деятельное участие в судьбе японских моряков, желавших вернуться на родину. По плану, предложенному профессором, 13 сентября 1792 г. в Японию отправилась экспедиция с целью установить торговые отношения между Россией и Японией. На борту бригантны «Екатерина» находились и четыре японца из экипажа «Камиясу-мару». Руководитель экспедиции Адам Кириллович Лаксман в течение девяти дней вел переговоры с представителями японских властей в г. Мацумаэ (главный город о. Хоккайдо) о целях экспедиции. Результатом переговоров был письменный ответ на послание Лаксмана, содержащий отказ торговать с Россией. В этом письме, однако, был пункт, разрешающий приход одного русского корабля в порт Нагасаки в следующем, 1794 году. 4 августа 1793 г. Лаксман оставил Хоккайдо, а 21 января 1794 г. был уже в Иркутске.

Привезенные Лаксманом на родину японцы Кодаю и Исокити заявили, между прочим, следующее: «Нас поражало чрезвычайно то, что в России прекрасно знали об Японии, что там были книги с детальными описаниями страны и много общих карт Японии...»¹.

Разрешение на присылку в Нагасаки русского судна, данное Лаксману японским правительством, не было, однако, по различным причинам, использовано ни на следующий год, ни в течение нескольких ближайших лет.

Седьмого числа 11-й луны 5-го года Кансэй (9 декабря 1793 г.) судовладелец Хэйбээ с пятнадцатью матросами, на судне «Вакамия-мару» водоизмещением 800 коку² вышел из порта Исиномаки (провинция Муцу) в Эдо. На следующий день судно попало в продолжи-

¹ С. И. Новаковский, *Япония и Россия*, ч. I, Токио, 1918, стр. 65.

² Коку — японская мера объема (180,4 литра, или 0,18 м³).

тельный шторм. Мачта на нем была сломана, паруса сорваны. Потеряв управление, судно носилось по морю более 180 дней.

Десятого числа 5-й луны 6-го года Кансэй (7 июня 1794 г.) его экипаж высадился на одном из Алеутских островов, где через месяц капитан судна умер, а матросы вскоре были взяты на русский корабль и в 1795 г. попали в Охотск. В этом же году, по приказу иркутского генерал-губернатора, японцы тремя партиями были отправлены в Иркутск. Здесь они встретились с переводчиком японского языка Синдзо — крещеным японцем из экипажа «Камиясу-мару» (православное его имя — Николай Петрович Коротыгин).

28 июля 1796 г. Екатерина II отдала приказ иркутскому губернатору отправить японцев на родину и еще раз попытаться установить с Японией торговые связи; однако ввиду отсутствия необходимой суммы денег в губернаторской кассе экспедиция и на этот раз не была отправлена.

На рубеже XVIII и XIX вв. большой вес в русских правительственных кругах приобрела Российско-Американская компания, пайщиком которой в 1802 г. стал и император Александр I. Компания ведала всеми русскими колониями на Курильских и Алеутских островах, на Аляске и в Калифорнии, и перед ее руководителями все более остро вставал вопрос о способах и средствах снабжения поселенцев товарами и продуктами и о способах вывоза из колоний пушнины. Под давлением этих обстоятельств возник план реорганизации пушной торговли с Китаем и транспортировки грузов в русские американские колонии морским путем вокруг мыса Горн.

Решено было отправить первую русскую кругосветную экспедицию, в число задач которой входило так же ведение переговоров с японским правительством о возможностях торговых связей между Россией и Японией. Для этой цели на основании разрешения, выданного японскими чиновниками А. К. Лаксману, с экспедицией направлялось посольство во главе с полномочным послом — Николаем Петровичем Резановым (1764—1807). Командование экспедицией и ее научными работами было поручено Ивану Федоровичу Крузенштерну.

Японские моряки с судна «Вакамия-мару» к этому времени уже восемь лет прожили в Иркутске, не видя никаких способов возвращения на родину. Они, за исключением четырех, приняли православие. Правительственного пособия не хватало, и японцы постоянно зарабатывали себе на жизнь, выполняя различного рода черную работу.

Организуя посольство Резанова, русское правительство решило, что возвращение потерпевших кораблекрушение японцев может послужить еще одним благовидным предлогом для остановки русского корабля в японском порту и завязывания переговоров. В начале 1803 г. переводчик Синдзо и 13 оставшихся к тому времени в живых членов экипажа «Вакамия-мару» по распоряжению правительства приехали в Петербург. Александр I дал им аудиенцию, во время которой справился о их желании вернуться в Японию. Четверо японцев (те, что не были крещены) с радостью согласились вернуться, а остальные заявили, что хотят остаться в России. Отъезжающие были щедро награждены, представлены Резанову и накануне отплытия перевезены в Кронштадт на «Надежду».

26 июля 1803 г. корабли первой русской кругосветной экспедиции вышли из Кронштадта и, проделав большой путь вокруг мыса Горн, в марте следующего года вышли в Тихий океан. 14 июля 1804 г. «Надежда» бросила якорь в Петропавловской гавани на Камчатке. Здесь были выгружены товары, и 27 августа корабль направился к японским берегам. 8 октября путешественники прибыли в Нагасаки, где пробыли до

18 апреля 1805 г. Японские власти в Нагасаки создали для прибывших русских жестокий, почти тюремный режим, причем японцев, привезенных Резановым, даже не выпускали на берег вплоть до отплытия «Надежды». 16 января 1805 г. один из них, Тадзуро, пытался перерезать себе горло бритвой, однако рана оказалась не опасной и его спасли.

Когда Тадзуро и его товарищи были, наконец, переданы японским властям, они были тщательно допрошены; все сведения, которые они сообщили о кораблекрушении, о дальнейшей своей судьбе и о наблюдениях, производившихся ими за время пребывания в России и кругосветного путешествия, были изложены и снабжены соответствующими рисунками в большом рукописном труде «Канкай ибун» — «Удивительные сведения об окружающих морях».

На русском языке упоминание об этом труде мы находим в книге С. И. Новаковского «Япония и Россия», где при описании покушения Тадзуро на самоубийство говорится следующее:

«Японские же чиновники, производившие расследование этого события, в своем докладе (помещен в японской книге „Канкай ибун“, т. е. „Удивительные слухи об окружающих морях“), представленном сиогунскому правительству, объяснили покушение Тадзуро на самоубийство сильным нервным расстройством, граничащим с сумасшествием, которое развилось вследствие сильной тоски по родине»³.

Более подробные сведения о рассматриваемом сочинении можно найти в примечаниях проф. Н. В. Кюнера к русскому переводу лекции проф. И. Симмура «Возникновение японо-русских сношений»⁴ и в статье В. М. Константинова «Свидетельства японцев о России XVIII века»⁵. Однако характеристика этой рукописи, представленная в указанных работах, отличается чрезвычайной краткостью и дает о ней лишь наиболее общее представление.

В книге Д. М. Позднеева приведены переводы из сочинения Окамото Рюносукэ «Хоккайдо сико» и некоторых других японских трудов, в главах X и XI — «Факты относительно заброшенных волнами японцев Сэндайского клана провинции Оосюу» и «Посольство Резанова в Японию»⁶ — освещаются те же события, что и в рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях». Правда, в этих переводах нет упоминания указанной рукописи, однако очень подробно излагается история четырех японских моряков — Цудаю, Гихээ, Сахэй и Тадзуро. История эта, судя по характеру изложения, была почерпнута автором «Хоккайдо сико» именно из рукописи «Канкай ибун». Об этом будет идти речь ниже.

Прямых ссылок на нашу рукопись в работах других русских исследователей мы не находим. Среди японских справочников, содержащих сведения о ней⁷, нужно отметить работу Самура Хатири «Анализ и названия отечественных рукописей», где приведены две справки.

Первая из них касается самой рукописи: «環海異聞. Рукопись, 16 маки⁸, Оцуки Сигэтака (大槻茂質)⁹. Рукопись, описывающая двенадцатилетние личные впечатления четверых сэндайских моряков —

³ С. И. Новаковский, *Япония и Россия*, ч. I, стр. 87.

⁴ «Известия Восточного института», Владивосток, 1916, т. 31, вып. 2, стр. 63.

⁵ «Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 79—80.

⁶ Димитрий Позднеев, *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России*, т. II, ч. 2, Иокогама, 1909, стр. 88—127.

⁷ Мы не касаемся здесь японских и европейских каталогов, в которых зарегистрирована эта рукопись, поскольку они не дают ее описания.

⁸ Маки — свиток, тетрадь, книга.

⁹ В упоминавшихся уже работах Н. В. Кюнера и В. М. Константинова имя «Сигэтака» прочтено как «Мосицу» однако это чтение не верно (см.: 新村出, 廣辭苑 Tokyo, 1955, 266).

Цудаю, Гихэй, Сахэйда и Тадзюро, которые зимой пятого года Кансэй¹⁰ были застигнуты бурей в море Осю Иваки и, достигнув, в конце концов, после дрейфа, Русской земли, жили в той земле до второго года Бунка¹¹ и по прошествии 12 лет, наконец, вернулись на родину.

По случаю их возвращения, согласно приказанию муцуского даймё¹², два его подданных — Оцуки Сигэтака и Симура Кокё — со слов [моряков] описали все это от начала до конца.

Безусловно, является наиболее достоверной и подробной среди записок дрейфовавших [моряков]¹³.

Вторая справка дает сведения о составителе рукописи:

«Оцуки Сигэтака — родом из Сэндай, конфуцианское прозвище — Сикан, прозвище — Гэнтаку, литературный псевдоним — Бансуй. С 13 лет Сигэтака изучал медицину у Татэбэ Сэян, уехав в Эдо, учился голландской медицине у Сугита Гэмпаку. Отправившись затем на Кюсю, совершенствовался в изучении голландских наук у Маэно Есидзава. С шестого года Тэммэй¹⁴ служил лейб-медиком сэндайского даймё, начиная с восьмого года Бунка¹⁵, по приказу бакуфу¹⁶ переводил голландские книги. Бакуфу в вознаграждение за этот труд выплачивало ему пятикратное жалованье. С девятого года Бунка был повышен в должности с увеличением оклада. Количество его сочинений превышает 300. Умер в возрасте 71 года¹⁷ в десятом году Бунсэй»¹⁸.

Таким образом, история написания рукописи освещена здесь достаточно ясно. Не указан лишь год ее составления. Однако в списке этой рукописи, хранящемся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, в нескольких местах встречается датировка — 1807 год, — указывающая, по-видимому, на время составления оригинала. Указаны и имена составителей — те же, что и в цитированном справочнике.

Наш список «Канкай ибун» (С-191, инв. № 362) состоит из 16 маши — 421 лист; 26,6×18,4 см. Язык — японский, скоропись, хэнтаигана. В японской обложке из плотной бумаги. Обложка бледно-желтая с коричневыми пятнами, в левой части лицевой ее стороны — наклейка с названием рукописи и номером тетради (на восьми первых тетрадях наклейка желтая, на восьми вторых — светлоричневая. Начиная с девятой, тетради нумерованы сначала — от 1 до 8-й); в правом верхнем углу на каждой тетради имеется наклейка Азиатского музея. В левых верхних углах лицевых сторон обложек и первых страниц каждой тетради — оттиск печати с надписью: 在魯西亞國日本帝國公使館藏書。 — «Библиотека посольства Японской империи в России».

СОДЕРЖАНИЕ РУКОПИСИ

1-я тетрадь. Начинается с введения, где говорится, что зимой пятого года Кансэй (1793) сэндайские моряки, нагрузив на корабль рис для продажи, 27-го числа 11-й луны направились в Эдо. По пути их

¹⁰ Пятый год Кансэй — 1793 г. по европейскому летосчислению.

¹¹ Второй год Бунка — 1805 г.

¹² Муцу — название провинции. Даймё — крупный феодал; второй из пяти дворянских рангов в Японии.

¹³ 佐村八郎, 増訂國書解題 о т. 1, Токио, 1931, стр. 545 (Самура Хатино, Дзотэй Кокусё кайдай).

¹⁴ Шестой год Тэммэй — 1786 г.

¹⁵ Восьмой год Бунка — 1811 г.

¹⁶ Бакуфу — военно-феодалное правительство Японии до 1868 г.

¹⁷ В возраст человека японцы включают «утробный год». Годы жизни Оцуки Сигэтака 1757—1827. Второй составитель, Симура Коке, по прозвищу Токудзи, — ученый-конфуцианец, происходил из семьи известного сэндайского конфуцианца Симура Годзе. Годы жизни не известны.

¹⁸ Самура Хатино, Дзотэй Кокусё кайдай, т. 2, стр. 2000.

застал шторм, корабль был поврежден и они после многодневного дрейфа оказались на русских островах «Онтэрэцукэ»¹⁹ (Андреяновские?). Далее кратко излагается история их путешествия в Охотск, оттуда — через Якутск в Иркутск, затем — в Петербург и, наконец, состоявшегося в 1803 г. (второй год Кёва) обратного путешествия в Нагасаки.

В этой же тетради коротко рассказывается об истории написания рукописи, даются некоторые сведения из географии, как-то: перечисление частей света и расположенных в каждой из них государствах. Названия государств приводятся русские (в японской транскрипции), иногда — японские.

Здесь же характеризуется международное положение России, или «Мосукобии», с кратким экскурсом в ее историю. С 26-го листа снова начинается изложение истории потерпевших кораблекрушение японцев — пишется о том, как они с Андреяновских (?) островов попали на о. «Нацука» (Юнаска?), откуда на русском корабле были перевезены в Охотск и впоследствии санным путем — в Иркутск, приводятся сведения о происхождении русского письма, образцы «русских букв». В конце главы стоит дата (четвертый год Бунка) и подписи составителей. Вводная часть сочинения заканчивается общим оглавлением всей рукописи.

Вторая половина первой тетради занята подробным описанием географического положения, истории, народонаселения, флоры, фауны, быта и т. д. Андреяновских (?) островов и о-ва Юнаска (?).

Тетрадь содержит четыре цветных иллюстрации: листы 3б—4а — карта мира с изображением маршрута путешествия Крузенштерна; лист 55а — изображение пещерных жилищ на Андреяновских (?) островах и того, как островитяне входят в свои землянки; листы 55б—56а — рисунок морского котика с сопроводительной надписью, в которой указываются места его распространения; лист 60а — изображение птицы, названной «птица окутиё» (?). Особенный интерес представляют первые две: карта дает представление о европейском влиянии на японскую географическую науку того времени, а изображение алеутов интересно с этнографической стороны.

2-я тетрадь. Продолжение описания острова Юнаска (?), причем, основной упор сделан на этнографические данные. Приведено детальное описание одежды, украшений, орудий охоты, рода занятий, пищи и т. п. коренного населения острова — алеутов, а также жилищ и быта русских поселенцев. В этой тетради рассказывается о способах сообщения между Алеутскими островами и материком, о предметах ввоза и вывоза, о промысловых животных района Юнаска (?) и способах их добычи. Много места отведено характеристике алеутских надувных кожаных лодок, на которых островитяне уплывают далеко в море.

Вторую половину тетради занимает описание путешествия японцев с Юнаска (?) на Амчитку, в «порт Камчатку» и в Охотск с указанием расстояний между этими пунктами и описанием условий навигации; определяется положение русских тихоокеанских владений относительно Японии и Кореи. Тетрадь заканчивается характеристикой наблюдений моряков на Камчатке, в Охотске и по дороге через Якутию «в течение 37—38 дней вдоль берега большой реки» в Иркутск, рассказом о занятиях и образе жизни аборигенного и русского населения Якутии.

Эта тетрадь снабжена богатым иллюстративным материалом: лист

---

¹⁹ Транскрипция знаков катакана, которыми переданы в рукописи иностранные слова, осуществляется здесь с учетом ошибок, сделанных переписчиком, с добавлением в необходимых случаях «нигори».

3а — изображение островитян — мужчины, женщины и девочки; лист 3б — рисунок мужской головы в головном уборе и рисунок головного убора алеутов; лист 4а — изображение женских украшений, вдеваемых в нос и уши; листы 4б—5а — изображение сивуча; листы 5б, 6а — изображение охоты алеутов в двухместной кожаной надувной лодке на крупную рыбу; лист 6б — рисунок двухместной и трехместной надувных алеутских лодок без пассажиров; лист 7а — изображение копий (гарпунов?) и одежды алеутов; листы 7б—8а — изображение жилища русских на Юнаска (?); лист 8б — изображение православного креста; листы 13б—14а — изображение ледяных гор и русского корабля среди них; лист 15б — жилой дом в Охотске; листы 16б—17а — изображение жителя побережья Охотского моря, перевозящего дрова на нартах, запряженных собаками; лист 21б — навьюченная лошадь; лист 22 а — два якута в национальных одеждах, верхом на лошадях; лист 24а — изображение жилища с оконными отверстиями, заделанными льдом вместо стекла.

3-я тетрадь. Девять начальных листов заняты описанием судьбы путешественников во время их переезда из Охотска в Иркутск, причем на листах 4б—5а приводятся имена всех оставшихся в живых 15 моряков, дается характеристика географических особенностей районов путешествия, их флоры, фауны и т. д.

Далее начинается глава «Иркутск», где сообщается о том, что в восьмом году Кансэй (1796) японцы тремя партиями (по пять человек в каждой) прибыли в Иркутск, где встретились с переводчиком Туголуковым и учителем японского языка иркутской школы переводчиков Николаем Петровичем Коротыгиным. Приводится характеристика их обоих и сведения об Иркутской школе японского языка. Коротыгин (Синдзо) имел сына 12—13 лет, самому же ему было года 42—43.

Далее следует описание русской избы и ее внутренних частей и детальная характеристика русской бани с указанием на то, что моются в ней накануне праздника или воскресенья.

В тексте помещено несколько рисунков, иллюстрирующих рассказ: листы 5б—6а — крытая санная кибитка с ямщиком на облучке, с четверкой лошадей; лист 8а — рисунок сетки, употребляемой в Сибири для защиты лица от мошкар; лист 24а — схематическое изображение русской печи в разрезе (вид сверху); лист 24б — вид русской печи со стороны чела; лист 25а — цветные рисунки кресел; лист 28а — изображение бани (вид снаружи); листы 28б—29а — внутренний вид бани.

4-я тетрадь. Начинается разделом «Пища и питье»; несколько страниц текста посвящено описанию того, как замешивается тесто и выпекается хлеб, рассказу о варке каши, супа и других блюд. Сюда же входит характеристика картофеля, овощей, кофе и т. д. Сообщается, что русские едят по три раза в день. Японцы замечают, что русские употребляют в пищу коровье молоко, варят на нем различные кушанья; якуты же и буряты предпочитают кобылье молоко, а тунгусы — оленье. Раздел заключается описанием и рисунками (в тексте) столовой посуды и кухонных принадлежностей: лист 10б — рисунки горшка и ухвата; лист 11а — изображение ложки, вилки и ножа.

Второй раздел тетради рассказывает об одежде русских, начиная с тулупа и кончая нижним бельем, о различных видах обуви и головных уборах, указывается материал, из которого они изготовляются, и времена года, когда их носят. В конце тетради приведены рисунки, относящиеся ко второму разделу: лист 15б — картуз; лист 16а — ночной колпак; листы 16б—17а — рубашка и камзол, по два рисунка каждого предмета (вид спереди и сзади); листы 17б—18а — жилет с глухим воротником (вид спереди и сзади), листы 18б—19а — штаны, также два

изображения; лист 19б — чулок и кушак; лист 20а — полотенце; лист 20б — одеяло.

5-я тетрадь. Первая половина ее посвящена характеристике религии русских — дано описание внешнего и внутреннего вида православной церкви и религиозных обрядов. Прежде всего сообщается, что храм по-русски называется церковью, что во главе семи (?) церквей стоит архиерей и что большой храм называется собором. Указано, что храмы строятся из камня. Перечисляются церковные праздники, а также русские мужские и женские имена; здесь же дано пояснение, что имена русским даются по именам святых.

Вслед за этим разделом следует рассказ о русской системе счисления времени с приведением таблицы русских порядковых числительных в японской транскрипции.

Далее, на примере крещения Синдзо, объясняется, как дается человеку имя, отчество и фамилия. Много места отведено вопросу рождения и воспитания детей. Последний раздел этой тетради посвящен принятым в России обрядам бракосочетания. Подробно описаны обычаи сватовства, венчание и свадебное пиршество.

Иллюстрации в тексте тетради: лист 4б — колокольня; лист 5а — звонарь у колоколов; лист 7а — внешний вид церкви; листы 7б—8а — внутренний вид церкви; лист 10б — карусель; лист 11б — архиерейская митра.

6-я тетрадь. В начале описываются обряды, совершаемые по случаю смерти, — заупокойная служба, захоронение и отпевание покойников, поминальная служба в храме.

С 5-го листа тетради начинается новая тема — правительственные учреждения, названия рангов чиновников, профессий, характеристика военной подготовки солдат. Здесь же описываются казачьи части Иркутска и военные силы местного гарнизона. Указано, что солдаты в городе расквартированы в казармах и численность их равняется 1800 человек. На 14—15-м листах приведен перечень русских воинских званий.

В следующем небольшом разделе (листы 18—20) описывается система наказаний в России.

В конце тетради (листы 21—24) имеется раздел нумизматики, включающий в себя краткое вступление, таблицу русских монет с их характеристикой и несколькими рисунками. Последний 25-й лист тетради посвящен характеристике русских бумажных денег — ассигнаций.

Рисунки, помещенные в тетради: листы 7б—8а — казачий караул; лист 10б — рисунок брандспойта; лист 24а — изображения русских монет царствования Екатерины II.

7-я тетрадь. Начальный раздел посвящен рассмотрению русских мер длины и веса и переводу их на японские эквиваленты.

После этого рассматриваются русские музыкальные инструменты, причем названия большинства из них переведены названиями сходных с ними японских инструментов, например, *笛 тотика* (дудочка) и т. п. Далее авторы уделяют внимание характеристике промысловых рыб Сибири, указывая, по возможности, водоемы, где водятся те или иные их виды; описанию насекомых, птиц, зверей (много места уделено соболу) и домашних животных. Перечислены и охарактеризованы деревья, растущие в сибирских лесах. Около полутора листов занято описанием злаков, овощей и фруктов с указанием времени их созревания.

Затем следует характеристика торговли, медицинского обслуживания населения и перечисление продуктов ремесла, выпускаемых в Сибири. Последние пять листов отведены для описания нравов и обычаев всех народов, с которыми моряки встречались за время путешествия.

В тексте тетради приводятся следующие изображения: лист 4б — безмен; лист 6а — балалайка (на рисунке, однако, изображен инструмент, скорее похожий на гусли); лист 6б — дудка, скрипка, балалайка; лист 12б — соболев.

8-я тетрадь. Представляет собой японо-русский словарь, составленный по тематическому признаку и включающий следующие разделы:

1) *небо* — в этот раздел входят слова, представляющие самые различные понятия: солнце, звезда, жарко, мокро, экватор и т. д.;

2) *земля* — сюда также входит лексика самого разнообразного характера — от слов, обозначающих общие понятия, до слов, охватывающих различные области хозяйства: земля, город, огород, колодец, золото и другие;

3) *названия стран и общепринятые наименования основных государств* — первые два листа этого раздела посвящены имеющимся у русских представлениям о Китае, затем следует перечень русских названий различных морей, стран, городов и т. д., которым в тексте соответствует японский перевод (часто — калька);

4) *время* — в этот раздел входят слова, обозначающие такие понятия, как год, месяц, час, утро, послезавтра, нынче и т. п.;

5) *названия месяцев* — простое перечисление названий двенадцати японских лун с приведением параллельных названий русских месяцев, иногда указывается также количество дней в русском месяце;

6) *названия профессий, степени родства и другая лексика, относящаяся к человеку*;

7) *названия частей тела*;

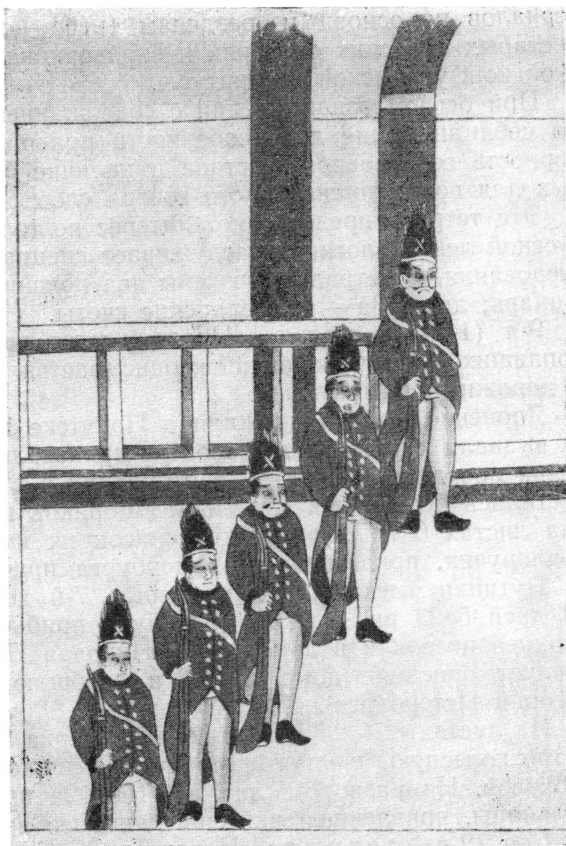
8) *названия частей избы и различных строений*;

9) *мебель, посуда, инструменты, утварь и т. п.*;

10) *одежда, предметы питания, наиболее употребительные глаголы, прилагательные и т. д.*

Вслед за этим разделом помещено краткое резюме, заключающее тетрадь в целом.

Следует отметить, что внутри каждой темы слова размещены безо всякого видимого порядка. Расположение же самих тем относительно друг друга напоминает один из принципов размещения справочных ма-

КАЗАЧИЙ КАРАУЛ (фрагмент)

териалов по основным разделам (небо — земля — человек), принятый в старых японских словарях и справочниках и идущий из древнекитайской конфуцианской литературы.

При беглом ознакомлении с содержанием данной тетради обращают на себя внимание две особенности приводимой в ней лексики: разговорность ее основного состава и наличие большого процента характерных для восточно-сибирского говора слов («заплот», «сопка» и др.).

Эта тетрадь представляет интерес не только для японской, но и для русской лексикологии и заслуживает специального лингвистического исследования. В тетрадь включены два пояснительных рисунка: лист 12а — фонарь; лист 13а — канцелярские счета.

9-я (1-я) тетрадь. Продолжается рассказ о дальнейшей судьбе попавших в Иркутск японцев, описывается их путешествие в Петербург и дорожные впечатления.

Японские моряки прожили в Иркутске восемь лет. Однажды утром их вызвали к начальнику города и приказали собираться в дорогу. Вскоре их посадили в кибитки и отправили в сторону Красноярска. В путь пустились переводчик Синдзо, 13 моряков из экипажа «Вакамия-мару» (на листах 6 и 7 приводится список их имен) и сопровождающий их подпоручик, привезший из Петербурга приказ о выезде.

Путники выехали из Иркутска в 7-й день 3-й луны и, проехав за 48 дней 5823 ри²⁰, уже в 4-ю луну прибыли в Петербург. В столице японцев поселили в доме графа Николая Петровича Румянцева. Далее следует описание дома графа и сообщаются некоторые сведения из истории Петербурга и Кронштадта.

На листах 8б—9а изображена шестерка лошадей цугом, впряженная в трехколесную крытую повозку с ямщиком на облучке, впереди — верховой. На развороте листов 11б—12а приводится рисунок ветряной мельницы, привлечшей внимание японцев во время их путешествия.

10-я (2-я) тетрадь. Начинается с описания аудиенции у императора Александра I, состоявшейся в 16-й день 5-й луны. Перед аудиенцией японцам сшили национальные платья и они сделали себе соответствующие прически. На приеме присутствовали также императрица, великий князь Константин Павлович и граф Румянцев. Церемония приема и костюм императора описаны весьма подробно. Японцев спросили, не желают ли они вернуться на родину. Четверо японцев, не обращенных в православие, с радостью согласились, остальные же пожелали остаться в России. Император щедро наградил четверых пожелавших вернуться на родину моряков и приказал до отплытия в Японию показывать им столичные достопримечательности, что и исполнялось в течение 23-х дней. На другой день после аудиенции японцы присутствовали при подъеме воздушного шара, состоявшемся на одном из островов р. Невы. При большом стечении народа и в присутствии императорской семьи шар поднялся в воздух с людьми, находившимися в гондоле, и пролетел около 2 ри²⁰ после чего опустился на землю. Описывается костюм людей, находившихся в гондоле и реакция зрителей на полет шара.

Вторая половина тетради посвящена описанию петербургских дворцов и ознакомлению читателей с некоторыми моментами истории России и ее внешнеполитических связей.

Рисунки, помещенные в тетради: листы 7б—8а — портреты русского императора и императрицы; лист 9б — подъем воздушного шара (в гондоле изображены сидящие мужчина и женщина, шар удерживают при помощи веревок семь человек); листы 11б—12а — наблюдение за поле-

---

²⁰ Ри — японская мера длины (3,997 км).

том воздушного шара: листы 226 — 23а — внешний вид части здания; лист 23б — наблюдение за ночным небом с балкона.

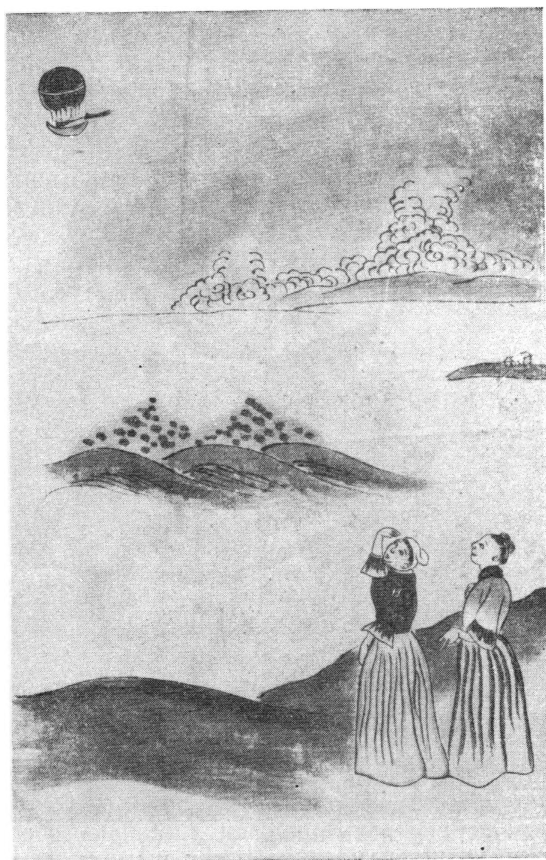
11-я (3-я) тетрадь. Продолжение описания достопримечательностей Петербурга и Царского Села. Особое место уделено рассказу о посещении оранжереи, характеристике отдельных растений и ухода за ними. Затем следует изложение разных впечатлений от знакомства с Петербургом и его окрестностями: рассказ о посещении «в конце 5-й луны» императорского театра, рассказ об истории создания и внешнее описание памятника Петру I — «Медного всадника», впечатление от посещения Александрово-Невской лавры.

В 11-й день 6-й луны граф прислал к японцам слугу с сообщением о том, что в Японию отправляется корабль с посольством, на котором четверо японцев будут доставлены на родину. Их представили послу Резанову и на следующий день, протившись с остающимися соотечественниками, японцы сели в маленькие лодки и поплыли в Кронштадт.

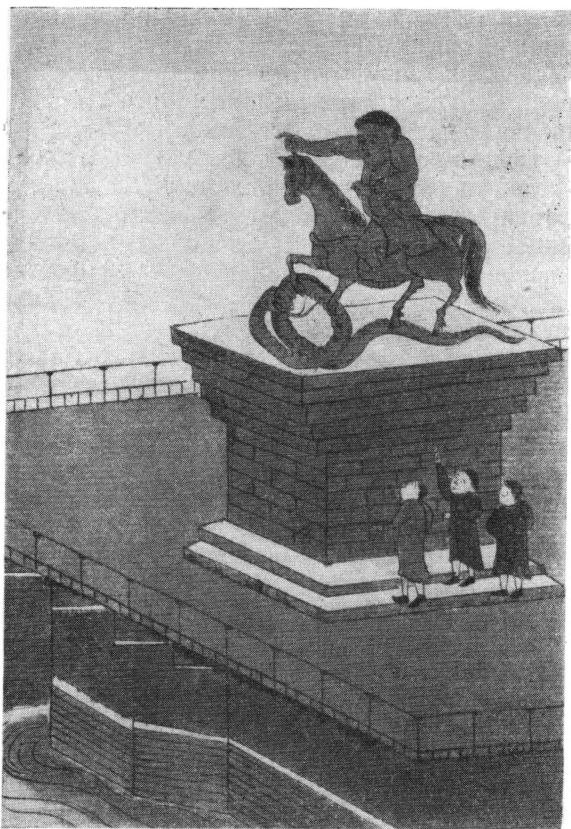
Здесь же приводится описание морских крепостей, расположенных неподалеку от Петербурга, после чего продолжается изложение событий, предшествовавших отплытию из Кронштадта: прибытие на корабль, где находился Резанов, получение от него царских подарков (каждый японец получил часы и 20 золотых монет), а также расставание с переводчиком и тремя слугами из дома графа.

Рисунки: лист 3б — вид части Петербурга сверху со стороны набережной; листы 4б—5б — внешний вид оранжереи; листы 5б, 6б — 7а и 8а — рисунки растений из оранжереи; листы 11б—12а — изображение столичного театра; лист 16а — памятник Петру I в Петербурге; листы 20б—21а — изображение накрытого стола, за которым сидят четверо русских; на столе стоит шут; листы 23б—24а — вид с берега на форты и рейд Кронштадта.

12-я (4-я) тетрадь. 16-го числа 6-й луны, говорится в тетради, корабль вышел в плавание и 4-го числа 7-й луны остановился в датском городе Копенгагене. Когда корабль, носивший название «Надежда», снова вышел в море, 2-го числа 8-й луны он встретился с другим кораблем, который выстрелил по русскому кораблю. Русский капитан взял рупор и спросил, что это за корабль и по какой причине он стреляет.

ПОЛЕТ ВОЗДУШНОГО ШАРА В ПЕТЕРБУРГЕ (фрагмент)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ

фауны Бразилии и обычаев ее населения. Тетрадь заканчивается рассказом об отплытии из Бразилии и о выходе судна в Тихий океан вокруг мыса Горн. Рисунки в тексте тетради: лист 156 — изображение плода; лист 166 — черепаха; лист 186 — крокодил.

13-я (5-я) тетрадь. Начинается с описания прибытия корабля на Маркизские острова. На берегу путешественники увидели трех или четырех совершенно обнаженных мужчин и женщин. Вскоре судно оказалось окруженным туземцами.

Далее следует описание внешнего вида и обычаев островитян. На следующий день, продолжают авторы, у корабля собрались 200—300 туземцев, предлагавших русским начать торговлю.

Следующие несколько листов рукописи отведены описанию пребывания «Надежды» у берегов Маркизских островов. Затем рассказывается о прибытии путешественников на Сандвичевы острова. После описания островов и их жителей повествуется о следовании к берегам Камчатки, где корабль бросил якорь в Петропавловской гавани. В рукописи отмечается, что домов здесь всего 27—28, кроме того, имеется крепость, которой командует майор. Следует общее описание порта и характеристика его гарнизона и вооружения.

Пятого числа 8-й луны судно покинуло Камчатку и направилось в сторону Японии с намерением войти в порт Нагасаки. В открытом море «Надежда» попала в сильный шторм, но 28-го числа 8-й луны она благополучно достигла берегов провинции Сацума.

Последовал ответ, что корабль — английский. В свою очередь с английского корабля запросили, кому принадлежит наше судно. Капитан сообщил, что это русский корабль, направляющийся в Японию. Англичане попросили прощения, сказав, что ошиблись и приняли судно за французское.

Далее сообщается о посещении Англии, об англо-французской войне, о последовавшем затем прибытии русского корабля на Канарские острова, о погрузке провианта на судно и о пересечении экватора во время дальнейшего путешествия.

С Канарских островов корабли направились к Южной Америке, у берегов которой бросили якорь в порту Санта-Катарина, принадлежащем Португалии.

Несколько страниц посвящено описанию порта Санта-Катарина, флоры и

Иллюстрации, имеющиеся в тетради: лист 5б — изображение жителей (мужчина и женщина) Маркизовых островов; листы 6б—7а — изображение лодки с островитянами; лист 10б — изображение туземцев (мужчина и женщина) Сандвичевых островов; листы 14б—15а — вид на Петропавловский рейд с кораблями, видны береговые батареи.

14-я (6-я) тетрадь. 6-го числа 9-й луны русское судно подошло к мысу Иосаки около гавани Нагасаки. Здесь оно было встречено японскими чиновниками. Далее рассказывается о входе в гавань и о переговорах русского посла с нагасакискими чиновниками. Приводятся имена четверых привезенных на русском корабле японцев: Цудаю (津太夫), возраст 61 год; Гихэй (儀平), 43 года; Сахэй (左平), 41 год; Тадзуро (太十郎), 34 года. (В 3-й тетради вместо 儀平 значится 儀兵衛 (Гихэй), а в 9-й тетради — так же, как и здесь — 儀平.)

Губернаторы Нагасаки [их было двое. — В. Г.] послали в Эдо уведомление о прибытии русского посольства и запрос относительно переговоров с ним. 20-го числа 2-й луны первого года Бунка²¹ из Эдо выехал чиновник, прибывший в Нагасаки в начале (6 или 7-го числа) 3-й луны того же года. Вслед за этим начались переговоры Резанова с представителями японских властей.

В тетради подробно излагается ход переговоров японских уполномоченных с русским послом при участии голландцев с острова Дэсима.

Тетрадь богато иллюстрирована цветными рисунками: листы 10а—10б — изображение плана бухты Нагасаки с указанием пути следования и места якорной стоянки «Надежды» и наиболее примечательных мест на берегу; лист 11а — русские военно-морские флаги; листы 11б—12а, 12б—13а — изображение стоянки русского корабля в Нагасакиской гавани в окружении японских судов из разных провинций (у каждого судна проставлено название местности, откуда оно прибыло); лист 15а — изображение части огороженного забором помещения на берегу, в котором жили во время переговоров члены посольства и русские офицеры; лист 18б — портрет Резанова с объяснениями, касающимися назначения различных частей его мундира, материала, из которого они сделаны и т. п.; лист 19а — портрет лейтенанта Ратманова; лист 19б — рисунок, изображающий русского солдата (вид спереди); лист 20а — рисунок, изображающий русского солдата (вид сзади); лист 20б — рисунки головных уборов у русских.

15-я (17-я) тетрадь. В этой тетради, как указано в самом ее названии — «Смесь» (雜事), сообщаются самые различные сведения. Прежде всего указывается, что Андреяновские (?) острова были подчинены России Шелеховым, который родился в Москве, а умер в Иркутске в возрасте 62—63 лет. Далее излагается история присоединения острова Юнака (?) и дальнейшая судьба Шелехова. В связи с этим говорится и о географическом положении Иркутска, описываются тунгусские и бурятские племена. Здесь же приводятся и сведения об Адаме Лаксмани.

Затем следует характеристика различных государств, мимо которых проходили корабли экспедиции Крузенштерна, указание на их географическое положение и другие сведения. Описывая разные страны, авторы перечисляют и народы, живущие в них.

Тетрадь заканчивается описанием разных наблюдений, произведенных японскими моряками во время их пребывания в Сибири.

Имеющиеся в тетради рисунки: лист 5б — схематическая карта Прибайкалья; листы 16б—17а — изображение переправы через речку (пролив?) на пароме.

²¹ Первый год Бунка — 1804 г.

ПОРТРЕТ РУССКОГО ПОСЛА Н. П. РЕЗАНОВА
С ОПИСАНИЕМ ЧАСТЕЙ ОДЕЖДЫ

16-я (8-я) тетрадь. В первой половине ее продолжается рассказ о виденных в России диких животных, затем авторы снова возвращаются к описанию русской кругосветной экспедиции. Подробно объясняется устройство русских кораблей, характеризуется их оснастка и рассказывается о назначении различных судовых приборов и снастей. Далее приводятся сведения об экипаже «Надежды» и пассажирах.

Вслед за этим, продолжая изложение истории пребывания Резанова в Нагасаки, авторы приводят текст письма русского царя японскому императору²², которое было вручено Резановым в 9-ю луну первого года правления Бунка. Содержание этого письма почти дословно совпадает с переводом его, помещенным в упоминавшемся уже выше труде Д. М. Позднеева²³.

Рукопись заканчивается описанием неудачного окончания миссии Резанова и отплытия «Надежды» из Нагасаки.

В последней тетради имеются два рисунка: листы 76—

8а — схематическое изображение русского корабля под парусами; листы 10б—11а—водяная мельница.

* * *

Ознакомление с материалами, в какой-либо степени касающимися содержания рассматриваемой здесь рукописи, и сопоставление их с текстом последней дают основание предположить, что рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях» существует по крайней мере в двух списках.

При сравнении содержания перевода Д. М. Позднеева со сведениями, сообщаемыми справочником «Кокусе кайдай», обращают на себя внимание расхождения в написании имен двух японских моряков из числа четверых, привезенных Резановым в Нагасаки:

у Д. М. Позднеева
儀兵衛 (Гихээ)
左平 (Сахэй)

в справочнике
儀平 (Гихэй)
左平太 (Сахэйда)

В нашем списке рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях» в двух случаях из трех (тетради 9 и 14-я), когда перечисляются

²² Фактически — сёгуну (главе японского военно-феодалного правительства до 1868 г.), которого в России называли светским императором Японии.

²³ Дмитрий Позднеев, *Материалы по истории Северной Японии...*, т. II, ч. 2, стр. 111—113.

имена всех членов экипажа «Вакамия-мару», первое из названных выше имен записано 儀平 и в одном случае (тетрадь 3-я) — 儀兵衛. Таким образом, различные варианты написания одного и того же имени могут встретиться не только в разных источниках, но и в разных местах одного списка рукописи. (Это подтверждается и рядом других примеров из нашего списка.) За краткостью сведений, сообщаемых справочником «Кокусе кайдай», на основании одних только разночтений имен, нельзя судить о неидентичности описанного там списка рукописи и списка, хранящегося в Институте Востоковедения АН СССР и об аутентичности этого последнего. Однако книга Д. М. Позднеева дает более богатые материалы для сравнения.

Сопоставляя опубликованные в ней материалы с рассматриваемым в настоящей статье списком «Канкай ибун», мы отмечаем целый ряд расхождений не только в написании имен собственных, но и в расположении материала, в освещении ряда фактов, в датировке многих событий и, наконец, в самом объеме и тематике приведенного материала. Работа Д. М. Позднеева и помещенные в ней переводы японских источников касаются, как правило, только истории русско-японских связей. Наша же рукопись дает большое количество материалов по быту, языку, религии русского народа, по географии, политическому устройству, этнографии многих других стран и т. п. В самом начале 10-й главы у Д. М. Позднеева указано, что судно «Вакамия-мару» вышло в Эдо с грузом леса и риса для Сэндайского князя²⁴, а наша рукопись говорит, что судно было гружено рисом для продажи (тетрадь 1-я, лист 1а). В 12-й тетради «Канкай ибун» указано, что русские корабли, выйдя из Кронштадта, остановились в датском городе Копенгагене; Д. Позднеев же с удивлением обнаруживает, что автор переводимого им сочинения поместил «Копенгаген ちつべんは一けん в Голландии和蘭 (sic!)...»²⁵ и т. д.

Вместе с тем на основании анализа сведений, приведенных в сочинении Окамото Рюносукэ (цитируемом в данном случае Д. М. Позднеевым), можно предположить, что они взяты из рукописи «Канкай ибун» или по крайней мере из источника, базирующегося на ней.

Об этом говорят факты наличия многих общих мест в двух этих сочинениях; иногда даже совпадают или очень похожи (даже по лексике) большие отрывки текстов. Например, описание отплытия из Петербурга (тетрадь 11-я)²⁶, сведения о Шелехове (тетрадь 15-я)²⁷ и т. д.

Совокупность всех этих фактов позволяет нам высказать предположение о том, что сочинение Окамото Рюносукэ базировалось на списке рукописи «Канкай ибун», не идентичном рассмотренному в настоящей статье.

Что касается времени и места переписки нашего экземпляра рукописи, то по этому поводу можно высказать следующие соображения:

1) Рукопись не является оригиналом, записанным Оцуки и Симура; между нею и первоначальной записью можно было бы, вероятно, выделить несколько списков, выполненных разными переписчиками. Свидетельством этому служит обилие знаков «катакана», не понятых переписчиком и записанных так, как ему казалось наиболее правдоподобным, вследствие чего при транскрибировании русских слов часто смешивались знаки シ, ソ и レ; знак チ со знаком ナ; знак コ со знаком ム и т. д. (например カ, ナリナ вместо カ, チリナ и др.).

²⁴ Там же, стр. 91.

²⁵ Там же, стр. 99.

²⁶ Там же, стр. 98.

²⁷ Там же, стр. 92.

2) Переписчик не знал русского языка, поэтому, мало вероятно, чтобы рукопись была переписана в японском посольстве в Петербурге (что можно было бы предположить, исходя из библиотечной печати на обложках и первых листах всех тетрадей).

3) Рукопись, по всей вероятности, не была переписана специально для посольства; в пользу этого предположения говорит небрежность переписчика. Рукопись, как нам представляется, была приобретена одним из сотрудников посольства частным образом перед отправлением в Россию, как один из самых авторитетных японских источников об этой стране.

4) Наибольший интерес к России появился в Японии в 50-х годах прошлого века после экспедиции адмирала Е. В. Путятина, поэтому можно предположить, что настоящий экземпляр рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях» был переписан именно в это время (до отправления первого японского посольства в Россию).

Наличие разных вариантов рукописи поднимает интерес к ее списку, хранящемуся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, и диктует необходимость приложить усилия для выяснения наличия других ее вариантов (буде это представится возможным) и сравнения их с имеющимся уже в нашем распоряжении списком. Возможно, в этом направлении кое-что даст критический анализ текста того экземпляра «Канкай ибун», который был приобретен проф. Е. Г. Спальвиным в Киото и хранится ныне в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

В целом рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях» является интересным документом как с точки зрения истории русско-японских отношений, так и потому, что она характеризует общий культурный уровень японцев того времени, их познания в географии и показывает, как воспринималась ими не знакомая им русская жизнь, быт, культура и т. д. Рукопись дает также новые материалы для лингвистических исследований, как один из первых японо-русских словарей (тетрадь 8-я).

Первым этапом работы советских японоведов над этой рукописью должен стать полный ее перевод на русский язык.

М. И. Казанин

**ОБ ОДНОЙ НАДПИСИ НА КАРТЕ В «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГЕ
СИБИРИ» С. РЕМЕЗОВА**

Доложено на заседании Сектора исторических знаний Географического общества Союза ССР 24 ноября 1958 г.

Как известно, в левом верхнем углу общей карты Сибири в «Чертежной книге» С. Ремезова¹ вблизи устья Амура имеется надпись о пребывании в этих местах Александра Македонского.

А. Х. Востоков, давший первое описание труда Ремезова, этой надписи не приводит, что не должно удивлять, так как он вообще не описывал и не анализировал ни одной из карт атласа, а опубликовал лишь предисловие Ремезова. Труд Востокова «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» выходил отдельными листами, за появлением каждого из которых внимательно следила вся интересовавшаяся славяноведением Европа. Закончил публикацию своего труда Востоков в 1842 г. Однако от опубликованного в дорогом издании с ограниченным тиражом² краткого известия об обнаружении какого-либо нового ценного памятника, да еще находящегося в частном меценатском собрании, до непосредственного ознакомления и изучения его широкой публикой могло пройти немало времени. Этим и объясняется, что А. Ф. Миддендорф, совершавший в те годы (1842—1845) свое знаменитое путешествие по Сибири, ничего не знал об атласе Ремезова и наткнулся на него больше чем десяток лет спустя. Лишь в 1857 г. он пишет в Географическое общество письмо, где привлекает внимание ученого мира к «находке», как он выразился, ценнейшего географического источника по Сибири — атласа Ремезова³.

Не следует думать, что Миддендорф «открыл» каталог Востокова или сам атлас Ремезова в результате каких-либо углубленных филологических или историко-географических изысканий. Он занимался карто-

---

¹ См.: «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.», СПб., 1882; карта № 21: «Чертеж всех сибирских городов и земель». — Подлинник «Чертежной книги» хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве.

² Российская Академия, за счет которой был напечатан каталог Востокова, постановила выпустить 600 экз., из которых 300 выдать Востокову, 150 — Академии, 20 — Румянцевскому Музею и 130 разослать в светские и духовные учебные заведения (М. И. Сухомлинов, *История Российской Академии*, СПб., 1907, вып. 7, стр. 378). — Таким образом, каталог в продажу не поступил.

³ А. Ф. Миддендорф, *Письмо к вице-председателю Русского географического общества* (ВРГО ч. 21, отд. V, СПб., 1858), стр. 1.

графией Азиатской России, как сам пишет в упомянутом выше письме в Географическое общество, только «мимоходом по случаю издания последнего тома Сибирского путешествия». Поскольку Миддендорф называет атлас «находкой» в общем смысле этого слова, а не своей лично, мы можем предположить, что кто-либо из широкого круга петербургских ученых, знавших о его работе над своим «Путешествием» (а к 1857 г. в свет вышло уже несколько его томов на немецком языке), и скорее всего сам Востоков, обратили его внимание на этот атлас. Ведь как раз в эти годы Миддендорф был непременным секретарем Академии наук (1857), а Востоков (с 1841 г.) — ординарным академиком. Обоим могла сблизить и общность балтийского происхождения (Востоков был незаконным сыном одного из Остен-Сакенов), а так же принадлежность к «высшему» петербургскому кругу.

В то же время именно оторванностью от ученого петербургского общества объясняется то, что превосходный исследователь Сибири, но в прошлом всего лишь скромный провинциальный горный чиновник из Змеиногорска, Г. И. Спасский, издавший во второй половине тех же сороковых годов два специальных историко-географических или, точнее, картографических труда — «Книга глаголемая Большой Чертеж» (1846) и «Список с Чертежа Сибирския Земли» (1849), — ни разу не упоминает в них про атлас Ремезова, который должен был бы его глубоко заинтересовать, как сибиряка, ученого и исследователя Сибири, если бы он о нем или даже о Каталоге Востокова что-либо знал, хотя он глухо слышал о каком-то чертеже Сибири из других источников⁴.

* * *

В первой части описания своего путешествия Миддендорф приводит и надпись, о которой идет речь: «до сего места Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил»⁵. Против страницы 36 того же тома воспроизведена целиком, хотя и в сильно уменьшенном виде, та карта Ремезова, на которой встречается эта надпись. Карта воспроизведена не фотографически, а по поручению Миддендорфа перечерчена.

Как ни странно, получается небольшое разночтение. Миддендорф нашел в надписи «доходил», чертежник — только «ходил», у Миддендорфа союз «и» встречается два раза, у картографа — только раз. Это даже несколько много для одной короткой надписи в какой-нибудь десяток слов, причем в книге автора, так заинтересовавшегося этой надписью. Но по собственным словам Миддендорфа, он не очень считался с такого рода тонкостями. По поводу приложенной к его труду копии карты Ремезова он писал: «Так как чертеж этот издается с картографической целью, то здесь не сочтено за нужное передать с библиографической точностью самый почерк надписи»⁶. Самое слово «ружье» он, колеблясь переводит на немецкий язык просто как «оружие». Так, в немецком издании его труда мы читаем: «bis zu dieser Stelle kam der Zar Alexander Von Macedonien und versteckte seine Waffen und liess eine Glocke zurück»⁷. Все это приводит нас к заключению, что ни на копию чертежа Сибири из труда Ремезова, ни на чтение ее Миддендорфом мы полагаться не можем.

⁴ «Временник Общества истории и древностей российских», 1849, кн. 3, раздел «Материалы».

⁵ А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, СПб., 1860, стр. 171.

⁶ Там же, стр. IX.

⁷ A. Middendorff, *Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens*, Bd. IV., Teil. I, St. Petersburg, 1876, S. 177.

Но если текстологические методы Миддендорфа были, как мы видели, далеки от совершенства, все же большой интерес представляют для нас его соображения, как ученого громадной эрудиции и таланта, о содержании этой надписи, по поводу которой, по его словам, он немало ломал себе голову.

Сначала Миддендорф предположил, что Ремезов перенес предания, относившиеся к походам Александра Македонского, с Аму-Дарьи, на которой Александр действительно был, на р. Амур, по одному их созвучию, но потом оставил эту гипотезу. Миддендорф учел, что Ремезов — историк, географ и картограф — должен был хорошо знать очень распространенную в России в XVII в. легенду об Александре и его походах, и поэтому никак не мог спутать далекую среднеазиатскую Аму-Дарью, лежавшую на путях Александра Македонского в Индию, с находящейся в тысячах верст от нее рекой Амур, отделяющей родную для Ремезова Сибирь от Китая.

Как раз в это время Миддендорф, к счастью, натолкнулся на два любопытных известия в двух чрезвычайно различных сочинениях. Одно из них он нашел в голландской книге Витсена, где его внимание привлекло следующее переведенное им место:

«Там рассказывают, что лет 30 или 40 тому назад русские военные люди около устья Амура, днища на два пути южнее, на морском берегу, на месте, которое, по-видимому, было окопано, нашли большой колокол, весом в 660 голландских фунтов; при этом лежали различные камни, на которых выдолблены были китайские письмена. Живущие там туземцы говорили, что в старинные времена в реку Амур приезжал из Китая на судах морем какой-то император, который и соорудил там и оставил эти надписи и колокол на память»⁸.

Другим известием, дававшим ключ к надписи, был журнал плавания по Амуру, совершенного Г. М. Пермикиным в 1854 г.⁹ В устье Амура Пермикин натолкнулся на некие средневековые памятники и подробно описал их. «Пермикин нашел, — суммировал Миддендорф, — различные камни на правом берегу Амура в виду Амгуньской дельты и срисовал их: это памятники, искусно высеченные из порфира, гранита и мрамора. Монгольские и старотибетские надписи свидетельствуют, что на этом месте со времен династии Юань было построено буддийское капище»¹⁰.

По возвращении в Иркутск Пермикин обнаружил, что в Сибирском отделе Русского Географического общества «есть драгоценная древняя рукопись, пожертвованная Г. Якушкиным. Она составлена неизвестным лицом в 1678 г., и в ней-то, в четвертой главе, заключающей в себе сведения о путях сообщения с Китаем, — продолжает Пермикин, — я нашел следующее любопытное показание: От устья Амура верх, плиты два дни, есть место в устье будто копано и на том месте нашел колокол

⁸ Цит. по кн.: А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. I, стр. 171. — Известие у Витсена см.: N. Witsen, *Noorden Oost-Tartarye, Amsterdam*, 1692, S. 29.

⁹ «Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив члена-сотрудника Пермикина» (Зап. СОРГО, кн. II, отд. I, СПб., 1856), стр. 1—79.

¹⁰ Памятниками этими интересовались много позже русские ориенталисты, в том числе В. П. Васильев, П. С. Попов, А. М. Позднеев и А. О. Ивановский. Памятники эти, известные под названием Тырских, по их местоположению вблизи селения Тыр, были воздвигнуты в 1412 и 1434 гг., т. е. в эпоху Минской династии; частично сохранившиеся на них надписи высечены на трех языках — китайском, монгольском и чжурчженском. Тырские памятники еще до революции были перевезены во Владивостокский музей (см.: «Юбилейный сборник музея Общества изучения Амурского края», Владивосток, 1916, стр. 84).

китайский повешен более двадцати пуд и тут же нашли в трех местах китайское письмо в каменных скрижалях и иноземцы сказывали ж, что в старых летех некоторый царь китайский ходил из Китая по морю на Амур и тут для признаку и воспоминания покинул то письмо и колокол»¹¹.

Сравнение приведенного отрывка из Иркутской рукописи XVII в. с известием Витсена не оставляет никакого сомнения в том, что последнее является простым переводом из этой же рукописи. Миддендорф правильно заключил, что упоминание о колоколе в надписи на карте объяснялось тем, что и Ремезову было известно содержание этой древней рукописи, которое кружным путем дошло и до Витсена в Амстердам. Ободренный успехом Миддендорф решил, что найденные им известия «решают здесь все затруднения»¹².

Но все ли? Фактически, что, несомненно, очень важно, удалось лишь выяснить, что загадочная надпись не была плодом чистой фантазии и в одной своей части (о колоколе) базировалась на каких-то реальных известиях; этим самым задача решалась на одну треть, но нерешенная ее часть делалась еще более трудной и еще более настоятельно требовала объяснения — какую же роль здесь играл Александр Македонский и что это было за ружье?

Если допустить, что Ремезов был знаком с упомянутой рукописью 1678 г. или какой-либо аналогичной другой, — а она ясно говорит о китайских письменах, — какая была необходимость переделывать китайского императора в греческого царя?

Далее остается непонятным, как мог Ремезов связать с Александром Македонским ружье. Ремезов и все его современники прекрасно разбирались в оружии. В памяти сибиряков хранилось воспоминание о победе вооруженных пищальми воинов Ермака над войском Кучума, располагавшим лишь луками и стрелами. Известия о походах русских в Сибирь прежде всего упоминают вооружение противника — лучной у него бой или огненный. В сказаниях об Александре, несмотря на всю присущую им нередко баснословность, нигде не встречается и намек на ружье.

Можно было, конечно, отнести обе эти несообразные вещи — Александра Македонского и ружье — за счет пережитков средневековых легенд и преданий в Сибири, но дело в том, что этому противоречит, во-первых, совершенно реальное объяснение, найденное колоколу, и, во-вторых, это никак не укладывается в общий стиль и исходные установки Ремезова. Атлас Ремезова — исключительно деловой, лишенный каких бы то ни было элементов мифологии, сказок, побасенок, все еще тяжелым грузом висевших над мировой картографией в ту эпоху. Тогда как на голландских картах XVII в. в северо-восточном углу Сибири все еще фигурируют вал Александра и таинственные народности Гог и Магог (Яджудж и Маджудж Корана), у Ремезова нет и следов этой фантастики. Мы встречаем этих Гога и Магога на карте 1677 г. Татарии французского королевского географа Сансона¹³ и у Василия Киприанова в «Азии таблице» (части его атласа 1713 г.). «Мунгалы суть... Гог и Магог, — писал Спафарий, — потому что они называются магоги»¹⁴.

Атлас Ремезова по деловитости и трезвой научности своей нагрузки мог бы служить примером для современных ему произведений мировой

¹¹ «Путевой журнал плавания по реке Амуру...», стр. 70.

¹² А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, стр. 171.

¹³ Кордт В. А., *Материалы по истории русской картографии*, вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, XX.

¹⁴ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и грани Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» («ЗРГО по Отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882), стр. 128.

картографии. Общий стиль надписей в атласе вроде «топится сера», «а в нем свинец и наштабрь», «и город каменный старый, две стены целы, а две развалились, а которого города того не знаем» или лаконичное «кости» на месте, где, видимо, была битва, никак не вяжется с резко диссонирующей с ним надписью об Александре Македонском и ружье. Объяснить наличие надписи случайностью, произволом или легкомыслием Ремезова тоже трудно, учитывая, что атлас создавался «по указу великого государя».

* * *

Со времени Миддендорфа, которому казалось, что все затруднения решены, тогда как он нашел ключ лишь к одной их трети, никто более из историков и географов не пытался анализировать или осмыслить эту надпись, хотя почти все без исключения авторы, останавливавшиеся на картографических трудах Ремезова, — от А. Н. Пыпина до С. В. Бахрушина, от В. В. Бартольда до М. С. Боднарского — приводят ее без комментариев, рассматривая, очевидно, лишь как анахронистический курьез.

Надпись эта приводится чаще всего, по-видимому, как лишнее подтверждение суждений таких авторитетов, как Миддендорф и Майков (оба они были в разное время непременными секретарями Академии наук), о труде Ремезова, как один из показателей его «наивности», «чуждоности», «детского состояния нашей картографии». Наряду с другими отмеченными Миддендорфом «курьезами», как ориентировка карты на юг вместо севера, «реки толщиной в мизинец и озера в форме идеальной картофелины», непонятная надпись послужила немалым основанием для компрометации труда тобольского «снискателя».

* * *

Обратимся еще раз к надписи и попробуем найти ее дальнейшее объяснение в ней самой.

Прежде всего приведем фотографическую копию карты Ремезова (по переизданию 1882 г.). Хотя это фототипическое издание и не безусловно, так как чья-то рука, причем очень неудачно, кое-где правила клише, как это отметил Каэн¹⁵, сличение с рукописным подлинником «Чертежной книги Сибири» показало, что в данном случае искажения нет.

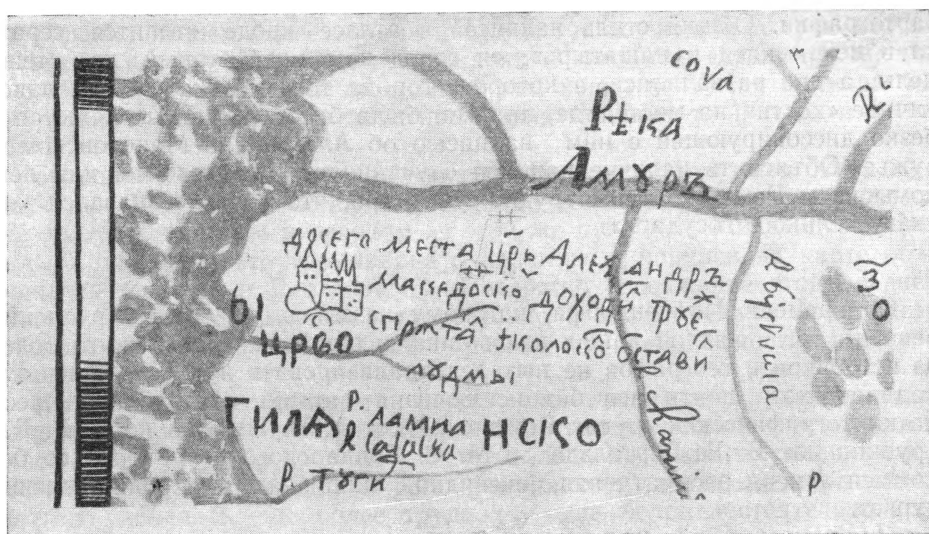
Анализируя надпись, мы с самого начала упираемся в первую трудность. В ней сказано: «ружье спрятал». Но «прятать» в XVII в., в особенности на приказном церковно-славянском языке, каким писал Ремезов, обозначало очень разные вещи и меньше всего «прятать» в современном смысле этого слова, или «verstecken», как переводил Миддендорф. Так А. Г. Преображенский указывает, что значением глагола «прятать» было обвивать, обертывать, прикрывать. Древнерусским значением было — убрать, обрядить к погребению; опрятаться значило прибрать себя (к смерти)¹⁶. Срезневский приводит следующие значения для этого глагола — обрядить, убрать (покойника), приготовить (к погребению); далее, убрать, укрыть — «и тем плащем опрята»¹⁷; те же значения дает и более новый словарь Фасмера¹⁸. В ходе времени глаголы «прятать» и «хоронить» обменялись значениями.

¹⁵ G. Cahen, *Les cartes de la Sibirie au XVIII-e siècle*, Paris, 1911, p. 106.

¹⁶ А. Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, вып. II, СПб., 1915, стр. 145.

¹⁷ Н. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. II, СПб., 1902, стр. 698.

¹⁸ Vassmer Max., *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1955, S. 456.

ЧАСТЬ КАРТЫ ИЗ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ СИБИРИ» С. РЕМЕЗОВА С НАДПИСЬЮ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

От этого надпись на время делается еще более трудной. Предположение, что Александр Македонский «хоронил ружье», отдает еще большим курьезом, чем если бы он его прятал.

Обратимся еще раз к надписи. Если взглянуть в нее с «библиографической точностью», которой пренебрег Миддендорф, мы убеждаемся, что слова «ружье» вообще в надписи нет, а есть другое слово, которое Миддендорф неправильно прочел, а его картограф неправильно воспроизвел. У Ремезова перед словом, о котором идет речь, стоит буква «Т», которую Миддендорф просто опустил, а чертежник принял за «і».

В подлиннике атласа обнаруживается, что это «Т» сделано несколько более бледными чернилами, очевидно, в порядке последующей корректуры (мы знаем, что Ремезову помогали сыновья).

Таким образом, первые три буквы слова, принимавшегося за «ружье», читаются на самом деле «тру». Вновь обращаясь к словарям церковнославянского языка и прежде всего к Срезневскому, мы убеждаемся, что единственным словом, начинающимся с «тру» и подходящим по смыслу к нашей надписи, является «трупье». О «трупье» (собр.) говорят и «Повесть временных лет» — «трупье раб твоих» — и другие летописи — «По торгу трупье», «по улицам трупье», «по полю трупье», «и начала провадится за Великую Реку с трупьем»¹⁹. В переводной «Повести о полонении Иерусалима» встречается: «Кровь же текаше яко река и струя кровная влакаше трупье»²⁰.

Что же касается выносной буквы, которая обычно читалась как «ж» (она написана боком и очень неясно), мы можем предположить, что державшее корректуру лицо решило оставить ее без изменения, так как выскребывание буквы и замена ее другой было бы более неудобным делом, чем простая добавка одной буквы в начале слова. Надо заметить, что и практика делового полуустава, каким написан атлас Ремезова, была настолько неустойчивой, что неясные выносные буквы читались чаще всего по смыслу, а не по начертанию.

¹⁹ Н. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. III, СПб., 1912, стр. 1011.

²⁰ Цит. по кн.: Н. К. Гудзий, *История древнерусской литературы*, М., 1953,

Теперь надпись становится несколько более осмысленной. Если Александр Македонский не мог спрятать ружье, то он мог спрятать (похоронить) трупье, что вполне логично для полководца, давшего столько кровопролитных битв. Таким образом, надпись, как ее имел в виду Ремезов, следует читать: «До сего места Александр Македонский доходил, трупье спрятал [похоронил павших] и колокол оставил».

Остается вопрос, зачем понадобилось Ремезову отнести на счет Александра Македонского отголоски дошедших до него сведений о каких-то битвах, погребениях и колоколе в устье Амура.

Для решения этого вопроса бесполезно еще раз обратиться к труду Витсена, который так помог Миддендорфу при решении первой части загадки. Нам остается только пожалеть, что Миддендорф пользовался изданием 1692 г., очевидно считая его наиболее важным и аутентичным, и не обратился к следующему изданию 1705 г., вышедшему также при жизни Витсена, но значительно расширенному и дополненному. Он нашел бы в нем много интересного и значительного, проливающего свет на эту надпись и связывающую ее с государственными интересами России и с происходившими в те годы в Нерчинске переговорами между Китаем и Россией по поводу заключения договора.

* * *

Для того чтобы вопрос стал более ясен, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на том, какое большое значение, ныне совершенно исчезнувшее, имело в XVII в. представление о личности Александра Македонского и о классическом произведении той эпохи — сказаниях о нем, известных под названием Александрии. То обстоятельство, что сказания об Александре входят у нас в обычные сборники древнерусских повестей, затемняет и принижает их значение.

На самом деле роман об Александре стоял совершенно особняком и являлся не только классическим литературным или даже философским произведением, своего рода «Фаустом» средневековья, но и книгой для правителей, трактатом для государей и, в эту меру, глубоко политическим произведением. Так оно было и на западе и на востоке. Легенды об Александре были распространены не только в Европе, откуда они перешли в Россию, но, — что для нас в данном случае, особенно важно, — также и в самых отдаленных углах Азии. «Александр, — пишет известный комментатор Марко Поло Юл, — был героем как европейских, так и арабской и иранской литератур от Скандинавии до Сиамы и Малайских стран»²¹. На этом недавно подробно остановился Бертельс, подчеркнувший, что сказания об Александре служили верхушке общества на Востоке энциклопедией и сводом политической мудрости эпохи²². Поэма об Александре, принадлежащая Низами, рассчитана на коронованного читателя. Эта поэма — нечто вроде зеркала, руководства для царей²³. Бертельс указывает на распространенность сказаний об Александре среди тюркских народов Азии и приводит ряд версий²⁴. Таким образом, мы видим, что легенды об Александре, обрисовывавшие его личность, были широко распространены не только в России, но и в Средней Азии и в Сибири. В представлении средневековья, затянувшие-

²¹ Н. Yule, *The book of sir Marco Polo*, vol. I, London, 1871, p. CXXXVIII.

²² Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*, М., 1948, стр. 59.

²³ Там же, стр. 178—179.

²⁴ Там же, стр. 117.

гося в отсталых странах вплоть до конца XVII в. и даже позже в меру сохранения феодализма, Александр — не только величайший человек в мире, повелитель вселенной, недостижимый образец и пример для властителей, мудрейший, храбрейший и благороднейший герой, но и по праву завоевания законный повелитель мира и тем самым источник преемственной власти на земле. Он завоевал отдаленные страны, вся власть по праву принадлежит ему, он ею законно владеет и она от него происходит. Стремясь смыть позор поражения и заручиться правом на часть завоеванного Александром мира, иранские дворцовые хроники зачисляли его в число наследственных законных повелителей страны. Арабы включили его в ряд пророков до Магомета, и он считался защитником и поборником Ислама²⁵. В России сказание об Александре входило интегральной частью в «Степенную книгу», т. е. в династическую историю правителей Московской Руси, а «в русских хронографах излагается история Рима и Византии... о начале Византийского Царства с рассказом от Александра Македонского»²⁶.

В XIV—XV вв. в России «начинает распространяться сербская Александрия, которая потом разошлась в большом количестве списков... Александр являлся в ней полухристианским героем; пророк Иеремия являлся его спутником и помощником»²⁷. «Складывались христианские Александрии, где мать Александра это мать Византии и сыновья ее властвуют в Риме, Царьграде и Александрии»²⁸.

Мы уже видели, что Александрия входила официальной и интегральной частью в Степенную книгу. Не удивительно, если русские государи по традиции считали себя законными преемниками Александра Великого, ибо разве не был он одним из греческих царей, а последние разве через греческих же византийских императоров не передали власть над миром русскому царю? В результате брака Ивана III с последней представительницей византийских императоров московский князь превращался в законного повелителя Востока.

«В глазах современников Московская царица, единственная оставшаяся в живых наследница Палеологов, должна была считаться законной наследницей Восточной империи»²⁹. Венецианская синьория писала Ивану III о том, что Восточная империя «должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучного брака»³⁰. Восточную же империю можно было отождествлять с империей Александра Великого, и нет ничего удивительного, что позже патриарх Иоаким объявил Иоанна Грозного преемником Александра Македонского. Если русские самодержцы для обоснования различного рода политических домогательств на западе выдвигали претензию на происхождение от римских цезарей («мы от Августа кесаря родством ведемся», — писал Иван IV шведскому послу), то на Востоке аналогичную магическую роль играло имя Александра Великого.

Тот факт, что на протяжении XIX столетия три русских императора, царствовавших в общей сложности две трети века, последовательно звались Александром, имел свое политическое значение, как напоминание о преемственности их власти от великого завоевателя Запада и Востока. Это представление русских царей — о преемственности их

²⁵ «Encyclopaedia of Islam», vol. I, Leiden, 1953, p. 173.

²⁶ В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, ч. 1, Киев, 1908, стр. 266.

²⁷ А. Н. Пыпин, *История русской литературы*, т. I, СПб., 1902, стр. 492.

²⁸ Там же, стр. 497—498.

²⁹ Ф. И. Успенский, *Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог* («Исторический вестник», т. XXX, СПб., 1887), стр. 689.

³⁰ Там же, стр. 689.

власти от Александра Македонского и византийских императоров — внушало немало тревоги на Западе в связи с активной восточной политикой России, и эти именованья одного русского императора за другим Александром иностранные дипломаты отмечали в своих мемуарах. Не следует думать, что попытки объявить себя наследниками империи Александра Великого ограничивались только Россией. Лоренц отмечал, что «примеры связывания Австрии с древневосточной историей и с Александром Великим мы можем проследить в течение всех столетий»³¹.

В Московской Руси имя Александра Македонского было неумирающей реальностью. Связи его с народом России были многообразны, и о них ходило не одно предание. Еще в Лаврентьевской летописи XI в. рассказывалось о поганных народах, заклепанных Александром в восточных горах к востоку от Югры, т. е. где-то на восточной окраине России³². В разных рукописях и сборниках XVII в. фигурировали упоминания о славянах, помогавших в войнах Александру Великому. Впервые все эти предания были напечатаны в Синописе в Киеве в XVII в. «В исторических рукописях 17 в., — пишет современный нам историк, — напр. в „О истории еже о начале Русския земли“... рассказывается, что Александр Македонский ссылался с русскими князьями письмами, при чем приводится текст письма Александра к „храбросердому Народу Словенскому“»³³. Даже в 1757 г. библиотекарь Академии наук Богданов приводил в составленном им труде грамоту Александра Великого к словенскому народу³⁴. Сказочную грамоту Александра Великого словенскому народу приводит и Карамзин³⁵. Ломоносов, ссылаясь на средневекового историка Польши Кромера, указывал, что грамотою Александра Македонского «кроме наших новгородцев и чехи оною похваляются»³⁶. Мусульманская хроника XVI в. приписывает основание Елабуги на Каме Александру Македонскому³⁷. В 1703 г. Петр объяснял голландскому художнику де Брейну, что найденные вблизи Воронежа зубы мамонта были останками околелых слонов проходившего здесь Александра Македонского³⁸.

Мы уже говорили о том, что по преданию Александр Македонский был на крайнем востоке России — Югре. Имя его в Сибири было не меньшей, если не большей реальностью, чем в европейской части России. Так, не кто иной, как мангазейский воевода А. Ф. Палицын представил московскому правительству проект распространения русских владений на Лену и призывал царя Михаила Федоровича к расширению его вотчины «до преходу великого Александра»³⁹.

* * *

Именно широким распространением преданий об Александре и их политической окраской и ассоциациями и объясняется, что имя Александра Македонского выплыло в 1689 г. в одном из самых отдаленных угол

³¹ O. Lorenz, *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, Bd. I, Berlin, 1886, S. 266.

³² М. П. Алексеев, *Известия иностранных путешественников о Сибири*, Иркутск, 1941, стр. 123; А. Н. Пыпин, *История русской этнографии*, т. IV, СПб., 1892, стр. 183.

³³ М. Н. Тихомиров, *Очерк истории исторической науки в СССР*, М., 1955, стр. 95.

³⁴ П. Пекарский, *История Императорской Академии наук*, т. II, стр. 201 и 425.

³⁵ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. I, СПб., 1818, прил. 70.

³⁶ М. В. Ломоносов, *Древняя российская история* (Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1952), стр. 189.

³⁷ «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тяншанского, т. V, СПб., 1904, стр. 128, 541.

³⁸ Cornelis le Bruyn, *Travels into Moscow*, vol. I, London, 1737, p. 64; Б. Т. Иларионов, *Мамонт. К истории его изучения в СССР*, Горький, 1940, стр. 12.

³⁹ С. В. Бахрушин, *Андрей Федорович Палицын* («Научные труды С. В. Бахрушина», т. III, М., 1955), стр. 187.

Сибири — в Нерчинске в ходе переговоров между русским и маньчжурским послами по поводу установления границ между Россией и Китаем.

В небольшой книге нашего историка-художника С. В. Бахрушина прекрасно описывается обстановка Нерчинских переговоров. «Конференция 1689 г. началась с запроса с обеих сторон. Сперва русские предложили установить границу по Амуру с тем, что вся страна к северу от этой реки отходит под власть Московского государя. В ответ китайцы потребовали всех земель к востоку от Байкала и уступки Селенгинска и Нерчинска, ссылаясь на то, что все эти земли некогда принадлежали Александру Македонскому, наследником которого очевидно почитал себя богдыхан»⁴⁰. При всем уважении к маститому покойному историку Сибири надо все же указать, что он допустил в данном случае некоторую неточность. Сравним его описание Нерчинской конференции с описанием Соловьева в его «Истории России», на которую Бахрушин ссылается как на один из источников своей небольшой популярной книги.

У Соловьева мы читаем «дело дошло до точнейшего определения границ. Головин объявил, что границею должна быть река Амур до самого моря: левой стороне быть под властью царского величества, а правой — богдыханова. Китайцы возражали, что река Амур во владении богдыхана от самых времен Александра Македонского. Головин отвечал, что об этом хрониками разыскивать долго, а после Александра Великого многие земли разделились под державы многих государей. Китайцы, оставя Александра Македонского, предлагали границу до Байкала»⁴¹.

Таким образом, мы видим, что у Соловьева не сказано, что какие-либо земли по Амуру принадлежали Александру Македонскому и что богдыхан почитал себя его наследником, а лишь то, что они были во владении богдыхана со времен Александра Македонского, т. е. маньчжуры ссылались не на наследственное право, а на одну лишь древность владения. Поэтому мы вправе предположить, что, слишком доверившись своей памяти, Бахрушин не совсем точно передал характер претензий маньчжуров и этим объясняется явно оговаривающее домисел вставленное им слово «очевидно».

То же, что у Соловьева, мы находим и у Бантыш-Каменского в его труде, составленном по подлинным документам архива министерства иностранных дел, которым он заведовал. «Китайцы, — пишет он, — сказали, что из давних лет Амур-река во владении Богдыханова Высочества, от самого царя Александра Македонского»⁴².

Ввиду полного совпадения известий у Соловьева и Бантыш-Каменского остается предположить, что оба они работали по одним и тем же архивным первоисточникам, и одновременно отвергнуть предположение, что Соловьев просто заимствовал данные у Бантыш-Каменского (во-первых, потому, что труд последнего тогда еще не был издан, и, во-вторых, потому, что Соловьев приводит ответ Головина маньчжурам, которого у Бантыш-Каменского нет).

О том, что имя Александра Македонского фигурировало на Нерчинской конференции 1689 г., на основании дошедших до него русских источников, сообщает и Витсен⁴³.

⁴⁰ С. В. Бахрушин, *Казачи на Амуре*, Л., 1925, стр. 93.

⁴¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. XIII, кн. 3, изд. 3, М. [б. г.], стр. 1030; П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, М., 1958, стр. 164.

⁴² Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатические собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.*, Казань, 1882, стр. 62.

⁴³ N. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, Amsterdam, 1705, S. 243.

Нельзя не отметить в этой связи, что те сведения о Нерчинской конференции, которые русские историки добывали в архивах и опубликовали во второй половине XIX в., Витсен благодаря своим связям имел возможность получить и опубликовать почти на два века раньше.

Почему все-таки появилось имя Александра Македонского на конференции и почему называли его китайцы?

По этому поводу существует два предположения. Так В. В. Бартольд считает, что на самом деле китайцы ничего не говорили об Александре Македонском, а сделал это сам Головин и потом приписал китайцам⁴⁴. Однако это предположение повисает в воздухе ввиду полного отсутствия внутренней логики и связи с реальной обстановкой конференции. Если имя Александра Македонского действительно упомянули не маньчжуры, а Головин, и это по какой-то причине оказалось ошибкой и ему пришлось идти на попятный, можно быть совершенно уверенным, что иезуиты — участники конференции не простили бы ему этой ошибки, и она фигурировала бы в их сообщениях о ней, а этого в сообщениях иезуитов как раз нет⁴⁵. Гораздо более трезвое и обоснованное предположение высказывает Миллер. В примечании к своей статье о Нерчинской конференции он пишет: «Китайцы ничего не знают об Александре. Это должно быть работой иезуита отца Жербийона»⁴⁶. И, действительно, ссылка на Александра Македонского могла быть подсказана европейцами-иезуитами, которые выдвинули ее как нечто неопровержимое в глазах русских и как свидетельство глубокой древности владения.

Соловьев пишет, основываясь на китайских делах архивов, и в первую очередь на статейном списке Головина, что Головин отвел эту претензию как неосновательную. Надо думать, что именно ввиду отвода этого аргумента Головиным либо сами иезуиты, либо более высокая иезуитская редакция в Риме или Париже опустили при печатании отчетов Жербийона и Перейра этот аргумент ввиду его полной несостоятельности (в Европе всем было бы ясно, что этот аргумент гораздо более подходил бы русским) и явной подсказанности его маньчжурам советниками-иезуитами.

Однако упоминания об Александре Македонском у Витсена в связи с Амурскими делами не ограничиваются этим. Так он пишет, что «в 1675 г., как сообщают, в Москву приехали четыре монгольских посла. Первый из послов заявил, что он потомок Александра Македонского; о котором он много чего рассказывал»⁴⁷. Далее, 24 сентября 1686 г. в Даурскую землю к полномочному русскому послу окольничему и брянскому наместнику Головину явилось несколько монгольских посланников «от Гэгэн-Хутухты Очисарой Саин-хана и других князей этой страны». Один из них «заявил, что монгольские князья являются потомками Македонского царя Александра»⁴⁸. «И, наконец, в ноябре этого 1687 г., — читаем мы далее у Витсена, — в расположенный против монгольской земли пограничный город Удинск прибыли монгольские послы Очирдан-Хутухты Далай-Цэцэн-ноин и других тайшей или князей». И далее, «после чего некоторые из вышеупомянутых монгольских князей вновь из своей страны послали письмо высокому послу его Царского Величества Федору Алексеевичу Головину, обращение которого гласило:

⁴⁴ В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 195.

⁴⁵ G. B. Du Halde, *Description de l'Empire de la Chine*, t. IV, 1736.

⁴⁶ G. F. Müller, *Russische und Chinesische Friedens-Handlungen im Jahre 1689* («Sammlung Russische Geschichte», Bd. I, St.-Petersburg, 1764), S. 512.

⁴⁷ N. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, 1705, S. 219—220.

⁴⁸ Ibid., S. 231.

„Мы Божьей милостью македонские цари... расселены македонским царем на пять частей, над которыми он поставил пять властителей... так как мы живем поблизости от народов их Царских Величеств, желаем жить в мире с ними“» и далее идет предложение о взаимной помощи⁴⁹.

Претензии, с которыми выступали эти мелкие князьки, требовали соответствующего отпора. Нечего удивляться, поэтому, что в договоре Головина с монгольскими тайшами, заключенном в том же, 1689 году о принятии их в подданство, цари Петр и Иоанн, от имени которых Головин заключил договор, именуются в царском титуле «цари царей, обладатели стран, государств покорители, владетели севера и юга»⁵⁰. Достаточно сравнить этот царский титул с титулом в договоре с Австрией и Венецианской республикой, заключенном в 1697 г., чтобы увидеть разницу и приспособление титула к обстановке, когда Москве надо было князькам дать понять, что если они пользовались голым именем Александра Македонского, то Московские цари обладали всеми реальными атрибутами его власти.

Нас не должно поражать, что мелкие монгольские или калмыцкие князьки выдвигали такого рода претензии на происхождение от Александра Македонского, если учесть распространенность преданий о нем по Азии и стремление всех властителей того времени обосновать свои территориальные, династические и политические домогательства ссылкой на преемственность от какого-либо всемирного авторитета или бесспорного властителя. В Англии это был Брут, придуманный епископом Джефри, в большинстве европейских стран — Цезарь или Август; в азиатских странах эту роль нередко играл Александр Великий. Так, еще у Марко Поло встречается упоминание, что все властители Бадахшана утверждают, что они потомки Александра Македонского⁵¹. Юл сообщает, что на эту генеалогию претендуют и в настоящее время властители Дарваза, Куляба, Вахана, Читраля, Гилгита, Балти и т. д.⁵². Эти сведения Юл мог по крайней мере частично почерпнуть из описания путешествия Федченко, который сообщает, что правители горных областей Каратегина, Дарваза, Шугнана и Бадахшана считают себя потомками Александра Македонского. Один из них, Рахим, заявлял, что ему как потомку Александра Македонского «принадлежат все царства и земли и что, поэтому, он имеет бесспорное право на Самарканд»⁵³. В. Григорьев писал, что «полудикие князьки в предгорьях Памира считают себя родственниками и потомками Александра»⁵⁴. Современный историк Индии Э. Р. Бивен отмечает, что у мелких князьков в предгорьях северо-западной Индии до сих пор встречаются претензии на происхождение от Александра Македонского⁵⁵. Но имя Александра бродило в те годы и за Байкалом, вплоть до Маньчжурии. Член русского посольства в Китай 1692—1694 гг. Бранд писал, что по дороге из Даурии в Пекин он видел развалины опустевших городов, разрушение которых приписывалось Александру Великому⁵⁶.

⁴⁹ Ibid., S. 232—233.

⁵⁰ «Полное собрание законов Российской империи», Собрание первое, СПб., 1830, т. III, № 1329, стр. 4.

⁵¹ И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старофранцузского текста (ЗРГО по Отделению этнографии, т. XXVI, СПб., 1902), стр. 63.

⁵² H. Yule, *The book of sir Marco Polo*, p. 152.

⁵³ А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан*, М., 1950, стр. 343.

⁵⁴ В. В. Григорьев, *Поход Александра Великого в Западный Туркестан* (ЖМНП, 1881, октябрь), стр. 208.

⁵⁵ «Cambridge history of India», vol. I, 1922, p. 313.

⁵⁶ Adam Brand, *Seer aenmercklijcke Land — en Water-Reys... an China*, Tyei, 1699, S. 108.

В данном случае возможно, конечно, что монгольские князьки, ссылавшиеся на свое происхождение от повелителя мира, имели в виду не Александра Македонского, а Чингис-хана; русские же переводчики умышленно или неумышленно превратили его в Александра⁵⁷.

* * *

Возвращаясь к Ремезову, мы можем констатировать, что надпись в устье Амура имела чисто политическое значение и была отголоском прений на Нерчинской конференции. Надпись в атласе была нанесена на северной стороне реки (хотя Тырский утес и памятники находятся на южной), т. е. на той, которую Головин в соответствии с полученным от Москвы наказом («границею реке Амуру быти потому что та река Амур имеет разширение немало и граничит между Государствами Царского Величества и Ханова Высочества из древних лет») предлагал оставить за Россией. Смысл надписи заключается в том, что в этих отдаленных местах (в соответствии с преданиями о путешествии Александра на восток к ледяным и мертвым морям) побывал Александр Македонский, дал битву, похоронил трупы и оставил памятный колокол, и тем самым места эти по праву завоевания принадлежали ему, а по праву преемственности принадлежат русскому государству.

---

⁵⁷ Я должен здесь выразить свою благодарность Н. П. Шастиной за эту ценную мысль и попутно поблагодарить А. С. Зернову за помощь в палеографическом анализе надписей на карте Ремезова, а М. П. Алексеева — за чтение статьи в рукописи и ряд сделанных им замечаний.

Ю. Э. Брегель

РАССЕЛЕНИЕ ТУРКМЕН В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ В XIX в.

(По материалам архива хивинских ханов)

История расселения туркмен в Хорезмском оазисе до сих пор изучена недостаточно. В основном формирование туркменского населения в этом районе освещено Г. Е. Марковым¹. Однако ввиду недостатка источников все еще остается малоизвестной история передвижений отдельных туркменских племен и изменения территории, занятой ими в Хивинском ханстве, на протяжении XIX в. Поэтому особенно важно использовать для решения этого вопроса все имеющиеся у нас источники и, в частности, архив хивинских ханов XIX в., хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. П. П. Иванов, открывший эти документы и давший прекрасное общее описание и исследование хивинского архива², отметил, что он содержит обширные материалы по истории туркмен. В документах этого архива имеются сведения и по интересующему нас вопросу. Они еще не дают цельной и законченной картины, но все же позволяют в значительной мере дополнить и уточнить имевшиеся ранее данные.

Документы, в которых содержатся указания на расселение туркмен, представляют собой главным образом реестры на раздачу земель различным туркменским племенам³ или же списки нукеров, в которых нередко (хотя далеко не всегда) отмечается, в каком районе проживает то или иное племя или род. Отдельные сведения о расселении туркмен встречаются и в дафтерах, содержащих записи о выдаче зерна или денежного содержания (конук).

Некоторые дополнительные данные о расселении туркмен имеются в записках Мирзы Абдурахмана. Мирза Мулла Абдурахман, сын

---

¹ Г. Е. Марков, *К вопросу о формировании туркменского населения хорезмского оазиса* («Советская этнография», 1953, № 4), стр. 41—55; Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения Хорезмского оазиса в XVII—начале XX в.* (кандидатская диссертация), М., 1954. G. Markow, *Aus der Geschichte der Nordturkmenen* («Ethnographisch—Archäologische Forschungen», Heft VI, Berlin, 1959), S. 57—70.

² П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением*, Л., 1940.

³ Район, в котором раздавались земли, обычно указывался в заголовке, например: «[Список людей] племени арабачи, получивших по 20 танапов земли на атлык в [районе] Бака-Чанак» (Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архив хивинских ханов, № 10, л. 2446 (далее — Архив.); в некоторых документах район расселения указывается в самом тексте (см., например; Архив, № 26, л. 71а—736).

Мухаммед-Лятифа Мустаджира, уроженец Самарканда, был проводником и переводчиком А. Л. Куна в искандеркульской экспедиции 1870 г.⁴, а затем в хивинском походе 1873 г.⁵ Во время поездки с А. Л. Куном по Хивинскому ханству он делал записи на узбекском и таджикском языках, используя в качестве «записных книжек» главным образом свободные листы в двух дафтарх хивинского архива, которые он взял, очевидно, при разборке этих документов после занятия Хивы русскими войсками. Один из этих дафтаров (№ 68) в настоящее время хранится вместе с остальными документами архива, другой находится в архиве А. Л. Куна в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР⁶.

Записки Мирзы Абдурахмана представляют значительный интерес, так как основаны на собственных его наблюдениях и на расспросах старожилов.

Материалы своих черновых записей (хотя и не в полном объеме) Мирза Абдурахман обработал, изложив их в виде более или менее связного дневника путешествия по Хивинскому ханству. Этот дневник также хранится в архиве А. Л. Куна⁷.

Материалы архива прежде всего пополняют наши сведения о том, как происходило само переселение некоторых племен в Хорезм. Известно, что со времени Мухаммед-Рахим-хана хивинские ханы проводили политику привлечения туркменских племен в Хорезм, стремясь получить главным образом дополнительную военную силу. Некоторые племена Южной Туркмении (али-или, карадашлы, гёклены) они переселили в Хорезм насильственно, но вместе с тем давали им различные льготы, в особенности родо-племенной верхушке. Другие группы туркмен хивинские власти старались склонить к добровольному переселению в Хорезм, не останавливаясь перед значительными денежными и материальными субсидиями. Очевидно, выгоды от увеличения туркменского населения в ханстве окупали эти затраты. Старшинам делались денежные подарки для того, чтобы склонить их к переселению⁸. Для переезда переселяющимся племенам хивинские ханы предоставляли верблюдов. Агехи упоминает об этом дважды: в рассказе о переселении али-или в

---

⁴ Весьма скудные биографические сведения о нем сохранились, по-видимому, только в предисловии А. Л. Куна к рукописи «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции» (Рукопись ИВАН, № Д 133 (609g), стр. 4—5 и № Д 134 (609h), стр. 5—6; ср. также: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, М.—Л., 1955, стр. 100—102).

⁵ А. Л. Кун в описаниях своих поездок по Хивинскому ханству в 1873 г. почему-то нигде не упоминает в числе своих спутников Мирзу Абдурахмана. Однако участник той же экспедиции зоолог Н. М. Богданов в своей работе «*Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-кум*» (Ташкент, 1882, стр. 62) указывает, что у Куна был переводчик — самаркандский житель Мирза Абдурахим-Латиф (бесспорно, имеется в виду Мирза Абдурахман).

⁶ Архив востоковедов, фонд 33 (далее — фонд 33), оп. 1, № 134. — Б. В. Андрианов в своем сообщении об архиве Куна [*Архив А. Л. Куна* («Советская этнография», 1951, № 4), стр. 151] ошибочно приписал записки Мирзы Абдурахмана самому А. Л. Куну. Заметки в дафтаре № 68 П. П. Иванов назвал «путевыми заметками какого-то лица, путешествовавшего по Хивинскому ханству», хотя на л. 80б имеется надпись А. Л. Куна: «Черновые заметки Мирзы Абдурахмана». Почерк в этих заметках и в дафтаре, находящемся в архиве А. Л. Куна, полностью совпадает. Кроме этих двух дафтаров, в архиве А. Л. Куна имеются еще разрозненные черновые заметки Мирзы Абдурахмана, относящиеся к его пребыванию в Хивинском ханстве (например, фонд 33, оп. 1, № 104, № 222 и др.).

⁷ Фонд 33, оп. 1, № 221. На л. 1а — заголовок, написанный А. Л. Куном: «Дневник Мирзы Абдурахмана в Хиве, веденный во время похода Хивинского с 15 марта по 28 июня 1873 г.».

⁸ Архив, № 46, л. 2а.

1830 г.⁹ и о переселении гёкленов в 1837 г.¹⁰. Верблюды в этих случаях выделялись из числа тех, которые следовали с войсками. Материалы архива показывают, что позднее, когда такие переселения происходили без участия хивинских войск, ханская казна отпускала крупные суммы денег на наем верблюдов для переселенцев¹¹.

Зачастую положение туркмен-переселенцев (из южных районов) первое время было затруднительным: они не могли сразу перебраться в Хиву через Кара-кумы весь свой скот (овец)¹² и на новом месте оказывались без средств к существованию. Этим, должно быть, объясняются большие субсидии зерном, которые им выдавались из ханских амбаров¹³. Кроме того, вновь прикочевавшим туркменам устраивалось угощение — *михмандарчилык*¹⁴, а отдельным небольшим группам, которые временами призывались в ханство из разных мест, выдавались кормовые деньги — *конук*¹⁵.

Данные архива хивинских ханов о времени и месте расселения отдельных групп туркмен в Хивинском ханстве целесообразнее всего рассмотреть по племенам.

Йомуты. В сохранившихся документах архива нет почти никаких сведений о расселении самого многочисленного из туркменских племен Хорезмского оазиса — йомутов, если не считать упоминания о наделении атлычной землей родового подразделения машрик в районе Кызыл-Такыр и Кандум-кала в 1287/1870 г.¹⁶ и о наделении земель некоторых йомутских предводителей в районах Ак-Тепе и Кокчук в том же 1287/1870 г.¹⁷.

Недостаток сведений о расселении йомутов следует отнести, по-видимому, за счет того, что хивинский архив дошел до нас далеко не полностью и ряд документов был утерян уже после завоевания Хивы в 1873 г.¹⁸.

Чоудоры¹⁹. Мунис в своей хронике не указывает, в каком районе Хивинского ханства поселились в 1810 г. чоудоры, пришедшие из Арала²⁰. Г. Е. Марков полагает, — по данным о расселении чоудоров во

⁹ «У всех войск было взято по одному из каждых двадцати верблюдов, на них были погружены женщины, дети и утварь племени али-или для переселения в Хорезм» (МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 458).

¹⁰ Хан «даровал им [гёкленским старшинам. — Ю. Б.] несколько караванов верблюдов для перевозки кладов» (МИТТ, стр. 469); «его величество отправил в кочевье гёкленов верблюдов для тех из них, у кого не было выючных животных» (там же, стр. 468).

¹¹ «На наем верблюдов для перекочевавших [в ханство] гёкленов выдано 1000 тилля» [Архив, № 46, л. 33а; запись в месяце зу-ль-ка'да 1288 г. х. (I—II 1872 г.)].

¹² См.: Архив, № 110.

¹³ См., напр.: Архив, № 81, л. 18а—18б (выдача 500 батманов пшеницы 30 семьям текинцев во главе с Хал-Нефес-аталыком, прикочевавшим в Хивинское ханство в 1847 г.) и особенно Архив, № 33, л. 96, 116, 12а, 556 (выдача зерна по 10 батманов на семью примерно 3 тысячам семейств гёкленов, прикочевавших в Хорезм в конце 1847 г.; это должно было составить почти половину всего годового поступления зерна в счет натурального налога в Хивинском ханстве).

¹⁴ Архив, № 46, л. 30а.

¹⁵ Рукопись ИВАН, № А 423, л. 45а.

¹⁶ Архив, № 21, л. 177б.

¹⁷ Архив, № 21, л. 178а. — Кокчук на 15-верстной карте 1873 г. обозначен в 10 км к югу от Ак-Тепе (А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.*, СПб., 1881). — По словам Мирзы Абдурахмана, Кокчук находится в низовье канала Шах-абад (фонд 33, оп. I, № 221).

¹⁸ Об этом можно, в частности, судить по некоторым записям А. Л. Куна (фонд 33, оп. I, № 10, л. 19а).

¹⁹ Мы следуем здесь традиционному написанию, хотя сами туркмены произносят чаудыр; в архиве обычно — چودر или реже چودير

²⁰ См.: МИТТ, т. II, стр. 378.

второй половине XIX в., — что это были районы Порсу и Кок-Чага²¹. По документам архива, в 20-х годах XIX в. было два основных района расселения чоудоров в Хивинском ханстве: Пурсанг²² и область по каналу Аман-Кули в районе Ходжейли²³. Название Пурсанг не зафиксировано на каких-либо картах Хорезмского оазиса²⁴. Однако, по этнографическим материалам²⁵, в настоящее время так называется местность к северо-западу от Куня-Ургенча, которая на 10-верстной карте 1905 г. обозначена как урочище «Порсы-кум-чунгуль», по течению протока Майли-узьяк. Во второй четверти XIX в. в этом районе проходил канал Лаузан, впадавший в то время в Айбутир. По-видимому, именно эта местность и имеется в виду в рассматриваемых нами документах. Судя по описанию походов Мухаммед-Рахим-хана против чоудоров в 1808—1809 гг., которое дает хроника Муниса²⁶, маршрут походов пролегал как раз через эту местность, причем чоудоры, жившие в то время на территории Аральского владения, обитали где-то недалеко от низовий Майли-узьяка. Из сопоставления всех этих данных можно заключить, что основная часть чоудоров, переселившихся в 1810 г. из Арала в Хивинское ханство, первоначально ушла очень недалеко от прежнего района обитания. В 20-е годы XIX в. большая группа чоудоров из родового подразделения абдал находилась также в районе Ташауза²⁷ и значительная группа чоудоров жила еще южнее, между Ташаузом и Шах-абадом, в районе Амбар-кала²⁸ и Боз-яб²⁹. Таким

²¹ Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 146. — В отношении Кок-Чага Г. Е. Марков ссылается на Агехи (МИТТ, т. II, стр. 566). Однако, в этом месте, где речь идет о событиях 1855 г., говорится, что после начала восстания туркмен часть чоудоров, верная хивинскому хану, «сгруппировалась в местности Кок-Чага, где и начала жить»; по-видимому, это значит, что раньше они там не жили.

²² پورسانگ или فورسانگ (Архив, № 5, л. 181а — 188б; № 57, л. 126).

²³ Архив, № 59, л. 24а; № 5, л. 189а — 193а, № 57, л. 13а. В первые годы XIX в. по каналу Аман-Кули жили имрели.

²⁴ По документам архива, мечеть под названием Пурсанг находилась в округе Янги-ярык, к востоку от Хивы (П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в.*, стр. 41). — В данном случае, конечно, имеется в виду не этот пункт.

²⁵ Об этих материалах любезно сообщила мне сотрудница Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР Б. И. Вайнберг (см. полевую запись туркменского отряда за 1957 г., № 6; материалы хранятся в Институте этнографии АН СССР).

²⁶ МИТТ, т. II, стр. 373—374, 377.

²⁷ Архив № 5, л. 193б; № 57, л. 13а. — Абботт, который проезжал через этот район в 1839 г., писал, что в трех милях от Ташауза он останавливался в доме чоудорского предводителя Хасан-батыра (James, Abbott, *Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion to Khiva; with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism*, vol. I, London, 1843, p. 198).

²⁸ Архив № 5, л. 193б. — В Амбар-кала, по этому документу, жили игдыры. По сочинению, относящемуся к 1803 г., в крепости Амбар (Анбари) жило до тысячи человек «трухменцев» [В. Григорьев, *Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости* (ЗРГО, кн. 2, отд. II, 1861), стр. 121], но это не могли быть чоудоры, которые переселились в ханство позднее. Абботт (1839 г.) писал, что город Амбар покинут жителями (J. Abbott, *Narrative of a journey...*, p. 197). Между Амбар-кала и Шах-абадом также жили туркмены, в частности, подразделение игдыр в Игдыр-кала (Архив, № 57, л. 13б. — Игдыр-кала на 15-верстной карте Хивинского ханства 1873 г. обозначена в восьми верстах к югу от Амбара). Игдыры из Амбар-кала относились к той группе чоудоров, которая проживала «к востоку от уйгуров». К этой же группе относилась и часть подразделения бурунджик (Архив, № 5, л. 193б; № 57, л. 13а); следовательно, и они находились в том же районе.

²⁹ Архив, № 5, л. 153 (вкладной). Один канал под названием Боз-яб проходил к югу от Шах-абада (А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи...*, стр. 375), другой — к востоку от Клыч-Ниязбая. Который из этих каналов имеется в виду в данном случае — трудно сказать. Однако в районе Боз-яба в 7 км к западу от Шах-абада на 10-верстной карте 1905 г. отмечен пункт Чоудор-кала.

образом, компактное расселение чоудоров в округе Порсу, известное по данным конца XIX в., нельзя отнести к первой половине XIX в.³⁰; оно, очевидно, сложилось не ранее 40-х годов XIX в., а может быть и позднее, во время туркменского восстания 1855—1859 гг.³¹.

Игдыры. В документах архива хивинских ханов они рассматриваются, несомненно, как одно из пяти основных подразделений племени чоудор³². Поселились они в Хивинском ханстве, судя по этим документам, тогда же, когда и прочие чоудоры³³. Однако наряду с ними в Хорезмском оазисе были и другие игдыры, проживавшие в округе Илянлы (Ильялы). Земельные наделы ильялинских игдыров, фигурирующие в двух дафтерах архива³⁴, ничем не отличаются от наделов соседних узбеков по величине и дифференцированности; в отличие от основной массы туркмен эти игдыры были разбиты по «мечетям» и, по-видимому, не были нукерами. Можно полагать, что эти игдыры родственны тем, которые в настоящее время живут в Турткульском районе Кара-Калпакской АССР³⁵. Последние, как было выяснено этнографической экспедицией МГУ 1955 года под руководством Г. Е. Маркова, переселились в Хивинское ханство из Бухары свыше 100 лет тому назад³⁶. Когда они поселились в Бухаре—установить трудно; быть может, еще в XVIII в.³⁷. Интересно, что они связывают себя по происхождению не с чоудорами, а с йомутами³⁸.

³⁰ В. Г. Мошкова высказала мнение, что часть чоудоров жила в районе Порсу с очень давних времен, даже «задолго до прихода кочевых узбеков в Хорезм» (Ага Карриев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, *Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.*, Ашхабад, 1954, стр. 273). По словам В. Г. Мошковой, в самом начале XIX в. в этом районе у чоудоров была крепость и пахотные поля. Это утверждение (без ссылки на источники) повторено в «Истории Туркменской ССР» (т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 67). Между тем здесь явное недоразумение: В. Г. Мошкова неправильно поняла текст Муниса, где говорится о крепости Чоудор-кала в районе Кунграда (ср. МИТТ, т. II, стр. 373—374, 377).

³¹ Впрочем, и в более позднее время чоудоры селились в других районах; так, в 1281/1864 г. группа чоудоров была поселена на землях кыят-кунгратов, т. е. между Кятом и Гурленом (Архив, № 21, л. 2136).

³² Кара-чоудор, абдал, бузачи, бурунджик, игдыр; ср. то же и в хрониках Агехи (МИТТ, т. II, стр. 585 и 610).

³³ Архив, № 59, 5, 57. Предположение о возможности несколько более позднего поселения игдыров в Хивинском ханстве (см.: Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 147) не подкрепляется фактами.

³⁴ Архив, № 18, л. 20а—20б; № 28, л. 13а.

³⁵ Один старик-игдыр в Турткульском районе рассказывал, что когда он и его сородичи жили в районе Илянлы (с 1893 до 1905 г.), то он слышал про богатого игдыра Гёклен-бая, жившего там ранее. (Полевые материалы Туркменской этнографической экспедиции МГУ 1955 г., полевая запись № 36; материалы хранятся на кафедре этнографии Исторического факультета МГУ.) В списке землевладельцев мечети Игдыр значится Мухаммед-Эмин-бай, сын Гёклен-бая (Архив, № 18, л. 20а).

³⁶ Полевые материалы Туркменской этнографической экспедиции МГУ 1955 г. полевые записи № 32, 34, 36, 39, 41.—Возможно, что это произошло во время войны Алла-Кули-хана с Бухарой в 1842 г.

³⁷ Первоначальное свое поселение в Хорезме некоторые старики-игдыры связывают со временем Надир-шаха (Полевые материалы Туркменской этнографической экспедиции МГУ 1955 г., полевые записи № 32, 36, 40).

³⁸ Полевые материалы Туркменской этнографической экспедиции МГУ, 1955 г., полевые записи № 32, 36, 38, 39, 40. Упоминается первоначальное место поселения этих игдыров в Хиве—среди йомутов (Екедын—около Измухшира). У йомутов имеется подразделение игдыр (в отделе кара-чока, с которым и сближают себя турткульские игдыры). Вместе с тем у этих игдыров сохранились, но в менее отчетливом виде, воспоминания о Мангышлаке как их первоначальной родине и об их прежнем поселении в местности Шахадам (т. е. Шах-Кадам—у Краснодарской бухты). Сохранились у некоторых стариков-игдыров и представления о родстве с чоудорами. Суммируя все эти данные, можно предположить, что осколки самостоятельного племени игдыр (одно из 24 «огузских» племен) вошли в постмонгольский период как в со-

Во всяком случае за время пребывания в Бухаре они были в значительной мере ассимилированы узбеками, стали вполне оседлыми земледельцами и утратили свое родовое деление.

Имрели. В 20-х годах XIX в. только небольшая часть имрели жила в районе Янги-арыка³⁹. Из всех нукеров-имрели там владели землей только 65 человек, а остальные находились в районе Ташауза⁴⁰. Это были имрели, которые пришли в Хорезм в первые годы XIX в.⁴¹. Материалы архива хивинских ханов позволяют установить совершенно точно дату прихода второй большой группы имрели: месяц зу-ль-хидже 1242 г.х. (июль 1827 г.)⁴². Место их расселения неизвестно. Очевидно, основная масса племени имрели переселилась в занимаемые ими до настоящего времени районы Ак-Тепе и Кызыл-Такыр еще в первой половине XIX в., так как в 60-х годах XIX в. эти территории называли уже «старинными землями имрели»⁴³. По словам Мирзы Абдурахмана, канал Кызыл-Такыр был прорыт Мухаммед-Якуб-баем при хане Мухаммед-Эмине⁴⁴, т. е. между 1846 и 1855 гг. Если эти сведения верны, то заселение Кызыл-Такыра следует отнести, скорее всего, к концу 40-х годов XIX в.

Карадашлы. О времени поселения этого племени в Хивинском ханстве у нас не было ранее точных данных⁴⁵. По материалам архива, в 1241/1825 г. карадашлы уже владели землей в районе Булдымсаза и на нижнем течении канала Ярмыш⁴⁶. В 1246/1830-31 г. получила землю (не указано, где именно) еще одна большая группа карадашлы⁴⁷.

Теке. В одном из дафтаров архива упоминается об откочевке теке из района Кандум-кала в какой-то другой район в 1268/1851-52 г.⁴⁸;

став чоудоров, так и в состав живших в то время по соседству с ними йомутов. Часть последних, отколовшись в XVIII в. от хорезмских йомутов, попала в Бухару, где подверглась сильному узбекскому влиянию, а оттуда около середины XIX в. переселилась в Хиву, в округ Иляны (Ильялы). Подробное изложение полевых материалов по игдырам см.: G. Markow, *Aus der Geschichte der Nordturkmenen*, S. 60—63, 69—70.

³⁹ В Хивинском ханстве было несколько каналов и населенных пунктов под названием Янги-арык, а также Янги-яб. Из них наиболее известный — между Хивой и Хазараспом; возможно, что часть имрели была поселена именно там, на южной окраине ханства (рядом, в районе Найман, жили одно время теке). Однако к востоку от Шах-абада на 10-верстной карте отмечено урочище Янги-яб, которое, видимо, также называли Янги-арык см. МИТТ, т. II, стр. 338). Не исключена возможность, что имрели находились здесь.

⁴⁰ Архив, № 59, л. 236; № 5, л. 194а—1976; № 57, л. 14а—146.

⁴¹ В районе канала Аман-Кули имрели находились с 1803 г. (МИТТ, т. II, стр. 355); в 1804 г. они были переселены к йомутам в район Ак-Сарая — Муз-Кумгана (МИТТ, т. II, стр. 358); в 1806 г. они были переселены в район Янги-арыка (МИТТ, т. II, стр. 370).

⁴² Архив, № 5, л. 198а—1986; № 57, л. 146—15а. — Таким образом, уточняются сведения П. Лессара, приведенные Г. Е. Марковым (*Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 138), о том, что Алла-Кули-хан переселил имрели в Хорезм в 1826 г.

⁴³ Архив, № 21, л. 1786—179а. Наиболее ранние сведения о наделении имрели землей в районе Ак-тепе датированы 1268/1852 г. (Архив, № 26, л. 846, 866). Но это говорит только о том, что имрели получили там землю не позже 1852 г.; к тому же речь идет о небольшой группе.

⁴⁴ Фонд 33, оп. 1, № 221, л. 24а.

⁴⁵ См.: Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 153—154.

⁴⁶ Архив, № 59, л. 23а; № 5, л. 217а, 219а. Это, по-видимому, подтверждает сведения Данилевского о том, что карадашлы переселились в ханство еще при Мухаммед-Рахим-хане. Г. Е. Марков сомневается в правильности этих сведений (см.: *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 154).

⁴⁷ Архив, № 57, л. 166.

⁴⁸ Архив, № 83, на обороте сбложки.

в 1287/1870 г. говорится о прибытии небольшой группы теке в район Вас⁴⁹.

Али-или. По сообщению Агехи, али-или были поселены Алла-Кули ханом в 1830 г. в низовьях канала Клыч-Нияз-бай около Булдымсаза⁵⁰. По документам архива, значительное количество али-или находилось также в районе Ташауза⁵¹. Из этих двух районов али-или в начале 50-х годов XIX в. были переселены в район Кызыл-Такыра⁵² и верховья канала Шах-Мурад, хотя часть осталась на старых местах⁵³. В 1278/1861-62 г. группа али-или во главе с Аба-юзбаши и Мехми-юзбаши была поселена на бывших уйгурских землях⁵⁴, по-видимому, где-то к западу от Амбара⁵⁵.

В 1287/1870 г., после туркменского восстания, али-или снова получили земли в Кызыл-Такыре⁵⁶.

Гёклены. По мнению Г. Е. Маркова, гёклены поселились в Хивинском ханстве при Алла-Кули-хане, в 1836 г.; сведения Данилевского о переселении гёкленов при Мухаммед-Рахим-хане он считает ошибочными⁵⁷. Однако и у Агехи мы находим сообщение о поселении гёкленов в ханстве в 1817 г., когда «на Янги-яб⁵⁸ прибыл правитель гёкленов Султан-хан со своими людьми и семействами, чтобы жить здесь под надежной защитой и покровительством хана»⁵⁹. Это сообщение до некоторой степени подтверждается материалами архива. В 1241/1825 г. гёкленские нукеры владели землей в Хивинском ханстве⁶⁰. В месяце раби I 1242 г. х. (октябре 1826 г.) переселилась в ханство еще одна группа гёкленов, которая получила землю в районах Кокче и Ташауза⁶¹. В 1246/1830-31 г. кушбеги отмерил землю еще одной значительной группе «новых [т. е. вновь прибывших] гёкленов»⁶². Таким образом, гёклены, бесспорно, жили в Хивинском ханстве задолго до прихода туда основной их массы в 1837 г. Существенно новые данные мы находим в архиве о переселении гёкленов в 1263/1847 г. По словам Агехи,

⁴⁹ Рукопись ИВАН, № А 423, л. 45а.

⁵⁰ МИТТ, т. II стр. 458. — Переселение али-или нашло свое отражение в архиве; в списке нукеров 1247/1831-32 г. уже значилось 185 нукеров али-или (Архив, № 57, л. 14а). Интересно, что на 10-верстной карте 1905 г. «урочище Алиле» обозначено к востоку от города Клыч-Нияз-бай а не в районе Булдымсаза.

⁵¹ Архив, № 26, л. 706, 726.

⁵² Кызыл-Такыром назывался обширный район по левому берегу Дарьялыка, между Ак-тепе и Порсу, орошавшийся водой одноименного канала (в нижнем течении он назывался Диван-беги-яб); на его правом берегу, на дороге из Ильялы в Порсу находился «сад» (чарбаг) Кызыл-Такыр (см.: А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи...*, стр. 393).

⁵³ Архив, № 26, л. 71а—736. На 15-верстной карте 1873 г. «зимовье али-или» к востоку от города Клыч-Нияз-бай, а не в районе Булдымсаза.

⁵⁴ Архив, № 25, л. 1486, 151а; № 9, л. 19а.

⁵⁵ См. выше, прим. 28.

⁵⁶ Архив, № 21, л. 1776.

⁵⁷ Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 154—155.

⁵⁸ Янги-яб к юго-западу от Газавата — один из основных районов расселения газаватских йомутов (наряду с Муз-Кумганом и Ак-Сараем). Канал Янги-яб есть также к северу от Гурлена, в районе Везир. Наряду с этим к востоку от Шах-абада также было урочище Янги-яб, которое, по-видимому, иногда называлось и Янги-арык (см. выше, прим. 39).

⁵⁹ МИТТ, т. II, стр. 402. — Интересно, что один старик-гёклен рассказывал в 1955 г., что гёклены пришли на правый берег Аму-Дарьи 137 лет тому назад (т. е. в 1818 г.!) (Полевые материалы Туркменской этнографической экспедиции МГУ 1955 г., полевая запись № 27).

⁶⁰ Архив, № 59, л. 23а.

⁶¹ Архив, № 5, л. 217а—2186. — В районе Ташауза получил землю род ходжа; селение Кокче расположено между Кок-Чага и Булдымсазом.

⁶² Архив, № 57, л. 16а. — Район поселения не указан.

в этом году в Хорезм переселилось только 500 семейств⁶³; материалы же архива хивинских ханов показывают, что их было по крайней мере 3000 семейств⁶⁴. Возвращение гёкленов с юга после того как они туда откочевали в 1856 г. тоже происходило не сразу, в месяце раби II 1275 г. х. (ноябре 1858 г.), как об этом пишет Агехи⁶⁵, а по меньшей мере в три этапа, до конца 1276 г.х. (май 1860 г.)⁶⁶. В 1287/1870 г. большое количество гёкленов получили землю в районах Кызыл-Такыра, Кандум-кала и Ак-Тепе⁶⁷; другая группа их примерно в то же время получила землю в районе Янги-арыка⁶⁸. В шаввале 1288 г. х. (декабре 1871 г.) в Хивинское ханство прикочевала значительная группа гёкленов во главе с Берды-Мухаммедом и Нур-Ислам-ишаном⁶⁹.

Сакары. В архиве хивинских ханов мы находим интересные данные относительно пребывания этого племени в Хивинском ханстве. Сакары в шаввале 1265 г. х. (августе 1849 г.) получили земли в районах Кандум-кала и Тазе-Ханабад, к югу от Куня-Ургенча, по каналам Чотур-яб, Кырк-Кыз-яб и Кушбеги-яб⁷⁰. По словам Мирзы Абдурахмана, сакары как раз в этом году (за 25 лет до завоевания Хивы русскими, т. е. в 1265/1848-49 г.) прикочевали в Хивинское ханство из района Чарджуя и поселились на канале Сакар-яб⁷¹ (ответвлении Чотур-яба). Это подтверждается хивинским историком Баяни, который сообщает о наделении сакаров земель по каналам Кырк-кыз, Каттыг-акар и Кызанай (но не в 1265, а в 1264 г. х.)⁷², а косвенно и хроникой Агехи, так как несколько позже (с 1850 г.) последний упоминает об участии нукеров из племени сакар в хивинских походах на Мерв, Ахал и другие области. О времени ухода сакаров из Хивинского ханства также имеются сведения в заметках Мирзы Абдурахмана: они ушли после начала «смуты», за 18 лет до завоевания Хивы русскими⁷³, т. е. после начала туркмен-

⁶³ МИТТ, т. II, стр. 511 (приведено у Г. Е. Маркова, *Очерк истории формирования туркменского населения...*, стр. 155—156).

⁶⁴ Архив, № 33, л. 96, 116, 12а, 55б. — Всего в этих списках переселившихся гёкленов, которые получали по 10 батманов пшеницы на семью, значится 4162 семьи. Тем не менее точно определить количество пришедших гёкленов затруднительно, так как все семейства в списках на лл. 96 и 11а и часть семейств из списка на л. 55б могли войти в число 2606 семейств на л. 12а.

⁶⁵ МИТТ, т. II, стр. 594—595.

⁶⁶ Архив, № 98 от зуль-када 1276 г. х. (май 1860 г.).

⁶⁷ Архив, № 21, л. 177б—178а. — На 15-верстной карте 1873 г. в низовьях канала Кызыл-Такыр обозначены развалины Гоклен-кала. Гёклены и в 1873 г. жили в урочищах Ак-Тепе, Кызыл-Такыр и Шах-Мурад [А. Л. Кун, *От Хивы до Кунграда* («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 4, СПб., 1876), стр. 211—212; также фонд 33, оп. I, № 221, лл. 216, 246]. Все это, по-видимому, опровергает мнение Г. Е. Маркова, что гёклены в ходе восстаний 50—60-х годов в основном переселились в Иран (Г. Е. Марков, *К вопросу о формировании туркменского населения...*, стр. 46). Переселение гёкленов на юг, видимо, произошло лишь в 1873 г.

⁶⁸ Архив, № 21, л. 207б. — Все эти переселения произошли после последнего туркменского восстания 60-х годов, в результате которого гёклены, державшиеся враждебно по отношению к восставшим йомутам, очевидно, были вынуждены уйти из района Куня-Ургенча.

⁶⁹ Архив, № 46, л. 2а, 28а, 30а, 33а. — На 15-верстной карте 1873 г. рядом с Гёклен-кала обозначены «развалины кургана Берды-Мухаммед-хан».

⁷⁰ Архив, № 24, л. 48б—44б. — В списках значится всего 1555 имен сакаров, получивших землю в этих районах.

⁷¹ Архив, № 68, л. 16б—17а.

⁷² *شجره خوارزمشاهی*, بیانی, (далее — Баяни, *Шаджара-йи хорезмшахи*) (рукопись Института востоковедения Академии наук Уз. ССР, № 9596), л. 332б.

⁷³ Архив, № 68, л. 17а. — По словам Баяни, в начале правления Кутлы-Мурад-хана (1271/1855 г.) сакары, отказавшись присоединиться к восставшим йомутам, откочевали в урочище Вас к текинцам, державшим сторону хивинского хана (Баяни, *Шаджара-йи хорезмшахи*, л. 365а). Потерпев поражение в борьбе с йомутами, текин-

ского восстания 1855 г. Таким образом, они пробыли в ханстве всего семь лет.

Ата. По данным хивинского архива, какая-то группа племени ата еще в 1246/1830-31 г. была наделена землей в Хивинском ханстве⁷⁴. В 1268/1852 г. упоминаются земли племени ата в Кызыл-Такыре, рядом с землями али-или⁷⁵. В 60-х или начале 70-х годов XIX в. группа атинцев получила земли на Шейх-арыке, в районе Питняка⁷⁶.

Арабачи. В документах архива в раджабе 1264 г. х. (июне 1848 г.) упоминается группа «вновь пришедших» (т. е. прикочевавших в Хивинское ханство) арабачи⁷⁷. В 1278/1861-62 г. арабачи получили земли из числа уйгурских, т. е., по-видимому, где-то к северу от Газавата⁷⁸. Очень интересны сведения о поселении арабачи в районе Бака-Чанак (к северу от Ходжейли) в 1280-х гг. (1863—1872 гг.)⁷⁹.

Мехинли. Материалы архива свидетельствуют о том, что южнотуркменское племя мехинли поселилось в Хивинском ханстве еще в 20-х годах XIX в.⁸⁰. Скорее всего мехинли пришли вместе с карадшлы.

Салоры. По документам архива хивинских ханов, в середине XIX в. в округе Илянлы (Ильялы) жили салоры, часть которых пришла из района Чарджоу⁸¹, а часть, возможно, была еще потомками тех салоров, которые играли столь большую роль в истории Хивинского ханства в XVII — начале XVIII в. И те и другие, как и упомянутые выше игдыры, испытали, очевидно, сильное узбекское влияние⁸².

В заключение краткого обзора всех этих данных следует заметить, что в архиве хивинских ханов, к сожалению, нигде не встречается указаний о численности туркменских племен (за исключением гокленов в

цы и сакары откочевали из Васа, причем сакары, достигнув колодцев Мирза-Чиле (в Кара-кумах), направились в сторону Бухары (там же, л. 368а).

⁷⁴ Архив, № 57, л. 16а. — По словам Мирзы Абдурахмана, атинцы стали кочевать на территории Хивинского ханства, в районе Айбугира примерно за 50 лет до 1873 г., т. е. в середине 20-х годов XIX в. (фонд 33, оп. 1, № 134, л. 986).

⁷⁵ Архив, № 96.

⁷⁶ Архив, № 10, л. 2436. — Расселение племени ата Г. Е. Марковым освещено подробнее, чем других племен. Материалы архива дают лишь одну поправку: поселение атинцев в районе Шейх-арыка произошло, видимо, позднее, чем предполагал Марков [то же самое, возможно, относится и к атинцам в районе Садывара — ср.: Андреев, *Описание реки Аму-Дарья от укрепления Петро-Александровского до переправы у города Чарджоу* («Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XV, СПб., 1885), стр. 167].

⁷⁷ Архив, № 26, л. 1016.

⁷⁸ Архив, № 25, л. 1486; № 9, л. 19а. — Об уйгурских землях см. прим. 28.

⁷⁹ Архив, № 10, л. 2446. — Нам неизвестны какие-либо пункты под названием Бака-Чанак (или Бака-Чанаклы), кроме озера в 30 км к северу от Ходжейли, к западу от протока Кегейли. До сих пор не было сведений о том, что в этих местах во второй половине XIX в. находились туркмены. Приведенное нами свидетельство подлежит уточнению и проверке.

⁸⁰ Архив, № 57, л. 166 (в подлиннике значится: **مبین لی**). Ибрагимов пишет, что «туркмены рода мехелли» жили в окрестностях Ильялы и в 1873 г., причем, по их словам, во время туркменского восстания 1855—1856 гг. они откочевали на юг «к Дарья-Геру, т. е. на персидскую границу» (по-видимому, к Дерезегу. — Ю. Б.), откуда вернулись в 1870 г. [И. Ибрагимов, *Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах* («Военный сборник», 1874, т. 98, № 9), стр. 135]. В 1920-х годах туркмены мехинли (всего 70 хозяйств) жили в «мечети» с тем же названием на канале Шах-абад, к востоку от Ильялы (см.: «Новый восток», 1927, № 19, стр. 261—262).

⁸¹ Архив, № 18, л. 15а.

⁸² Архив, № 18, л. 236. — Земельные наделы в мечети «Салор» значительно дифференцированы. По-видимому, салоры не несли нукерской службы, а платили салгут наряду с узбекским населением [ср. Архив, № 34, л. 50а — в списке мечетей округа Илянлы (Ильялы) есть «мечеть Салоры» (**مسجد سالورلار**) с которой взимается 23 тил-ля 2 абасси и 1 шахи салгута]. — В то же время салоры были среди слуг (хидмет-кар) узбекских сановников (№ 64, л. 546), чего у туркмен в целом не наблюдалось.

1847 г.⁸³). Сохранившиеся документы архива содержат лишь сведения о туркменских нукерах или о количестве атлыков (атлычных земель), предоставленных тем или иным туркменским племенам.

Сопоставимые данные о количестве нукеров, выставившихся различными племенами, есть только для 1825—1831/32 гг.; эти цифры не показывают, конечно, непосредственно численности соответствующих племен, однако могут дать некоторое представление об их количественном соотношении, почему мы и считаем возможным здесь их поместить⁸⁴.

ТУРКМЕНСКИЕ НУКЕРЫ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ

Племя	Количество нукеров по годам		
	1825	1827	1831/32
Йомуты	1036	1087	1059
Чоудоры	1060	1237	1889*
Имрели	410	1065**	1005
Карадашлы	110	190	296***
Али-или	—	—	199
Гёклены	116	265	}1011****
Ата	—	—	
Шихи *****	30	30	
Теке	225	234	339
Сарыки	—	16	27
Мехинли	—	—	100
Всего	2987	4124	5925

* В таблице указано общее число нукеров для всех районов, населенных чоудорами. Судя по документам архива, с 1825 по 1831/32 г. уменьшилось количество нукеров-чоудоров из районов Аман-Кули и Пурсанг (с 531 до 314), зато в списке появились нукеры «хасан-или» (709) без указания места расселения.

** Прибавились нукеры, переселившиеся в Хивинское ханство в месяце *зу-ль-хидже* 1242 г. х. (июле 1827 г.).

*** Обращает на себя внимание небольшое число нукеров-карадашлы, хотя, по сведениям различных авторов, писавших о Хивинском ханстве и туркменах (Гиршфельд и Галкин, Лобачевский, Кун, Ибрагимов, Мак-Гахан и др.), число кибиток (семей) карадашлы было всего в 2—2,5 раза меньше, чем имрели.

**** В списке 1247/1830-31 г. (Архив, № 57, л. 16а) написано: «[Список нукеров], которым кушбег-ака отмерил землю в 1246 году, [соответствующему] году барса. Старые нукеры — гёклены, ата, ходжа, ших — 610. Новые — 401. Всего 1011». Очевидно, большая часть из этих 1011 нукеров относилась к гёкленам.

***** О месте поселения шихов в Хивинском ханстве в архиве сведений нет.

Сопоставляя материалы архива хивинских ханов с имевшимися ранее сведениями о расселении туркмен, можно в общих чертах представить изменение территории, занятой туркменскими племенами в Хивинском ханстве в XIX в., следующим образом.

⁸³ См. выше, прим. 64.

⁸⁴ Таблица составлена по трем спискам туркменских нукеров, имеющимся в Архиве (1825 г. — № 59, лл. 23а—25а; 1827 г. — № 5, лл. 181аа—219а; 1831/32 г. — № 57, лл. 12а—166).

Наиболее ранними районами расселения туркмен были область Куня-Ургенча, область к западу от Гази-абада (Ак-Сарай — Муз-Кумган) и район Амбара. Область Куня-Ургенча соприкасалась с туркменскими районами Устюрта — Сарыкамыш и заселялась туркменами в течение нескольких веков. Йомуты окончательно утвердились в этом районе, по-видимому, еще в первой половине XVIII в., хотя им приходилось еще дважды временно откочевывать на Балханы и Гюрген (при Надир-шахе и Эльтузере). В дальнейшем в области Куня-Ургенча были поселены и другие туркменские племена: с 1837 (возможно, что и с 1830-31 г. или даже несколько ранее) до 1856 г. к западу от Куня-Ургенча, в низовьях канала Хан-яб, жили гёклены; по каналу Кушбеги-яб с 1849 по 1855 г. жили сакары; к северо-западу от Куня-Ургенча, в районе Айбугира и урочища Кум-Чунгуль, в 30—40-х годах XIX в. кочевали атинцы; наконец, в низовьях Кушбеги-яба, в районе Чаш-Тепе (т. е. у чинка Устюрта) в 1848 или 1849 г. получила землю группа чоудоров⁸⁵, которая обитала там, по-видимому, до 60-х гг. XIX в.

Район Ак-Сарай — Муз-Кумган (по нижнему течению канала Гази-абад) также был заселен туркменами уже в середине XVIII в.: первое известие о поселении йомутов в Ак-Сарае относится к 1743 г.⁸⁶ В дальнейшем во время восстаний в XVIII и XIX вв. йомуты нередко откочевывали из этого района к Куня-Ургенчу, но затем каждый раз возвращались обратно. В XIX в. в этом районе находились только йомуты, если не считать кратковременного (с 1804 до 1806 г.) пребывания в Ак-Сарае — Муз-Кумгане имрели⁸⁷.

Первые сведения о поселении туркмен в районе Амбара относятся также к 60-м годам XVIII в.: там были в это время чоудоры⁸⁸. В те же годы крепость Чагатай-кала (или Чагатай-курган) между Амбаром и Шах-абадом занимали йомуты. Правда, в конце 60-х годов XVIII в. чоудоры ушли на Мангышлак, но в 20—30-х годах XIX в. источники вновь говорят о поселении чоудоров в области Амбара и между Амбаром и Шах-абадом (Боз-яб, Игдыр-кала)⁸⁹; возможно, что здесь они поселились еще в 1810 г., когда первые чоудоры переселились в Хивинское ханство из Арала. Туркмены в этих районах оставались и в 40-х годах XIX в.⁹⁰, но после туркменского восстания 1856—1859 гг. их там уже бесспорно не было.

Наряду с упомянутыми тремя районами одним из наиболее ранних районов расселения туркмен был Янги-арык на южной окраине Хивинского ханства. В 60-х годах XVIII в. там располагались йомуты⁹¹. В 1779 г. около Янги-арыка поместились теке; правда, в том же году

⁸⁵ Баяни, *Шаджара-йи хорезмишахи*, л. 332б. — При изложении событий 1856 г. Баяни (л. 371б) упоминает, что в Чаш-Тепе был «кош» Ходжа-Мухаммеда-юзбаши, которого Агехи (МИТТ, стр. 566) называет предводителем тире абдал.

⁸⁶ МИТТ, т. II, стр. 169.

⁸⁷ МИТТ, т. II, стр. 358, 370. — Возможно, что с 1818 г. в этом же районе по каналу Янги-яб (на юго-запад от Гази-абада) некоторое время жила часть гёкленов (см. выше, прим. 58).

⁸⁸ МИТТ, т. II, стр. 340.

⁸⁹ См. выше, прим. 28 и 29. — По словам Мирзы Абдулрахмана (фонд 33, оп. 1,) *هغه-دنگلی چوودور* ('هغه دنگلی چوودور' 'ایکدیر قلعه' '1736' г.) была построена «во время йомут-

ской смуты»; под последней, судя по контексту, Мирза Абдулрахман понимает в данном случае события 60—70-х годов XVIII в.

⁹⁰ Как уже упоминалось выше, в 1839 г. Абботт писал, что город Амбар покинут жителями; однако чоудоры могли оставаться в окрестностях города. По словам Данилевского (1842 г.), в окрестностях Чагатая (недалеко от Амбара) кочевали «туркмены в небольшом числе» [И. Г. Данилевский, *Описание Хивинского ханства* (ЗРГО, кн. V, СПб., 1851), стр. 104].

⁹¹ МИТТ, т. II, стр. 338, 341.

Мухаммед-Эмин-инак выселил их из этого района⁹², но несколько позднее текинцы опять там появились: в 1816 г. Мухаммед-Рахим-хан пожаловал им земли в низовье канала Найман, к востоку от Янги-арыка⁹³. У нас нет данных о том, сколько времени они там пробыли, однако из документов архива известно, что текинцы претендовали на этот район даже в 60-х годах XIX в.⁹⁴ В 1806 г., как уже упоминалось выше, на Янги-арык было переселено и племя имрели, причем часть его находилась там и в 1830 г. Нет никаких известий о том, что в Янги-арыке — Наймане оставались туркмены после начала туркменского восстания в 1855 г. В 1870 г. в Янги-арыке была поселена небольшая группа гёкленов (см. выше), но в 1873 г. они, очевидно, откочевали на юг.

Область к югу от Ходжейли, по арыку Аман-Кули (Кенегес), была заселена туркменами с начала XIX в. В 1803—1804 гг. здесь находились имрели, затем чоудоры⁹⁵, до того располагавшиеся где-то к юго-западу от Кунграда. Когда чоудоры ушли с канала Аман-Кули — неизвестно; во всяком случае из рассказа Агехи о событиях 1855—1856 гг. явствует, что в это время в районе Ходжейли туркмен уже не было.

В районе Ташауза расселялось несколько туркменских племен с первой четверти XIX в.: в 1825—1839 гг. здесь были чоудоры; в 1825—1831 гг. здесь же находилась основная масса имрели, которые в 30-х годах XIX в., по-видимому, переселились в область Ильялы — Ак-Тепе⁹⁶. В 1826 г. в районе Ташауза была поселена группа гёкленов, а в 1858—1860 гг. все гёклены, вернувшиеся с юга после откочевки 1856 г., были поселены около Ташауза⁹⁷. Здесь они пробыли до 1870 г., когда были переселены в область Кызыл-Тақыра — Кандум-калы. Наконец, в районе Ташауза с 1830 г. до начала 50-х годов XIX в. находились али-или, которые в небольшом числе оставались и позже; но после туркменских восстаний 50—60-х годов их здесь, видимо, уже не было, если не считать кратковременного поселения небольшой группы али-или на «уйгурских землях» в 1862 г.

Округ Порсу был заселен чоудорами, по-видимому, во второй четверти XIX в. и остался в дальнейшем основной территорией, занятой этим племенем.

В районе Клыч-Нияз-бая, по нижнему течению одноименного канала, туркмены отмечаются с 1825 г. (карадашлы у Булдымсаза). В 1826 г. в Кёкче была поселена группа гёкленов, а с 1830 г. в районе Клыч-Нияз-бая появились али-или⁹⁸, большая часть которых была переселена отсюда в начале 50-х годов XIX в. на каналы Кызыл-Тақыр и Шах-Мурад (Шамрат). С 1856 г. в районе Кок-Чага (к западу от Клыч-Нияз-бая) обосновалась часть чоудоров, однако они пробыли там недолго: в 1873 г. в этом районе было уже, по-видимому, чисто узбекское население⁹⁹. Район самого города Клыч-Нияз-бай после туркменских

⁹² Там же, стр. 351—352.

⁹³ Там же, стр. 391.

⁹⁴ См.: Архив, № 134; — Публикация текста: П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в.*, стр. 273.

⁹⁵ Судя по хронике Муниса, не ранее 1810 г. МИТТ, т. II, стр. 378).

⁹⁶ По словам Данилевского, округ Ильялы был заселен при Алла-Кули-хане, т. е. в промежутке между 1826 и 1841 гг. (И. Г. Данилевский, *Описание Хивинского ханства*, стр. 105).

⁹⁷ МИТТ, т. II, стр. 595.

⁹⁸ По Агехи — в Булдымсазе; в документах (Архив, № 26, л. 71а—73б) указано просто «в Клыч-Нияз-бае» (см. также выше, прим. 50).

⁹⁹ См. списки населения Хивинского ханства по мечетям, имеющиеся в архиве Куна (фонд 33, оп. 1, № 119).

восстаний 50—60-х годов, также, по всей видимости, остался узбекским¹⁰⁰.

О времени заселения туркменами района к югу от горы Куба-таг (к юго-западу от Мангыта) нет точных данных. Йомуты и имрели откочевывали от Ак-Сарая к Куба-тагу еще во время восстания 1804 г.¹⁰¹, но не закреплялись там. Из рассказа Агехи о туркменском «племени» тазе-конграт (кара-йылгунлы)¹⁰² вытекает, по-видимому, что часть этого племени переселилась «в окрестности Куба-тага» из района Кара-Йылгуна¹⁰³ после правления Алла-Кули-хана, т. е. в 40-х годах XIX в.¹⁰⁴.

Область Ильялы — Ак-Тепе (по низовьям канала Шах-абад и каналу Кызыл-Такыр) была заселена, как уже говорилось выше, в 30-х годах XIX в. Должно быть, в эти годы к северо-западу от Ильялы поселяются имрели. В начале 30-х годов к северо-востоку от Ильялы поселяется основная масса карадашлы¹⁰⁵. В начале 50-х годов на низовья Кызыл-Такыра переселились (из Ташауза и Клыч-Нияз бая) али-или, которые находились здесь и позже (с 1870 до 1873 г.). По среднему течению Кызыл-Такыра с 1870 до 1873 г. (а может быть, и ранее 1870 г.) жили также гоклены. Йомуты в районе Кокчук и по восточному берегу Даудана (Кофуклы и др.) обосновались, видимо, позже — со времени восстаний 50—60-х годов XIX в.

Обширная область к югу от Дарьялыка, в бассейне каналов Шах-Мурад (Шамрат) и Сипай-яб, в том числе районы Кандум-кала, Тазе-Ханабад и Вас (Уаз)¹⁰⁶, была заселена главным образом в конце 30-х и в 40-х годах XIX в. Из туркменских племен здесь обитали в эти годы теке (в Кандум-кала и Васе), сакары, кара-йылгунлы (тазе-конграта), а также часть йомутов¹⁰⁷. Во время туркменского восстания в 1856 г. отсюда откочевали теке и сакары, и вся область оказалась занятой йомутами. Однако с тех пор население на этих землях стало значительно

¹⁰⁰ С 1841 до 1856 г. район города Клыч-Нияз-бай и среднего течения одноименного канала был центром расселения джемшидов.

¹⁰¹ МИТТ, т. II, стр. 362—363. — П. П. Иванов в примечаниях к своему переводу «Фирдаус ал-икбал» спутал Куба-таг в районе Мангыта с возвышенностью Куба-таг в дельте Аму-Дарьи (там же, стр. 364).

¹⁰² МИТТ, т. II, стр. 626—627.

¹⁰³ Кара-Йылгуном, по-видимому, назывался довольно обширный район между нижним течением Лаузана и Дарьялыком (ср. слова А. В. Каульбарса о «земле караенгынов или куль-чаров» — *Низовья Аму-Дарьи...*, стр. 399—400; на 10-верстной карте 1905 г. «урочище Кара-джангыл» обозначено в том же районе, но на левом берегу Дарьялыка).

¹⁰⁴ По словам И. Г. Данилевского, в 1843 г. в окрестностях Булдымсаза, кроме чоудоров и джемшидов, кочевали и йомуты (И. Г. Данилевский, *Описание Хивинского ханства*, стр. 104). Это могли быть только кара-йылгунлы, так как других йомутов в этом районе никогда не было. Возможно, что уход части племени кара-йылгунлы в район Куба-тага объясняется затоплением их земель во время разливов Аму-Дарьи в конце 30-х годов XIX в., о чем рассказывали информаторы А. В. Каульбарса. Разделение кара-йылгунлы на мангытских и куня-ургенчских сохранялось и в начале XX в. (ср. данные Лыкошина 1912 г. — Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования туркменского населения*, стр. 264, 265). По словам Мирзы Абдурахмана, при Мухаммед-Эмин-хане (1846—1855) кара-йылгунлы жили также по каналу Он-Кулач (фонд 33, оп. I, № 221, л. 25а).

¹⁰⁵ В низовьях канала Ярмыш.

¹⁰⁶ В опубликованных переводах из хроник Агехи (МИТТ, т. II, стр. 553—557); неправильно прочитано «Дас» вместо «Вас» (واص); ошибка повторена А. Карриевым в его диссертации «Туркменские племена в первой половине XIX в. и их борьба против агрессии хивинских ханов и иранских шахов», М., 1947, стр. 322 и след.).

¹⁰⁷ Весьма интересные сведения о заселении этой области содержатся в упомянутом выше сочинении Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» (л. 332б); они приведены Я. Г. Гулямовым в его работе: *История орошения Хорезма с древнейших времени до наших дней*, Ташкент, 1957, стр. 221—222.

реже вследствие перекрытия канала Лаузан хивинскими властями и уменьшения количества воды в Шах-Мураде¹⁰⁸. По-видимому, полностью обезлюдели район Сипай-яба — Сакар-яба и район по течению Дарьялыка ниже канала Шах-Мурад.

На правом берегу Аму-Дарьи и на Шейх-арыке (у Питняка) туркменское население появилось только с середины XIX в. и позже.

Подводя итог нашему обзору, следует оговориться, что почти во всех перечисленных выше районах наряду с туркменами было и некоторое количество узбекского населения — в первую очередь в городах (Куня-Ургенч, Ильялы и др.), а также в качестве арендаторов на вакуфных землях, личных землях хана и землях хивинских сановников¹⁰⁹. По-видимому, в результате туркменских восстаний 50—60-х годов XIX в. произошло большее обособление туркменских и узбекских районов Хивинского ханства¹¹⁰.

Наибольшее расширение территории, занятой туркменскими племенами в Хивинском ханстве, как это видно из наших материалов, приходится на 30—40-е годы XIX в. С середины XIX в. и особенно после туркменских восстаний эта территория, в общем, сокращается — как в центре ханства (уход туркмен из районов Амбара, Ташауза, Клыч-Нияз-бая и Кок-Чага), так и на его окраинах (уход туркмен из районов Ходжейли и Янги-арык, опустение земель по Сипай-ябу).

---

¹⁰⁸ В конце XIX в. отдельные группы имрели и карадашлы из Ильялинского округа переселились на некоторое время в Вас; сюда же приходили в 70-х годах XIX в. небольшие группы теке. В той же области оставалась и какая-то часть йомутов.

¹⁰⁹ Значительное количество вакуфных земель, на которых сидели арендаторы-узбеки, было, в частности, в районе Куня-Ургенча. Крупные земельные владения хивинских сановников находились в округе Ильялы и по Сипай-ябу. Личные земли хивинских ханов были разбросаны повсюду в туркменских районах; достаточно назвать «хаули» (поместье) в Тазе-Ханабаде, «сад» Медемин в районе Қандум-кала, «сад» Хан-баг в урочище Вас, «чарбаг» на канале Кызыл-Такыр и другие «сады» и «хаули».

¹¹⁰ Туркмены рассказывали А. В. Каульбарсу, что в низовьях Кушбеги-яба (к западу от Куня-Ургенча) жил узбек Мат-Мурад, бросивший свое жилище в 1854 г. (?) вследствие ссоры с туркменами (А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи...*, стр. 406). По словам Баяни (*Шаджара-йи хорезмшахи*, лл. 366б—367а, 367б), в 1856 г. узбеки бежали из области Тазе-Ханабад, переселившись в другие районы Хорезма.

Н. А. Петров

**НАУЧНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ВОСТОКОВЕДАМИ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ-ГЕОГРАФАМИ
В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.**

XIX век, как известно, был веком бурного развития дореволюционной русской науки. Во всех ее областях русские ученые внесли неоценимый вклад в мировую науку своими исследованиями и открытиями. Пытливый ум русских людей стремился проникнуть в тайны природы, исследовать неизвестные территории, познать историю живых и исчезнувших народов, их жизнь и быт, язык, письменную литературу и устное творчество.

Рождалась новая наука — востоковедение. Она выдвинула таких известных ученых, как Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, И. Н. Березин, К. Ф. Голстунский, В. В. Радлов, А. М. Позднеев, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и другие, чьи труды внесли большой вклад в изучение среднеазиатских народов России и ее непосредственных соседей в Азии.

В неисследованные территории азиатского материка отправлялись одна за другой экспедиции — географические, этнографические и археологические. Через огромные пустыни и высокие горы с риском для жизни совершали путешествия люди, поставившие своей целью заполнить «белые пятна» на географической карте Азии. Славные имена выдающихся русских путешественников — самоотверженных исследователей Азии Л. Э. Регеля, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, К. И. Богдановича, М. М. Березовского, В. И. Роборовского, В. А. Обручева, А. Д. Клеменца, Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло, П. П. Семенова-Тян-Шанского и других — навсегда вошли в историю географической науки и выдвинули отечественную географию на одно из первых мест в мире.

Ни востоковеды, ни географы-путешественники не были обособлены друг от друга. Напротив, совершая одно общее дело — всестороннее изучение географии и прошлого народов Азии — они поддерживали между собой тесную связь, помогая друг другу своими знаниями в изучаемых ими областях и тем самым двигали науку вперед. С одной стороны, востоковеды из материалов письменных источников извлекали ценные данные географического характера по Азии, с другой — путешественники-географы во время своих экспедиций занимались не только изучением географии различных стран, но и поисками письменных памятников и предметов материальной культуры народов, населявших когда-то те местности, которые они посещали.

Примером содействия востоковедов географической науке могут служить исследования крупнейшего русского китаевода В. П. Васильева, который еще за 25 лет до Рихтгофена определил Центральную Азию, как страну «спертых вод, окруженную со всех сторон системами рек и озер, доходящих до океанов»¹, и высказал предположение, что реки нынешних Казахской, Киргизской и Узбекской республик в древние времена составляли единую водную систему р. Сыр-Дарьи, являясь ее притоками².

Примером содействия путешественников-географов востоковедам могут служить экспедиции П. К. Козлова. Этот выдающийся путешественник, совершивший всемирно-известное открытие мертвого города Хара-Хото, доставил многочисленные ценные письменные памятники, а также предметы материальной культуры народов, населявших Центральную Азию в древности³.

Между востоковедами и географами существовала самая тесная личная связь и большая переписка, из которой можно ясно видеть, как происходил обмен мнениями по научным вопросам между той и другой группой ученых.

Следует указать еще на одну небольшую группу лиц, которые если и не были в большинстве своем непосредственными исследователями Азии, то во многом содействовали им. Мы имеем в виду востоковедов, состоявших на службе в Министерстве иностранных дел в качестве консулов, — Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова и др.

Эти востоковеды также сыграли исключительно большую роль. Они были первыми, кто вызвал интерес к изучению древних письменных и материальных памятников народов, населявших западную часть азиатского материка. Вместе с тем они же оказали большую помощь путешественникам-географам.

Акад. С. Ф. Ольденбург, касаясь истории русских археологических исследований, писал в 1921 г., что на древности Восточного Туркестана обратил внимание еще ботаник Л. Э. Регель в 1879 г., но что настоящим «собирателем древностей был известный русский генконсул в Кашгаре Н. Ф. Петровский». В 1891 г. он сообщил о собирании им рукописей и предметов древности⁴. Эти коллекции памятников древней культуры народов Азии поступали в Азиатский музей Академии наук и другие музеи. Мы не останавливаемся на описании этих предметов и рукописей, так как о них имеются статьи в изданиях Академии наук, Восточного отделения русского археологического общества и т. д.

Между Н. Ф. Петровским, с одной стороны, и академиками В. Р. Розеном, С. Ф. Ольденбургом и еще некоторыми учеными, с другой — поддерживалась оживленная переписка. Из нее ярко видна научная деятельность Н. Ф. Петровского по собиранию и изучению предметов древности. Так, он делал снимки с арабских надгробных памятников⁵, с монет «Зарби Яркенд»⁶, присылал фрагменты рукописей на санскрите⁷ и многое другое. Он не только оповещал о найденных им предметах, но высказывал ряд интересных соображений, возникших у него в результате

¹ В. Васильев, *Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях* (ЖМНП, ч. 73, отд. II, 1852), стр. 127.

² Там же.

³ Письменные памятники, найденные П. К. Козловым, хранятся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения, а предметы материальной культуры — в Государственном Эрмитаже под названием «Фонд П. К. Козлова».

⁴ С. Ф. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане* («Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2), стр. 25.

⁵ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 27.I.1892 г. (ААН, ф. 777, Оп. 2, ед. хр. № 337).

⁶ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 25.III.1892 г. (там же).

⁷ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 25.V.1892 г. (там же).

научно-исследовательской работы. Занимаясь отождествлением арабских слов, он высказал надежду, что найдет и «знаменитый город Баласагун»⁸, а результаты обследования одного кургана вблизи Кашгара подали ему идею о древнем Кашгаре, который находился на том месте⁹.

В своих письмах к С. Ф. Ольденбургу Н. Ф. Петровский сообщал, что он занимается также собиранием заговоров, заклинаний и т. п.¹⁰, делился с ним мыслями о сильном влиянии индийской цивилизации на Восточный Туркестан, о местах столкновения ее с цивилизацией, надвигавшейся с севера, о путях из Индии, Тибета и Запада на Хотан, высказывал предположение о местонахождении «загадочного Болора» и т. д.¹¹

В первой четверти XX в. велась переписка между учеными В. В. Радловым, С. Ф. Ольденбургом и консулом Н. Н. Кротковым. Эта переписка свидетельствует о собирании последним коллекции предметов древности, которая была продана Русскому Комитету. Так, в протоколе № 11 от 10 мая 1908 г. заседания Комитета признавалось «...крайне желательным, чтобы собрание Н. Н. Кроткова осталось в пределах России и поступило в Русские музеи...»¹².

Н. Н. Кротков также высказывал различные предположения историко-географического характера. «Здесь кстати будет заметить,— писал он,— что наряду с рассказами, относящими постройку города в Уламбо ко временам какого-то мифического царя Дакиянуса, среди жителей Урумчи ходят и другие рассказы, по которым означенный город возник незадолго до появления Якуб-бека в Южной Джунгарии и был разрушен войсками Бадаулета»¹³.

Приведенные примеры свидетельствуют о большом интересе консульских работников к собиранию рукописных памятников и предметов древней материальной культуры, об их стремлении на основе этих материалов проникнуть в историю народов, населявших когда-то обширные территории Центральной Азии. В то же время собранные ими данные и коллекции материальной культуры прошлого вызвали огромный интерес у географов и востоковедов.

Научную связь русских путешественников с востоковедами можно проследить на примере почти каждой экспедиции, отправлявшейся в Азию. Так, Д. А. Клеменц в 1894 г. исследовал обширное пространство между р. Орхоном, Гобийским Алтаем и городом Уласутаем. Результаты этого путешествия оказались «крайне важны для науки и поддерживают вполне предположение акад. Радлова, что Тукюеская (Тюркская) династия лишь на короткое время внесла культуру в бассейн Среднего Орхона и Талы и что в эпоху полного процветания этой династии от IV—VII века тюркские ханы жили в верхнем Иртыше и на южных склонах собственно Алтая и вокруг Тарбагатай»¹⁴. Найденные экспедицией различные памятники древности стали предметом изучения востоковедов. Акад. В. П. Васильев сделал расшифровку китайских надписей, найденных Д. А. Клеменцем на орхонских памятниках¹⁵.

⁸ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 16.VIII.1892 г. (там же).

⁹ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 3.IX.1892 г. (там же).

¹⁰ Письмо Н. Ф. Петровского С. Ф. Ольденбургу от 15. V. 1893 г. (ААН, ф. 203, оп. 2, ед. хр. № 457).

¹¹ Письмо Н. Ф. Петровского С. Ф. Ольденбургу от 1.VIII.1894 г. (там же).

¹² ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 62, л. 13.

¹³ Письмо Н. Н. Кроткова С. Ф. Ольденбургу от 9. X. 1909 г. (ААН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. № 307).

¹⁴ Протокол № XVI заседания историко-филологического отделения Академии наук от 7 декабря 1894 г. § 175. (ААН, ф. 1, оп. 1а, ед. хр. № 141).

¹⁵ В. П. Васильев, *Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-цайдаме и Карабалгасуне* («Сб. трудов Орхонской экспедиции», т. III, СПб., 1897), стр. 36+23 стр. (кит. текста)+3 табл.

Экспедиция 1893—1895 гг. путешественников В. И. Роборовского и П. К. Козлова в Турфан доставила предметы древностей и фрагменты восточных рукописей, уйгурских и сирийских, поступившие на исследование А. О. Ивановскому и С. Ф. Ольденбургу. Найденные материальные и письменные памятники вызвали исключительный интерес в кругах востоковедов Академии Наук. Это видно из открытки (4 марта 1898 г.) Д. А. Клеменца к П. К. Козлову, в которой он писал: «Ввиду громадного интереса, возбужденного открытиями Вашей экспедиции в Турфанском крае, Академия наук собрала особую комиссию для решения вопроса об организации экспедиции в Турфан, академик Радлов покорнейше Вас просит по этому поводу пожаловать в Музей [Азиатский.— Н. П.] для переговоров, рассчитывая, что Вы не откажетесь указать некоторые подробности о местонахождении замеченных Вами древностей...»¹⁶.

По предложению В. В. Радлова в Академии наук была образована специальная комиссия по организации экспедиции в Турфан в составе академиков В. В. Радлова, А. А. Куника, В. П. Васильева, В. Р. Розена, К. Г. Залемана и с приглашением Д. А. Клеменца и С. Ф. Ольденбурга¹⁷. В результате в 1898 г. Академией наук была направлена в Турфан новая экспедиция Д. А. Клеменца с целью исследования развалин древних городов.

Экспедиция продолжалась несколько месяцев, в течение которых Д. А. Клеменц производил раскопки, осмотрел развалины пещер, сделал снимки надписей и т. п. в девяти местах Турфанского округа и собрал много материалов¹⁸, среди которых были и рукописи¹⁹.

В 1899 г. на основании предварительного отчета экспедиции Д. А. Клеменц прочитал доклад на 12-м международном съезде востоковедов в Риме. Этот доклад вызвал интерес у ориенталистов. Там же на съезде возникла идея учреждения в России особого комитета для изучения Средней и Восточной Азии²⁰.

16 октября 1902 г. состоялось первое заседание временного комитета с целью выработки устава Русского Комитета²¹. Проект устава был утвержден 2 февраля 1903 г.²². В дальнейшем он был представлен 13-му гамбургскому съезду востоковедов, который одобрил его.

Как сказано в записке МИД'у, «Комитету вменяется в обязанность заботиться о сохранении для науки всего, что осталось от материальной и духовной жизни прежних веков и чему угрожает от времени или от руки человека, т. е. не только древних построек, городищ, курганов, рукописей и т. п., но также черт языка, быта и устной словесности народов, вымирающих или утрачивающих свои национальные особенности»²³.

На Комитет возлагалось также изыскание средств и снаряжение экспедиций по изучению Средней и Восточной Азии. С. Ф. Ольденбург в

¹⁶ АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 286.

¹⁷ ААН, ф. 144, оп. 1, ед. хр. № 87.

¹⁸ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 313.

¹⁹ Описание этой экспедиции см.: «Nachrichten über die von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», Heft 1, St.-Pbg., 1903. |

²⁰ Полное название — «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Он имел свой печатный орган — «Bulletin de l'Association internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe».

²¹ В комитет по разработке устава входили ученые В. В. Бартольд, Ф. Н. Васильев, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Д. А. Клеменц, И. Я. Коростовец, П. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, П. С. Попов, Э. Э. Ухтомский, Л. Я. Штернберг.

²² ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 59.

²³ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 91, л. 26.

письме Н. Ф. Петровскому (28 июня 1904 г.) сообщал, что Комитет «получил средства на археологическую экспедицию в Кучу и Турфан» и просил совета, куда лучше поехать²⁴.

Организация и деятельность Русского комитета в значительной степени содействовали географическим исследованиям и открытиям. Так, была снаряжена экспедиция в Кучар, которую возглавил М. М. Березовский. Он, помимо проведения географических изысканий, собрал рукописи²⁵ и ценные памятники древней культуры, переданные в Азиатский Музей и Музей антропологии и этнографии. Таким образом, создание Русского комитета еще более укрепило связь востоковедов с географами-путешественниками.

Вместе с тем востоковеды, по-прежнему входя в качестве действительных членов в Географическое общество, продолжали принимать в его работе самое горячее участие. Географическое общество также отправляло экспедиции, имевшие большое значение для востоковедения. Одной из них была экспедиция П. К. Козлова, отправившаяся в январе 1908 г. из Урги в область Эдзин-гола на поиски развалин г. Хара-Хото, большого культурного центра тангутского государства Си Ся. После длительных поисков город был найден²⁶. Открытие мертвого города обогатило историческую науку новыми данными о Хара-Хото и ввело в научный обиход богатейшие ценности материальной и духовной культуры народов Центральной Азии XI—XIII вв. При раскопках «знаменитого субургана», произведенных П. К. Козловым, были найдены 2,5 тысячи томов книг, множество рукописей на тангутском, китайском, тибетском, уйгурском, персидском, монгольском и неизвестном языках, памятники буддийской культуры и т. д.

Представляют большой интерес записи П. К. Козлова в его дневнике, свидетельствующие о широком диапазоне научных интересов путешественника. Так, 29 мая он писал: «...Эти ступы буддистами сооружались непременно. Туземцы-торгоугы ломают себе головы в догадках, какой жил народ? С одной стороны, земледелие, культура, торговля отличают китайцев, их денежные знаки, письма и проч., с другой же — все буддийское — кого?..., неужели китайцы эти — хара-хотоские, были истыми буддистами или смесь тех и других, т. е. китайцев с тангутами. Мне кажется, письма китайские, многочисленные бумаги в этом отношении должны пролить яркий свет и разрешить этот очень важный вопрос; быть может он уже и разрешен в СПб., на основ. высл. матер...»²⁷.

О постоянных связях П. К. Козлова с кругами востоковедов говорят и другие записи в том же дневнике. «Как будет приятно удивлен С. Ф. Ольденбург, Котвич и Иванов²⁸, — записал П. К. Козлов 11 июля, — все те лица, которые уже сложили у себя представление о Хара-Хото, об умерших обитателях и проч.»²⁹.

В свою очередь востоковеды-ученые обращались к П. К. Козлову по

²⁴ ЛОИВАН, ф. 43, ед. хр. № 6.

²⁵ О рукописях см.: Н. Д. Мионов, *Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу* («Известия Академии наук», 1909, № 8), стр. 547—562.

²⁶ Описание этой экспедиции см.: П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*, М., 1948; П. К. Козлов, *Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото*, СПб., 1911.

²⁷ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 157.

²⁸ Описание находок П. К. Козлова было сделано этими востоковедами в ряде работ, в частности: А. Иванов, С. Ф. Ольденбург, Вл. Котович, *Из находок П. К. Козлова в г. Хара-Хото* (ИРГО, т. XLV, вып. VIII, 1909), стр. 463—477; А. Иванов, *Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века* («Известия Академии наук», 1913, № 11), стр. 811—816; А. И. Иванов, *Страницы из истории Си-ся* («Известия Академии наук», 1911, № 11), стр. 831—836.

²⁹ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 157.

интересующим их вопросам. В переписке ученых востоковедов с П. К. Козловым мы находим адресованную ему телеграмму китаевода А. И. Иванова от 11 ноября 1909 г., в которой тот просит разрешения «сфотографировать и опубликовать заметку о тангутском письме»³⁰. А 20 ноября того же года в письме он писал, что «среди рукописей мною был найден параллельный текст и, получив Ваше любезное разрешение, я представил о нем доклад в Академию, которая и постановила напечатать доклад и фотографию текста... Вл. Котвич также нашел, как оказывается, еще при посещении комитета, тангутский текст с тибетским»³¹.

Однако востоковеды не были только исследователями материалов, поступавших от путешественников-географов, но нередко и сами совершали путешествия. Так, в 1909 г. в Турфан, Карашар и в Кучарский округ отправилась экспедиция С. Ф. Ольденбурга. Причем, как писал С. Ф. Ольденбург в письме П. К. Козлову, «есть мечты, кроме Кучи и о Дунхуане, Хами и северном крае Лоб-нора, но это м. б. только мечты»³².

Мечты о Дунхуане С. Ф. Ольденбург осуществил спустя три года, в 1914 г.³³ Во время экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Дунхуан было сделано до двух тысяч фотографий, снят ряд планов, общий план фасада с 443 пещерами³⁴, собрано много образцов стенописи, образцов на холсте, шелке, бумаге, рукописей, уйгурский шрифт. На месте определен период существования пещер с VI в. н. э.³⁵ Наряду с проведением работ археологического характера экспедиция С. Ф. Ольденбурга осуществляла и географические изыскания, результатом которых было составление «дорожника от Чутучака до Дунхуана»³⁶.

В этот же период в Азии находился тюрколог С. Е. Малов, командированный для лингвистических и этнографических исследований³⁷.

Первая империалистическая война почти прервала дальнейшие географические, археологические и этнографические экспедиции в Азию.

На основе использованных нами в весьма небольшом объеме материалов, хранящихся в научных архивах Академии наук, Русского Географического общества и Ленинградского отделения Института востоковедения, можно сделать заключение о большой и всесторонней деятельности как путешественников-географов, так и востоковедов России по собиранию предметов материальной и духовной культуры народов древней Азии. Эти сохранные и реставрированные письменные и материальные памятники образовали ценнейшие коллекции в Государственном Эрмитаже, Институте востоковедения, Музее этнографии, позволяющие новым поколениям ученых углубленно изучать историю народов Азии. Географические исследования и востоковедные науки в рассматриваемый нами период были комплексными. Наконец, между путешественниками-географами и востоковедами были тесные научные связи, у них существовало единство интересов и целей — стремление обогатить человеческие знания новыми открытиями и исследованиями в области географии, этнографии и истории исчезнувших и живых народов огромного азиатского материка — колыбели древнейшей цивилизации человечества.

³⁰ АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 250.

³¹ Там же.

³² АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 505.

³³ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 64, лл. 42—43.

³⁴ Знаменитые буддийские пещеры близ Дунхуана (КНР, провинция Ганьсу), называются Цянь фо дун, то есть «пещеры тысячи будд».

³⁵ С. Ф. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане* («Казанский Музейный вестник», 1921, № 1—2), стр. 28—29.

³⁶ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 93.

³⁷ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 65, л. 18.

Б. А. Вальская

**АКАДЕМИК К. М. БЭР О ПУТЕШЕСТВИЯХ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО
В ЕГИПЕТ И В КИТАЙ В 40-х ГОДАХ XIX В.**

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 22 мая 1958 г.*

Академик Карл Максимович Бэр (1792—1876) является одним из наиболее выдающихся натуралистов XIX в. Его научные труды в области биологии, антропологии, географии и этнографии получили мировую известность. Каждая вновь опубликованная рукопись этого замечательного ученого, имя которого Ф. Энгельс ставил рядом с именами Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина¹, имеет важное значение для науки.

Публикуемые ниже рукописи Бэра не только дают новый материал для характеристики этого талантливого русского ученого, но и дополняют имеющиеся в литературе сведения о деятельности выдающегося путешественника, востоковеда, писателя и дипломата, прогрессивного общественного деятеля и почетного академика Егора Петровича Ковалевского, а также его спутников по путешествиям в Африку и Китай Л. С. Ценковского и С. И. Базилевского.

Среди публикуемых материалов: Общая инструкция Русского Географического общества по изучению Нильской системы, отзыв Бэра и академика Г. П. Гельмерсена о книге Ковалевского «Путешествие во Внутреннюю Африку», вопросы Бэра о животном мире Китая и его переписка по поводу этих вопросов с физико-математическим отделением Академии наук.

О жизни и деятельности Бэра имеется обширная литература. Особенно много для изучения научного наследия Бэра сделал профессор Б. Е. Райков, который перевел на русский язык и комментировал выдающиеся труды Бэра².

В 1845 г. Бэр стал одним из инициаторов основания Русского Географического общества. Сразу после его основания Бэр был назначен руководителем отделения этнографии и уже в 1846 г. опубликовал статью

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1955, стр. 11, 154.

² К. М. Бэр, *История развития животных. Наблюдения и размышления*, М., 1950 (с приложением статьи Б. Е. Райкова «О жизни и научной деятельности К. М. Бэра» и библиографии печатных трудов К. М. Бэра по эмбриологии); К. М. Бэр, *Автобиография*, М., 1950 (комментарии и вступительная статья Б. Е. Райкова, с приложением библиографического списка сочинений о К. М. Бэре, появившихся на русском языке).

«Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»³.

В конце 1847 г. Бэр составил для Л. С. Ценковского инструкцию по изучению Нильской системы.

Ценковский познакомился с Бэром, будучи еще студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. В своей юбилейной речи 16 февраля 1886 г., вспоминая студенческие годы, Ценковский сказал: «Академик Бэр узнал, что я с любовью занимаюсь ботаникой, и этого было достаточно, чтобы ввести меня в тесный круг первоклассных ученых, сгруппировавшихся около него... Атмосфера в кружке была жгучая, восторженная. Все говорили о путешествиях, открытиях, обсерваториях, улучшенных приборах». В этом кружке «молодые ученые... запасались любовью к науке на всю жизнь»⁴.

В октябре 1847 г. директор Азиатского департамента Л. Г. Сеньявин как член Географического общества довел до сведения управляющего отделением общей географии Ф. П. Врангеля о том, что в скором времени отправится в Египет и сопредельные страны подполковник корпуса горных инженеров Е. П. Ковалевский, который по приглашению паши египетского Мухаммеда Али будет заниматься в Восточном Судане поисками и разработкой месторождений золота⁵.

В связи с этим 22 октября 1847 г. Врангель обратился в Совет Общества с запиской, в которой писал: «Нет сомнения, что столь отличный офицер соберет много драгоценных материалов для географии. Главная однакож, цель его путешествия, посторонняя для подобных занятий, отнимет много времени, и потому весьма было бы полезно отправить в помощь ему ученого, который с основательными сведениями в естественных науках и под руководством Ковалевского, произвел бы изыскания, касающиеся до физической географии и этнографии стран, еще мало в этих отношениях известных»⁶.

Врангель предложил ассигновать 500 рублей и отправить с Ковалевским магистра С.-Петербургского университета Л. С. Ценковского; «выбор свой,— писал Врангель,— отделение основывает на отзывах знаменитых наших естествоиспытателей». Врангель выразил надежду, что и Академия наук тоже даст поручение Ценковскому и будет участвовать в издержках. «Если все удастся так, как можно ожидать,— писал Врангель,— то упомянутая сумма будет ничтожна в сравнении с теми приращениями, которые может получить наука, и с тою честью, которую приобретет Общество за распространение полезных сведений трудами русских путешественников, которые по возвращении могут составить современное полное описание страны, в высшей степени занимательной»⁷.

Врангель довел до сведения Совета, что расходы на путешествие Ценковского от Каира и обратно Ковалевский «отнесет к общему счету экспедиции».

24 октября 1847 г. Совет Географического общества утвердил предложения Врангеля и поручил К. М. Бэру, Ф. Ф. Брандту и Э. Х. Ленцу «снабдить Ценковского всеми нужными наставлениями»⁸.

³ ЗРГО, кн. 1, 1846, стр. 93—115.

⁴ Цит. по ст.: П. Бучинский, *Лев Семенович Ценковский. Биографический очерк* («Записки Новороссийского общества естествоиспытателей», 1888, т. XIII, вып. 1), стр. VI—VII.

⁵ Подробнее см.: Б. А. Вальская, *Путешествие Егора Петровича Ковалевского*, М., 1956, стр. 92—126.

⁶ АРГО, ф. 1, оп. 1, 1847, № 16, л. 3—4.

⁷ Там же, л. 4.

⁸ АРГО, ф. 1, оп. 1. Журналы Совета Русского Географического общества, с 21 мая 1847 г. по 9 декабря 1848 г., л. 86.

Вместе с этим Врангель обратился в Академию наук с письмом, в котором сообщил, что «члены Академии Наук, управляющие музеями, намерены также сделать поручение, ...так как 500 рублей оказывается недостаточным для путевых расходов на содержание натуралиста, то они на- ходят возможным сделать ему пособие из сумм, определенных для му- зеев».

22 октября Бэр лично от себя просил Академию наук поддержать предложение Географического общества, а 23 октября вместе с академи- ками Ф. Ф. Брандтом, К. А. Мейером и Г. П. Гельмерсеном обратился в физико-математическое отделение с просьбой разрешить Зоологическому и Ботаническому музеям выдать по 300 рублей, а из сумм Минералогиче- ского музея — 100 рублей для усиления средств Ценковского и для ученых приобретений.

25 октября непреременный секретарь Академии наук П. Н. Фус нап- равил специальную записку министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову об участии Академии наук в египетской экспедиции подполковника Ковалевского, в которой писал, что, кроме денежных средств, Академия наук снабдит Ценковского подробными ин- струкциями. Уваров разрешил Ботаническому музею выдать на «усиление способов натуралиста» 300 рублей, а Минералогическому музею 100 рублей; что касается Зоологического музея, то ему расходовать средств не разрешалось «по неимению в оном наличной остаточной суммы».

31 октября 1847 г. вице-президент Географического общества Ф. П. Литке обратился с письмом к канцлеру К. В. Нессельроде с прось- бой «во внимание к пользе наук от ученых исследований столь малоизве- стных стран, исходатайствовать высочайшее соизволение на командиро- вание в Египет магистра Ценковского в помощь подполковнику Ковалев- скому»⁹. Вскоре Николай I дал согласие на отправление Ценковского.

2 ноября Бэр довел до сведения физико-математического отделения, что он дал от имени Академии наук поручение Ценковскому собрать че- репа различных народов Африки и мумии для пополнения академиче- ской коллекции. Бэр также передал Ценковскому микроскоп.

6 ноября Литке официально сообщил Ценковскому об отправлении его в Египет. «Вслед за сим,— писал Литке,— Вы получите краткое изло- жение тех сведений, которые Общество желало бы от Вас получить, оно поручило действительным членам своим академику Бэру, Ленцу и Бранд- ту снабдить Вас наставлениями по предмету предстоящих Вам работ. По сему я прошу Вас посетить помянутых членов Общества».

24 ноября Ценковский получил «инструкцию для ученых работ в Африке», которую мы здесь публикуем. Эта инструкция была утвержде- на Советом Общества по представлению Бэра 5 ноября 1847 г.¹⁰

Инструкция по изучению Нильской системы не потеряла своего ин- тереса до настоящего времени. В ней подчеркивается, что задачей Цен- ковского являлось составление такого описания Африки, которое было бы доступно каждому образованному человеку. Зная, что Ценковский смо- жет побывать только в ограниченном районе, Географическое общество считало возможным составление описания Африки по «сравнению из- вестий, сообщенных разными путешественниками и критическому раз- бору их».

Однако полностью реализовать инструкцию Географического обще- ства Ценковский не смог. С ноября 1847 г. до весны 1848 г. он путеше-

⁹ АРГО, ф. 1, оп. 1, 1847, № 16, л. 22.

¹⁰ АРГО, ф. 1, оп. 1, Журналы Совета Русского Географического общества, с 21 мая 1847 г. по 9 декабря 1848 г., л. 92.

ствовал вместе с Ковалевским. На обратном пути он отделился от Ковалевского и остался в деревне Росейрес, на берегу Голубого Нила, для того, чтобы произвести дополнительные наблюдения над животным и растительным миром Восточного Судана в период зенитальных тропических дождей.

10 августа 1848 г. Ценковский отправил из Хартума в Географическое общество и Академию наук письмо с просьбой поддержать его план путешествия к истокам Белого Нила и оказать ему денежную помощь в сумме 800 рублей с тем, чтобы он мог остаться в Африке еще на один год. Однако этот план Ценковского не был принят в Петербурге. Тогда Ценковский предложил новый план — совершить путешествие к берегам Красного моря «для исследования тамошних естественных произведений и особенно морской флоры».

Этот план был принят. По ходатайству академиков Ф. К. Рупрехта и К. А. Мейера Ценковскому были отправлены в Хартум инструкция и 400 рублей денег.

Однако Ценковского в Хартуме не оказалось. Даже с помощью египетской администрации его не могли нигде найти. И только через год, когда Ценковский вернулся в Каир, ему были вручены деньги. Но он был в таком состоянии, что не мог путешествовать. «Опаснейшие лихорадки, — писал Ценковский, — заставили меня отказаться от попыток проникнуть глубже в сердце Африки; ряд страшнейших нервных потрясений сопровождал меня на всем, бесконечно-длинном, возвратном пути. Без сознания, полумертвый и без денежных средств для переезда в Европу я возвратился в Каир»¹¹.

Из Каира Ценковский отправился в Александрию, где передал русскому генеральному консульству для пересылки в Россию девять ящиков и шесть пачек «с предметами естественной истории», собранных им в Нубии и Кордофана. Из Александрии через Триест, Швейцарию и Германию Ценковский вернулся в Россию.

10 мая 1850 г. Ценковский прочел на общем собрании Географического общества свой отчет о путешествии в Северо-Восточный Судан¹². Вторая часть отчета была опубликована позднее. Он писал ее в Ярославле, где состоял профессором Демидовского лицея. Отсутствие литературы и коллекций мешали Ценковскому сделать отчет полнее и закончить его быстрее. В ноябре 1850 г. он писал в Географическое общество, что «сообразно данной ему от Общества инструкции занимается составлением этнографического описания Северо-Восточного Судана, а именно: берегов Белой, Голубой реки и оазы Курдофан. В этом труде... намерен изложить физиономию края, геологическое строение, климатологию страны, описание естественных произведений и наконец описание племен негров, заселяющих Северо-Восточный Судан»¹³.

Публикуемый ниже отзыв Бэра и Гельмерсена о книге Ковалевского «Путешествие во Внутреннюю Африку» был написан в связи с представлением этой книги на Демидовский конкурс¹⁴ Академии наук. В протоколе общего собрания Академии наук за 14 апреля 1849 г. записано: «Представлено общему собранию поступившее на конкурс сочинение

¹¹ Л. С. Ценковский, *Отчет о путешествии в Северо-Восточный Судан* (ВРГО, ч. III, отд. VII, 1851), стр. 21—22.

¹² Л. С. Ценковский, *Отчет о поездке в Египет и Судан* («Географические известия», вып. 2, 1850), стр. 202—225.

¹³ АРГО, ф. 1, оп. 1, 1847, № 16, л. 33.

¹⁴ Демидовская премия была учреждена в 1831 г. Павлом Николаевичем Демидовым, внуком заводчика-металлурга петровского времени. Никиты Демидова. Премия присуждалась ежегодно Академией наук. Размер полной премии равнялся 2000 рублей.

Е. Ковалевского под заглавием «Путешествие во Внутреннюю Африку». Сочинение это принято в конкурс и записано под № 3»¹⁵.

Книга Ковалевского вызвала большой интерес читателей и положительные отзывы в периодической печати того времени, но в высших сферах к ней отнеслись весьма неодобительно по той причине, что Бутурлинский цензурный негласный комитет обнаружил в ней нежелательные для правительства сравнения негров-невольников с закованными в кандалы русскими людьми, которых Ковалевский встречал во время своего путешествия в Сибирь¹⁶.

За «подобные дерзкие» сравнения Николай I велел сделать Ковалевскому «строжайший выговор», посадить его на гауптвахту и «впредь иметь под строжайшим надзором». Однако осуществить это наказание царские чиновники не смогли, так как Ковалевский в тот самый момент, когда состоялось упомянутое «высочайшее постановление», был у границ Китая. По возвращении же на родину в 1850 г., учитывая исключительно большие заслуги Ковалевского по сопровождению в Китай русской духовной миссии и за успешные переговоры, Николай I велел взять с Ковалевского подписку в том, что он «впредь будет осторожнее»¹⁷.

При таких обстоятельствах можно было заранее сказать, что книга Ковалевского никакой премии не получит. Так впоследствии и произошло.

В состав комиссии по присуждению премий входило 16 академиков во главе с непременным секретарем Академии наук П. Н. Фусом и два адъюнкта. Сочинение Ковалевского было отнесено к группе сочинений, «предполагаемых рецензентами к удостоению второстепенных наград». Всего в эту группу входило 15 сочинений. По большинству голосов комиссия установила порядок, по которому должна была вестись баллотировка. Книга Ковалевского заняла XII место и в результате голосования получила ниже абсолютного большинства, которое было установлено в девять голосов. В печатном отчете о присуждении демидовских наград имя Ковалевского вообще не упоминается¹⁸.

Публикуемый отзыв Бэра и Гельмерсена имеет исключительный интерес, потому что рецензенты разбирают не только положительные и отрицательные стороны книги, но и ставят ряд важных проблем в области географии, этнографии и антропологии, выходящих далеко за пределы рецензируемой книги.

Особенно ценным является мнение Бэра о главе, в которой Ковалевский описывает африканцев. Именно в ней он видел «настоящие заслуги автора». Эта глава была опубликована еще до выхода в свет «Путешествия во Внутреннюю Африку»¹⁹. Смелая критика Ковалевским расизма была сочувственно встречена Н. Г. Чернышевским, который в своем дневнике 2 февраля 1849 г. писал: «Прочитал „Негрицию“ Ковалевского — весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен: когда говорят противное, мне всегда кажется, что это такой же вздор, как слова Аристотеля, что народ на север от Греции самым климатом и своею расою осуждены на рабство и варварство...»²⁰.

¹⁵ ААН, ф. 1, оп. 1, № 107, 1849, § 34.

¹⁶ Подробнее см.: Б. А. Вальская, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, стр. 124—125.

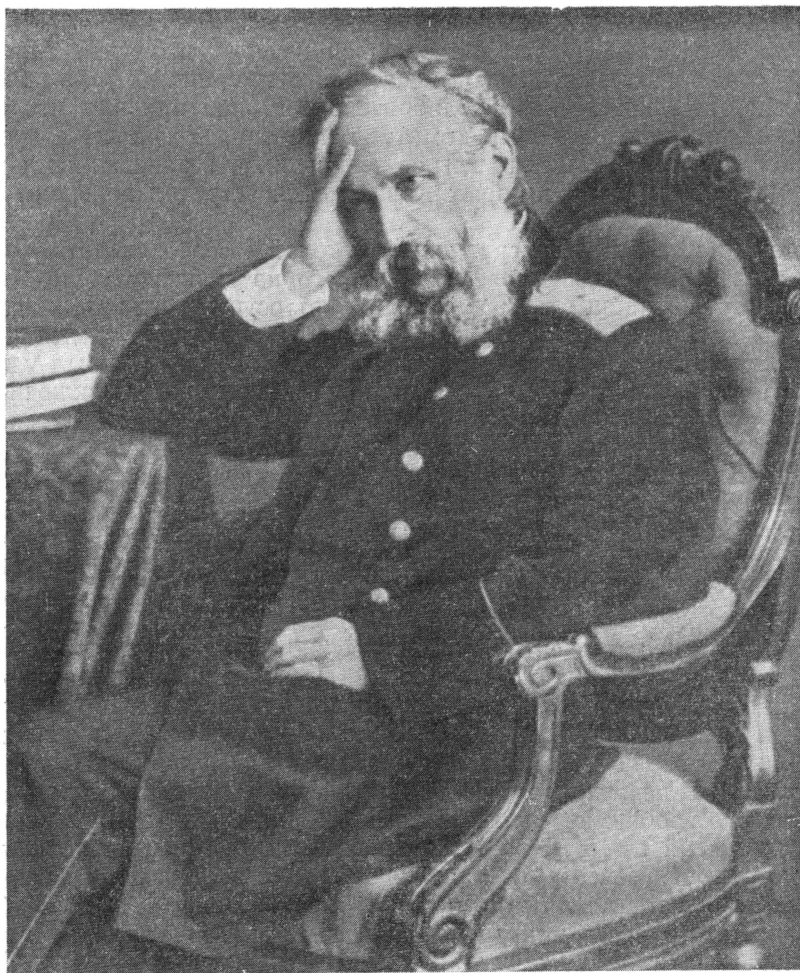
¹⁷ АВПР, Главный архив, политическое отделение, № 4, 1840, л. 2.

¹⁸ «Девятнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апреля 1850 г.», СПб., 1850.

¹⁹ Е. Ковалевский, *Негриция. Из путешествия во Внутреннюю Африку* («Отечественные записки», 1849, т. LXII, № 1, отд. II), стр. 116—128.

²⁰ Н. Г. Чернышевский, *Дневник, 1849 год* (Полное собрание сочинений, т. I, М., 1939), стр. 234.

ПОРТРЕТ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО. ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ
(Подлинник в музее Института русской литературы Академии наук СССР)

Бэр так высоко ставил эту главу из книги Ковалевского потому, что он сам был сторонником единства человеческого рода и осуждал расистов. «Англо-американцы,— писал он,— с бесчеловечной жестокостью теснили туземцев и с бесчеловечным эгоизмом поработили негритянский ствол человечества, якобы худшего, чем поработители, сорта»²¹.

Бэр уделил большое внимание и экспедиции Ковалевского 1849—1850 гг. в Китай, куда Ковалевский был направлен в качестве пристава XIII русской духовной миссии. Во время пребывания в Пекине ему удалось добиться от китайского правительства разрешения на приезд в Кульджу русского представителя для ведения переговоров с Китаем по поводу заключения договора о торговле²².

27 апреля 1849 г. Бэр через физико-математическое отделение Акаде-

---

²¹ Цит. по кн.: Б. Е. Райков, *Русские биологи-эволюционисты до Дарвина*, т. II, М., 1951, стр. 70.

²² Подробнее см.: Б. А. Вальская, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, стр. 127—156.

мии наук попросил Ковалевского, как руководителя новой миссии в Китай, доставить Академии наук шкуру джигетая, которой недоставало в Зоологическом музее, и вообще стараться приобрести для музея и других представителей китайской фауны.

Кроме Бэра, Ковалевскому дал задание академик И. Х. Гамель. Последний неоднократно отправлялся Академией наук в Англию для ознакомления с новой техникой. Во время пребывания в Англии Гамель заинтересовался вывезенным из Китая неизвестным ему растением, из которого изготовлялись ткани.

13 марта 1849 г. на заседании физико-математического отделения Академии наук обсуждались вопросы, на которые желательно было получить ответы через Ковалевского, о растениях, используемых в Китае для производства тканей. Гамеля особенно интересовало растение, известное под китайским именем «ма». Кроме того, Гамель просил выяснить ряд вопросов о производстве в Китае шелка, хлопка, шерсти и фарфора.

Узнав, что с Ковалевским поедет врач С. И. Базилевский²³, ученик Н. И. Пирогова, питомец Медико-Хирургической Академии, Бэр частным образом составил для обоих вопросы о животном мире Китая. Своими вопросами Бэр хотел проверить сведения, опубликованные в книге французского иезуита Ж. Грозье, во многих случаях имевшие совершенно фантастический характер.

Особенно интересовал Бэра вопрос о сходстве пресноводных рыб Северного Китая с европейскими и данные о распространении в Китае диких пород домашних животных. Бэр поставил так же перед участниками экспедиции в Китай важную задачу — собрать сведения о распространении дикой лошади и дикого верблюда, а также пополнить этими экземплярами Зоологический музей Академии наук, — которая была разрешена только через 20 лет Н. М. Пржевальским.

Кроме этих вопросов, Базилевский получил особую инструкцию от Медико-Хирургической Академии, в составлении которой принимал участие и Бэр, как профессор Академии.

Инструкция состояла из двух разделов: «по медицинской части» и по естественным наукам. По части естественных наук Базилевский должен был собрать сведения о климате Пекина, регулярно вести барометрические и термометрические наблюдения, собрать коллекцию минералов, обратив особенное внимание на те, которые употребляются в медицине и в технологии, собрать коллекцию растений, в особенности «разводимых в Пекине», описать породы домашних животных, «относящихся до диеты и медицины».

Базилевский также должен был собрать сведения о развитии в Китае естественной истории, химии, физики и описать физические и химические инструменты и приборы, показав, «в чем особенно отличаются эти науки от европейских». И наконец, Базилевскому поручалось «приобрести сколько можно головных черепов разных восточных племен...»²⁴.

Осенью 1850 г. Ковалевский вернулся на родину. 29 ноября 1850 г. Бэр доложил физико-математическому отделению ответы Ковалевского на вопросы его и Гамеля. Отделение постановило благодарить Ковалевского и послать копии ответов академикам Брандту и Гамелю. Отчет Ковалевского Академии наук мы публикуем в приложении. Из отчета видно, что Ковалевский доставил Академии наук ряд интересных сведений о животном и растительном мире Китая, в частности о канатнике и рами, и семена канатника.

²³ Степан Иванович Базилевский (1822—ок. 1867), доктор медицины. Оставался в Китае до 1859 г.

²⁴ АВПР, Главный архив, 1—5, 1823, 1 папка, 39, л. 25—26.

В 1853 г. Ковалевский опубликовал книгу о путешествии в Китай, которая получила высокую оценку современников и не потеряла своего интереса до настоящего времени²⁵.

Что касается Базилевского, то он собрал в Китае коллекцию растений и опубликовал описание рыб северного Китая²⁶. В 1852 г. в письме к ботанику Ф. Б. Фишеру он сообщил некоторые сведения научного и хозяйственного характера (о китайской медицине, садоводстве, приготовлении туши, бумаги и древесной соли)²⁷.

1. ОБЩАЯ ИНСТРУКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА Г. ЦЕНКОВСКОМУ
(АРГО, Ф. 1, ОП. 1, 1847, № 16, АВТОГРАФ БЭРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
ЛЛ. 8—10)

Русское географическое общество желает, чтобы г. Ценковский:

1) Сообщал временами Обществу о ходе экспедиции. Эти сообщения не должны отвлекать путешественника от наблюдений или другого рода важных занятий. Однако Обществу будет приятно, если к сообщениям о ходе экспедиции г. Ценковский будет прибавлять обобщенное изложение впечатлений, произведенных на него природой и жителями.

2) По возвращении из путешествия составил доступное каждому образованному человеку общее географическое описание всей системы Нила от истока до устья. Описание это должно включать сведения: о повышении и понижении земной поверхности, по климатологии, о характере растительности и отличительных чертах животного мира; при описании жителей обращать внимание не только на физический облик, но и на образ жизни и умственное развитие. Так как Ценковский сможет лично обозреть только небольшую часть страны по берегам Нила и по нескольким незначительным притокам, то Географическое общество не предполагает, что он составит упомянутое описание по личным наблюдениям. Для такого труда не доставало бы жизни путешественника. Но Географическое общество полагает, что весьма поучительное описание подобного рода может быть составлено по сравнению известий, сообщенных разными путешественниками и по критическому разбору их, при помощи тех сведений, которые ему удалось самому собрать.

Географическое общество полагает, что г. Ценковскому следовало бы принять в основу своего труда Землеведение Африки Риттера²⁸ и затем обратить особенное внимание на те предметы, описание которых изменяется или дополняется сведениями, собранными позднейшими путешественниками. Выполнив таким образом описание было бы не только интересной статьей для Записок Общества, но в переводе на иностранные языки имело бы успех и за границей, ибо Землеведение Африки Риттера, написанное по данным более ранних путешественников, уже устарело.

²⁵ Е. П. Ковалевский, *Путешествие в Китай*, ч. I и II, СПб., 1853.

²⁶ «Ichthyographia Chinae borealis, scripta a Doctore Medicinae Stephano Basilewsky» («Nouveaux Memoires de la Société des naturalistes de Moscou», 1855, t. X), p. 215—263.

²⁷ «Некоторые учено-хозяйственные известия из Пекина» («Журнал Министерства внутренних дел», 1852, ч. 37), стр. 263—267.

²⁸ Риттер (Ritter) Карл (1779—1859) — немецкий географ. В инструкции дается ссылка на первый том главного обширного труда Риттера: «Die Erdkunde in Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine vergleichende Geographie, als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physikalischen und historischen Wissenschaften», Von Carl Ritter, 2-te stark verm. und verbesserte Ausgabe, B. 1, Berlin, 1822.

При этом желаемое для Общества описание должно быть представлено не столько множеством частных данных, сколько общей картиной, основанной на точном изучении.

3) Сверх того, Обществу желательно было бы получить от г. Ценковского подробные сведения, в частности, о золотоносных округах, для дополнения географических знаний об Африке. Общество полагает, что этот труд должен быть основан на собственных наблюдениях г. Ценковского и может содержать такие только сведения, заимствованные от других путешественников, которые он имел возможность лично проверить.

4) Каждый вклад, который г. Ценковский сделает в познание Внутренней (Высокой) Африки приведет к более полному изучению предгорных областей источников Белого и Голубого Нила и Абиссинии, и будет содействовать связи Географического общества с мировой наукой. Именно для того, чтобы обратить внимание путешественника на вопросы, обсуждаемые наукой уже столетия, Географическое общество попыталось путем своей второй задачи своевременно ознакомить путешественника с картиной стран Нила по предшествующим исследованиям.

На берегах Белого Нила и Фазоглу экспедиция будет находиться в местах, которые можно считать предгорьем Высокой Африки, там будет находиться значительное число рабочих и солдат. Между ними, без сомнения, найдутся негры, родившиеся в Высокой Африке. Надо будет отыскать таких людей и спросить их при пособии переводчика, о их родине, о путях которые ведут в этот край, например нужно ли переходить высокие горы, чтобы достигнуть их родины, встречаются ли горы, всегда или иногда покрытые снегом, большие реки, озера или обширные равнины.

5) Весьма желательно, чтобы г. Ценковский привез хорошо сделанные портреты туземцев различных племен Внутренней Африки. Если же это окажется невозможным, то, по крайней мере, сделать хорошие описания.

6) Географическое общество желает получить от г. Ценковского сведения, какого рода пищу преимущественно употребляют жители к югу от Сеннара и образцы зернового хлеба, который встречается во Внутренней Африке.

2. РЕЦЕНЗИЯ К. М. БЭРА И Г. П. ГЕЛЬМЕРСЕНА: «ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ Е. КОВАЛЕВСКОГО», СПБ., 1849, 2 ЧАСТИ (ААН, Ф. 2, ОП. 1, 1849, № 1, ЛЛ. 107—117, АВТОГРАФ БЭРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Чтобы наглядно рассказать о том, что послужило поводом к этому путешествию, которое завело русского горного офицера в глубь Внутренней Африки, и в двух направлениях дальше, чем туда проникал кто-либо из европейцев, и о том, как оно должно было быть осуществлено, нам необходимо вернуться далеко назад. Это путешествие находится в связи с одним историческим событием, которое хотя и не имело влияния на судьбы Европы, однако должно иметь значение для Африки и весьма важно для познания ее прошлого.

Как известно, в Африке имеется много золотоносных районов. Об одном из них, называемом *Фазоглу*²⁹ было известно, что он лежит на верхних притоках Нила. Золотая пыль из Фазоглу, собираемая неграми, по большей части продавалась на берегу Красного моря. Недавно умерший вице-король Египта *Мехмет Али*³⁰, и в этом он был всецело турок,

²⁹ Здесь и далее подчеркнуто авторами рукописей.

³⁰ Мухаммед Али (1769—1849), — по происхождению албанец, правитель Египта (1805—1849).

Путешествие во время предвечного африта.

Э Кошаровская, (П.С. 1847, 2 том, 8

Um die Art Ursprung zu dieser Reise würde
einen Russischen Berg-Officer Tuf in der Samen
von Afrika und in zwei Richtungen weiter brachte
als irgend ein europäischer hiesiger gelehrter
und die Art wurde eingeführt in unser musste
anschaulich zu machen musste von altem weit
zuvor gehen Es steht nämlich in Verbindung
mit einer grosen historischen Regelmäßigkeit
die so an angeführte Sicherheit Europas von
Einfluss gehabt hat was mehr aber mit Afrika
weniger muß und für die Erkenntnis seiner Vor-
gangenheit aber gegen Sensinn gebracht hat.

Bekanntlich hat Afrika viele goldreiche
Länder, in einem derselben, nämlich dem Reich
bekannt, wußte man, daß man den oben erwähnten
der Wüste liegt. Der Goldstaub von Senegal, von
Neger gesammelt, kam meist an die Küste zu sehen
Meer in den Handel. Der kaiserlich russische
von König von Ägypten, Mehmet Ali war
denn ganz sicher auf den Reichtum von Gold

считал владение золотопромывальнями самым выгодным источником дохода для казны. Он давно обратил внимание на Фазоглу и, как только обеспечил за собой владение Египтом и Нубией и покорил ваххабитов³¹, снарядил большое войско, чтобы под руководством своего сына *Исмаил-паши* завоевать Сеннаар и проникнуть до Фазоглу. Во время этого похода, предпринятого 30 лет назад, был без труда завоеван и Сеннаар — древнее Мерое. Но, когда они дошли до Фазоглу, где военные расходы должны были быть покрыты добытым золотом, они горько разочаровались. Напрасно знаменитый путешественник *Калье*³², сопровождавший войско, уже во время пути старался объяснить сыну вице-короля, что золото может находиться в речном песке лишь в виде мельчайших листиков и в очень разбросанном состоянии; это был глас вопиющего в пустыне. Дойдя до золотоносного места, *Калье* сделал первую пробу, но принес *Исмаил-паше* лишь ничтожное количество золота. Тот, вне себя от ярости, сам повел роту солдат к золотопромывальне, чтобы проработать там целый день. Так как результат также не оправдал ожиданий, то *Исмаил-паше*, который никак не мог предстать перед отцом без оправдания военных расходов, пришлось велеть поймать 5 тыс. негров, которые были отправлены в Каир и там проданы на рынке.

Сеннаар стал с этого времени провинцией Египетского государства, а Фазоглу — самым южным его округом. Почему сразу не приступили к регулярной промывке золота — об этом *Калье* не говорит, — вероятно, он сам не имел в этом опыта. Но Мехмет Али был не таким человеком, который отказывается от задуманного. Он послал европейцев искать золото в других местах своей страны, но безуспешно. Тогда он послал молодых египтян учиться во Фрейбург. Двух из них он отправил на Урал³³, чтобы изучить там добывание металлов и, в частности, промывку золота. Однако, когда эти молодые люди возвратились на родину, к ним, по-видимому, не питали достаточного доверия, чтобы поручить им одним организацию промывки золота в Фазоглу. Вице-король попросил для этого опытных горных мастеров из России. После повторных просьб в распоряжение вице-короля был командирован г. *Ковалевский*. Вследствие этого г. *Ковалевскому* пришлось поспешно выехать из Александрии в Фазоглу. Нетерпеливый вице-король разрешил ему пробить в Каире лишь несколько дней, однако снабдил его всем необходимым для путешествия как на пароходе, так и на обыкновенной лодке и караваном, а также военным конвоем. Спешить и нужно было, ибо *Мехмет Али* был уже в весьма преклонном возрасте, и действительно, когда путешественники возвратились в Египет, они нашли его душевно больным³⁴; и случилось так, что открытие золотопромывален в Фазоглу совершенно точно совпало с концом правления *Мехмет Али*.

³¹ Ваххабиты — последователи религиозно-политического учения, возникшего в XVIII в. во Внутренней Аравии. Ваххабиты требовали реформы ислама, объединения племен Аравийского полуострова и изгнания турок из арабских стран. Во второй половине XVIII в. учение ваххабитов было принято союзом аравийских племен, который вскоре превратился в крупное феодальное государство под властью династии Саудитов, охватившее почти весь полуостров Аравия. В 1818 г. государство ваххабитов было уничтожено египетскими войсками под руководством Ибрагим-паши — сына Мухаммед Али.

³² Калье (Cailliaud) Фредерик (1787—1869) — французский путешественник и минералог. В 1821 г. участвовал в военной экспедиции Исмаил-паши для завоевания Судана.

³³ О путешествиях египетских инженеров Али Мухаммеда и Дашури эль-Шерифе с Е. П. Ковалевским на Урал см.: Б. А. Вальская, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, стр. 94—96.

³⁴ На обратном пути г. Ковалевский впервые услышал в Хартуме о болезни вице-короля (примечание Бэра и Гельмерсена. — Б. В.).

Такое путешествие, и притом по тому же маршруту, по Нилу и Нубийской пустыне, совершил *Калье* в Фазоглу до места *Камамил*, где была обозначена граница Египетского государства. Но чтобы внести со своей стороны некоторый вклад в изучение Африки, г. Ковалевский воспользовался случаем проникнуть с военным конвоем и за эту границу в область независимого племени негров берта, прямо к югу.

Ближайшей побудительной причиной к этому походу было, по-видимому, желание проверить мнение, которое незадолго перед этим распространяли *Аббади*³⁵ из Абиссинии, будто бы Белый Нил (*Bahr-el-Abjad*), как и Голубой, берет свое начало далеко на востоке; таким образом он описывает большую дугу, концентрическую с Голубым Нилом, чтобы достигнуть западных областей, а течение его оттуда известно с древних пор. Если бы это мнение было правильно, то можно было бы надеяться в несколько дней или достигнуть самого течения реки, или по крайней мере получить определенные сведения о том, что она находится близко.

Г. Ковалевский отправился по сухому в то время руслу *Тумата*, притока Голубого Нила, текущего прямо с юга, примерно до 8 градуса северной широты³⁶, и полагал, что находится близко к его истоку. Однако жители этих мест совершенно ничего не знали о большой реке, которая текла бы на запад.

Другая экспедиция была предпринята еще дальше, на запад через местность, которая также лежит за пределами Египетского государства³⁷ и, насколько нам известно, еще не посещалась образованными европейцами. Эта экспедиция входила в число поручений, данных нашим путешественниками. По сообщению г. Ковалевского, *Мехмет Али* прочел в какой-то арабской рукописи, а может быть, просто слышал, что древние фараоны получили несколько бочек золота³⁸ из Дуля. Он послал поэтому отряд солдат к горе Дуль, чтобы построить там, среди областей независимых негров, маленькую крепость, составить ее гарнизон и заняться поисками золота. Но золота не нашлось или нашлось в ничтожном количестве. Тогда Мехмет Али поручил г. Ковалевскому найти этот удаленный пост, исследовать почву в отношении золота и, если он найдет ее не золотоносной, то отпустить оттуда гарнизон. Дорога туда шла через горы, простирающиеся с юга на север, где путешественники нашли африканскую флору во всем ее величии: величественные деревья, с вьющимися растениями, но, по-видимому, не такие чащи, как в Бразилии.

До сих пор мы говорили о цели путешествия и о его маршруте. Если же мы перейдем к оценке представленного отчета, то мы должны прежде всего заметить, что он занимает место между туристской литературой и описанием стран в форме путешествий. Туристская литература, по нашему мнению, характеризуется тем, что все группируется около путешественника. Это впечатления, которые он вынес по большей части о людях, отчасти о природе, которыми он хочет научить и развить читателя. При описании стран или географических картин в форме путешествий, примером которых может служить *Voyage pittoresque autour du monde*

---

³⁵ *Аббади* (*Abbadie*) *Антони* (1810—1897) и *Арно* (1815—1893) — французские путешественники. С 1837 по 1849 г. занимались исследованием Абиссинии (Эфиопии).

³⁶ На старых картах Африки — *Риттера* (1824), *Циммермана* (1843), *Калье* (1827) и *Ковалевского* (1849) — течение реки *Тумат* обозначено примерно до 8° с. ш. На современных картах *Тумат* простирается на юг примерно до 10°11' с. ш.

³⁷ Речь идет об исследованиях *Ковалевского* за пределами Судана, завоеванного в то время турецко-египетскими войсками.

³⁸ Слова «несколько бочек золота» написаны и по-русски. — *Б. В.*

Дюмон Дюрвиля, читатель предполагается незнакомым с описываемыми странами, и ему сообщаются данные о их природе, народонаселении и, если автор желает идти дальше, также истории, в систематической, но занимательной форме.

Нам представляется, что мы лучше всего охарактеризуем предлагаемое описание путешествия, если скажем, что оно стоит посредине между этими двумя категориями. Автор не является наблюдателем подобно туристу, но он и не только географ. Он развлекает читателя, но это развлечение поучительно. Однако он все же предполагает в читателе знакомство с излагаемым предметом. Его изложение живо, он хорошо знаком с литературой об Африке, лучше, чем можно было ожидать при короткой подготовке и весьма быстром подведении итогов путешествия в Африку, во время приготовления к другому большому путешествию в Китай. Автор проявляет себя человеком весьма недюжинных духовных способностей; он еще во время экспедиции настолько изучил арабский язык, что его могли понимать, а он с помощью своих спутников мог собирать сведения из самых отдаленных местностей.

Итак, представленный труд будет весьма желательным для русской литературы, как занимательное и поучительное описание Нильской долины. Однако, при спешном характере путешествия, сведения о большей части дороги, проделанной также *Калье и Руссеггером*³⁹, не говоря об египтянах, дают лишь весьма сомнительное право претендовать на получение премии, ибо оно является поучительным для неосведомленного путешественника, но от него нельзя ожидать расширения тех познаний, которые содержатся в известной до сих пор литературе.

Совсем иначе следует смотреть на отчет об экспедиции, правда, недолгой за пределами Египетского государства. Здесь все следует считать новым, и следует только пожалеть, что автор и здесь придерживается лишь краткой афористической формы изложения. Форма дневника, обычно не особенно приемлемая, была бы здесь как раз на месте. Автор, вероятно, собирался привести весь этот труд в единообразный вид. Однако, и здесь встречаются весьма ценные данные для познания Внутренней Африки, и приходится пожалеть, что они так кратки. Их больше всего, по нашему мнению, в отдельных обзорах, включенных в такие разделы отчета о путешествии, как: геологическое описание Нильского бассейна, золотопромывальни во Внутренней Африке, глава, в которой описываются негры.

Краткое содержание этой главы наглядно выясняет, где следует искать настоящие заслуги автора. Нильская долина и Нубийская пустыня были исследованы еще раньше, в особенности в геологическом отношении, *Руссеггером*. В разбираемой книге мы не находим ничего нового по геологии этих местностей, кроме разногласия в мнениях, касающегося относительного возраста верхнеегипетских песчаников: *Руссеггер* относит их к формации грюнзанда, а г. *Ковалевский* с этим не согласен, хотя и не приводит подробно своих оснований. Гораздо более поучительным по своей новизне надо считать геологические наблюдения на реке *Тумат*, которая была прослежена г. *Ковалевским* почти до самых истоков. Верхнеегипетский или нубийский песчаник показывался с выступающими из него кристаллическими породами еще на Голубом Ниле, до окрестностей Росейреса. Но на Тумате и в окружающих его горах попадались породы, которые на каждом шагу напоминали Урал и золотоносную часть Алтая, так называемые горы Алатау. Действительно, горы, названные автором

---

³⁹ Руссеггер (Russegger) Иосиф (1802 — 1863) — австрийский горный инженер и путешественник по Африке.

Туматскими, с которых издалека впадают в Тумат многочисленные воды, состоят из диорита, диобаза, серпентина, хлоритового сланца, талькового сланца, глинистого сланца и слюдяного сланца. Сходство с восточным золотоносным склоном Урала отрицать не приходится, и кроме того, горы Тумат, как и Урал, имеют направление с севера на юг. Поиски золотых россыпей, которые стоило бы разрабатывать, начались в горах вокруг *Кассана* и очень скоро привели к открытию залежей, содержавших два золотника золота на 100 пудов песка, так что всего в них могло находиться до 25 пудов золота. Здесь сразу же была устроена золотопромышленная и вскоре должны были заложить и вторую в Камамиле, где также показались пласты на коренных диоритах, стоявшие разработки. Наконец, третий пласт был открыт еще выше по Тумату. Автор описывает свойства этих золотых россыпей, приводит их размеры и другие данные достаточно подробно, чтобы признать их вполне сходными с уральскими. До него ни один геолог или горный инженер не бывал в этих местах, и потому все, что г. *Ковалевский* о них сообщает, представляет тем больший интерес.

Глава о неграх начинается перечислением главнейших племен, живущих между Белым и Голубым Нилом, с указанием некоторых главнейших отличий между ними в физическом, духовном и других отношениях.

Этот раздел можно считать новым, но он, к сожалению, очень краток. Дальше говорится о неграх вообще. Взгляд автора, по-видимому, непредубежденный, и суждения правильные. Поэтому ему охотно веришь и тогда, когда его данные противоречат взглядам, сложившимся на основании наблюдений над другими, более западными племенами; например, когда он утверждает, что никогда не видел толстых негров, но часто видел исключительно высоких, в особенности близ экватора. Он с теплотой отзывается о способностях негров к образованию, хотя, по-видимому, ему и не был известен знаменитый труд *Тидемана*⁴⁰ о мозге негров. Он также убежденно высказывается в пользу прежнего взгляда, что жизненные периоды протекают у негров быстрее, чем у обитателей севера, и против возражения на него, получившего признание вследствие присоединения к нему *Причарда*⁴¹. Вероятно, более прав наш автор, ибо быстрое старение негров не подлежит сомнению, а потому согласно ритму жизненных циклов в высшей степени вероятно, что и возмужалость наступает быстрее, чего не хочет допустить *Причард*, опираясь на *Робертсона*⁴².

Причард главным образом ссылается на то обстоятельство, что по магометанским законам женщина в 53 года уже не может выступать свидетелем. Однако такие определения относятся не к средним условиям, а к самым крайним. Если бы считать их за общую меру, то пришлось бы считать, что греки могли выступать как свидетели, лишь с 40 лет, ибо Платон считал этот возраст наиболее подходящим для вступления мужчин в брак, поскольку к этому времени он достигает наиболее совершенного развития всех физических и духовных сил.

К югу от Буруна живет будто бы негритянское племя, которое еще до сих пор бальзамирует своих мертвецов и затем высушивает их, чтобы

---

⁴⁰ Тидеман (Tiedemann) Фридрих (1781—1861) — немецкий зоолог, анатом и физиолог. Автор книги: *Das Hirn des Negers mit dem des Europäers und Orang-Outangs verglichen*, Heidelberg, 837.

⁴¹ Причард (Prichard) Джеймс (1786—1848) — английский психиатр и антрополог, автор книги: *The natural history of the man*, London, 1843.

⁴² Робертсон (Robertson) Джон (1797—1876) — английский хирург. В 1830 г. опубликовал в Эдинбургском медицинском и хирургическом журнале серию статей о периоде полового созревания у женщин.

положить в пещеры,— новое подтверждение взгляда, что древний египетский обычай происходит из Центральной Африки.

При обсуждении многих вопросов общего характера неизбежно случается, что автор высказывает взгляды, для обоснования которых требовалось бы более глубокое изучение. Особенно поразило нас, что *г. Ковалевский*, с одной стороны, для объяснения особенностей в лицевом угле негров, с другой, чтобы защитить их против общепринятого мнения о менее благородном строении их головы, склоняется к гипотезе, будто бы существующий и до сих пор у некоторых племен обычай искусственно формировать головы детей отразился на их типе.

Внешняя сила может повлиять только на данное лицо, но не на тип потомства, иначе и евреи давно рождались бы на свет обрезанными. Расы и уродства могут стать наследственными, но лишь вследствие изменения процессов питания, т. е. искусство может преобразовать природу только через природу же.

Относительно обычаев негров, многочисленности и бедности их нареканий говорится много, но кратко; кое-что из этого давно известно, кое-что ново. Также и в других главах, содержащих путевые отчеты, иногда встречаются замечания, которые требуют более подробного знакомства с литературой, чем то, которым обладают рецензенты.

Так, вновь подтверждается ошибочность прежнего взгляда, что в нескольких градусах к северу от экватора через Африку тянется с запада на восток высокая горная цепь, которой Арно⁴³ не мог обнаружить, хотя и проник по Белому Нилу почти до 4° [северной широты]; *г. Ковалевский* и его спутники проникли из более восточных областей к югу и не видели перед собой высокой горной цепи, хотя и могли различить вдали горы Абиссинии. Так как они были не так далеко от истоков тех рек, которые текут на юго-восток, то водораздел между ними и верхними притоками Нила не может находиться в очень высоких горах. Уже полная сухость Тумата перед периодом дождей показывает, что он берет начало не на слишком высоких горах. По-видимому, и точка, которой путешественники достигли напоследок, лежит не на много выше Фазоглу, и позади этой провинции нет заметной горной террасы, как предполагал Риттер.

Что касается течения Белого Нила, то поход *г. Ковалевского* доказал, что эта река не может течь так, как полагал Аббади. Однако эти доказательства уже не нужны. Одновременно с *г. Ковалевским*, *г. Арно* в сопровождении немца *Верна*⁴⁴ совершил путешествие по Африке. Он проник так далеко по Белому Нилу, что теперь мы определенно знаем, что главный приток идет не с запада, а с востока⁴⁵, но гораздо дальше к югу, чем предполагал Аббади. Источников этого большого потока достигнуть не удалось, они лежат еще дальше к югу, и удивительно, что старые средневековые карты, частично арабского происхождения, указывают течение Белого Нила гораздо точнее, чем более новые.

Г. Ковалевский приложил к своему труду карту, охватывающую пространство от экватора до 15½° с. ш. и от 25 до 46° долготы (от Гринвича); она будет весьма интересна каждому, занимающемуся Африкой, ибо

⁴³ Арно Бей (Arnaud Bey — 1812 — 1884) — французский инженер и путешественник. В 1840 — 1843 гг. принимал участие в экспедиции к истокам Белого Нила.

⁴⁴ Верн (Werne) Фердинанд — немецкий путешественник, участник экспедиции Арно.

⁴⁵ В настоящее время за исток Нила принимают р. Рукарара, которая, сливаясь с другими реками, дает начало р. Кагера, впадающей в озеро Виктория с запада. Существовавшее в первой половине XIX в. мнение о том, что Белый Нил течет с востока, было ошибочным, так как в действительности он течет с юга. Исток Белого Нила, по новым данным, расположен под 29° 21' в. д. и 2° 17' ю. ш. (см.: Ю. Дмитриевский, *Нил*, Вологда, 1958, стр. 8—9).

содержит уже и данные путешествия *Арно*, согласно карте, которую опубликовал *Верн*. Для восточной части областей Нила в основу положена карта *Калье* с добавлением наблюдений *Ковалевского*. Между Индийским океаном и Абиссинией нанесены также новейшие наблюдения англичан. Эта карта — главная заслуга книги.

Можно похвалить еще некоторые частности книги. Приложенная к ней таблица метеорологических наблюдений дает показания барометра, простого термометра и термометра с черным шариком, вид неба и направление ветра. Термометр с черным шариком в апреле нередко поднимался до 42, а однажды до 43° Р.

Мы полагаем, однако, что для правильного суждения нужно подняться до более общих точек зрения.

Весь отчет об этом путешествии в области Нила, без сомнения, будет для читателя привлекательным и поучительным, ибо автор соединяет хорошее знание предмета со способностью живого изложения. Однако, если оценивать научное достоинство книги, то часто шутовское изложение, переходящее в форму диалога, как это теперь нередко встречается в русских описаниях путешествий, производит не особенно приятное впечатление. Получается такое чувство, точно стремление развлекать перевешивает стремление поучать, и, строго говоря, даже, что, отказавшись от серьезности положения, автор грешит и против истины.

Хотя в отношении данной книги нет основания к таким опасениям, но нам все же кажется, что самый тон этого описания должен был бы исключить его из конкурса, если бы оно относилось лишь к местностям уже ранее известным.

Действительно, строго говоря, научных исследований здесь нет, отдельные частичные замечания по зоологии, географии растений и этнографии хотя и полезны, но не имеют особенно большого веса.

Однако путешественник в двух направлениях проник в Африку дальше, чем другие, а каждый вклад в познание Африки принимается в наши дни с большим интересом, тем более, что он сопряжен, если не с опасностью для жизни, то во всяком случае с длительными физическими лишениями. Но и об этих, впервые посещенных им местностях *г. Ковалевский* дает лишь самые общие представления. Может быть, это достойно скорее порицания, чем похвалы? Следует поверить нам, поскольку мы не совсем незнакомы с историей географических открытий, если мы утверждаем, что первые путевые отчеты из еще не посещенной страны почти никогда не бывают иными, и что они все же возбуждают большой интерес, ибо и самые общие сведения на первых порах достаточны. Можно легко понять, почему при первом посещении получается мало данных. Такой поход предпринимается обычно с большим числом спутников. Необходимым следствием этого является то, что туземцы, все кто могут, обращаются в бегство. Если даже и встречаются такие, которых удается удержать дружеским обращением, то часто нет налицо возможности взаимопонимания, и нельзя даже узнать у них местные названия. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы при первом же посещении можно было узнать все три царства природы и к тому же еще царство человека. Однако специалист в какой-либо области продвигается лишь очень медленно, а в каждой неизвестной местности дело прежде всего в том, чтобы идти вперед и по возможности скорее достигнуть пункта, где он может найти средства пропитания и полицейскую охрану.

Географические общества, которые самостоятельно внесли свои вклады в расширение географических сведений, как например, Африканское в Лондоне, уже давно руководствуются при этом основным положением: не ставить во главе экспедиции ни натуралиста, ни историка, ни

вообще какого-либо ученого специалиста, а всегда «маршала Вперед!». По тем же принципам они судят и о ценности путешествия. Если страна была еще совершенно неизвестна, то они не спрашивают, изучил ли путешественник язык населяющих ее народов или привез ли с собой перечень растений, а спрашивают: можно ли заполнить пробел на карте. Так, за последние 20 лет большую медаль Лондонского Королевского географического общества, о присуждении которой публикуется во всех больших газетах, получили среди других: служитель *Лендер*⁴⁶, который был слугою *Клаппертона*⁴⁷, ибо он впервые проследил часть течения Нигера, китолов *Биско*⁴⁸, ибо, пройдя далеко в Южный Ледовитый океан, он впервые увидел берег большой земли, куда еще не ступала ничья нога; далее, *Лейхардт*⁴⁹, который конечно, был вооружен значительно большими научными познаниями, однако во время своего путешествия через большую часть Новой Голландии⁵⁰ почти что ничего не описал, кроме: в такой-то день мы ехали по плодородной местности, справа мы видели гору, а слева [неразб.], шел дождь, или небо было ясно, столько-то человек на лошадях ехали рысью.

Мы считали своей двойной обязанностью четко развить перед собранием специалистов, которым предстоит быть судьями, чисто географическую точку зрения. Действительно, из первых путешествий по неизвестным странам, которые были бы связаны со специальными исследованиями, мы, пожалуй, не сможем назвать ни одного, кроме путешествия нашего коллеги *Миддендорфа*⁵¹, сумевшего соединить специальные изыскания со способностями «маршала Вперед!». *Лендер*, *Биско* и *Лейхардт* получили признание, которое было оглашено во всех 5 частях света. Еще большее внимание возбудил ранее *Кайе*⁵², который пробрался из центра Африки до Марокко под видом нищего, а до него *Мунго-Парк*⁵³, который, напротив, проник от побережья до Тимбукту. Имя *Мунго-Парка* стало в такой степени знаменитым, что его знает всякий образованный человек. Однако было бы весьма ошибочным полагать, что он завоевал это имя какими-либо иными научными результатами, кроме поверхностных сведений о Западной Африке. Он завоевал его своим мужеством, или, если угодно, своим упорством. Не боясь ни стрел негров, ни львов, — которых он достаточно видел в пути в горах Сенегамбии, даже у самой дороги, а еще больше слышал по ночам, — он не останавливался ни перед чем и ехал дальше вперед на своей лошади. А когда и она упала от усталости, он собрал для своего единственного спутника охапку сена и пошел дальше пешком в Тимбукту, которое он, по преувеличенным отзывам ара-

⁴⁶ Лендер (Lander) Ричард (1804 — 1834) — английский путешественник, сотрудник Клаппертона. В 1830 г. открыл устье Нигера.

⁴⁷ Клаппертон (Clapperton) Хью (1788—1827) — английский путешественник, один из первых исследователей Нигера. Умер во время путешествия на Нигер.

⁴⁸ Биско (Biscoe) Джон — капитан английского китобойного судна. В 1831—1832 гг. открыл в Антарктиде земли Эндерби, Грейам и несколько островов.

⁴⁹ Лейхардт (Leichardt) Людвиг (1813—1848) — немецкий натуралист и путешественник, первый исследователь северо-восточной Австралии. Погиб во время путешествия по Австралии.

⁵⁰ Новая Голландия — прежнее название Австралии, данное открывшим ее в 1606 г. голландцем Виллемом Янцем.

⁵¹ Миддендорф А. Ф. (1815—1894) — русский путешественник, исследователь Сибири.

⁵² Кайе (Caillie) Рене (1799—1838) — французский путешественник, исследователь Африки. В 1828 г. прошел Сахару из Тимбукту до Марокко, за что был награжден Парижским географическим обществом премией.

⁵³ Парк (Park) Мунго (1771—1806) — шотландский врач. В 1795—1797 гг. по поручению британской «Африканской ассоциации» отправился для исследования Нигера со стороны Верхней Гвинеи. Погиб во время второго путешествия по Нигеру, утонув в реке при нападении туземцев.

бов, считал большим внутренним торговым центром, чем-то вроде африканского Парижа или Москвы, и который оказался жалким скоплением земляных хижин, между которыми лежали болота и поля, и где он питался крысами и т. п.

Путешествия *г. Ковалевского* в непосещенных местностях были, конечно, более ограниченными, чем путешествия *Мунго-Парка, Кайе, Лачдера, Биско и Лейхардта*, но его путевой отчет содержит больше научного материала, поскольку он, без сомнения, гораздо более образован, чем они. Если бы *г. Ковалевский* был англичанином, то нельзя утверждать, что он получил бы большой приз Географического общества, но мы полагаем, что если бы там существовала поощрительная премия, то ее ему присудили бы. Здесь мы должны придавать еще большее значение тому, что он предпринял это далекое и тяжелое путешествие, которое вполне зависело от него, а также продолжал его за пределы предписанной ему цели. Если национальная гордость тем обстоятельством, что пришлось призвать с Урала потомка сарматов для отыскания золотых источников древних фараонов, будет содействовать готовности присудить ему премию, мы не находим в этом ничего неправильного. В Англии он ее несомненно получил бы. В Англии не желали даже признать правдоподобности сведений *Кайе*, потому что не могли допустить, чтобы француз мог пересечь всю африканскую пустыню. Во Франции же он получил премию в 1000 франков, которая была предназначена тому, кто первый вернется из Тимбукту в Европу.

Бэр, Гельмерсен

3. ЗАПИСКА К. М. БЭРА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ
АКАДЕМИИ НАУК (ААН, Ф. 1, ОП. 2, 1850, № 31, § 231. АВТОГРАФ БЭРА НА
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Когда полковник Ковалевский в 1849 г. отправился в Китай, я полагал, что могу просить его получить там ответы на некоторые вопросы относительно животного мира Китая. Я имел при этом в виду главным образом общие вопросы, например, действительно ли пресноводные рыбы Северного Китая сходны с европейскими, как склонны думать миссионеры? Имеются ли в малонаселенных частях Китайской империи, в особенности в Туркестане и Монголии, основные породы наших домашних животных еще в диком состоянии, как это также утверждают миссионеры? Так как за короткое время невозможно было получить из этих отдаленных местностей какие-либо сведения, а тем более доставить какие-либо предметы в Пекин, то не было и возможности получить сведения через самого *г. Ковалевского*. Я поэтому направил некоторые вопросы к оставшейся там миссии, которая уедет лишь через несколько лет.

Врач экспедиции *г. Базилевский*, который хотя и не изучал особо естественную историю, но все же, по-видимому, имеет кое-какие познания в этой области, выразил свое согласие в письме, посланном из Пекина. Однако он требует средств, а просить их я не решаюсь.

Сейчас полковник Ковалевский обнадежил меня, что Азиатский департамент даст в распоряжение *г. Базилевского* препаратора. Вряд ли можно ожидать от него особых познаний, но с помощью соответствующей инструкции он все же сумеет собрать кое-что, например, мелких животных и [неразб.].

Что касается основных пород наших домашних животных, то я никогда и не помышлял о том, чтобы устраивать охоту в горах. Она обошлась бы невообразимо дорого, а дала бы очень мало или вовсе ничего. Мне

кажется, что получить что-нибудь можно только путем надежного соби-
рания сведений, которое должно проводиться достаточно обдуманно. Без
сомнения, из этих мест от времени до времени приезжают в Пекин чи-
новники.

Если представить себе, что для Северного Китая и для китайских гор-
ных областей мы в отношении знаний о животном мире ограничены
только отчетами миссионеров, то мне кажется, что нашей Академии сле-
довало бы попытаться проверить сведения миссионеров через находя-
щиеся в Пекине миссии. То, что не удастся сейчас, может быть, удастся
со временем; готовность Азиатского департамента, г. Ковалевского и
г. Базилевского представила бы хорошие исходные точки.

Теперь дело идет о том, чтобы наметить инструкцию. *Описание Китая*
Грозье⁵⁴ содержит сопоставление отчетов миссионеров, правда, состав-
ленное не зоологом, но ведь и миссионеры профаны в этой науке. Труд
Циммермана⁵⁵ о географическом распределении животных и *Описание*
Кита Дюгальда⁵⁶ всем известны. Такие труды дадут постановку задач,
их решение будет зависеть от Пекина.

При этом прилагаю копию моих вопросов.

29 ноября 1850 г.

Бэр

4. ВОПРОСЫ К. М. БЭРА К ПОЛКОВНИКУ КОВАЛЕВСКОМУ И ДОКТОРУ
БАЗИЛЕВСКОМУ (ААН, Ф. 51, ОП. 3, № 20. КОПИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ, ЗА ПОДПИСЬЮ И С ПОПРАВКАМИ БЭРА)

Г. Базилевский или кто-либо иной из членов русской миссии оказали
бы большие услуги науке, если бы попытались разрешить некоторые во-
просы или сомнения по поводу сведений о животных Китая, полученных
из записок миссионеров. Необходимые затраты на приобретение предме-
тов были бы оплачены Академией наук, если бы ей были доставлены об-
разцы, препарированные и пригодные для научного исследования.

Само собою разумеется, что коллекция рыб, продающихся в Пекине,
была бы весьма поучительной, если рыбы будут сохранены в крепком
винном спирте. В этом случае каждая рыба должна быть завернута в
тряпочку или в паклю.

Среди рыб те, которые обладают панцирем⁵⁷, гораздо интереснее, чем
остальные. О панцирных рыбах говорят, обозначая их именем *чо-киу-ин*.

⁵⁴ Грозье (Grosier) Жан (1743—1823) — французский историк, издал описа-
ние Китая с атласом: *De la Chine, ou description générale de cet Empire rédigée*
d'après les mémoires de la mission de Pé-kin, t. 1—VII, Paris, 1818—1820.

⁵⁵ Циммерман (Zimmermann) Эбергардт Август Вильгельм (1743—1815) —
немецкий естествоиспытатель, автор книги: *Geographische Geschichte des Menschen und*
der allgemein verbreiteten vierfüßigen Thiere, Leipzig, 1778—1782.

⁵⁶ Дюгальд (Du Halde) Жан-Баптист (1674—1743) — французский ученый,
иезуит. Главный его труд: *Description géographique, historique, chronologique, poli-
tique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, enrichie des cartes*
generales et particulieres de ces pays. Par le J. B. Du Halde, t. 1—IV, Paris, 1735, La
Haye 1736. — Русский перевод этой книги издан в Петербурге в 1774—1777 гг.

⁵⁷ Рыбы, покрытые костным панцирем, относятся к отряду сросточелюстных рыб
(Plectognathi). У них срослись кости, образующие верхнюю часть рыла. Эти рыбы
имеют своеобразную форму тела — в виде четырехугольника, шара. Судя по вопро-
сам Бэра, его особенно интересовали следующие рыбы из этого отряда: триакант
колющий (*Triacanthus strigilifer*), живущий у берегов южного Китая, достигающий
трех метров длины, затем юе-рыба (*Diodon hystrix*), покрытая подвижными иглами
и способная раздувать свой живот, и рыба с четырехгранным панцирем и длинными
шипами под глазами — кузовок рогатый (*Ostracion cornutus*).

По-видимому, их даже ценят для стола. Говорят, что они вырастают до гигантских размеров, но для исследования было бы достаточно, если бы удалось доставить два-три более мелких экземпляра. Другая, гораздо более мелкая рыба носит название *чо-куу-га*, покрыта колючками и раздувается в виде шара. Это, без сомнения, *Diodon*.

Имеется также *Ostracion* — панцирная рыба в виде коробки с шестиугольной чешуей и вооруженная спереди двумя большими шипами, которые имеются даже сзади. Эти три рыбы были бы для нас крайне ценны, но не знаю, встречаются ли две последние рыбы и в Желтом море, или только в Кантоне. То же сомнение имеется у меня насчет редких рыб, называемых натуралистами *Fistularia*.

Правда ли, что в некоторых провинциях Китайской империи есть дикие верблюды? Можно ли получить сведения об этом через обитателей этих провинций? Какова природа этих верблюдов, обладают ли они живостью, как дикие ослы? Нельзя ли было бы на охоте добыть черепа и прислать их в Пекин или же их точные изображения?

Миссионеры упоминают, кроме того, о породе двугорбых верблюдов⁵⁸, ростом с лошадь. Действительно ли у этого верблюда два горба? Где он водится? Дикий ли он, или домашний? Для Академии были бы весьма ценными черепа, а если возможно, и когти.

Монгольские записи говорят о диком горбатом быке⁵⁹ в окрестностях озера Куку-нор, а может быть также и в других горных местностях. Может быть, это зубр (*Bos Urus*), т. е. [неразб.] короткие, раздвинутые рога, округленный или выпуклый лоб, длинная шерсть вокруг шеи и у самца приподнятые плечи без горба? Или это як с лошадиным хвостом и гораздо менее высокий на ногах? Череп разрешил бы сомнения.

Можно ли получить подробное описание или лучше шкуру дикой лошади⁶⁰, о которой говорят миссионеры? Отлична ли она от джигетая? Серый ли у нее цвет? Какой хвост у этой лошади?

Правда ли, что в Китайской Татарии⁶¹ встречаются бараны ростом с лошадь, на которых иногда ездят верхом? Бараны с лошадиным хвостом в окрестностях Хами? Наконец, бараны с горбом на спине? Не ламы ли это? См. Грозье, IV, стр. 238.

Заслужила бы внимания белая кошка с висячими ушами, которая встречается в Пекине.

Что это за желтая крыса, которая себя поедает?

Правда ли, что в Желтом море есть морские бобры?

Летучая мышь — это, может быть, наша сибирская *Palatonche*?

Впрочем, говорят также и о летучей лисице. Есть ли это одно и то же животное или другое, обитающее в Индии?

Что такое *Sy-co-ta-hio*? может быть, это *Babiroussa*, род свиньи с четырьмя сильно изогнутыми копытами? Но говорят, что она ростом с быка. Желательно было бы иметь череп.

Путем повторных расспросов можно было бы выяснить, встречается ли хороший мускус только в юго-западных провинциях и иное ли это му-

⁵⁸ Дикий двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus ferus* Przewalski). Добыт Н. М. Пржевальским в 1878 г. вблизи озера Лобнор.

⁵⁹ Дикий як (*Phoëphagus mutus* Przewalski). Доставлен Н. М. Пржевальским из Северного Тибета.

⁶⁰ Шкура дикой лошади доставлена в Зоологический музей Академии наук Н. М. Пржевальским. В 1881 г. зоолог И. С. Поляков опубликовал описание дикой лошади (*Equus* Przewalski) в «Известиях Русского Географического общества» (т. XVIII, вып. 1).

⁶¹ Китайской Татарией Грозье называет северные и северо-западные окраины Китая и Монголию до границ Сибири.

скусное животное, чем то, которое встречается на русских границах. Академия была бы весьма признательна, если бы г. полковник Ковалевский и г. доктор Базилевский приказали доставить мускусное животное зимой в Пекин. Если в провинциях Шаньси и Шеньси хороший мускус, как это можно предполагать согласно Грозье, то можно, наверное, доставить животное в замороженном виде в Пекин. Весьма желательно, чтобы тогда и скелет такого животного был прислан Академии.

Среди дичи, которую каждой зимой привозят в Пекин, несомненно встречается несколько пород оленей, антилоп и зайцев. Г. Базилевский оказал бы услугу Академии, если бы постарался выяснить их породы. Но для верности всегда представляется необходимым привозить головы или хотя бы черепа.

Что такое большая морская лошадь, которая в Маньчжурии называется *М а л ь т а*? Имеет ли она длинные клыки? Если они длинные, то это морж, но тогда, без сомнения, его нет у берегов Маньчжурии. Если они не длинные, то это белый дельфин или, может быть, *Lamantin* или *Dugong* череп которого представлял бы величайшую ценность. *Lamantin*, о котором говорит Грозье в другом месте, несомненно есть *Dugong*. Описание настолько точно, что нельзя не узнать животное. Стало быть, *Dugong* (*Halecore*) есть, но, как мне кажется, дальше к югу. Во всяком случае череп *Dugong* вполне стоил бы перевозки.

Есть еще множество мелких млекопитающих, черепах, ящериц, змей, которых легко было бы сохранить в спирту.

Что касается раковин, насекомых и т. п., то достаточно вспомнить, что в окрестностях Кантона китайцы так приспособились их препарировать, что пристраивают множество коробочек и продают их приезжим европейцам.

Г. доктору Базилевскому будет легко инструктировать некоторых китайцев, и, без сомнения, искусные люди принесут большие коллекции, тем более драгоценные, что произведения северных провинций Китая еще совершенно неизвестны, а миссии нельзя будет выезжать из столицы.

Бэр

5. ЗАПИСКА К. М. БЭРА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ
АКАДЕМИИ НАУК (ААН, Ф. 1, ОП. 2, 1850, № 31, § 239, АВТОГРАФ БЭРА НА
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Полковник Ковалевский поручил мне доложить Академии свой ответ на ее запрос относительно растения, употребляемого для изготовления летних холстов. Так как в начале его отчета идет речь и о других вещах, то я должен заметить, что я частным образом предложил г. Ковалевскому получить ответы на несколько вопросов относительно животного мира Китая, которые в то время не могли быть заданы официально. Между прочим, я выразил пожелание, чтобы он привез образцы или хотя высушенные головы рыб, которые продаются на Пекинском рынке. Мне казалось важным, чтобы вопрос, действительно ли рыбы Северного Китая имеют много общего с нашими, как это часто утверждают, был разрешен путем вскрытия. Я узнал теперь, что высушенные рыбы головы и другие предметы уже находятся в пути и прибудут с ближайшим караваном. Я думаю, что нашим зоологам будет интересно произвести сравнение.

29 ноября 1850 г.

Бэр

6. ОТЧЕТ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО АКАДЕМИИ НАУК (ААН, Ф. 1, ОП. 2, 1850, № 39, § 239. КОПИЯ. ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ЗАСЕДАНИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 29 НОЯБРЯ 1850 г.)

По части естественной истории в короткое время пребывания в Пекине трудно собрать какие-нибудь сведения, тем более самые естественные предметы. Надобно пользоваться полною свободою путешественника, не ограниченною ни временем, ни местом, для того чтобы исследования по части естественной истории были бы во всех отношениях удовлетворительны. При таких условиях не могут быть *совершенно* разрешены некоторые вопросы, предложенные г. академиком Бэрром, касательно нахождения некоторых животных в Северном Китае, Монголии и Маньчжурии. Сведения по этому предмету, находящиеся в изданном при императоре Цянь-лун описании Мукден (столичного города Маньчжурии), и переведенном в 1770 г. Амиотом⁶², сбивчивы и неточны. Из китайцев никто не интересуется собиранием естественных предметов, и в Пекине не только коллекции животных, но даже собрания сушеных трав никогда и ни у кого не находилось. Словесные же рассказы китайцев о разных животных, скорее покажутся баснословными, нежели правдоподобными.

Обитает ли порода *чжигитая*, по-китайски: *е-ло-цзы* (дикий лошак), в Монголии или Маньчжурии, утвердительно сказать нельзя. Говорят, что в Северной Маньчжурии видят иногда животное, похожее на лошадь и называют его *е-ма* (дикая лошадь).

Тигры и барсы попадают, особенно же в Маньчжурии, и часто приводятся живыми в Пекин, в императорский зверинец для травли. Со временем можно приобрести шкуры их, годные для чучел, о чем и дано поручение миссии. На рынках в Пекине эти шкуры постоянно продаются; но большею частью не целые, а испорченные.

Рыба из породы карпов, называемая *ли-юй*, попадает в пекинских водах и продается часто на рынке для стола. Г. Базилевский со временем доставит скелет этой рыбы, по которому можно судить об отличии ее, по числу ребер, от наших этой породы рыб.

О названии рыбы: *чжо-цзя-юй*, по одному звуку, взятому, как кажется, с французского выговора, без китайских иероглифов, судить нельзя. Известно, что под именем цзя-юй разумеется у китайцев речная черепаха, разных видов, мясо которой употребляется в пищу.

Кабарга, дающая мускус, обитает как в некоторых местах по Монголии и Маньчжурии, так и на юго-западе Китая, по горам провинции *Шань-си* и других соседних с нею губерний. В Китае употребляется мускус более как душистое, косметическое, нежели медицинское и то наружное средство; получается отчасти от кабарги отечественной (китайской), а более от кабарги тибетской, индийской. Мускус тибетский ценится дороже китайского. В пекинских косметических лавках, цельный, вместе с оболочками кошелек мускуса продается от 10 до 15 руб. сер. Чем отличается кабарга, обитающая в Китае и Монголии, от нашей сибирской и тибетской, решить трудно. Животные этого рода редко, или почти никогда, не привозятся в Пекин и едва ли можно предположить, чтобы со временем кто-нибудь из китайцев мог взяться привезти шкурку кабарги. Вообще трудно убедить китайца взяться за что-нибудь, кажущееся для него необыкновенным и неинтересным.

Что касается до определения, к какой породе относятся те растения,

⁶² Амио (Amiot) Жозеф (1718—1794) — французский писатель. Находился в Китае в качестве миссионера с 1750 г. до конца жизни.

из которых готовятся в Китае разного рода *летние холсты*⁶³, так называемые *ся-бу*, то и этот вопрос, к сожалению, в Пекине не мог быть объяснен. Северная часть Китая и самый Пекин вообще непроницаемы в мануфактурном отношении. Все изделия, какого бы рода они ни были, выходят с юга Китая и, между прочим, холсты, как бумажные, так и приготовляемые из волокон разных растений. По неимению фабрик в Пекине, почти во всей губернии *Чжи-ли* не занимаются разведением растений, годных для приготовления полотен. Только растение *Sida tiliaefolia*⁶⁴ (цин-ма) и *обыкновенная конопля* (сянь-ма) сеются в небольшом количестве в местах, лежащих ближе к большой Китайской стене и вообще на север и северо-восток от Пекина. Из семян обоих этих растений приготовляют масло для ночников, а волокна их идут на веревки. Из волокон обыкновенной конопли выются веревки более тонкие, употребляемые для шитья обуви и т[ому] под[обного], а из волокон сиды (цин-ма) веревки грубые, идущие на завязывание тюков и т[ому] подоб[ные] в домашнем быту потребности. То и другое растение свободно растет и успешно разводится в Северном Китае. Конопля (сянь-ма) родится гораздо выше и толще нашей, а сида (цин-ма) достигает высоты 5 и 6 футов. Для получения волокон из конопли, поступают почти так же, как и у нас; стволы же сиды после мочки не мнутся, как у нас конопляничные, на мялах, а одевающая их кожа снимается руками. Оставшаяся сердцевина употребляется для топлива.

Идут ли оба упомянутые растения на приготовление летних китайских холстов (ся-бу), или какие именно растения употребляются для этого рода тканей? Это могут решить очевидцы, только те люди, кои посещают южные провинции Китая, где собственно занимаются приготовлением полотен, особенно же губернию *Фу-цзян*. В этом случае, может быть, удобно получить не только ботанические экземпляры, но даже и семена тех растений, которые служат для полотняных изделий. Судя по описанию некоторых китайских сочинений и рассказам, на приготовление тонких полотен употребляют волокна разных пород крапивных растений, что подтверждают английские, а в последнее время и французские путешественники, бывшие в южных провинциях Китая; полотна же грубые, называемые *ло-ма* (*да-ло-ма*) готовятся как из волокон сиды (цин-ма), так и из волокон обыкновенной конопли (сянь-ма). Но по названию ма нельзя вообще определить род растения. Слово это прибавляется китайцами вообще ко всем растениям, дающим волокна, способные для пружин. Что *цин-ма*, есть действительно *Sida tiliaefolia*, как определил д-р Абель⁶⁵, это можно видеть на вывезенных в последнее время семенах этого растения или на высушенных экземплярах его, представленных Азиатскому департаменту в числе других растений.

⁶³ Ковалевский пишет о холстах в смысле тканей. У нас сейчас общепринято называть холстами только льняные ткани. Летние ткани (сябу) изготовляются в Китае большей частью из рами, китайской крапивы (*Boehmeria*), а также из пуэрарии. Родиной рами и главным поставщиком его на мировой рынок является Китай. В Россию рами было завезено в 60-х годах XIX в.

⁶⁴ *Sida tiliaefolia* — старое название канатника (*Abutilon Avicennae Gaertn.*). Канатник — китайский джут, лубяное растение из семейства мальвовых, идет на изготовление мешковины, веревок, канатов и технического масла. Родиной и древним центром культуры канатника является северный Китай.

⁶⁵ Абель (Abel) Кларк (1780 — 1826) — английский ботаник и врач. В 1816—1817 гг. совершил путешествие в Китай в качестве натуралиста при английском посольстве. Собрал в Китае ценную коллекцию растений и опубликовал книгу: *Narrative of a Journey in the interior of China and of a voyage to and from that country, in 1816 and 1817, by Clarke Abel, chief medical officer and naturalist to the embassy of lord Amherst to the court of Peking*, London, 1819.

З. И. Горбачева

КИТАЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Изучению географии своей страны и сопредельных с нею народов китайские ученые всегда уделяли большое внимание. Поэтому географические труды в Китае исчисляются сотнями названий. Изучение их — большая и сложная задача. В данной же статье мы в самых кратких чертах остановим внимание на основных этапах развития географической науки в Китае с тем, чтобы по достоинству оценить географические труды, имеющиеся в коллекции китайских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР.

Начало изучения географии в Китае уходит в далекое прошлое. Так, еще к VI—V вв. до н. э. традиция относит создание эпического произведения «Шуцзин» («Книга исторических преданий»), автором которого принято считать Конфуция. В этом по своему содержанию историческом сочинении имелся географический раздел, называемый «Юйгун» («Юевы подати»); он отражает, хотя и очень смутно, географию (в основном физическую) Китая того отдаленного времени. Акад. В. П. Васильев, характеризуя этот раздел, писал, что он, «несмотря на свою краткость, содержит в себе зародыш статистических, этнографических и даже технологических сведений»¹.

Приблизительно тогда же появляются такие географические труды, как «Шаньхайцзин» («Книга гор и морей»), «Шуйцзин» («Книга рек»). И хотя эти произведения в большей своей части носили характер легенд, мифов, все же многие сведения, заключенные в них, позволили восстановить географию Китая того времени².

Следует отметить, что география в Китае долгое время не была самостоятельной наукой, а неотрывно соединялась с историей. Поэтому исторические хроники неизменно имели в своем составе географические описания («дили чжи»)³; энциклопедические труды тоже отводили много места данным географического характера.

Отдельно географические работы появились только в период Танской династии (618—960), когда Ли Цзи-пу написал труд под названием

¹ В. П. Васильев, *Очерк истории китайской литературы*, СПб., 1880, стр. 132.

² 王肅. 中國地理學史. 商務印書館. (Шанхай, 1936, стр. 5—6).

³ Эти описания входили в «чжи» — трактаты, которые являлись составной частью большинства династийных хроник.

«Юаньхэ цзюньсянь чжи» («Описание областей и уездов в годы правления Юань-хэ», 812—820) ⁴.

Наибольшего развития географическая наука в Китае достигла в IX—X вв. н. э. К этому времени относится появление первых географических трудов общего характера, таких, как «Тайпин хуаньюй цзи» («Географическое описание Китая»), изданное в годы правления Тай-пин син-го (916—983). Этот большой труд Юе Ши состоял из 200 глав («цзюаней») и являлся подробным описанием как всего Китая, так и смежных с ним стран и народов. Это сочинение неоднократно переиздавалось вплоть до XIX в.

При Сунах впервые начали составляться также описания отдельных местностей — провинций, округов, областей, уездов, т. е. описания типа «чжи» — «тунчжи», «фанчжи», «чжишу». Они являлись подробнейшими описаниями административных единиц Китая, начиная с провинции и кончая мелкими уездами. По своему содержанию они были в общем скрупулезно подробны. Нельзя не удивляться титаническому труду составителей, разносторонности и разнообразию сведений, включенных в эти издания.

Наиболее ранним из подобных описаний было «Линьань чжи» («Описание Линьани»), составленное Чжоу Цзуном в 1165—1173 гг. Вслед за ним были изданы описания других городов и уездов тогдашнего Китая: Чжэньцзяна, Чичэна, Учана, Гуйлиня, Чанша и др. Многие из этих описаний, зафиксированные в библиографиях Сунского времени, позднее неоднократно перерабатывались, исправлялись, дополнялись и переиздавались, что являлось обычно делом комиссий, которые образовывались правительственными указами специально для этой цели. Пересмотры и переиздания проводились периодически, и можно зафиксировать некоторые даты массового пересмотра и переиздания подобных трудов: в период Минской династии ориентировочно годы правления Вань-ли (1573—1620) и Чун-чжэня (1628—1644), в период Цинской династии — Кан-си (1662—1722), Цянь-луна (1736—1795) и Дао-гуана (1821—1850).

При Юаньской династии (1206—1368) было предпринято составление «Всеобщего географического описания Китайского государства», которое было издано под названием «Юань итунчжи» ⁵. К сожалению, этот обобщающий труд не дошел до нашего времени. По примеру этого издания при Минах в 1461 г. вышел «Дай Мин итунчжи». При Цинах такой труд издавался несколько раз, причем первое издание его было простым повторением «Дай Мин итунчжи», но только с видоизмененным названием: вместо «Дай Мин» («Великоминский») в нем стояло «Тянь-ся» («Поднебесная»). Позже вышло еще три издания: в 1744 г. в 356 главах, в 1764 г. в 462 главах и, наконец, в 1790 г. в 500 главах. В 1848 г. в китайской прессе были сведения о составлении новой, более обширной общей географии Китая в 550 главах, но она в свет не вышла.

В китайской географической литературе имеется большое количество трудов, посвященных описанию сопредельных с Китаем стран в разные исторические эпохи. Это прежде всего сочинения о смежных с Китаем народностях — киданях, чжурчженях, тангутах, монголах, обитателях Южных морей и северных областей, в том числе России. Особенно ценны сочинения сунских авторов — современников таких самостоятельных государств, как Ляо, Цзинь, Си ся, а также Кореи, Японии и др. Труды «Циданьгожжи» («Описание Киданей»), «Цзиньгоши» («История государства Цзинь»), «Си Ся цзиши бэньмо» («События в государстве тангу-

⁴ В. П. Васильев, *Очерк истории китайской литературы*, стр. 132.

⁵ Там же.

тов Си Ся, описанные с начала до конца»), «Сюаньхэ фэнши Гаоли ту цзин» («Описание посольства в Корею в годы правления Сюань-хэ») и целый ряд других являются ценными источниками, дающими в руки исследователя сведения о жизни этих народов, часть которых уже не существует. Труды дают понятие об их обычаях, государственном устройстве, уроне культуры, внешних сношениях и т. д.

Много внимания уделяли китайские авторы своим западным соседям. Сначала Китай был заинтересован в знании западных (в отношении Китая) стран, потому что на запад пролегал торговый путь, на запад же ездили китайские паломники за буддийскими книгами. Результатом изучения западных стран явились описания путешествий, например: «Фого цзи» («Записки о буддийских странах»), «Да Тан сиюй цзи» («Записки о западных странах во времена Велико-Танской династии») и ряд других.

Позднее (XVII—XIX вв.) запад интересовал Китайское государство как объект освоения новых территорий. В этот период также появилось большое количество трудов с разносторонним описанием западных народов и стран. К таким трудам относятся: «Сиюй вэньцзянь лу» («Сведения о западных землях»), «Хуанчао фаньлюе» («Иноземные племена при Цинах»), «Синьцзян чжилюе» («Описание Синьцзяна»), «Синьцзян вайфань цзилюе» («Описание племен, смежных с Синьцзяном»), «Сиюй цзилюе» («Краткое описание западных территорий»), «Сиюй шуйдао цзи» («Описание водной системы западных территорий»), «Или цзунтун шилюе» («Общее описание Илийской области»), «Синьцзян тучжи» («Описание Синьцзяна») и др.

Все эти сочинения служат весьма ценными источниками сведений о Средней и Центральной Азии в различные исторические периоды. Они дают возможность восстановить картину тех древних государств, которые были на этой территории в далекие времена. Эти источники исключительно ценны. Не случайно переводы различных исторических и историко-географических трудов китайских авторов, сделанные Бичуриным⁶, не потеряли своей научной значимости и до сих пор.

Сведения о народах, обитавших на юге Китая, содержатся в целом ряде сочинений, из которых следует отметить «Хайговэнь-цзянь лу» («Сведения о заморских странах»), «Ши Люцю цзи» и «Люцю го чжилюе» («Описание островов Рю-кю»), «Маяофан бэйланы», посвященное описанию племен Мяо. Китайские авторы писали и о России. Наша родина упоминается в трудах как общего характера, так и посвященных северным странам: «Элосы цзияо» («Краткий очерк о России»), «Бэйди хойбянь» («Сборник о северных землях»), «Шофан бэйчэн» («Сборник о северных странах»), «Июй лу» («Записки о чужеземных странах») и др.

Из этого весьма краткого и неполного перечня трудов видно все богатство географической китайской литературы, ждущей своих исследователей.

Географические ксилографы и рукописи коллекции Института востоковедения АН СССР накапливались в течение более чем двух столетий.

Собирание письменных памятников китайской культуры началось в России еще в начале XVIII в., когда китайские книги из Китая привез Лоренц Ланг, бывший там «российским резидентом»⁷.

⁶ Иакинф Бичурин, *Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена*, тт. I—III, изд. 1, СПб., 1853; изд. 2, М.—Л., 1950—1953.

⁷ Подробнее о деятельности Лоренца Ланга, как собирателя китайских книг см. в данном сборнике статью Т. К. Шафрановская и К. И. Шафрановский, *Приобретение в начале XVIII века китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом*, стр. 294—300.

В последующее время собирателями китайских книг были русские китаеведы И. Россохин, С. Леонтьев, А. Владыкин, П. Каменский, З. Леонтьевский и многие другие.

По своему содержанию первые китайские книги, попавшие в Россию, были весьма разнообразны. Судя по списку китайских книг, опубликованному Иоганном Бакмейстером⁸, среди них были исторические, географические, философские, математические, богословские и др. Географических и исторических сочинений насчитывалось 59 из общего числа 202 названий в 2800 книгах⁹. Произвольная транскрипция не дает возможности с точностью восстановить эти названия.

К 1818 году в Библиотеке Академии наук насчитывалось 12 названий или 156 географических книг. По печатному каталогу П. Каменского и С. Липовцова¹⁰, ныне уже весьма редкому, можно установить, какие географические книги были в то время в составе китайской библиотеки. В нем числятся:

«1) Китайская география вместе и статистика, изданная во времена Минской династии 1461 года по Р. Х. в 40 книгах, 4 томах [видимо, «Дай-Мин итунчжи»].

2) География вместе со статистикою Китайского государства, изданная с прибавлением в царствование Императора Канся, в 16 книг в одном томе [по всей вероятности, «Итунчжи аньшо»].

3) Атлас китайской империи [?]

4) Краткое всеобщее землеописание с картами и фигурами тех животных, коих нет в Китае. Европейское сочинение в две книги [перевод географии мира, сделанный Алени и Вербистом под названием «Куньюй тушо»].

5) Новейшая пространная география и полная Статистика Китайской Империи с Генеральными и специальными картами каждой губернии и областей, в них находящихся. Сочиненная по повелению императора Кянь Луна и обнародованная в 9-е лето его царствования 1744 года. Она должна состоять из 24 томов; но последний, в коем описываются все государства Китая известные, не оказался. Лучшего издания 23 тома [«Дай-Цин итунчжи»].

6) Краткая география с показанием городов и платящих дань Княжеств, под коими оные в разные династии именами находились и в каких достоинствах, сочиненные в царствование Канся 8 лета 1679 года по Р. Х. лучшего издания в лист 24 книги в 4 томах [«Гуаньюй цзи»].

7) Географическое, статистическое, историческое и политическое описание Хугуана с генеральными и местными картами, изданное в царствование Канся 24 книги в 6 томах [«Хугуан тунчжи»].

8) Таковое же описание Аньхуэйской области или губернии в 24 книге [«Аньхуэй тунчжи»].

9) Таковое же описание Юньнаньской области или губернии. 28 книг в 5 томах [«Юньнань тунчжи»].

10) Краткое начертание Географии, 1 книга [?]

---

⁸ «Опыт в Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук, изданной на Французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии Наук, а на Российский язык переведенной Василем Костыговым» [Б. м.], 1779, стр. 93. — Книга вышла в Петербурге; на французском языке также издана в Петербурге в 1776 г.

⁹ Там же, стр. 93 и далее.

¹⁰ «Каталог Китайским и Японским книгам в Библиотеке Императорской Академии наук хранящимся, по препоручению господина Президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел Переводчиками Коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым», СПб. [Б. г.]. — Напечатан в 1818 г.

11) Изображение обеих половин земного шара в большом формате, наклеенное на холсте, и один экземпляр неподклеенный(?).

12) Изображение обеих половин небесного шара, наклеенное на холсте в большом формате и один неподклеенный [?]»¹¹.

В состав географических сочинений, указанных в этом каталоге, были уже включены приобретения от И. Россохина, состоявшие, судя по списку, им же составленному, из двух сочинений, а именно: путеводителя по Китаю (типа «Лу-чэн») и «Всеобщего описания поднебесной» («Юйчжи тянься итунчжи») ¹².

Что касается книг, переданных в Академию А. Владыкиным, то отсутствие каких-либо данных о их составе не позволяет нам говорить о наличии среди них географических сочинений, которые, возможно, и были. Книги же в количестве двадцати, высланные из Китая П. Каменским, судя по указанию Дорна, были по естественной истории, растениеводству, медицине и хирургии ¹³.

В 1833 году, а затем в 1838 г. в Академию поступили две коллекции П. Л. Шиллинга фон-Канштадта, одного из поставщиков китайских книг для русских библиотек, в частности академической, имевшего в Китае большое количество своих агентов. Среди этих агентов были и русские китаеведы, например П. Каменский, Н. Вознесенский, З. Леонтьевский, которые, будучи в Китае, подбирали книги для коллекций Шиллинга ¹⁴.

В первой его коллекции насчитывалось 252 названия книг в 1813 тетрадах. К сожалению, полного списка поступивших от него книг этой коллекции не сохранилось, но, судя по отдельным черновым описям, книги географического содержания там тоже были. Из них можно назвать ценное приобретение — «Полное статистико-географическое описание Китайской империи» («Дай-Цин итунчжи»). Вторая коллекция Шиллинга была особенно богата географическими сочинениями ¹⁵.

Указанные два поступления от Шиллинга обогатили собрание китайских ксилографов географической литературой. Правда, список второй коллекции Шиллинга, сделанный Н. Я. Бичуриным, пока не обнаружен, но имеющиеся черновые записи М. И. Броссе, приводившего в 1840 г. в порядок всю китайскую библиотеку, говорят о том, что географическая литература в этой коллекции имела, хотя и в небольшом количестве.

Как уже было указано, в 1840 году акад. М. И. Броссе, занимавшийся в молодые годы китаеведением и китайским языком, привел в порядок весь китайский фонд библиотеки, дав ему новую нумерацию и шифровку. Все книги, попавшие в поле зрения М. И. Броссе, известны в настоящее время под названием «Коллекция Броссе», хотя к собиранию этих книг он касательства не имел. В настоящее время «Коллекция Броссе» насчитывает значительное количество географических сочинений. Среди них следует отметить, как наиболее ценные, «Шаньхайцзин» в различных изданиях, «Шуйцзин чжу» («Комментарии Ли Дао-юаня на Шуйцзин»), «Гуаньюй цзи», «Итунчжи аньшо», «Цзиньгу юйди ту», «Чжигун ту», «Вэйцзан тучжи», «Ши-Люцю цзи», «Июй лу», путеводители по Китаю и др.

¹¹ Там же, стр. 29 — 30.

¹² ААН, ф. 3, оп. 1, д. 59, л. 204 — 208. — Данные относятся к переданным Россохиным книгам в 1741 г. Последующие приобретения от него известны общим количеством, но без уточнения содержания.

¹³ Dorn, *Das Asiatische Museum Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg*, St.-Petersburg, 1846, S. 603—622.

¹⁴ ИВАН, ф. 56, ед. хр. 1, л. 1.

¹⁵ «Отчет экстраординарного академика Броссе о китайской библиотеке Азиатского Музея Императорской Академии наук» (ЖМНП, т. 30, отд. III, 1841), стр. 8.

Следующее весьма крупное поступление в китайскую библиотеку Азиатского музея отмечено в 1864 г., когда в нее была включена библиотека Азиатского департамента министерства иностранных дел¹⁶. Согласно печатному и продолжающему его рукописному каталогу, всего прибавилось около 1000 названий, а если взять только географическую часть пополнения, то она исчислялась 60 названиями. Среди этих книг были в основном ксилографы самого начала XVIII в.; по своему содержанию они относились и к общим географическим описаниям, не имевшимся в коллекции, например: «Историческая география Китая» («Цзиньгу дилишу»), «География Китая» («Гуаньюй цзи»), и к описаниям Синьцзяна, Тибета в нескольких различных изданиях.

Коллекция Азиатского департамента значительно обогатила географический раздел китайских книг, так же как и все собрание.

В 1907 г. Азиатский музей приобрел от вдовы российского генерального консула в Шанхае П. А. Дмитриевского 411 названий книг на китайском, японском и маньчжурском языках (в это число входили и корейские издания на китайском языке). П. А. Дмитриевский, будучи хорошим знатоком восточной книги, подбирал их с большим знанием дела, благодаря чему в китайскую библиотеку поступили весьма ценные издания китайских ксилографов и литографий. К ним можно отнести следующие географические сочинения: описания отдельных областей и уездов (в большом количестве), «Шофан бэйчэн» («Сборник о северных странах») ¹⁷ и др.

Поступления 1911 г. из большой коллекции книг Генерального штаба и Русского музея¹⁸ также в некоторой степени увеличили географический раздел. Но последующие поступления не дали ничего нового, и поэтому этот раздел можно считать в общем скомплектованным уже к первому десятилетию XX в.

Что касается рукописей ЛО ИВАН, то среди них географических насчитывается всего 12. Наиболее интересные: «Фуко цзи», «Гуйлинь фэнтю цзи» («Описание нравов и обычаев области Гуйлинь провинции Гуанси»), «Хуцзян чжи» («Географическое и этнографическое описание Восточного Туркестана») и др.

В коллекции ЛО ИВАН имеется также некоторое количество китайских географических карт. Поскольку они представляют большой интерес с точки зрения развития и истории китайской картографии, им должен быть посвящен особый очерк.

Таким образом, в настоящее время коллекция рукописей и ксилографов ЛО ИВАН насчитывает свыше ста названий географических сочинений и по своему составу представляет большой интерес и научную ценность для изучения географии и истории как Китая, так и смежных с ним стран.

В заключение приведем перечень основных сочинений.

---

¹⁶ «Каталог книг, рукописям и картам на китайском и маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского Департамента», СПб., 1843.

¹⁷ «Список книг П. А. Дмитриевского, составленный проф. Подставиным». Рукопись.

¹⁸ «Отчет Академии за 1911 г.», СПб., 1912, стр. 1.

СПИСОК СОЧИНЕНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

I. КСИЛОГРАФЫ

(в порядке времени составления с указанием даты издания)

Древнейшие труды		Описания провинций	
山海經釋義	Шаньхайцзин ши и, XVII в.	廣東通志	Гуандун тунчжи, 1732 г.
山海經廣注	Шаньхайцзин гуан чжу, 1667 г.	畿府通志	Цзифу тунчжи, 1735 г.
山海經箋疏	Шаньхайцзин цзянь шу, 1809 г.	江南通志	Цзяннань тунчжи, 1736 г.
水經注	Шуйцзин чжу, 1753 г.	雲南通志	Юньнань тунчжи, 1691 г., 1736 г., 1835 г.
Общие труды		湖廣通志	Хугуан тунчжи, 1684 г.
		陝西通志	Шэньси тунчжи, 1735 г.
		浙江通志	Чжэцзян тунчжи, 1736 г.
		山東通志	Шандун тунчжи, 1736 г.
		甘肅通志	Ганьсу тунчжи, 1736 г.
		福建通志	Фуцзянь тунчжи, 1737 г.
		盛京通志	Шэнцзин тунчжи, 1736, 1779 г.
		吉林外記	Цзилинь вайцзи, XIX в.
		四川通志	Сычуань тунчжи, 1816 г.
		Описания округов	
太平寰宇記	Тайпин хуаньюй цзи, 1793 г., 1803 г.	興國州志	Синго чжоу чжи, 1769 г.
御製天下一統志	Юйчжи тянься итунчжи, XVIII в.	直隸遵化州志	Чжили Цзуньхуачжоу чжи, 1795 г.
古今輿地圖	Гу цзинь юй ди ту, 1637 г.	沈州隸州志	Шэньчжоу Личжоу чжи, 1827 г.
讀史方輿紀要	Ду ши фаньюй цзяю, XVIII в.	霸州志	Баочжоу чжи, 1674 г.
坤輿圖說	Куньюй тушо, 1673 г.	Описания областей	
御製皇輿表	Юйчжи хуаньюй бяо, 1679 г.		
一統志案說	Итунчжи аньшо, 1827 г.		
廣輿記	Гуаньюй цзи, XVII в.		
增訂廣輿記	Цзэн дин гуаньюй цзи, 1717 г., 1744 г., 1802 г.		
地圖宗要	Диту цзунъяо, 1705 г.		
代清一統志	Дай-Цин итунчжи, 1744 г. 1764 г.		
皇清職貢圖	Хуан цин чжигун ту, 1761 г.		
皇朝輿地略	Хуанчао юйди люе, 1831 г.		
今古地理述	Цзиньгу дилишу, 1807 г.		
		大同府志	Датунфу чжи, 1782 г.
		韓州府志	Ганьчжоуфу чжи, 1782 г.
		安陸府志	Аньлуфу чжи, 1668 г.
		湖州府志	Хучжоуфу чжи, 1667 г.
		天津府志	Тяньцзиньфу чжи, 1738 г.
		衛輝府志	Вэйхуйфу чжи, 1788 г.
		慶遠府志	Цинъюаньфу чжи, 1828 г.
		承德府志	Чэндэфу чжи, 1831 г.
		順天定志	Шуньтяньфу чжи, 1886 г.

Описания уездов

合肥縣志 Хэфэйсянь чжи, 1803 г.
靈壽縣志 Линшоусянь чжи, 1686 г.
通城縣志 Тунчэнсянь чжи, 1867 г.
文安縣志 Вэньаньсянь чжи,
1703 г.
懷柔縣新志 Хуаймоусянь синь чжи.
1721 г.
東鹿縣志 Шулусянь чжи, 1799 г.
宜春縣志 Ичуньсянь чжи, 1823 г.
安陽縣志 Аньянсянь чжи, 1789 г.
咸甯縣志 Сяньнинсянь чжи, 1868 г.
江夏縣志 Цзянясянь чжи, 1794 г.
天津縣志 Тяньцзиньсянь чжи,
1739 г.
信豐縣志 Синьфэнсянь чжи, 1751 г.
銅山縣志 Туншаньсянь чжи, 1745 г.
崇陽縣志 Чуньянсянь чжи, 1866 г.
嫩煌縣志 Дуньхуансянь чжи, 1830 г.
臺機縣志 Тайваньсянь чжи, 1850 г.
通山縣志 Туншаньсянь чжи, 1868 г.
подв. шрифт.
東湖縣志 Дунхусянь чжи, 1864 г.
嘉魚縣志 Цзяюйсянь чжи, 1866 г.
漢陽縣志 Ханьянсянь чжи, 1868 г.
懷柔縣新志 Юньмоусянь синь чжи
1721 г.

Описания западных земель

西域聞見錄 Сиюй вэньцзянь лу,
1777 г.
新疆外藩紀略 Синьцзян вайфань цзи-
люе, 1777 г.
志異新編 Чжинь синьбянь, 1799 г.
新疆志略 Синьцзян чжилое, 1894 г.
鎮撫事宜 Чжэньфу ши, 1823 г.
西域水道紀 Сиюй шуйдао цзи,
1823 г. (?)
皇輿西域圖志 Хуаньюй снюй тучжи,
1782 г. (?)
西域紀要 Сиюй цзияо, 1826 г.
西域考古錄 Сиюй као гу лу, 1826
伊犁總統識略 Или цзунтун шилуе,
1809 г.

Описания Тибета

衛藏圖識 Вэйцзан тучжи, 1792 г.
西藏圖說 Сицзан тушо, XVIII в.

Описания северных земель

朔方北乘 Шофан бэйчэн, 1881 г. (?)
старопечатное изд.

Описания южных земель

琉球國志略 Люцюго чжи, 1819 г.
使琉球記 Ши Люцю цзи, 1802 г.
續琉球國志略 Сюй Люцюго чжилое,
1808 г., подв. шрифт
中山傳信錄 Чжуншань чжуань синь
лу, 1721 г.
海錄 Хай лу, 1842 г.

Описания городов

御製日下舊聞考 Юйчжи жися цзювэнь
као, 1779 г.
宸垣識略 Чэньхуань чжилое,
1788 г.
澳門志 Сямэнь чжи, 1839 г.
粵海關志 Юехайгуань чжи, 1838(?)

Описания островов

澳門紀略 Аомэнь цзилое, XVIII в.

Описания гор

盤山志 Паньшань чжи, XVIII в.
泰山志 Тайшань чжи, XIX в.
金剛山志 Цзиньганьшань чжи,
XIX в.
黃鵠山志 Хуанхушань чжи, 1874 г.

Описания озер

西湖志 Сиху чжи, 1735 г. (?)

Путешествия, посольства

大唐西域記 Да Тан сиюй цзи, без
указания даты.
異域錄 Июй лу, 1725 г.
宣和奉使高麗圖記 Сюаньхэ фэнши Гаоли
ту цзин, без указания
даты.

Путеводители

商賈備覽 Шангу бэйлань, 1792 г.
重訂商賈備覽 Чундин шангу бэйлань,
1822 г.
天下路程途 Тянься лучэн ту, XVIII в.
天下路程 Тянься лучэн, XVIII в.
示我游行 Шиво юнсин, XVIII в.
天下水陸路程 Тянься шуйлу лучэн,
XVIII в.
用行備覽 Юнсин бэйлань, XVIII в.

	Разные	日本國志 海國聞見錄	Жибэньго чжи, 1890 г. Хайго вэньцзянь лу, 1793 г.
東西洋考 西征紀程	Дун си ян као, XVIII в. Си чжэн цзи чэн, 1892 г., старопечатное изд.	苗方備覽	Мяофан бэйлань, XVIII в.
皇朝藩部要略	Хуан чао фаньбу яолуюе, 1846 г.	李氏五種合鈔	Ли ши у чжун хэ чао, 1883 г.
海國圖志	Хайго тучжи, 1844 г.		

II. РУКОПИСИ

(в порядке времени переписки)

回疆志	Хуцзян чжи, XVIII в.	東萊府志	Дунлайфу чжи, XIX в. (фрагм.)
佛國記	Фого цзи, XVIII в.	列傳	Лечжуань (отделы неко- торых династийных исто- рий об иноземных наро- дах) XIX в. (фрагм.)
桂林風土記	Гуйлинь фэнтун цзи, XIX в.		Нюйчжи 'као, XX в. (фрагм.)
黑龍江通志	Хэйлунцзян тунчжи, XIX в.	女直考	Цзюйюнгуань, выписки, XX в. (фрагм.)
大清一通志	Июй лу, XIX в. (фрагм.)		
異域錄	Дай-Цин итунчжи, гл. 746, XIX в. (фрагм.)	居庸關	

Т. К. Шафрановская и К. И. Шафрановский

ПРИБРЕТЕНИЕ В НАЧАЛЕ XVIII в. КИТАЙСКИХ КНИГ РОССИЙСКИМ РЕЗИДЕНТОМ В КИТАЕ ЛОРЕНЦОМ ЛАНГОМ

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 14 марта 1958 г.*

Первая значительная по своему содержанию и размерам книга, посвященная Библиотеке Петербургской Академии наук и академическому музею Кунсткамере, написана в 1775 г. подбиблиотекарем или унтербиблиотекарем Иоганном Бакмейстером. Хорошо осведомленный о делах Библиотеки и ее комплектовании различными книгами, Иоганн Бакмейстер писал, что «первые вступившие в Библиотеку китайские книги суть те, которые г. Ланг, бывший российским резидентом при китайском дворе, привез в 1730 году из Пекина от езуитских миссионеров, числом 82 тетради в 8 папках. Равным образом и прочие доставлены нам от тех же духовных особ»¹.

В связи с этим сообщением И. Бакмейстера возникает вполне естественный вопрос — по чьей инициативе и почему именно Лоренц Ланг доставил в Библиотеку Академии наук первые китайские книги? Ответ на этот вопрос не лишен интереса по той причине, что книги, привезенные в 1730 г., легли в основу первого в России собрания китайской литературы, сосредоточенного в XVIII в. в Библиотеке Академии наук. Книги, доставленные в 1730 г., были теми произведениями китайской печати, которыми пользовались впервые в России для изучения Китая и китайского языка².

Лоренц Ланг, швед по происхождению, был образованным человеком. Г. Ф. Миллер писал, что Петр I дал ему возможность поехать в Берлин, где Ланг смог пополнить свое образование и приобрести знание языков³. В 1715—1716 гг. Ланг был направлен Петром I в Пекин. Никаких дипломатических поручений он не получил. Задача Ланга ограни-

---

¹ «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук, изданной на Французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии Наук, а на Российский язык переведенной Васильем Костыговым» [Б. м.], 1779, стр. 93—94.— Книга вышла в Петербурге; на французском языке также издана в Петербурге в 1776 г.

² Об этом см. также: К. И. Шафрановский и Т. К. Шафрановская, *Сведения о китайских книгах в Библиотеке Академии наук в XVIII веке* («Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока», М.-Л., 1957), стр. 83—93.

³ G. F. Müller, *Sammlung Russischer Geschichte*, Bd. VIII, St.-Pbg., 1763, S. 511.

чивалась приобретением китайских вещей для Петра I. Кроме того, Ланг знакомился тогда с Китаем, китайскими чиновниками, устанавливал связи с иезуитами, обосновавшимися в Пекине. К ним, знавшим китайский язык, Ланг в дальнейшем не раз обращался при переговорах в Китае.

Поездка 1715—1716 гг. была своего рода испытанием Ланга. Он доказал тогда свои деловые качества. Вскоре Ланг был назначен секретарем посольства Льва Измайлова, направлявшегося в Китай. Во время своего второго путешествия Ланг в течение 17 месяцев оставался в Пекине в качестве агента России (или резидента) для защиты русских торговых интересов.

Посольство Льва Измайлова не добилося значительных успехов. Для разрешения целого ряда вопросов, связанных с торговыми сношениями, для уточнения границ между Россией и Китаем в Петербурге готовилось новое посольство во главе с Саввой Лукичем Владиславичем-Рагузинским. Оно состоялось в 1725—1728 гг. Лоренц Ланг вошел в состав этого посольства и вновь побывал в Пекине в 1727 г.

Китайские книги, как указывал Иоганн Бакмейстер, были доставлены Лангом в Петербург в 1730 г. На основании этой даты можно предположить, что книги приобретались в 1727 г. во время пребывания Ланга в Китае.

Такое предположение подтверждается полностью. Рагузинский покинул Пекин после переговоров с китайским императором 23 апреля (4 мая) 1727 г. На обратном пути в Россию, когда посольство пересекало Монголию, Рагузинскому были переданы бумаги из Петербурга, посланные Коллегией иностранных дел. В одной из них одобрялись переговоры с китайским императором, в другой предлагалось приобрести книги для Петербургской Академии наук⁴. Бумага о приобретении книг была, несомненно, переслана Лоренцу Лангу, который находился еще в Пекине. Ланг, всегда исполнительный, приобрел книги и доставил их в Петербург в 1730 г.

Гастон Каэн в приложении к своему исследованию о сношениях России с Китаем при Петре I опубликовал переданный Владиславичу-Рагузинскому в 1727 г. список книг, которые Академия наук хотела получить⁵. Список сохранился в Архиве Министерства иностранных дел в Москве в двух экземплярах (оригинал на немецком языке и перевод на русском). Приводим текст списка в нашем переводе:

«Сами китайцы имеют два знаменитых словаря. Один из них называется Ташиноей, а другой Наипиен.

Иезуиты в Китае также написали некоторые...

1. Отец Lasarus Cataneus, итальянец,—Vocabularium ordine alphabetico Europaeo more continnatum et par accentus sous digestum⁶.

2. Отец Nicolus Trigautius. Vocabularium Sinarum ad vocabula Europaea, напечатанный в Пекине⁷.

3. Отец Alvarus Samedus умер в Макао в 1658 г., когда два его больших словаря печатались⁸.

⁴ G. Cahen, *Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand* (1689—1730), Paris, 1912, pp. 213—214.

⁵ Ibid., pp. XCVI—XCVII.

⁶ Lasare Cataneus находился в Китае с 1594 г. Ему принадлежит словарь «Vocabularium Sinicum, ordine alphabetico Europaeorum more continnatum et par accentus suos digestum».

⁷ Nicolus Trigault находился в Китае с 1610 г.; составил словарь под заглавием «Si jou eol mou tsen», расположенный по звукам в алфавите (вышел в 3-х томах в Hantschéou в 1626 г.).

⁸ Alvaro Samedó жил в Китае с 1613 г. Работал над китайско-португальским и португальско-китайским словарями.

4. Отец Christianus Hertrich также печатал в 1676 г. словарь»⁹.

Нет сомнения в том, что Готлиб Байер, единственный из петербургских академиков, занимавшийся тогда китаеведением, должен был принять участие в составлении списка той литературы, которую хотели получить из Пекина. Байер интересовался Китаем еще до приглашения в Петербургскую Академию. В 1732 г. он напечатал в Петербурге книгу «*Museum Sinicum*», которая свидетельствует об его упорной работе по изучению китайского языка и китайской грамматики.

В списке книг, пересланном Рагузинскому, указывались только словари; они были, конечно, особенно нужны при первых шагах по ознакомлению с китайским языком и письменностью. В нем упоминаются только два словаря, принадлежащих китайцам. Четыре других составлялись европейцами. Но в первой половине XVIII в. их можно было разыскать в Пекине, где иезуиты обосновались достаточно прочно и пользовались доверием китайского императора Кан-си.

Лоренц Ланг во время своих неоднократных посещений Пекина (все-го он совершил шесть путешествий в Китай) постоянно обращался, как уже отмечалось, к содействию иезуитов, знавших китайский язык. Иезуиты со своей стороны были заинтересованы в получении разрешения для проезда через Россию, чтобы избежать длительных и небезопасных плаваний вокруг Индии по пути в Китай и при возвращении из него. Ради этого они готовы были оказывать мелкие услуги России.

Иезуиты охотно выступали в качестве переводчиков и давали свои советы во время переговоров русских представителей. Наряду с этим они были, конечно, готовы приобретать книги для Петербургской Академии наук, а иногда и продавать в Россию свои издания, печатавшиеся в Пекине¹⁰.

В Академии наук китайскими книгами, привезенными Лоренцом Лангом в 1730 году, были, очевидно, удовлетворены полностью. Лоренца Ланга познакомили с руководителем Академии наук тех лет, ее «главным командиром», бароном И. А. Корфом. «Библиотекариус» Академии, неизвестный Иоганн Шумахер, занятый устройством всевозможных академических дел, оказался вскоре большим другом Ланга. Шумахер принимал его и усиленно угощал¹¹. На это, вероятно, употреблялись те деньги, которые Шумахер получал для угощения почетных посетителей академических музеев и библиотеки. 17 мая (ст.ст.) 1735 г. Ланг писал Шумахеру, что ему хотелось бы, чтобы его друг «библиотекариус» побывал в Пекине, где он, Ланг, смог бы, хотя бы частично, ответить на те приемы и угощения, которых его удостоили в Петербурге¹².

Шумахер встречал Ланга с распростертыми объятиями не без определенной цели.

Петербургская Академия наук с первых лет своей деятельности принимала энергичные меры для распространения выпускаемых ею изданий.

⁹ Christian Hertrich отправился в Китай в 1656 г.; был составителем китайско-латинского словаря «*Wen tse so*». О книгах, печатавшихся иезуитами в Китае, см.: C. Sommervogel, *Bibliothèque de la Compagnie de Jesus*, t. 1—10, Bruxelles — Paris, 1890—1910; H. Cordier, *L'Imprimerie sino-européenne en Chine*, Paris, 1900.

¹⁰ В каталоге китайских книг, находившихся в Библиотеке Петербургской Академии наук в XVIII в., перечислено 22 издания, напечатанных иезуитами на китайском языке. Публикацию каталога, составленного И. Россохиным и А. Леонтьевым, см.: «*Ueber die bei der hiesigen akademischen Bibliothek angesammelten Bücher in sinesischer, manshurischer, mongolischer und japanischer Sprache*» («*Journal von Russland*», Bd. 2, St.-Pbg., 1794), SS. 128—134, 216—221, 277—280.

¹¹ «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 2 (1731—1735), СПб., 1886, стр. 725—726.

¹² Там же, стр. 725.

В академическом здании на Васильевском острове была открыта книжная лавка, известная под названием «Книжной палаты». Она продавала книги Академии наук в Петербурге и высылала их в западноевропейские страны. Частично эти издания направлялись за границу в порядке обмена на научные журналы западноевропейских академий, университетов и научных обществ.

В Москве продажа академических изданий была поручена Василию Васильевичу Киприанову — сыну известного издателя Василия Онуфриевича Киприанова. Деятельность В. В. Киприанова по распространению изданий Академии наук не была удачной. У него охотно покупали только печатавшиеся Академией календари и единственную газету того времени — «Санкт-Петербургские Ведомости». Научные издания на латинском языке не имели в Москве сбыта.

Тем не менее в 1735 г., когда в Петербурге напечатали каталог продающихся академических изданий, его разослали по провинциальным городам с указанием о необходимости оповещать население о новых книгах. Текст каталога в некоторых городах прочитали на площадях, а в других вывесили для всеобщего сведения¹³. Но все это едва ли во многом содействовало продаже латинских книг.

Между тем Академия наук была крайне заинтересована тогда в распространении своих изданий для получения денег. Государство с трудом отпускало Академии положенные ей средства. Денег постоянно не хватало даже для оплаты академических сотрудников. Много раз жалованье им приходилось выдавать не деньгами, а книгами, которые сотрудникам было столь же трудно реализовать, как и администрации Академии.

Огромная Сибирь, как, очевидно, полагал Шумахер, могла быть использована в качестве рынка для сбыта академических изданий. Кроме того, издания Академии наук можно было еще продавать и в Китае. Ланг был, несомненно, тем подходящим лицом, которое могло продавать академические книги в Сибири по пути своего следования в Китай и распространять их в Пекине. Он в ответ на радушный прием в Академии согласился взять на комиссию партию ее изданий, которые предстояло реализовать во время его ближайшей поездки в Китай¹⁴. Свое согласие на доставку книг в Пекин Ланг дал, вероятно, руководствуясь и таким соображением. Его друзья-иезуиты, находившиеся в Китае, предлагали свои дальнейшие услуги по приобретению китайских книг и китайских редкостей для Академии. За такие услуги надо было постараться привезти книги из Петербурга.

При существовавшей в России системе книжной торговли, опекаемой государством, Академии наук для продажи своих изданий в Сибири и в Китае пришлось выхлопотать специальное разрешение Сената. 17 декабря 1734 г. последовал указ Сената, разрешавший «книгами в Сибири и в Китайском царстве торговать»¹⁵.

В Академии наук готовили тюки с печатными материалами для отправки. Но надо было еще довести до сведения вышестоящего начальства, какие именно книги собирались посылать. Это видно по сохранившейся копии с бумаги, поданной в вышестоящую организацию (адресат в копии не указан). В бумаге сообщалось, что в соответствии с указом Сената для посылки в Сибирь и Китай отобраны книги и правуры. Ланг

¹³ К. И. Шафрановский и Э. П. Файдель, *Двухсотлетие первого каталога изданий Академии наук* («Вестник Академии наук СССР», М. — Л., 1935, № 1), стлб. 71 — 78.

¹⁴ «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 2, стр. 566—568.

¹⁵ Там же, стр. 566; см. также: «Академическая типография. 1728—1928», Л., 1928, стр. 21.

согласился взять их на комиссию и будет высылать в Академию деньги, полученные за проданные издания. Вся эта отправка книг устраивается только ради опыта. Поэтому нет необходимости приводить полный список отобранных книг, но в виде примера прилагается перечень тех изданий, которые упакованы в тюке № 2¹⁶.

Таким образом, на основании содержания тюка № 2 можно получить некоторое представление об изданиях, направлявшихся в первый раз в Сибирь и в Китай.

В этом тюке были упакованы: Кампрери «История о Японе»; три первых, вышедших к тому времени, тома основного научного издания Академии наук — «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*»; немецко-латинско-русский словарь; описания академика И.-Х. Буксбаума новых растений, найденных в Малой Азии (в трех выпусках); две книги З.-Т. Байера, в том числе его «*Museum Sinicum*», и учебник по математике, изданный Академией наук на французском языке. Каждое из этих изданий находилось в тюке в трех экземплярах¹⁷.

Кроме того, в тюке были уложены немецкие неакадемические издания, посылавшиеся в Пекин лично иезуитам, — Parenin¹⁸, Koeqler, Pereyga¹⁹ и Slaveček.

Немецкие издания посылались иезуитам, несомненно, в соответствии с указаниями Ланга и с учетом интересов тех, кому они предназначались. Можно предположить, что «*Commentarii*», Академии наук и книга Байера «*Museum Sinicum*» также могли их заинтересовать. Вместе с тем не ясно, на какой контингент покупателей в Сибири и в Китае (помимо иезуитов) могли рассчитывать в Петербурге. Напечатанные на латинском языке книги были доступны только ученым, получившим специальную подготовку.

После отъезда из Петербурга в 1735 г. Лоренц Ланг посылал туда письма с пути. Одно из них, написанное во Владимире 5 марта 1735 г., было направлено на имя «главного командира» Академии наук И. А. Корфа²⁰. Письмо любопытно по своему содержанию. Прежде всего Ланг просил извинить его за то, что ему не удалось купить хорошего китайского чая, о чем просил Корф. В Москве такого чая не оказалось, но при первой возможности Ланг обещал его приобрести. Далее следовала основная часть письма. Ланг сообщал, что полученные им на комиссию академические книги он везет в целостности и сохранности, но всюду на границах (очевидно, губерний) и заставах («*wo sich Zöllner und Sünder befinden*») происходят осложнения («*allerley Difficulteten*»). Поэтому Ланг просил добиться распоряжения, чтобы впредь академические издания и те вещи, которые он рассчитывает привезти из Китая для Академии наук, осматривали только при их отправке и на государственной границе. В заключительной части письма Ланг напоминал Корфу, что в Петербург из Швеции скоро приедет его племянник, очень способный молодой человек, которому было бы полезно обучаться у профессоров Академии наук математике, языкам и другим наукам.

Корф принял в соответствии с содержанием письма необходимые меры. В Кабинет был представлен «доклад», а в Правительствующий се-

¹⁶ «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 2, стр. 566 — 568.

¹⁷ Там же.

¹⁸ С иезуитом Parenin Ланг находился в постоянных сношениях во время своих поездок в Пекин.

¹⁹ Antoine Thomas Péreuga — иезуит, находившийся в Китае. Состоял переводчиком при заключении Нерчинского договора. Вместе с Gerbillon вошел в доверие императора Кан-си. Kéqler находился в Пекине во время переговоров посольства Льва Измайлова.

²⁰ «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 2, стр. 609 — 610.

нат — «донесение». В этих документах сообщалось, что «в Китай и в Сибирь с агентом Лангом книг и разных грьдоровальных фигур, кои печатаются при Академии наук, сколько каких надлежит, отпускать по рассмотрении велено». Между тем «вышеписанный агент Ланг письменно из Володимера объявляет, что показанные книги и фигуры Санктпитебурха в пути везде по городам и заставам для взятия пошлин осматривают, и тем досмотром и перебивкою кип чинят книгам повреждение». Поэтому Корф просил дать распоряжение, чтобы академические посылки осматривали в дальнейшем только «на границе сибирской и в Санктпитебурхе»²¹.

Вскоре после заявления Корфа последовал указ Сената. В нем предлагалось «книги и грьдорованные фигуры осмотреть в Тобольску и запечатать таможенною печатью, и дать указ, чтоб в тех Сибирской губернии городех тех книг и фигур до самой китайской границы не осматривали и не распечатывали»²².

Встретившиеся затруднения при перевозке книг были таким образом устранены. Сложнее обстояло дело с их распространением. 17 мая 1737 г. Ланг сообщал «высокочтимому господину библиотекариусу и дорогому другу»²³, что в Тобольске он стал предлагать взятые им книги. Но любителей на них нашлось очень мало, если не считать нескольких проданных календарей и гравюр. Ланг обещал и в дальнейшем в других городах предлагать книги. Он писал еще, что книги лучше было послать в переплетах, так как переплетчики в Сибири встречаются редко. Часть изданий Ланг решил еще оставить у надежного человека в Тобольске, который обещал сделать все возможное для их распространения. Книги в пути частично подмокли, но Ланг относил это к числу небольших неприятностей, неизбежно случающихся в дороге. В конце письма Ланг просил Шумахера оказывать содействие племяннику, который должен был приехать из Стокгольма.

Дальнейшие подробности о приобретении Лангом книг в Китае и об их доставке в Петербург нам неизвестны. Тем не менее нет никаких оснований не доверять словам Иогана Бакмейстера, который писал, что не только первые китайские книги, но «равным образом и прочие доставлены нам от тех же духовных особ»²⁴, т. е. при посредстве иезуитских миссионеров, находившихся в Пекине.

В 1730 г. Библиотекой Академии наук были получены, как уже говорилось, китайские книги «числом 82 тетради в 8 папках»²⁵. К 1775 г., когда Бакмейстер писал свою книгу, число китайских книг в академическом книгохранилище составляло уже «202 папки, в коих содержится близ 2800 книг» (или тетрадей). Это увеличение произошло, несомненно, в значительной части за счет литературы, приобретаемой при посредстве иезуитов в Пекине, возможно, при участии Ланга. Впрочем, такой источник пополнения академического собрания китайской литературой не был единственным. Илларион Россохин, возвратившись из Китая, где обучался китайскому и маньчжурскому языкам, продал Академии наук часть привезенных с собой книг. Кроме того, китайские книги были куплены для Библиотеки Академии наук после смерти Россохина у его вдовы.

Собранию китайских книг, хранившихся в Библиотеке Академии наук, придавалось большое значение. Эти книги, которые, как писал И. Бак-

²¹ Там же, стр. 689 — 690.

²² Там же, стр. 715 — 716.

²³ Там же, стр. 725 — 726.

²⁴ «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной...», стр. 94.

²⁵ Там же.

мейстер, «за редкостью своею в Европе причисляют к рукописным»²⁶, каталогизировались двумя нашими лучшими в XVIII в. знатоками китайского языка—Илларионом Россохиным и Алексеем Леонтьевым. «Росписных сочинена была покойным Россохиным и господином Коллегии иностранных дел секретарем Леонтьевым, которые оба жили несколько лет в Китае»²⁷. Выборочные сведения из этого каталога были напечатаны в книге И. Бакмейстера²⁸.

Каталог Россохина и Леонтьева был опубликован полностью в 1794 г.²⁹ В небольшом вступлении к этой публикации говорилось, что после смерти А. Леонтьева (И. Россохин умер еще раньше) в Петербурге не осталось людей, знающих китайский язык. В начале 1818 г. в Академию наук пригласили переводчиков коллегии иностранных дел Павла Каменского и Степана Липовцова, которые составили новый каталог китайских книг³⁰. В конце 1818 г. в составе Академии наук был основан Азиатский музей (в настоящее время Институт востоковедения Академии наук СССР). Вскоре после этого китайские книги были переданы из Библиотеки Академии наук в новое академическое учреждение. В 1840 г. над составлением каталога китайских книг, тогда уже сосредоточенных в Азиатском музее, трудился академик М. И. Броссе³¹.

Таким образом, приобретением книг в Китае Лоренц Ланг положил начало созданию в Петербургской Академии наук собрания китайской литературы, которое в дальнейшем быстро росло и было широко использовано русскими китаеоведами.

---

²⁶ Там же, стр. 93.

²⁷ Там же, стр. 94.

²⁸ Там же, стр. 94—97.

²⁹ См. примеч. 10.

³⁰ «Каталог Китайским и Японским книгам, в Библиотеке Императорской Академии Наук хранящимся, по препоручению господина Президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел Переводчиками Коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым», СПб., [Б. г.]—Напечатан в 1818 г.

³¹ «Rapport à l'Académie Imperiale des sciences sur la Bibliothèque chinoise du Musée asiatique, par M. Brosset» («Bulletin scientifique publié par l'Académie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg», 1841, vol. 8, № 15 (183), pp. 225—240.

Л. Н. Меньшиков

КИТАЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ АКАДЕМИКА В. М. АЛЕКСЕЕВА

(лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт)

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 17 мая 1956 г.*

Научные интересы крупнейшего советского китаевода акад. В. М. Алексеева были чрезвычайно широки; одним из отражений этих интересов явились богатейшие коллекции, составленные им во время пребывания в Китае. Здесь мы находим собрания китайской новогодней картины (лубка), эстампажей с памятников китайской эпиграфики, художественной почтовой бумаги и почтовых конвертов с благожелательными надписями и изображениями.

Одной из наиболее характерных сторон творчества В. М. Алексеева как ученого являлось его стремление понять, осмыслить и сделать всеобщим достоянием те стороны китайской культуры, которые до него не изучались, оставались вне поля зрения даже специалистов и к которым относились как к неким экзотическим диковинкам, может быть, и интересным, но вряд ли достойным пристального внимания серьезного ученого. Эта сторона деятельности В. М. Алексеева была одной из наиболее ярких черт борьбы его против экзотического понимания Китая, борьбы, проходящей через всю жизнь этого замечательного ученого.

Интерес В. М. Алексеева к народной картине возник еще в годы его учения в университете. Вот как он рассказывает об этом в одной из своих статей:

«Когда В. Л. Комаров возвратился из своей маньчжурской экспедиции 1896 г., он обратил внимание Географического Общества на то, что у нас никто не изучает Китая народного, который столь обильно представлен на китайских улицах, что всем, кто по ним проходит в течение месяца китайского Нового года, никак нельзя его не заметить: он о себе кричит, все им живут и все о нем говорят,— как это В. Л. сам мог засвидетельствовать, побывав на улицах даже тогдашней Маньчжурии. В. Л. устроил выставку народных картин в Географическом Обществе, и вот одна из них добралась и до меня. Осколок бомбы, долетевший до моего сознания рикошетом, имел большие последствия. Когда пришла моя очередь поехать в Пекин и пережить празднества китайского Нового года, то я не только обратил внимание на этот новый для меня Китай, не только

стал усиленно приобретать и изучать эти картины, но и решил написать о них диссертацию „Китайская народная картина”¹.

Кроме борьбы с экзотическим восприятием, при коллекционировании и изучении народной картины В. М. Алексеев преследовал, таким образом, еще и другую цель, а именно: изучение народного творчества, народного быта, поверий, преданий и т. д. В одной из своих неопубликованных статей — «Из жизни старого русского китаевода» (хранящейся в настоящее время в семье В. М. Алексеева) — он писал:

«Сам выйдя из старой школы русских китаистов, считавшихся больше всего с чиновничьим, официальным, показным Китаем и с отдельными сторонами его книжности, я, путешествуя по Китаю (1906—1909, 1912, 1926 гг.), обратил свое внимание на совсем обратное, а именно, на жизнь самого народа, на жизнь города, деревни, улицы, о которых сообщенная мне книжность не говорила ничего. Я обратил свое внимание на бытовые надписи, покрывающие в Китае каждый свободный уголок, на народные картины, изображающие весь китайский быт, как будничные, так и особенно праздничные, яркий и весьма своеобразный.

Результатом пристального изучения китайского народного быта и явились объемистые коллекции лубка и эстампажей».

Основную массу народных картин В. М. Алексеев собрал во время командировки в Китай и путешествия по нему в 1906—1909 гг. Вновь посетив Китай в 1912 и 1926 гг., В. М. Алексеев не упускал случая пополнить коллекцию, расширить ее, обогатить новыми образцами. Так, после поездки по юго-восточному побережью (1912) в собрании появился лубок Южного Китая из Фучжоу, Кантона и других городов, представляющий собой творчество особого стиля, резко отличное от лубка Северного Китая (Пекина, Тяньцзиня и других мест), и лубок из Шанхая. Эта часть коллекции, хотя она сравнительно и немногочисленна, помогает понять разницу вкусов, приемов и техники мастеров народной картины Севера и Юга. Если цвета северного лубка поражают своей яркостью и интенсивностью — это сочетание главным образом синего, красного, зеленого и желтого цветов, — то колорит южного лубка гораздо более сдержанный, там часто встречается черная краска, выразительно оттеняющая остальные цвета. В северном лубке чувствуется в подборе и сочетании красок тонкий вкус художника. Пестрота красок не режет глаза. Важнейшую роль в этом лубке играет подмалевка. С досок на бумагу переносятся только контуры и общий тон картины, детали же раскрашиваются от руки, и эти щедрые сочные мазки составляют едва ли не основу обаяния этих народных картин. Рука мастера явственно чувствуется в северном лубке — в подборе красок, нередко варьирующих на разных экземплярах одной и той же картины, в уверенных и точных мазках и т. д. Шанхайский лубок, представленный, пожалуй, не в меньшем количестве, чем лубок Северного Китая, является продуктом производства, организованного на совсем иных началах. Шанхай был одним из первых крупных промышленных центров капиталистического типа в Китае. Поэтому шанхайский лубок — лубок большого капиталистического города, и мастера, гонясь за количеством экземпляров, по возможности отбрасывают и механизмируют все операции, замедляющие его выпуск.

В результате шанхайский лубок выглядит совсем не так, как северный. Он отпечатан с грубо вырезанных досок и раскрашен по трафарету бледными, невыразительными красками. Это — упадок, и не удивительно, что в Шанхае в 20-х годах нашего столетия лубок постепенно сменяется олеографией, также представленной в коллекции В. М. Алексеева; краски

¹ В. Алексеев, *Ботаник В. Л. Комаров и русская китаистика* (ИВГО, 1939, т. 71, № 10), стр. 1423.

здесь вновь становятся яркими, но нет уже того вкуса и мастерства, какими отличается северный лубок.

Итак, коллекция В. М. Алексеева, включающая в себя более полутора тысяч листов лубка и олеографий, отражает различные стадии развития народной картины, сосуществовавшие в Китае одновременно, и различные стили лубка разных районов страны.

С точки зрения содержания китайский лубок в коллекции В. М. Алексеева также весьма разнообразен. Все картины можно подразделить на лубок бытовой, лубок мифологический и лубок театральный (деление это в известной степени условно, и, как мы увидим далее, ряд тем переходит из одного вида лубка в другой).

Основную часть коллекции составляет лубок бытовой, включающий в себя обычно и добрые пожелания купившему его. Нередко на бытовом лубке присутствует пейзаж как составная часть картины. Изредка на лубке встречается и чистый пейзаж, однако это можно наблюдать не часто; в коллекции он представлен почти исключительно лубком одного из плодовитейших мастеров Северного Китая конца XIX — начала XX в. Дай Лянь-цзэна, мастерская которого, как указывает А Ин, выпускала до миллиона экземпляров картин разного содержания в год².

Бытовая тематика в лубке, собранном В. М. Алексеевым, необычайно широка и разнообразна. Можно смело сказать, что в ней отражены все главные стороны жизни китайского народа. Так, лубок под названием «Полная картина земледельства и шелководства» изображает все стадии земледельческих работ (от вспашки и посева до молотбы и ссыпки зерна в мешки) и все стадии производства шелка (от сбора коконов до скатывания готовой ткани). В картине «Радость в семье рыбака» мы видим и ловлю рыбы, и развешанные для просушки сети, и отдыхающих за чашкой чая стариков, и дом рыбака на лодке с переносной печуркой, и женщину, кормящую грудью ребенка. На других картинах изображено жилище китайского интеллигента, китайский внутренний дворик, игры ребят, праздник в деревне и в городе и т. д. Перечислить все темы китайского бытового лубка нет никакой возможности.

В ряде картин присутствуют новшества китайского быта, предметы, появившиеся в стране после знакомства Китая с европейской культурой: велосипеды, паровозы и т. д. Можно только удивляться, как быстро лубок реагирует на все новшества, появлявшиеся в Китае. На наиболее поздних картинах, приобретенных В. М. Алексеевым, мы уже видим мужчин и женщин, одетых в европейские костюмы, детей, играющих европейскими игрушками, хотя эти вещи имелись в то время лишь в очень немногих зажиточных семьях.

Особо следует выделить лубок, изображающий вторжение европейцев в Китай, где показаны военные корабли европейских держав и европейские пушки, установленные на стенах древних китайских крепостей. Нужно, впрочем, признать, что эти изображения ни в коей мере не достигают того совершенства, с каким нарисованы привычные для мастера предметы китайского быта.

Значительную часть коллекции составляют картины, основным содержанием которых является пожелание счастья, долголетия, богатства, успешной карьеры, многочисленного мужского потомства, учености и т. д. Как правило, бытовой лубок также включает такие пожелания, но в полной мере разнообразие и изобразительность мастеров предстает перед нами в собственно благожелательном лубке. Пожелания выражаются как прямо, через надписи на картинах, так и косвенно, с помощью пред-

² 阿英, 中國年畫發展史略, 北京, 1954, 27頁.

метов, которые символизируют то или иное содержание. Символов этих множество, самых разнообразных и неожиданных. Так, летучая мышь на картине означает пожелание счастья («летучая мышь» и «счастье» произносятся по китайски одинаково — «фу»); олень означает пожелание карьеры (оба читаются «лу»); плод граната — пожелание потомства столь же многочисленного, сколько зернышек в этом плоде; персик символизирует пожелание долголетия, ибо является непременным атрибутом божества долголетия Шоу-сина, и т. д. Иногда пожелания выражаются непосредственно: играющие мальчики — пожелание мужского потомства, книги и кисти — учености. Иногда ассоциации весьма сложны, и для объяснения их приходится обращаться к китайским народным легендам.

Надо сказать, что В. М. Алексеев первым из синологов обратился к изучению символики на китайской народной картине, сумел ее объяснить и составил с помощью своих друзей-китайцев подробное описание собственной коллекции, остающееся до сих пор единственным в своем роде. Это описание (на китайском языке) хранится в Государственном Эрмитаже вместе с основной частью коллекции лубка и ждет своего продолжателя.

В связи с лубком, заключающим пожелания, нужно вспомнить и другие коллекции В. М. Алексеева — собрания почтовой бумаги и художественного конверта. Рисунки на бумаге и конвертах постоянно заключают привет и доброе пожелание адресату. Здесь пожелания выражены сложнее, в более утонченной форме, с множеством литературных и исторических намеков, но связь того, что В. М. Алексеев называл «поэзией приветов», с благожелательными символами народной картины несомненна.

Лубок мифологического содержания знакомит нас с пантеоном китайских народных божеств, из которых наиболее распространенными являются: божество долголетия Шоу-син, древний старец с приветливым морщинистым лицом и громадной лысой головой, держащий в руке, как уже упоминалось выше, персик бессмертия; духи дверей, охраняющие от злых демонов вход в дом и представленные на страхе этим демонам в виде двух грозных воинов с устрашающе-воинственным обликом; восемь бессмертных — покровителей науки, искусства, ремесел, о которых в Китае так много рассказывают народные легенды; божество войны Гуань-ди — историческая личность III в. н. э., дела которого вскоре после его смерти стали обрастать легендами и который был канонизирован в XIII в.³, и многие другие.

Вплотную к мифологическому и ритуальному лубку примыкают буддийские одноцветные изображения святых: будд, бодисатв, архатов. Внешний вид и техника изготовления здесь также весьма близки к народным лубочным картинам. Богатейшая коллекция таких буддийских икон (около тысячи листов) была передана В. М. Алексеевым в Музей истории религии, где она и хранится в настоящее время.

Вопросы содержания и значения в народной жизни Китая новогодней картины-лубка, как было сказано выше, заинтересовали В. М. Алексеева в самом начале его пути как ученого. Его интерес к подобным «грубым материям» вызывал нередко недоумение не только среди европейских ученых, но и среди известной части старой феодальной интеллигенции Китая, которая третировала лубок и другие виды народного искусства, как нечто не укладывающееся в ортодоксальное конфуцианское представление об изящном. Несмотря на это, В. М. Алексеев сумел привлечь своих учителей-сяньшэнов к работе над изучением народной картины и составить то описание своей коллекции, о котором уже упоми-

³ См. о нем: Проф. В. Алексеев, *Х. Китайский культ бога Гуаня*. Русский музей, Этнографический отдел. Отд. оттиск, [Б. м., б. г.].

налось. В зрелую пору своего творчества В. М. Алексеев выступил в отечественной и зарубежной печати с рядом статей, посвященных народной картине⁴. Работы эти, в основу которых положена коллекция и ее описание, были по существу первым серьезным словом в китаеведении по этому вопросу и явились крупным вкладом В. М. Алексеева в изучение китайской этнографии.

Наконец, последняя часть коллекции лубка — это лубок театральный. Выделение этой группы в значительной степени условно, так как тематика китайского театрального лубка, тесно связанная с репертуаром китайского народного театра, включает в себя и легендарно-исторические и фантастико-мифологические, и бытовые сюжеты, нередко тесно переплетенные между собой. Поэтому театральный лубок является как бы синтезом всего богатого содержания китайской народной картины, подобно тому как китайский театр вобрал в себя все более или менее значительные сюжеты китайской мифологии и литературы. В то же время и лубок других видов непременно включает в себе элементы театральности, хотя бы в позах персонажей, повторяющих движения актеров на сцене китайского театра. Не пытаясь в настоящем сообщении отразить все многообразие китайского театрального лубка, так как для этого необходимо специальное исследование, укажем только, что он играет, как и китайский народный театр, громадную образовательную роль. Это как бы книга для неграмотных, знакомящая всех с богатейшей китайской народной традицией, легендами, сюжетами. Благодаря дешевизне лубка, делающей его доступным каждому бедняку, он несет в массы знания по истории страны и мифологии. Эту роль лубка трудно переоценить.

Совсем иную сторону китайской культуры представляет другая коллекция, собранная В. М. Алексеевым, — коллекция эстампажей. В его дневнике путешествия по Китаю постоянно после описания храма, кладбища, старинной постройки встречаются записи: «Сняли эстампажи». Следует пояснить, что собой представляют эти памятники, и сказать несколько слов о китайской технике снятия эстампажей, применяющейся в Китае с древнейших времен и сыгравшей немалую роль при изобретении книгопечатания (первые из дошедших до нас китайских печатных книг относятся к VIII в. н. э.).

Китай насчитывает сравнительно небольшое количество памятников-монументов: остатки статуй лошадей на могилах императоров периода Хань, памятник герою-патриоту Юэ Фэю, могилы минских императоров — вот почти все памятники, представляющие собой скульптурные изображения людей и животных (сюда не включается особый вид скульптуры — бесчисленные статуи будд, бодисатв, архатов и других буддийских святых, буквально переполняющие каждый китайский храм, а также статуи собственно китайских святых, описанию которых В. М. Алексеев отводит такое большое место в своем дневнике). Памятники-монументы в Китае с давних пор заменяются памятниками-надписями. Высеченные на камне или вырезанные по дереву, они покрывают любое китайское кладбище, стены любого китайского храма или дворца, рассеяны по всем паркам. Надписи, вывески, фразы по обеим сторонам дверей или семейного алтаря — необходимая принадлежность любого китайского города, каждого мало-мальски зажиточного дома. Все это вместе взятое представляет со-

---

⁴ См., например: В. Алексеев, *О некоторых главных типах китайских заклinalных изображений по народным картинам и амулетам* (ЗВОРАО, т. XX, вып. II—III. СПб., 1911), стр. 1—76; В. М. Алексеев, *Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства* («Сборник музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Российской Академии наук», т. V, вып. 1, Петроград, 1918), стр. 253—318; Basil M. Alexeiev, *The Chinese gods of wealth*, London, 1928.

бой такую неисчерпаемую сокровищницу китайской эпиграфики, что непривычному к подобным вещам европейцу трудно даже себе представить это богатство. Если добавить, что надписи эти нередко сделаны рукой знаменитого каллиграфа, то ясно будет, какую роль играют они для изучения китайского искусства и китайской эпиграфики.

Немалое значение памятники китайской эпиграфики имеют и для изучения истории Китая — ведь при обилии надписей мемориального характера, сохраняющихся многие века вследствие прочности материала, на котором высечены, они поистине оказываются зафиксированной историей Китая. Нередко долгие безуспешные поиски исторического источника завершаются в конце концов обнаружением надписи, дающей необходимые сведения. Так, наиболее достоверные (хотя и не бесспорные) данные о жизни великого писателя Ши Най-аня, автора всемирно известного романа «Шуйху», получены именно из мемориальной записи о нем, долгие годы остававшейся неизвестной.

Естественно, что надписи привлекли внимание В. М. Алексеева, который старался не пропускать ни одной сколько-нибудь значительной детали китайской культуры и быта. К его услугам была древняя техника получения точных копий с надписей и рельефов в натуральную величину — техника снятия эстампажей, широко распространенная в Китае, особенно в местах скопления памятников эпиграфики.

Китайцы высоко ценят искусство каллиграфии, ставят его наравне с живописью, а нередко и выше. Но если каждая знаменитая картина существовала лишь в одном экземпляре и в силу этого была доступна лишь небольшому кругу людей, то получить в свое владение искусство сделанную надпись мог любой. Для этого достаточно взять лист мягкой бумаги, приложить его к надписи на камне так, чтобы бумага повторяла все выпуклости и углубления, и покрыть выпуклые части тушью. Получается точная копия каллиграфического образца, которую можно повесить у себя дома и любоваться ею, как подлинником.

Во время своих путешествий по Китаю В. М. Алексеев снял эстампажи с ряда памятников-надписей, орнаментов и изображений, вырезанных на камне и дереве. Коллекция эстампажей, переданная в настоящее время в Государственный Эрмитаж, составляет не менее тысячи листов. При чтении дневника путешествия В. М. Алексеева по Китаю диву даешься, наблюдая ту энергию, которую он проявил, разыскивая наиболее интересные памятники и фиксируя их на эстампажах. Но этого мало. Большинство памятников эпиграфики было комментировано — опять-таки с помощью китайских друзей, — и эти пояснения являются ценнейшим приложением к дневнику. Памятники эпиграфики составляют наиболее обширную часть коллекции эстампажей. Среди них мы нередко встречаем почерка многих знаменитых каллиграфов, произведения которых в последующие века повсеместно в Китае были образцом для подражания при изучении стилей китайского письма и овладении ими; здесь же мы встречаем и собственноручные записи многих исторических деятелей. Если учесть, что рукописи их по большей части погибли, то будет ясно, почему эти каменные автографы привлекают внимание китайских исследователей уже с очень давних времен.

Китайские знатоки сравнивают свободную линию, проводимую при письме искусной кистью, со свободной линией художника, умеющего одним взмахом кисти, без дальнейших поправок, передать все необходимое для изображения того или иного предмета — одним из лучших примеров такой живописи в национальном китайском стиле является творчество Ци Бай-ши. Таким образом, китайская живопись в национальном стиле связана с каллиграфией не только тем, что искусно выполненная надпись

является неременным дополнением к картине, но и тем, что каждый мазок напоминает взмах кисти каллиграфа. Несомненно, связан с искусством каллиграфии и свободный мазок подмалевки на китайской народной картине — лубке.

В. М. Алексеев был одним из немногих европейцев, глубоко понимавших китайскую каллиграфию. Его кабинет был украшен воспроизведениями образов каллиграфического искусства, и это отнюдь не было чудачеством или экзотическим добавлением к кабинету. «Когда у меня плохо идет работа, — говорил В. М. Алексеев, — я смотрю на эти надписи, и они меня вдохновляют». О значении каллиграфического искусства для Китая В. М. Алексеев впервые сказал в своей «Поэме о поэте»⁵. Впоследствии он вернулся к этому вопросу и подробно осветил его в статье, специально посвященной каллиграфическому искусству⁶.

Кроме собственно эпиграфики, среди эстампажей есть воспроизведения рельефов на камне. Непосредственно связанные по манере изображения с китайской гравюрой, они не представляют собой рельефов в европейском смысле — это воспроизведения лишь контурных линий; на китайском рельефе не найти углублений, дающих светотень на барельефах в европейском искусстве. Это — силуэтное изображение, лишь очерчивающее фигуру человека и складки его одежды, что, впрочем, не мешает изображениям выглядеть очень живо.

Наконец, в коллекции есть цветные эстампажи, снятые с рельефных деревянных орнаментов. Вырезанный по дереву узор повсеместно украшает дворцы, храмы, монастыри и ворота на городских и деревенских улицах. Деревянные детали окрашиваются в яркие цвета: красный, зеленый, желтый. Эстампажи с подобных орнаментов снимаются с помощью цветной туши и дают совершенно точное воспроизведение раскраски и узора оригинала.

Китайская эпиграфика связана с лубком не только по линии технической (свободный мазок, подмалевка), но и по линии ее назначения. Если картина, предназначенная для народа, является как бы энциклопедией, включающей в себя многие важные знания, предназначенные для простого народа, то эпиграфика представляет собою такого же рода энциклопедию для образованных людей.

Не в меньшей степени связана с лубком и третья коллекция В. М. Алексеева — коллекция китайской почтовой бумаги с гравюрами. Если лубок — это все-таки произведение ремесленника, пусть обладающего большим вкусом и навыками, но все же не художника в полном смысле этого слова, то гравюра на почтовой бумаге — несомненное произведение искусства, вызывающее восхищение не одних только китайцев. Выпуск художественной бумаги для писем — старинное китайское производство, существующее никак не менее четырехсот лет. Еще при династии Мин издательство «Чжубаочжай» начало собирать гравюры с изображением цветов, веток, камней, изредка — человеческих фигур и печатать их на почтовой бумаге. Эта бумага стоила дорого, но пропаганде китайской гравюры она, несомненно, способствовала в очень большой степени, и благодаря деятельности этого издательства до нашего времени дошло немало гравюр, которые в противном случае могли бы быть безвозвратно утеряны.

---

⁵ В. М. Алексеев, *Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908)*, Петроград, 1916, стр. 068 — 069.

⁶ В. М. Алексеев, *Артист-каллиграф и поэт о тайнах искусства письма* («Советское востоковедение», IV, 1947), стр. 19—33. — Работа иллюстрирована каллиграфическими образцами из коллекции эстампажей.

К началу двадцатого века производство художественной почтовой бумаги пришло в упадок, и заслуга возрождения его принадлежит Лу Синю, Чжэн Чжэнь-до и нескольким другим энтузиастам-собираателям китайских древностей. Об этой стороне деятельности Лу Синя говорят некоторые работы о нем, правда, чрезвычайно кратко⁷, а также его собственные предисловия к собраниям гравюр на почтовой бумаге⁸. В результате борьбы группы знатоков к работе над гравюрами для китайской почтовой бумаги были привлечены крупнейшие художники, такие, как Ци Бай-ши, У Дай-цю и другие. Гравюры на почтовой бумаге вновь получили широкое распространение и играют до сих пор немалую роль в пропаганде китайского классического искусства.

В коллекции В. М. Алексеева художественная почтовая бумага представлена в самых разнообразных стилях, — здесь мы находим произведения самых несходных между собою художников, как представителей старого искусства, так и современных. Даже при беглом просмотре коллекции поражает полнота, с которой в ней представлены темы китайской классической живописи и современной живописи в национальном стиле («гохуа»). Наиболее многочисленны гравюры, на которых изображены цветы, цветущие ветки деревьев, слива, бамбук, сосна и т. д. Гравюры обычно напечатаны бледными красками, чтобы при письме они не мешали читать написанный поверх них текст. Однако это отнюдь не уменьшает четкости изображения и не вредит впечатлению, которое та или иная картина производит на зрителя. Ряд гравюр напечатан на цветной бумаге; цвет ее выбирается так, чтобы подчеркнуть линии рисунка (во всех случаях цвет бумаги повторяет тот, который был выбран художником при создании данной картины). Воспроизведение гравюр не только безукоризненно в отношении самого изображения, но отличается высокой точностью и в смысле передачи технических средств живописца. Так, на некоторых листах отпечатаны картины, на которых автор изображает облака и рябь на поверхности воды с помощью приема, который, возможно, показался бы странным и вряд ли приемлемым для европейского художника: облака, клубящиеся на горизонте, переданы с помощью линий, выдавленных на бумаге длинным отточенным ногтем, без применения краски или туши. На почтовой бумаге мы видим те же самые слегка вдавленные бесцветные линии, придающие изображению ту самую легкость, почти полную невесомость, которой и добивался художник. На другой картине (автором ее является упомянутый выше У Дай-цю) с помощью сходного приема изображен трухлявый пенек, от корня которого отходят молодые ростки, уже раскрывшие цветы, и т. д. С таким же мастерством и точностью переданы тончайшие линии рисунков Ци Бай-ши в его изображениях насекомых.

Изображения людей также нередко встречаются на почтовой бумаге. Наиболее многочисленны изображения почтенных старцев, далеких от треволнений мира. На этой группе рисунков, как и на предыдущей, мы видим самые различные стили художников при общности основного направления, характерного для старой китайской живописи и графики: лаконичности, даже предельной скупости изобразительных средств при максимальной выразительности картины в целом. Среди образцов этой части коллекции хочется выделить одну группу рисунков. Изображение людей на них выглядит совершенно выпукло, рельефно, хотя полностью отсутствует обычная для европейской живописи светотень. Контуры лиц и

⁷ Например: Чэнь Янь-цяо, *Лу Синь и гравюра на дереве*, М., 1956, стр. 36.

⁸ См., например, одно из предисловий к собранию пекинской почтовой бумаги в сборнике: „集外集拾遺“

одежды нанесены тушью разной консистенции. На рисунках выделены более темной тушью головные уборы, некоторые части одежды; наконец, глаза нарисованы наиболее темной, резко бросающейся в глаза тушью, отчего лица приобретают необычайную выразительность и выпуклость. Эти изображения наглядно иллюстрируют, каким образом китайский художник при совсем других, нежели у европейских художников, изобразительных средствах добивается того же впечатления.

Приглядываясь внимательно к изображениям и предметам на почтовой бумаге, мы неожиданно обнаруживаем сходство их с народной картиной. Хотя изобразительные средства на народной картине совсем иные, чем в профессиональной живописи, которую представляют собой гравюры на почтовой бумаге, но изображения мальчишек, сделанные художником, поразительно напоминают изображения на лубке при всем несхождении техники. И, наконец, мы находим у профессиональных живописцев ту же символику благожелательных изображений, хотя она и представлена гораздо более скупо. Мальчишки, так же как в лубке, — это пожелание мужского потомства, изображение книг, кистей и других письменных принадлежностей также является пожеланием учености и достижения высоких степеней на служебной лестнице. Пожелания при изображении цветов, камней и т. д. выражены гораздо более тонким намеком; пример этого можно видеть на картинах, изображающих бамбук — растение, снаружи стойко сопротивляющееся дурным воздействиям этого мира, а внутри емкое; адресату, таким образом, желается быть столь же стойким и столь же емким, т. е. восприимчивым к учению, как бамбук.

Наконец, последнюю группу в коллекции почтовой бумаги составляют воспроизведения древних предметов, обнаруженных при раскопках или хранящихся в музеях, и старинных раннепечатных книг. Эти образцы не являются собственно произведениями искусства, но играют ту же роль — ознакомление широких кругов с культурными памятниками и отчасти заменяют собой благожелательную символику.

Изредка среди почтовой бумаги встречаются листы, резко отличающиеся от всего остального. В частности, это — изломанные, манерные изображения красавиц, выглядывающих из-за занавесок, совсем не сходные со старинными картинами и живописью в национальном стиле. Они еще сохраняют некоторые черты, привычные для китайского искусства, но в них явно чувствуется влияние упадочной живописи, особенно японской, воспринятой, к тому же, с чисто внешней стороны. К счастью, влияние это было сравнительно недолгим и не оставило заметного следа ни в китайской живописи, ни на почтовой бумаге.

Непосредственно к почтовой бумаге примыкает четвертая коллекция академика В. М. Алексеева — коллекция художественных почтовых конвертов. Отмеченный выше благожелательный характер изображений на почтовой бумаге в еще большей степени присущ художественному конверту. Каждый конверт непременно украшен надписью или рисунком, носящими благожелательный намек и дополняющими содержание вкладываемого в конверт листа почтовой бумаги с написанным поверх рисунка письмом.

В целом содержание рисунков на конвертах сходится с содержанием изображений на бумаге: играющим мальчишкам на листе бумаги соответствуют, например, такие же мальчишки на конверте. Но такое прямое соответствие наблюдается далеко не всегда. Нередко связь бывает и косвенная. Так, на почтовой бумаге мы видим увядшие лотосы — символ поздней осени, а на конверте изображен пожухший осенний лист, символизирующий то же время года. И то и другое означают одно и то же: осенний привет другу-адресату.

Еще более часто благожелательное изображение на конверте заменяется благожелательной надписью. И здесь внимательный наблюдатель непременно заметит связь с теми надписями, которые мы видели в коллекции эстампажей.

Среди эстампажей нередко встречаются не связанные тексты, а отдельные иероглифы: долголетие («шоу»), счастье («фу»), тигр («ху») — символ воинской отваги — и многие другие. Эти отдельные иероглифы написаны самыми различными почерками — от древнейших (стиль «чжунань») до современных уставных, полускоростных и скорописных написаний. Встречаются даже целые стелы, заполненные различными вариантами одного и того же знака; в коллекции В. М. Алексеева, например, есть эстамп надписи на стене храма, составленной из ста различных написаний иероглифа «шоу» — долголетие — той самой надписи, которая так поразила своей изобретательностью, воистину не знающей предела фантазией, художника Финогенова⁹.

Такой же изобретательностью отличаются и надписи на почтовых конвертах. Нередко на различных конвертах мы видим одни и те же надписи, одни и те же иероглифы, но пытаться найти на них один и тот же знак, написанный тем же самым почерком, — труд неблагодарный. При знании истории написания иероглифов и умении применить стиль того или иного каллиграфа, пишущий иероглифы — все равно на стеле ли или на почтовом конверте — почти никогда не повторяется. Полное повторение знака становится почти невозможным, особенно если пишущий всегда (или почти всегда) добавляет к известным уже почеркам черточки своего собственного стиля.

Надпись с простым пожеланием типа «шоу» (долголетие) или «фу» (счастье) — есть далеко не повсеместное явление на китайском конверте. Часто текст надписи означает доброе пожелание по очень сложной литературной или исторической ассоциации. Так, надпись «летающий лебедь» («фэй э») имеет следующий подтекст: в древности пролетающий лебедь означал добрую весть из дома, от которого получивший ее находился за тысячи ли; отсюда надпись эта означает пожелание, чтобы письмом, посланном другу, живущему далеко, послужило ему таким же добрым вестником, как летящий лебедь. Такие сложные намеки — отнюдь не редкость на китайском художественном конверте.

Коллекции почтовой бумаги и конвертов также весьма обширны. Почтовой бумаги насчитывается не менее 800 листов, а конвертов — более тысячи. Появились они как результат стремления ученого объяснить и понять те стороны китайской культуры, которые до него не изучались и которые должны быть поняты для всестороннего знания китайской культуры. «Поэзия приветов» и сложность ее ассоциаций, понятных, впрочем, любому образованному — а в известной части и необразованному — китайцу, нашла в В. М. Алексееве своего серьезного и ученого толкователя, а также неутомимого пропагандиста. В. М. Алексеев намеревался издать серии воспроизведений рисунков на китайских почтовых конвертах, причем это издание должно было быть снабжено пояснениями содержания рисунков и смысла намеков, содержащихся в них. Уже были отпечатаны первые тринадцать конвертов, но тяжелая болезнь В. М. Алексеева, унесшая его, помешала осуществить это намерение.

Значительную роль в деятельности В. М. Алексеева как ученого и пропагандиста великой китайской культуры играли всегда сопровождавшие наглядной иллюстрацией его публичные лекции, читавшиеся им в советское время бесчисленное количество раз и перед самой раз-

⁹ К. Финогенов, *В новом Китае. Записки и рисунки художника*, М., 1950. — Автор даже посвятил этому специальную главу: «Сто вариантов иероглифа» (стр. 59 — 62).

личной аудиторией: в стенах Академии наук и Дома ученых, на заводах и собраниях избирателей во время подготовки выборов в органы власти. Наиболее часто В. М. Алексеев демонстрировал на своих лекциях народную картину, вызывавшую неизменное восхищение аудитории, из кого бы она ни состояла.

Неизменно сопровождался показом иллюстративного материала и лекции для студентов в Ленинградском университете. Пишущий эти строки в годы своего учения на Восточном факультете ЛГУ неоднократно имел возможность видеть народную картину и образцы из других коллекций и слушать объяснения В. М. Алексеева. Результатом этого явился глубокий интерес у многих студентов, прошедших курс у В. М. Алексеева, к различным сторонам китайского искусства, народного и профессионального. А это в свою очередь помогало ученикам В. М. Алексеева более разносторонне понимать жизнь китайского народа, быть более квалифицированными специалистами как в области китайского искусства (у тех из них, кто решил посвятить себя изучению этой области жизни Китая), так и в других областях китаеведения (у тех, кто посвящал себя китайской истории, литературе, языку).

Ученики В. М. Алексеева, которым удалось побывать в Китае, считали своим неперенным долгом привезти оттуда в подарок своему учителю те или иные материалы в дополнение его коллекций. Поэтому коллекции В. М. Алексеева, которые он начал собирать и собрал в их основной части, когда сам был в Китае, непрерывно пополнялись и позднее, и в них постоянно встречаешь такие образцы, которых, если учесть, что В. М. Алексеев в последний раз был в Китае в 1926 году, там и не должно было быть. К сожалению, В. М. Алексеев, подробно описавший свои коллекции еще во время своего пребывания в Китае, впоследствии при пополнениях их учениками далеко не всегда имел свободное время для того, чтобы специально заняться продолжением описания. По этой причине значительная часть коллекций осталась неописанной и лишь зарегистрирована порядковым номером (сделать это В. М. Алексеев всегда находил время).

Таковы коллекции, собранные В. М. Алексеевым в Китае.

Этим собраниям была посвящена значительная часть его жизни, целиком отданной многосторонней научной деятельности. К изучению народного искусства Китая, в частности, лубка В. М. Алексеев пришел раньше, чем любой другой китаевед мира. Даже китайская наука признала необходимым изучение китайского лубка лишь после освобождения Китая и образования Китайской Народной Республики. Первая «Краткая история развития китайской новогодней картины» А Ина, упоминавшаяся выше, вышла в свет в 1954 году, т. е. примерно через тридцать лет после того, как В. М. Алексеев стал собирать эти картины и приступил к их описанию. Также только в народном Китае были впервые организованы выставки и экспозиции китайской народной картины и начато музейное хранение лубка, как, впрочем, и ряда других видов народного искусства, которые в старом Китае пребывали в забвении и нередко хирели, приходили в упадок.

Коллекции В. М. Алексеева огромны, и хотя он в течение своей жизни неоднократно обращался к своим собраниям и возобновлял работу над ними, даже его энергии не хватило на то, чтобы всесторонне осветить те виды искусства и культуры Китая, которые представлены в его коллекциях. Ему препятствовали нередко перестраховщики, которые заявляли, что в новом Китае эти «феодалские» виды искусства не найдут применения. Время показало, что прав был В. М. Алексеев, упорно отстаивавший необходимость изучения собранных им материалов. В настоя-

щее время китайская наука приступила к широкому изучению подобных же материалов. Об изучении и хранении лубка говорилось выше. Все те стэлы и надписи, с которых снимал свои эстампажи В. М. Алексеев, в настоящее время взяты под государственную охрану, тщательно изучаются и реставрируются. Также начато переиздание и воспроизведение в альбомах образцов почтовой бумаги. Изучаются и собираются вырезки из бумаги, составляющие одну из сторон китайского народного искусства (небольшая сравнительно коллекция вырезок имелась и у В. М. Алексеева; в настоящее время она хранится в Государственном Эрмитаже). Этот перечень можно было бы увеличить до очень больших размеров.

Благодаря неустанным усилиям В. М. Алексеева в пропаганде этих замечательных, в ряде случаев уже неповторимых коллекций советские китаисты — его ученики — никогда не смотрели на эти предметы, как на нечто диковинное, экзотическое, учась у своего учителя осмысленному и углубленному подходу к явлениям китайской культуры вообще и к коллекциям, о которых рассказано выше, в частности. Но сделано в области изучения того, что рекомендовал В. М. Алексеев, слишком мало. Одной из насущных задач советского китаеведения и его искусствоведческой части является дальнейшее описание, изучение и экспозиция (в Эрмитаже и в других музеях) тех ценностей, которые собраны в коллекциях акад. В. М. Алексеева.

В. С. Стариков

СОВРЕМЕННАЯ СЕВЕРО-КИТАЙСКАЯ ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА

(Пекин и провинция Хэбэй)

*Доложено на совместном заседании Отделения этнографии
и Восточной комиссии Географического общества Союза ССР
11 января 1957 г.*

Данная статья является не детальным исследованием китайской народной игрушки, а лишь кратким описанием одного из видов ее — глиняной игрушки.

Среди кустарных игрушек (около двух тысяч), собранных автором статьи и О. И. Стариковой за годы пребывания в Китае, наиболее многочисленны именно глиняные игрушки. В коллекцию¹ входят также игрушки, сделанные только из одного вида материала: дерева, бамбука, стеблей гаоляна и тростника, различной соломы, пеньки, пальмового волокна, ваты, ткани, камня, гипса, бисквита, стекла, картона, бумаги, папье-маше, цветного рисового теста, кожи, жести, проволоки и т. д., или же комбинированные (дерево+глина+перья, проволока+пенька+бумага, глина+пружинка и т. п.), включая мягкие набивные игрушки. В основном это изделия кустарей и лишь в незначительной части — изделия детей.

Игрушки, сделанные из глины, — самая многочисленная и разнообразная продукция китайских кустарей-игрушечников. Этот вид производства составляет часть искусства лепки из глины, которое является одним из древнейших художественных ремесел в Китае. Истоки этого искусства имеют очень глубокие корни в жизни китайского народа, а в произведениях мастеров-игрушечников прослеживаются национальные традиции, которые складывались на протяжении тысячелетий. В частности, наблюдается поразительная живучесть древних форм, многие из которых сохра-

---

¹ Большая часть коллекции собиралась в Пекине и его окрестностях в период 1952—1955 гг. Игрушки, собранные во время поездки по Китаю в 1957 г., в это описание вошли частично. Некоторая часть коллекции была собрана в Тяньцзине и в городах Северо-Восточного Китая — Харбине, Ачэне, Лалине, Шэньяне (Мукден) и др. Считаю своим долгом отметить, что отдельные игрушки из Пекина, Гуанчжоу, Чунцина, Шанхая и Шэньяня были любезно переданы мне т. Гао Маном, из Харбина — М. П. и И. Г. Гетмановыми, из Пекина и Харбина — Н. И. Кайданской, собиравшими их в период 1956—1957 гг. Коллекция находится у автора. В 1957 г. она экспонировалась в Ленинграде на совместном заседании Отделения этнографии и Восточной комиссии Географического общества Союза ССР и сектора Восточной Азии Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Частично она показывалась в 1956 г. по московскому телевидению, а в 1958 г. — в Ленинграде во Дворца культуры промкооперации и им. Горького.

нились в китайской народной игрушке и до наших дней². Народные мастера, сохраняя древние традиции в форме и красках, воплощают в своих изделиях изменения, происшедшие в хозяйстве, быту и нравах народа.

Содержание северо-китайской народной игрушки составляют темы труда и быта, образы окружающей природы (включая животных и растения), легендарно-сказочные сюжеты, театральные и сатирические образы. Хэбэйская игрушка, подобно народной игрушке некоторых других районов Китая (например, г. Уси и др.)³, отличается художественностью и во многих случаях большой реалистичностью образов, взятых из жизни. Для нее типична выразительность форм, декоративность и жизнерадостная расцветка.

Известно, что кустарный игрушечный промысел в Китае стал развиваться уже с раннего периода феодального общества. Но все этапы его развития вплоть до половины XIX в. пока еще прослежены очень слабо. Интересно отметить, что за последние годы на территории Китайской Народной Республики, помимо большого числа древнейших погребальных предметов, внешне сходных с некоторыми современными игрушками⁴, найдены и настоящие игрушки позднейшего времени, предположительно эпохи династии Мин⁵.

Изменение тематики, заметно проявившееся в конце XIX—начале XX в., стало усиливаться после революции 1911—1912 гг. К привычным фигуркам животных, птиц, насекомых, героев исторических легенд и другим старым типам игрушек присоединяются все новые персонажи.

Еще более резкое изменение тематики или, вернее, добавление к ней произошло в последние два десятилетия и особенно после образования Китайской Народной Республики. Сейчас наряду с традиционными легендарно-сказочными и театральными героями можно встретить глиняные игрушки в виде бойца или матроса Народно-освободительной армии, рабочего, автомобиля обтекаемой формы, грузовика, трактора, самолета (как винтового, так и реактивного), мотоцикла и другие, отображающие новый быт. При этом, как и в прошлом, игрушки сегодняшнего дня не лишены традиционной стилизации, условности и своеобразной чисто китайской романтики (театральность поз у человеческих фигурок и т. д.).

В связи с нарастающими темпами революционной перестройки города и деревни в Китае начали меняться запросы и вкусы маленьких потребителей. Точно так же изменились и взгляды многих родителей на игрушку. В известной степени этому содействуют периодически устраиваемые выставки игрушек в Пекине и других крупных городах. Так, в 1956 г. на выставке в Пекине экспонировалось свыше двух тысяч различных игрушек. Выставка была организована в целях привлечения внимания широкой общественности к производству и художественному оформлению игрушек⁶. На подобных выставках обычно подчеркивается значение игрушки в воспитании детей и даже специально выделяются игрушки вредные и полезные⁷. Поэтому вполне естественно, что и в глиняной игрушке наблюдаются изменения и даже известное вытеснение ряда старых, привычных глазу старшего китайского поколения традиционных сюжетов

² 郭寶鈞, 林壽晉. 一九五二年秋季洛陽東郊發掘報告. 考古學報, 北京, №9, 1955, 113頁 (далее — Го Бао-цзюнь и Линь Шоу-цзинь, *Раскопки в восточном пригороде Лояна осенью 1952 г.*); Чжан Дин, *Китайские народные игрушки*, Пекин, 1957, стр. 3.

³ «Развивать и совершенствовать прикладное искусство» («Китай», 1957, № 10), стр. 33 — 34; Чжан Дин, *Китайские народные игрушки*, стр. 3.

⁴ Го Бао-цзюнь и Линь Шоу-цзинь, *Раскопки в восточном пригороде Лояна осенью 1952 г.*, табл. 10.

⁵ 四川華陽琉璃廠調查記. 文物參考資料, 北京, 1956, №9, 47—48頁.

⁶ См. журн.: «Китай», 1956, № 6, стр. 33.

⁷ Цзи Кан-вэнь, *Китайские народные игрушки* [«Дружба» (Пекин), 1956, 13 января, № 11 (233)], стр. 3.

новыми темами, отражающими облик нового Китая, строящего социализм.

Влияние лубка на глиняную игрушку. Вкусы потребителя и яркая декоративность игрушки роднят ее с народным лубком, особенно с новогодним, столь популярным во всем Китае. Это объясняется тем, что многие мастера-игрушечники во время своей работы довольно часто пользуются в качестве образца красочными лубочными картинками, которые в громадном количестве производятся в Янлюине, в районе Тяньцзиня, откуда они расходятся по всей стране.

Сравнивая многие глиняные игрушки с раскраской лубочных персонажей, нетрудно заметить почти ту же расцветку костюмов и других атрибутов этих героев.

Районы производства глиняных игрушек. Уезды, занимающие часть южной половины провинции Хэбэй (например, уезд Цы), издавна славились своим гончарным производством и искусством лепки различных изделий из глины. Этот промысел зародился здесь более трехсот лет тому назад. Как и во многих других районах Китая, вначале это был подсобный промысел некоторых крестьян. Со временем, особенно в период маньчжурской династии Цин в XVII—XVIII вв., здесь стали появляться специализированные гончарные мастерские. В них производились различные изделия к определенным датам или сезонам, например, к празднику Весны (новый год по лунно-солнечному календарю), ярмаркам и базарам при храмах в различных городах, в том числе и в Пекине. Уже в то время значительная доля продукции гончаров приходилась на детские игрушки. Раскраска игрушек применялась и постепенно стала играть все большую роль. Игрушки из необожженной глины, производимые в этом районе, по сравнению с другими отличаются особой яркостью и живостью расцветок.

В тяжелые годы гоминдановской реакции и господства японских империалистов многим гончарам пришлось бросить привычное производство или закрыть свои предприятия. Многие мастера, потерявшие в эти годы работу, вынуждены были переменить профессию. Все это нанесло очень сильный удар традиционному в этих местах производству игрушек, которое стало быстро возрождаться только после образования Китайской Народной Республики.

В настоящее время гончары этого района дают много видов различной продукции, причем значительную часть составляют игрушки глиняные.

Каждую весну южно-хэбэйские гончары-игрушечники привозят свои товары на одноколесных тачках в ближайшие к месту производства города и даже в Пекин⁸. В это время года их можно встретить в любой части столицы, Тяньцзиня или Баодина, где они продают игрушки за наличные деньги или выменивают на металлический лом, главным образом цветных металлов.

Подобную сценку можно видеть на известной в Китае картине Сю Хань-чжэня, художника XI в. На этой картине изображен окруженный ребятами бродячий торговец с тачкой, нагруженной самыми разнообразными игрушками⁹.

Как несколько столетий назад, так и теперь эти немного грубоватые по своей форме игрушки также радуют маленьких покупателей своими необыкновенно яркими красками¹⁰. Интенсивные тона красок в комби-

⁸ С их слов и записаны вышеприведенные сведения.

⁹ Цзи Кан-вэнь, *Китайские народные игрушки*, стр. 3; «Chinese traditional toys» [«China reconstructs»] (Peking), 1955, vol. IV, № 12], p. 15.

¹⁰ Чжан Дин, *Китайские народные игрушки*, стр. 3.

нации с чисто белым основным фоном дают исключительно богатую, хотя порой и непривычную для европейского глаза, гамму сочных цветных пятен.

Относительная хрупкость и сложность перевозки этих игрушек мешают большому распространению их по периферии. Игрушечники торговали и торгуют ими преимущественно в соседних районах или там, где наварняка обеспечен быстрый сбыт игрушек.

Мастера-игрушечники. Кустари-ремесленники, проживающие в Пекине, Тяньцзине или других городах провинции Хэбэй¹¹, и крестьяне¹² или рыбаки¹³, занимающиеся производством игрушек наряду с основной работой, часто достигали и достигают поистине изумительной виртуозности в использовании простых материалов, применяя самые нехитрые инструменты. В кустарном игрушечном искусстве весьма прочны традиции индивидуального и коллективного творчества, довольно часто наблюдается переход установившихся образцов от одного мастера к другому (обычно ранее передававшихся по наследству) с некоторыми легкими отклонениями. Прочно удерживаются только наилучшие образцы, т. е. одобряемые как творящей средой, так и потребляющей — покупателями всех возрастов. Кустари-крестьяне, пожалуй, еще чаще, чем городские кустари, передавали свое искусство, определенные технические навыки и различные секреты производства из поколения в поколение, и, таким образом, очень многое из этого вида художественного ремесла смогло дожить до победы народа — до образования Китайской Народной Республики — сохранившись в отдельных районах провинции Хэбэй.

С первых же лет установления народной власти благодаря освобождению кустарей-игрушечников от вековой эксплуатации скупщиков и перекупщиков, открылись богатейшие возможности для подъема и дальнейшего развития игрушечного промысла. Но в новых условиях появились и новые трудности. В связи с ускоренными темпами индустриализации страны в последние годы возникал такой вопрос: будет ли продолжаться вытеснение кустарного искусства в Китае массовой и дешевой фабричной продукцией, угрожая в конечном итоге хотя и постепенным, но полным вытеснением этого искусства, или же в условиях строительства социализма развитие пойдет по какому-то другому, своему пути? Такой путь в новых социальных условиях кустари-игрушечники нашли в кооперировании.

Техника производства игрушек. Основным материалом для подавляющего большинства народных игрушек как города Пекина, так и всей провинции Хэбэй служит самая обыкновенная лёссовидная глина желтого цвета, повсеместно встречающаяся в Северном Китае, или же различные виды гончарной глины.

Пекин, все его обширные пригороды и ближайшие окрестности, а также южная часть провинции Хэбэй дали и продолжают давать замечательные образцы разнообразных глиняных игрушек¹⁴, среди которых встречаются как самые простые, из необожженной глины (чаще всего), так и из обожженной (в том числе и поливные, правда, реже встречающиеся).

Любой городской кустарь по возможности берет глину прямо со своего двора или же где-нибудь на пустырях, расположенных по соседству, особенно если он живет в пригороде или на окраине. Мастер-игрушечник, живущий ближе к центру какого-либо города, достает глину, если воз-

¹¹ Там же, стр. 1.

¹² Там же, стр. 2.

¹³ «Chinese traditional toys», p. 15.

¹⁴ Чжан Дин, *Китайские народные игрушки*, стр. 5 — 6.

можно, точно таким же образом. Если это затруднено, он копает глину на окраине и привозит домой сам на ручной тележке. В отдельных случаях он покупает нужное ему сырье на улице у специальных развозчиков глины, продающих свой товар по очень дешевой цене (для кустарного производства примитивных брикетов в виде мелких катышков из угольной пыли, заготовка которых широко развита в Пекине и других городах Северного Китая).

Везде, где открывались месторождения пластичной глины, возникал и гончарный промысел. Из той же самой глины, что идет на выделку посуды, потребляемой одинаково широко и в деревне и в городе, гончары делают и различные игрушки.

Обожженные игрушки делаются из серой, белой, но чаще всего из желтой глины. Глина при обжиге обычно теряет свой первоначальный цвет и в большинстве случаев принимает красноватый оттенок.

Северо-китайская глиняная игрушка, как правило, лепная. Для проработки различных мелких деталей у каждого мастера обязательно имеется специальный набор заостренных бамбуковых или деревянных палочек, которыми отделяются головы и лица — глаза, рот, нос, уши, а также складки и другие детали одежды на фигурках людей. В нужных случаях прорабатывается мелкий орнамент, жилки на листьях растений и т. п. Отдельные детали прилепляются или насаживаются при помощи спичек к основной части игрушки. Иногда применяется формовка игрушек (целиком или некоторых деталей). Формы изготавливаются из различных материалов. Игрушки, законченные отделкой, расставляются для просушки на улице или в помещении, смотря по погоде. После того как заготовки полностью просохнут, приступают к их окрашиванию клеевыми красками. Так появляется наиболее популярная народная игрушка из необожженной глины, отличающаяся своей яркой раскраской, простотой форм и очень низкой ценой, что делает ее вполне доступной для всех.

В другом случае вылепленные и отделанные игрушки обжигаются в гончарной печи, куда их устанавливают в несколько рядов для экономии места. Время обжига различно (иногда доходит до суток) и зависит от количества обжигаемой продукции и нагрева печи.

Вынутым из печи игрушкам дают остыть и затем сортируют, отбраковывая лопнувшие или перегорелые. После этого игрушки, не идущие в раскраску и полив, вполне готовы для продажи. Этот процесс аналогичен применяемому при изготовлении и русской игрушки¹⁵.

Поливные игрушки из описываемого района встречаются чрезвычайно редко. Обычно масса различных поливных игрушек привозится на север Китая, в частности в Пекин и Тяньцзинь, из южных провинций, особенно из Гуандуна и Цзянси.

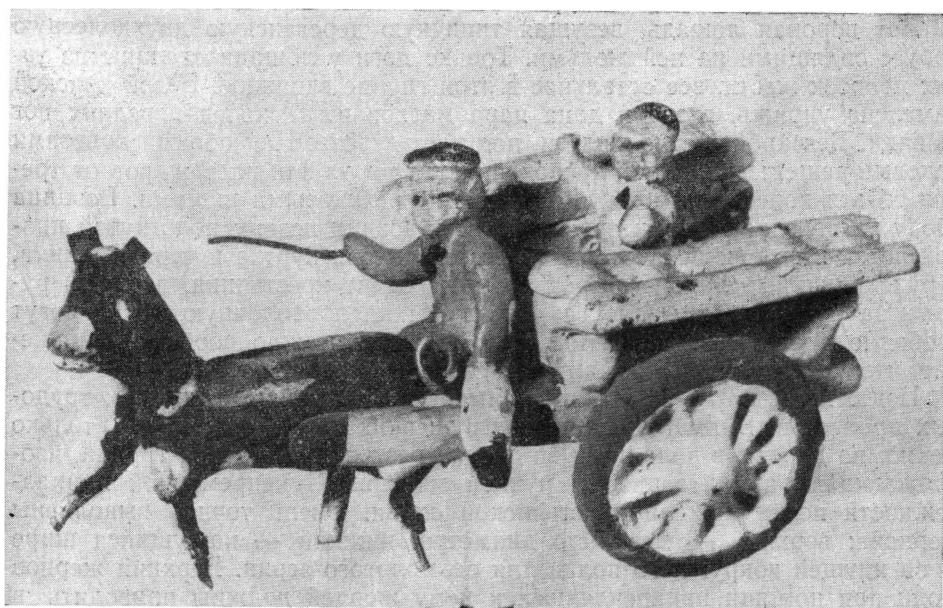
Техника раскраски. Любая игрушка независимо от материала, из которого она сделана, нуждается в привлекательном красочном оформлении. Особенно это относится к игрушкам для детей младшего возраста. Уже давно замечено, что яркость расцветки намного повышает эмоциональное отношение ребенка к игрушке.

Для раскраски игрушек из необожженной глины употребляют самые дешевые клеевые краски двух-трех или четырех ярких цветов. Гораздо реже применяются масляные краски и еще реже эмалевые, так как их использование хотя и улучшает качество окраски, но все же значительно повышает стоимость игрушки.

Игрушки иногда предварительно загрунтовывают белой краской и затем раскрашивают только частично. Подобный способ известен и в Рос-

---

¹⁵ Н. Церетелли, *Русская крестьянская игрушка*, М., 1933, стр. 176.

ДЕРЕВЕНСКАЯ АРБА

сии¹⁶. В тех случаях, когда красят масляными красками, игрушки, как правило, предварительно не грунтуются. Это делается из соображений большей дешевизны.

Потом, но далеко не всегда, для придания блеска всю поверхность игрушек покрывают бесцветным масляным лаком.

Для нанесения на игрушку рисунка пользуются специальными тонкими кисточками. Рисунок чаще всего состоит из разноцветных параллельных полосок, а подчас из более или менее сплошного орнамента, комбинированного из различных цветов, кругов и пр.

У подавляющего большинства самых дешевых игрушек качество окраски бывает неважным. Но даже и такая, быстро линяющая (ввиду экономии клея в краске) глиняная игрушка всегда находит хороший сбыт по причине низкой цены. У более дорогих (и лучше выполненных) игрушек часто наблюдается отскакивание масляной краски из-за отсутствия предварительной их грунтовки олифой.

Типы игрушек. Игрушки из необожженной глины по тематике можно разделить на следующие группы: бытовые, домашние и дикие животные и птицы, религиозно-легендарные, звуковые (свистульки), театральные, батальные и архитектурные. Все игрушки из обожженной глины выделены мною в отдельную группу только по признаку материала.

Бытовые игрушки. Несколько изменяясь в конце XIX и начале XX в., сюжетно-бытовая игрушка и до сих пор не потеряла своего этнографического характера и дает ряд обобщенных деревенских и городских типов.

Ряд игрушек по своей тематике остается чисто крестьянскими. Таковы одиночные и групповые игрушки. Они знакомят нас с различными видами крестьянского труда, обихода, иногда выражая идеалы людей, их создавших.

¹⁶ Т. С. Маслова, *Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины* («Краткие сообщения Института этнографии», вып. VI, 1949), стр. 7—8.

Вот вороная лошадь, везущая типичную деревенскую двухколесную арбу с сидящими на ней людьми. Только ноги у лошади сделаны из узких полосок жести, все остальное в этой группе глиняное. Белой краской намечена упряжь, глаза и дана пара мазков выше колен передних ног лошади. Вся арба светло-желтая, под цвет дерева. Над обоими колесами боковые решетчатые рамы, предохраняющие груз или пассажиров от трения об эти колеса, которые изображены с резиновыми шинами. Возница сбоку на передке в характерной для всех возниц позе: с подогнутой правой ногой и свисающей левой. На нем сиреневая куртка и черная шапка, в руках длинный кнут. Посередине арбы сидит крестьянин, держась руками за боковые рамы. Колеса насажены на проволочную ось и могут свободно вращаться. Таким образом игрушке можно сообщать движение, что увеличивает к ней интерес ребят.

Известное место в тематике занимает изображение различных трудовых процессов. Внимание мастера-игрушечника привлекают не только сценки на дороге, в поле, но и во дворе крестьянина. Такова группа, изображающая размол зерна на ручной мельнице — непременно принадлежности почти каждой крестьянской семьи. Очень точно выполнены жернова: верхний — меньшего диаметра, нижний — кажущийся шире из-за идущей вокруг него полки для размолотого зерна. Верхний жернов люди при помощи прикрепленных к нему жердей должны приводить в движение. Жерди здесь сделаны из узких полосок жести, отходящих от жернова и просто воткнутых в две грубо намеченные человеческие фигурки, но вся группа очень жизненна, тем более что верхний жернов насажен на деревянный стержень и может вращаться, если толкать одну из фигурок.

Вот крестьянка, едущая верхом на осле, — одна из обычных сенок на дорогах страны; крестьянин, — тоже верхом, но уже на лошади; мальчик — на спине быка и т. д.

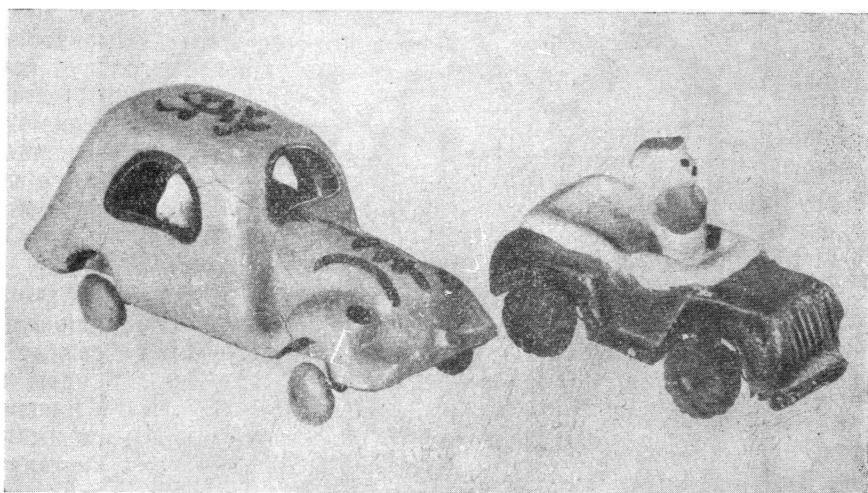
Всадник в голубой куртке и розовых штанах с прической, свешивающейся сзади, наподобие короткой косы. Лошадь у него коричневая с черным хвостом и копытами, белой гривой и белыми отметинами на задних ногах, левой стороне груди, спине и конце морды. Игрушка стоит на ровной белой подставке с четырьмя коричневыми колесиками, и ее можно катать.

Несколько иначе раскрашена другая, подобная игрушка. У всадника такая же голубая куртка, но с широким круглым черным отложным воротником, розовые штаны и своеобразная прическа в виде двух пучков волос по бокам головы. Лошадь тоже коричневая, с белым концом морды, белой гривой, большими серо-белыми отметинами на левом бедре и правой стороне крупа, серым пятном с левой стороны шеи и белым пятнышком на левой стороне груди.

Интересны и одиночные фигуры крестьянин в типичной одежде с охапкой хвороста за спиной, крестьянин в своеобразной зимней фетровой шапке-ушанке коричневого цвета, с длинной курительной трубкой в руках. Таков же крестьянин, но уже с повязанным на голове полотенцем, как это делается летом во многих районах Китая. Живописен старик-рыболов в широкополой плетеной шляпе шестигранной формы, сидящий на зеленом бугре с удочкой в руках. Старик одет в серый, подоткнутый к поясу халат, голубые штаны и черные туфли. Обращает внимание хорошо выполненное старческое лицо с седыми бровями, усами и длинной бородой.

Все эти сценки и отдельные фигуры очень характерны для китайской деревни в прошлом и настоящем.

В изображении верховой езды игрушка дает несколько разнообраз-

СВАДЕБНАЯ АВТОКАРЕТА (слева) и ВИЛЛИС (справа)

ных вариантов. Любопытно, что эта тема у русских крестьян-игрушечников часто давалась как мотив из быта господствующих классов¹⁷. В Китае же обычно изображаются крестьянки и крестьяне, а также крестьянские дети.

В городской тематике игрушек мы встречаемся с различными видами транспорта — автомобилями, велорикшами, мотоциклами и т. д.

Вполне реалистична автокарета, обтекаемой формы, коричневого цвета с нарисованными серовато-голубоватыми окнами и стеклами фар. Передний и задний предохранители (буфера), так же как и «резиновые» шины, окрашены в серебряный цвет, причем колесным дискам дана красная подцветка. Колеса крупные, на бамбуковых осях, сидящих на проволоочных петельках.

Отразились в игрушке и новшества последних десятилетий. Примером может служить маленькая открытая машина типа «виллиса», зеленого цвета. В машине находится только один водитель — грубо сделанная фигурка, окрашенная в белый цвет, с едва намеченными тремя точками на лице (два глаза и рот). На водителе коричневая шапка. На груди чуть намечены руки, выкрашенные небрежным мазком в красный цвет. Колеса черные, с ребристыми шинами, на проволоочной оси. Впереди вставлена проволоочная петелька.

Несколько необычный облик имеет и свадебная автокарета ярко-красного цвета со светло-зелеными несоразмерно маленькими колесиками. Внутри кареты находится почти бесформенная фигура человека розового цвета, хорошо видная сквозь широкие окна. На крыше нарисованы зеленой краской два больших иероглифа 家庭 («цзя тин», семья). По радиатору пущены зеленые разводки, а спереди вставлена жестяная петелька для нитки.

Забавен мотоциклист с розовыми руками, белым лицом, розовыми щеками, красными губами и черными волосами, без головного убора, со слишком короткими ногами. Мотоцикл с нелепым рулем и с прицепной

¹⁷ С. Глаголь, *Русская народная игрушка в XIX веке* («Игрушка. Ее история и значение», М., 1912), стр. 78.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ШКОЛА

коляской имеет три колеса на хорошо крутящихся бамбуковых осях. И человек и коляска выкрашены в одинаковый зеленовато-оливковый (защитный) цвет.

Удачно выполнен велорикша, везущий женщину. Он одет в фиолетовую куртку и белые штаны. На голове зеленая шапка-ушанка. Коляска красная, с золотыми кантиками по бортам. В ней сидит стриженная черноволосая женщина в зеленом платке. Игрушка сделана из глины и лишь оси, рама, ручки руля — из узких полосок жести. Все глиняные части — возница, пассажирка и коляска с колесами — формованы. В частности, фигурка женщины имеет совершенно плоскую спину и затылок. Игрушка хорошо катается. Отмечена даже такая деталь, как красный фонарь перед рулем, обязательная принадлежность всех видов транспорта в Пекине в ночное время.

Есть игрушки, отражающие и другие стороны жизни, например сценка: мальчик, наклонившийся головой в таз, сзади стоящее зеркало и кое-какая обстановка; сбоку надпись: «Чистота — залог здоровья». Так пропагандируются в игрушке новые, важные для всего народа черты здорового быта.

Не осталось забытым и феодальное прошлое. Такова юмористическая сценка учебы в старой школе. На фоне белого картонного экрана-задника с большой черной изогнутой веткой дерева, усыпанного розовыми цветами, расположена группа. Подперев рукой подбородок, дремлет сидящий за столом старый учитель. Вокруг ребята в красных и зеленых куртках и штанах. Один длинной указкой показывает на учителя, второй ползает под столом, а двое других, раскинув в стороны руки, бегают вокруг. Вся группа расположена на картонной подставке розового цвета с четырьмя ножками. Учитель в сером халате и шапке; на его розовом лице слегка намечены закрытые глаза, а у ребят, — брови и глаза.

Вот два мальчика с раскинутыми руками играют с большим красным мячом. Один в розовой куртке и зеленых штанах, другой в зеленой куртке и розовых штанах. Вся группа на черной овальной подставке.

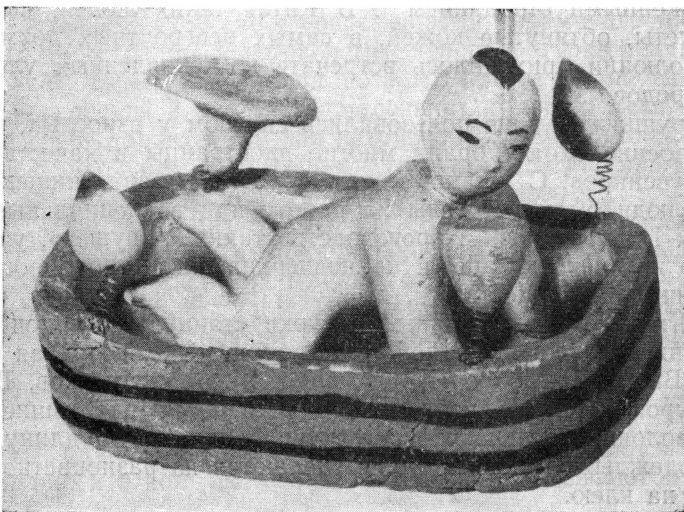
Очень хорош купающийся розовый малыш, стоящий на четвереньках в ванночке, по бортам которой на пружинках расположены розовые бутоны и зеленые листья лотоса, качающиеся при малейшем прикосновении к игрушке.

Обзор бытовой игрушки был бы неполон без упоминания об игрушках, изображающих предметы домашнего обихода. Начиная со всевозможных глиняных горшочков, корчаг для воды и соленых овощей мы встречаемся с предметами, говорящими об известном достатке. К ним необходимо в первую очередь отнести: суповар, который и покрашен под цвет меди, из которой обычно делается настоящий; чайные кукольные сервизики с расписным чайником на большом круглом подносе с пятью пиалами для чая. Такой сервиз делается под терракоту. Он очень красив и добротен, как будто дело идет о предметах, которые должны занять место в реальном хозяйстве.

Очень характерна переносная печурка («луцза») для мелких кустарных каменноугольных брикетов — катышков; на нее ставится чугунный круглый котел с водой (в игрушке он тоже черного цвета, под чугун), сверху которого устанавливается особый прибор («лун ти») для приготовления на пару пресных хлебцев («маньтоу»). Здесь они «лежат» прямо на «решетке», и сверху их можно прикрыть так, как и в действительности, специальной крышкой с верхом, как бы сплетенным из расщепленных стеблей гаоляна.

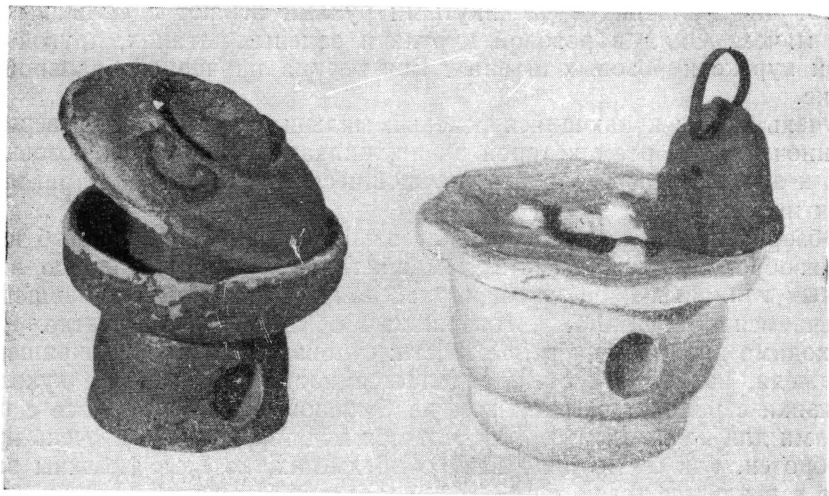
Не забыт и простой таз для стирки белья, такой же глиняный и с зеленой поливой внутри, как и настоящий, с такой же отдельной ребристой стиральной доской, но здесь уже сделанной из глины (а не из дерева, как в действительности).

Городские ремесла, занятия и торговля также широко отображаются и крестьянской игрушкой. Мы встречаем среди них уже отошедшие в прошлое фигуры купца, богато разодетой женщины, старика, стоящего

МАЛЬЧИК, КУПАЮЩИЙСЯ В ВАННОЧКЕ

СУПОВАР (слева) и ПЕЧУРКА С ЧАЙНИКОМ (справа)

у сундука в комнате с зеркалом на столе, ученого («сюющая»), сидящего с книгой в руке, и ряд других бытовых городских фигур.

Характерное для старого Китая явление — обилие нищих на улицах городов — тоже нашло свое отражение в игрушке. Фигурки нищих делались из необожженной глины на проволоочном каркасе и выполнялись большей частью тяньцзиньскими мастерами в подчеркнуто реалистической манере. Они отличались довольно тщательной отделкой и раскраской. Эти игрушки иногда компоновались в небольшие группы, например: дерущиеся нищие — один бьет другого по голове чашкой для еды, в которую принято бросать подавание, а третий ест из чашки, наблюдая за дерущимися. Или другая сценка: несколько нищих, сидящих и стоящих в разных позах с неизменными чашками в руках. Особенно сильное впечатление оставляли фигурки нищих с большими язвами на обнаженных руках, ногах или других частях тела, с открытыми ртами и с лицами, искаженными страданием¹⁸. В Китае таких людей, похожих на живые скелеты, обтянутые кожей, в самых невероятных лохмотьях, до победы революции приходилось встречать на оживленных улицах всех крупных городов.

Эти «игрушки» больше пользовались спросом у взрослых, чем у детей. Их особенно охотно брали многие иностранцы в качестве «оригинальных» сувениров. С установлением народной власти нищенство прекратилось, люди были устроены на работу или в специальные приюты и больницы. Прекратилось и производство таких «игрушек», унижавших достоинство китайского народа, но подчеркивавших уродливость жизни капиталистического общества.

Очень интересны миниатюрные фигурки «танцующих» людей. Здесь, помимо расписной необожженной глины, нужны разноцветная бумага и проволока. Высота фигурок не превышает 5—6 сантиметров. В нижние концы фигурок (совершенно плоские) втыкаются небольшие кусочки тонкой проволоки, выдающиеся наружу на одинаковую длину. Отдельные части одежды и головные уборы делаются из разноцветной бумаги и держатся на клею.

¹⁸ I. T. Headland, *The Chinese boy and girl*, New York, 1901, p. 107.

Для «танцев» игрушки ставят на широкий четырехугольный или круглый медный поднос с загнутыми вверх краями. Игра заключается в том, что небольшой колотушкой легонько постукивают в края подноса. От ударов поднос вибрирует, и это заставляет фигурки «танцевать», то есть все время поворачиваться в разных направлениях, создавая впечатление танца, что, конечно, доставляет удовольствие детям.

Интересно отметить слабое развитие сатирического элемента в китайской игрушке, производимой в деревне. Может быть, это можно объяснить незначительностью непосредственных сношений с высшим классом и относительной отдаленностью деревень с гончарным производством от крупных центров.

В то же время некоторые игрушки, производимые городскими мастерами, в частности тяньцзиньскими, носят явно сатирический характер. Например, подбоченившийся и зевающий во весь рот, разъевшийся буддийский монах с большим отвисшим брюхом. В этой замечательной реалистично выполненной фигуре чувствуется презрение к монахам-дармоедам, многовековым паразитам на теле китайского народа, с которыми приходилось близко соприкасаться и мастерам-игрушечникам. Другой монах, наоборот, худощав, но выражение его лица настолько угодливо-ханжеское и вместе с тем хитрое, даже просто жуликоватое, что стоит только взглянуть на него и сразу становится ясно, какими качествами обладает человек, изображенный мастером. Обе эти игрушки вылеплены и расписаны в Тяньцзине в 20-х годах этого столетия. Размер их довольно велик (около 20 см высотой) по сравнению с обычными размерами массовых глиняных игрушек. По своему выполнению, объему и тематике эти вещи скорее надо отнести к образцам народной расписной скульптуры, чем к игрушкам, предназначенным для забавы ребенка (находятся в музее пров. Хэйлунцзян в Харбине).

Домашние животные и птицы. В первую очередь нужно упомянуть об изображениях животных, наиболее важных в хозяйстве китайского крестьянина, — лошади, мула, осла, буйвола, коровы (быка)¹⁹, свиньи, козы. Вслед за ними самое большое место уделено собаке. Изображение собаки, верного друга человека, встречается в Китае с самой глубокой древности; археологические раскопки дают массу миниатюрных ритуальных скульптурок различных видов собак, часть которых имеет поразительное сходство с современными типами игрушек. Особенный интерес представляет изготавливаемые теперь фигурки пекинских дворцовых собачек, своеобразный вид которых прекрасно передан соответствующей раскраской и наклейкой маленьких кусочков меха.

Хороши столь характерные для китайской деревни откормленные черные свиньи с большими и отвисшими трясущимися ушами, укрепленными на пружинках, что делает игрушки более живыми.

Из птиц чаще всего встречаются утка, петух, курица, гусь. Интересна игрушка курица-наседка, сидящая в большом круглом гнезде розового цвета в окружении маленьких цыплят, окрашенных в различные цвета.

Дикие звери и птицы. Из диких зверей мы встречаемся с тигром, слоном, обезьяной, оленем (пятнистым и обыкновенным), зайцем и появившимися в последние годы медведем, львом, волком и др. Лисица не изображается, что связано с бытовавшим поверьем о лисицах-оборотнях.

Обезьяны, одни из самых любимых игрушек, занимают первенствующее положение и в количественном отношении. Встречаются они в зна-

¹⁹ Корова и бык в китайской деревне являются тягловыми животными. Коров не доят, и крестьяне молока в пищу не употребляют.

чительном числе вариантов. В трактовке обезьян чувствуется большая симпатия к этим забавным животным. Мастера-игрушечники наделяют их массой различных свойств, порой абсолютно не соответствующих обезьяньей натуре, например, чуть ли не всеми внутренними чертами, присущими человеку. Очень часто обезьяна представлена сидящей в различных позах, одна или с детенышем. Особенно хороши обезьянки тяньцзиньских мастеров на проволочном каркасике, выполненные в реалистической манере (что еще более усилено обклейкой их тел тонким слоем цветной ваты), с глазами из бисеринок. На первом месте по количеству идут обезьянки, целиком выкрашенные в совершенно несвойственный им бледно-розовый цвет.

Очень близки к этим игрушкам обезьянки-акробаты на турнике²⁰, относящиеся к типу комбинированных игрушек, правда, с преобладанием глины как основного материала. Голова, туловище и концы ног такой обезьянки делаются из необожженной расписной глины. Шея, руки и ноги сделаны из тонкой проволоки. Руки плотно прикреплены к турнику, сделанному из тонкой полоски расщепленного бамбука. К туловищу приклеивают разноцветные перья или кусочки меха. Играющий берется за кончики турника пальцами обеих рук и, крутя бамбучинку, заставляет фигурку делать забавные телодвижения.

Достаточно часто встречается олень, окрашенный в самые разнообразные цвета. Здесь внимание мастера не всегда привлекает декоративность ветвистых рогов. Зачастую их делают из полосок жести, разрезанных «елочкой» с загнутыми в разные стороны концами. Основное внимание уделяется раскраске туловища, особенно у пятнистого оленя, столь популярного у китайцев как символ долголетия и успеха в науке.

Любопытна следующая параллель в сходстве восприятий впечатлений мастерами. Н. Церетелли рассказывает об одном замечательном мастере: «Ларион Зоткин, ...видел оленя в Московском зоопарке. У себя на родине он воплотил виденное в игрушку. Очевидно, к тому, что удержала значительная память, не мало было добавлено фантазией мастера, и надо лбом сделанного мастером оленя вместо рогов возвышается какая-то золотая пятиярусная тиара индусского божества»²¹. Почти так же выглядят рога у некоторых игрушек-оленей из Пекина; хотя здесь они сделаны из жести, но торчат точно так же посредине головы одним пучком.

Помимо зверей, свойственных Китаю, — тигра, оленей — в пекинской игрушке за последнее время стал попадаться лев. Очевидно, во льве художника привлекает яркость и декоративность его гривы и хвоста. Изображение льва вполне реалистично, что можно объяснить и наличием зоопарка и возможностью достать хорошие изображения зверей.

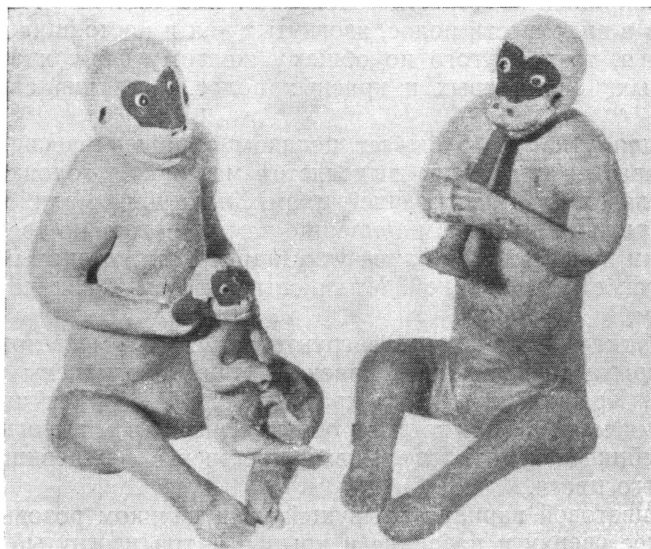
Среди диких птиц, получивших воплощение в китайской народной игрушке, первое место занимает белый журавль. Здесь отчасти проявилось влияние буддизма и популярность этой птицы как символа долголетия.

Религия и легенда в игрушке. Подобно другим странам²², большинство ярмарок, базаров и всевозможных постоянных или временных торгов не только в различных населенных пунктах провинций Хэбэй, но и в Пекине были приурочены к общекитайским календарным или местным храмовым празднествам. Обычай дарения детям игрушек к празднику был и остается очень распространенным. В связи с этим игрушечные промыслы в Китае, как и в других странах, не могли остаться без культового влияния, главным образом со стороны даосизма и в меньшей

²⁰ I. T. Headland, *The Chinese boy and girl*, p. 107.

²¹ Н. Церетелли, *Русская крестьянская игрушка*, стр. 161.

²² Там же, стр. 72.

ОБЕЗЬЯНКИ

степени буддизма. Вполне возможно, что и сами служители культа в какой-то степени поощряли производство таких игрушек, которые бы действовали на ребенка в определенном направлении, внушали бы ему определенные религиозные представления.

Из игрушек этого вида особенно популярен «лунный заяц», розовые фигурки которого ко дням празднования «Чжун цю» (Середины осени) наводняют все базары и улицы Пекина и других городов и которые можно видеть вплоть до самой зимы. «Лунные зайцы» бывают самых различных размеров, варьируя в высоте от 5 до 30 см²³.

Сугубо специальных культовых игрушек в настоящее время уже почти не встречается, а имеющие такое происхождение в подавляющем большинстве утратили свой первоначальный смысл.

Довольно часто можно встретить фигурки восьми даосских бессмертных гениев, Шоу Сина — духа долголетия — и стоящего или летящего журавля — отголоска легенды о помощи журавля Будде — при его переправе через бушующую реку.

Игрушки звуковые. Расписные свистульки из необожженной глины имеют самую разнообразную форму. Обычно они бывают полыми внутри, с двумя маленькими отверстиями, в одно из которых вставлен пищик из коротенького кусочка тростникового стебля. Делаются свистульки в виде животных (петух, утка, фынхуан, курица, голубь, собака, кошка, верблюд, обезьяна, рыба), плодов (персик и др.), пеших и конных человеческих фигурок, насекомых²⁴ и просто небольших кусочков глины, кое-как слепленных и небрежно окрашенных.

Животные. Особенно хороши петухи двух видов. На сплошном белом фоне (грунтовка) ярко алеют их гребни и сережки, контрастируя с белой грудью и клювом. Щеки у обоих розовые. Затылок у одного зеленый, у другого — фиолетовый. Спины одинаково светло-желтые с поперечными разноцветными полосками. У первого крылья зелено-розово-фиолетовые, у второго — красно-зелено-розово-фиолетовые. Если у од-

²³ Tun Li-ch'en, *Annual customs and festivals in Peking*, Peiping, 1936, pp. 67—68.

²⁴ I. T. Headland, *The Chinese boy and girl*, p. 108.

ного хвост окрашен повторным сочетанием фиолетового, розового и зеленого цветов в виде шести полос, изогнутых как и настоящие длинные хвостовые перья, то у другого по общему желтому фону хвоста идет ряд вертикальных фиолетовых и красных полос. Весь низ свистульки не окрашен.

Плывущая утка часто бывает целиком окрашена в светлый голубовато-зеленоватый тон. У нее выделяется малиновая головка с темно-зелеными глазами и зеленым ошейником. Хвост тоже малиновый с темно-зеленым. Крылья на гладком туловище намечены только тремя изогнутыми зелеными полосами. На спине утки нарисован малиновый пятилепестковый цветок с сердцевинкой. Малиновым цветом обозначен и угольник над хвостом.

Другая утка той же формы, загрунтованная белым цветом, почти полностью покрыта светло-желтой краской. Глаза обозначены точками черной тушью. Красной краской покрашены клюв, верхняя часть головки, хвост (двумя мазками) и крылья, обозначенные тремя изогнутыми полосками. Ошейничек и пятилепестковый цветочек с сердцевинкой на спине утки зеленого цвета.

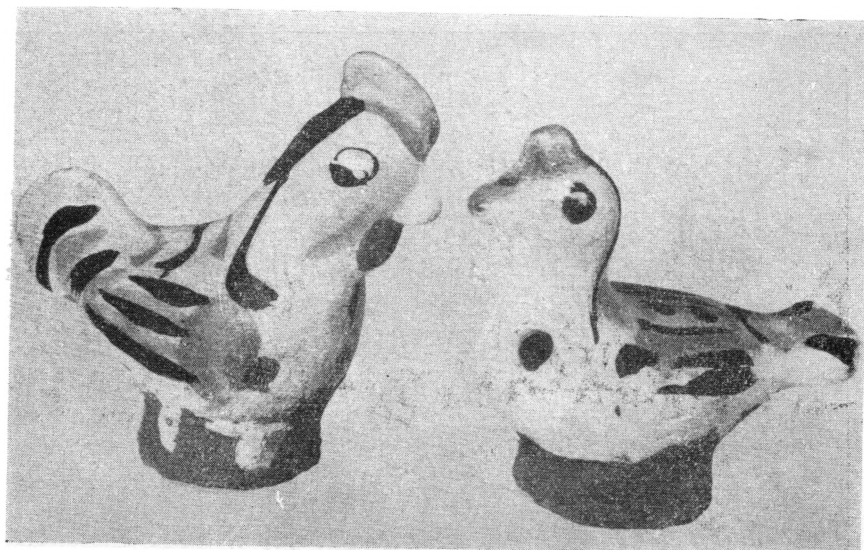
Третий цветовой вариант плывущей утки целиком розовый. Клюв, по пятну на шее сверху и на спине и крылья — три изогнутые полоски — у нее зеленые. В малиновый цвет окрашены головка, хвост (полоски треугольником), пятна на плечах и три короткие поперечные полоски на спине. Пищик (без тростника) в хвосте, в виде узкой щелки, второе отверстие большое, находится под хвостом.

Хорош сидящий голубь, загрунтованный белилами, с желтыми клювом и спиной. Затылок, продольные полоски по бокам шеи, тройные полоски, обозначающие сложенные крылья, точки на спине, поперечная и две продольные полоски на хвосте — фиолетового цвета. Бока головы светло-розовые, и на них черной тушью обозначены большие круглые глаза, хохолок желтовато-красный. Дополнительные красные мазки и точки наложены на крылья, спину и хвост. Нижняя часть игрушки не окрашена, в нее снизу вставлен пищик из тростника. Второе отверстие — на груди, слева.

Особенно красиво выглядят фантастические птицы «фын хуан», обычно неправильно называемые «фениксами», с которыми они не имеют ничего общего, кроме некоторого созвучия в названии. Полностью (кроме низа) загрунтованные в белый цвет, они имеют характерные для них удлиненные миндалевидные глаза, нанесенные черной тушью, зеленое утолщение на лбу и длинный красный хохолок. На белом фоне (клюв, передняя часть шеи и груди, низ туловища) выделяются ярко-красные подбородок, шесть точек на спине, основания и обводы крыльев снизу и две длинные полосы в хвосте. Большое пятно на груди, бока головы и по одной верхней полосе на каждом крыле окрашены в розовый цвет. Вся задняя часть шеи, по одной полосе на крыле и три в хвосте зеленого цвета. Основной фон спины и хвоста светло-желтый. Пятнышки на спине подчеркнуты тонкими закругленными полосками, нанесенными тушью.

На основании игрушки видны выпуклые контуры ног, оставшиеся неокрашенными, как и все основание спереди. Пищик вделан внизу, второе отверстие находится на груди, справа.

Необычно маленьким размером (4 см) отличается свистулька-курочка из темно-серой глины. Сверху фигурке дан черный фон. На нем выделяются белые пятнышко-клюв, по пятну на спине и хвосте, поверх которых даны зеленые и красные мазки. На голове имеется красное пятно (сверху). Желтым цветом обозначены «уши», поперечные пятнышки на шее (сверху) и продольные полоски на спине.

СВИСТУЛКИ — ПЕТУХ (слева) и ГОЛУБЬ (справа)

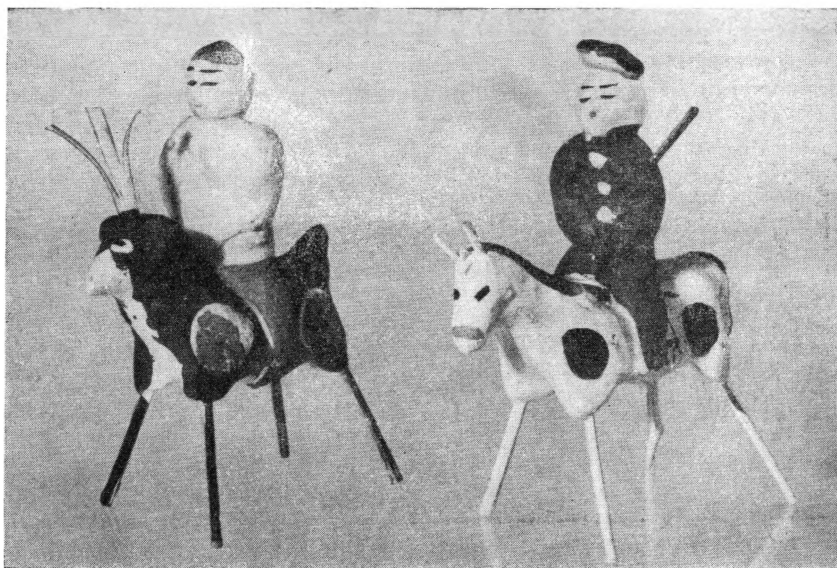
Очень распространены собачки совершенно фантастической окраски, в «стоячей» позе, хотя весь низ обычно не закрашивается и лапы выделяются в редких случаях.

По густому белому фону яркими мазками отмечены отдельные части тела собачки: верх головы, переносица и нос темно-фиолетовые; глаза даны черной тушью; брови, усы, две полосы на затылке, ошейник и хвост ярко-зеленые; основной тон затылка и шеи (сверху) желтый; рот, щеки, уши, длинная полоса на затылке и вся спина малиновые; на спине линия хребта обозначена тонкой извилистой фиолетовой линией, а на каждом боку выделяются по три жирных поперечных фиолетовых мазка. Низ свистульки не окрашен. Пищик — снизу, вторая дырочка — на левой задней ноге у хвоста. Цветовой вариант отличается только целиком желтой спиной, с тремя поперечными красными пятнами по хребту и тремя боковыми мазками зеленого цвета.

Бывают собачки и размером покрупнее. По первоначальному белому фону дана сплошная бледно-желтая окраска и уже по ней обозначены черными точками глаза, красной краской — рот, брови, уши, ошейник, три точки по хребту и хвост, зеленой — усы, голова сверху и бока с четырьмя мазками на каждом. Пищик — снизу, второе отверстие — сзади.

Вариант этой формы имеет такую же белую грунтовку, которой покрыты еще и ноги, обычно совсем неокрашиваемые. На этом фоне, данные отдельными мазками, хорошо контрастируют желтая морда, затылок, хребтовая часть спины и хвост, черные глаза, нос, рот и тонкая полоска по хребту, зеленые уши и ошейник с «бубенцами», красные лоб, верх хвоста и три полосы с каждого бока, где они перемежаются с тремя фиолетовыми. Небольшое фиолетовое пятно имеется и на желтом затылке. Пищик — внизу, второе отверстие на груди слева.

Заяц, сидящий на четырех лапах (слегка намеченных), целиком окрашен в бледно-розовый цвет, в который очень часто окрашивают различные мелкие игрушки. Глаза — черные точки. Рот, ободки вокруг глаз и внутренние стороны ушей и небольшой набрызг на спине красного цвета.

ВСАДНИК НА ОЛЕНЕ (слева) И СОЛДАТ-КАВАЛЕРИСТ (справа)

Зеленые пятна сделаны на конце передних лап, у основания ушей и на спине. Пищик внизу, второе отверстие сбоку слева.

Люди. Всадник — полководец, на бледно-розовой лошади. По общему белому фону черной тушью обозначены глаза и брови человека и лошади, а также хвост и общий силуэт платья вверху и внизу. Флаги за спиной желтого цвета с красными верхушками и черными полосками. Платье желто-красное с зелеными рукавами. Головной убор черно-красно-зеленый. У лошади ухо и щека красные. Игрушка фронтальная, задняя часть выпуклая, но неокрашенная. Пищик — внизу, второе отверстие — в спине.

Имеются свистульки в форме стоящих или сидящих людей, обычно популярных театральных персонажей.

Плоды. Не забыты в свистульках и столь популярные в Китае плоды-символы, как персик и гранат.

Персик — символ долголетия — покрыт густым белым грунтом, поверх которого обозначен зеленой краской черешок и два листика, «лежащих» на самом плоде. Намечена и характерная линия ребра плода, конец которого окрашен в малиновый цвет широким мазком, переходящим в постепенно исчезающий набрызг. Пищик находится в черешке, второе отверстие находится рядом внизу.

Гранат — символ пожелания многочисленного мужского потомства — целиком окрашен в бледно-розовый цвет. Прилистник зеленый. На плоде три продольные полоски с шестью пятнами малинового цвета, обозначающими «зерна» граната, и малиновый же кончик плода.

Все эти свистульки формованные, слепленные из двух половинок, что дает необходимую пустоту внутри фигурки.

Театр в глиняной игрушке. Театр занимает достаточно видное и важное место в китайской глиняной игрушке. Китайские ребята с самого раннего детства знакомятся с историческими пьесами, держа в руках фигурки героев этих пьес. Очевидно, уже с этого возраста игрушка помогает закладывать глубокую любовь к национальному театру и музыкальной драме, которая свойственна большинству китайцев.

БЕСЕДКИ

В театральной игрушке, овеянной дымкой романтики веков, передавая удаль и отвагу героев движением и позой, мастер-игрушечник никогда не оставлял в пренебрежении костюм изображаемого им персонажа, стараясь возможно ближе держаться оригинала, насколько, конечно, ему позволяла личная зрительная память или лубочный образец (или продажная цена игрушки, ограничивающая богатство палитры). Чрезвычайно интересны игрушки, изображающие прославленных героев легенд.

Особенно популярны у ребят «три богатыря» средневекового Китая — Чжан Фэй, в красочном костюме полководца, с мечом в руке и флагами за спиной, верхом на вороном коне и двое других — Лю Бэй и Гуань Юй на белом и рыжем конях, широко известные персонажи романа «Троецарствие».

Батальная игрушка. Среди игрушек многих народов видное место занимает батальная игрушка²⁵. В китайской же игрушке, наоборот, батальная игрушка занимает по своему разнообразию и количеству самое незначительное место, за исключением, пожалуй, полководцев и воинов-героев исторических пьес и романов. Не смогли оказать особенно сильного влияния на игрушку даже военные события последних десятилетий, которые, казалось бы, естественно, должны были породить появление таких игрушек. В общем море игрушек других видов батальная игрушка является, может быть, и большой, но во всяком случае только каплей.

Несмотря на материал (необожженную глину), затрудняющий изготовление мелких фигурок со всеми деталями, очень неплохо выполнены миниатюрные солдатики в защитной зеленой форме с красной кокардой на фуражках. Боец изображается в разных видах — идущим с винтовкой на плече или стреляющим лежа и с колена. Также неплохо пред-

²⁵ Н. Церетелли, *Русская крестьянская игрушка*, стр. 60.

ставлена морская пехота в белых рубашках с синими воротниками, синих брюках и белых бескозырках с красной кокардой. При этом для винтовки берется проволочка или спичка.

Несколько неуклюж и тяжеловат более крупного размера кавалерист с непропорционально большим биноклем.

Отражена и современная военная техника: таков, например, массивный броневик с поворачивающейся башней, длиннейшим орудийным стволом и сидящим за башней солдатом. Вся игрушка целиком окрашена в защитный цвет. На радиаторе машины нарисована красная пятикопечная звезда. Смотровые щели имеют вид ямок, закрашенных для большей резкости в красный цвет. Колеса изображены с резными шинами, оси бамбуковые, закрепленные на проволочных петельках. Спереди в радиатор вставлена петелька для привязывания веревочки.

Есть и совсем маленький броневичок с пушкой, сделанной из спички, тоже окрашенный в защитный цвет. Он также имеет жестяную петельку впереди для ниточки.

Архитектурные игрушки. Из всех игрушек этого типа наиболее значительными по размерам и красочными являются более или менее точные модели отдельных частей пекинского дворцового ансамбля «Гу гун» («Старый дворец», более известный у нас под названием «Зимнего дворца»), в том числе знаменитых ворот Тяньаньмынь, изображенных на гербе нового Китая. В большинстве случаев эти сложные составные игрушки выполняются достаточно аккуратно и подробно, со всеми характерными деталями этих строений, но требуют много места.

Довольно часто встречаются игрушки в виде различных городских ворот с надворотными башнями, разборных крепостных стен и угловых башен, столь характерных для старинных китайских городов, а также городских домиков, деревенских фанз, пагод, кумирен, павильонов, беседок, мостиков и иных построек, выполненных в различных масштабах.

Интересны небольшие открытые беседки, подобные настоящим, часто встречающимся в садах и парках Китая. Вот на восьми высоких колоннах ярко-киноварного цвета (подобно настоящим деревянным колоннам) покоится круглая двухъярусная крыша с «черепицей» сине-фиолетового цвета, с золоченой маковкой. Крыша очень похожа на трехъярусную крышу знаменитого «Храма моления о годовом урожае» из пекинского архитектурного ансамбля «Алтаря небу» (обычно неправильно называемого «Храмом неба»).

Беседки имеют крыши различной формы.

Красива беседка с четырехгранной, желтой «черепичной» крышей, с золотой макушкой. Крыша опирается на двойные красные колонны, которые поддерживают первый и второй ярусы крыши соответственно. Вся постройка стоит на белой квадратной подставке.

Следующая беседка имеет шестигранную двухъярусную крышу с желтой «черепицей» и золотой маковкой. Шесть ярко-красных колонн, на которых покоится крыша, стоят по углам шестигранной белой площадки. Вариант такой же беседки имеет зеленую крышу.

Хороша и беседка с восьмигранной двухъярусной крышей с зеленой «черепицей» и золотой маковкой. Восемь ярко-красных колонн поднимаются с белой восьмигранной площадки. Вариант отличается только желтым цветом крыши.

Из других строений оригинальны и красочны здания кумирен с ярко-красными «оштукатуренными» стенами на высоких белых или цветных фундаментах, с террасками и лесенками, характерными «деревянными вывесками» над входами, крышами из простой серой или же «глазурованной» желто-зеленой «черепицы».

ФОРМОЧКИ ДЛЯ ПЕСКА ИЗ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ — КРАБ (слева) И У СУН, УБИВАЮЩИЙ ТИГРА (справа)

Очень типичны простая деревенская «глинобитная» желтоватая фанза с коричневой «соломенной» крышей, зеленой дверью и двумя окнами с красными рамами, «заклеенными белой бумагой», и самый обычный маленький одноэтажный домик среднего горожанина из серого «кирпича» с серой же «черепичной» кровлей, желтой дверью и одним окном с красной рамой, «заклеенной бумагой».

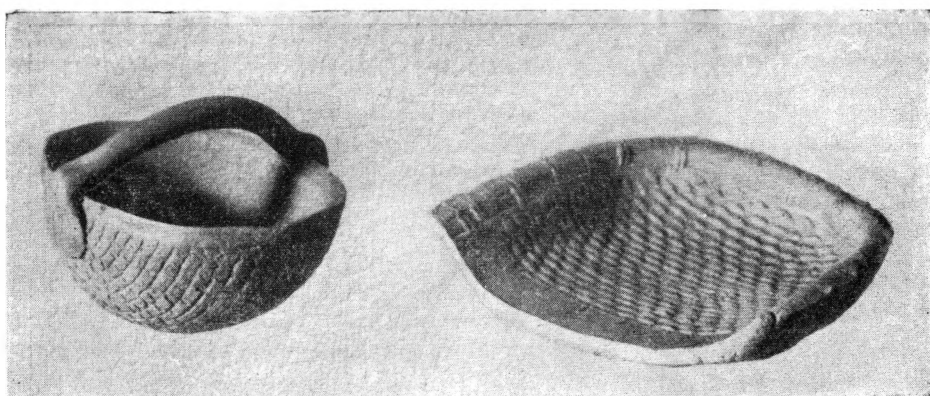
Есть и четырехъярусная пагода из серого «кирпича» и кровлей из серой «черепицы», с ярко-красными дверями, горделиво поднимающаяся с высокого белого фундамента.

Игрушки из обожженной глины (неполивные). «Стряпание пирожков» из сырой глины или мелкого песка — одно из любимых занятий детей дошкольного и младшего возраста во всем мире. Китайским ребятам в этом «деле» помогают различные неглубокие формочки-песочницы квадратной или круглой формы (напоминающие наши небольшие розетки для варенья), сделанные из обожженной глины²⁶. Благодаря им ребята могут делать интересные выпуклые или вдавленные изображения на «пирожках». Тематика изображений на песочницах очень разнообразна.

Вот квадратная формочка. На ней деревянным штампом (как и на всех других) выдавлены фигурки изогнувшегося назад жонглера, стоящего на узкой длинной скамейке и каждой рукой вертящего на длинных палочках по три чашки (пиалы), и акробата, стоящего на руках на груди жонглера.

Песочницы чаще всего имеют круглую форму до 6 см в диаметре. Здесь можно встретить краба с иероглифом 蟹 («се», краб) на спине, лягушку, бабочек, кузнечика на редьке, цветы в горшочках, кузнечика на цветке, наседку с цыплятами, летящую птицу, популярного в народе героя легенды У Суна, убивающего кулаком тигра, рикшу, различных театральных персонажей поодиночке и группами, самолет, автомобиль, прыгающего тигра с двумя поясняющими иероглифами 山王 («шань ван», царь гор), большой иероглиф 喜 («си», радость) и много других изображений.

²⁶ «Chinese traditional toys», p.15; Чжан Дин, *Китайские народные игрушки*, стр. 3, 6.

БАДЕЙКА ДЛЯ ВОДЫ (слева) И СОВОК ДЛЯ ПРОВЕИВАНИЯ ЗЕРНА (справа)
ИЗ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ

С помощью формочек-песочниц другого типа — продолговатых, с закругленным верхом и срезанным низом — можно получать выпуклые фигуры-оттиски известных театральных персонажей в своеобразных головных уборах, со всеми атрибутами, деталями одежды и с иероглифами их фамилий и имен, расположенными сбоку формы по вертикали, очевидно, для предотвращения возможных ошибок при распознавании этих героев.

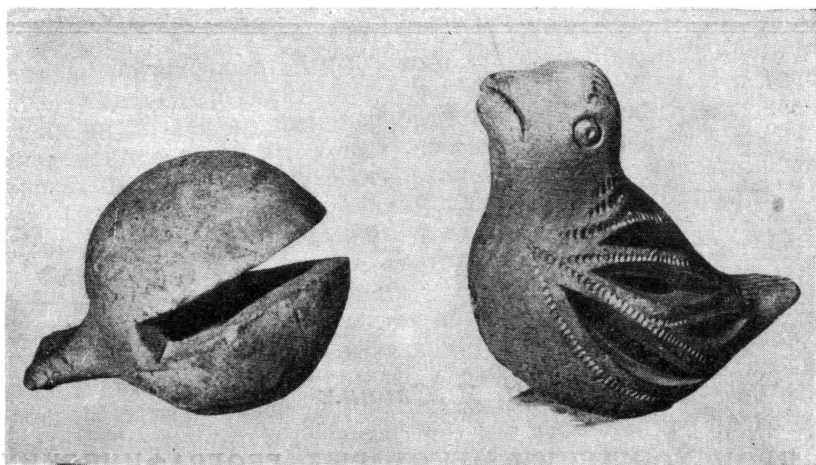
Для этнографа особенно интересны керамические игрушки-модели, точно воспроизводящие различные предметы обихода и хозяйства. Например, «сплетенный из ивовых прутьев» совок для зерна со всеми характерными выпуклостями, присущими такому виду плетения. Иногда посредине совка дается рельефный рисунок цветка с листьями, добавленными просто для большей привлекательности. Искусно выполнены даже такие детали, как «деревянная» передняя закраина совка, «прикрепленная стежками лыка» к плетенке, иногда с иероглифами — лозунгом. Не забыты лыковые стежки, делающиеся кругом по бортикам совка.

Так же хороши «плетеные» четырехугольные лотки для зерна, фруктов и других товаров, квадратной или продолговатой формы с закругленными углами.

Очень точны, хотя и предельно просто выполнены, миниатюрная «большая деревянная» ложка-черпак с длинной и толстой «деревянной» ручкой, «железный» котел («та шю»), обычно изготавливаемый из куска железа путем холоднойковки. В жизни это необходимая принадлежность любой китайской кухни. Таковы и чашка с поддоном, чашка с плоским дном, цветочный горшок с тремя крошечными ножками, круглые «плетеные» бадейки для доставания воды из колодца, с шаровидным и плоским дном, корзинки разной формы с цветочными украшениями по стенкам.

Очень интересно совершенно точное «приспособление для выпечки больших коржей», которое ставится над огнем печки и имеет массу мелких отверстий для пропуска жары.

Игрушечники-гончары не забывают и самых маленьких ребят-ползунков. Для них делают различные керамические погремушки в виде птички с прорезями в туловище, сквозь которые виден шарик, большого бубенца (точная копия бронзового — непременно детали конской сбруи — и издающий точно такой же звук) и прорезного ажурного шарика, вызывающего удивление мастерством изготовления и неве-

ПОГРЕМУШКИ ИЗ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ — БУБЕНЧИК (слева)
И ПТИЧКА (справа)

ротно дешевой ценой. Из обожженной глины делаются и различные свистульки. Некоторые из них своей формой напоминают керамические свистульки из западной части провинции Сычуань ²⁷.

Свистульки с резервуаром для воды, в форме мальчика, сидящего на буйволе, которые можно увидеть в Пекине, обычно привозятся из южного Китая.

В данной статье показана только часть китайской народной игрушки, но даже такое далеко не полное описание показывает, какой большой интерес для науки представляет этот вид искусства, в котором так полно и ярко отражаются жизнь и культура народа.

---

²⁷ R. Lapwood, *A visit to West Szechuan in 1939* («The China journal», 1940, vol. XXXII, № 4), p. 151.

И. Я. Слоним

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ АЗИИ

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 16 ноября 1956 г.*

Вопрос о происхождении географических названий Азии является составной частью вопроса о происхождении географических названий вообще. Этот последний, разумеется в общем виде, достаточно освещен в литературе — отечественной и зарубежной — и вряд ли нуждается в пересмотре. Другое дело, объяснение происхождения каждого в отдельности географического названия, к какой бы части света оно не относилось. К сожалению, этот вопрос почти не затронут в литературе, а между тем от тех или иных принципиальных установок при объяснении происхождения географических названий в значительной мере зависит и самая правильность даваемых объяснений. Прежде чем перейти к рассмотрению происхождения намеченных для данной статьи географических названий Азии, мы считаем поэтому необходимым остановиться на основных принципах, из которых мы исходим при объяснении отдельных географических названий, — принципы эти не вычитаны из книг, а являются результатом 45-летнего изучения очень большого количества (многих тысяч) географических названий.

Первым основным принципом является тот, что далеко не каждое географическое название может быть в настоящее время объяснено. Дело не в эрудиции автора, его трудоспособности и научной добросовестности, дело даже не в отсутствии в литературе данных, необходимых для объяснения происхождения того или иного географического названия (топонима) — в этом случае автор вправе, конечно, выдвинуть свою гипотезу, которая может быть принята или отвергнута критикой. Дело в том, что вся совокупность современных знаний, в той или иной мере привлекаемых нами для объяснения происхождения географических названий (главным образом знаний из области наук лингвистических, исторических и географических, взятых в самом широком смысле), не в состоянии дать нам верной картины расселения и передвижения человечества по лицу Земли с момента появления человека и до наших дней. Очень много, правда, в этом отношении уже сделано, и наши знания на этот счет непрестанно расширяются, но все же остается еще очень много темного, неясного, спорного. Вот почему в очень многих случаях мы не только не

в состоянии расшифровать смыслового значения того или иного топонима, но не можем определить даже, на каком языке дан этот топоним и дошел ли он до нас в своем первоначальном или же в искаженном до неузнаваемости виде, а это в свою очередь лишает нас возможности даже строить более или менее обоснованные догадки о происхождении топонима. Примерами таких названий для Азии могут служить хотя бы *Суэц, Таймыр, Атрек, Маскат, Урмия* и многие другие. Расшифровка значения таких топонимов — а их, повторяем, очень много во всех частях света — дело, очевидно, будущего.

В связи с изложенным находится обстоятельство, удивляющее всякого, кто впервые приступает к изучению географических названий, — наличие во многих случаях не одного, а нескольких, кажущихся одинаково правдоподобными, объяснений происхождения одного и того же топонима. По существу это и означает, что мы не знаем его происхождения и лишь строим на этот счет догадки, более или менее близкие к истине, или, напротив, далекие от нее. Расшифровка и таких топонимов — тоже, очевидно, дело будущего.

Вторым нашим исходным принципом при объяснении происхождения географических названий является осторожное отношение к используемой при этом литературе и строгая критическая проверка (притом тройная — с точки зрения лингвистической, географической и исторической) имеющихся в ней объяснений. Изучение литературных источников показывает, что самые авторитетные из них, написанные крупными учеными, не только не свободны от всякого рода неясностей и неточностей, но содержат даже грубые ошибки в объяснениях происхождения географических названий. В то же время источники, вовсе не претендующие на авторитетность (различные научно-популярные и справочные издания, мемуары, статьи и заметки в общей печати, романы, повести и пр.), часто содержат наряду с ошибочными совершенно правильные объяснения происхождения географических названий и притом нередко такие, которых нет в научной литературе. Вот несколько типичных примеров.

Широко известный французский географ-энциклопедист, большой знаток топонимики Элизе Реклю производит название города Златоуста от слов «золотое устье»¹ — объяснение, не выдерживающее никакой критики: город вырос из поселка, возникшего вокруг Златоустовского завода, получил от него свое название; завод же в свою очередь получил название от церкви во имя трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, — построенной на заводе при его основании, причем имя последнего из них в форме «Златоуст» закрепилось за заводом, а от него — и за поселком, а затем и городом. Любопытно, что правильное объяснение происхождения названия г. Златоуста впервые попало нам в популярной брошюре об Урале, изданной в конце 90-х годов прошлого века училищным советом при синоде.

Видный советский ученый-географ, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, профессор М. С. Боднарский (ныне покойный) переводит название озера Севан как «голубое озеро»² — в действительности же его название означает «черный монастырь» (от армянских слов *сев* — «черный» и *ванк* — «монастырь»; такой монастырь из черного базальта существовал на небольшом островке, находящемся на озере, и дал название как этому острову, так и озеру). В том же труде допущен ряд других ошибок в объяснении происхождения географических названий: *Янцзыцзян* переводится как «сын океана» (правильное объяснение

¹ Э. Реклю, *Земля и люди*, т. V вып. 2, СПб., 1883, стр. 398.

² М. С. Боднарский, *Словарь географических названий*, М., 1954, стр. 272.

см. ниже), пролив Лонга назван проливом Де-Лонга (см. ниже) и т. п. Источником топонимических ошибок проф. М. С. Боднарского является, как нам кажется, некритическое использование ставшей уже библиографической редкостью топонимической работы А. А. Ивановского³, в которой наряду со многими верными объяснениями происхождения разных географических названий имеются и грубые ошибки.

Покойный проф. А. В. Грушевский в интересной работе о родовых географических названиях у народов СССР⁴ переводит почему-то название города *Ура-Тюбе* (ныне один из городов Ленинабадской области Таджикской ССР) как «насыпной пограничный холм», не приводя никаких оснований для такого перевода. Между тем правильное объяснение дано уже в работе Костенко⁵ и повторяется затем в географическом словаре Семенова-Тян-Шанского⁶. Название города представляет собою местную переделку тюркских слов *ора-тепе* (اورا تپه), что значит «яма-холм» (город расположен частью в котловине, а частью — на возвышенности, и его название отражает, таким образом, его местоположение).

Немало топонимических ошибок и в наших дореволюционных энциклопедических словарях⁷. Что касается Большой Советской Энциклопедии, то она, как правило, избегает объяснения происхождения географических названий, но и в тех случаях, когда она их приводит, это делается не всегда правильно. Одну из таких ошибок, находящуюся в 43-м томе Большой Советской Энциклопедии (2-е изд.), мы уже имели случай отметить в печати⁸.

В широко известном дореволюционном многотомном издании «Россия» название г. *Кзыл-Арвата* (ныне входит в состав Ашхабадской области Туркменской ССР) переводится как «красная женщина»⁹. Как уже было указано в печати¹⁰, такой перевод совершенно неправилен: правильный перевод этого названия означает «красный постоянный двор» [от тюркского *кизыл* (قىزىل) — «красный» и испорченного арабского слова *рабат* (ربط) — «постоянный двор», «сарай»]. Это далеко не единственная топонимическая ошибка в указанном издании.

Аналогичные примеры можно было бы почерпнуть также и в специально-топонимических работах на иностранных языках, часто грешащих в отношении объяснения происхождения русских географических на-

³ А. А. Ивановский, *Географические имена. Пособие для учащихся и учащихся*, М., 1914.

⁴ А. В. Грушевский, *Словарь родовых географических названий у народов и народностей СССР* («География в школе», 1940, № 3), стр. 52.

⁵ Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа* («Материалы для географии и статистики России», т. I, СПб., 1880), стр. 448.

⁶ «Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил по поручению императорского Русского Географического общества действительный член Общества П. Семенов при содействии действительных членов В. Зверинского и Л. Майкова», т. V, СПб., 1885, стр. 345.

⁷ Один из них, например, считает название пустыни Син на Синайском полуострове древнееврейским словом со значением «грязное, болотистое место» (см.: «Большая энциклопедия», изд-во «Просвещение», т. XVII, стр. 410). Однако в древнееврейском языке у этого слова такого значения нет, название же пустыни Син связано, вероятно, с именем вавилонского бога Син.

⁸ И. Я. Слоним, *О происхождении названий городов Демидова, Тутаева и Чекалина* (ИВГО, т. 89, вып. 2, 1957), стр. 150.

⁹ «Туркестанский край. Составил кн. В. И. Масальский» («Россия, Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга». Под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и академика В. И. Ламанского, т. 19, СПб., 1913), стр. 626.

¹⁰ Н. Г. Маллицкий, *О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии* (ИВГО, т. 77, вып. 5, 1945), стр. 284 — 285.

званий, топонимов древнееврейского происхождения и пр.¹¹, но вряд ли в этом есть надобность.

Если во всякой научной работе критическое отношение к используемой литературе обязательно, то в вопросе о происхождении географических названий такое отношение к источникам представляет особую важность. При этом, однако, недостаточна проверка правильности объяснения топонима только со стороны филологической (т. е. правильности перевода названия топонима на русский язык¹² или значения соответствующего слова в русском языке) — здесь необходима еще проверка правильности объяснения топонима и с точки зрения географической (соответствие или несоответствие географических особенностей объекта его названию) и исторической (отсутствие или наличие в объяснении топонима данных, противоречащих тому, что нам о нем исторически известно). И только объяснение, выдерживающее такую тройную проверку, и может быть принято как окончательное.

Наш третий исходный принцип при объяснении географических названий связан с тем, что при филологическом анализе того или иного названия иногда получается бессмыслица. Наиболее типичным примером в этом отношении является название г. *Штутгарта* (ФРГ). Это немецкое название в переводе на русский язык означает «сад кобылиц» — казалось бы, более чем странное название для крупного города с полумиллионным населением и высокоразвитой промышленностью. Для Азии подобным примером может служить хотя бы название притока Аму-Дарьи *Кафирнигана*. Название этой реки полуарабское — полуиранское и означает «неверное чудовище» (от слов *кафир* — «неверный» и *ниган* — «чудовище»). Если еще можно понять эпитет «чудовище» по отношению к реке, то причем тут «неверное»? А разве бывают верные чудовища? А между тем оказывается, что оба названия — и Штутгарт и Кафирниган — вполне оправданы, первый — исторически, а второй — географически. Штутгарт вырос из поселка, некогда основанного при конском заводе, отсюда и название. Кафирниган после дождей очень капризен и бурен, и название в образной форме передает его физико-географические свойства. Следовательно, бессмысленный, как будто, результат филологического анализа названия еще не доказывает его действительной бессмысленности, а, значит, и неверности. *Не останавливаться при кажущейся бессмысленности названия перед исследованием его физико-географических и исторических особенностей с целью уяснения смыслового значения названия — таков наш третий исходный принцип при объяснении происхождения географических названий.*

Наш четвертый исходный принцип связан с общеизвестным явлением — повторяемостью географических названий. На земном шаре, например, насчитываются десятки Зеленых мысов, сотни Белых и Черных рек и озер, много носящих одно и то же название городов и т. п. Явления эти обычно объясняют тем, что одинаковые причины вызывают и одинаковые названия. Спорить против этого, конечно, не приходится, но признать достаточным это объяснение для всех случаев повторяемости географических названий тоже нельзя. Ведь одинаковые географические названия могут быть вызваны совершенно иными причинами, например, переносом переселенцами названия своего родного города на новое место поселения; одинаковым звучанием разных по происхождению назва-

¹¹ Известные немецкие топонимические работы Эгли и Оппермана грешат еще иногда и неточностями в отношении дат географических открытий, отчего страдает и правильность объяснений (см.: I. I. Egli, *Nomina geographica* [S. I.], 1893; E. Oppermann, *Geographisches Namenbuch* [S. I.], 1908).

¹² С учетом, конечно, истории развития языка, с которого топоним взят.

ний, взятых из разных языков (например, название рек Оки — притока Волги и Оки — притока Ангары: первое из них, вероятно, финского происхождения, а второе — тюркского); и, наконец, простой случайностью. Особенно показательна в этом отношении следующая топонимическая параллель. Название пролива *Босфор* (правильнее — *Боспор*) производят от греческих слов *бос* — «бык» и *порос* — «проход» и переводят «бычий проход» или «бычий брод». Но совершенно такое же значение имеет в переводе на русский язык и название известного английского города *Оксфорда*: *Ох* по-английски значит «бык», а *ford* — «брод»; Оксфорд, следовательно, означает «бычий брод». Очевидно, что причины, вызывающие одинаковое значение в русском переводе названий столь различных географических объектов, как морской пролив и город, не могут быть одинаковыми. И действительно, происхождение названия Босфора связывают с известным греческим мифом о красавице Ио, возлюбленной Зевса: будучи превращена им в корову и спасаясь от мучительных укусов овода, насланного на нее ревнивой супругой Зевса Герой, Ио переправилась здесь из Азии в Европу. Название же Оксфорда связано, вероятно, с тем, что он вырос из поселка, расположенного у речного брода, через который перегоняли скот с одного берега реки на другой. *Индивидуальный подход к объяснению происхождения каждого географического названия независимо от того, повторяется ли оно где-либо или нет, и является нашим четвертым исходным принципом при объяснении происхождения географических названий*, ибо несоблюдение его обязательно приводит к ошибкам. Так и случилось с известным географом и путешественником Э. М. Мурзаевым в одной из его топонимических работ¹³. В ней он считает одинаковым происхождение названий *Байдарской долины* в Крыму и *Байдарского ущелья* на Кавказе, исходя, очевидно, из их одинакового звучания. Между тем название Байдарского ущелья происходит от фамилии *Тотия Бидарашвили* (он же *Байдарашивили*) — осетина, поселенного грузинским царем Ираклием II (1720—1798) на Крестовом перевале для оказания помощи путникам, застигнутым в горах метелью, подробности о чем можно найти в краеведческой работе И. А. Арджеванидзе¹⁴. Известный знаток Кавказа Е. Вейденбаум в одной из своих работ¹⁵ указывает, что ущелье это сперва называлось *Бидарским*, а затем уже стало называться *Байдарским*.

Очевидно, такого же рода ошибку совершает Э. М. Мурзаев и в другой своей топонимической работе¹⁶, где считает одинаковым происхождение названий реки Ангары в Крыму и реки Ангары в Сибири. Если можно согласиться с тюркским происхождением названия крымской Ангары, то сибирская Ангара носит, вероятно, название эвенкийское — так по крайней мере думают этнографы.

При объяснении происхождения названия Босфора мы указали на связь этого названия с легендой о Ио. *А можно ли вообще привлекать легенды к объяснению происхождения географических названий, или этого нельзя делать?* Вопрос этот, насколько нам известно, не обсуждался ни в нашей, ни в иностранной литературе, но разные авторы подходят к нему различно: одни решительно отвергают возможность привлечения легенд к объяснению происхождения географических названий, другие, напротив, безоговорочно принимают любую легенду, лишь бы она объяс-

¹³ Э. М. Мурзаев, *Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии* («Вопросы географии», сб. 8, М., 1948), стр. 182.

¹⁴ И. А. Арджеванидзе, *Военно-Грузинская дорога. Краеведческие очерки с приложением схематической карты маршрута и библиографии*, Тбилиси, 1954, стр. 197.

¹⁵ Е. Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*, Тифлис, 1888, стр. 296.

¹⁶ Э. М. Мурзаев, *К географической терминологии и номенклатуре киргиз Тянь-Шаня* (ИВГО, т. 72, вып. 3, 1940), стр. 320.

няла происхождение нужного им географического названия. Мы считаем, что неправы и те, и другие авторы и что легенды не только можно, но и должно привлекать к объяснению происхождения географических названий, но не всякие, а лишь такие, которые существуют самостоятельно, вне зависимости от географического названия, к объяснению которого они привлекаются, а также легенды и предания, отражающие в себе в той или иной форме действительные исторические события, сохранившиеся в памяти народной; мимо таких легенд и преданий советский географ не вправе пройти. Легенды же, специально придуманные для объяснения происхождения тех или иных географических названий и основанные лишь на определенных звуковых сочетаниях, следует решительно отвергнуть. Происхождение таких легенд объясняется, как известно, тем, что в прошлом народ стремился осмысливать непонятные ему чужезычные географические названия путем сравнения их со схожими словами родного языка и создавал для этого в нужных случаях соответствующие легенды; у филологов явление это известно под неудачным, на наш взгляд, названием «народной этимологизации» географических названий.

Примером легенды первого рода может служить хотя бы приведенная легенда о Ио. Примером легенды, отражающей действительные исторические события, может служить известная легенда о происхождении названия города Зарайска; она приведена в географическом словаре Семенова-Тян-Шанского¹⁷. Примером легенды, которую решительно следует отбросить, является легенда о происхождении названия острова Соломбала, на котором расположена часть города Архангельска. По этой легенде название Соломбала происходит будто бы от русских слов «солома» и «бал», так как Петр I устроил здесь бал, на котором столы и скамьи были заменены снопами соломы. Полнейшая вымысленность этой легенды очевидна. Название же Соломбалы — саамское и, по Визе¹⁸, происходит от слов «суол» (suol) — остров и «лумбал» (lumbal) — небольшая бухта, означающих, таким образом, «остров с небольшой бухтой», что в действительности и имеет место. *Привлечение легенд и преданий определенного типа для объяснения происхождения географических названий в тех случаях, когда это необходимо, является нашим пятым исходным принципом.*

Наш последний, шестой, исходный принцип (он будет сформулирован ниже) может показаться неверным в глазах филологов — строгих судей, требующих, чтобы при объяснении происхождения географических названий были точно соблюдены все законы словообразования в разных языках, какие только известны в науке. Не отрицая законности этого требования и его выполнимости во многих случаях, мы тем не менее не можем не учесть, что географические названия давались (разумеется, в тех случаях, когда известно кем и когда) отнюдь не лицами с высшим филологическим образованием и что уже при самом возникновении тех или иных географических названий в них могли быть допущены те или иные филологические отступления. К тому же очень многие современные географические названия, несомненно, дошли до нас в сильно искаженном по сравнению с их первоначальным звучанием виде. В литературе можно поэтому найти целые списки филологически неправильных словообразований в географических названиях, которые тем не менее существуют в

¹⁷ «Географическо-статистический словарь Российской империи...», т. II, СПб., 1865, стр. 256. — Сущность легенды сводится к тому, что Евпраксия, супруга здешнего князя Федора Юрьевича, посланного отцом в Орду к Батю с дарами и там убитого, узнав о смерти любимого мужа, бросилась вниз с высокой башни с малолетним сыном и «заразилась» (убилась) насмерть.

¹⁸ В. Ю. Визе, *Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования*, М. — Л., 1948, стр. 9.

таком виде, вполне понятны и не вызывают никаких трудностей в определении их смыслового значения; такой список имеется, например, в одной из работ акад. П. Кеппена по Крыму¹⁹. *Полное внимание к филологическим законам при объяснении происхождения географических названий, но с учетом возможных отступлений и искажений в названиях — таков наш шестой и последний исходный принцип при объяснении происхождения географических названий.* Доказательством его правильности может служить хотя бы существующее в литературе объяснение происхождения названия селения *Братска* Иркутской области РСФСР, приобретенного за последнее время широкую известность благодаря строительству в его районе грандиозной Братской ГЭС. Объяснение это сводится к тому, что Братск в виде острога возник в 1631 г. в качестве базы для объясачивания бурятских племен, которых казаки называли «братскими», — отсюда и название острога, а затем и селения, сохранившееся до наших дней. Правильно ли это объяснение с чисто филологической стороны — мы, будучи географами, а не филологами, судить не беремся, но что оно правильно исторически и что иного объяснения происхождения названия Братска не может быть — в том у нас сомнения нет.

* * *

Закончив изложение принципиальных установок, из которых мы исходим при объяснении происхождения географических названий вообще, перейдем теперь к объяснению происхождения некоторых географических названий Азии, заслуживающих внимания в том или ином отношении. При этом мы постараемся использовать главным образом отечественную и по возможности новейшую литературу, не делая ссылок на источники лишь в тех случаях, когда приводимые нами названия повторяются с одинаковым и не вызывающим сомнения объяснением их происхождения во многих источниках и могут поэтому считаться общеизвестными.

Адамов мост и *Адамов пик*. Адамовым мостом, как известно, называют цепь мелких островов и отмелей между полуостровом Индостаном и Цейлоном. Адамов пик — это гранитная вершина на Цейлоне. Оба названия интересны тем, что, несомненно, связаны с библейским мифом об Адаме и мусульманскими легендами о местонахождении рая на Цейлоне, существующими, конечно, независимо от этих названий. Филологический анализ названий здесь ничего не добавляет и не изменяет: Адам — это европейская форма древнееврейского имени первого человека, оно в свою очередь происходит от древнееврейского же слова «земля»; по библейскому сказанию, первый человек был сделан богом из земли.

Арафурское море — часть Индийского океана. Море это мало известно негеографам и еще менее известно происхождение его названия, а оно любопытно своим, так сказать, «этнографическим» характером. Название моря происходит от слова *арафура* (или *альфуру*) — так живущее на побережье этого моря малайское население называет местные племена, среди которых не распространился ислам. Этимологически значение этого слова неясно, но термин *альфуру* употребляется в настоящее время как чисто условный термин для обозначения некоторых племен восточной Индии²⁰.

Мыс Африка находится на восточном берегу Камчатки и вдается в Берингово море. Столь неподходящее для азиатского мыса его название объясняется тем, что оно дано в честь своего судна офицерами русского

¹⁹ П. Кеппен, *Указатель к карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику*, СПб., 1836, стр. 19.

²⁰ Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 2, М., 1950, стр. 190.

крейсера «Африка», производившего в начале 80-х годов прошлого века географические работы у берегов Камчатки и Командорских островов²¹.

Мыс Столетия — тоже один из азиатских мысов, находится на юго-восточном берегу полуострова Камчатки и вызывает своим названием полнейшее недоумение: о каком столетии идет здесь речь и почему название сие присвоено именно этому, а не другому мысу? Оказывается, что мыс назван так знаменитым русским мореплавателем и ученым Федором Петровичем Литке (1797—1882) потому, что он описал этот мыс 10 августа 1828 г., т. е. ровно через сто лет после того дня (10 августа 1728 г.), когда к району мыса подошло судно Первой Камчатской экспедиции Беринга — Чирикова «Св. Гавриил».

Багдад — город, столица Ирака и центр его Багдадской области (*ли-вы*). Название города происходит от персидских слов *баг* (باغ) — «бог» и *дад* (داد) — «дар» и означает «божий дар»²². «Божественное» название города, очевидно, отражает теократический характер халифата, столицей которого город стал с самого своего основания халифом Мансуром — вторым халифом из Аббасидов — в 762 г.

Баб-эль-Мандебский пролив, как известно, соединяет Красное море с Аденским заливом Индийского океана. Название его арабское и интересно тем, что в образной форме отражает его физико-географические особенности. *Баб-эль-Мандеб* (باب المندب) по-арабски означает «ворота плача» [*баб* (باب) — «ворота», *эль* — артикль]; смысл названия — опасный пролив: из-за островов и коралловых рифов он был в свое время действительно опасен для арабских парусных судов и вел в еще более опасное для них Красное море²³.

Восточно-Китайское море — одно из окраинных морей Тихого океана. В основе названия лежит русский перевод его китайского названия *Дунхай* [дун (東) «восток» в смысле восточное и *хай* (海) «море»]. Название море получило за свое положение по отношению к Китаю и в отличие от Южно-Китайского моря²⁴.

Вьетнам — страна в Азии, на полуострове Индокитай. Ее название местное и отражает географическое положение страны: по-вьетнамски *вьет* — «страна», *нам* — «юг»; Вьетнам, следовательно, означает «страна юга».

Джакарта — город, столица Индонезии. Название его происходит от санскритских слов *джа-карта* (jaya-karta) — «делающий победу». Этот древний город возник, вероятно, на месте, где была одержана победа, или по поводу одержанной победы. Захваченная голландцами в 1623 г., Джакарта была переименована ими в Батавию по имени латинского названия Голландии (Батавия). С возникновением Республики Индонезии ее правительство вернуло столице древнее историческое имя.

Отметим, что в новейшей литературе встречается и иное объяснение происхождения названия Джакарты: название это будто бы означает «чудесная крепость»²⁵. Филологического обоснования своему объяснению автор, однако, не дает и проверить его правильность не представляется поэтому возможным.

²¹ И. П. Магидович, *Русские имена на морской карте мира (справка)* (в кн.: «Русские мореплаватели», М., 1953), стр. 190.

²² А. А. Ивановский. *Географические имена...*, стр. 20.

²³ Э. Реклю в упоминавшейся выше работе «Земля и люди» (т. X, СПб., 1869, стр. 613) переводит название пролива как «ворота умирающих», но арабисты считают такой перевод неправильным.

²⁴ Н. И. Березин, *Географические имена. Объяснение их в связи с историей открытия. Пособие для учителей географии*, вып. 1, Австралия, Африка, Америка, Азия, СПб., 1894, стр. 97.

²⁵ «Современная Индонезия», М., 1955, стр. 33.

Долина смерти—так называется местность на острове Ява. Название отражает свойство этой местности: все живое убивается здесь выделяющим из трещин горных пород углекислым газом.

Названную долину следует отличать от американской Долины смерти — межгорной впадины в штате Калифорния в США, одной из самых жарких и безводных местностей земного шара. Ее название происходит от того, что здесь в 1849 г. погибла от жажды часть первой партии золотискателей, прибывших сюда с целью наживы²⁶.

Израиль — государство в Азии. Объяснения происхождения названия государства мы в географической литературе не нашли. Но оно, несомненно, представляет собою европейскую форму древнееврейского слова *Иисраѐл*. Слово это употребляется для обозначения древнего еврейского народа, но оно вместе с тем является и собственным именем, которое, по библейскому мифу, было впервые дано патриарху Якову ангелом, с которым Яков боролся и которого победил. Согласно народной этимологии — слово составное, означающее «богоборец».

Йемен — арабское государство в Азии, на полуострове Аравия. Название государства есть древнее название южной Аравии, которая у семитов именовалась *Йамен* или *Йемен*, что значит «юг», или буквально «правая сторона». Любопытно, что южную Аравию древние знали очень мало, но считали ее очень богатой и плодородной страной; отсюда распространенное в древности название южной Аравии — Счастливая Аравия в отличие от северной или Петрейской Аравии²⁷.

Кара — река на границе Ненецкого национального округа (входит в состав Архангельской области РСФСР) и Тюменской области РСФСР. Несмотря на кажущееся тюркское происхождение названия реки, оно в действительности представляет собою испорченное ненецкое слово *хараяга*, что значит «извилистая река»²⁸ — такой она и является в действительности.

Карское море — происходит от реки *Кары*, которая впадает в него.

Каракорум — горная цепь в Центральной Азии, одна из самых высоких на земном шаре. Название тюркское от слов *кара* (قارا) — «черный» и *корум* (قوروم) — «каменная осыпь» и означает, следовательно, «черная каменная осыпь» — горы действительно скалисты и темны.

Кафиристан — территория в восточной части Афганистана. Название — от арабского *кафир* (كافر) — «неверный» (т. е. немусульманин) и персидского *стан* (ستان) — «страна» и означает «страна неверных». В настоящее время переименована в *Нуристан* — «страну истины».

Куляб — город, центр одноименной области Таджикской ССР. Объяснение происхождения названия города мы нашли только в одном источнике — упоминавшейся уже работе Л. Ф. Костенко²⁹. Он переводит название города как «озерная вода», не указывая, однако, как филологически оправдывается такой перевод, но это нетрудно сделать за автора. Куляб образуется, очевидно, из двух слов: тюркского *куль* (كول) — «озеро» и персидского *аб* (آب) — «вода» и перевод его, таким образом, верен. Объясняется же это название тем, что город в старину был окружен болотами и разливами.

Лаккадивские острова — группа островов, расположенных в Аравийском море к западу от Индостана. Их современное название происходит

²⁶ «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2-е, т. 15, М., 1952, стр. 28.

²⁷ Н. И. Березин, *Географические имена...*, стр. 143.

²⁸ А. А. Жилинский, *Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния*, Петроград, 1919, стр. 72.

²⁹ Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край...*, стр. 203.

от их санскритского названия *лакша-двипа* (Lakscha dwipa), что значит «сто тысяч островов»: от *лакша* (lakscha) — «сто тысяч» и *двипа* (dwipa) — «остров». Это преувеличенное, без сомнения, название объясняется тем, что острова подразделяются на 15 групп, каждая из которых в свою очередь распадается на множество отдельных островков — получается, таким образом, впечатление, что перед нами бесчисленное множество островов³⁰.

Лобнор — крупное бессточное озеро в Синьцзяне, в Китае. Обычное объяснение названия озера в нашей литературе — «озеро Лоба» — древнего города, о котором упоминает Марко Поло. Однако Э. М. Мурзаев в одной из упоминавшихся уже его работ³¹ считает, со ссылкой на академика А. И. Соболевского³², что первая половина названия озера (*лоб*) происходит от древнего индоевропейского корня *alb* — «белый», а вторая (*нор*) есть монгольское слово со значением «озеро», и переводит название озера как «беловодное озеро». Объяснение это заслуживает внимания, но, чтобы принять его за окончательное, необходимы какие-то исторические данные, подтверждающие проникновение самого корня *alb* в Центральную Азию, а их автор не приводит.

Пролив Лонга и острова Де-Лонга. Пролив Лонга отделяет, как известно, остров Врангеля от материка Азии. Сравнительно недалеко от него находится группа островов Де-Лонга. И невольно кажется, что здесь ошибка: пролив тоже должен называться не просто Лонга, а с частицей *де*, т. е. пролив Де-Лонга: ведь *Де-Лонг* — известный американский мореплаватель, открывший в 1881 г. группу носящих его имя островов; почему же его имя в проливе пишут без «де»? И эту «ошибку» некоторые авторы смело «исправляют» (так, в частности, поступил М. С. Боднарский, о чем мы уже писали выше). В действительности, однако, никакой ошибки здесь нет и исправлять здесь поэтому нечего: пролив Лонга назван не в честь Де-Лонга, а совсем другого лица, никакого отношения к Де-Лонгу не имевшего и плававшего в водах Восточно-Сибирского моря ранее Де-Лонга — это был американский китобой *Томас Лонг*, подошедший в 1867 г. к острову Врангеля, частично его осмотревший и давший ему название; именно в честь этого Томаса Лонга пролив и носит его имя. Здесь мы имеем случайное совпадение, вводящее в заблуждение лиц, мало знакомых с историей географических открытий, а о случайном совпадении названий при объяснении географических имен, мы уже писали выше.

Тарим — река, одна из крупнейших среди рек внутреннего бассейна Центральной Азии. По новейшим данным³³, название реки происходит от монгольского слова *таря* «пашня» и означает, таким образом, «река земледельца». Не следует, однако, упускать из виду, что известный знаток и исследователь Центральной Азии М. В. Певцов понимал название реки иносказательно — «река-кормилица», так как она кормила обитателей своих берегов рыбою. Думается поэтому, что мнения М. В. Певцова и следует держаться при объяснении происхождения названия р. Тарим.

Тель-Авив — один из главных городов государства Израиль, бывший в 1948—1950 гг. его столицей. Город основан в 1909 г. и назван в память древнего Тель-Авива — населенного пункта в Вавилонии, где в VI в. до

³⁰ Н. И. Березин, *Географические имена...*, стр. 103.

³¹ Э. М. Мурзаев, *Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии*, стр. 182—183.

³² А. И. Соболевский, *Название рек и озер русского Севера* («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1927, т. 32), стр. 5; А. И. Соболевский, *Новые русско-скифские этюды* («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1926), т. 31, стр. 17.

³³ Д. Л. Арманд, Б. Ф. Добрынин, Ю. К. Ефремов, Л. Я. Зиман, Э. М. Мурзаев, Л. И. Спрыгина, *Зарубежная Азия. Физическая география*, М., 1956, стр. 197—198.

н. э. была колония переселенцев — евреев. Название *Тель-Авив* Еврейская энциклопедия³⁴ переводит как «холм зрелых колосьев», оговариваясь, впрочем, что название это соответствует ассирийскому *Тилль Абиби* — нарицательному имени, обозначающему вообще всякий холм, образованный для защиты от наводнения.

Ухань — город, один из крупнейших в Китайской Народной Республике. Его название происходит от первых слогов названий трех городов (Учана, Ханькоу и Ханьяна), от слияния которых город образовался, т. е. от слогов *у* (武) и *хань* (漢); этот последний слог одинаков у городов Ханькоу и Ханьяна и поэтому не повторяется — случай, довольно редкий в географических названиях.

Хан-Тенгри — горный массив и вершина в Восточном Тянь-Шане, на границе СССР и Китая. Название обычно переводят как «царь духов», и перевод этот широко известен, но тем не менее он неверен. Как совершенно справедливо указывает Э. М. Мурзаев³⁵, название Хан-Тенгри монгольского происхождения и означает «царь небес» или «владелец неб», что отражает его положение как высшей точки гор.

Хубсугол — озеро в Монгольской Народной Республике, долго и неправильно называвшееся Косогол. По новейшим данным³⁶, озеро это носит сложное тюркское название *Коп-су-гол* (كۆپ سۇ گول), что означает «многоводное озеро». С объяснением этим, думается, должно согласиться — оно соответствует природным особенностям озера и в то же время делает понятным его прежнее путанное название Косогол.

Цайдам — обширная полупустынная котловина в провинции Цинхай в Китае. Как утверждает уже указанный коллективный труд московских авторов³⁷, название Цайдам — тибетского происхождения, но прочно вошло в монгольский язык и означает «солончак» (от *цай* или *цва* — «соль» и *дам* — «грязь») — объяснение, не вызывающее сомнений в отношении своей правильности.

Эктаг-Алтай — одна из горных систем Центральной Азии, иначе называемая Монгольским Алтаем. Смысловое значение второй половины названия (*Алтай*) общеизвестно; что касается слова *Эктаг*, то оно представляет собою несколько испорченное тюркское слово *актаг* (آق تاغ), что означает «белогорный»; кажущееся непонятным название Эктаг-Алтай означает, следовательно, Белогорный Алтай.

Янцзыцзян — крупнейшая река Китая и одна из крупнейших рек земного шара. Название этой реки в нашей литературе часто переводят как «сын океана», хотя никаких оснований для этого нет; нет оснований и для другого, частого в нашей дореволюционной литературе «перевода» — Голубая река: это название дано французами и никакого отношения к китайскому названию реки не имеет. Название реки, как совершенно справедливо указывает В. Т. Зайчиков³⁸, происходит от имени древнего города *Янчжоу* (揚州), расположенного у места впадения Великого канала в эту реку; слово *цзян* (江) по-китайски, как известно, означает река. Город же Янчжоу в свою очередь получил свое название от древней провинции Ян, одним из городов которой он являлся.

Отметим, что в самом Китае именем Янцзыцзян, которое европейцы распространили на всю реку, называют только нижнее течение реки,

³⁴ «Еврейская энциклопедия», т. 14, СПб. [Б. г.], стлб. 795.

³⁵ Э. М. Мурзаев, *К географической терминологии и номенклатуре киргиз Тянь-Шаня*, стр. 321.

³⁶ Д. Л. Арманд, Б. Ф. Добрынин и др., *Зарубежная Азия...*, стр. 198.

³⁷ Там же, стр. 280.

³⁸ В. Т. Зайчиков, *Путешественники древнего Китая и географические исследования Китайской Народной Республике*, М., 1955, стр. 80.

остальные ее части носят другие названия, а река в целом называется *Чанцзян*, что означает «длинная река». Распространение европейцами названия нижнего течения реки на все ее течение в целом объясняется тем, что они начали свое знакомство с рекой с ее устья.

Отметим также, что происхождение названия реки от имени города — явление нередкое в географических названиях; как на общеизвестный пример, можно сослаться хотя бы на название реки *Аму-Дарья* — оно происходит от имени древнего города *Амуля*.

Заканчивая статью, нам хочется остановиться на одном географическом названии, вызывающем путаницу в нашей литературе. Это — *Памир*. Обычный перевод его названия, попавший даже во многие школьные учебники географии, — «крыша мира». Но этот перевод относится не к слову *Памир*, а к названию *Бам-и-дунья*, с которым отождествляют *Памир*, само же это слово остается необъясненным. Переводят у нас название *Памира* и как «подножие смерти», но и этот перевод, опять-таки, относится не к слову *Памир*, а к названию *По-и-мор*, с которым отождествляют *Памир*, снова оставляя самое слово *Памир* без объяснения. Н. Г. Маллицкий в указанной уже его работе³⁹ производит название *Памир* от его официального названия в афганской переписке *Па-и-мирх* (или *По-и-мирх*) и переводит его «подножие Митра» (бога солнца у древних иранцев) со смыслом «страна, за которой восходит солнце». Д. М. Затуловский (известный советский альпинист), со ссылкой на английский источник, переводит название *Памир* как «подножие гор», не давая, однако, при этом достаточного филологического обоснования своему переводу⁴⁰.

В литературе существует, наконец, мнение, что слово *памир* есть вообще нарицательный географический термин, применяемый в прилегающих к Памиру территориях ко всякой горе и приобретший на Памире значение собственного имени. Уже одно обилие столь различных объяснений, существующих в литературе для расшифровки названия *Памир*, показывает, что вопрос нельзя еще считать разрешенным и что его разрешение — это дело будущего, будем надеяться, недалекого.

---

³⁹ Н. Г. Маллицкий, *О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии*, стр. 278.

⁴⁰ Д. М. Затуловский, *Среди снегов и скал (В горах Памира и Центрального Тянь-Шаня)*, М., 1957, стр. 99.

**В. В. Струве, В. А. Ромодин, З. И. Горбачева, Б. А. Вальская,
И. В. Сахаров, Т. К. Шафрановская, и В. В. Перцмахер**

**А. В. КОРОЛЕВ, *Зарубежная
Азия, Хрестоматия, пособие для учителя.***

М., Учпедгиз, 1957, 260 стр., с илл. и картами, тираж 25 тыс. экз.,
цена 5 р. 95 к.

За последнее время наша литература по географии Азии пополнилась рядом интересных работ: переведен на русский язык труд известного французского географа Пьера Гуру «Азия»¹, опубликована большая книга «Зарубежная Азия», написанная коллективом московских географов². Однако возрастающий интерес советских людей к странам и народам этого величайшего континента удовлетворяется еще далеко не полностью.

В этой связи можно приветствовать выход в свет книги А. В. Королева, которая содержит ряд отдельных очерков о природе, населении и хозяйстве многих стран Азии. Эти очерки проникнуты глубоким уважением к народам Азии — их культуре, богатому историческому прошлому и самоотверженной борьбе за лучшее будущее.

Благодаря обширной эрудиции автора, являющегося одновременно географом, историком и филологом, его художественному стилю и красочному изложению, эта книга не только ценна как пособие для учителей, на которых она рассчитана, но и весьма полезна для всех читателей, интересующихся зарубежным Востоком.

При оценке книги А. В. Королева важно выяснить, насколько удачно в ней показаны наиболее существенные особенности отдельных частей зарубежной Азии. Ведь задача такого рода книги состоит в том, чтобы обратить внимание учителей и учащихся на своеобразие природных, экономических, политических и исторических черт целого ряда стран. Об этом в учебниках географии часто говорится очень кратко и сухо. Между тем весьма важно фиксировать внимание учащихся на взаимосвязях, существующих между природными условиями и особенностями хозяйства и быта населения различных государств и районов. И притом очень желательно, чтобы все эти трудные вопросы были изложены в занимательной форме. Учебник, размеры которого ограничены программой, часто не мо-

---

¹ Пьер Гуру, *Азия*, М., 1956, 466 стр., илл. и карты.

² Д. Л. Арманд, Б. Ф. Добрынин, Ю. К. Ефремов, Л. Я. Зиман, Э. М. Мурзаев, Л. И. Спрыгина, *Зарубежная Азия, Физическая география*, М., 1956, 608 стр., илл. и карты.

жет выполнить этой задачи. Ее удачно решает книга А. В. Королева, расширяющая рамки учебника.

Книга начинается с главы, в которой ярко показаны заслуги русских и советских путешественников и ученых востоковедов в изучении зарубежной Азии. Должным образом отмечены успехи советских исследователей: В. А. Обручева, П. К. Козлова, В. М. Алексеева, В. Л. Комарова, Е. Н. Павловского, И. Ю. Крачковского, П. Ж. Жуковского и (в главе о Тибетском нагорье) геолога-путешественника В. М. Синицина.

Читатель мысленно следует по путям, проложенным путешественниками и исследователями. Это делает изучение далеких и малоизвестных стран близким и понятным. Хорошо написанная первая глава как бы цементирует всю книгу и придает ей удачное общее направление.

Привлекает внимание очерк о природе Малой Азии и Турецкой Армении. Здесь приводится полезное сравнение Малой Азии со всем континентом, которое можно с успехом применять в педагогической практике. Малая Азия, как писал еще Чихачев, «является как бы Азией в миниатюре, и ее физико-географические особенности повторяют Азию в целом, особенно ее южные, центральные и восточные части»³.

Глава «Красное море и Персидский залив» написана образно и занимательно. Она дает в руки учителя множество интересных сведений, которые помогут оживить урок и пробудить у молодого поколения любознательность. То же самое можно сказать о главах «Аравийский полуостров», «Климат и растительность Ирана», «Афганистан, его природа и население».

В разделах, посвященных Индии, содержится большой и интересный материал. Очень содержательны главы: «Муссоны Индийского океана и их влияние на климат Индии», «Гималайские горы», «Попытки англичан штурмовать Джомолунгму (Эверест)», «Взятие Джомолунгмы в 1953 г.». В этом разделе помещена также статья, посвященная проблеме «снежного человека», которой уже многие годы занимается автор.

Большое место в книге уделено Китаю. В главах о Китае не только помещены сведения по физической географии, но и сообщаются многочисленные весьма ценные данные о хозяйстве и населении страны.

Важная особенность излагаемого материала заключается в том, что он легко запоминается. Чувствуется, что материал для книги подбирал опытный педагог.

В книге уделено внимание и интересным археологическим раскопкам в Китае. Сведения о них будут, несомненно, содействовать расширению кругозора учащихся. Не оставлен без внимания и такой знаменитый памятник Китая, как Великая китайская стена.

Автор приводит сведения о значении китайских географических названий и касается вопросов, связанных с особенностями китайского языка и реформой китайской письменности.

Автор правильно отмечает, что при наличии большой русской литературы, посвященной Китаю, до последнего времени, к сожалению, почти полностью отсутствовали переводы на русский язык китайских географических сочинений.

Большое место уделено преобразованию природы и гидротехническим сооружениям. Эти вопросы освещаются в главах: «Река Хуанхе и работы по ее преобразованию», «Обуздание реки Хуайхе и восстановление великого канала», «На великой китайской реке». Автор останавливается также на проблеме районирования Китая и рассказывает о новом облике городов этой страны. Большие районы Китая описаны в очерках: «Крас-

---

³ А. В. Королев, *Зарубежная Азия*, М., 1957, стр. 22.

ный бассейн и автономный горный округ Аба провинции Сычуань», «Лесовая страна», «Тибетское нагорье».

В книге ярко охарактеризована помощь Китаю со стороны Советского Союза и дружба этих двух великих держав.

Книга очень хорошо иллюстрирована фотографиями и картами. Они будут содействовать усилению наглядности в преподавании географии и вызовут признательность многих читателей автору, который затратил большой труд на подбор иллюстраций.

Считаем необходимым остановиться на заглавии книги. Она названа «Зарубежная Азия. Хрестоматия, пособие для учителя». Нам представляется, что слово «хрестоматия» вводит в заблуждение читателя, так как книга написана одним автором в виде очерков. Общепринятое понятие «хрестоматия» не соответствует истинному характеру книги.

В заключение следует отметить, что в книге вопреки желанию автора издательством, старавшимся уменьшить объем книги, были полностью «сокращены» в ущерб ее качеству такие, например, очерки, как «Пакистан», «Южно-Китайское море». В других очерках произведены сокращения иногда также в ущерб содержанию, например в очерке об Афганистане.

Учитывая незначительный тираж книги и потребность в сводных работах по Азии, которая ощущается читателями различных категорий, необходимо переиздать книгу в более полном виде. При переиздании автору следует исправить некоторые неточности и опечатки, вкравшиеся в книгу.

З. К. Виноградова

Б. А. ВАЛЬСКАЯ, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*

М., Географгиз, 1956, 200 стр., тираж 10 тыс. экз., цена 3 р. 45 к.

До настоящего времени в нашем книжном фонде отсутствовала научная биография нашего замечательного соотечественника, человека высокой моральной чистоты — Егора Петровича Ковалевского (1809—1868). С выходом в свет книги Б. А. Вальской этот существенный пробел восполняется.

Глубокое изучение обширных архивных материалов, документов и печатных трудов Ковалевского помогло автору создать живой образ «неутомимого путешественника, талантливого писателя, видного дипломата и почетного академика, крупного горного инженера», отстаивавшего в условиях царского режима и в печати и перед правительственными учреждениями права угнетенных народов.

Книга написана живо и правдиво, читается с нарастающим интересом. Автор ведет читателя вслед за Е. П. Ковалевским по трудным путям и дорогам в далекие края, где усилиями Ковалевского не только проводились исследования природы, но и закладывались дружеские, миролюбивые связи народов России со славянскими народами Балканского полуострова, с народами могучего Китая, Монголии, Индии, Египта, Судана, Афганистана и других стран.

В начале книги автор показывает, как из молодого Ковалевского после окончания университета, за несколько лет практической деятельности на алтайских заводах, а затем на уральских предприятиях выковался выдающийся горный инженер.

Далее автор в хронологическом порядке рассматривает экспедиции Егора Петровича. С большим интересом читаются страницы о его путешествии в Черногорию и другие славянские страны, о путешествиях, полных опасностей и лишений в Среднюю Азию и Казахстан.

Значительная часть книги посвящена экспедиции в Восточную Африку. На основании архивных материалов сообщаются интересные подробности о пребывании и обучении в России двух египетских горных инженеров и их дружбе с Ковалевским. Убедительно показана основательность подготовки и оснащения экспедиции в Африку с привлечением ряда видных ученых России.

Показана миролюбивая, дружеская направленность экспедиции по отношению к Египетскому государству: экспедиция Ковалевского пресле-

довала в первую очередь цель оказать помощь Египту в поисках золота и организации золотопромысла. Вальская правильно подчеркивает, что в осуществлении африканской экспедиции, связанной с огромными трудностями, Ковалевский не только проявил большие организаторские способности, подлинное практическое знание горного дела, но и предстал как страстный, смелый исследователь африканского населения.

Важно отметить, что в рецензируемой книге очень поучительно рассказывается об отношении русской научной общественности, читающей публики и царских чиновников к яркому и правдивому сочинению Ковалевского «Путешествие во Внутреннюю Африку».

Так же увлекательно, глубоко и обстоятельно знакомит нас автор с существенными результатами путешествий Ковалевского в Монголию и Китай.

Автор умело и ярко раскрывает ранее совершенно неизвестные связи Е. П. Ковалевского с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Некрасовым и другими передовыми русскими людьми. Из книги Вальской мы узнаем об оказании Ковалевским действенной помощи передовой студенческой молодежи, которую царизм подверг жестоким репрессиям в бурные 60-е годы прошлого века...

После прочтения книги становится понятной глубина утверждения одного из современников путешественника, что такие личности, как Ковалевский, «редки во все времена, а потому уважение к ним и ближайшее ознакомление с их деятельностью можно вменить в долг обществу».

Ценным в книге Вальской является и то, что в ней воспроизводятся на хорошей бумаге карты Черногории, Восточного Судана и Абиссинии, составленные самим Е. П. Ковалевским. В конце книги приводятся списки печатных трудов Е. П. Ковалевского и литературы о нем.

Рецензируемая книга обладает важным достоинством. Ее с большим интересом прочтет и специалист — придирчивый ученый, и неискушенный рядовой читатель. Каждый будет по своему удовлетворен. Первый поблагодарит автора за ту бережность, с какой он обращается с рукописными и печатными материалами нашего выдающегося соотечественника, не допуская в книге фальши, искажающей дорогой образ. Второй поблагодарит за полученное удовольствие от чтения книги и серьезное расширение своего кругозора.

Хотелось бы пожелать автору переиздать данную книгу с более полным использованием явно известных автору архивных материалов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН— Архив Академии наук СССР
- АВПР— Архив внешней политики России
- АН СССР— Академия наук СССР
- АРГО— Архив Географического общества Союза ССР
- ВРГО— Вестник Русского Географического общества
- ГИАЛО— Государственный исторический архив Ленинградской области
- ЖМНП— Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОРАО— Записки Восточного отдела Русского Археологического общества
- Зап. СОРГО— Записки Сибирского отдела Русского Географического общества
- ЗРГО— Записки Русского Географического общества
- ИВАН— Институт востоковедения Академии наук СССР
- ИВГО— Известия Всесоюзного Географического общества
- ИРГО— Известия Русского Географического общества
- ЛО ИВАН— Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
- МИТТ— Материалы по истории туркмен и Туркмении
- МГУ— Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова
- ТВОРАО— Труды Восточного отдела Русского Археологического общества
- ЦГАВМФ— Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР
- ЦГИА— Центральный государственный исторический архив СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>И. В. Сахаров</i> . Новое административное деление Индии	5
<i>Э. А. Лалайц</i> . Население острова Ява	30
<i>Ю. Д. Дмитриевский</i> . Река Оранжевая и водные проблемы Южно-Африканского Союза	48
<i>Ю. Д. Дмитриевский</i> . Проект гидростроительства на реке Вольте в государстве Гана	61
<i>И. В. Сахаров</i> . Природные условия и ресурсы Бихара и Западной Бенгалии и их хозяйственная оценка	66
<i>В. А. Ромодин</i> . Дир и Сват	110
<i>Б. А. Вальская</i> . Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая	130
<i>А. М. Любарская</i> . Русские путешественники и моряки на строительстве Суэцкого канала	148
<i>Т. А. Шумовский</i> . Арабское мореплавание до ислама.	162
<i>В. М. Штейн</i> . О возникновении первых экономико-географических представлений и описаний у китайцев.	194
<i>Е. И. Кычанов</i> . Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина	204
<i>В. Н. Горегляд</i> . «Удивительные сведения об окружающих морях» — японская рукопись начала XIX в.	213
<i>М. И. Казанин</i> . Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова.	229
<i>Ю. Э. Брегель</i> . Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в.	242
<i>Н. А. Петров</i> . Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в.	257
<i>Б. А. Вальская</i> . Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в.	263
<i>З. И. Горбачева</i> . Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР	286
<i>Т. К. Шафрановская и К. И. Шафрановский</i> . Приобретение в начале XVIII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом	295
<i>Л. Н. Меньшиков</i> . Китайские коллекции академика В. М. Алексеева	302
<i>В. С. Стариков</i> . Современная северо-китайская глиняная игрушка	314
<i>И. Я. Слоним</i> . О происхождении некоторых географических названий Азии	336
<i>В. В. Струве и др.</i> А. В. Королев. Зарубежная Азия. М. 1957.	348
<i>З. К. Виноградова</i> . Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.	351
Список сокращений	353

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА
ВЫПУСК I
(география, этнография, история)

•

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества Союза ССР
Академии наук СССР*

•

Редактор издательства *Г. В. Яников*
Художник *Н. Ю. Гитман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректоры *А. Г. Григорьева, Е. А. Мамиконян и В. Д. Светова*

•

Сдано в набор 7/V 1959 г.
Подписано к печати 6/VIII 1959 г.
Т-09150. Формат 70×108¹/₁₆ Печ. л. 22,25
Усл. п. л. 30,48. Уч.-изд. л. 31,35.
Тираж 1700 экз. Зак. 1147.
Цена 20 р. 80 к.

•

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

Исправление

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По вине
96	3 св.	тропические со- сновые леса; 6 — сырые умеренные леса; 7 — влаж- ные умеренные леса;	1 — тропические влажные опадаю- щие леса; 2 — тро- пические сухие опадающие леса;	Тип.

„Страны и народы Востока“

